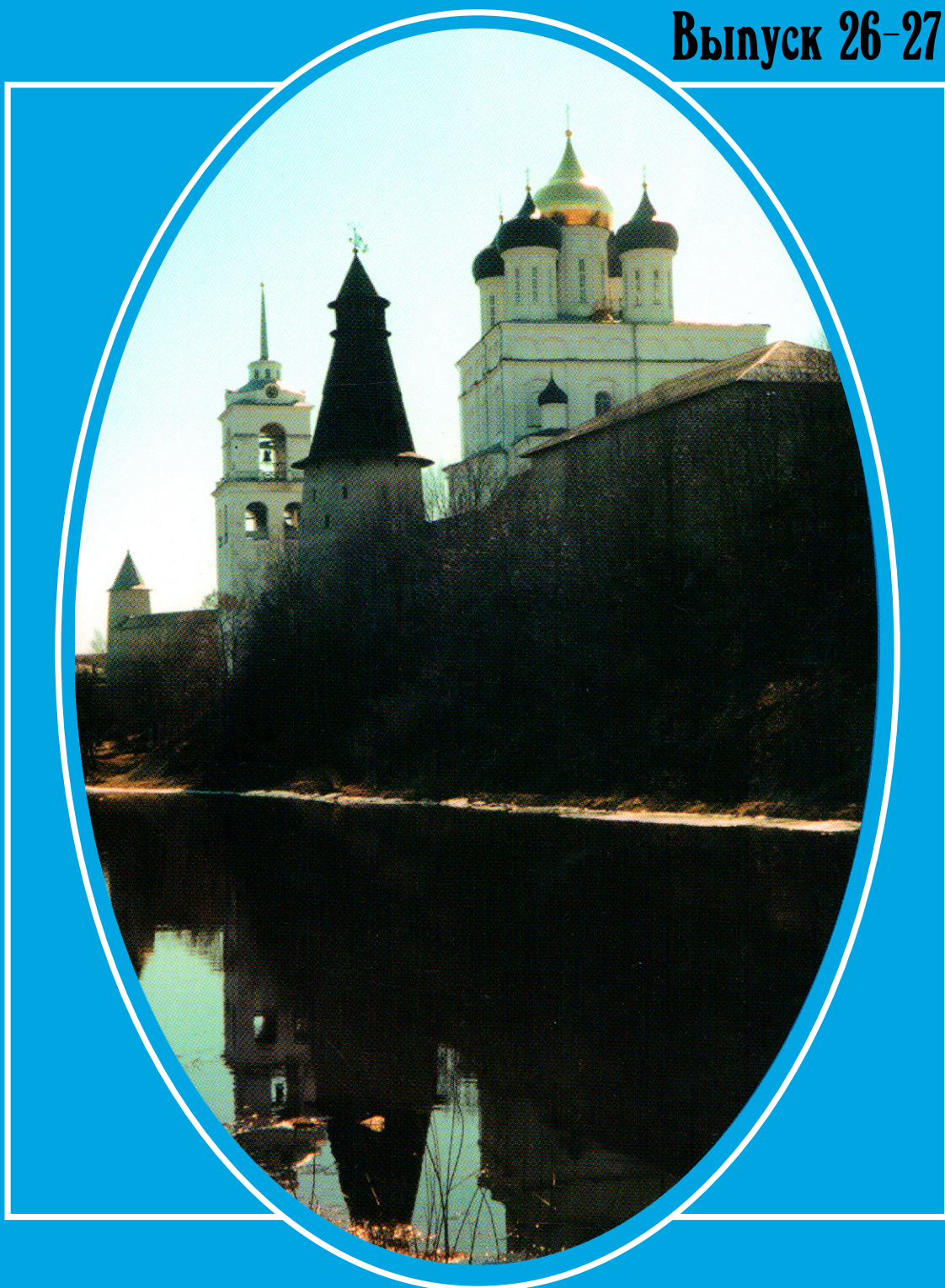

Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 26-27

*Протоиерей Кирилл Зайц
начальник Православной Псковской миссии*

К 60-летию основания Псковской Православной миссии

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

Главный редактор

*Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*

Редактор И.В. Попов

Выпуск 26-27

СОДЕРЖАНИЕ

Псковская Православная миссия. <i>Похвальное слово русским миссионерам</i>	3
Синодик Псковской Миссии	8
Приходы Псковской Миссии	53

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

<i>Прот. Кирилл Зайц. Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины</i>	63
---	----

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

<i>Прп. Фалассий. Сотницы</i>	85
-------------------------------------	----

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

<i>Архимандрит Виктор (Мамонтов). Пустынный житель.</i> <i>Схиархимандрит Косма (Смирнов)</i>	90
<i>М.В. Шкаровский. Служение протоиерея Алексия Кибардина в годы войны</i>	107
<i>И.В. Попов. Пастырь из Ложголова. Протоиерей Николай Недремский</i>	113

ПРОПОВЕДЬ

<i>Архиеп. Павел (Дмитровский). Бодрствуйте, стойте в вере</i>	117
<i>Прот. Кирилл Зайц. Христос – лоза, мы – ветви. Духа не угашайте. Веротерпимость</i>	119

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

<i>М.В. Шкаровский. Митрополит Сергей (Воскресенский) и его служение</i> <i>в Прибалтике и на Северо-Западе России в 1941–1945</i>	122
<i>Прот. Михаил Женочин. Миссионер протоиерей Иоанн Легкий</i>	140
<i>Свящ. Михаил Груздев. Протоиерей Владимир Ирадионов</i>	146

НАШИ ХРАМЫ

<i>М.Ю. Мещанинов. Храмы Красного Села и его окрестностей</i>	156
---	-----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

<i>О.А. Калкин. Игумен Павел (Горшков), наместник Псково-Печерского монастыря</i>	173
<i>Свящ. Михаил (Груздев). Мученик иерей Феодор Тонковид</i>	187

БЫЛОЕ

<i>Архим. Кирилл (Начис). Народ жаждал молиться, жаждал покаяния...</i> <i>(Служение в приходах Северо-Запада в годы войны)</i>	192
<i>Р.И. Рацевич. Воспоминания о Псковской миссии</i>	204
<i>Архим. Алексей (Чернай). Пастырь в годы войны</i>	211

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

<i>Свящ. Алексей Ионов. Записки миссионера</i>	228
<i>Прот. Георгий Бенигсен. Христос Победитель</i>	237
<i>Прот. Геннадий Тайлов. Воспоминания</i>	243
<i>Р.В. Полчанинов. Псковское содружество молодежи при Православной миссии</i>	251

На 1-й и 4-й сторонах обложки: Псков. Кром. Свято-Троицкий собор. Вырица. Храм Казанской иконы Божией Матери (в годы войны – Вырицкий Казанский прифронтовой собор). Интерьер

Редакция благодарит за предоставленные для этого выпуска журнала материалы и фотографии:
архим. Виктора (Мамонтова) (Карсава, Латвия), наместника Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архим. Тихона и братию обители, свящ. Андрея Голикова (Рига), прот. Михаила Женочина (Гдов), М.Ю. Мещанинова (С.-Петербург, Колпино), К.П. Обозного (Псков), А.М. Лебедева (Псков), И.А. Карпушина и Г.К. Карпушину (Рига), Н. Колбановскую (С.-Петербург), Д.И. Трубецкого (Латвия), В. Клинтсона (Латвия), И.С. Арефьеву (Вильнюс, Литва), Л.З. Виногорову (Гродно, Белоруссия)

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса

Корректор Г.В. Шкатова. Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин. Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова

Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д. 1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@mail.rcom.ru

<http://www.mitropolia-spb.ru/Vedomosty>

Подписано в печать 22.02.2002 Формат 60x90^{1/8}. Печ. л. 32 + вкл. Тираж 999. Заказ

ПСКОВСКАЯ МИССИЯ

Похвальное слово русским миссионерам

Благодатные результаты Псковской миссии оказались очень важны для послевоенного восстановления жизни Русской Православной Церкви. С благодарностью в сердце мы вспоминаем самоотверженное служение тружеников Миссии, к нашей глубокой скорби, для большинства их ревностные труды во славу Божию завершились трагическими репрессиями, обрушившимися на них...

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

«Православие в Эстонии»

До сих пор ни в России, ни за рубежом, не опубликован единый, цельный и основательный научно-исторический труд, который полностью был бы посвящен истории Псковской Православной миссии, действовавшей в годы Второй Мировой (Великой Отечественной) войны (1941-1944) на оккупированной немецкими войсками территории Северо-Западных епархий России: С.-Петербургской, Псковской и Новгородской, а также Прибалтики. Обычно служение Миссии рассматривается в контексте общего церковного возрождения в годы войны. Действительно, парадокс: трагические и кровавые годы войны и германской оккупации, антиславянской по своей сути, ознаменовались небывалым возрождением православной жизни в Западных Русских землях после двух десятилетий террора и господства воинствующего безбожия.

В 1950-1990-е годы за рубежом опубликованы воспоминания некоторых участников Миссии, к сожалению, до сих пор остающиеся практически недоступными православному читателю в России (прот. Алексия Ионова, прот. Георгия Бенигсена, Р.В. Полчанинова, П.Н. Жадана и др.), исследования (W. Alexeev & T. Stavrou, H. Fireside, W. Fletcher, О.П. Раевской-Хьюз, Д.В. Поспеловского, М.В. Назарова), посвященные этому периоду истории Русской Церкви, и содержащие некоторые сведения о церковной жизни Северо-Запада в годы войны и судьбе пастырей-миссионеров. В России в советское время публиковались (а порой публикуются даже в наши дни (!)) исключительно тенденциозные, не заслуживающие доверия брошюры и статьи (З.В. Балевиц, Я.Я. Веверс и др.). Только начиная с 1990-х гг. серьезные исследования и материалы, включающие объективные свидетельства о Псковской миссии, документы военных лет, увидели свет в России и Прибалтике. Сейчас появляется все больше публикаций и трудов, посвященных служению Псковской миссии в годы войны (свящ. Андрей Голиков. «Мартиролог мучеников и исповедников Северо-Запада России и Прибалтики (1940-1955 гг.)» в сборнике «Кровью убеленные», 1999 г.; прот. Владислав Цыпин. История Русской Церкви 1917-1997. 1997 г.; проф. А.А. Корнилов. Преображение России. Н. Новгород. 2000 г.; М.В. Шкаровский. В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941-1945 гг. Русское прошлое. Кн. 5, СПб, 1994; Петербургская епархия 1917-1945. СПб, 1995, и (его же) Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999 г.; А.К. Галкин, А.А. Бовкало. Новгородская епархия в годы оккупации (1941-1943). София. Новгород. 1995, Псковская Духовная миссия и монастыри на Северо-Западе России; Православный Свято-Тихоновский институт. Материалы ежегодной богословской конференции; К.П. Обозный. Псковская Православная миссия в 1941-1944 гг., журнал «Православная община», № 1-2 (55-56), 2000 г. В 2001 г. увидели свет воспоминания участников Миссии прот. Георгия Тайлова и Р.В. Полчанинова (см. в этом номере).

Быстрое возрождение церковной жизни на оккупированных германскими войсками территориях было явлением повсеместным и, как признают историки, сыграло значительную роль в изменении сталинской политики по отношению к Русской Православной Церкви во время войны, что давало надежды на дальнейшие политические изменения в стране. Однако, именно Псковская миссия оказалась самым крупным и самым хорошо организованным и принесшим многие добрые плоды движением священнослужителей, причетников и мирян, трудившихся во славу Божию на огромном пространстве Северо-Запада России. И потому самые славные и драматические страницы в истории этого церковного возрождения в России в годы войны принадлежат именно Псковской миссии. По мнению исследователей В. Алексеева и Ф. Ставру «в целом, по размаху и интенсивности, это религиозное возрождение может быть названо вторым крещением Руси».

Деятельность Миссии – исключительное явление церковной жизни периода оккупации. Псковская Православная миссия пришла в Северо-Западный край России, превращенный большевиками за 20 с лишним лет своего владычества в духовную пустыню, летом 1941 года и продолжала там свое самоотверженное служение

до зимы 1944 года. Инициатором создания Миссии был деятельный архипастырь – митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский), ставший в начале 1941 года также экзархом Латвии и Эстонии, и возглавлявший все епархии Православной Церкви в Прибалтике в годы войны, несмотря на то, что в этих двух республиках с началом немецкой оккупации края открыто проявили себя сторонники автокефалии. В условиях немецкой оккупации он сумел сохранить каноническое единство Прибалтийских епархий с Русской Православной Церковью.

Основу Псковской миссии составили русские священники из Рижской, а позже также Нарвской Эстонской епархий, – эмигранты, стремившиеся на помощь своей многострадальной родине. Примечательно, что Псковская миссия была и осталась единственной полномасштабной акцией, проведенной силами русской эмиграции в России.

Миссия была организована в чрезвычайных военных обстоятельствах, и это наложило отпечаток на характер ее деятельности. Священников, отправлявшихся в район Пскова, митрополит Сергей, придя к мысли о необходимости открытия Внешней, за пределами Латвии и Прибалтики, миссии, благословил выехать туда в августе 1941 г. вследствие настойчивых просьб местного населения о присылке духовенства из экзархата. Для миссионерского служения он избирал преимущественно «тех, кто помоложе», хотя среди миссионеров были и опытные пастыри. Ехали они туда не только в силу личного побуждения, но более в порядке церковной дисциплины, церковного послушания. Из приглашенных экзархом пастырей никто не отказался от участия в Миссии, от церковного служения в тех местах, «где годами не звучало Слово Божие, не совершались богослужения, где народ молился лишь «про себя», «сокровенно». Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по вере и по крови, наполняло сердца пастырей-миссионеров.

Первую группу миссионеров, прибывших в Псков, составили пятнадцать священников, в основном из Латвии, одним из них был отец Алексей Ионов: «Мы прибыли в Псков к вечеру 18 августа 1941 года, в канун праздника Преображения. В Троицком соборе только что окончилась служба, ее совершал на неделю раньше нас приехавший тоже из Латвии, священник. (Первый начальник Миссии, возглавлявший ее до декабря 1941 г. прот. Сергей Ефимов – им уже 14 августа 1941 г. был вновь освящен храм на погосте Елине Островского уезда, первый из возобновленных миссионерами на Северо-Западе; позже Миссию более двух лет возглавлял прот. Кирилл Зайц – *Ред.*). Народ, переполнивший громадный храм, молча, уже в полной темноте (все светильники гаснут от порывов ветра в разбитые окна собора) подходит к амвону. Там заканчивается помазание освященным елеем. Нормально это делается, как известно, в середине всеобщего бдения, но сейчас такая масса людей, что этот обряд продолжается и по окончании службы... На следующий день все наши миссионеры приняли участие в праздничной Божественной литургии. Опять многотысячная толпа наполняла Свято-Троицкий собор, но сейчас он весь залит солнечным светом. Праздник Преображения – радостный праздник, и все лица молящихся просветленные. Первая встреча с русским народом. И эта встреча – в храме».

Миссионеры, ожидавшие встретить в России пустыню в религиозном отношении, увидели там напряженную духовную жизнь, о которой не могли и предполагать за рубежом. И все это при полном отсутствии нормальной церковной жизни. Устроить, организовать приходскую жизнь и стало задачей миссионеров. «Как легко проповедовалось на Родине! Как жадно слушали там пастырей. Как благодарили, не утомлялись!» – вспоминал об этих днях один из них.

Во Пскове миссионеры безвыездно прожили не больше недели. Близкое общение с паствой вызывало просьбы православных христиан послужить в разных пригородных церквях, наспех отремонтированных самими же верующими. Узнав о пребывании Миссии во Пскове, стали появляться ходоки и из более отдаленных мест – просить священников в приходы. Наступило время разъездов и более широкого миссионерского служения на всей временно оккупированной территории Северо-Запада. Поруганные храмы восстанавливало само население своими силами и средствами. Церкви ремонтировались быстро. По воспоминаниям С.Д. Плескача, служившего в годы войны псаломщиком и регентом в Гдовском округе, «Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые, вышитые собственными руками полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника, и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне, и я чувствовал, что здесь люди искали утешение...» Из воспоминаний миссионеров: «На первых же богослужениях они (восстановленные храмы – *Ред.*) омывались слезами молящихся. С каким душевным волнением совершались эти богослужения. Надо было лично наблюдать эту стихийную устремленность русского народа к своему родному Православию, к своим родным святыням».

Так как Миссия находилась на территории России, в новооткрытых храмах за богослужениями поминали митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), в чьей епархии служили миссионеры. Это подчеркивало, что Миссия – часть Русской Церкви и снимало возможное недоверие к священникам, приехавшим из-за границы.

С немцами миссионерам приходилось считаться по принципу: из двух зол выбирай меньшее. «Что немцы – зло, никто из нас не сомневался. Ни у кого из нас не было, конечно, никаких симпатий к завоевателям «жизненного пространства» нашей родины. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим

братьям по вере и по крови, – вот что наполняло наши сердца», – такова была позиция миссионеров.

Выживание в условиях войны и оккупации было чудом – постоянные бомбардировки, постоянная опасность со стороны немецких властей, в первую зиму полуголодная жизнь, партизаны, многие из которых возглавлялись специально оставленными на оккупированной территории партийными работниками, и вследствие этого были настроены коммунистически. Один миссионер (свящ. Василий Рушанов – *Ред.*) был убит по дороге из района во Псков. Из воспоминаний прот. Алексия Ионова: «Лучшее время моего пастырства – время, проведенное в Псковской Миссии, хотя внешне оно протекала в самой суровой обстановке. Кругом партизаны. Встреча с ними – конец. Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне – значит, враги... Людей, исколотых штыками партизан, мы хоронили неоднократно...»

В Троицком кафедральном Псковском соборе богослужения совершались каждый день утром и вечером, и собор был всегда переполнен. К тому времени народом еще не было утрачено чувство церковного календаря и люди среднего возраста, даже если они не были на богослужении, помнили, какой праздник был в тот или иной день. Миссией была возобновлена традиция крестных ходов, в которых участвовало духовенство, хоры и народ из всех храмов Пскова. На Богоявление в январе 1942 года после богослужения крестные ходы (в которых принимало участие до десяти тысяч человек из 25 тысяч, проживавших во Пскове) из всех храмов города сошлись на Соборной площади и оттуда отправились к реке Великой, где было совершено освящение воды.

Самым значительным церковным событием была передача Церкви чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. Икона была спасена из горевшего храма в Тихвине при участии немецких солдат и передана Церкви немцами, которые постарались использовать передачу в пропагандистских целях. Крестные ходы из открытых к тому времени храмов сошлись к зданию, где помещалась немецкая комендатура, икону вынес немецкий чин в военной форме, ее приняли иподиаконы на сооруженные для этого случая специальные носилки и понесли крестным ходом в собор. На Соборной площади была воздвигнута платформа, на ней – аналой, куда водрузили икону. Прот. Георгий Бенигсен произнес проповедь, в которой с дерзновением, присущим молодости, говорил о подвиге св. Александра Невского, освободившего Псков и Новгород от иноземного нашествия. При отступлении из Пскова немецкие власти увезли икону в Ригу и передали на хранение архиепископу Рижскому Иоанну (Гарклавсу). (Позже чудотворный образ вывезен им в Чехословакию, оттуда – в Германию, а после войны – в США, где у его потомков, живущих в Чикаго пребывает по сей день – *Ред.*).

Богослужения в уцелевших в годы безбожия храмах возобновлялись по всей территории Северо-Запада. В иных оставшихся не разрушенными крохотных церквях не могли поместиться все желающие, поэтому не попавшие внутрь стояли во время богослужения у паперти и вокруг храма.

Прибывшие на место назначения священники в буквальном смысле слова увидели «мерзость запустения». Обширная территория от Петербурга до Опочки была превращена советской властью в церковную пустыню. Храмы были разрушены, поруганы, отданы под склады, мастерские, танцклубы, кинотеатры или архивы. Во всем районе действия Миссии оказалось лишь восемь действующих храмов – по одному во Пскове, Гдове и Новгороде и пять – в окрестностях С.-Петербурга, в то время как в одном только Пскове до революции их было 44. Несколько чудом уцелевших после репрессий, служивших на этих приходах священников, запуганных, душевно усталых и неподготовленных, никак не могли взять на себя труд организации церковной жизни нескольких сот тысяч человек. А духовный голод, жажда церковной молитвы, Таинств и проповеди остро ощущались повсеместно.

Миссия охватила эту огромную территорию от Пскова до С.-Петербурга (Ленинграда) и включала кроме Пскова, ставшего административным центром Миссии, Остров, Порхов, Опочку, Гдов, Лугу и Гатчину. На западе С.-Петербургской епархии таким центром миссионерства стала Нарва. Успех Миссии превзошел все ожидания. За время ее существования (с августа 1941 по февраль 1944) в огромной области, где к началу войны в июне 1941 года церковная жизнь фактически замерла, было открыто больше трехсот приходов (с учетом южной части Псковской епархии (б. Великолуцкой обл.) и Тверской епархии – более четырехсот), велась просветительная (катехизическая) и социальная (благотворительная) работа.

Деятельность Миссии охватывала самые различные сферы. После долгих лет атеистической жизни актуальной задачей стало крещение населения. В разных местах Северо-Запада крестили детей до 16-летнего возраста. Одновременно приводили по 25-30 и даже 100 детей. С августа по ноябрь 1941 г. один только священник крестил три с половиной тысячи детей. По свидетельству миссионеров, ими было крещены десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Крещение приходившей к вере молодежи сопровождалось воцерковлением и развитием катехизаторской деятельности. При многих храмах действовали воскресные церковные школы для детей, во Пскове существовал также детский приют.

В мае 1943 г. при Миссии был учрежден «Стол по распространению христианской культуры среди молодежи», был налажен выпуск еженедельных радиотрансляций Миссии. Церковный эфир охватывал значительную территорию, включая районы Острова, Порхова, станции Дно. «Мы делали все, что могли, – подводил итог деятельности миссионеров прот. Георгий Бенигсен. – Открыли сотни приходов, окрестили десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Открывали церковные приюты, детские сады и приходские школы. Вели огромных размеров катехизацию, несли проповедь Евангелия в каждый доступный нам уголок. Посильно несли труд социальной помощи. Вели подпольную работу с детьми и молодежью, организуя церковные союзы, содружества, сестричества и братства».

Важным делом священников-миссионеров стало окормление русских военнопленных. Бывшие солдаты и офицеры Красной армии, как известно, не попадали под действие Женевской конвенции 1929 г. о военнопленных, поскольку Советский Союз не стал подписывать в свое время эти документы. Советское правительство, кроме того, рассматривало всех попавших в плен военнослужащих как «предателей» и «изменников Родины». Отношение же со стороны оккупантов к военнопленным также было зачастую крайне жестоким и бесчеловечным, вследствие чего число заболеваний и смертность в лагерях были очень высокими. Поэтому добраться до военнопленных, поддержать их словом, утешить, убедить в том, что необходимо верить в помощь Божию и, уповая на эту помощь, выжить; исповедать их, причастить Святых Христовых Таин, если необходимо, то оглашать и крестить, а порой и совершать богослужения в лагерных условиях (в ряде лагерей удалось открыть храмы) – все это было первостепенной задачей и большим подвигом священников Миссии.

Деятельность Псковской Православной миссии постепенно разрасталась и продолжалась в общей сложности, два с половиной года. В августе 1941 г. в Псков приехали первые 15 священников из Латвии. Через год, к августу 1942 г. в Миссии насчитывалось уже 77 православных пастырей, которые обслуживали 200 приходов, а позднее к январю 1944 г. Миссия насчитывала уже 175 священников. (По данным составленного нами, вероятно еще далеко не полного, опубликованного ниже синодика Миссии, на Северо-Западе России в 1941-1944 гг. служило в общей сложности около 230 клириков (из них 27 из Латвии, 13 – из Эстонии, и более 190 – с территорий Северо-Западных областей России, – всего не менее 207 священников и 23 диаконов), а также 28 псаломщиков (из них 8 – из Латвии) и 9 мирян-миссионеров, всего с учетом монашествующих, не имевших сана, – более 60 человек. К 1944 г. на этих землях было открыто не менее 320 храмов. Кроме того, на юге Псковской епархии (б. Великолуцкая обл.) миссионерами было открыто 18, а на территории Тверской епархии еще 81 храм. То есть всего на Северо-Западе (без Принаровья, Печорского края и Пыталова) более 420 храмов, а с учетом же этих земель – более 470.).

Религиозная политика немцев на оккупированных территориях определялась, вероятно, несколькими соображениями: во-первых, дарованием религиозной свободы (в контрасте со сталинским террором) достигалась пропагандистская цель; во-вторых, ставилась цель умиротворения и получения симпатий местного населения; в-третьих, у Германии имелись православные союзники (Румыния, Болгария); в-четвертых, в Германии существовало т. н. «православное лобби» как из числа русских и остзейских немцев, русских эмигрантов, так и в самой немецкой среде. Жизнь всех религиозных общин (в том числе православных) как в самой Германии, так и на оккупированных ею землях контролировалась.

Однако, несмотря на жесткий административный и финансовый контроль за деятельностью Церкви (и, в частности, Миссии) со стороны германских властей (об этом, например, свидетельствует сводка СД от 6 ноября 1942 г., подробно информировавшая берлинское руководство о юридическом и финансовом положении Миссии), руководству экзархата за два с половиной года удалось достичь многого. Православная Псковская миссия не стала орудием контроля над русскими людьми, но, напротив, возвращая их к Церкви, укрепляла и поддерживала в условиях оккупации. Оккупационные власти признали руководство деятельностью миссионеров со стороны экзарха митр. Сергия. Именно Миссия, а не какой-либо административный светский орган, отвечала за каноническую проверку духовенства и его политическую деятельность. Миссия признавалась частью Русской Православной Церкви, а не автономной церковной структурой – это было важным достижением экзарха в борьбе за независимость русских православных приходов. Экзарх митр. Сергий смог добиться того, чтобы приходы и церковные предприятия (свечные заводы и пр.) на Северо-Западе освобождались от налогов и 10% доходов приходских церквей переводились в центр Миссии в Пскове. (Финансировалась работа Миссии исключительно пожертвованиями верующих, священники-миссионеры никакого жалования не получали). И, наконец, миссионеры имели право посылать кандидатов в священники в Экзархат для хиротонии и обучения в семинариях Риги и Вильно. Православные Церкви в Прибалтике и Польше оказывали Миссии некоторую помощь: из Риги присылались церковные облачения и богослужебные книги, собирались продукты. Православная Церковь в Польше помогала книгами. Но помощь, как и контакты с Ригой, не были регулярными.

С ростом Миссии ухудшались отношения митрополита Сергия с немцами, такой успех в их расчеты не входил. Весной 1944 г., когда советские войска стояли уже на границах Прибалтики, а кое-где и перешли их, многим был ясен исход войны, окончание ее (явно не в пользу Германии) было лишь вопросом времени, – 28 апреля 1944 года экзарх митрополит Сергий был убит. Машина, в которой он ехал по пути из Вильнюса в Ригу, была расстреляна на шоссе близ Ковно людьми в немецкой военной форме. С ним были убиты его шофер и двое сопровождавших. Расследование было крайне поверхностным. Официально было объявлено, что митрополит был убит партизанами, однако официальные документы немецкого министерства, занимавшегося вопросами Церкви в оккупированных областях, по мнению исследователей, скорее свидетельствуют об убийстве его агентами гестапо. Произошедшие события и трагическая гибель экзарха показали, «что даже епископ, сформировавшийся в советское время, при определенных условиях способен идти не только на риск, но и на мученичество за православную веру и Россию».

Осенью 1944 года началось восстановление советской власти в Прибалтике и жизнь сотрудников Миссии вступила в новый этап – мученический. Все они, кроме нескольких, ушедших на Запад, были арестованы орга-

нами НКВД. Им инкриминировалось «сотрудничество с оккупационными властями». В то время на территориях, не бывших в оккупации, шло массовое открытие церквей. Вторая Мировая война явила миру тактическую гибкость коммунистической власти не только в сфере международных отношений, но и в религиозной политике. Были освобождены многие обреченные на уничтожение священники. Но вскоре в советские концлагеря пришла новая плеяда православных мучеников – сотрудники Псковской миссии. Многие из них погибли, те же, кто дожил до освобождения, вернулись в родные места, где возобновили свое служение.

Один из участников Миссии закончил свои воспоминания надеждой, что история Миссии станет известна русским людям в России: «Миссия закончила свою деятельность в Псковском краю в феврале 1944 года. Все оставшиеся в Прибалтике миссионеры большевиками были арестованы и сосланы в Сибирь на верную смерть. Это мученики Миссии. Своим подвигом они свидетельствуют всему миру, что Миссия творила подлинно церковное дело. Не сомневаюсь, что деятельность Православной миссии в северо-западных областях России в свое время будет отмечена и на страницах будущей истории Русской Церкви».

Псковская Православная миссия оказалась единственной хорошо организованной группой священников, действовавшей на оккупированной немцами территории России. На Украине, в Белоруссии, в центральных русских областях церковная жизнь возродилась в традиционных формах епархий, приходов и монастырей. Только Северо-Запад России дал яркий пример организованного в Миссию апостольского служения. Русские священники, находясь под угрозой нацистского или партизанского преследования, сумели за период 1941-1944 г. вернуть к церковной жизни десятки тысяч людей. Это было возвращение народа к своим национальным и духовным истокам. Вопреки неудовольствию и скрытому сопротивлению германских оккупационных властей псковские миссионеры сумели дать людям чувство горячей веры и надежду на преодоление земных скорбей во имя обретения жизни Вечной.

Как наследие Миссии на территории Северо-Запада России, все послевоенное время, оставались действующими от половины до трети из открытых миссионерами в годы войны более трехсот храмов (от трети до половины из них были закрыты сразу после войны и в 1960-х, в годы хрущевских гонений – *Ред.*), вместо восьми довоенных, чудом оставшихся незакрытыми к 1941 г. храмов. Развитие церковной жизни после войны в восточной части Северо-Западных епархий не оставляет иллюзий (из десятков просьб верующих и общин об открытии храмов в 1944-1948 гг. удовлетворялись лишь единичные, например, в С.-Петербургской епархии были открыты 4 храма в С.-Петербурге и 4 – на востоке области. Позже, к концу 1940-х гг., процесс возвращения храмов верующим полностью прекратился). Если бы не было Псковской миссии, в западной части трех епархий Северо-Запада была бы такая же картина. В С.-Петербургской епархии из 117 (включая Принаровье) действовавших в годы войны (к 1944 г.) храмов на той же территории к 1950 г. оставались действующими лишь 36, в 1950-1960-х гг. их число сократилось и составляло до конца 1980-х гг. 23 храма. На территории Псковской епархии (включая Печорский край и Пыталово, но без б. Великолуцкой обл.) из 183 (в 1944 г.) к 1950 г. действовало 97, а в Новгородской епархии из 55 – 30. (Позже, в 1950-1960-х гг., так же как и в С.-Петербургской епархии, число их сократилось). До 1980-х гг. по отмеченным на карте действующим храмам можно было видеть, где во время войны проходила линия фронта. К тому же даже открытие немногих храмов в восточной части С.-Петербургской и Новгородской епархий (как и в лежащих далее к востоку районах России) стало возможным во многом лишь благодаря оживлению духовной жизни в годы войны по другую сторону фронта.

Многие из священников-миссионеров после войны были репрессированы советскими органами власти и либо уничтожены, либо приговорены к длительным срокам пребывания в концлагерях СССР. Своим мученичеством эти пастыри засвидетельствовали свою верность Христу. Другая же часть священства ушла на Запад и там продолжала окормлять русских эмигрантов послевоенного исхода (второй волны). Поэтому деятельность псковских миссионеров – подвиг, нашедший свое особое место в современной отечественной истории, подвиг, который, надеемся, по достоинству оценят благодарные потомки.

Ждут своего часа еще неизвестные и, верим в это, сохранившиеся в рукописях, в частных и ведомственных архивах воспоминания участников Миссии. В этом номере, почти полностью посвященном Псковской Православной миссии, вниманию читателей предлагаются именно такие редкие, малоизвестные и неопубликованные воспоминания, материалы и исследования, впервые публикуется синодик духовенства, служившего в годы войны на приходах Северо-Запада и список этих приходов.

СИНОДИК ПСКОВСКОЙ МИССИИ

О новии страстотерпцы, иже подвиг противу злобы безбожных подъяша, веру Христову яко щит пред ученими мира сего держаще и нам образ терпения и злострадания достойно являюще...

...Егда оскудеваше вера, укрепляете ю исповеданием вашим, егда изсякаше любви, любви ради ко Христу дасте себе на муки и смерть, егда колебашесь надежда, утверждаете ю вашим упованием на Бога, Егоже молитве, да укрепит в нас веру, надежду и любовь.

СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛИ

ЕПИСКОПАТ

Митрополит СЕРГИЙ (Воскресенский), Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии

Род. 26.10.1897. В миру Воскресенский Дмитрий Николаевич. В 1907–1917 учился в Московском Духовном училище, окончил Духовную семинарию, Духовную академию. 1918–1922 на гражданской работе. В 1920–1923 учился в Московском университете, исключен как «чуждый элемент» и арестован за антисоветскую пропаганду. С 1925 – монах Данилова монастыря в Москве. В 1930 – настоятель собора в Орехово-Зуево. С 1931 – редактор «Журнала Московской Патриархии». С 16.10.1933 – епископ Коломенский, 1934–1935 – епископ Бронницкий, 1936 – епископ Дмитровский, с 1937 – архиепископ, управляющий делами Патриархии. С марта 1941 – митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии. В июле 1941 по его инициативе была основана Внутренняя Православная миссия в Латвии и Литве, с августа 1941 – Псковская Православная миссия, объединившая более 400 приходов Северо-Запада России, действовавшая до февраля 1944. Убит неизвестными, одетыми в немецкую военную форму на шоссе Вильно – Рига 28.04.1944. Похоронен в Риге на Покровском кладбище. Подробнее см. стр. 122.

Архиепископ ПАВЕЛ (Дмитровский), Нарвский

Род. 15.01.1872 в с. Малая Белозерка близ Мелитополя Таврической губ. в семье диакона. В миру – Павел Григорьевич Дмитровский. В 1894 окончил Таврическую Духовную семинарию. Рукоположен 5.05.1896 в сан диакона, 06.05.1896 – в сан священника. С 1896 служил в приходах Таврической и С.-Петербургской епархий, законоучитель. В 1908–1911 – вольнослушатель С.-Петербургской Духовной академии. С 1911 по 1914 – священник в с. Ивановское Ямбургского уезда С.-Петербургской губернии. Потерял при трагических обстоятельствах дочь, овдовел. С началом Первой Мировой войны был назначен военным священником. С 25.04.1915 – судовой священник Балтийского флота, в те же годы состоял законоучителем Кронштадтской школы юнг. Служил на госпитальном судне «Николаев» (в 1905–1917 и после 1918 – учебное судно). После событий 1917, согласно желанию всей команды (1200 человек), был оставлен на корабле, как пользовавшийся особым уважением и любовью. Ушел с военного флота по собственному желанию ввиду предстоящей ликвидации корабля. Уволен от должности корабельного священника учебного судна «Народоволец» (так 3.06.1917 был переименован «Николаев») 8.08.1918. В июле – августе 1919 – служил в Нарве в Кренгольмской Воскресенской церкви (ныне – Нарвский Воскресенский собор). Затем, с 01.09.1919 – второй священник Нарвского Спасо-Преображенского собора. В 1919 – 1930 – законоучитель Нарвских эмигрантских средних курсов (гимназии). Активно участвовал в общественной жизни Нарвы, являясь руководителем местного Русского студенческого христианского движения. В момент церковной смуты по календарному вопросу в Эстонии являлся сторонником юлианского календаря (старого стиля), за что даже одно время отправлен в ссылку, однако вскоре возвращен в Нарву. 3.10.1937 в Нарвском Преображенском соборе хиротонисан во епископа Нарвского и Изборского. (Нарвская русская епархия в составе Эстонской Апостольской Православной Церкви, созданная в 1924, охватывала поначалу 31 приход (впоследствии – 24), включая Принаровье, Причудье, приходы Ревеля, Нарвы и других мест). В годы немецкой оккупации в 1941–1944 посещал лагеря русских военнопленных в Эстонии, а также лагеря для русских беженцев и перемещенных лиц; оказывал пленным духовную и материальную помощь, держа себя независимо, защищая интересы русских людей перед немецкими властями. В некоторых лагерях (Балтийский порт, Феллин) им были организованы постоянные русские церкви. В годы войны (1941–1944) кормил при-

ходы Кингисеппского (Ямбургского) и Волосовского районов, временно бывшие оккупированными немецкими войсками. Возобновил богослужения во многих бывших закрытых и разрушенных храмах. В 1942 остался в духовном подчинении Патриаршего экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского). С 12.1942 – архиепископ Нарвский. С 1944 проживал в Таллинне. С 05.1945 – архиепископ Таллиннский и Эстонский. Во главе делегации от Эстонии принимал участие в выборах Патриарха Алексия I в Москве (1945).

Скончался в ночь на 2.02.1946 в Таллинне, в небольшой комнате при епархиальном управлении на ул. Пикк. Похоронен в Таллинне на Александро-Невском кладбище. На средства, собранные бывшими учениками-эмигрантами, на его могиле воздвигнут памятник.

Епископ ИОАНН (Гарклавс), Рижский

Род. 25.08.1898 в Унгуре (Латвия) в крестьянской латышской семье. В миру – Гарклавс Иоанн Яковлевич. Первоначально – портной, прислуживал в церкви, позже служил в Рижской епархии псаломщиком. Учился в Рижской Духовной семинарии, в 1936 рукоположен во диакона, затем во священника. Служил в Константино-Еленинской церкви в Дундаге, окормляя соседние приходы. 28.02.1943 Собором архиереев экзархата (митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским), архиепископом Нарвским Павлом (Дмитровским), епископом Ковенским Даниилом (Юзвьюком) хиротонисан во епископа Рижского. С 28.02.1943 по сентябрь 1944 – епископ Рижский. Осенью 1944 эвакуирован с духовенством экзархата в Германию, позже – в г. Яблонец, в Чехословакии, с 1945 – в Западной Германии (служил в церквях лагерей для беженцев), позже с 22.07.1949 – в Америке, принадлежал к Американской митрополии. Епископ Детройтский и Кливлендский. Управлял Чикагской и Миннеапольской епархией (1955–1957). Архиепископ. С 1.09.1978 – на покое, проживал в Чикаго (США). Скончался 11.04.1982.

Епископ ДАНИИЛ (Юзвьюк), Ковенский

Род. 02.10.1880. Окончил Жировицкое Духовное училище, Духовную семинарию. До 1914 занимался педагогической деятельностью в духовно-учебных заведениях. С 1914 учился на юридических курсах в Петрограде. После 1917 на гражданской работе в Харькове, откуда переехал в Вильно. В 1925 – 1939 воспитатель и преподаватель в Виленской Духовной семинарии. С 1939 секретарь митрополита Литовского и Виленского Елевферия. В апреле 1942 пострижен в монашество, рукоположен в иеромонаха и возведен в сан архимандрита. С апреля 1942 – епископ Ковенский. В августе 1942 присутствовал на съезде православных архиереев Прибалтики в Риге. В мае 1944, вследствие завещания экзарха Сергия, возведен в сан архиепископа и назначен временно управляющим Виленской и Литовской епархией, с правом управления экзархатом. В конце 1944 – 1945 проживал в Чехословакии. 30.12.1945 восстановил общение с Московской Патриархией и назначен архиепископом Пинским и Брестским. С декабря 1948 – архиепископ Пинский и Полесский. 31.10.1950 уволен от управления епархией. С 1956 – ослеп. На покое в мужском монастыре г. Измаила, с ноября 1964 в Свято-Михайловском женском монастыре близ Одессы, в с. Александровке. Скончался 27.08.1965.

Епископ ИАКОВ (Карп), Елгавский

Род. в крестьянской латышской семье. Служил в Рижской епархии псаломщиком, затем – священником. Прослужил в иерейском сане более 40 лет, будучи все эти годы настоятелем Кокнесского Петропавловского латышского прихода. 27.09.1936 хиротонисан митрополитом Рижским Августинем (Петерсоном), митрополитом Эстонским Александром (Паулусом), архиепископами Печерским Николаем (Лейсманом) и Финляндским Германом (Аавом) во епископа Елгавского. В 1942 возведен в сан архиепископа экзархом митрополитом Сергием (Воскресенским). Скончался 13.10.1943 в Риге. Похоронен на кладбище мест. Кокнесе (Кокенгузен).

Епископ АЛЕКСАНДР (Витол), Мадонский

Род. 5.06.1876 в крестьянской латышской семье. В миру – Адам Витол. Окончил Рижскую Духовную семинарию. Служил псаломщиком в приходах Стамериене и Виляка. Священник. Хиротонисан во епископа Ерсикского 17.07.1938 (хиротонию совершали митрополит Рижский Августин (Петерсон), митрополит Ревельский Александр (Паулус), митрополит Финляндский Герман (Аав), архиепископ Печерский Николай (Лейсман) и епископ Елгавский Иаков (Карп)), епископская кафедра находилась в Двинске. Позже – епископ Мадонский. Скончался 30.07.1942. Похоронен на Рижском Вознесенском кладбище.

Архиепископ НИКОЛАЙ (Лейсман), б. Печерский

Род. около 1853 в Перновском уезде Лифляндской губ. в эстонской семье. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию. До 1915 служил в Рижском кафедральном соборе, протоиерей, ключарь собора. Штатный член Рижской Духовной консистории. В последующие годы служил в Эстонии настоятелем и благочинным. В 1920 хиротонисан во епископа Печерского, викария Эстонской епархии. С 1933 – ректор Эстонской Духовной семинарии в Печорах, возведен в сан архиепископа. До 1940 – архиепископ Печерский, позже – на покое. Временно управляющий Таллиннской епархией (от экзарха Сергия (?)). Духовный писатель. Скончался в 1947. Похоронен на своей родине, в ц. с. Пенуя (Пеникуль), близ Килинги-Нымме (Эстония).

Схиепископ МАКАРИЙ (Васильев), Любанский

Род. 1(5).09.1871 в дер. Губа Большегорской вол. Тихвинского уезда Новгородской губ. В миру – Васильев Косьма (Кузьма) Васильевич. В 1890-х пострижен в мантию с именем Кирилл, монах Воскресенского миссионерского мужского монастыря Макариевской пустыни, в 20 км от ст. Любань. С августа 1906 рукоположен во иеромонаха, настоятель Макариевской пустыни, с марта 1910 – игумен. В марте – июне 1923 тайно хиротонисан во епископа Любанского. Летом 1923 арестован на 3 года, выслан в Северный край. С 1924, пострижен в схиму с именем Макарий, именуется (к 1927) схиепископом Маловишерским. Вскоре арестован, отбывал ссылку в Коми-Зырянском крае. После освобождения до февраля 1932 – настоятель Макариевской пустыни. Арестован 17.02.1932 по обвинению в контрреволюционной пропаганде и организационной деятельности. Осужден коллегией ОГПУ 22.03.1932 на 3 года ссылки в Казахстан. Освобожден в 1935 и до оккупации Новгородского края немецкими войсками проживал в районе Чудова, служил катакомбным епископом на территории Ленинградской области (С.-Петербургской и Новгородской епархий), находясь на нелегальном положении (проводил тайные богослужения на квартирах, в избах). В 1941 – вновь в Макариевской пустыни. Сопrotивлялся занятию немцами зданий Макариевской пустыни, за что был переселен ими в Чудово, а с конца 1941 – во Псков. С конца 1941 проживал в Псково-Печерском монастыре. Служил в храмах монастыря, участвовал в совещании архиереев Прибалтийского экзархата в Печорах в 1943. При бомбардировке монастыря советской авиацией убит осколком авиабомбы в своей келии в ночь на 1.04.1944. Похоронен в пещерах монастыря.

Архиереи, то состоявшие в подчинении экзархата, то выходившие из его подчинения в период с 1941 по 1944

Митрополит АЛЕКСАНДР (Паулус), Ревельский

Род. в 1872. Окончил Рижскую Духовную семинарию (1894). Служил священником в Рижской епархии. Эмигрировал за границу. В 1918 хиротонисан архиепископом Евсевием Псковским во епископа Порховского. С 1920 – архиепископ Ревельский и Эстонский, с августа 1923 возглавил Эстонскую Апостольскую Православную Церковь, перейдя в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, митрополит. 30.03.1941 вернулся после покаяния в состав Московского Патриархата. До 1942 – митрополит Таллиннский (Ревельский), в подчинении экзарха митрополита Сергия (Воскресенского). В конце 1941 попытался вновь перейти в подчинение Константинопольского Патриархата. В начале 1942 вышел из подчинения экзархата с рядом приходов Таллиннской Эстонской епархии (Эстонская схизма). В декабре 1942 запрещен в священнослужении Собором епископов экзархата. В 1944 с группой из 22-х клириков уехал в Германию, позже – в Швецию. В эмиграции – в Стокгольме, продолжал возглавлять Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви (Зарубежной, Константинопольского Патриархата). Скончался в Стокгольме в 1953.

Митрополит АВГУСТИН (Петерсон), Рижский

Род. 17.02.1873 в крестьянской латышской семье. В миру – Августин Адамович Петерсон. Окончил Рижскую Духовную семинарию (1895), псаломщик и учитель церковно-приходских школ в Сунтажах, Каплаве и Либаве. В 1904 рукоположен во иерея. Во время Первой Мировой войны – военный священник. С 1926 по 1936 – гарнизонный священник Двинской крепости. 21.03.1936 перед наречением во епископа пострижен в рясофор, 29.09.1936 хиротонисан во епископа и возведен в сан митрополита с титулом Рижский и всея Латвии. (В юрисдикции Константинопольского Патриархата). 30.03.1941 после покаяния вернулся в состав Московского Патриархата. Управлял митрополией до 1941. К лету 1941 – на покое. В годы войны отделился от экзарха митрополита Сергия (Воскресенского), однако в его подчинении состояли лишь несколько приходов в центральной Латвии (на его родине, в Видземе). В 1944 эвакуировался из Риги в Германию, много болел. С 1946 входил в состав Русской Православной Церкви Заграницей. Скончался 4.10.1955 в Гаутинге, пригороде Мюнхена.

Епископ ПЕТР (Пяхкель), Печерский

Род. в 1875 в Эстонии. В миру – Пяхкель Петр Михайлович, священник, служил в Печорах. 25.07./7.08.1943 хиротонисан во епископа Печерского (митрополитом Александром (Паулусом) (?)), пребывал в подчинении Эстонского Синода. Жил в г. Печоры. Арестован 27.06.1945. Осужден военным трибуналом войск НКВД Псковской обл. 14.09.1945 по ст. 58-1а УК РСФСР на 10 лет. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован 31.10.1996.

МИССИОНЕРЫ ИЗ ЛАТВИИ

- 1. Протоиерей (протопресвитер) Зайц Кирилл Иванович**
Начальник Православной миссии с 1.12.1941 по 18.02.1944.

Род. 15.07.1869 в усадьбе Яунамая Рижского уезда Лифляндской губ. Окончил Рижскую Духовную семинарию. Рукоположен в сан священника в ноябре 1896. Служил на приходах Латгалии (Витебская губ.). Миссионер. Служил в Гродно, в Риге (Латвия). С 1923 – член Синода Латвийской Православной Церкви. В 1933–1940 – за штатом. С конца 1940 – настоятель Рижского кафедрального собора. С августа 1941 – начальник Внутренней Православной миссии в Латвии. С конца ноября 1941 возглавлял Внешнюю (Псковскую) Православную миссию. Служил во Пскове, в храмах на территории нынешних Псковской, С.-Петербургской, Новгородской епархий. С 1943 – протопресвитер. С 15.03–27.07.1944 – начальник Внутренней Православной Духовной миссии на территории Латвии и Литвы. Остался на родине. Арестован в Шауляе 18.08.1944, в 1945 осужден на 20 лет. Скончался 28.10.1948 в заключении, пос. Долинка, Казахстан. Подробную биографию см. стр. 63.

2. Протоиерей Ефимов Сергей Иванович

Начальник Православной миссии с 17.08.1941 по 11.1941.

Род. 13.07.1878 в м. Оранка Нижегородской губ. Миссионер. С.-Петербург, Псковская епархия, с 1920 – в Латвии. Возвел храм в Абрене (Пыталово). Арестован 23.06.1941. Освобожден из тюрьмы в Острове занявшими город немецкими войсками. Первый (с 17.08.1941 по ноябрь 1941) начальник Псковской Православной миссии. Служил во Пскове, Псковской обл. В апреле 1942 по требованию СД был вынужден уехать из Псковской области в Латвию. Остался на родине. Арестован в Абрене (Пыталово) 15.01.1945. Осужден на 10 лет ИТЛ. В заключении в Караганде. Освобожден 1955. Служил в Латвии. Скончался в 1967. См. Приложение.

3. Протоиерей Бенигсен Георгий Михайлович

Род. в 1915 в Казани. В 1920-х с семьей переезжает в Латвию. Рукоположен во диакона в 1937, во священника в июне 1941, за несколько дней до начала войны. Служил на приходах Латвии. С июля 1941 – в составе Внутренней Православной миссии в Латвии, посещал лагеря военнопленных. С Пасхи 1942 – в составе Псковской Православной миссии. Священник-миссионер. Служил во Пскове. Возглавлял стол по распространению христианской культуры среди молодежи, участник еженедельных христианских радиопередач Миссии. Секретарь, ревизор Миссии. Ключарь Свято-Троицкого кафедрального собора во Пскове. С 1.05 по июнь 1943 – заместитель Гдовского и Псковского благочинного. Заведующий детским приютом при Димитриевской ц., позже с 1943 – в Мирожском монастыре. В феврале 1944 эвакуирован в Латвию. Эмигрировал. Служил на приходах США (Американской митрополии). Скончался в Сан-Франциско (США) летом 1993. См. также стр. 237.

4. Священник Берзиньш Роман Герардович

Род. в 1900 в имени Реберни (дом Ница) в Либаве Курляндской губ. в семье провизора. По окончании начальной школы учился в Реальном училище. В годы Первой Мировой войны был эвакуирован с семьей в Москву, где закончил среднюю школу и приобрел специальность техника-телеграфиста. Служил в Красной армии. После женитьбы (1920) репатрировался в Латвию. Закончил курсы военных фельдшеров, работал в больнице. Страдания людей заставили его задуматься о смысле жизни. Окончил Рижскую Духовную семинарию (1930). В годы учебы рукоположен во священника (1929). Служил на православных приходах в Латвии: в Александрo-Невской ц. в Стамериене, в Даличенской ц. в Латгалии (1933 – 1937), в Михаило-Архангельской ц. в Криванде (1937 – 1939), в ц. Покрова Божией Матери в Яунслабаде (1940 – 1941). С началом Второй Мировой войны служит во Внутренней Православной миссии в Латвии, обслуживавшей материальные и духовные нужды беженцев, раненых и военнопленных. Позже по приглашению прот. Кирилла Зайца, знавшего его по Внутренней миссии, служил в Псковской Православной миссии. Священник-миссионер. Служил в приходах: с. Выбор, Гдов и Гдовский уезд, с. Крапивно, на ст. Торошино в Псковской области. После ликвидации Миссии в 1944 мобилизован немцами рыть окопы в Баусском районе, там заболел язвой желудка, пытался бежать. За побег попал в Саласпилский лагерь. При интернировании духовенства вывезен немцами в Германию. Служил там священником – миссионером в лагерях беженцев и пленных. В сентябре 1946 возвратился в Латвию. Арестован 21.03.1947 в Риге, осужден в 22.05.1947 на 10 лет лагерей и 7 лет поражения в правах. Этапирован в лагерь. Скончался после 1947 в заключении (?).

5. Священник Дрябинцев Александр Григорьевич

Род. в Латвии, сын протоиерея Григория Дрябинцева, благочинного единоверческих храмов в Латгалии. Окончил Рижскую Духовную семинарию. Родственник (цуурин) прот. Алексия Ионова. Служил в годы войны вместе с ним храмах г. Острова (Псковская епархия). Эвакуировался. Скончался в эмиграции в Европе.

6. Протоиерей Жунда Николай Иосифович

Начальник канцелярии Псковской миссии.

Род. 22.07.1913 в усадьбе Калнишки Каплавской вол. Илукстского уезда Курляндской губ. (с 1920 – Латвия) в крестьянской семье, отец во время воинской службы достиг чина унтер-офицера. Из пятерых сыновей все с детства участвовали в богослужениях в церкви, пели на клиросе, двое стали священниками. После окончания гимназии (1932) поступил в Рижскую Духовную семинарию, которую блестяще закончил. Рукоположен во священника 29.07.1934 архиепископом Рижским Иоанном (Поммером), настоятельством в Богоявленской церкви

в Салдусе (1934 – 1936), содействовал проведению там в 1934 Международной Студенческой Христианской конференции. В 1936 – 1938 служил священником в гарнизонном соборе Двинской крепости (Даугавпилс). С 1938 – второй священник двинского собора свв. Бориса и Глеба, продолжал служить в гарнизонной церкви, с 1939 – настоятель Борисоглебского собора. С началом войны служил в Православной Псковской миссии. С июня 1942 по февраль 1943 – секретарь Миссии (заместитель начальника Миссии прот. Кирилла Зайца), 01.02. – 1.05.1943 – начальник канцелярии Православной миссии. Священник-миссионер. Служил в Псковском Свято-Троицком кафедральном соборе, к декабрю 1943 – настоятель собора. Благодинный Псковского (06.1942 – 04.1943) и Островского (07.1943 – 01.1944) округов. В феврале 1944 эвакуирован в Литву. Недолго работая там, заболел тифом. После выздоровления вернулся на родину, в Латвию. Служил священником в г. Илуксте. Арестован 25.10. 1944 в Илуксте. В 1945 осужден на 20 лет лагерей. В заключении в Красноярском крае, в лагерях Дудинки. Скончался в заключении в Красноярске в тюремной больнице от туберкулеза 25.07.1953.

7. Протоиерей Ионов Алексей Васильевич

Род. 29.03.1907 в Двинске. Проживал в Латвии. Окончил Парижский Свято-Сергиевский институт. В 1932 рукоположен во диакона, в 1933 во священника. С августа 1941 – священник-миссионер Православной миссии во Пскове. Благодинный Островского округа (06.1942 – 05.1943), Гдовского округа (06.1943 – 02.1944). Служил во Пскове, Острове, Гдове. В 1944 – в ц. с. Аксенова Гора (Латвия). Эвакуировался. В эмиграции служил на православных приходах США. Впоследствии – протопресвитер, проживал в США, настоятель ц. в Си-Клифф близ Нью-Йорка. Скончался в 1977 в США. См. Приложение.

8. Протоиерей Колиберский Николай Александрович

Род. 28.07.1872 во Пскове. Окончил Псковскую Духовную семинарию (1892). В августе 1895 рукоположен во священника. Служил в Холмском уезде Псковской губ., законоучительствовал. Создал воскресные школы для неграмотных взрослых, безвозмездно преподавая там различные предметы. С 1907 – настоятель Успенской тюремной церкви во Пскове (в арестантском отделении). Преподавал среди заключенных, добивался юридической защиты своей паствы. Позже – законоучитель Мариинской женской гимназии во Пскове. С 1919 – настоятель Никольского собора в Изборске. После получения независимости Прибалтийскими республиками переехал из Эстонии (к которой отошел Изборск) в Латвию, где служил в с. Тюришино заведующим основной школой (1921 – 1930) и настоятелем местного храма (1924 – 1930). С ноября 1930 по 15.10.1931 служил в Двинской Успенской ц., преподавал во 2-й Двинской городской русской школе. В 1938 – 1941 служил в Алексеевской ц. в Либаве. С 1941 – в Иоанновской ц. в Риге. С августа 1941 в числе первых миссионеров прибыл во Псков. Служил помощником временно исполняющего обязанности начальника Миссии прот. Сергея Ефимова. В квартире Колиберских возле Покровской башни, у Пролома, первоначально помещалось Управление Православной миссии (Застенная ул., 8). С 13.10.1941 по декабрь 1941 – начальник Псковской Православной миссии. В декабре 1941 из-за возраста и состояния здоровья вернулся в Ригу. С января 1942 вновь служил в Рижской Иоанновской ц. Скончался 20.09.1942 в Риге. Похоронен там же на Иоанновском кладбище возле храма, в котором служил. См. Приложение.

9. Протоиерей Лёгкий Иоанн Саввич

Род. в Двинске 29.04.1907 в семье священника. Окончил Двинскую Русскую гимназию и Рижскую Духовную семинарию. Учился на православном отделении Богословского факультета Рижского университета. 1/14.09.1931 рукоположен архиепископом Иоанном Рижским (Поммером) во диакона, 8/21.09.1931 – во священника. Служил на приходах Латвии. С 1936 – священник Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря и законоучитель местных школ. 1936 – 1944 – член епархиального совета. В 1941 – 1944 – миссионер, член Псковской Духовной миссии. Служил священником во Гдове и Гдовском уезде; 06.1942 – 04.1943 – благодинный Гдовского округа. С 1943 – настоятель Рижского кафедрального собора. Эвакуировался в Германию. С 1944 – в составе Русской Православной Церкви Заграницей. В 1946 – 1949 – синодальный миссионер и наблюдатель за преподаванием Закона Божия в русских школах Германии. В 1949 эмигрировал в США. 1949 – 1959 – священник Вознесенского кафедрального собора в Нью-Йорке, 1959 – 1957 – настоятель собора в г. Патерсон (Нью-Джерси), член Епархиального совета (1949 – 1987), благодинный (1961 – 1987). После кончины супруги принял монашеский постриг (1990), 15/28.08.1990 – хиротонисан во архиепископа Рокландского. Служил в Аргентине. Скончался в США 10.03.1995. Подробнее см. стр. 140.

10. Священник Миронович Николай Николаевич

Род. в Виленской губ. Долгое время служил протодиаконом (в Литве). Священник-миссионер из Литвы (Вильнюс). Служил в г. Порхове, (с 04.1943 по 08.1943 – благодинный Порховского округа), позже – в г. Острове в ц. Свт. Николая Чудотворца на острове (благодинный Островского района с 02.1943 по 02.1944). Остался на родине. Арестован в октябре 1944.

11. Священник Начис Иаков Владимирович

Род. 13.01.1912 в м. Грива Илуктского уезда Курляндской губ. (с 1920 – Латвия) в церковной семье подряд-

чика по строительству. После окончания Двинской Правительственной русской гимназии (1931) окончил Рижскую Духовную семинарию (1936). С 25.01.1935 – псаломщик и регент в Салдусской Богоявленской церкви при настоятельстве свящ. Николая Жунды. С 1936 – псаломщик и регент Двинского Борисоглебского собора. 24.06.1938 рукоположен во священника викарным епископом Елгавским Иаковом (Карпом) в Рижской Озолкалнской Иоанновской ц. Служил на приходах Латвии в Сауснейском латышском православном приходе с окормлением Вестиентолкского прихода в Карздабском благочинии (Видземе), около года был тюремным священником в Двинске. Перед войной настоятельствовал в Свято-Ильинской ц. с. Лиенна. Во время высылки и арестов людей, происходивших после присоединения Латвии к СССР и прихода советских войск, едва избежал ареста, уехав в Ригу. С началом действия Псковской Православной миссии, по благословению экзарха митр. Сергия (Воскресенского), выехал во Псков. Служил священником-миссионером на приходах Псковской области: во Пскове, с. Воронцове, с 1942 – в с. Выбор близ Новоржева, в Свято-Ольгинской ц. в Луге, с 05.1943 по 08.1943 – благочинный Лужского округа, позже – Порховского округа (08.1943 – 11.1943), во время служения на градском приходе Порхова. В феврале 1944 эвакуирован в Латвию (Рига). В 1944 – 1945 после ликвидации Миссии служил и законоучительствовал (в русской гимназии) в Либаве (Лиенае), Курляндия. Остался на родине. После прихода советских войск арестован в Либаве (август 1945). В заключении в Риге, затем в Ленинградской тюрьме «Кресты». Осужден 18.05.1946 по ст. 58-1 а, 58-10 ч. 2 на 10 лет лагерей. Находился в концлагерях Инта, Абезь, в Коми-Зырянском районе. В заключении прот. Иакову иногда удавалось совершать литургию. После освобождения (1955) находился в ссылке в с. Кочпон, здесь он служил в единственном в Коми действующем православном храме (1955 – 1958), позже – в Кировске Мурманской обл. (1958 – 1960), где служил в обращенной из барака церкви у подножия Хибинских гор. В 1960 вернулся в Латвию. Служил в Покровской церкви в Кулдиге, обслуживая Салдусскую и Айзпутскую церкви (1960 – 1966), в Покровской ц. в Риге (1966 – 1987). Из-за того что в 1980-х протоиерею Иакову при Покровской ц. удалось создать дружную общину, в которую входило много представителей интеллигенции, по требованию властей и спецслужб он был переведен на другой приход. С 1987 служил в Рижском кафедральном Свято-Троицком соборе (1987 – 1991). За несколько дней до кончины реабилитирован. Скончался 7.11.1991 в Риге. Похоронен в Риге на 1-ом Лесном кладбище.

12. Священник Панфилов Павел Павлович

Род. 15.07.1888 в д. Парослово Псковского уезда Псковской губ. (ныне – Печорского района) Окончил Псковскую Духовную семинарию. Рукоположен во священника в 1913. Священник Николаевской Качановской ц. Арестован 29.12.1944. 5.03.1945 осужден по ст. 58-10 на 10 лет лагерей. Умер в лагере в 1952. Реабилитирован 26.01.1993.

13. Священник Першин Виктор Андреевич

Род. в 1885 в Риге. С 14 лет работал на фарфоровой фабрике Кузнецова, одновременно учился живописи, с 1900 – художник на этой фабрике. В 1907 служил в армии писарем, потом возвратился на фабрику, в I Мировую войну вновь мобилизован в армию. С 1917 по 1920 жил и работал в России, в 1920 возвратился в Латвию, жил в Риге, работал в трамвайном управлении вагонновожатым. 24.08.1941 рукоположен экзархом митрополитом Сергием (Воскресенским) во диакона, а 10.05.1942 епископом Александром (Витолсом) – во священника и направлен в Православную миссию. Служил настоятелем Гдовской Афанасиевской церкви, при протодиаконе Феодоре Юдине совершал богослужения в храмах Гдовского района. В 1943 отчислен из Миссии и назначен резервным священником Рижского кафедрального собора. Одновременно служил в Преображенской церкви в Балтнаве, в августе 1943 назначен настоятелем Всехсвятской церкви в Риге. Остался на родине. После прихода советских войск арестован 16.11.1944, 29. 11.1944 ему предъявлено обвинение по статье 58-1 а и 58-10 ч. 2. Военным трибуналом осужден на 20 лет ИТЛ в спецлагерях с особым режимом и поражением в правах на 5 лет. В 1945 из Ленинградской тюрьмы отправлен по этапу в лагерь Песчаный в Казахстан, в Карагандинскую область. Через десять лет после ареста, по жалобе жены, Военная прокуратура в ответ на ее просьбу помиловать арестованного мужа согласилась с тем, что приговор был несправедлив. По амнистии освобожден, тем не менее, только в 1955, после 11 лет лагерей, вернулся в Латвию в 70-летнем возрасте. По освобождению проживал в г. Крустпилсе и служил настоятелем Крустпилсской Св.-Николаевской церкви. Умер около 1960. Похоронен в Риге на Лесном кладбище. См. Приложение.

14. Протоиерей Приймаги Николай Маркович

Род. 17.04.1874 на хуторе Вышегородской волости Островского уезда Псковской губ. в семье крестьян-эстонцев. Окончил Арсениевскую псаломщическую школу во Пскове (1915), с 1915 – псаломщик на эстонском приходе г. Торopez Псковской губ. (ныне – в Тверской обл.), с 1915 служил в армии. В 1925 рукоположен архиепископом Рижским Иоанном (Поммером) во диакона. Служил в Вознесенской ц. пог. Верхние Овсищи (Аугшиене) Абреновского уезда (ныне – Пыталовского района Псковской области) при настоятеле свящ. Василии Покровском, на дочери которого был женат. Окончил Рижскую Духовную семинарию (1928). В том же году рукоположен во священника к Верхне-Овсищенскому храму. Отремонтировал церковь, вел широкую работу

по духовно-нравственному воспитанию прихожан, создал прекрасный хор. До 1944 служил в названной ц. Арестован органами НКВД осенью 1944, приговорен к 10 годам лагерей. После освобождения (1954) вернулся на родину. Служил вторым священником, затем настоятелем Свято-Троицкого собора в Острове, после его закрытия – в Николаевской ц. в Острове, ставшей собором. К 1981 – на покое. Скончался 6.06.1981. Похоронен у Вознесенского храма в с. Верхние Овсицы (Анциферово) Псковской обл.

15. Священник Рушанов Василий Евстратиевич

Род. ок. 1909. До войны проживал в Латвии. Его отец, о. Евстратий Рушанов, был настоятелем храма в Режице (Резекне, Латгалия). Окончил Парижский Свято-Сергиевский богословский институт. В годы войны – священник-миссионер. Благодетель Порховско-Дновского округа с 07.1942 по 03.1943. Служил в храмах с. Меженцы, Славковичи, пос. Дно. Убит в поезде возле Порхова в 16 марта 1943 шальной пулей. Похоронен на ст. Дно. См. Приложение.

16. Священник Соколов Владимир Евгениевич

Род. 12.11.1894 в Риге в семье служащих. Окончил Реальное училище им. Черняева в С.-Петербурге (15.06.1914) и 1 курс Политехнического института. До июня 1921 жил в России. Вернулся в Латвию. Жил в Риге. Чтец рижской Троице-Задвинской ц. 6.04.1924 рукоположен в Риге архиепископом Рижским Иоанном (Поммером) во диакона. 13.04.1924 им же – во иерея. Настоятель Дагденской ц. свт. Николая в Двинском уезде. С 14.03.1928 – настоятель Бродайжской Иоанно-Предтеченской ц. Люцинского уезда (Латвия). С 2.08.1941 переведен митр. Сергием Рижским в Ляударскую св. Николаевскую ц. Люцинского уезда. Вероятно, по рекомендации кого-то из братьев Лёких – прот. Иакова или прот. Иоанна, с которыми был близко знаком, принимает участие в служении Миссии. К лету 1942 служил в Гдове, в приходах Псковской и С.-Петербургской епархий. Вернулся в Латвию (в Бродайжскую или Ляударскую ц.), служил в Литве(?). 24.06.1944 епископом Иоанном Рижским переведен вторым священником рижской Троице-Задвинской ц. Остался на родине. С 16.11.1944 – настоятель Митавского Симеоно-Аннинского собора., с 28.12.1944 – настоятель Рождества Богородицы ц. с. Коровск. В 1945 – недолго служил в Линовской ц. и ц. с. Владимирец Псковской епархии, продолжал служить в Коровске. С 4.04.1950 – протоиерей. С 14.12.1950 – настоятель Никольской ц. в Пыталово. С 3.09.1951 – настоятель Троицкого собора в Острове. С 28.03.1952 – служил в ц. с. Коровск. С 20.02.1953 – настоятель Никольской ц. пос. Саблино Тосненского района (С.-Петербургская епархия). Перестраивает и благоукрашает церковь. С 10.06.1955 – настоятель Александро-Невской ц. в Красном Селе. С 26.05.1956 – второй священник Павловского собора Гатчины. Скоропостижно скончался в садике Александро-Невской лавры 16.01.1962.

17. Протоиерей Тайлов Георгий Иванович

Род. 13.11.1914 в Риге в семье военного чиновника. В 1915 эвакуирован с семьей в Москву, после смерти родителей дети вернулись к бабушке в Латвию (1921). По окончании Рижской городской русской (Ломоносовской) гимназии и двух курсов университета поступил в Рижскую Духовную семинарию. По ее окончании (1937) рукоположен во священника. Служил на латышском Никольском приходе в Вентспилсе, законоучитель. Публикуется в журнале «Вера и жизнь». В годы войны (1941 – 1944) – миссионер Псковской Духовной миссии. Служил во Пскове, Острове, с. Печане Островского уезда. Участвовал в восстановлении богослужебной и церковно-приходской жизни в храмах Пушкиногорского, Сошихинского и Новоржевского районов. С 04.1943 – заместитель благочинного Островского округа, и.о. благочинного Опочецко-Новоржевского округа. С 06.1943 – благочинный Пушкиногорского (Святогорского округа). В феврале 1944 вернулся в Латвию. Служил в храмах с. Гавры и с. Коровск Абреновского уезда (Пыталовского района). Остался на родине. 30.10.1944 арестован. Содержался во внутренней тюрьме НКВД и в «Крестах» в Ленинграде. Осужден на 20 лет, провел в концлагерях 11 (лесоповал в Тайшетском районе Иркутской обл. в Сибири, рудник Джезказган в Казахстане, Спасский инвалидный лагерь и рабочий лагерь Темиртау). В связи с амнистией освобожден (1955). Вернулся в Латвию. Служил на приходах Галгаузска, Рижской Благовещенской, Свято-Троицкой Задвинской церквях, Троицком соборе и Александро-Невской ц. (Рига). Священник Рижского Троице-Сергиева женского монастыря (1980 – 1992). С 1992 возглавил новую православную общину в г. Огре, выстроив там Св. Никольский храм. Служит настоятелем этого прихода. Проживает в Огре. Подробнее см. стр. 243.

18. Игумен Андрей (Тишко)

Род. 1871. Бывший военный священник, участник I Мировой войны, Георгиевский кавалер, награжден за патрыстские заслуги и героизм в годы войны. Жил и служил в Латвии, в ц. г. Дагда (Латгалия). В 1941 – 1943 – священник-миссионер. Служил в Успенской церкви с. Славковичи, на приходах Порховского округа. Назначен настоятелем возобновленной Благовещенской Никандровой пустыни. Убит неизвестными (?), скончался по болезни (?) в сентябре 1942, 72 лет. См. Приложение.

19. Священник Толстоухов Владимир

Род. 1.08.1914. Проживал в Латвии. Окончил Парижский Свято-Сергиевский институт. В Риге – вторым священником Благовещенской церкви. С 1941 (?) священник-миссионер. Служил на территории Псковской

епархии: в Опочке, Новоржеве, Острове, Святых Горах, селах: Михайловское (Воронич (?)), Велье, Печане, Никольское, Синяя Никола, г. Дно. Заместитель благочинного Островского округа (12.1942 – 04.1943). Благочинный Порховского и Дновского округов (04.1943 – 02.1944). В конце декабря 1943 г. вернулся в Ригу. Осенью 1944 эвакуировался в Германию. Скончался в США. См. Приложение.

20. Священник Трубецкой Николай Никанорович

Род. 26.12.1907 в г. Краслава Двинского уезда Витебской губ. в семье известного в Латвии священника Никанора Трубецкого. По окончании Двинской гимназии (1927) учился в Рижской Художественной академии на иконописца. Окончил педагогические курсы в Двинске (1928), Рижскую Духовную семинарию (1930), Парижский Свято-Сергиевский богословский институт (1934). Псаломщик в с. Михалово (Латвия) и законоучитель местной школы. С 1936 – священник Симеоно-Анненского собора в Митаве (Елгава), до 1938 служил в храмах Латвии (Михаловской, Гривской, Дагдинской), учился на православном отделении Богословского факультета Латвийского университета, одновременно служил в Рижской Покровской ц. В августе-сентябре 1941 в составе Псковской Православной миссии служил в Лужском районе, позже – в Риге. До сентября 1942 – секретарь Епархиального управления. В 1942 – 1943 – редактор миссионерского журнала «Православный христианин», одновременно служил священником Рижской Покровской ц. Остался на родине. Арестован 20.10.1944 в Риге, отправлен в Ленинград во внутреннюю тюрьму НКВД. В 1945 осужден на 10 лет по делу Миссии. В заключении – в Северо-Печорских железнодорожных лагерях (Инта и других). После освобождения (1954) – в ссылке, в г. Печора (Коми) до 1956. По возвращении в Латвию служил настоятелем ц. Св. Духа в Икикиле (21.01.1956 – 25.11.1960), с 15.03.1957 по 25.11.1960 обслуживал также ц. в Кемере. С 25.11.1960 по день смерти служил в Рижской Спасской ц. Скончался в Риге 18.03.1978. Похоронен на Рижском Вознесенском кладбище. См. Приложение.

21. Священник Цыпурдеев Алексей Владимирович

Род. 6.01.1902 в г. Керчь. С 1920 – в эмиграции. С 1930-х в Латвии. В апреле 1942 рукоположен во священника. Служил в Псковской миссии в ц. с. Новоселье, с 1944 – в Михайловской ц. с. Подогново, Латвия. Эвакуирован. После войны проживал в Дании (?). См. Приложение.

22. Священник Шаховской Константин Яковлевич

Род. 29.10.1905 в имени Боброво Холмского уезда Псковской губ. (ныне Новгородской обл.) в дворянской семье. До 1919 жил с семьей во Пскове, где отец заведовал сельскохозяйственным училищем, а во время войны был руководителем Псковского Красного Креста (в 1918 был арестован Псковской ЧК). После взятия города белыми войсками отец был освобожден, с 1919, с отступлением Белой армии, семья поселилась в г. Печоры б. Псковской губ., отошедшем к Эстонии. Окончил Печорскую Объединенную гимназию (1925). Учился в Тартусском (Юрьевском) государственном университете на сельскохозяйственном факультете (1925 – 1930). Участник Эстонского отделения Русского Студенческого Христианского Движения, руководил местным его кружком. В 1930-х работал в Печорской городской управе. Окончил Печорскую Духовную семинарию при Свято-Успенском монастыре (1936). Учился в Варшавском университете на богословском факультете. 21.09.1937 рукоположен архиепископом Печорским Николаем (Лейсманом) во диакона, а 26.09.1937 – во священника к ц. вмч. Георгия Победоносца в с. Сенно Печорского уезда. Позднее служил настоятелем ц. Сорока мучеников в Печорах. В 1940 – 1941 многие члены семьи кн. Шаховских – арестованы, репрессированы. С августа 1941 в числе первых миссионеров прибыл во Псков. Священник-миссионер в составе Псковской Православной миссии. Восстанавливает закрытую и обращенную в склад ц. Прп. Варлаама Хутынского во Пскове, где служил в 1941 – 1942, организовал Воскресную школу для детей при ней, вел большую работу по оказанию помощи больным, беженцам и военнопленным. Позднее служил в ц. пос. Струги Красные, с 1943 – в Печорах, в ц. Сорока мучеников. После бомбардировки Печор весной 1944 дом, где он жил с семьей, был разрушен. Эвакуирован в Латвию. Служил в Рижском кафедральном соборе. Остался на родине. Арестован весной 1945 в Риге, переведен в тюрьму «Кресты» в Ленинград, где подвергался со стороны следователя НКВД Жидаля «допросам с пристрастием». Осужден на 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. В заключении в лагерях Горьковской области (1945 – 1947), затем этапирован в лагеря Коми (Инта и Абезь), с 1954 в ссылке в с. Бондарка Томской обл., где на поселении находилась его сестра Ксения. С 1955 – священник в ц. пос. Тогур Томской обл., позже – в Томске (до 1965). По требованию властей переведен из Томска в г. Канск. В 1966 – за штатом по состоянию здоровья, вернулся в Эстонию, к старшей дочери Елене, жившей в Пярну. В 1969 – 1972 служил настоятелем ц. с. Ямы под Нарвой в Эстонии. Скончался 4.06.1972. Похоронен на Старом кладбище г. Пярну.

23. Священник Ягодкин Феодор Стефанович

Род. 1.02.1909 в Режице. Рукоположен во священника 19.12.1934. Миссионер. В 1941 – 1944 служил в ц. г. Красный, в Риге. Эвакуировался в Латвию. После войны служил в лагере «перемещенных лиц» в Германии (?). См. Приложение.

24. Протоиакон Мельников Василий Андреевич

Род. 20.08.1886 в Изборске Псковской губ. в крестьянской семье. Учился в школе псаломщиков во Пскове (1912 – 1914). По ее окончании служил псаломщиком в Казанском соборе С.-Петербурга. Рукоположен во диакона (1914), служит в Порховском уезде Псковской губ. (1914 – 1917). Диакон Свято-Троицкого кафедрального собора во Пскове (1917 – 1919). В 1919 вернулся на родину, в Изборск. Служил архидиаконом в Псково-Печерском монастыре (1920 – 1926), диаконом в приходской ц. (1926 – 1928), с 1928 диакон Рижской Покровской ц. Окончил Рижскую Духовную семинарию (1930). Духовный руководитель движения мальчиков «Витязи» и певческого кружка Русского Православного Студенческого Единения. В 1934 возведен архиепископом Рижским Иоанном (Поммером) в протодиакона и назначен в Рижский кафедральный Христорожественский собор. С 1941 по август 1944 служил в соборе, преподавал Закон Божий в Рижских русских школах №4 и №13. Принимал участие в деятельности Миссии. В августе 1944 по распоряжению немецкого командования эвакуирован в Германию, позже перемещен в г. Карлсбад (Карловы Вары), Чехословакия. 25.09.1944 вернулся на родину, служил протодиаконом в Рижском кафедральном соборе. Арестован 9.02.1951. Осужден на 10 лет лагерей. В заключении в Усть-Вымлаге, позже в г. Молотове (Пермь). Освобожден в 1955. Вернулся в Латвию. Продолжал служить в Рижском кафедральном соборе. Рукоположен во священника (1966). Служил с 1966 вторым священником в Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре до своей кончины 22.03.1972. Похоронен в Риге на Ивановском кладбище.

25. Диакон Радецкий Георгий Иванович

Род. 1922 в Риге. Окончил Ломоносовскую гимназию. Служил в составе Псковской миссии переводчиком и псаломщиком при прот. Владимире Толстоухове в с. Велье и других приходах. Учился на Пастырско-богословских курсах в Вильнюсе (1943 – 1944). Рукоположен во диакона. Арестован в 1944, осужден в Ленинграде на 15 лет. Реабилитирован 17.12.1956. После освобождения рукоположен во священника, служил в Рудомино, работал врачом. Проживает ныне в Вильнюсе.

26. Диакон Трубецкой Михаил Никанорович

Род. 22.08.1917 в с. Аулея Двинского уезда Витебской губ. Окончил основную школу и гимназию в Режице (Резекне), Латгалия. До 1936 служил псаломщиком в ц. с. Михалово (Латвия). В июле 1941 посвящен во диакона и в составе первых миссионеров уехал служить в Лужский район. Служил на приходах Северо-Запада. В 1944 вернулся в Латвию. Арестован 01.12.1949, в 1950 осужден на 10 лет. В заключении – в лагерях в Котласе, работал в шахтах. Освобожден в 1956, после возвращения в Латвию служил в кафедральном Христорожественском соборе и Скорбященской церкви в Риге и Никольской ц. в Острове (Псковская область). Протодиакон. Скончался 2.07.1974. Похоронен в с. Михалово. См. Приложение.

27. Диакон Ширшин Владимир Васильевич

Род. 25.07.1917 в Риге в семье церковного звонаря и сторожа Рижской Иоанновской церкви. С детства прислуживал в храме. Окончил школу Баранова (1930). Продолжал прислуживать и петь в церкви. 1938 – 1940 – служба в Латвийской армии. С июля 1941 – псаломщик Рижского кафедрального собора. С осени 1941 – в Псковской Православной миссии, миссионер. Служил на приходах Меженцы, Славковичи при свящ. Василии Рушанове. Зимой 1942 переведен псаломщиком в Рижский кафедральный собор, 7.04.1943 рукоположен во диакона экзархом митрополитом Сергием (Воскресенским). С апреля по октябрь 1943 вновь служил диаконом в Псковской миссии в Свято-Троицком соборе во Пскове. В связи с рождением дочери вернулся в Ригу, служил диаконом кафедрального собора (1943 – 1950). Остался на родине. Арестован 4.11.1950 в Риге, в заключении в Рижской, позже – в Ленинградской тюрьме. 17.03.1951 осужден на 10 лет лагерей. В заключении в Воркуте (лагерь «Речной»). Освобожден 24.07.1956. Вернулся в Латвию. Служил в Рижской Александро-Невской ц., монастырской Свято-Сергиевской ц. После 1972 служил в Свято-Троицком соборе, рижских Иоанновской и Благовещенской церквях. Скончался 17.08.1996 и похоронен в Риге на Ивановском кладбище.

28. Псаломщик Архангельский Леонид

Проживал в Латвии. 17.08.1941 в числе первых миссионеров приехал во Псков.

29. Псаломщик Булгак Игорь Петрович

Род. в 1916 в д. Тулково Бобруйского уезда Минской губ. Проживал в Латвии. В 1937 окончил Двинскую гимназию, в 1938 – Педагогическое училище в Двинске. В 1939 – 1940 учился в Рижском Православном богословском институте. В 1940 – 1941 – учительствовал. С марта 1942 по февраль 1944 – миссионер во Пскове, служил при свящ. Николае Жунде, преподаватель Закона Божия при Миссии. С февраля 1944 по февраль 1945 – псаломщик в Салацгривской ц. Позже учительствовал. Арестован 3.09.1950, осужден на 10 лет. Освобожден 3.08.1956. Живет в Даугавпилсе, Латвия.

30. Псаломщик Ильинский Георгий Владимирович

Род. в Риге в 1915. В 1930-х был руководителем дружины «Витязи» Русского Православного Студенческого Единения в Риге (до 1934). В 1941 – 1944 – миссионер во Псковской области, во Пскове в Алекс-

евской ц. Арестован 22.10.1944. В 1945 г. осужден на 20 лет. Скончался в 1945 в Мариинском лагере в Кемеровской обл.

31. Псаломщик Караваяев Виталий Васильевич

Род. в Риге 24.10.1913. Окончил Рижскую Ломоносовскую русскую гимназию. В 1930-х был руководителем дружины «Витязи» Русского Православного Студенческого Единения в Риге. В 1941 – 1944 – миссионер во Псковской области. Арестован 22.10.1944. В 1945 осужден на 10 лет. Освобожден в октябре 1954. Скончался после 1955 в Москве.

32. Псаломщик Карсов (имя неизвестно) (Он же (?) см. № 231)

Проживал в Латвии. 17.08.1941 в числе первых миссионеров приехал во Псков. Вместе с прот. Иоанном Легким служил в Гдове.

33. Псаломщик Кравчёнко Константин Иосифович

Казначей и заведующий хозяйством Псковской миссии.

Род. в мае 1918 года в Двинске Витебской губ. Семья была многодетной и религиозной: все пели в церковном хоре, Константин с детства прислуживал в алтаре. Окончив Двинскую 2-ю государственную гимназию, в 1938 поступил на Православное отделение Богословского факультета Латвийского университета. Во время учебы работал кассиром в рижском Христорождественском соборе. С 1941 по 1944 – казначей и заведующий хозяйством Псковской миссии, а также преподаватель Закона Божия в псковской средней школе. Заведовал свечным заводом, иконописной мастерской, занимался ремонтами и восстановлением храмов, обеспечивая их топливом. Трудясь в Миссии, проводил широкую благотворительную деятельность: устраивал на работу людей, которым грозил вывоз в Германию, отправлял собранные в церквях продукты в лазарет военнопленным, собирал обувь, одежду, деньги для бедных людей, давал приют в Миссии детям. После прочитанного им доклада на учительской конференции во Пскове «О моральном воспитании», в котором рассказывалось о подвиге святого блгв. вел. князя Александра Невского – защитника Русской земли, по доносу в СД немцами было запрещено Миссии посылать К.И. Кравчёнку с докладами. В 1944 эвакуировался в Ригу. Остался на родине. Через неделю после прихода советской армии в Ригу, 22.10.1944 был арестован. Во время следствия его заставили «под дулом пистолета подписывать вымышленные протоколы». 23.01.1945 на суде в Риге по статьям 58-1а, 58-10ч и 58-II Военным трибуналом Прибалтийского фронта был приговорен к расстрелу, в феврале приговор был заменен на двадцать лет ИТЛ. В заключении пребывал в Воркутлаге на северо-востоке Коми АССР. 18.02.1955 освобожден по инвалидности. После освобождения работал учителем, пел в церковном хоре. После пятого инфаркта и инсульта скончался в Риге 20.05.1973. Реабилитирован посмертно. Похоронен на рижском Вознесенском кладбище.

34. Псаломщик Начис Леонид Владимирович (архимандрит Кирилл (Начис))

Род. 9.01.1920 в Латвии, в г. Грива б. Курляндской губернии, пригороде г. Двинска в семье строителя. Окончил Основную русскую школу и Двинскую правительственную русскую гимназию (1933–1938), помогал свяц. Николаю Жунде и брату, свяц. Иакову Начису за богослужениями. Участвовал в собраниях и кружках Двинского отделения РСХД, принимал участие в съезде РСХД в Эстонии (1938). В 1938 поступил в Латвийский университет, на православное отделение Богословского факультета, где учился до 1940. В 1940–1941 учительствовал в Салиенской школе Илукстского уезда. В 1942–1944 служил псаломщиком при брате, прот. Иакове Начисе на приходах Северо-Запада России: в с.Выбор Новоржевского района, Псковском кафедральном Свято-Троицком соборе, Свято-Ольгинской ц. в Луге, с осени 1943 – в градском приходе Порхова. В феврале 1944 вместе с братом и другими латвийскими миссионерами эвакуирован в Ригу, с марта 1944 служил псаломщиком в Свято-Троицком соборе в Либаве (Лиенае), где священствовал о. Иаков. В декабре 1944 в числе многих жителей Латвии был вывезен из Курляндии в Германию, где помещен в лагерь в Кёнингсберге. После взятия города в апреле 1945 Советской армией заключен в советский лагерь в Кёнингсберге, затем перевезен в тюрьму г. Тапиау (Восточная Пруссия), позже – в Рязанский лагерь (ст. Пехлец), затем в Грозненский лагерь. Освобожден в апреле 1946. В Латвию вернулся в феврале 1947, работал в Даугавпилсе на предприятии «Хлебострой», затем на судостроительной верфи в Риге. 10.10.1950 в Риге вновь арестован, перевезен в Ленинград. В заключении в Кирове (Вятке), затем в Инте (Коми АССР, 1951–1955). После освобождения 15.10.1955 приехал к брату прот. Иакову, служившему священником в с. Кочпон, в окрестностях Сыктывкара (Коми). В 1956 поступил в С.-Петербургскую Духовную семинарию, реабилитирован (1957). В 1958 посвящен во диакона, в 1959 рукоположен во священника. В 1960 пострижен в рясофор в Виленском Свято-Духовом монастыре. В 1963 окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1963–1965 – преподаватель С.-Петербургских Духовных школ. В 1965 пострижен в мантию с именем Кирилл. В 1965–1988 служил священником в храмах С.-Петербургской епархии. В 1994–1995 наместник Свято-Троицкой Alexandro-Невской лавры в С.-Петербурге. С 1988 по настоящее время – духовник С.-Петербургской епархии. Подробнее см стр. 192.

- 35. Псаломщик Павлов Павел**
Род. в Риге, Латвия. Учащийся последнего класса Ломоносовской русской гимназии. Миссионер. Служил с о. Георгием Тайловым в с. Печане (декабрь 1941 (?) – 1942). Позже продолжил обучение в Риге.
- 36. Архимандрит Гермоген (Кивачук)**
В число миссионеров не входил. Военный священник (протопресвитер) РОА. Служил при митрополите Се-
рафиме (Ляде) в Берлине (Воскресенский собор). Посещал Псков в мае-августе 1943. Обслуживал части РОА
под Псковом. (Гвардейский маршевый батальон РОА стоял близ ст. Стремутка под Псковом. После волне-
ний в батальоне (лето 1943) осенью 1943 батальон был переброшен в Данию, где находился в 1944–1945, в
1945 был выдан советской стороне). Первоначально не сослужил с духовенством экзархата. Впоследствии
присоединился к Московскому Патриархату (экзархом Сергием (?)). Кандидат на Ревельскую кафедру вме-
сто митр. Александра (Паулуса) при поставлении от экзарха. Назначение не состоялось. С 1944 служил в
православных храмах Германии (Берлин).

МИССИОНЕРЫ ИЗ ЭСТОНИИ

- 37. Протоиерей Калинин Павел**
В 1941–1942 – настоятель Нарвского Воскресенского собора, в 1942 – 1944 – настоятель Св.Троицкой (Штиг-
лицкой) ц., священник Спасо-Преображенского собора в Нарве, окормлял в 1942 – 1944 приходы в Ямбургском
уезде С.-Петербургской епархии: Сойкино, Удосолово, Краколье. Остался в Эстонии. В 1957 служил в Таллинне
в храме пригорода Коппель (Копли).
- 38. Протоиерей Яхонтов Евгений Александрович**
Род. 14.01.1884 в пог. Демянка Порховского уезда Псковской губ. в семье священника. Окончил Псковскую
Духовную семинарию (1906). С 1906 – псаломщик Троицкого собора г. Острова. С 1911 – надзиратель, учи-
тель пения и преподаватель чистописания и черчения Псковского Духовного училища. В 1916 архиепископом
Псковским и Порховским Евсевием рукоположен во священника. Настоятель Николаевской ц. пог. Виделибье
Псковской губ., заведующий Виделибской церковно-приходской школой, законоучитель ее и Воробьевской
2-классной школы. В годы гражданской войны после отступления Северо-Западной армии оказался в Эсто-
нии. С 18.12.1919 Ревельским епископским советом утвержден настоятелем Иеввенской Богоявленской ц.
С 1.01.1923 митрополитом Ревельским Александром назначен и.д. псаломщика-регента при Владимирской
Братской ц. Нарвы. С 27.09.1925 – настоятель Усть-Нарвской Князь-Владимирской ц., в 1928-1934 – за-
коноучитель Усть-Нарвского русского 6-классного училища, до 1933 – учитель пения в том же училище. С
1934 по 1937 – законоучитель Венкюльского 6-классного училища. С 17.07.1937 – настоятель Силламягской
Казанской ц. С 21.07.1938 – протоиерей. С 1941 – и. д. настоятеля Знаменской ц. Нарвы (Ивангород). С
19.11.1942 состоял председателем экзаменационной комиссии (при архиеп. Нарвском Павле) для испытания
лиц на соискание сана диакона или священника. С эвакуацией Нарвы приписан с 7.03.1944 к причту Симео-
новской ц. в Ревеле (Таллинне). С 29.03.1943 – второй (сверхштатный) священник Иоанно-Предтеченской
ц. в Таллинне-Нымме. Остался на родине. Переехал на родину, в Псковскую область (К тому времени в пог.
Гористо Псковской епархии служил его брат, прот. Кронид Яхонтов). С 12.06.1946 – настоятель ц. иконы
Божией Матери Иверской в с. Морино Дновского района Псковской обл. С 30.10.1953 ввиду болезни вышел
за штат. Скончался после 1954.
- 39. Священник Анисимов Иоанн Захарович**
В 1930-х служил диаконом Никольской ц. пог. Ольгин Крест в Принаровье, до 1944 – священник того же
храма. Остался на родине. Позже служил на приходе Муствез (Черный Посад) в Эстонии.
- 40. Священник Захаров Александр**
В 1920 – 1940 – диакон Успенской ц. в Ивангородской крепости. До 1944 – священник ц. Иверского подворья
в Нарве (Ивангород).
- 41. Священник Каргай Сергей Александрович**
Рукоположен экзархом митр. Сергием в 1942 (?). До 1944 – священник Нарвского Спасо-Преображенского
собора. Позже служил в Александро-Невской ц. в Риге. Эвакуировался. Служил в храмах Германии, США.
Проживал в Ново-Дивеевском женском монастыре близ Нью-Йорка (США). Скончался в 1998 (?). Похоронен
в Ново-Дивеево.
- 42. Священник Кротковский Андрей**
В 1930-х и до 1940 – 1941 – священник Никольской ц. пог. Ольгин Крест в Принаровье. Дальнейшая судьба
неизвестна.
- 43. Священник Лозинский Ростислав**
В 1942 – 1944 – второй священник Св.Троицкой (Штиглицкой) ц. в Нарве (Ивангород). Остался на родине.

Автор исследования по истории Св.Троицкой церкви. Позднее служил в Тульской епархии.

44. Священник Недремский Николай Иванович

Род. 5.13.1883 в с. Ложголово Гдовского уезда С.-Петербургской губ. в семье диакона местной Георгиевской ц. Окончил 2 класса С.-Петербургской Духовной семинарии. 1901–1918 – учитель в школах Гдовского уезда. В 1919 в составе армии генерала Н.Н. Юденича служил полковым певчим, в эмиграции в Нарве (1919–1940). В 1930-х – регент хора и псаломщик (с 1932) Владимирской Братской ц. в Нарве, преподаватель церковно-славянского чтения в Братской школе. В 1938 рукоположен архиепископом Нарвским Павлом во диакона. Диакон Нарвского Спасо-Преображенского собора. В 1942 рукоположен во иерея архиеп. Нарвским Павлом, назначен к Петропавловской ц. с. Кейкино Ямбургского уезда С.-Петербургской епархии (1942), с 1942 служил настоятелем в Казанской ц с. Низы (Эстония, Нарвская епархия), в с. Удосолово, оттуда, по ненахождению жилья, переехал в с. Ратчино. Служил в местной церкви. Остался на родине. В феврале 1944 эвакуирован советскими войсками в глубь территории с линии фронта. С 1.08.1945 – настоятель Георгиевской ц. с. Ложголово. Скончался 20.09.1962 в Ложголово. Похоронен за алтарем местной Георгиевской ц. Подробнее см. стр. 113.

45. Священник Рауд Михаил

В 1930-х – в Нарве. В 1937 – 1940 – священник Никольской ц. (эстонской, на Ивангородской горке) 1939 – 1940 – священник Знаменской ц. В 1940 – 1944 – вновь в Никольской ц., окормлял в 1942 – 1944 приходы в Ямбургском уезде: Сойкино, Удосолово, Краколье, деревни прихода Кейкино.

46. Священник Романов Сергей

До 1944 – священник Нарвского Спасо-Преображенского собора.

47. Священник Тимофеев Иаков

В 1940-х служил в храмах Нарвы. В 1944–1945 – священник Св. Троицкой (Штиглицкой) ц. Позже (1.06.1945 – 23.11.1961) – клирик Нарвского Воскресенского собора, в 1945 – 1950 – его настоятель.

48. Диакон Натаров Петр

12.08.1928 – 13.08.1940 и 5.11.1941 – 01.02.1944 – служил в Нарвском Воскресенском соборе.

49. Диакон Сидоров Александр

1.11.1944 – 15.08.1948 – служил в Нарвском Воскресенском соборе.

ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ

50. Протоиерей Алмазов (имя неизвестно)

До 1941 проживал на покое в пределах Псковской губ., в Красногорском районе. Преклонных лет, слепец – в 1941 – 1944 служил обедницы, крестил в г. Красном и окрестностях.

51. Протоиерей Березняковский Феодор Михайлович

Род. 16.04.1868 в с. Дмитриевском Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губ. Окончил Ярославскую Духовную семинарию (1891). С 10.1891 по 5.1894 – учитель церковно-приходской школы в с. Дмитриевском Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губ. Рукоположен 20.07.1894 епископом Ростовским Никоном во диакона, 22.07.1894 им же, в Ростовском Успенском соборе – во священника. Назначен настоятелем ц. с. Княж-Городок Мологского уезда Ярославской губ. С 1894 по 1920 состоял также законоучителем местной земской школы и заведующим церковно-приходской школой. В 1912-1920 – духовник благочиния и член благочиннического совета. С 1923 – протоиерей. 30.01.1930 – арестован, три месяца провел в заключении, 3 года – в концлагере в Уральской обл. Вернулся на место прежнего служения, выслан из пределов Ярославской обл. С 1933 проживал в Новгороде, работал сторожем. В праздничные дни посещал церковь, помогал священникам при требоисполнении. С 10.11.1941 назначен священником ц. с. Георгия Новгородского района (благочинным прот. Василием Николаевским), с 30.03.1942 перемещен к ц. с. Васильевское. Вдов с 14.09.1942. В октябре 1943 эвакуирован в Латвию. С 17.01.1944 епископом Иоанном Рижским назначен приписным (2-м) священником Алексеевской ц. в Либаве, с проживанием в волости Дурбе. Либавским Русским комитетом был назначен уполномоченным по делам русских беженцев, проживающих в волости Дурбе. Обслуживал русских беженцев в волостях Дурбе, Кроте, Бунсе, Тадайке и Веспель. В праздничные дни служил литургии в разных приспособленных для этого местах. За литургией приходилось исповедывать и причащать до 500 человек, крестить до 300 человек. В июне 1945 возвратился в Новгородскую область. С 3.07.1945 вернулся на свой приход, назначен настоятелем ц. с. Васильевское Самокражеской волости, обслуживал приходы Васильевский, Спасо-Пископицкий, Егоровский, Лука и Ракомский. Один месяц (09.–10.1945) служил в ц. с. Косицы, с 15.10.1945 – в ц. с. Васильевское. Несмотря на просьбы своих детей уйти на покой, продолжал свое пастырское служение на приходе, неопустительно совершая богослужения в храме, нередко путешествуя по приходам пешком. Скончался после 1950.

52. Протоиерей Бируля Владимир

Род. в 1864 (?) В 1942 – 1943 – благочинный Солецкого округа, служил в Ильинском соборе в Сольцах. Освятил храмы в округе. Эвакуирован немцами в Литву. Скончался 8.08.1954 в г. Паневежис, Литва, на 81 году жизни.

53. Протоиерей Богданов Владимир Алексеевич

Род. в 1868. 4.08.1897 рукоположен во священника. Служил в Скорбященской и Казанской ц. в С.-Петербурге на Большой Охте, с августа-сентября 1941 служил в Казанской ц. Вырицы, затем протоиерей Усть-Введенской ц. Остался на родине. После закрытия Усть-Введенской ц. за штатом. С 1948 – в Кингисеппском доме инвалидов (ст. Котлы). Скончался после 1960.

54. Протоиерей Быстряков Николай Андреевич

Род. в 1875 в с. Воскресенское (Суйда) Царскосельского уезда С.-Петербургской губ. В 1896 окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию. В 1896 – январе 1899 – учитель церковно-приходской школы Ново-Ладожского уезда С.-Петербургской губ. С 29.01.1899 – настоятель Воскресенской ц. на ст. Суйда Царскосельского уезда С.-Петербургской губ., до 1917 преподавал Закон Божий в окрестных приходских и земских школах. Служил в Суйдинской ц. непрерывно 45 лет, до 1944. В 07.1942 – 1944 – благочинный Гатчинского и Сиверского округов, служил также на ст. Карташевская. Остался на родине. Весной 1944 – благочинный Гатчинского и Павловского районов. Арестован 22.10.1944. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа 26.12.1944 на 15 лет ИТЛ, 5.04.1947 срок изменен на 10 лет ИТЛ. В 1945 – прибыл этапом из С.-Петербурга в Казахстан. Скончался 26.11.1949 в заключении, в Карагандинском лагере. Похоронен в лагункте № 3, Спасск.

55. Протоиерей Василевский Сергей Иванович

Род. 17.09.1883 в Уфе. Окончил Уфимскую Духовную семинарию. С 20.08.1905 – псаломщик ц. с. Топорнина Уфимского уезда и губернии. Епископом Уфимским Христофором 26.08.1907 рукоположен в сан священника и назначен к ц. с. Медведово Златоустовского уезда Уфимской губ. С 14.07.1911 – священник ц. с. Бакалов Белебеевского уезда и заведующий церковно-учительской школой. 25.08.1913 перемещен к Никольской ц. г. Белебея, с 1922 епископом Охтенским Симоном назначен настоятелем собора в г. Белебей. В 1929 принят во Владикавказскую епархию, настоятель Александро-Невской ц. Владикавказа. С 1932 – служил в ц. г. Буйнакск, с 1933 перемещен к ц. с. Ардон. В 1937-1941 по болезни за штатом. К 1941 проживал в Новгородской области. Летом-осенью 1941 приглашен приходом с. Воскресенское Старорусского уезда для исполнения пастырских обязанностей. В 1942 игуменом Корнилием, настоятелем Георгиевской ц. Старой Руссы и приходским советом названного храма приглашен священником к Георгиевской ц. С 20.02.1942 Псковской миссией назначен настоятелем ц. Арх. Михаила в Дно (вероятно, в связи с эвакуацией немцами Старой Руссы во время боев за город). Сопровождал чудотворную Старорусскую икону Божией Матери во время эвакуации ее из Старой Руссы в Дно и позже, при возвращении ее в родной город. Служил в ц. пог. Скургы, в Дно. С ноября 1943 – благочинный Дновского округа. Остался на родине. В 1944 митр. Григорием утвержден настоятелем ц. в Дно, позже перемещен им же к Казанской ц. Пскова, благочинный Псковского округа. С 31.12.1950 – штатный священник Петропавловской кладбищенской ц. в г. Валдай Новгородской области. 23.11.1953 уволен за штат по болезни. Скончался 10.10.1955 в Валдае.

56. Протоиерей Виноградов Иоанн

Родился в 1875 г. Служил во время войны в храмах сел Устье, Корлы близ Пскова.

57. Протоиерей Городецкий Геннадий Михайлович

Род. 17.12.1881 в с. Захарово Грязовецкого уезда Вологодской губ. в семье диакона Ельниковской Борисоглебской ц. Окончил Вологодскую Духовную семинарию (1904). 9.02.1905 рукоположен епископом Вологодским и Тотемским Алексием во диакона к Богородицкой Комельской ц. Грязовецкого уезда Вологодской губ. Перемещен 19.07.1905 на штатную должность псаломщика к Вологодскому кафедральному собору. С 1.06.1906 – иподиакон того же собора. 26.12.1909 епископом Вологодским и Тотемским Никоном (Рождественским) рукоположен во священника, назначен к Каргачской Борисоглебской ц. Грязовецкого уезда. С июня 1928 – священник Покровской Маслянской ц. Вологодского уезда. С 10.10.1929 – священник Бережецкой Спасо-Преображенской ц. Кадниковского уезда. С 1936 – протоиерей. По болезни 20.12.1937 вышел за штат. В январе 1938 приехал из Вологодской обл. на ст. Сиверская к старшему сыну. С 1938 по 1941 работал сторожем и дворником в домах отдыха на ст. Сиверская. С занятием немцами пос. Толмачево (Преображенская) и ст. Сиверская, по неоднократным просьбам местного населения был мобилизован немецким военным командованием для исполнения обязанностей священника Спасо-Преображенской Толмачевской ц. Лужского округа (по рекомендации прот. Константина Красовского из Сиверской, духовным отцом которого был прот. Геннадий). С октября 1941 по 5.02.1944 служил настоятелем названной ц. Вместе с другими жителями 5.02.1944 поселка был задержан карательным отрядом немцев в лесу в 6 верстах от поселка, и вместе с ними отправлен в Германию, в Штутгарт, где находился до дня освобождения. В 1944-1945 находясь в плену в Штутгарте занимался с детьми дошкольного возраста. Вернулся в Россию в пос. Толмачево 27.10.1945. С 6.12.1945 – назначен насто-

ятелем Толмачевской Спасо-Преображенской ц., с 25.04.1946 – переведен настоятелем Петропавловской ц. на ст. Сиверская. С 15.11.1951 вышел за штат, оставшись приписным священником Петропавловской ц. ст. Сиверская для служения по договоренности с настоятелем. 13.09.1953 уволен за штат ввиду преклонных лет и слабого здоровья. Скончался 28.06.1955. Похоронен на Сиверском кладбище.

58. Протоиерей Добрянский Никандр Петрович

Род. в 1864. В 1943 (?) – 1944 служил в Никольской ц. с. Виделибье, Оклюдицы Псковской обл. Остался на родине. Служил там же и после войны. Скончался в 1956.

59. Протоиерей Жарков Петр Иванович

Род. 24.06.1891 в селе Троице-Пеленица Спасского уезда Рязанской губ. В 1912 окончил Рязанскую Духовную семинарию. 01.10.1912. рукоположен во священника епископом Рязанским и Зарайским Димитрием в Рязани. В 1912 – 1922 – священник Благовещенской ц. с. Старая Рязань Спасского уезда Рязанской губернии. С 1922 проживал в Петрограде, студент Петроградского Богословского института. В 1922 – 1924 служил священником ц. Воскресения Христова у Варшавского вокзала, ц. св. Екатерины в Екатерингофе, Николо-Богоявленского Морского собора. С 1928 – студент Высших богословских курсов, с 1929 – протоиерей. С 1929 был в заключении на Соловках (УСЛОН) 5 лет, после освобождения служил санитаром Обуховской больницы в С.-Петербурге. С 1935 проживал 5 лет в ссылке на ст. Кириши. С конца 1941 служил в Никольской кладбищенской ц. на ст. Саблино, одновременно работая фельдшером в железнодорожной больнице. Позже служил в храмах г. Любань, пос. Ушаки, Тайцы (С.-Петербургская епархия). По требованию немецкой комендантуры как неблагонадежный удален из прифронтовой зоны во Псков. С марта-апреля 1943 служил в Успенской ц. в Бутырках (Псков). С момента эвакуации Миссии из Пскова (февраль 1944) – скрывался в лесу до прихода советских войск (июль 1944). Остался на родине. К июлю 1944 – единственный остававшийся не эвакуированным немцами священник во Пскове, – скрывался от насильственной эвакуации. (В это время те немногие жители Пскова, которые остались здесь и в течение полугода вынуждены были скрываться в подвалах домов и различных строениях обезлюдившего города, разыскивались немцами, многие из них были расстреляны за нежелание эвакуироваться). С июля 1944 служил во Пскове – в Варлаамовской ц., позже – в Троицком соборе. Арестован 4.11.1944, осужден на 10 лет лагерей. Находился в лагере в Карагандинской области. Освобожден 4.03.1955. Проживал во Пскове. С 1956 священник Смоленской ц. в С.-Петербурге. С 1959 – за штатом. В апреле – июне 1960 – настоятель Воскресенской ц. с. Торошковичи Лужского района. С июня 1960 – за штатом. Скончался 12.01.1979.

60. Протоиерей Забелин Феодор Феодорович

Род. 16.01.1868 в Новгороде. 15.06.1888 окончил Новгородскую Духовную семинарию. С 28.10.1889 – надзиратель за ее воспитанниками, с 07.02.1892 – псаломщик ц. Елисаветградского юнкерского училища, с 06.04.1895 псаломщик Сергиевского собора в С.-Петербурге, с 10.12.1900 – диакон на вакансии псаломщика Сергиевского собора. 28.11.1904 рукоположен епископом Гдовским Кириллом (Смирновым) и назначен священником Покровской ц. 24-й артиллерийской бригады в г. Луге. В августе 1914 протопресвитером военно-морского духовенства командирован на войну, вместе с бригадой прибыл на фронт. Исполнял пастырские обязанности под огнем неприятеля на подступах к Варшаве, отличился в бою у селения Налоржин, награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте (сентябрь 1914). В 1915–1916 – благочинный стрелковой дивизии. С 8.07.1916 – протоиерей. Во время походного движения на Западном фронте в Гусятинском направлении, близ селения Божиков ранен в грудь осколком неприятельского снаряда и остался при исполнении пастырских обязанностей (октябрь 1916). В сентябре 1917 эвакуирован с войны, служил в Покровской ц. г. Луги, с 10.02.1924 – настоятель Кузьминской Благовещенской ц., с 06.10.1931 – 2-й священник Екатерининского собора в Детском Селе, с 2.10.1935 – настоятель Екатерининского собора, в 1935–1936 благочинный I-го Детскосельского округа. С 12.03.1938 – настоятель Знаменской ц. г. Пушкина, 12.08.1942 был эвакуирован в г. Гатчину. С 25.08.1942 – настоятель Павловского собора в Гатчине, благочинный Гатчинского округа. Остался на родине. В годы войны спас советского разведчика и, возможно, поэтому не был арестован в 1944–1945. Скончался 05.06.1949. Похоронен за алтарем Павловского собора г. Гатчины.

61. Протоиерей Заблотский Николай Фомич

Род. в 1867 в г. Лепель Витебской губ. После революции – учитель. Рукоположен в 1920-х. В 1941–1944 служил в Казанском соборе в Луге, настоятель собора, благочинный Лужского округа (09.1943 – 05.1943). Остался на родине. Арестован 3.05.1944. Осужден в 1944 на 20 лет.

62. Протоиерей Ирадионов Владимир Николаевич

Род. 30.06.1885 в Новоладожском уезде С.-Петербургской губ. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию (1907) и Императорский Археологический институт. Священник с 02.09.1907. Дворцовый священник в Новом Петергофе и Стрельне, с 28.02.1912 служил в Петропавловской придворной ц. мызы Знаменка Петергофского уезда. Арестован в конце 1920-х, отбыл 10-летнюю ссылку, в 1930-е снимал сан. С сентября 1941 служил

в храмах Гдова. В 1941 эвакуирован в Эстонию. Служил в Нарве и Таллинне. В 1941–1943 служил в ц. Любятово, Палкино, Гдове. Арестован в Таллинне 1944 или в 1945. Скончался в заключении в 1945. Подробнее см. стр. 146.

63. Протоиерей Кибардин Алексей Алексеевич

Род. 30.09.1882 в с. Всехсвятское Слободского уезда Вятской губернии в семье священника. Окончил курс Вятской Духовной семинарии по I разряду в 1903. С 1903 – законоучитель Котельнического 3-классного городского училища и женской прогимназии. 8.10.1903 рукоположен во священника епископом Вятским и Слободским Никоном (Софийским) к Троицкому Котельническому собору; 14.11.1904 перемещен к Никольской Котельнической церкви. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1908 за штатом, с 1.09.1912 – законоучитель I Петербургского женского четырехклассного городского училища; с 1912 служил в ц. Христа Спасителя общины сестер милосердия в С.-Петербурге; с 21.06.1913 – священник Феодоровского Царскосельского собора. 28.08.1914 – 1917 безвозмездно исполнял пастырские обязанности в лазарете Великих Княжон Марии и Анастасии Николаевны при Феодоровском соборе. С 1922 – протоиерей. С 1924 – настоятель Феодоровского собора. Арестован в 1930, приговорен 8.10.1931 к 5 годам лагерей по статье 58. Отбыл весь срок на Соловках, затем с 10.10.1934 работал бухгалтером в гражданских учреждениях Мурманска и Мончегорска. 5.07.1941 вернулся в г. Пушкин, весной 1942 эвакуирован немцами в глубь Ленинградской области; с 25.03.1942 остался священником церкви с. Козья Гора Осьминского района. 3.08.1945 назначен настоятелем Казанской ц. в пос. Вырица. Арестован 21.01.1950, приговорен 17.04.1950 к 25 годам лагерей по статье 58. Освобожден 2.02.1955 из Ангарлага указом от 27.03.1953 об амнистии. 15.08.1957 назначен вторым священником в вырицкий Казанский храм; с 7.08.1957 – за штатом. Скончался 5.04.1964 и погребен в пос. Вырица. Подробнее см. стр. 107.

64. Протоиерей Красовский Константин Андреевич

Род. в 1860. С 1920 и в 1941 – 1947 – настоятель Тихвинской ц. на ст. Сиверская близ Гатчины (С.-Петербургская епархия). Остался на родине. По одним сведениям, арестован не был. По другим – арестован в октябре 1944. Скончался в 1947. Похоронен на кладбище с. Межно близ Сиверской.

65. Протоиерей Кратиров Димитрий Димитриевич

Род. 15.11.1875 в г. Кадникове Вологодской губ. До 1943 – иосифлянин. В 1943 – 1944 служил в Новгородском районе. Эвакуировался. В 1944 вывезен в Германию. В 1945 – 1947 – настоятель собора Воскресения Христова в Берлине. Скончался 22.08.1952.

66. Протоиерей Кудринский Петр

В 1942 (?) – 1944 служил в ц. с. Рождественно близ Гатчины. Эвакуирован немцами в январе 1944 во Псков. В феврале 1944 эвакуировался в Ригу, затем – в Либаву. Служил в Алексеевской ц. Либавы. Осенью 1944 эвакуирован немцами в Германию. Вместе с епископом Иоанном (Гарклавсом) сопровождал чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери до г. Яблонец (Судеты, Чехословакия), где икона и эвакуированное духовенство экзархата с епископами Даниилом Ковенским и Иоанном Рижским пребывало до августа 1945. После отъезда части духовенства экзархата в Мюнхен, находившийся в американской зоне оккупации Германии, о. Петр Кудринский остался в Чехословакии. По распоряжению Патриаршего архиепископа Фотия и с санкции советского посольства в Праге в октябре 1945 был командирован в Мюнхен с целью «убеждения митрополита Анастасия о его возвращении в юрисдикцию Московской Патриархии» и епископа Иоанна (Гарклавса) «возвратиться на Родину; а также забрать Тихвинскую икону Божией Матери». После того, как эта миссия окончилась неудачей, вернулся в Яблонец. В 1949 – арестован. Дальнейшая судьба неизвестна.

67. Протоиерей Кузнецов Александр Александрович

Род. в 1868 в С.-Петербурге. Служил в Лужском округе в ц. с. Каменные Поляны, после сожжения окрестных селений во время боевых действий 1944 при отступлении немцев, благочинным ему предложено переехать в Лугу. Остался на родине. Дальнейшая судьба неизвестна.

68. Протоиерей Куховский Петр Петрович

В годы войны служил в храмах Псковской епархии. Остался на родине. В конце 1940-х служил в Михаило-Архангельской ц. с. Вышегород.

69. Протоиерей Кушников Анатолий Александрович

Род. в 1879 г. Служил в Стругах-Красных, в Вырице. Остался на родине. Арестован 26.05.1945, осужден на 10 лет.

70. Протоиерей Лавров Модест Павлович

Род. 10.05.1875 на пог. Утретки Опочецкого уезда Псковской губ. в семье прот. Павла Лаврова, настоятеля местного храма. Окончил Псковское Духовное училище, Псковскую Духовную семинарию (1897). С 25.01.1898 – законоучитель и учитель Печерской монастырской церковно-приходской школы. С 5.10.1900 – переведен в Утретскую церковно-приходскую школу, где и состоял до назначения священником. 17.10.1904 епископом

Арсением Псковским и Порховским рукоположен во диакона, 22.10.1904 – во священника, в г. Пскове. С 21.08.1904 – священник ц. Богоявления Господня с. Кунина Новоржевского уезда Псковской губ., с 28.10.1904 также законоучитель Глазовского земского народного училища Духновской волости. С 13.08.1905 – законоучитель и заведующий Кунинской церковно-приходской школой и Боровской школой грамоты. С 27.11.1906 – член благочиннического совета 1У округа Новоржевского уезда. С 22.12.1908 – законоучитель Киевского земского народного училища. С 12.08.1910 переведен на пог. Утретки Опочецкого уезда Псковской епархии. С 1926 по 1936 – благочинный церковей II округа Опочецкого уезда (тогда приход относился к Великолуцкой епархии, правящим архиереем которой состоял епископ Великолуцкий и Торопецкий Иоанн (Трояновский). С 1936 по 1944 непрерывно служил при Введенской ц. пог. Утретки (Пушкиногорского района). С 1941 стал также обслуживать соседний приход – Терebene, в 15–20 км от Утреток, добираясь туда на службу пешком. После того как в 1944 при отступлении немцев храм в Утретках был ими взорван, по прошению переводится в Воскресенскую ц. с. Терebene Опочецкого района, но продолжает обслуживать по очереди оба прихода (до 1947). С 5.11.1947 – настоятель Казанского собора в Луге, благочинный Лужского округа. С 30.10.1948 – штатный священник ц. Смоленского кладбища в С.-Петербурге. С 14.10.1949 – настоятель ц. прав. Иова на Волковом кладбище. С 28.12.1949 – настоятель Свято-Троицкой ц. «Кулич и Пасха». С 24.01.1952 – настоятель Димитриевской Коломяжской ц., с 28.05.1952 – штатный священник Никольской Большеохтинской ц. С 28.06.1960 – и.о. настоятеля названной ц. По выходе на пенсию, решением церковного совета Никольской Большеохтинской ц. 5.07.1961 уволен за штат (в связи с сокращением штата причта). Скончался 28.10.1967 в Петербурге.

71. Протоиерей Медведский Иоанн

В 1941–1942 служил в Петропавловской ц. в Любани. Скончался в декабре 1942.

72. Протоиерей Михайлов Феодор Иванович

Род. 10.07.1903 в Плюссе С.-Петербургской губ. В 1924 рукоположен во диакона, служил в Воскресенском Покровском женском монастыре в с. Нежадово близ Плюссы. Иосифлянин. В 1928 рукоположен во священника, служил в ц. с. Тигода, в соборе Воскресения Христова (Спас-на-Крови) в Петрограде. Служил в 1941 – 1944 в Лужском и Гдовском районах, в Плюссе. С 20.08.1943 – заместитель начальника Православной миссии, старший ревизор управления Миссии, настоятель Димитриевской ц. Пскова. В 1943 – 1944 – благочинный Псковского округа. Эвакуировался в Латвию. Остался на родине. Арестован. После освобождения служил в 1958-1959 в ц. с. Васильевское Новгородского района. С 1.10.1959 - за штатом. В 1970 -1976 – проживал в С.-Петербурге (Дровяной пер., 9, кв.11). Неоднократно обращался с просьбой разрешить ему служить на каком-либо приходе, в чем было отказано. Скончался после 06.1976 в крайней нужде. См. Приложение.

73. Протоиерей Николаевский Василий Васильевич

Род. в 1898. В 1941– 1944 служил в Новгороде – в Михайловском соборе на Прусской ул., в ц. сел Васильевское, Егорий – Новгородская обл. Был благочинным Новгородского округа (02.1943 – 02.1944).

74. Протоиерей Ноздрин Михаил

К 1943 служил в Казанской ц. в Вырице, входящим – в Петропавловской ц. в Вырице. С лета 1943 – в Казанском соборе Луги. В 1943 запрещен экзархом митр. Сергием (Воскресенским) в священнослужении.

75. Протоиерей Образцов Михаил Степанович

Род. 20.11.1881 в дер. Сафроново Емельяновской вол. Старицкого уезда Тверской губ. в крестьянской семье. Окончил 3 класса школы в с. Емельяново (1891), 3 класса петербургской начальной школы на Васильевском острове (1892), 4-классное Андреевское училище (1896) и подготовительный класс при Андреевском училище для поступления в институт (1897). Сдав экзамен на учителя церковно-приходской школы при С.-Петербургской Духовной семинарии (1897), окончил Педагогический учительский институт на 13 линии Васильевского острова (1901). С 1901 – учитель Гвозденской образцовой школы Гдовского уезда, с 1902 – учитель математики Гвозденской епархиальной учительской школы, в 1902-1910 – старший учитель Гвозденской учительской школы. Получает благословение св. прав. Иоанна Кронштадтского и митрополита С.-Петербургского Антония (Вадковского) на принятие священства. В 1910 сдал экзамен за весь курс Духовной семинарии. В 1911 рукоположен во диакона епископом Нарвским Никандром в Александро-Невской лавре. В том же году 1.04. в неделю ваий в Исаакиевском кафедральном соборе епископом Гдовским Вениамином рукоположен во священника. В 1911-1934 – священник Кунестской Петропавловской ц. Гдовского уезда С.-Петербургской губ. На пожертвованные св. прав. Иоанном Кронштадтским средства построил в с. Кунесть трехпрестольный каменный храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери, с приделами свв. апп. Петра и Павла и свт. Николая. С 1930 – протоиерей. После закрытия храма, в 1938 – учитель и завуч детской 7-летней школы, в Новгородской обл., в 1939 – директор, завуч и учитель русского языка названной школы. В 1939 окончил институт усовершенствования учителей по русскому языку и литературе (заочный сектор). В 1939-1941 – учитель средней школы для взрослых Октябрьской железной дороги в Новгородской обл. С 1941 – настоятель

Лазаревской–Ямковской ц. и учитель (с 1942) средней школы с. Сергеево Новгородского района и области. С 1943 – настоятель Успенской ц. с. Городец Лужского округа, входящий священник (раз в месяц служил обедни) Воскресенской ц. с. Петрова Горка. С 08.1943 – благочинный Лужского округа. Остался на родине. В январе 1944 за связь его прихожан, жителей с. Городец, с партизанами был заключен в немецкий лагерь в Заречной части Луги, позже содержался под домашним арестом. Будучи приговорен к смерти, избежал ее (немцы не успели ни казнить его, ни вывезти во Псков в связи с внезапным приходом партизан и освобождением Луги советскими войсками). Свое избавление приписывал заступлению прпмч. Трифона Городецкого, в день памяти которого 1.02. был избавлен от смерти, и которого неизменно чтит до конца своих дней, оставшись служить на приходе с. Городец, у мощей прпмч. Трифона. Поселившись в подвале церковной сторожки, восстановил пострадавший от войны Успенский храм с. Городец, возобновив в нем богослужения с недели ваий 1944. С 9.06.1944 митр. Григорием утвержден туда же настоятелем. С 15.01.1957 вышел за штат по болезни, по возможности продолжал служить в храме при сменившем его настоятеле свящ. Павле Талисайнене. Скончался 27.09.1959, погребен в с. Городец за алтарем Успенской ц.

76. Протоиерей Овчинников Василий Феодорович

Род. 7.08.1869 в пог. Коровск Островского уезда Псковской губ. в семье псаломщика. Окончил 4 класса Псковской Духовной семинарии (1888). С 1888 по 1893 – учитель Лоскучевской школы Островского уезда. С 05.1893 – псаломщик ц. пог. Старые Овсицы Островского уезда. 6.06.1901 епископом Антонином рукоположен в сан диакона к ц. пог. Старые Овсицы Островского уезда. С 1906 – диакон пог. Чирски Псковского уезда. 16/29.02.1920 епископом Псковским Геннадием рукоположен во священника к ц. пог. Чирски. С 17.07.1937 – протоиерей. В марте 1944 при эвакуации немецкими властями с пог. Чирски ранен в правую руку, инвалид. Потерял семью, вдов. Остался на родине. С 23.07.1945 – настоятель Космо-Дамиановской ц. пог. Локно Палкинского района. С 12.03.1946 – настоятель Михаило-Архангельской ц. пог. Кухва Островского района. Скончался 14.01.1952.

77. Протоиерей Осьминский Димитрий Николаевич

Род. 21.10.1878 в С.-Петербурге в семье священника. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию (1901). В 1901-1902 – на гражданской службе. С 1902 (01.1903 (?)) – псаломщик Князь-Владимирской ц. Орловско-Новосильцевской богадельни в Лесном. В марте 1903 рукоположен викарием епископом Константином Гдовским во священника к Тихвинской ц. с. Колчаново Новолодожского уезда С.-Петербургской губ. В 1912 г. перемещен настоятелем Князь-Владимирской ц. Орловско-Новосильцевской богадельни в Лесном (С.-Петербурге). С закрытием храма перемещен священником к ц. с. Доброе Тосненского района (близ Любани), а через три месяца – к Троицкой ц. пос. Самопомощь на ст. Поповка, где служил до ноября 1941. Вдов с 1941. Ввиду оккупации немцами Поповки и выселения ими прифронтовой полосы, бежал в Оредежский район. Там с 19.12.1941 служил священником: первоначально, в с. Загородицы, с. Ям-Тесово и Перечицы, позже, с 1943 (после регистрации благочинным прот. Иаковом Начисом), – в ц. свв. Флора и Лавра с. Загородицы (Лужское благочиние). С эвакуацией немцами жителей Оредежского района в Латвию (осень 1943), с 16.12.1943 назначен еп. Иоанном Рижским (Гарклавсом) священником ц. на ст. Алая для обслуживания нужд православных беженцев. В июне 1945 вернулся на родину. С 6.12.1945 назначен настоятелем Саблинской Никольской ц. Тосненского района, где продолжал окормлять многих из своей прежней паствы со ст. Поповка, полностью сгоревшей в годы войны. Был хорошим проповедником и усердным к богослужениям пастырем. Дважды переводы его (в 01.1949 – настоятелем Казанского собора Луги и благочинным Лужского округа, и в 09.1949 – священником в ц. прав. Иова на Волковом кладбище), – отменялись по усердным просьбам прихожан оставить прот. Димитрия в Саблино. До конца своих дней служил в Саблино. Скончался 21.02.1952.

78. Протоиерей Парийский Стефан Ипполитович

Служил в ц. с. Саввина пустынь близ ст. Стремутка (Псковская епархия, Псковский уезд). Трагически погиб в 1943, попав под немецкую автомашину.

79. Протоиерей Петров Александр Михайлович

Род. 13.02.1891 в С.-Петербурге. Окончил Петроградскую Духовную академию (1917). В 1929 – 1930 – священник Преображенской ц. в Лигово (Урицке). Арестован 29.01.1930. В процессе следствия «обвинение в контрреволюционной деятельности не подтвердилось», освобожден 8.03.1930. Служил в Князь-Владимирском соборе С.-Петербурга. С конца 1930-х – священник Николо-Богоявленского собора в С.-Петербурге. Проживал на даче в Лигово (Урицке), где до 1937 настоятельствовал в ц., летом 1941 оказался в оккупации. В 1941 – 1942 – настоятель Павловского собора в Гатчине, благочинный. Арестован немцами как агент НКВД в августе 1942. Расстрелян 08.1942.

80. Протоиерей (?) священник (?) Светлов (имя неизвестно)

Вошел в контакт с Миссией в мае 1943. В 1943 (?) – 1944 служил в Петропавловской ц. с. Голино б. Новгородского уезда (Новгородского района). Остался на родине.

81. Протоиерей Студентов Павел

- Род. ок. 1863. В 1943 (?) – 1944 служил в Николаевской ц. г. Порхова. С ноября 1943 – благочинный Порховского округа. Остался на родине. В конце 1940-х служил в Порховском округе.*
- 82. Протоиерей Сыпин Александр Николаевич**
Род. в 1858. В 1937 – за штатом, 79 лет. Служил до 1947 в Чудово. Остался на родине. Скончался 19.08.1953.
- 83. Протоиерей Телятников Николай Сергеевич**
Род. в 1865 в Красном Селе С.-Петербургской губ. До 1945 – иосифлянин. В годы войны служил в Лужском округе ц. с. Черемна. Остался на родине. В 1945 – 1947 – в Покровской ц. Мариенбурга (Гатчина). Скончался в 1950-х.
- 84. Протоиерей Тихомиров Иаков**
До 1917 (?) – священник С.-Петербургской (?) епархии. С 1922 – обновленец. После покаяния принят в молитвенное общение с Православной Церковью. В 1941 (?) – 1944 служил в Успенской ц. пос. Вруда, входящий священник ц. сел Ильеши, Каложницы. Остался на родине.
- 85. Протоиерей Троицкий Евгений**
Служил в Пожеревицах Пожеревицкого района (б. Порховского уезда Псковской губ.). Эвакуирован. С 1944 – в Келме, Литва.
- 86. Протоиерей Троицкий Иоанн**
Служил в ц. Новоржева и Новоржевском районе.
- 87. Протоиерей Успенский Иоанн**
С апреля 1943 служил в Екатерининской ц. в Антропишино (Царская Славянка).
- 88. Протоиерей Флоринский Димитрий Николаевич**
Род. 24.02.1888 в г. Александрове Владимирской губ. в семье священника. Окончил начальное городское училище (1898), Владимирское Духовное училище (1902), Владимирскую Духовную семинарию (1908). Поступил в Казанскую Духовную академию, которую окончил в 1912 со званием кандидата магистранта богословия. С 8.10.1912 – помощник инспектора Казанской Духовной академии. Преподаватель первой городской мужской гимназии по родному языку и истории, в старших классах по совместительству, – по русской литературе. С 5.10.1915 назначен уездным наблюдателем церковно-приходских школ Владимирской епархии, Александровского уезда. 3.11.1915 архиепископом Владимирским и Суздальским Алексием (Дородницыным) рукоположен во диакона, 4.11.1915 – во священника. 1.04.1918 назначен священником фабричной Троицкой ц. в с. Карбаново Александровского уезда. С 1928 – протоиерей. После ее закрытия (1929) в 1930 – арестован. Осужден на 6 лет. До 1941 – рабочий в лесной промышленности (в лесопильных и лесозаготовительных организациях). Во время оккупации занял место священника Успенской ц. с. Хрепло Батецкого района Новгородской области. После эвакуации местных жителей немецким военным командованием в Литву, вместе со своим приходом в 1944-1945 исполнял пастырские обязанности в отношении своих прихожан в Тельшевском уезде Литвы. В 1944 митр. Виленским и Литовским Сергием назначен уполномоченным по делам духовного обслуживания приходов и русских беженцев в Литве, а по приезде Псковской миссии из Пскова в Литву получил назначение окружного миссионера. Остался на родине. 2.05.1945 с эшелонам реэвакуантов вернулся в Новгородскую епархию, в с. Хрепло. Однако, в связи с тем, что храм в техническом состоянии был приведен в упадок и разорен, с 17.09.1945 назначается настоятелем Ильинского собора г. Сольцы. Скончался 24.12.1952 в Сольцах.
- 89. Протоиерей Чесноков Петр Васильевич**
Род. 28.05.1883 в С.-Петербурге. Отец его происходил из крестьян Тверской губ. Корчевского уезда Селиховской вол. дер. Труфанова и занимался в столице аптекарским делом. В 1900-1904 – послушник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Окончил общеобразовательные курсы в С.-Петербурге, выдержал экзамен на учителя Министерской начальной школы (1907). С 24.03.1908 – псаломщик ц. Рождества Богородицы в м. Городок Луцкого уезда Вольнской губ. 23.10.1910 архиепископом Антонием Вольнским посвящен в Житомире в стихарь. 17.10.1912 епископом Гавриилом Острожским (викарием Вольнским) в Житомирском соборе рукоположен во диакона. С 17.10.1912 по 13.08.1915 – диакон ц. Рождества Богородицы в м. Городок Луцкого уезда Вольнской губ. В 1915 (21.09.) выдержал экзамен по богословским предметам на священника. 3.10.1915 епископом Вениамином Гдовским в ц. прп. Алексия человека Божия Новолодожского уезда Петроградской губ. рукоположен во священника к названному храму. С 19.01.1919 – настоятель ц. Рождества Богородицы с. Черенцова Новолодожского уезда Петроградской губ. С 1930 – благочинный 3-го Ладожского округа Петроградской епархии (назначение преосв. Сергия Лодейнопольского). С 1933 – протоиерей. Арестован 27.12.1933. Осужден на 5 лет концлагерей. В заключении – во Владивостоке и в других лагерях Дальнего Востока. С 1939 проживает в Новгороде, где в 1939-1941 работает сторожем. После 17.08.1941 (взятие немцами Новгорода) исполняет пастырские обязанности среди верующих беженцев из Новгорода в общине Трясовского прихода (дер. Орлово), в 24 км от Новгорода (Поозерье). Во время оккупации им в этом селении был выстроен и освящен храм Вознесения Господня, действовавший до 1950-х. Настоятель Вознесенского

прихода с. Трясово и Орлово-на-Веренде (утвержден указом экзарха митр. Сергия с 20.05.1943). Осенью 1943 вместе с приходом и местным населением эвакуирован в Литву. С 8.11.1943 – настоятель Успенской ц. г. Можайки Литовской епархии. В 1945 вернулся в Новгород. С 15.10.1945 – настоятель ц. с. Бронницы Мстинского района Новгородской области. К 1949 служил в Новгородской епархии. Был известен как благоговейный молитвенник, опытный духовник и проповедник. Скончался после 1949.

90. Протоиерей Чудович Иоанн Петрович

Род. в 1876 в Могилевской губ. С декабря 1942 – 1944 служил в Петропавловской ц. на ст. Сиверская. Остался на родине. Весной 1944 высказывал недовольство притеснением Церкви после восстановления советской власти. Арестован 01.06.1944. Осужден на 10 лет.

91. Протоиерей Шенрок Николай Стефанович

С июля 1942 – 1944 – заместитель начальника Православной Миссии, старший ревизор Миссии.

Род. 20.12.1889 в С.-Петербурге в семье крупного чиновника (в чине тайного советника), начальника государственного департамента. Окончил гимназию и пастырские курсы в Житомире (Волынская губ.). Рукоположен во священника в 1912. В 1914 – диакон Спиридониевской ц. при Офицерской школе в Ораниенбауме. В 1915 – 1916 служил в приходах Тульской епархии, в 1916 – 1934 – на сельских приходах С.-Петербургской епархии, в 1934 – 1941 – на приходах С.-Петербурга. С декабря 1937 – протоиерей, настоятель ц. Волкова кладбища, с 05.1938 – настоятель Никольской Большеохтинской ц., с 09.1938 – Казанской ц. Красненького кладбища, январь 1940 – 03.09.1941 – священник ц. прав. Иова на Волковом кладбище. Летом 1941 проживал на ст. Сиверская на даче, оказался на оккупированной территории. С 1941 служил в Петропавловской ц. в Сиверской, позже (с лета 1942) – в руководстве Православной миссии, заместитель начальника Православной миссии. В 1943 – 1944 – настоятель Алексеевской ц. Пскова. Эвакуирован в Латвию. Остался на родине. Арестован 28.10.1944, в 1945 осужден на 20 лет. В заключении – в Карагандинском лагере (пос. Долинка) в Казахстане. Освобожден в 1956. Служил в Латвии: в ц. Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» и Благовещенской ц. в Риге. Скончался 6.10.1965 в Юрмале, похоронен на ст. Сиверская.

92. Священник Алексей (фамилия неизвестна)

Служил 2-м священником в ц. Корсунской Божией Матери с. Малая Яцера Гатчинского округа (б. Царско-сельского уезда). Вместе с настоятелем свящ. В. Романским расстрелян немцами (?) 1942 (?) 1944(?).

93. Священник Азелицкий Иоанн

Служил в ц. с. Люблино (?) (очевидно, Любятово, близ Пскова)

94. Священник Азиатский Алексей Семенович

Род. 05.02.1877 в с. Заречье Новолadoжского уезда С.-Петербургской губ. Окончил Александрo-Невское Духовное училище. Обучался в С.-Петербургской Духовной семинарии. Учитель церковно-приходских школ в Лadoжском и Гдовском уездах (1894–1907). Псаломщик в ц. Бельского погоста в Гдовском уезде (1907–1920). В 1920 рукоположен во диакона, служит в ц. Бельского погоста и пог. Кривовичи Псковского уезда (1920–1928). 14.10.1928 рукоположен архиеп. Псковским Феофаном во священника. Служит в пог. Устье близ Пскова, с 1930 – в пог. Смолино (Палкино), после закрытия храма, с 1935 – в с. Выскатка Гдовского уезда до ее закрытия в 1938. Потерял брата-священника, служившего в С.-Петербургской епархии и расстрелянного в 1937. Уехал в Новгород, проживал в его окрестностях 3 года на иждивении детей. С конца 1941 приглашен служить в ц. с. Коровий Ручей. Овдовел в 1942. По разрушении церкви и села в ходе боевых действий (1942) удаляется в дер. Апраксин Бор того же прихода, где пробыл до 1943. 1.01.1943 был приглашен в Любань для погребения скончавшегося там настоятеля местной Петропавловской ц. прот. Иоанна Медведского. Занял его место. С 1.01. 1943 – 15.10.1943 служил в ц. г. Любань, вместе со всем населением Любани эвакуирован 15.10.1943 в Латвию. Служил 2-м священником в ц. г. Бауск. 30.04.1945 вернулся в Любань. С 7.06.1945 по 1952 служил в Никольской ц. с. Котлы Кингисеппского района (б. Ямбургского уезда С.-Петербургской губ.). За штатом с 21.01.1952. Скончался 12.04.1953. Погребен в Котлах.

95. Священник Амозов Иоанн Васильевич

Самосвят. Род. в 1886 в Петрозаводском уезде Олонецкой губ. (Подпорожский район). С раннего детства обученный бабушкой молитвам и зная некоторое последование богослужения (в 1910 и.о. псаломщика), в 1941 – 1944 выдавал себя за священника. (В действительности член ВКПб с 1910, участник переворотов 1917. Исполнял различные партийные поручения. С октября 1917 – 1922 – на различных общественных, в 1922 – 1936 – на партийных постах). В июне 1936 арестован, будучи в должности зам. начальника политотдела управления милиции Ленинграда и области. Осужден по ст. 169 п.2 УК РСФСР на 5 лет ИТЛ. Освобожден в июне 1941. Возвращаясь к семье в Ленинград, попал в плен к немцам возле ст. Малая Вишера Новгородской обл., выдал себя за священника, пребывавшего в заключении. Стал служить священником в церквях г. Шлиссельбурга, пос. Мга и Лезье. В январе 1942 эвакуирован немцами во Псков. Выдав себя перед руководством Православной миссии за священника, направлен экзархом митр. Сергием священником в с.

Ушаки. Благочинный Гатчинского (Прифронтового?) округа. Неоднократно вызывая подозрения в том, что он лжесвященник, оговаривал священников перед немцами. Шесть раз арестовывался немецкими властями по подозрению в том, что не является священником, а умышленно подослан большевиками. С лета 1942 отстранен от должности. Продолжал ходить по деревням, служил в домах и где придется. В 1943 вновь допущен к совершению богослужений, по май 1944 продолжал служить, не задерживаясь подолгу на одном месте, в ц. пос. Тосно, Сиверская (С.-Петербургская епархия) и с. Торошино, Любятово, Камно, Пальцево (Псковская епархия). В мае 1944 арестован немецкой полевой жандармерией и направлен этапом в Таллинн. Освобожден из тюрьмы в Таллинне советскими войсками 23.09.1944. 04.10.1944 приехал в Ленинград, где был арестован (26.10.1944 (?)). После освобождения (19.10.1954) проживал в Ленинграде. Скончался в 1960-х.

96. Священник Андреев Иоанн Иоаннович

Род. 12.04.1898 в С.-Петербурге. В 1916 окончил торговую школу в Петрограде. Работал счетоводом в коммерческом банке (1916-1917), счетовод отдела недвижимых имуществ в Петрограде (1917-1919), счетовод в управлении Николаевской (Октябрьской) железной дороги (1919-1924). Окончил пастырско-благовестнические курсы при Богословском братстве Трех святителей (23.06.1920). 21.07.1921 рукоположен митрополитом Вениамином в Казанском соборе во диакона. Диакон ц. правв. Симеона и Анны в Петрограде. С 14.08.1922 вдов. С 17.05.1924 – диакон Серафимовской ц. на ст. Песочная, с 25.08.1927 – диакон Борисоглебской ц. на Калашниковской наб. 13.11.1928 епископом Шлиссельбургским Сергием в Николо-Богоявленском соборе рукоположен во священника. В 1928-1929 – священник ц. Арх. Михаила с. Казнаково Новоторжского викариатства Тверской епархии. После закрытия храма в 1929 не служил, приехал в Петроград. С 12.06.1930 определен настоятелем ц. Преображения Господня при ст. Кикерино. После закрытия храма в 1939 – 1941 работал счетоводом, позже бухгалтером разъездного стола на туговичной фабрике и на известковом заводе в Елизаветино Гатчинского района. С 21.09.1941 – настоятель Св. Троицкой ц. с. Пятая Гора. 26.08.1943 им был открыт храм Владимирской иконы Божией Матери в пос. Елизаветино (имение Дылицы), перед войной обращенный в общежитие известкового завода. С 31.10.1943 – настоятель названного храма. Служил также в одноименном домовом храме пос. Новая (?). С 30.05.1945 – настоятель Александро-Невской ц. пос. Волосово, с 8.10.1946 – Никольской ц. с. Ястребино. С 11.03.1948 переведен к Покровской Мариенбургской ц., протоиерей. С 1.09.1949 – штатный священник ц. в Чудово Новгородской области. С 20.02.1950 – настоятель Казанской ц. в Тосно, ввиду болезни с 27.06.1951 уволен временно за штат. С 29.02.1952 – настоятель Никольской ц. пос. Саблино, с 20.02.1953 – настоятель Мариенбургской Покровской ц. С 3.06.1955 – приписной священник, с 1.02.1959 – штатный священник Гатчинского Павловского собора. Со 2.06.1965 – уволен за штат. Скончался 5.07.1968.

97. Священник Аннинский Николай Васильевич

Род. 20.11.1896 в с. Мелковичи Лужского уезда С.-Петербургской губ. в семье псаломщика. Окончил С.-Петербургское Антониевское Духовное училище, 4 класса С.-Петербургской Духовной семинарии (1914). С 1914 – и. о. псаломщика ц. прп. Серафима Саровского за Нарвской Заставой (С.-Петербург). С 1915 – псаломщик Васильковской Троицкой ц. Шлиссельбургского уезда. С 20.04.1921 – перемещен митр. Вениамином (Казанским) к Кобонской Николаевской ц. 20.04.1924 епископом Шлиссельбургским Григорием (Лебедевым) посвящен во диакона в Александро-Невской лавре к названному храму. С 19.04.1926 – диакон-псаломщик Дубновской Покровской ц. Новоладожского уезда. 26.02.1928 епископом Кингисеппским (Ямбургским) Сергием рукоположен во иерея. Настоятель Медвежской Казанской ц. Лужского уезда (Осьминского района). С 15.05.1930 – настоятель Ложголовской Георгиевской ц., с 20.01.1935 – перемещен к Яблонницкой ц. (Волосовского района). С 2.03.1937 – перемещен к Скорбященской кладбищенской ц. Кингисеппа (Ямбурга). После закрытия ц. с апреля 1938 работал счетоводом, проживал в Кингисеппе. В 1941-1944 служил в храмах Ямбурга (Кингисеппа). Первоначально, с сентября 1941 – священником ц. Всех Скорбящих Радосте (кладбищенской), возобновив там богослужения. С ноября 1941 архиеп. Павлом Нарвским назначен священником местной ц. С наступлением холодов богослужения были перенесены из серьезно пострадавшего во время боев 1941 кладбищенского храма в городскую ц., устроенную в б. жилом доме, приспособленном под храм. При отступлении немцев в 1944 этот храм был сожжен (1.02.1944). Остался на родине. Проживал в Кингисеппе. Летом 1944 (с 9.06.1944) назначен настоятелем ц. с. Ложголово, с 19.09.1944 – настоятель Никольской ц. с. Крапивницы, с 16.11.1944 – настоятель Казанской ц. Пскова и благочинный Псковского округа (до 27.09.1945). С 18.10.1945 – настоятель ц. с. Рогожа Волховского района. Арестован 23.03.1951, осужден особым совещанием на 10 лет. Досрочно освобожден по болезни. После освобождения, 16.12.1954 возвращается служить вторым священником храма Собора Пресвятой Богородицы с. Рогожа. С 31.12.1955 выходит за штат. Во второй половине 1950-х иногда по просьбе правящего архиерея совершает богослужения в храмах Тихвинского округа. Скончался 25.04.1967.

98. Священник Апраксин Василий Николаевич

Род. 10.12.1891 в с. Симкино Карсунского (Ардатовского?) уезда Симбирской губ. (ныне – Больше-Березовский

район Мордовии) в семье псаломщика местной Христорождественской ц. С трех лет остался сиротой. За казенный кошт Церковью ему дано было образование. Окончил 4 класса Симбирской Духовной семинарии (1912). С 1912 – псаломщик в ц. с. Неклюдово (Дубенского района Мордовии), с 1914 – псаломщик Богородице-Рождественской ц. г. Ардатова. В 1917 рукоположен епископом Алатырским Назарием во диакона с оставлением в должности псаломщика. С 1917 – псаломщик и регент Свято-Троицкого собора г. Ардатова. 23.11.1920 рукоположен архиепископом Симбирским Александром во священника к ц. Рождества Богородицы с. Тазино Симбирской губ. (ныне – Больше-Березовского района Мордовии). С 1929 – священник с. Поводимово Дубенского района Мордовии. В 1930 арестован, сослан на пять лет в ИТЛ Северного края. Освобожден в 1934. С 1934 по 1941 – не священствовал. К 1941 проживал в Пушкине (Царское Село). В конце 1941 (эвакуация жителей Царского Села) перевезен немцами в Гатчину, где заключен в лагерь. По освобождении и лагеря проживал в Гатчине. С открытием Мариенбургской Покровской церкви ее приходской совет, узнав, что он священник, пригласил его служить. С согласия Псковской миссии и благочинного прот. Николая Шенрока весной 1942 получил назначение в Мариенбургскую ц. В 1942-1944 – настоятель Покровской ц. в Мариенбурге (Гатчина). Остался на родине. 6.04 (11.04.) 1944 – арестован. Осужден на 10 лет лагерей. В 1954 – освобожден из лагеря, направлен в ссылку в Красноярский край (без определенного срока). В 1956 – освобожден, вернулся в Гатчину. Прот. Петр Белавский приютил его и взял регентом Покровской Мариенбургской ц. С 1957 – регент хора Гатчинского Павловского собора. С 1958 получил разрешение митрополита Елевферия служить священником (вне штата) в Гатчинском Павловском соборе. Скончался 5.04.1962 в Гатчине.

99. Священник Багрянский Николай Тимофеевич

Род. в 1895 в с. Хилино Тихвинского уезда Новгородской губ. (Маловишерского района). Окончил Новгородскую Духовную семинарию (1915). К лету 1941 работал чернорабочим в Любани. В декабре 1942 вступил в РОА. Рукоположен в июле 1943, с лета 1943 служил священником в Петропавловской ц. Вырицы, входящим – в Крестовоздвиженской ц. с. Лисино. С 01.09. 1944 – второй священник Казанской ц. Вырицы. Остался на родине. Арестован 25.10.1944, осужден на 15 лет.

100. Священник Белов Дмитрий Иванович

В 1943 (?) – 1944 служил в с. Видони Псковской обл. (б. Лужского уезда). Остался на родине. В конце 1940-х служил в Павской Покровской ц., к 1949 – служил в ц. свв. Флора и Лавра с. Хредино.

101. Священник Беляев Николай

Служил в годы войны (к 1944) в ц. с. Бельское Устье (Псковская епархия). Убит, находясь в храме, случайной пулей во время боевых действий в районе села 30.01.1944.

102. Священник Бешнельский Алексей

Род. в 1893.

103. Священник Богданов Илия

Рукоположен в начале 1943. В 1943 – 1944 служил в ц. сел. Кубасово, Молоди, Христорождественской ц. пог. Белая Гдовского уезда, в 1944 – благочинный. Остался на родине.

104. Священник Бойцов Дисидерий Дмитриевич

Род. в 1884. В 1943 (?) – 1944 служил в ц. с. Мроткино и с. Городня – входящим (б. Лужского уезда, ныне Новгородской области). Остался на родине. После войны служил в Новгородской и Псковской епархиях. В 1949 – настоятель Георгиевской ц. с. Заполье Плюсского района Псковской обл. Скончался в 1953.

105. Священник Борозденков Кирилл Кузьмич

Родился в 1878 (1875 (?)). В 1943 (?) – 1944 служил в ц. с. Мелётово и Большое Загорье Псковского уезда (Карамышевского района). Остался на родине. До 1951 служил в Псковской епархии.

106. Священник Васильев Николай

Род. в 1891.

107. Священник Веселов Сергей Алексеевич

Род. в 1894. В 1943 (?) – 1944 служил в Преображенской ц. с. Тырково-Торошковичи. Эвакуирован в Латвию немцами вместе с паствой. Остался на родине. В 1944 вернулся из Прибалтики, служил вторым священником в Никольской ц. с. Хочени (б. Новгородский уезд, ныне – Новгородская обл.), позже (1952) – в с. Мроткино.

108. Священник Виноградов Илия

Служил в ц. с. Кубасово (Псковская обл.)

109. Священник Вознесенский Алексей Константинович

Род. в 1879 в с. Поречье С.-Петербургской губ. В 1920 служил священником Входиерусалимской ц. с. Посолодино Лужского уезда, ныне – Плюсский район Псковской области. До 1931 перешел служить в п. Стрельна под С.-Петербургом. 12.06.1931 – арестован по делу Ленинградского «филиала» Истинно Православной Церкви. 18.11.1931 приговорен по ст. 58-10 и 2 УК РСФСР к 3 годам лагерей. Отправлен в Соловецкий лагерь (г. Кемь). 22.07.1933 – досрочно освобожден. Поселился в Новгороде, где служил во время войны. В связи с Миссией не

вступал (?). Остался на родине. 21.02.1945 – арестован в Новгороде (Ленинградской обл.) 01.03. 1945 – переведен в тюремную больницу, где скончался от сердечной недостаточности 18.07.1945.

- 110. Священник Вознесенский Василий**
Род. в 1894. Служил в храмах с. Большая Толбица и Писковичи близ Пскова.
- 111. Священник Вознесенский Иоанн**
Род. в 1890. Служил в ц. с. Елизарово (б. Елезаровский монастырь) близ Пскова. Эвакуирован в Литву. Вернулся, служил в Псковской епархии. В 1949 – настоятель ц. с. Мельницы.
- 112. Священник Воробьев Николай**
Род. в 1866.
- 113. Священник Воронов Ливерий Аркадьевич**
Род. 22.01. / 04.02.1914 в Ораниенбауме С.-Петербургской губ. Окончил 9-летнюю школу в Ораниенбауме, школу фабрично-заводского ученичества Охтинского химического комбината (1930), Химико-технологический институт (1938). Один из инициаторов возобновления богослужений в храмах Вырицы в 1941. Певчий и псаломщик Казанской ц. в Вырице, затем в ц. св. Иоанна Предтечи в Щупоголово, с. Фроловское. 24.04.1943 рукоположен во диакона, 26.04.1943 – во священника экзархом митр. Сергием в Свято-Троицком соборе Пскова. В мае-августе 1943 – начальник канцелярии Миссии. С 28.08.1943 – священник Афанасиевской ц. во Гдове. Осенью 1943 эвакуирован в Нарву. Священник Спасо-Преображенского собора, с 1944 – в Таллинне. Остался на родине. Арестован 22.10 или 26.10. 1944 в Таллинне, осужден в 1945 на 20 лет Военным трибуналом войск Лен. военного округа 12.01.1945 (14.09.1944 (?)) по ст.58-1а УК РСФСР на 10 лет, по 23.04.1955 – в заключении. Реабилитирован 8.08.1956. Служил в Вологде, С.-Петербурге. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию, затем академию. Клирик ц. св. Иоанна Богослова, преподаватель С.-Петербургских Духовных академии и семинарии, доктор богословия. Скончался 06.12.1996 в С.-Петербурге.
- 114. Священник Воскресенский Владимир Павлович**
Род. в 1892. Служил в ц. с. Ст.Уситва Палкинского района Псковской обл. В 1946 – 1949 служил на пог. Малы Псковской епархии. Дальнейшая судьба неизвестна.
- 115. Священник Востоков Николай Иванович**
Род. в 1890 в Пензенской губ. До 1917 – священник в С.-Петербурге (?), б. учитель (в 1930-е (?)), признан Миссией во Пскове только в 1943. Служил в Казанской ц. с. Ославье б. Ямбургского уезда, ныне Волосовского района. Эвакуирован немцами осенью 1943. Остался на родине. Арестован 27.03.1945, осужден на 10 лет. Освобожден в 1955 – 1956. Позже служил в Волосово (1957 – 1960). Скончался в 1967.
- 116. Священник Гаврилов Владимир**
Род. в 1878. Служил в Опочке (б. регент архиерейского Псковского хора).
- 117. Священник Гаврилов Иоанн**
В начале 1943 посвящен в сан. Служил в ц. б. Симанского монастыря в Острове, Воронцово, с. Рюха. С 1944 эвакуирован в Куршаны (Куршанай), Литва.
- 118. Священник Гаврилов Иосиф**
Род. в 1882.
- 119. Священник Георгиевский Алексей Дмитриевич**
Род. в 1893. В 1943 – 1944 служил в Благовещенской ц. с. Порожки (б. Старорусского уезда Новгородской обл.). Остался на родине.
- 120. Священник Голубев Анатолий**
Род. в 1892. С 1941 (?) служил в ц. св. Иоанна Крестителя с. Поддубье близ Луги, Ольгинской ц. в Луге, затем вновь в Поддубье, в Успенской ц. с. Городец. Благодичный Лужского округа. Остался на родине. Благодичный с 12.05. 1944 по конец 1944 (?). К 1946 в Лужском уезде не служил.
- 121. Священник Гонестов Константин**
В начале 1943 посвящен в сан. Служил в ц. с. Овсищи Островского района.
- 122. Священник Горемыкин Димитрий Иванович**
Род. в 1897 в Вологодской губ. В 1930-х арестовывался. В 1942 – 1944 служил в Александро-Невской ц. с. Волосово (С.-Петербургская епархия). Остался на родине. Арестован 11.04.1945, осужден на 10 лет. В заключении до 1955.
- 123. Священник Горностаев Никандр Михайлович**
Род. в 1897. В 1942 – 1944 служил в ц. г. Красный, с. Велье Опочецкого уезда Псковской губ. Остался на родине. В 1946 – 1950 служил во Пскове. Дальнейшая судьба неизвестна.
- 124. Священник Гривский Михаил Федорович**
Служил в Никольской ц. в Любятово, в 1943 – 1944 – вторым священником и регентом Алексеевской ц. Пскова, преподавал церковное пение на курсах учителей, с 17.01.1944 служил также в ц. св. Михаила Архангела во

- Пскове. Эвакуирован (?).*
- 125. Священник Десятинский Николай**
Служил в ц. с. Сиротка (очевидно, Середка – Псковская обл.)
- 126. Священник Добровольский Григорий**
Служил в ц. с. Добровидки, пос. Струги, Русски (Псковская епархия).
- 127. Священник Донцов Сергей**
До 1941 (?) служил в Ильинской ц. с. Большая Толбица (Верхолино) близ Пскова. В 1941–1944 служил там же, а также входящим священником Введенской ц. с. Мал. Толбица. В 1944 – около 75 лет. Остался на родине. В 1944–1947 служил во Псковской епархии (Псковский район, очевидно, в том же храме). Скончался в 1947.
- 128. Священник Евдокимов Дмитрий**
Служил в ц. с. Хредино, пос. Плюсса. К 1944 служил в ц. с. Погорелово (Гагрино). Остался на родине.
- 129. Священник Егоров Николай**
В 1943 (?) – 1944 служил в ц. с. Городня б. Лужского уезда, ныне Новгородской обл. Эвакуирован.
- 130. Священник Ефимов Симеон**
- 131. Священник Заблотский Лев**
В 1942 (?) – 1944 служил в Знаменской ц. с. Подмошье б. Лужского уезда, ныне Новгородской обл. Скончался в марте 1944.
- 132. Священник Закревский Николай**
В начале 1943 посвящен в сан. Служил в ц. на ст. Чихачево (б. Порховский уезд Псковской губ.). Скончался в 1945 (?) на приходе Добрывичи.
- 133. Священник Зверев Михаил**
В 1943 (?) – 1944 служил в ц. с. Леохново (Старорусский район Новгородской обл.). Остался на родине.
- 134. Священник Иванов Андрей Демьянович (Гордеевич?)**
Род. в 1894 (1884 (?)) в д. Осетки Невельского района, получил начальное образование (3 кл.). Воевал в I Мировую войну, 1914 – 1919. Рукоположен во священника обновленческим епископом Александром, после покаяния принят через посвящение во священника епископом Смоленским Стефаном (Севбо). С 1943 – священник Невельской Свято-Троицкой ц., с 1946 – служил в Св. Николаевской ц. в Идрице. Остался на родине. Арестован 23.02.1951, осужден военным трибуналом войск МГБ Калининской обл. 22.10.1951 по ст.58-1 а УК РСФСР («антисоветская деятельность») на 10 лет. В заключении до 1956. С 20.06.1956, переехав в Латвию, служил в ц. Усекновения главы Иоанна Предтечи в Бродайжси. С 1.04.1959 служил в ц. с. Новая Слобода (Яунслабада) и Криванда. Скончался в 1963. Реабилитирован 28.12.1993.
- 135. Священник Иванов Иоанн Кириллович**
Род. 3.05.1877 в д. Неронов Бор Георгиевско-Выставского прихода Новгородского уезда и губернии в крестьянской семье. Окончил 3 класса церковно-приходской школы (1891). В 1894-1895 – помощник учителя при Георгиевско-Выставской церковно-приходской школе Новгородского уезда. 1895-1897 – учитель Толстиковской школы грамоты. Окончил курс пения для псаломщиков и учителей церковно-приходских школ в Новгороде (1894-1895). В 1900 сдал экзамен на знание псаломщических предметов. В феврале 1904 назначен псаломщиком Богоявленской Бельской ц. Устюженского уезда. 17.09.1909 посвящен в стихарь. В 16.05.1910 перемещен к Ильинской Дретенской ц. Старорусского уезда. Учитель пения при Дретенской церковно-приходской школе (1910-1915). С 23.09.1915 перемещен к Власиевской ц. Новгорода. По испытанию в Новгородской Пастырской Арсениевской школе посвящен в сан диакона 7.01.1917. 7.04.1922 посвящен во священника к Гладской Николаевской ц. Новгородского уезда. В конце 1928 выбыл в Тверскую епархию, где был назначен архиеп. Тверским Фаддеем на священническое место к Владыченской ц. 14/27 декабря 1930 уволен за штат по болезни. С 1942 – священник ц. св. Арх. Михаила с. Береза Порховского района. С 14.09.1943 – Миссией назначен священником Дубровенской ц. Порховского района. В феврале 1944 эвакуирован в Латвию. С 25.02.1944 – второй священник Илукстского Рождества Богородицы женского монастыря. С 3.12.1945 переведен к Гривской Николаевской ц., со 2.03. 1948 – к Старо-Форштадтской Двинской ц. В 1950 вернулся в Новгородскую область, с 4.10.1950 назначен настоятелем Успенской ц. с. Курицко в Поозерье, близ Новгорода, где служил в годы войны. С 1952 – протоиерей. Также служил входящим священником ц. Владимирской иконы Божией Матери в с. Горцы Шимского района. С 19.11.1955 также настоятель названного храма. Скончался 12.02.1956.
- 136. Священник Иванов Иоанн Спиридонович**
Род. 6.02.1912 во Псковской губ. (?). С 1941 – псаломщик в Свято-Троицком соборе Пскова. Рукоположен во диакона, служил в Свято-Троицком соборе Пскова. В 1943 рукоположен во священника, служил там же. С осени 1943 – в Любятово под Псковом (вместе с архим. Серафимом (Проценко)). С марта по октябрь 1944 эвакуирован в Крентинген (Литва). Остался на родине. Арестован. В 1945 (?) после фильтрации освобожден. Служил на приходах Псковской епархии. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию и

академию. В 1953 – 1954 – священник Спасо-Преображенского собора С.-Петербурга. 21.11.1962 хиротонисан в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры во епископа на Вятскую кафедру (еп. Кировский и Слободской), где в 1960-х во время гонений отличился тем, что совершенно не противился закрытию властями действующих православных храмов. Скончался в 17.11.1966. Похоронен в С.-Петербурге на Большеохтинском кладбище.

137. Священник Иванов Константин

В 1943 (?) – 1944 служил в ц. Владимирской Божией Матери с. Горцы Шимского района (б. Старорусского уезда) Новгородской обл. Остался на родине.

138. Священник Колчев Валентин

В 1943 (?) – 1944 служил в Никольской ц. с. Хочени б. Новгородского уезда (Батецкого района). Остался на родине.

139. Священник Кононов Петр

В 1943 (?) – 1944 – служил в ц. с. Подгощи, входящим – в ц. сел Углы и Мишага, с 1944 основным стал приход с. Углы, ц. с. Подгощи – входящим. (Шимский район Новгородской обл.). Священник-беженец, потерявший семью. Остался на родине. К осени 1944 по состоянию здоровья почти не служил.

140. Священник Копылов Иоанн Стефанович

Род. 20.01.1882 в пос. Талабск Псковской губ. и уезда. Сын диакона Богоявленской ц. г. Пскова. Окончил 4 класса Псковской Духовной семинарии (1901). В 1901-1908 – псаломщик и регент Покровской ц. пог. Духново Новоржевского уезда. В 1911–1912 – псаломщик Казанской ц. пог. Кириллово Островского уезда. В 1912–1915 – помощник писаря Жадрицкого волостного правления, в 1915 – 1917 – волостной писарь, там же. В 1917 – 1923 – волостной секретарь. 1923 – 1941 – счетовод и бухгалтер в различных учреждениях. Проживал в Дно. С 10.09.1941 – 1.09.1942 – Православной миссией назначен псаломщиком ц. пог. Скугры близ Дно. С 1.09.1942 по 1943 – псаломщик Михаило-Архангельской ц. в Дно и секретарь Дновского благочиннического округа (при свящ. Василии Рушанове, 1942 – 02.1943). Рукоположен во священника. С 4.09.1943 по 14.08.1944 – настоятель Спасо-Преображенской Доворецкой ц. Солецкого района Новгородской области. С 14.08.1944 – настоятель Вознесенской ц. с. Речки Волотовского района. С 21.09.1944 по 10.09.1953 – благочинный Старорусского округа. С 1950 – протоиерей. Скончался после 1950.

141. Священник Корлский Михаил

Служил в ц. с. Выбуты близ Пскова.

142. Священник Кузьмин Андрей

Служил в Димитриевской ц. Пскова.

143. Священник Лавров Иоанн Владимирович

Род. 17.02.1884 в с. Хряпьево Новоржевского уезда Псковской губ. в семье диакона. Образование домашнее. С 09.1902 по 08.1909 – учитель и законоучитель Волчицкой школы грамоты Новоржевского уезда. По сдаче экзамена в Псковской Арсениевской псаломщической школе, с 08.1909 по 1912 – псаломщик при Троицкой ц. с. Бараново Новоржевского уезда. В 1912 епископом Псковским и Порховским Алексием рукоположен во диакона к Спасо-Преображенской ц. с. Вехно Новоржевского уезда. В 1912 – 1938 (до закрытия храма) – диакон названной ц., с 1913 по 1918 – законоучитель Дублинниковской начальной школы на территории Вехновского прихода. 8.10.1942 – экзархом митрополитом Сергием рукоположен во священника к названной ц. Остался на родине. 25.08.1945 утвержден настоятелем названной ц. Вышел за штат по болезни 18.03.1950. Скончался после 1950.

144. Священник Лаптев Алексей Панфилович

Род. 11.12.1890 в Кронштадте в семье бывшего рабочего мачтового завода, состоявшего церковным певчим и псаломщиком, и происходившего из крестьян Владимирской губ. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию (1912). По окончании семинарии б. ректором епископом Вениамином определен в Митрополичий хор учителем мальчиков и певцом, где пробыл до призыва на войну в 1915. Одновременно окончил 3 курса психоневрологического института в Петербурге по медицинскому факультету, не окончив институт вследствие призыва на войну в 1915. После войны 1914–1917 служил бухгалтером в Петрограде и окрестностях, участвуя в богослужениях в качестве певца и солиста в церковных песнопениях в Сергиевском и Спасо-Преображенском соборах, других храмах. До 1940 – бухгалтер в тресте «Теплострой», в 1940–1941 – бухгалтер в колхозе Буденного в Лужском районе. В оккупации – в Гатчинском районе. В 1941–1943 работал на пилке дров, пел в православных храмах. Вдов. 14.06.1943 посвящен в Риге в ц. Св. Духа, митр. Литовским и Виленским, экзархом Латвии и Эстонии Сергием во иерея. После рукоположения по назначению митр. Сергия служил в храмах Риги: в кафедральном соборе, при монастыре и в иных храмах. С августа 1943 по назначению Православной миссии во Пскове служил в кафедральном соборе и других ц. Пскова, позже – в пос. Тайцы и Елизаветино, к январю 1944 служил в Спасо-Преображенской

ц. с. Орлино Гатчинского округа. В феврале 1944 вместе с местным населением эвакуирован немцами в Германию, где они были прикреплены к заводу Миллера близ Дюссельдорфа. До августа 1945 по указанию митрополита Берлинского Серафима служил в условиях отсутствия храма для утешения верующих, эвакуированных беженцев и пленных «молитвою и верою во Христа». В сентябре 1945 вернулся в Россию. В 1945–1947 – не служил, работал в сельском хозяйстве. В 1947 арестован, осужден 28.02.1948 по ст. 58-10 ч. II, приговорен к 7 годам лагерей и 3 годам поражения в правах. Освобожден в сентябре 1954, вернулся на родину. 18.07.1956 реабилитирован. В июле 1956 обратился в С.-Петербургскую епархию с просьбой определить на приход. Принят в штат епархии. 4.07.1956 получил назначение настоятелем ц. Св. Духа на приходе с. Городцы Волотовского района Новгородской обл. По болезни на приход выехать не смог, уволен за штат ввиду болезни и его о том прошения. Защитный священник, проживал в Гатчинском районе, на ст. Карташевская, Руновская ул., 14. Скончался после 09.1956.

145. Священник Лилиев Иоанн

В 1942 (?) – 1943 (?) служил в ц. пос. Шимск б. Новгородского уезда.

146. Священник Макаренко Стефан

Служил в ц. Михайловского погоста Псковской епархии.

147. Священник Мартынов Василий Петрович

Род. в 1871. В 1943 (?) – 1944 служил в Рождественской ц. Климентовского погоста б. Новгородского уезда, тогда – Оредежского района (С.-Петербургская епархия). Позже – защитный протоиерей (1944 – 1949).

148. Священник Маслов Алексей Данилович

Род. 10.02.1879 в Троицке Челябинской области, послушник на Валааме. С 1941 служил псаломщиком при игумене Илии (Мошкове) в Павловске в кладбищенской ц. прав. Иоакима и Анны, с 1942 – в ц. пог. Доложск (Заручье). Рукоположен в Миссии (1943), в Риге, епископом Иоанном (Гарклавсом). Священник в Доложске, с ноября 1943 (после сожжения церкви в Доложске) – в Зажупанье. Остался на родине. Служил до 1952 в Зажупанье, убит, обманом приглашенный для совершения богослужения, 22.12.1952. Похоронен в Зажупанье.

149. Священник Матвеев Иоанн

Учился (в 1943 – 1944 (?)) на богословских курсах в Вильно.

150. Священник Мельников Георгий

Служил в ц. в Гдовском районе. Эмигрировал в Германию.

151. Священник Мещерский Алексей Александрович

Род. 7.02.1893 в с. Рыдань Болховского уезда Орловской губ. в семье священника. Окончил Черниговскую Духовную семинарию (1914). 12.10.1914 епископом Пахомием, викарием Черниговской епархии, рукоположен к Михайловской ц. с. Новые Бобовичи Новозыбковского уезда Черниговской губ. С 1917 – священник Введенской ц. с. Дивовка Черниговской епархии, с 1924 – священник Покровской ц. с. Губостово Почепского района Черниговской епархии. Арестован в 1930, осужден на 10 лет лагерей. Освобожден по отбытии 7,5 лет. С 1937 проживал у сестры в с. Семешково Унечского района Орловской обл. С 1939 по 1942 – счетовод стеклозавода в Торковичах близ ст. Оредеж. По приглашению прихожан стал служить священником Никольской ц. с. Дмитриевы Горки Пожеревицкого района Псковской области. В 1943 (?) – 1944 служил в Троицкой ц. с. Болчино б. Порховского уезда (Дедовичского района). Остался на родине. С 1945 – перемещен к Тихвинской ц. с. Добрывичи Ашевского района Псковской обл. С 1947 – настоятель ц. Рождества Богородицы с. Белая Дновского района. С 1948 – настоятель Свято-Духовской ц. с. Городцы Волотовского района Новгородской области. Со 2.01.1950 – за штатом. Скончался 5.11.1950 в Старой Руссе.

152. Священник Митрофанов Василий Васильевич

Род. в 1869 в Валдае Новгородской губ. В апреле 1943 посвящен в Риге в сан иерея, в 1943 – 1944 служил в Троицкой ц. на ст. Сиверская. Остался на родине. С 01.09.1944 – настоятель Петропавловской ц. Вырицы. Арестован 25.10.1944. Осужден в декабре 1944 на 10 лет. Скончался в заключении.

153. Священник Михайловский Павел Павлович

Род. в 1891. В 1943 (?) – 1944 служил в Никольской ц. с. Хочени б. Новгородского уезда (Батецкого района). Остался на родине. Служил на приходах С.-Петербургской епархии. Скончался в 1967.

154. Священник Модестов Иоанн Алексеевич

В 1943 (?) – 1944 служил в Спасской ц. с. Александрово б. Порховского уезда (Порховского района).

155. Священник Молчанов Иоанн Васильевич

Род. 20.09.1891 в д. Никоно Шулецкой волости и прихода Ростовского уезда Ярославской губ., с детства был певчим в храме. Окончил торговую школу, получил среднее образование, в 1919 окончил в Москве 2 курса Православной народной академии. К 1943 – вдов, имел трех дочерей и сына, арестовывался в 1937–1938. Брат Петра Молчанова, крестного отца внуки иеросхимонаха Серафима Вырицкого (Муравьева) Ольги (р. 1937). Проживал в Любани, с апреля 1942 – секретарь Любанского городского управления. В июле 1943

рукоположен епископом Иоанном (Гарклавсом) в Риге во священника. Вместе со священником Багрянским направлен прот. Кириллом Зайцем в Вырицу. Служил в Вырице, в Казанской ц., с 07.06.1944 – настоятель ц. в Рождествено. Остался на родине. Арестован в Рождествено 19.10.1944 (24.10.1944), осужден на 15 лет ИТЛ, в 1947 срок изменен на 10 лет ИТЛ. В заключении в Воркуте (Коми) до 1954. Разбитый параличом в заключении, сразу же после освобождения из лагеря, был отдан родным и скончался у них на руках в Любани 14.12. 1954. Похоронен в Любани.

156. Священник Молчанов Серафим

Служил в храмах с. Елины, Дубки Островского района Псковской обл., с. Рюха Псковского района.

157. Священник Мясников Алексей (прот. Мясников Александр Захарович (?))

В начале 1943 посвящен в сан. Служил в ц. близ с. Ямы (Ямм (?), на железной дороге Псков – Гдов (?)) Псковская обл.

158. Священник Назаретский Алексей

Служил в ц. с. Знахлицы (Псковская обл.). Остался на родине. К 1949 служил там же.

159. Священник Налимов Алексей

В 1930-х служил в ц. с. Смерди близ Луги (до войны (?)). В 1941 (?) – 1944 служил в Казанском соборе Луги.

160. Священник Никитин Михаил

До 1937 – 1938 – б. диакон с. Дерглец (Волотовский район Новгородской обл.). С 1943 (?) – священник там же. С марта 1943 – заместитель благочинного Порховско-Дновского округа по Волотовскому району. Остался на родине.

161. Священник Оглоблин Иоанн Васильевич

Род. в 1892. Служил в храмах с. Тешково, Демяницы, Русски (Псковская обл.) и пог. Локно. Остался на родине. В 1947 – 1948 служил во Псковской епархии.

162. Священник Осипов Иоанн

Служил в ц. с. Скугры (Дновский округ, Псковская обл.).

163. Священник Парийский Михаил Стефанович

Род. в 1896, посвящен в сан в начале 1943, служил в ц. с. Саввиной пустыни близ Пскова.

164. Священник Пермяков Николай

Служил в Гдовском округе.

165. Священник Петров Николай Михайлович

Род. 13.12.1894 в с. Никифорово Устюжского уезда Новгородской губ. С 1942 (?) служил в Успенской ц. с. Вруда, Георгиевской ц. с. Ложголово. Остался на родине. Служил в различных храмах С.-Петербургской епархии (Тосно и др.), с 1947 – протоиерей, с 1960-х – за штатом. Проживал на ст. Саблино. Скончался 16.04.1970, похоронен в Саблино (?).

166. Священник Петров Петр

167. Священник Пиркин Иоанн

С 30.11.1941 по 01.03.1942 – настоятель Покровской ц. в Мариенбурге, в 1942 – 1944 служил в Троицкой (и Александро-Невской (?)) ц. Красного Села, старец (преклонных лет). Эвакуирован немцами со всем населением Красного Села в Литву. Скончался в 1944 в Литве.

168. Священник Попов Николай

Служил в ц. с. Городня Батецкого района Новгородской обл., в ц. сел. Мельницы, Мелётово. Эвакуирован к 1944 в Алитус (Литва).

169. Священник Попов Сергей

Служил в ц. в Оредежском районе

170. Священник Пращиков (Тращиков (?)) Иоанн

Рукоположен в начале 1943. Служил в ц. с. Березка (Сырковичи) Дновского района Псковской обл.

171. Священник Преображенский Иоанн Георгиевич

Род. 3.02.1915 в Ораниенбауме в семье известного петербургского священника прот. Георгия Преображенского. К лету 1941 – студент 3 курса I Медицинского института (Ленинград). Один из инициаторов возобновления богослужений в храмах Вырицы. Певчий и псаломщик в Казанской ц. Вырицы. Псаломщик в ц. с. Новоселье, в Троицком соборе Пскова. Рукоположен во диакона 22.08.1943 во Пскове, в Свято-Троицком соборе, служил во Пскове; будучи диаконом Рижской Иоанно-Предтеченской ц. – во священника в Риге в 1943. Остался на родине. С 08.1945 служил в Варлаамовской ц. (Псков). С января 1946 – священник, затем – настоятель указанной ц. В 1946 – 1948 – настоятель Казанской ц. (Псков), и.о. настоятеля Свято-Троицкого собора и благочинного Псковского округа. С 07.1948 – настоятель Петропавловской ц. в Валдае Новгородской обл. Арестован с 24.04.1953 по 25.12.1955. После освобождения – вновь настоятель Валдайской Петропавловской ц., и.о. благочинного Боровичского и Старорусского округов. 1959 – 01.1964 – настоятель Сергиевской ц. пос. Старая

Вичуга Ивановской обл., благочинный Вичугского округа. В 1964 – 1991 служил в храмах С.-Петербургской епархии: Никольской Большеохтинской ц., Павловском соборе Гатчины, священник Николо-Богоявленско-го кафедрального собора, Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры (С.-Петербург). Скончался 29.01.1991 в Гатчине. Похоронен за алтарем Покровской ц. в Мариенбурге.

172. Священник Проскуряков Илья Иванович

Рукоположен в 1942 архиеп. Нарвским Павлом. В 1942 – марте 1945 служил в Воскресенской ц. с. Яблоницы. Остался на родине. К апрелю 1945 «выбыл в Пензу».

173. Священник Птицын Петр Васильевич

Род. в 1898 в д. Корбозеро, Карелия. Жил на Псковщине. Рукоположен в сан священника в начале 1943. Служил в ц. с. Камно. Остался на родине. Арестован 20.04.1945 либо 27.06.1945. Осужден военным трибуналом войск НКВД Псковской обл. 9.06.1945 по ст.58-1 а УК РСФСР на 10 лет. Реабилитирован 30.06.1992.

174. Священник Пузанов Феодор Андреевич

Род. 8.06.1888 в с. Алферовка Емонтаевской вол. Бугурусланского уезда Самарской губ. в семье псаломщика. Окончил земскую школу в с. Каменка Уфимской губ (1895). Крестьянствовал. Участник I Мировой войны. Георгиевский кавалер (в 1914 и 1915 награжден Георгиевскими крестами 2-й, 3-й и 4-й степеней и георгиевской медалью 4-й степени. Вернувшись на родину, в 1918-1920 – псаломщик в ц. с. Каменка Уфимской губ. С 14.06.1921 – псаломщик ц. с. Новоспасское Самарской губ. 14.03.1923 епископом Бугурусланским Алексием, викарием Самарской епархии рукоположен во диакона к ц. с. Новоспасское, позже – диакон ц. с. Борискино той же епархии. В августе 1926 рукоположен епископом Иоанном Петропавловским во священника, определен к ц. станицы Становая Петропавловской области. В 1928 арестован НКВД, осужден к 3 годам заключения на Нижнем Урале, до 1932 – на поселении. В 1932-1941 проживал в Чудово Новгородской области, трудился рабочим. В оккупации – в Чудово. С 1941 – священствовал в Чудово, во Пскове. С 9.04.1942 назначен Миссией настоятелем ц. с. Хохловы Горки Порховского уезда, Псковской епархии. Остался на родине. Во время эвакуации населения немцами в январе 1944 скрывался вместе с местным населением в лесу до прихода советских войск. Награжден медалью «партизану Великой Отечественной войны». С 10.03.1944 – благочинный шести районов Псковской области (до 1.12.1945) Служил на приходе ц. Хохловы Горки (утвержден указом от 1.03.1944, с 19.09.1944 по 9.12.1944 – настоятель ц. с. Михайлово Псковской епархии, позже – вновь в Хохловых Горках. С 20.02.1947 – настоятель ц. с. Углы Новгородской обл., с 20.03.1948 – настоятель Успенской ц. с. Молочково близ Сольцов (Новгородская епархия), к 1950 – служил там, позже – в г. Чудово. Скончался в 1965.

175. Священник Романский В. (имя неизвестно)

В 1942 (?) – 1944 служил в ц. Корсунской Божией Матери в с. Малая Ящера Гатчинского округа (б. Царскосельского уезда). Вместе со вторым священником храма о. Алексием расстрелян немцами (?) в 1942 (?) 1944 (?). (Возможно, информация ошибочна и речь идет о свящ. Сергии Романове (позже служил в Нарве) и свящ. Алексии Лаптеве (Орлино)).

176. Священник Рудаков Порфирий П.

В 1941 – 1944 служил в ц. пос. Волосово, с. Ястребино. Остался на родине. Дальнейшая судьба неизвестна.

177. Священник Рясенский Евлампий

Служил в годы войны в ц. с. Палкино (Псковская обл.).

178. Священник Садиков (имя неизвестно)

179. Священник Сапунов Сергей Васильевич

Род. 25.09.1886 в с. Бол. Кузьмино Царскосельского уезда С.-Петербургской губ. в крестьянской семье. Окончил Кузьминскую земскую школу (1897), Царскосельское 4-классное городское училище (1901). 1895-1905 – певчий и чтец при Кузьминской Благовещенской ц. Царскосельского уезда. 1905-1914 – регент этой же ц. 1914-1921 – штатный псаломщик и регент Александровской ц. Царскосельского уезда. Сдал экзамены на сан диакона при Петроградской Духовной семинарии (1916). 11.04.1921 митрополитом Петроградским Вениамином рукоположен во диакона, в 1921-1935 – штатный диакон Кузьминской ц. В 1924 свт. исп. Патриархом Тихоном награжден протодиаконским орарем. В 1935 выслан из города, с марта 1935 – на гражданской работе. В 1935-1941 – рабочий и служащий на различных предприятиях в Новгороде. С ноября 1941 по 1943 – диакон Георгиевской ц. Новгородского уезда (Поозерье). 18.05.1943 в Риге епископом Иоанном Рижским (Гарклавсом) рукоположен во священника. С 21.05.1943 определен Духовной миссией к Лазаревской Ямковской ц. Новгородского района (с. Сергово). Священник названной ц. до октября 1943. Вместе с семьей и со всем местным населением и вывезен немцами в Прибалтику, в Литву, в лагеря г. Шавли (Шауляй). Через три недели местным епархиальным начальством определен к Титовянской Казанской ц. Шавельского округа, на свободную вакансию. Священник названной ц. с 11.1943 по 1.1945. 1.02.1945 с эшелонам освобожденных русских прибыл на родину. С 3.03.1945 – настоятель ц. Рождества Богородицы с. Рождествено близ Гатчины. Скоропостижно скончался 25.01.1951. Похоронен в Рождествено.

- 180. Священник Сарапов Николай Петрович**
 Род. 2.02.1880 в дер. Загорье Печорской волости Псковского уезда и губернии в крестьянской семье. С 1884 семь лет был певчим в Псково-Печерском монастыре. Окончил 2-классное министерское училище (1892), 2 класса Учительской семинарии (к 1895). С 1898 – и. д. псаломщика при Крестовой ц. Псковского епископа и состоял певчим архиерейского хора по 1901. В 1901-1903 – псаломщик ц. пог. Демянки Порховского уезда Псковской губ. с обязательством обучать детей прихожан чтению и пению при богослужении. В 1903 рукоположен епископом Арсением Псковским и Порховским во диакона к ц. пог. Кухва Островского уезда. С 1905 – диакон Островского Троицкого собора и учитель пения 2-классной церковно-приходской школы. В 1913 перемещен к Никольской ц. г. Холма, в 1913-1914 – законоучитель 2-классного Романовского училища, одноклассной земской школы, воскресной школы для взрослых и учитель пения в названных школах. В 1920 епископом Псковским и Порховским Геннадием рукоположен во священника к Николаевской ц. пог. Устье Псковского уезда. С 1929 – за штатом. Жил на иждивении детей. В 1929 митр. Феофаном назначен и. д. псаломщика Никольской ц. пог. Ремда, с 1930 перемещен псаломщиком Михаило-Архангельской ц. пог. Кобылье Городище, с 1936 – за штатом. С 17.09.1942 и. о. псаломщика при ц. пог. Кобылье Городище. С 15.12.1942 митр. Виленским Сергием назначен священником к ц. пог. Кобылье Городище Середкинского района Псковской обл. с обслуживанием пяти соседних приходов: Ремда, Курокша, Островцы, Боровик и Теребище. Остался на родине. С лета 1944 – в ц. с. Кобылье Городище. С 27.07.1946 переведен к Казанской ц. пог. Лукомо Дновского района. С 18.07.1947 – настоятель Никольского собора Изборска. Скончался после 1947.
- 181. Священник Сергеев Василий**
 В 1943 – 1944 служил в Тихвинской ц. с. Романицина и Воскресенской ц. с. Торошковичи Лужского уезда.
- 182. Священник Синайский Василий**
 Служил во Пскове.
- 183. Священник Смирнов Борис**
 В 1943 (?) – 1944 служил в Знаменской ц. с. Турская Горка и ц. с. Пески б. Лужского уезда, ныне Новгородской обл. Остался на родине.
- 184. Священник Смирнов Михаил Иванович**
 Род. в в 1899 С.-Петербурге, кандидат богословия. Служил вместе с прот. Феофором Забелиным (Гатчина) в Павловском соборе и в кладбищенской Иоанно-Предтеченской ц. (1943), ц. с. Торошино. Остался на родине. Арестован 24.05.1944, осужден на 10 лет. После освобождения проживал в Гатчине (?).
- 185. Священник Солдатов Иоанн**
 К 1944 служил в Благовещенском соборе Порхова. Остался на родине.
- 186. Священник Соловьев Николай Иванович**
 В 1910 окончил 3 кл. Псковской Духовной семинарии, псаломщик, свящ. сан (диаконский (?)) принял в мае 1923, рукоположен архиепископом Валдайским Иосифом, в 1944 – священник с. Илемно Порховского уезда Псковской губ., ныне – Солецкого района Новгородской обл. Остался на родине.
- 187. Священник Соловьев (имя неизвестно)**
 К 1944 жил и служил (?) в дер. Дубенки Тосненского района. Арестован в 1944 (?).
- 188. Священник Сперанский Георгий**
 К 1943 жил и служил (?) в дер. Б. Тресно, с января 1943 – заместитель Дновского благочинного.
- 189. Священник Спиридонов Николай**
 В 1943 (?) – 1944 служил в Спасо-Преображенской ц. с. Заклинье б. Порховского уезда (Дновского района),
- 190. Священник Степанов Александр**
 В 1943 (?) – 1944 служил в Крестовоздвиженской ц. с. Ополье Ямбургского уезда, входящим – в Никольской ц. с. Кёрстово. Остался на родине.
- 191. Священник Стефанович (имя неизвестно)**
 Служил в Дедовичах Псковской обл., г. Дно.
- 192. Священник (протоиерей (?)) Стехновский Борис Михайлович**
 Род. 3.05.1904. Ранее (в 1930-х?) служил в ц. с. Красные Пруды Новосельского района Псковской обл. (иерей). Слагал сан, в 1941–1942 – художник при Миссии. Восстановлен в сане после покаяния. В 1943 (?) – 1944 служил в храмах Святогорского округа, в г. Красный, с. Велье. Остался на родине. Арестован 3.08.1944, провел в заключении 8 лет. Освобожден 25.08.1952. Позже служил в Тихвине. Скончался 11.1989.
- 193. Священник Стехновский Василий**
 Служил во Пскове.
- 194. Священник Суслин (Михаил (?)) Иоанн (?)**
 Служил в 1941 (?) – 1942 в Спасо-Преображенской ц. с. Орлино Гатчинского округа. Арестован немцами в 1942 одновременно с гатчинским прот. А. М. Петровым. Расстрелян летом 1942.

- 195. Священник Трифонов Василий**
Служил в ц. на территории Новгородской обл.
- 196. Священник Трофимов И. (Трифонов Иоанн)**
Служил под Лугой, к осени 1944 вернулся из эвакуации из Латвии.
- 197. Священник Успенский Михаил**
К 1941 – преклонных лет. Служил в Святых Горах и окрестностях, на пог. Жаборы Порховского округа. Скончался в 1944.
- 198. Священник Успенский Николай Васильевич**
Род. в 1894. В 1942 (?) – 1944 служил в Благовещенском соборе Порхова, в ц. с. Славковичи, в Вознесенской ц. с. Бельское Устье Псковской губ. Остался на родине. Скончался в 1963.
- 199. Священник Федоров Александр Феодорович**
Род. в 1881. В годы войны служил в ц. сел. Нёготь, Камно близ Пскова. В 1945 – 1948 служил в Псковской епархии. Скончался в 1948.
- 200. Священник Феодор** (фамилия неизвестна) (возможно, прот. Феодор Михайлов (см. № 73, см. Приложение)
В 1942 (?) – 1944 служил в с. Посолодино Плюсского района Псковской обл. Эвакуировался (?).
- 201. Священник Фессак Борис**
В 1943 (?) – 1944 настоятель ц. свв. Флора и Лавра в с. Хредино Псковской обл. (б. Лужского уезда). Остался на родине.
- 202. Священник Харенский Иоанн Феодорович**
Род. в 1881. В 1943 (?) – 1944 служил в Покровской ц. с. Мелковичи б. Лужского уезда (Новгородская обл.) и ц. с. Косицкое б. Новгородского уезда (Батецкого (?) района). Остался на родине. В 1945 – 1948 служил во Псковском и Гдовском районах Псковской епархии.
- 203. Священник Чернавский Александр Михайлович**
Род. 18.08.1887 в с. План Кузнецкого уезда Саратовской губ. Из духовного звания. Окончил 3 класса Вольского Духовного училища Саратовской губ., 4 класса городского училища в Кузнецке Саратовской губ. С 1912 – псаломщик Михаило-Архангельской ц. с. План Кузнецкого уезда Саратовской губ., с сентября 1921 – псаломщик ц. с. Старого Чиркова Хвалынского уезда той же губ. В марте 1924 епископом Иовом Вольским рукоположен во диакона, с оставлением на вакансии псаломщика того же храма. С мая 1926 – диакон ц. с. Баевка Хвалынского уезда Саратовской губ. В декабре 1929 епископом Вольским Симеоном рукоположен во священника к ц. с. План Кузнецкого уезда Саратовской губ. С 24.12.1929 по 2.03.1942 – на гражданской работе (работал в совхозе в Кузнецком районе). 2.03.1942 Псковской миссией (прот. Кириллом Зайцем) назначен священником на Талабские острова. В октябре 1943 эвакуирован с Талабских островов в Латвию. С 1944 – в Якобштадте (Латвия), на ст. Зельва, позже – в Лаудонском приходе, где служил псаломщиком (распоряжение епископа Иоанна Рижского). Остался на родине. В августе 1944 вернулся во Псков. С 19.06.1944 – священник Димитриевской ц. во Пскове. С июля 1945 – священник ц. с. Кусва Псковского района, с августа 1945 – Никольской ц. с. Любятово, с 01.1946 – Никольской ц. пос. Пыталово, с 09.1946 – Ново-Муравейской ц. Качановского района, с 19.06.1947 – Никольской ц. с. Палкино, в 07.1948 – перемещен к Талабским островам, с 28.08.1948 – к ц. с. Кусва. С 16.06.1950 назначен к Никольской ц. с. Владимирец Сошихинского района. 8.08.1950 уволен за штат.
- 204. Протоиерей Яхонтов Кронид Александрович**
До 1937 служил на пог. Бродовичи Псковской обл. С 1937 не служил. В годы войны служил на приходах (в Псковской епархии). К осени 1944 служил на приходах Псковской обл. Остался на родине. После войны, в конце 1940-х служил в Преображенской ц. с. Гористо Порховского округа.
- 205. Протоиерей Дегожский Виктор**
В годы войны служил в Сольцах. К сентябрю 1945 проживал близ Сольцов, не служил.
- 206. Протоиерей Журавлев Андрей**
До 1917 – диакон храмов г. Луга. Служил в Луге и уезде (?) до 1930-х. В 1941 – 1944 – протоиерей Лужского Казанского собора. Остался на родине. После войны – священник в Луге.
- 207. Протоиерей Юдин Феодор Иванович**
Род. 17.02.1900 в Петергофе С.-Петербуржской губ. Получил специальное музыкальное образование. 1919 – псаломщик церкви Серафимо-Девеевского подворья в Старом Петергофе, 1920 – псаломщик Петропавловского собора Петергофа, с 06.11.1922 – диакон этого собора, и с 1927 – протоиерей, 1936–1937 в штате Николо-Богоявленского собора, с 01.03.1938 в Князь-Владимирском соборе, 1940 – лето 1941 – в штате Николо-Богоявленского собора. В годы войны служил во Пскове, в Гдовском уезде. В конце 1941 – начале 1944 служил в храмах Гдовского округа, позже – в Нарве и Таллинне. Остался на родине. Арестован 26.10.1944 в г. Таллинне. Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа по обвинению в измене Родине 03.01.1945

приговорен к 20 годам ссылки на каторжные работы. В заключении до 1955. Служил в Рижском кафедральном соборе, затем в Нарве. В 1958 заштатный протодиакон в Ленинграде, с 01.01.1959 служил в ц. Смоленского кладбища. С 1963 – в Троице-Сергиевой лавре. Скончался 28.02.1974 в Сергиевом Посаде.

- 208. Диакон Аузлицкий** (имя неизвестно)
Служил в ц. с. Оклюдицы (Псковская епархия)
- 209. Диакон Бирюзов Василий Феодорович**
К осени 1944 проживал на Сиверской на Фельдмаршальском пр.
- 210. Диакон Василевский Сергей**
В 1942 – 1943 служил в Покровской ц. в Мариенбурге при священнике Иоанне Пиркине. Скончался в сентябре 1943. Похоронен в Мариенбурге (?).
- 211. Диакон Добряков Алексей**
К 1944 служил в Георгиевской ц. с. Ратчино б. Ямбургского уезда. Остался на родине. В 1944 осенью рукоположен во священника.
- 212. Диакон Игнатьев Петр Игнатьевич**
В 1943 (?) – 1944 служил в Скорбященской ц. и Воскресенской ц. на ст. Передольская б. Лужского уезда, ныне Новгородской обл. Остался на родине. В 1944 осенью рукоположен во священника. Служил в Новгородской епархии (к 1952 – в Покровской ц. с. Косицы).
- 213. Диакон Козлов Димитрий Гордеевич**
Род. в 1883 в Великолуцком уезде Псковской губ. К 1932 – псаломщик ц. Арестован 24.06.1932, осужден «тройкой» ПП ОГПУ в Западной обл. 17.08. 1932 по ст.58-10-11 УК РСФСР на 5 лет. (Реабилитирован 8.12.1989). До 1944 рукоположен во диакона, служил в храмах Псковской обл. Остался на родине. Летом 1944 архиеп. Григорием (Чуковым) рукоположен во священника к ц. пос. Ляды б. Гдовского уезда.
- 214. Диакон Ларионов Филипп**
Служил к весне 1944 в Александро-Невской ц. пос. Волосово.
- 215. Диакон Максимов Александр Иванович**
Род. в 1886 в Твери. В 1901 окончил Тверское Училище путей сообщения, в 1935 – юридический факультет Ленинградского университета. Рукоположен во диакона 16.08.1921 епископом Старицким Петром, викарием Тверской епархии. Проживал в Колпино. К 1943 служил в Казанской ц. Вырицы. В 1944 – настоятель Казанской ц. Остался на родине. Летом 1944 архиеп. Григорием (Чуковым) рукоположен во священника к Воскресенской ц. с. Модолницы Лужского уезда. Служил на приходах С.-Петербургской, Новгородской, Псковской епархий. Скончался 4.06.1951.
- 216. Диакон Орлов Александр Иванович (Иоанн Иларионович ?)**
Род. в 1872. Служил в Лужском районе, в связи с Миссией не вступал. После 1956 служил в ц. пос. Толмачево Лужского района.
- 217. Диакон Орнатский Николай**
В 1943 (?) – 1944 служил в Спасской ц. с. Спас-Пископец б. Новгородского уезда (Новгородского района). Остался на родине. Осенью 1944 рукоположен во священника к названной ц.
- 218. Протодиакон (?) Диакон (?) Самгин Сергей**
Бывший военнопленный, позже служил в отделе снабжения Лужской городской управы, протодиакон Лужского Казанского собора (Луга). Самосвят (?). Эвакуировался.
- 219. Диакон Смирнов Николай**
В 1942 (?) – 1944 служил при свящ. Василии Сергееве диаконом Тихвинской ц. с. Романицина близ Луги. Остался на родине. С осени 1944 – за штатом.
- 220. Диакон Тишин Николай Васильевич**
Род. в 1906. Служил в Лужском районе, в связи с Миссией не вступал. В 1952 служил в ц. с. Городна Новгородской епархии. Скончался в 1966.
- 221. Диакон Травин Константин**
Осенью 1944 рукоположен во священника в Царскую Славянку
- 222. Диакон Харламов Николай**
Осенью 1944 работал на паркетной фабрике в Сиверской, с осени 1944 – штатный диакон Тихвинской ц. в Сиверской.
- 223. Диакон Яковлев Михаил Николаевич**
Род. 23.10.1889 в пог. Николо-Корба Кинешемского уезда Костромской губ. в семье протоиерея. Окончил Кинешемское Духовное училище и 3 класса Костромской Духовной семинарии. Псаломщик Николаевской ц. с. Николо-Пенья Нерехтского уезда Костромской губ. 2.11.1914 рукоположен в Костромском кафедральном соборе епископом Кинешемским Севастианом во диакона к Нерехтской Благовещенской ц. В июне 1916 пе-

реведен в Петроград к ц. Марии Магдалины Мариинского института на Кирочной ул. С сентября 1917 – к Николаевской домово́й ц. на Офицерской ул. С ноября 1918 – диакон домово́й ц. Рождества Христова на 12 Роте. Служит в храмах Петрограда: в ц. Воскресения Христова у Варшавского вокзала (1920–1924), Екатерининской Екатеринбургской ц. на Рижском пр.(1924–1925), храме Воскресения Христова Новодевичьего монастыря (1925–1927). 10.1927 – 1.1928 – диакон ц. Михаила Архангела на Английском просп. при настоятеле прот. Михаиле Чельцове. С 1.1928 – диакон храма Воскресения Христова «Спас-на-Крови» при настоятеле прот. Василии Верюжском до закрытия храма в 1930. С 1927 до марта 1943 – иосифлянин. К 1942 служил на ст. Саблино(?), 27.06.1943 принят в молитвенное общение еп. Иоанном (Гарклавсом), с мая по ноябрь 1943 – в Петропавловской ц. Любани. Эвакуирован, служил в Латвии (8.11.1943 – 31.08.1944 – в Георгиевской ц. г. Бауска, с 31.08.1944 по осень 1944 – в рижской Александро-Невской ц.). Вместе с еп. Иоанном (Гарклавсом) сопровождал чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери. Эвакуирован в Германию, затем – Чехию. Во время эвакуации из Риги в Судеты служил в порядке очереди у архиепископа Ковенского Даниила и епископа Иоанна Рижского. 27.05.1945 архиеп. Даниилом по представлению еп. Иоанна возведен в домово́й ц. еп. Иоанна в Гогенсберге при г. Яблонце в сан протодиакона. Служит при названных архипастырях и в лагере перемещенных лиц. С 1945 служит при еп. Сергии Пражском, с 9.07.1946 – протодиакон Успенской ц. на Ольшанах в Праге. Служит в Праге и Пряшеве при чехословацких архипастырях (1947–1952). Вернулся в Россию. Служил в Валдае (1952–1953), Павловском соборе Гатчины (05.1953 – 18.12.1964). С 1964 – за штатом, по приглашению до 1970 служил в храмах Гатчины. Скончался 01.06.1980 в Гатчине.

224. Псаломщик Андреев Ф. С. (имя неизвестно)

Служил к 1944 в Знаменской ц. в с. Любыни Шимского района Новгородской обл.

225. Псаломщик Голубев Иоанн

В 1943 (?) – 1944 служил в Христорождественской ц. пог. Белая Порховского уезда, при свящ. Илие Богданове. Остался на родине.

226. Псаломщик Елецкий Николай

В годы войны служил в Сольцах. К сентябрю 1945 проживал близ Сольцов, не служил.

227. Псаломщик Заколдаев Александр

В годы войны служил во Псковской области.

228. Псаломщик Ильменский Михаил

Служил в Успенской ц. в Бутырьках близ Пскова.

229. Псаломщик Камагин Иоанн Иванович

Род. в 1908 в с. Московская Славянка Царскосельского уезда С.-Петербургской губ. (Павловского района). В 1943 – 1944 – служил в Успенской ц. с. Городец Лужского района. Служил к 1944 в ц. Иоанна Крестителя в с. Поддубье близ Луги.

230. Иеромонах Иона (Карсов Иван Феодорович) (Он же см. № 32)

К 1949 служил в Параскевинской ц. с. Велени, приход которой был присоединен к приходу с. Хредино. В конце 1949 служил в с. Камно. Позже – ?.

231. Псаломщик Комаров (имя неизвестно) (Иоанн Романович (?))

Служил в ц. с. Демяницы (Псковская епархия). (В 1944 – в Космодамиановская ц. с. Локно (?))

232. Псаломщик Красногородский (имя неизвестно)

Служил во Псковской обл. (?) Учился на Богословских курсах в Вильно.

233. Псаломщик Львов Яков Яковлевич

Род. в 1883 в с. Сиворицы Царскосельского уезда. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию. До 1917 преподавал в земских школах Лужского уезда. До 1930-х (?) служил псаломщиком Успенской ц. с. Смёшино близ Луги. 1942 (?) – 1944 служил регентом, псаломщиком в Казанском соборе г. Луги. В 1940-х–1950-х – регент лужского Казанского собора.

234. Псаломщик Павлов Николай

235. Пономарь Петров Михаил

236. Псаломщик Плескач Сергей Дмитриевич

В 1942 (?)–1944 служил в приходах Николо-Конец и Павловский погост Гдовского уезда. Остался на родине. Арестован. Дальнейшая судьба неизвестна.

237. Псаломщик Рудаков Василий

В годы войны служил в Варлаамовской ц. Пскова

238. Псаломщик Синицкий Николай Васильевич

Служил в Свято-Троицком соборе Пскова

239. Псаломщик Слепнев Павел

Служил в Крестовоздвиженской ц. с. Ополье Ямбургского уезда С.-Петербургской губ. Расстрелян немцами в 1944 при отступлении из деревни Ямковицы Кингисеппского района.

240. Псаломщик Терентьев Иоанн

Служил в Никольской ц. с. Любятово близ Пскова

241. Псаломщик Филковский Иоанн

Род. в 1894. Служил в ц. пог. Корлы Псковского района и ц. ст. Локня.

242. Псаломщик Хмелев Валентин

Служил в Свято-Троицком соборе Пскова

243. Псаломщица Крылова Варвара Васильевна

Род. 4.12.1897. из крестьян дер. Балсово Ремдовской вол. Гдовского уезда. Во время войны и в конце 1940-х служила в ц. с. Ремда и пог. Кобылье Городище

244. Псаломщица Петрова Ирина Ивановна

Род. в 1904 в д. Михальцево Новгородской губ. В 1943–1944 (?) – псаломщица Казанской ц. в Вырице. Осталась в Вырице. В конце 1940-х – регент Петропавловской ц. в Вырице. Проживала: Мельничный пер., 29.

245. Псаломщица Ольга (фамилия неизвестна)

В 1941 – 1943 – псаломщица и регент хора Крестовоздвиженской ц. с. Велье Опочецкого уезда Псковской губ.

246. Псаломщица Ястремская Татьяна А.

Служила в ц. с. Камно Псковского района.

МОНАШЕСТВУЮЩИЕ

247. Архимандрит Исаакий (фамилия неизвестна)

Служил в годы войны в ц. пос. Новоселье в 45 км от Пскова (Псковская обл.). Скончался в конце 1942.

248. Архимандрит Серафим (Проценко Стефан Владимирович)

Род. в 1874 (1869 (?)) в с. Карповка Славянской волости Изюмского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу. Помогал родителям по хозяйству. На военной службе в лейб-гвардии Семёновском полку рядовым. Во время службы в С.-Петербурге неоднократно посещал Кронштадт, встречался с о. Иоанном Кронштадтским, по совету которого ушел в монастырь. Подвизался (1895 – 1917) в Сяньдемской и Никифоровской пустынях, позже Кирилло-Челмогорском мужском монастыре Олонецкой епархии. Пострижен в мантию с именем Серафим, рукоположен во иеромонаха. С 1917 по 1923 по благословению митрополита Петроградского Вениамина открывал и строил в Петрограде подворье Челмогорского монастыря (на Боровой ул., 40). Игумен. В 1919 – 1924 – настоятель храма при Кирилла Челмогорского в Петрограде. Возведен в сан архимандрита. После закрытия подворья до 1932 служил в ц. Пекинского подворья на Воронежской ул. 17.04.1932 – арестован по делу «Ленинградского филиала Истинно-Православной Церкви». 16.06.1932 – приговорен к 5 годам ИТЛ (Темниковские лагеря). С конца 1930-х проживал в пос. Вырица, где окормлял до 1941 тайную монашескую общину. С лета 1941 по 1944 служил в храмах Вырицы, открыл (легализовал) созданный на основе своей монашеской общины Богоявленский мужской монастырь в юго-западной части Вырицы, в Поселке. Выстроил в 1942 в монастыре церковь во имя св. Иоанна Предтечи (арх. Ф.М. Ларченко). Окормлял добровольческие вспомогательные (тыловые охранные) части «хиви» (РОА), расквартированные в Вырице и окрестностях. К осени 1944 служил в Никольской ц. в Любятово близ Пскова. Остался на родине. 30.07.1945 – арестован в Любятово. 04.05.1946 – приговорен к 20 годам каторжных работ по ст. 58 п.1-а. В заключении до середины 1950-х. После освобождения некоторое время – в Псково-Печерском монастыре. В 1955 – в Ленинграде, позже проживал в Вырице, почитался как старец и прозодивец. Скончался 28.12.1960 в Вырице, похоронен в С.-Петербурге на Большеохтинском кладбище возле Никольской ц. Реабилитирован.

249. Архимандрит Серафим (Емельянов)

В 1930-х – 1941 – келейник митрополита Алексия (Симанского). В 1941 – 1943 служил в Св. Троицкой ц. в Сиверской.

250. Игумен Валентин (Буровцев)

Род. в 1873. В 1943 (?) – 1944 служил в Ильинской ц. с. Опоки Порховского уезда Псковской губ. Остался на родине. После войны продолжал служить в с. Опоки. Скончался в 1956.

251. Игумен Илия (Илия (?)) Алексеевич Мошков

Настоятель Валаамского подворья на В.О. в С.-Петербурге, игумен, после ссылки 1930-х проживал в Павловске. С осени 1941 служил в кладбищенской ц. Иоакима и Анны в Павловске. В январе-феврале 1942 эвакуирован в западную часть Петербургской епархии, служил в Успенской ц. пог. Доложск (Заручье). С лета 1943 по немогши не служил, поставив своим преемником шурина, Алексия Маслова, рукоположенного летом 1943 в Риге во священника. Скончался осенью 1943 в Доложске, похоронен там же, за алтарем Успенской ц.

- 252. Игумен Корнилий** (фамилия неизвестна)
В 1942 – настоятель Георгиевской ц. в Старой Руссе
- 253. Иеромонах Амфилохий (Егоров Андрей Григорьевич)**
В 1920-х – письмоводитель Крыпецкого монастыря. Служил в Новосельском районе Псковской обл., в ц. с. Палицы, к лету 1944 служил в Матвеевской ц. с. Нёготь (Писковичи) близ Пскова. В 1944 – в Вильнюсе.
- 254. Иеромонах Антоний (Стальмаков Антон Иудович), перосхимонах Арсений**
Род. в 1883. Духовник одного из женских монастырей Псковской губ. (б. Крючского скита Вознесенского женского монастыря Великолуцкого уезда). Эвакуирован вместе с сестрами монастыря из прифронтовой зоны немцами в 1942(?) С 1942(?) (к июлю 1942) – в Вырице, в Успенском женском монастыре. Настоятель Успенской церкви, с 01.09.1944 – настоятель Казанской ц. Вырицы. С 1945 – на покое, проживал в Вырице на Советском пер., 8. Скончался 03.02.1948 в Вырице, похоронен за алтарем Казанской ц.
- 255. Иеромонах Афиноген (Агапов Василий Кузьмич)**
Впоследствии архимандрит, в схиме – схиархимандрит Агапий
Род. 12.01.1881 в дер. Карманово Вышневолоцкого уезда Тверской губ. в крестьянской семье. Окончил 3-классную земскую школу (1888), с 1894 жил в С.-Петербурге, служба у дяди в швейной мастерской. Отбывал воинскую повинность (1902) и был в ратном ополчении (1903). 19.04.1903 поступил в Макариеву пустынь близ Любани, послушник, чтец, пострижен в рясофор (1.06.1908), мантию (10.07.1911) с именем Афиноген. 9.12.1912 рукоположен во иеродиакона в Новгородском Софийском соборе епископом Тихвинским Андроником (Никольским), будущим смчч. Пермским. 18.06.1917 рукоположен во иеромонаха архиепископом Новгородским Арсением (Стадницким). В 1919–1924 на разных послушаниях в монастыре, келарь, с октября 1921 – ризничий. 15.07.1924 арестован вместе с настоятелем монастыря епископом Кириллом (Васильевым), будущим схиэпископом Макарием и 15 человеками из братии. Осужден 30.01.1925 на 3 года ссылки. С 8.08.1926 по 1927 – в Осташкове, принят в число братии Нило-Столобенской пустыни. В 1927–1932 вновь в Макариевой пустыни. 18.02.1932 арестован, в заключении в «Крестах» в Ленинграде, осужден на 3 года концлагерей. В заключении – в Новосибирских лагерях на Беломорканале. Освобожден 24.02.1934, проживал в Малой Вишере. С 17.08.1941 – в Любани. Служил в годы войны в храмах С.-Петербургской епархии: Любань (кон. 1941 – 1.04.1942), Тосно (1.04.1942–26.10.1943). Эвакуирован (вывезен немцами как рабочий) в Латвию (с 28.10.1943), в Тукумс. Взят на ферму крестьянином-латышом, служил в местном храме, позже (с февраля по сентябрь 1944) в Валгундской Митавской Спасо-Преображенской пустыни, позже – в Риге в Троице-Сергиевом монастыре, с 25.01.1945 – в Псково-Печерском монастыре. Монастырский казначей и ризничий, игумен (с 1947), в 1949 временно служил в Никольской церкви о. Талабск (Залит), с 1960 – духовник обители. Скончался 24.06.1979. Погребен в пещерах обители.
- 256. Иеромонах (игумен) Валентин (Лелянов Василий Сергеевич)**
Род. 3.12.1878 в г. Вязьме Смоленской губернии в мещанской семье. Отец его имел дом и фруктовый сад, занимался мелкой торговлей. Окончил 4 класса Вяземского городского 6-классного училища (1884). С 7.05.1896 – послушник в Коневском мужском монастыре. В монастыре 21.12.1908 игуменом Макарием пострижен, принял монашество с именем Валентин, 4.10.1909 в Выборге епископом Сергием Финляндским рукоположен во иеродиакона. В 12.06.1912 им же в Коневском монастыре рукоположен во иеромонаха, с того же года служил на Петербургском Коневском подворье на Загородном проспекте, 7. В 1915-1917 – в Коневском монастыре. В августе 1917 послан на петербургское подворье, где служил до 1932. 27.10.1917 подворье было закрыто, служил штатным псаломщиком Знаменской ц. Позже – вновь на Коневском подворье. В 1922 за сопротивление изъятию церковных ценностей арестован и провел 9 месяцев в заключении. В 1930-х проявил себя как защитник Церкви, монастырских ценностей. После закрытия Коневского подворья (1932) служил в Знаменской ц. Входил в «двадцатку», был организатором братства св. Архангела Михаила при церкви. Арестован по делу «евлогиевцев» 9/22.12.1933 в числе других 175 человек, среди которых были 45 священнослужителей (протоиереи: В.А. Рыбаков, В. Лебедев, П.М. Кремлевский, Колчев, Орнатский, М.Н. Вертоградский, М.Н. Дамаскинский, Ф. А. Боголюбов, монахиня Анастасия (Платонова), 70 человек из дворян, 15 бывших офицеров, купцов, служащих и многих других. Вел себя на следствии спокойно и уверенно, не скрывая своего отношения к советской власти. Осужден на 5 лет концлагерей. Выслан во Владивосток. В заключении пробыл 1,5 года. По инвалидности амнистирован. После освобождения и прибытия из ссылки проживал в Новгороде. Во время войны благочинным прот. Василием Николаевским назначен (с марта 1942) служить в ц. с. Вязницы (Вязжицы (?), – б. мужской монастырь близ Новгорода). В октябре 1943 вместе с местными жителями эвакуирован в Латвию. Остался на родине. В декабре 1944 вернулся в Новгород. По возвращении назначен к ц. свт. Василия Великого с. Васильевское на Поозерье. С 1.02.1947 – настоятель Вознесенской ц. с. Орлово. Строгий аскет и благоговейный молитвенник, прекрасный духовник, любимый паствой. К 1950 служил в Новгородской епархии (с. Орлово). Дальнейшая судьба неизвестна.

- 257. Иеромонах Варсонофий** (фамилия неизвестна)
Род. 1879. В братии Ефремо-Перекомского монастыря Новгородской губ. В 1930-х арестован, в ссылке. Вернулся перед войной в Новгородскую обл. В 1941 – 1943 служил в Успенской ц. с. Курицко (Новгородская епархия, Поозерье).
- 258. Иеромонах Геннадий (Собственников Е. Г.)**
Служил во Псковском районе, в 1943? – 1944 служил в Благовещенском соборе Порхова. Остался на родине. С 11.1944 – в ц. с. Карачуницы близ Порхова.
- 259. Иеромонах Иоасаф (Дмитриев)**
Род. в Святых Горах Псковской губ. ок. 1863. В братии Киево-Печерской лавры, помощник благочинного. В годы войны служит в Святых Горах и окрестностях. Остался на родине. Скончался после войны, похоронен на кладбище на Тимофеевой горе.
- 260. Игумен Иоасаф (Романников)**
В 1943 (?) – 1944 служил в Михайловской ц. с. Лубино б. Лужского уезда, ныне Солецкого района Новгородской обл., с. Новоселье. Остался на родине.
- 261. Иеромонах Кирилл (Смирнов), впоследствии – схиархимандрит Косма**
Род. 22.10.1885 в д. Дуплино Мышкинского уезда Ярославской губ. в крестьянской семье. В 1910 – 1915 – на послушании в Валаамском монастыре, после I Мировой войны, в 1918 – 1924 – на подворье Валаамского монастыря в Петрограде, келейник епископа Каргопольского Илариона (Бельского), будущего новомученика (†1937). 15.03.1924 принял монашеский постриг с именем Кирилл, с 10.11.1924 – иеродиакон, с 9.05.1925 – иеромонах. В 1926 – 1931 служил на приходах Смоленской и Тверской епархий. В 1931 – 1941 арестован, в заключении на Беломорканале. В 1941 – 1943 служил на приходах С.-Петербургской епархии: в Саблино, Любани, с. Пельгора, Ильинском погосте, селах Хочени, Сустье-Поляны. В 1943 эвакуирован немцами вместе со своей общиной в г. Бауск (Латвия). 20.09.1943 назначен епископом Рижским Иоанном (Гарклавсом) в Спасо-Преображенскую пустынь Валгундской волости Митавского уезда. Из-за нехватки священников по совместительству служил на различных приходах Латвии, с 30.03.1953 архиепископом Филаретом Рижским (Лебедевым) возведен в сан игумена, с осени 1953 назначен постоянно служить в пустыни, духовник Спасо-Преображенской пустыни, архимандрит. 26.06.1968 пострижен архиепископом Рижским Леонидом (Поляковым) в схиму. Скончался 29.06.1968. Похоронен в Спасо-Преображенской пустыни. Подробнее см. стр. 90.
- 262. Иеромонах Лин (Никифоров Илия Никифорович)**
Род. в 1878 в д. Гориста Бельского погоста Гдовского уезда С.-Петербургской губ. Прежде (до 1929 (?)) – насельник Иоанно-Богословского Череменецкого мужского монастыря Лужского уезда, ризничий. До 1937 священник в Павском приходе б. Лужского уезда. (Псковская обл.). С 1937 не служил, проживал в д. Кремено близ Вырицы. С сентября 1941 служил в Казанской, а с 19.12.1941 и в Петропавловской ц. Вырицы. С января по март 1942 служит в ц. с. Каменные Поляны Оредежского района, там же окормлял паству в селениях Мошковы Поляны и Кусони. С весны 1942 служил в ц. Гдовского уезда: с. Песье, Заянье, Лосицы, Николо-Конец (Каменный погост), Павлов погост, окормлял приходы Вейно, Крапивно. С осени 1943 – в Нарве, переезжает в Псково-Печерский монастырь. Остался на родине. Арестован 25.10.1944. Осужден в 1945 на 15 лет лагерей. Скончался после 1945.
- 263. Иеромонах Мартиниан (Баранцев)**
К осени 1944 служил в Покровской ц. с. Боротно Псковской обл. (б. Лужского уезда). Остался на родине. Позже служил в Тихвине.
- 264. Иеромонах Мартемиан** (фамилия неизвестна)
Служил в клире Михайловской ц. в Дно. Скончался 20.01.1943.
- 265. Иеромонах Петр (Леонов)**
- 266. Иеросхимонах Серафим (Муравьев), прп. Серафим Вырицкий**
Род. 31.03.1866 в Рыбинском уезде Ярославской губ. в дер. Вахромеево Арефинской волости, прихода Спасна-Ухре. В миру – Василий Николаевич Муравьев, с 1920 – иеромонах Варнава, впоследствии – иеросхимонах Серафим, духовник Александро-Невской лавры. С 1930 проживал в пос. Вырица на покое. В годы войны – в Вырице, числился прихожанином Казанской ц. в Вырице. Проживал (1931 – 1945) на Пильном просп., 7. Остался на родине. После войны (1945 – 1949) также проживал в Вырице, на Майском просп., 39. Почитаемый народом старец. В 2000 на Юбилейном Архиерейском соборе прославлен в лике святых. Преподобный, св. чудотворец Вырицкий. Скончался 03.04.1949. Похоронен за алтарем Казанской ц. в Вырице.
- 267. Иеромонах Сергей (Сампсоник)**
Иосифлянин. В подчинении Миссии не состоял. Служил в с. Белое Псковского района и Мелётово Середкинского района (Псковская обл.)
- 268. Иеромонах** (имя неизвестно)

До осени 1943 служил в ц. с. Клопицы близ Волосова, окормлял окрестное население, служил также в домово́й ц., устроенной в б. церковно-приходской школе русско-финской православной ц. св.Ирины в Волгово. Осенью 1943 эвакуирован немцами.

269. Иеромонах (имя неизвестно) (Алексеев)

В 1943 (?)–1944 служил в Скорбященской ц. ст. Передольская б. Лужского уезда, ныне Новгородской обл. Остался на родине.

270. Иеромонах (?) монах (?) Лев

Перед войной (?) и в войну проживал в Вырице, в монастыре архим. Серафима (Проценко), келейник его. Скончался в 1942. Похоронен в Вырице в Поселке, на маленьком кладбище.

271. Иеродиакон Вукол (Николаев)

Келейник схиепскопа Макария (Васильева). С 1941 в братии Псково-Печерского монастыря.

272. Иеродиакон Иларион (Андреев)

В годы войны служил в Поозерье (Новгородская епархия). В 1943 эвакуирован вместе с местным населением в Векини (Литва). В 1944 вместе с мощами свв. Новгородских чудотворцев вернулся в Новгород. С 14.01.1945 по 1950 служил диаконом в ц. Васильевское Новгородского района (Поозерье). Скончался после июля 1950.

273. Иеродиакон Иоанн (Костыгин)

274. Монах Иоанн (?) (Емельянов Иоанн Александрович)

Род. в 1890. В годы войны проживал в Вырице (в монастыре архим. Серафима (Проценко) (?)).

275. Монах Михаил (?) (Оленев Михаил Павлович)

Род. в 1884. В годы войны проживал в Вырице (в монастыре архим. Серафима (Проценко) (?))

276. Монах (?) Михаил (Трофименков Михаил Иванович)

К 1943 – в Вырице, в монастыре архим. Серафима (Проценко).

277. Монах Николай (?) (Куликов Николай Гаврилович)

Род. в 1879 (1884 (?)) в с. Мулино Полонского района Вятской губ. Окончил 3-классное начальное училище. В 1906 – 1908 – на действительной службе. 1914 – 1921 – рядовой солдат на Австрийском фронте. К 1941 – сторож лесхоза в Вырице. 1941 – 1945 – сторож мужского Богоявленского монастыря в Вырице. С 25.02.1951 – помощник церковного старосты Казанской ц. в Вырице.

278. Схингумения Хрисiana (схимонахиня Серафима, в миру Стефанида Аврамова)

Род. ок. 1843. Игумения одного из женских монастырей Псковской губ. (б. Крючского скита Вознесенского Великолуцкого женского монастыря). Старица – слепица с 7 или 12 лет. К 1942 – ок. 99 лет. Эвакуирована вместе с сестрами монастыря (после разорения Крючи проживавших близ Великих Лук) из прифронтовой зоны немцами в 1942 (?). С 1942 (?) – в Вырице, в Успенском женском монастыре иером. Антония (Стальмакова). Скончалась в июле 1942 в Вырице, погребена на территории б. женского монастыря за храмом.

279. Монахиня Анастасия (?) (Ладилес Анастасия Матвеевна)

Род. в 1899 в Белоруссии. В годы войны проживала в Вырице (в Успенском женском монастыре (?)).

280. Монахиня Анна (?) (Дяделева)

Род. в 1898 в Витебской губ. В годы войны проживала в Вырице (в Успенском женском монастыре (?)).

281. Монахиня Анна (?) (Резцова Анна Давыдовна)

Род. в 1901 в Тверской губ. В годы войны проживала в Вырице (в Успенском женском монастыре (?)).

282. Монахиня Варвара (Коржавина Вера Владимировна), схимонахиня Таисия

Род. в С.-Петербурге в 1892 в мещанской семье. С отличием закончила Мариинскую женскую гимназию (1908) и педагогические курсы при ней (1910). Преподаватель женской гимназии, после 1917 – школы. В 1922 на одре болезни приняла тайный постриг (пострижена на Кирилло-Челмогорском подворье иеромонахом Серафимом (Проценко) с именем Варвара). С 1925 – келейница иером. Серафима (Проценко). Арестована 4.10.1932, осуждена на 3 года концлагеря, которые провела в Свирских лагерях и Караганде. После освобождения проживала в Вышнем Волочке, откуда в 1938 приехала в Вырицу, где с 1936 проживал архим. Серафим (Проценко). С конца 1930-х по 1941 – в Вырице, в тайной общине архим. Серафима (Проценко). С 1941 – в монастыре архим. Серафима (Проценко), его секретарь. Осталась на родине. После войны – казначей Казанской ц. Проживала в Вырице на пр. Кирова, 46. Арестована 30.01.1951, осуждена по ст. 58 п.1-а на 10 лет ИТЛ. В заключении в Иркутской области. После освобождения вернулась в Вырицу. Скончалась в 1960-х–1970-х.

283. Монахиня Иоанна (Шихобалова Вера Дмитриевна)

Род. 20.08.1869 в С.-Петербурге в купеческой семье. После смерти отца вместе с матерью, принявшей монашество, проживала в Воскресенском Новодевичьем монастыре в С.-Петербурге. Окончив гимназию (ее обучение оплачивал монастырь), брала уроки живописи у проф. П.П.Чистякова. Позже преподавала живопись и рисование в монастырской школе. В 1905 – 1917 в связи с болезнью проживала в семье купцов Василия

Николаевича и Ольги Ивановны Муравьевых. После кончины матери приняла постриг (1918). С 1918 по 1932 – насельница Воскресенского Новодевичьего монастыря. Арестована 17.02.1932, выслана в Казахстан на 3 года. После освобождения, с 1935 проживала в Вырице в семье Муравьевых при иеросхимонахе Серафиме Вырицком. В годы войны проживала в Вырице (в Успенском женском монастыре, с июля 1942 (после кончины схиигумении Христианы (?)) до 1944 возглавляла обитель). Скончалась в 1944. Похоронена за алтарем Казанской ц. в Вырице.

284. Монахиня Мария (Дорожкина Мария Гавриловна)

Род. в 1881 в С.-Петербургской губ. В годы войны проживала в Вырице.

285. Монахиня Мария (?) (Младенчикова Мария Григорьевна)

Род. в 1894. В годы войны проживала в Вырице (в Успенском женском монастыре?).

286. Монахиня Пелагея (?) (Москвина Пелагея Даниловна)

Род. в 1894. В годы войны проживала в Вырице (в Успенском женском монастыре?).

287. Схимонахиня Серафима (Муравьева Ольга Ивановна, монахиня Христина)

Род. в дер. Якушки Рыбинского уезда Ярославской губ. в 1872. Рожденная Нетронина Ольга Ивановна. Супруга Василия Николаевича Муравьева. (с 1920 – иеромонах Варнава, впоследствии – иеросхимонах Серафим, Вырицкий). Также как и супруг приняла монашество. С 1920 – монахиня Воскресенского Новодевичьего монастыря в С.-Петербурге. С 1930 – на покое, ухаживала за больным иеросхим. Серафимом. В 1930 проживала вместе с ним в Поповке, у прот. Леонида Богоявленского, с 1930 по 1945 – в Вырице. Осталась на родине. Скончалась в 1945. Похоронена за алтарем Казанской ц. в Вырице.

288. Монахиня Серафима (Морозова)

Род. в 1892 в Псковском уезде Псковской губ. В годы войны (с 1942) проживала в Вырице (в Успенском женском монастыре, преемница схиигумении Христианы). В 1944 – 1949 – келейница иеросхимонаха Серафима Вырицкого. После его кончины в 1949 проживала в Пюхтицком Успенском женском монастыре. Скончалась в 1974 в Пюхтицах.

289. Монахиня Екатерина (Исаева)

Проживала в Вырице. С 1941 – в монастыре архим. Серафима (Проценко)

290. Монахиня Вероника (Федякина Василиса Ивановна)

Проживала в Вырице. С 1941 – в монастыре архим. Серафима (Проценко). Осталась на родине. В конце 1940-х–1950-х алтарница в Казанской ц. Вырицы.

291. Монахиня Евфимия (Сидорова Елизавета Васильевна)

Уроженка Вырицы. Слепица. Тайно пострижена архим. Серафимом (Проценко) в конце 1930-х (?) Проживала с родителями в Поселке (Вырица) в собственном доме. С 1941 – в монастыре архим. Серафима (Проценко). Осталась на родине. Скончалась в конце? 1970-х в Вырице.

292. Монахиня Олимпиада (Александра Никифорова)

Род. в с. Печане Опочецкого уезда Псковской губ., приняла постриг в 1920-х. Подвизалась в Покровском Козьегогорском женском монастыре Гдовского уезда С.-Петербургской губ. С 1941 – в с. Печане б. Опочецкого уезда Псковской губ. В годы войны участвовала в богослужениях в Печанском храме.

293. Монахиня Феодора (Осипова Феодосия Егоровна)

Проживала в Вырице. С 1941 – в монастыре архим. Серафима (Проценко)

294. Послушница Анна (Яковлева Анна Яковлевна?)

Род. в с. Вехно Новоржевского уезда Псковской губ. До 1928 – в Козьегогорском мон. Гдовского уезда С.-Петербургской губ. С 1941 – в с. Печане. В годы войны участвовала в богослужениях в Печанском храме.

295. Послушница Акилина

Род. в Острове (?). До 1928 – в Козьегогорском Покровском женском монастыре Гдовского уезда С.-Петербургской губ. С 1941 – в с. Печане. В годы войны участвовала в богослужениях в Печанском храме.

296. Монахини в Кудевери (имена неизвестны)

В годы войны участвовали в богослужениях в местном храме.

МИССИОНЕРЫ-МИРЯНЕ

297. Врангель Борис Георгиевич, барон

Род. 17.02.1917 в усадьбе Торосово С.-Петербургской губ. в семье барона Георгия Михайловича Врангеля (†1918) и его супруги Марианны Львовны, рожд. княжны Голицыной (1881 – 1943). В 1919 – 1941 – с матерью и семьей в эмиграции. В 1941 (?) вернулся в Россию, до 1945 жил в Риге, во Пскове. Принимал участие в восстановлении

церковной жизни на Псковщине. Арестован 12.05.1945. Осужден особым совещанием при НКВД СССР 8.09.1945 по ст.58-4-6-8 УК РСФСР на 20 лет. В лагерях в Сибири, в ссылке под Иркутском. Освободился в 1950-х. Реабилитирован 28.12.1990. Проживал во Пскове, служил псаломщиком Старо-Вознесенской и Никольской Любятовской церквей. Скончался в июле 1995. Похоронен на Мироносицком кладбище во Пскове.

298. Миротворский Василий Васильевич

До войны проживал в Печорах. Участник РСХД. Основатель православного кружка молодежи при Варлаамовской ц. во Пскове (1941). Служащий Миссии. Преподаватель закона Божия при Миссии во Пскове. Кандидат в учащиеся Виленских Богословских курсов. Выехал в Вильно. Погиб во время бомбардировки в 1944.

299. Полчанинов Ростислав Владимирович

Служащий Миссии. Род. 27.01.1919 в Новочеркасске в семье полковника Русской Императорской армии, участника Белого движения. Вместе с родителями покинул в 1920 Белый Крым, оказался в Югославии. Окончил русскую 4-классную начальную школу в Сараево, местную гимназию, учился на юридическом факультете Белградского университета. В 1931 вступил в Национальную организацию русских скаутов (НОРС), в 1934 – в общество «Русский сокол», в 1936 – в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). Осенью 1937 начал преподавать в Сараево в русской воскресной школе. Во время Второй мировой войны после оккупации немцами Югославии вместе с другими молодыми людьми был отправлен на работу в Германию. Оттуда, совершив побег через Варшаву и Ригу, приехал в Россию. С марта 1943 – во Пскове. В 1943 – 1944 в Пскове преподаватель церковно-приходской школы при Псковской миссии. Работая с псковской молодежью, создал подпольный отряд НОРС. В 1944 вместе с семьей эвакуировался из Пскова в Ригу, позже – в Еманию. Один из главных руководителей подпольной работы НОРС в Европе в годы оккупации (1941–1945). После прихода американцев в Нидерзахсверфен (Германия) продолжил легальную скаутскую работу с молодежью. Скаут-мастер Организации российских юных разведчиков (скаутов) (ОРЮР). В октябре 1951 прибыл с семьей в Нью-Йорк, где работал рабочим на фабрике. В 1967–1983 работал на радио «Свобода», в 1983 вышел на пенсию. Преподавал в русских приходских школах до 1979. Некоторое время был заместителем школьного инспектора Синода Русской Православной Церкви Заграницей. Автор-составитель ряда учебников для школ по истории и географии России, истории Русской Америки и русских в Америке и по истории русского искусства. В июне 1965 возглавил Историческую комиссию ОРЮР. Издает бюллетени «Страницы истории» и «В помощь руководителю». В июле 1987 возобновил издание журнала «Пути русского сокольства». В июне 1992 принимал участие в съезде ОРЮР в России. Видный общественный деятель русского Зарубежья. Проживает в Нью-Йорке (США). См. также стр. 251.

300. Матвеева (Рацевич) Раиса Ионовна

Род. в 1917 в Нарве (Эстония). Участница РСХД, прихожанка Нарвского Спасо-Преображенского собора и Ивангородской Успенской ц., где служил тогда священник Александр Киселев. Певчая хора. До 1941 проживала в Нарве. В 1941 ее муж, Леонид Дмитриевич Матвеев (1912–1941), известный деятель русского движения в Эстонии, был арестован и позже расстрелян. Летом 1941 принимает решение ехать во Псков для работы среди русских людей на родине. Служащая Псковской Православной миссии, преподаватель Закона Божия при Троицком кафедральном соборе, помогает восстановлению церковной жизни на других приходах Пскова. Эвакуирована в феврале 1944 в Ригу (Латвия). Осталась на родине. Арестована в 1944. Освободилась в 1950-х. Супруга Стефана Владимировича Рацевича (1903 – 1987), известного деятеля русской культуры в Эстонии, друга писателя В.А. Никифорова-Волгина. Проживала до середины 1990-х в Нарве. Активная прихожанка Нарвского Воскресенского собора. С 1998 проживает в Москве в Донском монастыре. Активная помощница протопресвитера Александра Киселева († 2001) в его общественной и издательской деятельности. См. также стр. 204.

301. Ободнев Иван Иванович

Заведующий хозяйством Псковской Миссии с 08.1941 по 02.1944.

302. Одинокова Надежда Гавриловна

Род. в 1918 в Печорах. В 1930-х – участница РСХД. В 1941–1944 – служащая Миссии. Псков. Воспитательница Детского приюта Миссии. Скончалась 21.01.1997 в Печорах.

303. Перминов Андрей Николаевич

Род. в Двинске в 1918. С 5.06.1943 – секретарь и бухгалтер Миссии до февраля 1944. Арестован 24.11.1944. В 1945 г. осужден на 15 лет. Скончался в лагере в 1950. См. Приложение.

304. Сабуров Николай Дмитриевич

Из военнопленных. Заведующий иконописной мастерской Миссии во Пскове, архитектор.

305. Соловская Зинаида Федоровна

Род. в Изборске. Проживала в Печорах (Эстония). Служащая Миссии во Пскове. Преподаватель Закона Божия. Скончалась осенью 2000 в Печорах.

306. Шенрок Сергей Николаевич

Род. в пос. Сиверская Петроградской губ. в 1925 в семье прот. Николая Шенрока. С 1942 – курьер Миссии во Пскове. С 1944 проживал в Риге. До 1950 – работал водителем у митрополита Вениамина (Федченкова). Арестован 16.10.1950 в Риге, осужден на 10 лет. Освобожден 10.10.1955. Водитель в Рижском Епархиальном управлении и Троице-Сергиевом монастыре. Скончался 12.03.1993 в Риге.

Сост.: И.В. Попов, М.В. Шкаровский

Псков. Свято-Троицкий собор и здание, в котором располагалась Псковская Духовная миссия

ИЗ ВРЕМЕН ОККУПАЦИИ

*Дойчкомедант – бюрократ и фашист
вызвал к себе бургомистра-цуду:
Слушайте нас, господин бургомистр!
Надо сказать православному люду:
мы за религию! Чтoб не прослыть
гуннами, варварами, чужаками,
я предлагаю – давайтe открыть
церкви, закрытые большевиками! –
...Город стоял на горе, на виду.
Сорок церквей отводились под склады.
В том роковом сорок первом году
только в одной загорались лампы...
Я разрешаю губернский собор!
Немцы слова не бросают на ветер! –
Был бургомистр проходимец и вор,
но не дурак, потому и ответил:
– Герр комендант, поотвыкнул народ
от православья.*

*Советскую школу
люди прошли.*

*Нам бы малый приход –
церковь Апостолов или Николу...
Храм застеклили, лампы зажгли,
произнесли благодарное слово...
Кончилась служба, и в город вошли
с грохотом танки комкора Попова.
Герр комендант с бургомистром вдвоем
на перекладине рядом повисли...
Город дымился, сожженный огнем,
трубы тянулись в морозные выси.*

*Но с той поры, как забавный курьез
или как память военной эпохи,
в нем – два прибежища пенья и слез,
где обитают надежды и вздохи.*

1975, Калуга

Станислав Куняев

ДУХОВЕНСТВО ПСКОВСКОЙ МИССИИ

(Штрихи к биографиям)

Священник Алексей Семенович Азиатский (1877 – 1953)

Родился 5 февраля 1877 г. в с. Заречье Новолодожского уезда С.-Петербургской губ. в семье псаломщика. По окончании сельской школы поступил в С.-Петербургское Александро-Невское Духовное училище, а затем в С.-Петербургскую Духовную семинарию. С 1894 г. работал учителем в школе грамоты в деревнях Новолодожского уезда. С 1899 г. по 1907 г. учительствует в церковно-приходской школе деревни Будилово Гдовского уезда. В 1907 г. Алексей Азиатский получает назначение псаломщиком в Бельский погост Гдовского уезда к Христорождественской церкви. В 1920 г. посвящен в сан диакона той же церкви епископом Кронштадтским Венедиктом в Петрограде в Введенской церкви, что на Петроградской стороне. В 1923 г. о. Алексей получает назначение в Ильинскую церковь погоста Кривовичи (в 10 км от Пскова). В 1/14 октября 1928 г. о. Алексей рукополагается во священника архиепископом Псковским Феофаном в псковской церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что на Проломе. В январе 1929 г. о. Алексей направлен в погост Устье (Никольская церковь в 12 км от Пскова). В апреле 1930 г. перемещен в погост Смолино Палкинского района к церкви прп. Никандра. 29 августа 1930 г. церковь закрыли и владыка Феофан Псковский направил о. Алексея священником в Гдовский район в церковь Рождества Богородицы в с. Выскатка. В 1938 г. и этот храм был закрыт и о. Алексей уезжает в Новгородский район в деревню Чауни, где живет на иждивении у своих детей. В начале 1943 г. после смерти настоятеля Петропавловского храма г. Любани о. Иоанна Медведского прихожане пригласили на вакантное место о. Алексея Азиатского. В апреле 1943 г. о. Алексей пишет прошение в Псков на имя начальника Псковской Православной миссии протоиерея Кирилла Зайца о назначении священником в церковь г. Любани. Получает положительный ответ. Помимо богослужений в Петропавловской церкви о. Алексей преподает Закон Божий в школе-четырёхлетке. У населения города и богомольцев соседних деревень пользовался любовью и большим уважением. 19 января 1944 г. после эвакуации Псковской миссии о. Алексей назначается вторым священником в Баускую Св.-Георгиевскую церковь (Латвия) для обслуживания эвакуированных православных беженцев. Дальнейшая судьба неизвестна. (Скончался в 1953 г. в пос. Котлы (С.-Петербургская епархия). См. Синодик. – *Ред.*).

Источники:

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 102.

Протоиерей Сергей Иванович Ефимов (1878 – 1967)

Родился 13 июля 1878 г. в Нижегородской губ., м. Оранка. Происходит из рода нижегородских священников. Окончил Духовную семинарию и Высшие миссионерские курсы в Петербурге в 1900 г. Служил в Псковской епархии и являлся епархиальным миссионером с 1913 по 1917 гг. Практически

все время священнического и миссионерского служения о. Сергей отдавал работе, обучению детей и проповеди старообрядцам. В Латвии о. С. Ефимов оказался после революции. Здесь он развернул миссионерскую работу (участвовал в издании православного миссионерского журнала «Вера и жизнь» в 1920-1930 гг.) и много потрудился над восстановлением ветхих и строительством новых храмов. Его усилиями была отстроена церковь в Пыталово (Абрене) – средства для строительства священник собирал лично: ходил по Латвии пешком с чтимыми иконами и принимал пожертвования на богоугодное дело. В 1940 г. о. Сергей создал выездной приход и стал собирать по Латгалии инвентарь для разоренных храмов Псковщины. На второй день Великой Отечественной войны о. Сергей Ефимов был арестован сотрудниками НКВД и готовился принять мученическую смерть. Однако, стремительное наступление немецких войск помешало чекистам казнить узников Островской тюрьмы, среди которых находился и о. Сергей. Немцы освободили заключенных. Прот. Сергей Ефимов стал первым начальником Миссии. Именно он оказался первым священником, совершившим богослужение в Псковском кафедральном соборе 17 августа 1941 г. До апреля 1942 г. о. Сергей являлся настоятелем Свято-Троицкого кафедрального собора в Пскове, приложив немало усилий к его возрождению и благоукрашению. В эти месяцы о. Сергей проводил занятия с детьми на христианские темы, посещал лазареты раненых военнопленных и лагеря беженцев, где совершал молебны и отпевания, крещения и евхаристию. Чрезвычайная активность батюшки не устраивала немецкое командование и под его нажимом о. Сергия отправили обратно в Латвию. Он служил в г. Абрене (Пыталово), Режице, а с февраля 1943 г. в г. Риге, где получил назначение на должность председателя внутренней Духовной миссии, которая окормляла духовно и материально беженцев и военнопленных, находящихся на территории Латвии. 15 января 1945 г. в уже в освобожденной от оккупантов Латвии, о. Сергей был арестован вторично органами внутренних дел. На этот раз священник получил страшный приговор: трибунал Ленинградского военного округа постановил расстрелять его, по протесту прокурора приговор заменили на 10 лет ИТЛ. В 1955 г. освобожден по амнистии. Вернувшись из лагеря, престарелый священник вновь служит в храмах Латвии вплоть до своей кончины в 1967 г.

Источники:

Бывший архив КГБ Латв.ССР, д. 12579, л. 52.

Свящ. Андрей Голиков. Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940-1952 гг. // Кровью убежденные. М., 1999, с. 87-88.

Протоиерей Николай Александрович Колиберский (1872 – 1942)

Родился 28 июля / 9 августа 1872 г. в Пскове. В июне 1892 г. закончил Псковскую Духовную семинарию, а в августе 1895 г. был рукоположен во священника. Первое назначение

о. Николай – в Холмский уезд, погост Даньково, где батюшка помимо пастырских обязанностей занимался устройством церковно-приходских школ и преподаванием Закона Божия. Кроме работы с детьми, молодой священник немало времени уделял обучению взрослых, для чего организовывал специальные занятия в воскресных школах для неграмотных. В 1907 г. о. Николай по личной просьбе был переведен в Псков в Успенскую церковь при исправительном арестантском отделении. И здесь, среди заключенных, священник занимался просветительской работой: заведовал тюремной библиотекой, проводил беседы по камерам и т. п. Еще о. Николай запомнился своей борьбой за права своей паствы: священник старался свести к минимуму физические наказания арестантов. Вместе с тем о. Николай Колиберский преподавал Закон Божий в различных учебных заведениях предреволюционного Пскова: в епархиальном училище, классном Коммерческом училище, Торговой школе и др. В октябре 1911 г. о. Николая освободили от настоятельства в арестантской церкви и перевели на должность законоучителя в Мариинской женской гимназии. С мая 1919 г. священник Николай Колиберский служил в соборе г. Изборска и работал учителем в школах Печорского уезда. С 1921 г. о. Николай жил в Латвии в местечке Тюршино, где с 1921 г. служил заведующим основной школой, а с 1924 по 1930 гг. исполнял пастырские обязанности. С ноября 1930 по октябрь 1938 г. о. Николай служил при Двинской Успенской церкви. Из Двинска следует перемещение в Либаву, а накануне Великой Отечественной войны о. Николай Колиберский перебирается в Ригу и назначается на священническое место в Иоанновский храм. На всяком месте, где приходилось священствовать о. Николаю, батюшка не ограничивался лишь храмовыми стенами: заботился об образовании и просвещении взрослых и детей; работая учителем в школах, проводил не только традиционные для священника уроки Закона Божия, но и другие предметы (география, история, церковно-славянский язык и даже классное наставничество). В августе 1941 г. митрополит Сергий (Воскресенский), экзарх Прибалтики, отправляя из Риги в Псков первую группу миссионеров для возрождения церковной жизни на временно оккупированной территории, назначает старшим среди своих посланников протоиерея Николая Колиберского. Первое время он являлся помощником начальника Православной миссии, а с 13 октября 1941 г. указом экзарха назначается начальником Псковской Православной миссии. В декабре 1941 года из-за ухудшения здоровья о. Николай возвращается в Ригу к своей пастве в Св.-Иоанновский храм. 20 сентября 1942 г. прот. Николай Колиберский умер и был похоронен на кладбище Св.-Иоанновской церкви.

Источники:

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 206.

Протоиерей Алексей Васильевич Ионов (1907 – 1977)

Родился 29.03.1907 г. в г. Двинске. После школьного обучения в 1927 г. поступил в Латвийский университет. В 1929 г. прервал занятия и в том же году поступил в Православный Богословский институт в Париже. В время обучения в Богословском институте становится членом РСХД. 30 октября 1932 г. Алексей Ионов был рукоположен во диакона. После окончания Парижского института о. Алексей возвращается

в Латвию и с 18 декабря 1933 г. становится настоятелем Аксеново-Горского прихода. Вокруг молодого и талантливого священника собирается община, которая начинает выпускать собственный миссионерский листок. С сентября 1937 г. о. Алексея переводят в Ригу, где он служит вторым священником в Александро-Невском храме. В августе 1941 г. в числе первых посланников митрополита Сергия (Воскресенского) отправляется в Псков и участвует в восстановлении псковских храмов. С 27 августа 1941 г. о. Алексей служил в г. Острове и являлся благочинным Островского округа. Под руководством и при активном участии благочинного ремонтировались и открывались храмы, совершались богослужения, церковные таинства. Отец Алексей проводил катехизические занятия со взрослыми, благодаря его усилиям в школах района были введены уроки Закона Божия. Немало сил миссионером было отдано на подготовку учителей для преподавания этого предмета. Отец Алексей проявлял заботу о военнопленных: для них совершались специальные богослужения, в храмах проводился сбор вещей, медикаментов и продуктов. Также благотворительная деятельность благочинного и его помощников охватывала беженцев и детей-сирот. Указом экзарха Сергия от 17 августа 1942 г. о. Алексей Ионов был награжден орденом Миссии I степени. 28 апреля 1943 г. о. Алексей был переведен в г. Гдов настоятелем Св.-Афанасиевской церкви и назначен благочинным Гдовского округа. 22 августа 1943 г. прот. Алексей Ионов был назначен настоятелем Варлаамовского храма в г. Пскове. 8 февраля 1944 г. о. Алексей Ионов в связи с общей эвакуацией был отчислен от Псковской миссии и назначен вторым священником рижского Александро-Невского храма. Помимо этого о. Алексей обслуживал духовные нужды многочисленных беженцев: совершал для них богослужения, проводил евангельские беседы, читал лекции. С приближением линии фронта о. Алексей вместе с семьей эвакуировался в Европу. Оказавшись в конце войны в Германии, он включился в Русское Освободительное Движение (возглавляемое Комитетом Освобождения народов России и генералом Власовым). После окончания войны о. Алексею удалось избежать насильственной репатриации в Советский Союз и он вместе с близкими людьми уезжает в США. В Америке он не оставил священнического и миссионерского служения и был настоятелем православного храма в Беркли. В 1952 г. о. Алексей написал воспоминания о времени своего миссионерского служения в Псковской Православной миссии. Умер протоиерей (протопресвитер – *Ред.*) Алексей Ионов в 1977 г. в США, так и не дожив до тех лет, когда в России церковь, наконец, получила свободу.

Источники:

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 192

Прот. Ионов А. Записки миссионера // По стопам Христа, сент. 1954 – авг. 1955, №№ 50-55

Прот. Митрофан Зноско-Боровский. Памяти протопресвитера Алексея Ионина // Православная Русь, Джорданвилль, США, 1977, № 5, с. 7-8

Протоиерей Феодор Иванович Михайлов (1903 – ?)

Родился 10 июля 1903 г. в пос. Плюсса С.-Петербургской губ. Закончил 4-классное городское училище, Петроградское Духовное училище, Богословско-пастырские курсы. Во диаконы

Ф. Михайлов был рукоположен епископом Кронштадтским Венедиктом 13 октября 1924 г. и назначен в Воскресенско-Покровский женский монастырь, что близ ст. Плюсса. По благословию епископа Венедикта поступил на Высшие богословские курсы в Петрограде. Был приписан диаконом в Александро-Невскую лавру. В то же время служил личным секретарем у епископа Колпинского Серафима и служил с ним до окончания Богословского института (1927 г.). После учебы в институте о. Феодор в течение года служил диаконом в церкви Рождества Христова на Паши Новоладожского уезда. Иосифлянин. 5 марта 1928 г. епископ Гдовский Димитрий рукоположил о. Феодора Михайлова во священника и направил на место настоятеля в Покровскую церковь, с. Тигода Новоладожского уезда. В июне того же года о. Феодор Михайлов был переведен штатным священником в кафедральный собор Воскресения Христова (Спас-на-Крови) в Петрограде. Арестован и заключен в концлагерь особого назначения «Колыма», где находился с 30 сентября 1929 по 15 марта 1941 г., то есть 11 лет. 7 октября 1941 г. о. Феодор Михайлов был принят в общение с Московским Патриархатом, о чем свидетельствует удостоверение за подписью экзарха Прибалтики Сергия, митрополита Виленского и Литовского. Священник Феодор Михайлов был принят в ведение Псковской Православной миссии и получил назначение обслуживать приходы Лужского и Гдовского уездов, примыкавшие к месту его жительства (Плюсский район, д. Манкошев Луг). В июне 1943 г. о. Феодор был освобожден от обслуживания приходов Плюсского района и назначен настоятелем церкви св. вмч. Димитрия Солунского в Пскове. В августе 1943 г. он был назначен старшим ревизором Управления Миссии, а с 7 августа 1943 г. вступает в должность благочинного г. Пскова и Псковского округа. За ревностное служение 23 декабря 1943 г. о. Феодор был удостоен сана протоиерея. В феврале 1944 г. прот. Феодор Михайлов, согласно приказу немецкого командования, эвакуировался вместе с семьей в Ригу. Епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) назначил о. Феодора настоятелем Св.-Иоанновской церкви с 10 марта 1944 г. С весны 1944 г. его дальнейшая судьба не прослеживается. Возможно, эвакуировался из Латвии в Германию. (Скончался в Ленинграде после 1976 г. – *Ред.*) См. Синодик.

Источники:

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 263

Перминов Андрей Яковлевич (1918 – 1950)

Родился в 1918 г. в Двинске (Даугавпилс) в семье железнодорожника. Когда Андрею было 3,5 года, семья переехала в Ригу. С 1925 по 1933 гг. учился в Рижской начальной русской школе. В школьные годы А. Перминов был членом скаутской дружины. В 1933 г. поступает в Рижскую правительственную русскую гимназию. Через знакомых по гимназии Перминов вступает в Латвийское отделение РОВСа (Русский Общевоинский союз), но через некоторое время оставляет эту организацию. В июне 1938 г. А. Перминов окончил гимназию и до февраля 1940 г. преподавал в начальных школах русский и английский языки, математику и др. После этого следует призыв в Латвийскую армию. Служил Перминов писарем в Латвийской, позже в Красной армии и 15 июня 1941 был демобилизован по болезни. С началом Великой Отечественной

войны Андрей Перминов пытался эвакуироваться и выехал из Риги в направлении Пскова. В конце июня был ранен и попал в немецкий плен. Вначале находился в лагере военнопленных в Порхове, а затем был переведен в Псков, в лагерь лазарет. В середине октября 1941 г. А. Перминов был вывезен в Лужский лагерь военнопленных, где работал до марта 1942 г. После лагеря вновь попадал в лазарет, а уже оттуда его отправляют в Латвию на основании распоряжения немецких властей об освобождении из плена уроженцев Латвии, Эстонии, Литвы. После плена А. Перминов поселился у матери в Риге (апрель 1942 г.). Поправившись после ранения и лагерной жизни, Андрей Яковлевич в августе 1942 г. устроился канцелярским чиновником и проработал в этой должности до февраля 1943 г. В этот момент в Латвии началась мобилизация мужчин на работу в Германию и в немецкую армию. А. Перминов во избежание мобилизации обратился к мужу своей сестры – священнику-миссионеру Иоанну Легкому (благочинному Гдовского округа) с просьбой о помощи с устройством на должность учителя в какую-либо школу Гдовского уезда. Вместо школы Перминов по благословию экзарха Прибалтики митр. Сергия (Воскресенского) отправляется в Псков для работы в Управлении Православной миссии в качестве делопроизводителя (с марта 1943 по 19 февраля 1944 г.). В июне 1943 г. А.Я. Перминов был назначен секретарем Миссии. После эвакуации из Пскова был назначен делопроизводителем в «Православную Внутреннюю миссию в Литве» и служил там до 20 июля 1944 г. С 1 сентября 1944 г. Перминов был поставлен псаломщиком в Шлокскую церковь и параллельно работал бухгалтером в латвийском епархиальном управлении до 19 ноября 1944 г. В этот день А.Я. Перминов был задержан представителями органов НКВД и доставлен в г. Ленинград. Военным трибуналом НКВД был осужден на 15 лет ИТЛ. Андрей Перминов умер в лагере в 1950 г.

Источники:

Архив УФСБ по Псковской обл., д. 10676, т. 3

Священник Виктор Андреевич Першин (1885 – 1960)

Родился в Риге в 1885 г. С 14 лет работал на фарфоровой фабрике и одновременно учился живописи. В 1907 г. служил в армии, после короткого перерыва вновь мобилизуется на военную службу в связи с начавшейся Первой Мировой войной. С 1917 по 1920 г. работал в России. С 1920 г. живет в г. Риге и работает в трамвайном управлении. С детства пел в хоре Св.-Иоанновской церкви в Риге, а с 1920 по 1941 г. часто замещал псаломщика и регента в этом храме. 24 августа 1941 г. В. Першин был посвящен митрополитом Сергием (Воскресенским) во диаконы, а 10 мая 1942 г. епископом Александром (Витолсом) – во священники. После рукоположения о. Виктор был направлен для служения в Псковскую Православную миссию настоятелем Гдовской церкви св. Афанасия. Отец Виктор с протодиаконем Феодором Юдиным обслуживали фактически весь Гдовский район. В 1943 г. священник Виктор Першин был отчислен из Миссии и назначен резервным священником Рижского кафедрального собора. С августа 1943 г. о. Виктор становится настоятелем Всехсвятской церкви в Риге. 16 ноября 1944 г. священник В. Першин был арестован. Военный трибунал вынес приговор – 10 лет ИТЛ в спецлагерях с особым режимом и поражением в правах на 5 лет. В 1955 г. уже 70-летним стариком о. Виктор по амнистии вышел на

свободу. После освобождения о. Виктор служил настоятелем Крустпилской Св.-Николаевской церкви. Умер около 1960 г.

Источники:

Свящ. Андрей Голиков. Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940-1952 гг. // Кровью убеленные. М. 1999, с. 124-125

Священник Василий Рушанов (ок. 1909 – 16 марта 1943)

Родился в семье единоверческого священника Евстратия Рушанова из Режицы (Резекне). Получив среднее образование в 1926 г., Василий поступил в Рижскую Духовную семинарию, курс обучения в которой закончил в 1930 г. (первый выпуск этой духовной школы). В семинарские годы Василий Рушанов писал статьи в православный миссионерский журнал Латвийской епархии «Вера и жизнь». После этого Василий Рушанов по рекомендации учебного совета продолжил учебу в Парижском Православном Богословском институте. В конце 1930-х гг. Василий служил в сане диакона в церкви св. Иоанна Предтечи на Московском предместье г. Риги под началом настоятеля прот. Николая Шалфеева. Накануне Великой Отечественной войны о. Василий уже священник, а в августе 1941 г. в числе других миссионеров отправляется в Псков для организации Православной миссии на оккупированных территориях Советского Союза. Большинство миссионеров-священников со своими псаломщиками разъехались по городам и селам Северо-Запада: Остров, Гдов, Порхов, Велье, Красногородск, чтобы на местах продолжить апостольское служение. Отец Василий прибыл в г. Дно. Жители города и окрестностей оказались под его духовным окормлением. Вскоре вся подведомственная территория Псковской миссии была поделена на благочиния. Священник Василий Рушанов занимал должность благочинного Порховско-Дновского округа до февраля 1943 г. Отец Василий кроме выполнения пастырских обязанностей большое внимание уделял возрождению религиозного преподавания в школах. Так, по поводу циркуляра, пришедшего из Управления Миссии о преподавании Закона Божия, благочинным о. В. Рушановым был созван съезд Порховско-Дновского округа для рассмотрения всевозможных вопросов, связанных с преподаванием Закона Божия. За усердие в деле религиозного образования Рушанов был назначен заведующим отделом народного образования по Дновскому округу. 16 марта 1943 г. священник Василий Рушанов был застрелен неизвестными в вагоне поезда, следовавшего из Дно в Порхов. 28 марта тело миссионера было предано земле на кладбище г. Дно.

Источники:

«Православный христианин», № 3/4, март-апрель 1943 г., с. 16

«Вера и жизнь», № 11, 1927 г.

Архив УФСБ Псковской обл., д. № 10676, т. 1, л. 121, 183

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 134, л. 16

Игумен Андрей (Тишко) (1871 – сентябрь 1942)

Родился 14 ноября 1871 г. В 1885 г. закончил Старослободское народное училище. В 1894 г. закончил фельдшерские курсы при Гродненском военном лазарете. Еще будучи мирянином, А. Тишко удалось побывать в Иерусалиме и на Афоне. Впечатление от паломничества сыграло решающую роль в выборе

дальнейшего пути молодого человека. По возвращении домой он поступает в Витебский Свято-Троицкий Марков мужской монастырь, но в связи с начавшейся русско-японской войной призван на фронт в качестве фельдшера. А. Тишко прошел всю войну и за самоотверженный труд и заботу о раненых был награжден Георгиевским крестом. После войны возвратился в монастырь и 12 декабря 1912 г. был пострижен и рукоположен в иеромонаха епископом Витебским Никодимом. После объявления Первой Мировой войны о. Андрей был направлен в полевой подвижной госпиталь Виленского военного округа, где прослужил священником до октября 1917 г. После прихода большевиков к власти по личному прошению был уволен со службы и возвращен в родной монастырь. За труды в годы войны иером. Андрей (Тишко) был награжден орденом св. Анны III и II степеней и представлен к золотому наперсному кресту. В 1919 г. Витебская консистория назначила о. Андрея на вакантное место в Старослободскую церковь. После этого служил на разных приходах в Латвии. За многолетний плодотворный труд на благо Матери-Церкви иеромонах Андрей Тишко был представлен к игуменству, но митрополитом Августином (Петерсоном) представление было отложено. До весны 1942 г. иером. Андрей (Тишко) проживал в Старой Слободе и помогал в службе настоятелю храма. После прошения на имя митрополита Сергия (Воскресенского) иеромонах Андрей (Тишко) был назначен настоятелем Креславской церкви. Летом 1942 г. он был возведен в сан игумена и отправлен в Псковскую миссию. На плечи опытного и в то же время уже престарелого о. Андрея была возложена трудная задача – восстановление Никандровой пустыни. Игумен Андрей становится первым заместителем обители. Но не долго пришлось потрудиться миссионеру над возрождением святыни. Жизнь его оборвалась. Не сохранилось точной даты и обстоятельств смерти. Так, по книге З. Балевица (историка-коммуниста) игумена Андрея расстреляли немецкие оккупанты. По архивным данным, исходя из рапорта начальника Псковской Православной миссии от 15 сентября 1942 г. на имя экзарха Сергия следует, что игумен Никандровой пустыни «скончался от тифа...», что было засвидетельствовано врачебной справкой, но точной даты смерти и информации о том, кто совершал погребение в Управление Миссии так и не поступило.

Источники:

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 352

З. Балевиц. Православная церковь в Латвии под сенью свастики. Рига, 1967, с. 55

Протоиерей Владимир Толстоухов (1914 – ?)

Родился 1 августа 1914 г. В 1928 в г. Карсаве закончил русскую начальную школу, а в 1932 г. Рижскую русскую гимназию. В 1939 г. В. Толстоухов закончил обучение в Парижском Православном Богословском институте. В августе 1941 г. о. Владимир был включен в число первых миссионеров, отправленных митрополитом Сергием (Воскресенским) в Псков для возрождения церковной жизни. В конце августа Толстоухов вместе со своим псаломщиком Георгием Радецким покинул Псков и прибыл на место постоянного служения в с. Велье Святогорского (Пушкиногорского) округа. Совершал богослужения, освящал храмы, совершал требы по всей округе. Сам священник вместе с псаломщиком преподавал в мест-

ной школе. Отец Владимир – историю и Закон Божий, а Г. Радецкий – немецкий язык. Прот. Владимир Толстоухов был замечательным проповедником, что притягивало людей, особенно интеллигенцию. Немало сил было отдано миссионером христианской воспитательной и образовательной работе с молодежью и детьми. К годовщине со дня действия Псковской миссии свящ. В. Толстоухов был награжден Орденом Миссии I степени. 26 марта 1943 г. указом митрополита Сергия (Воскресенского) о. Владимир был назначен благочинным округа Дно-Порхов-Сольцы, в то же время он переезжает в г. Дно на место настоятеля Михайло-Архангельской церкви. 11 декабря 1943 г. следует новое назначение в Псков настоятелем только что восстановленной Казанской церкви. Однако, уже через две недели о. Владимир был отчислен от Православной миссии и отправлен в Ригу. Там занимает место второго священника Рижской Благовещенской церкви, а также важную должность уполномоченного по делам Внутренней миссии Латвийской епархии. На пределе человеческих сил совершает богослужения для военнопленных, проводит беседы, распространяет христианскую литературу, иконки и нательные крестики. Дальнейшая судьба о. Владимира почти не прослеживается: по свидетельству одного из миссионеров, прот. В. Толстоухов осенью 1944 г. эвакуировался из Латвии и жизнь свою земную окончил в США. Последняя дата его биографии неизвестна.

Источники:

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 353

Протоиерей Михаил Никанорович Трубецкой (1917 – 1974)

Родился 28 февраля 1917 г. в с. Аулея Двинского уезда. Окончил основную школу и гимназию в Ревеле. Служил псаломщиком в церкви с. Михайлово с 1936 г. В августе 1941 г. М. Трубецкой был зачислен в первую группу миссионеров, посланных митрополитом Сергием (Воскресенским) в Псков для возрождения церковной жизни. Михаил служил в качестве псаломщика вместе со своим старшим братом прот. Николаем Трубецким. В миссионерской поездке по оккупированным районам они посетили и совершили богослужения в Большом Загорье, Дубново, Хохловых Горах, Сольцах и др. местах. Осенью братья вернулись в Ригу. Во время войны Михаил был посвящен во диакона. 1 декабря 1949 г. был арестован и осужден на 10 лет. Отбывал заключение в Котласе на шахтах. В 1956 г. освобожден по амнистии. После освобождения служил в Христорождественском соборе г. Риги, в церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и в церкви г. Острова. Умер о. Михаил 2 июля 1974 г.

Источники:

Свящ. Андрей Голиков. Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940-1952 гг. // Кровью убеленные. М., 1999, с. 171

Бывший архив КГБ Латв. ССР, д. 42707, л. 16-23

Протоиерей Николай Никандрович Трубецкой (1907 – 18 марта 1978)

Родился 26 декабря 1907 г. в Краславе Двинского уезда. Вырос в большой благочестивой священнической семье (три

младшие брата также были священнослужителями). В 1927 г. Николай окончил Двинскую гимназию. В 1928 г. закончил педагогические курсы и поступил в Рижскую Духовную семинарию. После окончания учебы как преуспевающий ученик Н. Трубецкой получил рекомендации Совета семинарии продолжать богословское образование в Православном Парижском институте. С успехом закончил его в 1934 г. и Синодом Латвийской Православной Церкви был назначен в с. Михайлово на службу псаломщиком и законоучителем в местную школу. В 1936 г. Николая посвящают во священника и назначают в Елгавский Св.-Симеоно-Аннинский собор. В 1937 г. в Риге в Латвийском университете было открыто православное отделение на богословском факультете. Николай поступает туда учиться и одновременно служит в Рижской Покровской церкви. В августе 1941 г. вместе с другими миссионерами о. Н. Трубецкой был направлен в Псков. После недолгой, но насыщенной миссионерской поездки по городам и деревням Псковской и Ленинградской областей (на территории С.-Петербургской епархии) о. Николай вернулся в Ригу. Покинув Псковскую миссию, он не оставил служения на благо русского народа и возрождающейся Церкви. С сентября 1942 г. о. Николай являлся редактором миссионерского журнала «Православный христианин», который издавался для духовных нужд Псковской миссии. Кроме этого, о. Н. Трубецкой стал автором церковного православного календаря на 1943 г., имевшего, как и журнал, большой спрос на территории Миссии. В начале 1944 г. по поручению митрополита Сергия о. Николай подготовил к изданию новые учебники по Закону Божию, отвечающие серьезным изменениям в Церкви последних лет. Наряду с этим, свящ. Н. Трубецкой оставался священником Покровской церкви в Риге и преподавал Закон Божий в школах. В октябре 1944 г. о. Николай был арестован и отправлен в Ленинград. В ходе следствия была попытка привлечь священника к сотрудничеству с органами ГБ, но в конце процесса в анкете следователя появилась пометка: «Вербовать нецелесообразно...» О. Николай получил 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. После освобождения Н. Трубецкой служил в церквях на Севере по месту ссылки. С ноября 1960 г. и до дня смерти 18 марта 1978 г. о. Николай служил в рижской церкви Нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа.

Источники:

Бывший архив КГБ Латв. ССР, д. 42707, л. 16-23

Свящ. Андрей Голиков. Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940-1952 гг. // Кровью убеленные. М., 1999, с. 114-116

Священник Алексей Владимирович Цыпурдеев (1902 - ?)

Родился 6 января 1902 г. в Керчи. Во времена революции поступил добровольцем в Белую Армию. В ее рядах Алексей эвакуировался в 1920 г. из Ялты в г. Шумен (Болгария). Поступил в русскую гимназию Союза городов. В продолжении гимназического курса А. Цыпурдеев исполнял должность псаломщика-регента в гимназической церкви свт. Николая Чудотворца (настоятель – прот. Димитрий Трузманов). По окончании гимназии в 1927 г. поступил в Софийскую консерваторию. Перейдя на второй курс, Цыпурдеев уехал на гастроли с Кубанским казачьим хором. Находясь с хором на

гастролях в Риге Алексей познакомился с архиепископом Иоанном (Поммером). Эта встреча изменила весь дальнейший путь Алексея. Он остается в Риге, женится на дочери рижского протоиерея Евгения Свинцова и поступает в кафедральный собор как певчий хора. С 1930 г. назначен псаломщиком-регентом в церкви св. Владимира в г. Дубелне на Рижском взморье, где прослужил два года. В 1932 г. был переведен в рижскую церковь Св. Троицы за Двиной, а с 1935 по 1940 г. исполнял обязанности псаломщика, иногда руководил хором в храме св. Иоанна Предтечи в Московском предместье. В 1941-942 гг. служил псаломщиком в Рижском кафедральном соборе. В апреле 1942 г. Алексей Цыпурдеев был рукоположен митрополитом Сергием (Воскресенским) во священника, а 10 июня 1942 г. указом эсэраха был включен в состав Псковской миссии. В июле 1942 г. первое назначение на псковской земле – настоятелем храма свт. Николая в Палкино с поручением обслуживать и близлежащие приходы. В сентябре 1942 г. по просьбе о. Алексея его перемещают на место настоятеля Покровской церкви ст. Новоселье. Здесь и прошло основное время миссионерского служения о. Алексея Цыпурдеева. Миссионер, кроме духовного окормления христиан поселка и окрестностей, много времени уделял работе с детьми. В местной школе о. Алексей преподавал Закон Божий, а его жена Вера – немецкий язык. В ноябре 1942 г. Алексей Цыпурдеев был назначен заведующим Отделом просвещения Новосельского района. Помимо занятий с детьми о. Алексей проводил специальные беседы для учителей школы и даже организовал учительский хор, исполнявший духовные произведения. В конце октября 1943 г. священник Алексей Цыпурдеев был исключен из Псковской Православной миссии в связи с эвакуацией жителей Новосельского района и приближением линии фронта. Указом епископа Иоанна Рижского от 15 ноября 1943 г. о. Алексей был назначен настоятелем Михайловской церкви Покрова Божией Матери. К сожалению, дальнейшая судьба священника по документам не прослеживается. По сведениям миссионера прот. Георгия Тайлова, священник Алексей Цыпурдеев умер уже после войны в Дании, куда попал в ходе эвакуации из Латвии в 1944 г.

Источники:

ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 134

Протоиакон Феодор Иванович Юдин (1901 – 1974)

Родился в 1901 г. Получил музыкальное образование. С 19 лет служил псаломщиком храма Серафимо-Дивеевского подворья в Старом Петергофе. В 1922 г. епископ Петергофский Николай (Ярушевич) рукоположил Федора во диакона и назначил в Петропавловский собор в Петергофе. В 1926 г. о. Феодор был возведен в сан протодиакона. До 1940 г. он служил в храмах Ленинграда. Во время Великой Отечественной войны о. Феодор оказался на оккупированной немцами территории, был назначен в состав Псковской Православной миссии. В эти

годы протоиакон Ф. Юдин служил в Псковском Свято-Троицком соборе и вместе со священником Виктором Першиным обслуживал храмы г. Гдова и Гдовского района. За участие в возрождении церковной жизни о. Феодор после войны был арестован. Срок отбывал в Воркуте. После освобождения в 1950-х гг. служил в Рижском кафедральном соборе, затем в Нарве. В марте 1963 г. Ф. Юдин приступил к служению в Троице-Сергиевой лавре. Здесь о. Феодор встретил смерть и был похоронен 2 марта 1974 г. на городском кладбище Сергиева Посада.

Источники:

Свящ. Андрей Голиков. Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940-1952 гг. // Кровью убеленные. М., 1999, с. 212

Священник Феодор Степанович Ягодкин (1909 – 1945 (?))

Родился 1 февраля 1909 г. в г. Режица Витебской губ. В 1925 г. закончил полный курс Режицкой Правительственной Русской средней школы. В 1930 г. был принят в число студентов Православного Богословского института в Париже, где проучился в течение 4 лет и получил диплом Второй степени. 19 декабря 1934 г. Ф. Ягодкин был рукоположен во священника епископом Печорским Николаем (Лейсманом) в Печерской монастырской церкви. После рукоположения о. Феодор служил священником в Вилякской церкви, а с 1941 г. – в рижской Благовещенской церкви. В августе 1941 г. о. Феодор в числе других священников был направлен в Псков для работы в Православной миссии. Служил в пригороде Красное. Под руководством священника была восстановлена местная церковь. В Красном и окрестностях благодаря усилиям о. Феодора было открыто 15 церковных школ. 27 июня 1942 г. священник Ф. Ягодкин был отчислен из Псковской миссии и вернулся в Ригу. В августе 1942 г. о. Феодор был награжден орденом Миссии I степени. После смерти настоятеля рижской Св.-Иоанновской церкви о. Н. Колиберского священник Ф. Ягодкин занимает его место (с 15 октября 1942 г.). В марте 1944 г. о. Феодор бы перемещен на должность второго священника того же храма, так как настоятельство было отдано прот. Феодору Михайлову, эвакуировавшемуся в феврале 1944 г. из Пскова. После этого упоминания об о. Феодоре Ягодкине сведений о дальнейшем пути миссионера пока не найдено. По свидетельству о. Георгия Тайлова, умер священник Феодор в Германии (точной даты неизвестно), во время пребывания в лагере «перемещенных лиц».

Источники:

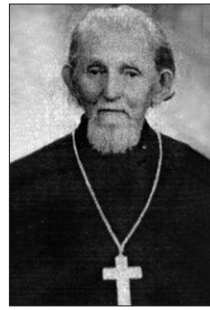
ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический архив), ф. 7469, оп. 2, д. 181

Балевиц З. Православная церковь под сенью свастики. Рига, 1969, с. 35

Публикация К.П. Обнозого

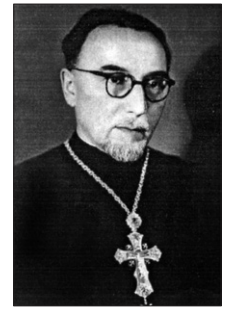
МИССИОНЕРЫ И ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДА, СЛУЖИВШИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИЙ

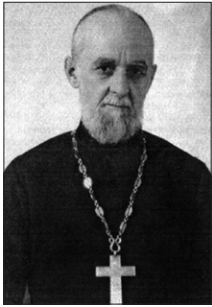
Прот. Сергей Ефимов

Прот. Николай Жунда

*Прот. Николай
Трубецкой*

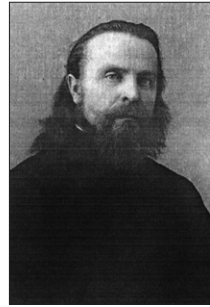
*Свящ. Константин
Шаховской*

*Свящ. Роман
Берзиньи*

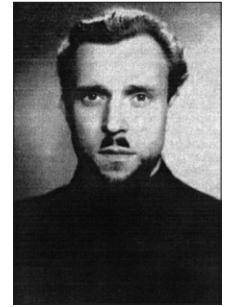
*Свящ. Василий
Рушанов*

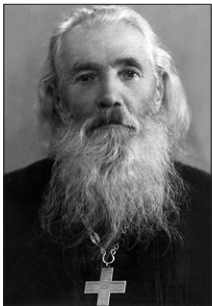
*Протодиакон Василий
Мельников*

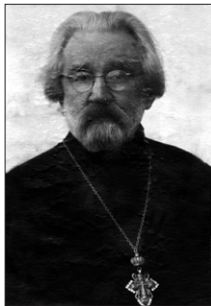
*Диакон Михаил
Трубецкой*

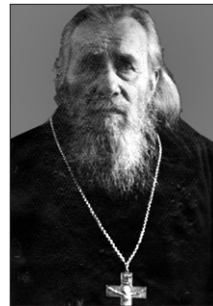
*Диакон Владимир
Шишин*

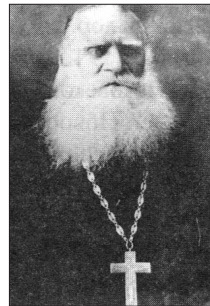
*Прот. Феодор
Беззняковский*

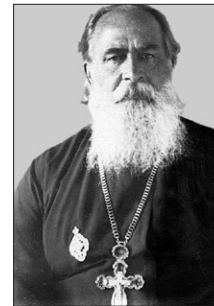
*Прот. Сергей
Василевский*

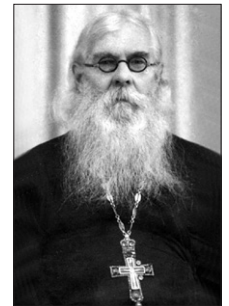
*Прот. Василий
Овчинников*

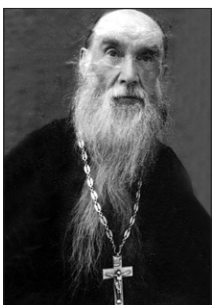
*Прот. Стефан
Парийский*

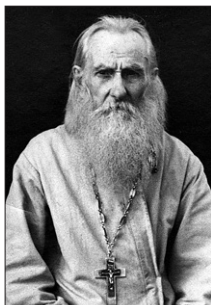
*Прот. Димитрий
Флоринский*

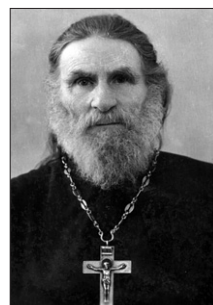
Прот. Петр Чесноков

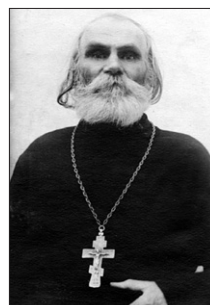
*Иеромонах Валентин
(Леянов)*

*Свящ. Иоанн
Кириллович Иванов*

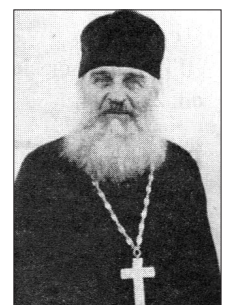
Свящ. Иоанн Копылов

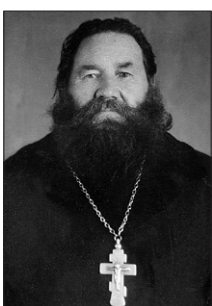
Свящ. Иоанн Лавров

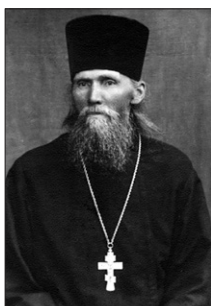
*Свящ. Алексей
Мецерский*

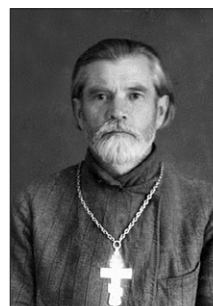
*Свящ. Михаил
Парийский*

Свящ. Феодор Пузанов

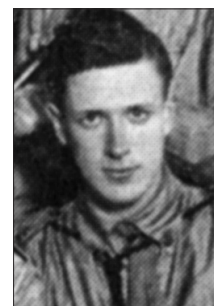
*Свящ. Николай
Сарапов*

*Свящ. Александр
Чернавский*

*Псаломщик Игорь
Булгак*

*Псаломщик Георгий
Ильинский*

*Псаломщик Василий
Каравеев*

Псков. Кремль. Вид на Свято-Троицкий собор со стороны Довмонтова города

Здание, в котором помещалась Псковская Православная миссия

ПРИХОДЫ ПСКОВСКОЙ МИССИИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЕПАРХИЯ (110 храмов)

Царскосельский уезд

1. **Царское Село. Знаменская ц.** Не закрывалась. Прот. Феодор Забелин (с 12.03.1938 по 12.08.1942). Действ. до 1945.
2. **Павловск. Свв. Иоакима и Анны ц. (кладб.).** Действ. 1941–1942. Игумен Илья (Мошков), псал. Алексей Маслов.
3. **Царская Славянка (Антропшино). Св. Екатерины ц.** Действ. с 1942 по наст. время. Прот. Иоанн Успенский.
4. **Поповка. Св. Троицкая ц.** Действ. до 1938. Действ. в войну 1941–1944. Свящ. Иоанн Пиркин. К маю-июню 1944 духовенства нет.
5. **Красное Село. Александро-Невская ц.** Действ. с 1942 по наст. время. Свящ. Иоанн Пиркин.
6. **Ям-Ижора. Никольская ц.** Возвращена и действ. в годы войны.
7. **Красный Бор (Самопомощь). Св. Троицкая ц.** Закр. 1941. Откр. 1941 (?) Действ. 1941–1942 (?) Прот. Димитрий Осьминский.
8. **Карташевская. Петропавловская ц.** Действ. 1941–1944. Прот. Николай Быстряков.
9. **Сусанино. Казанская ц.** Действ. с 1941 по наст. время.
10. **Рождествено. Рождества Богородицы ц.** Действ. с 1943 по наст. время. Прот. Петр Кудринский, в 1944–свящ. Иоанн Молчанов.
11. **Старо-Сиверская. Преображения Господня ц.** Действ. во время войны.
12. **Сиверская. Петропавловская ц.** Действ. с 1942 по наст. время. Прот. Николай Шенрок. Прот. Иоанн Чудович.
13. **Сиверская. Тихвинская ц.** Не закрывалась. Действ. по наст. время. Прот. Константин Красовский, диакон Василий Березов – во свящ. рукоположен сюда летом 1944.
14. **Сиверская (Дружноселье). Свято-Троицкая ц.** Действ. 1942 – 1945. Архим. Серафим Емельянов. Свящ. Василий Митрофанов.
15. **Пятая Гора. Троицкая ц.** Не действ. с 1944, закр. 1945. Не закр. до войны. Свящ. Иоанн Андреев.
16. **Озертицы (Заполье). Петропавловская ц.** Действ. 1942–1944. К маю-июню 1944 духовенства нет.
17. **Малая Ящера. Корсунской Божией Матери ц.** Действ. 1942–1945. Свящ. В. Романский, свящ. Алексей (фамилия неизвестна).
18. **Тайцы. Свт. Алексия митр. Московского ц.** Действ. 1941–1944. Прот. Петр Жарков.
19. **Вырица. Казанская ц.** Действ. с августа-сентября 1941 по наст. время. Прот. Владимир Богданов, архим. Серафим (Проценко), псал. Иоанн Преображенский, псал. Ливерий Воронов, иеромонах Лин (Никифоров), прот. Анатолий Кушиков (Вырица), прот. Михаил Ноздрин, свящ. Иоанн Молчанов, свящ. Николай Багрянский, диакон Александр Максимов, с 01.09.1944 – иеромонах Антоний (Стальмаков), свящ. Димитрий Горемыкин (указ отменен), с 03.08.1945 – прот. Алексей Кибардин. 1941 – ц. староста Мальков Николай Куприянович († 1942), староста Михайлов (Алексей Ильич?), староста Демидов. Псал. Ирина Петрова, иеросхимонах Серафим (Муравьев), схимонахиня Серафима (Муравьева).
20. **Вырица. Петропавловская ц.** Действ. с 19.12.1941 по наст. время. Иеромонах Лин (Никифоров), вход. прот. Михаил Ноздрин, свящ. Николай Багрянский, с 1945 – прот. Борис Заклинский.
21. **Вырица. Успенская ц.** в Успенском женском монастыре. Действ. в 1942–1945. Иеромонах Антоний - иеросхимонах Арсений (Стальмаков). Схиигумения Хрисциана (Херувима (?)) слепица, мон. Иоанна (Шихобалова), мон. Серафима (Морозова), мон. Серафима (Муравьева), монахиня Анастасия (?) (Ладилес), мон. Анна (?) (Дяделева), мон. Анна (?) (Резцова), мон. Мария (Дорожкина), мон. Мария (?) (Младенчикова), мон. Пелагея (Москвина).
22. **Вырица. Церковь на даче Сидоровых (домовая) о. Серафима (Проценко).** Действ. с 1936 (?), 1941–1943 (?) Архим. Серафим (Проценко), монах (иеромонах (?)) Лев († 1942), послушник (монах) Иоанн (Иванов), монахиня Варвара (Коржавина), монахиня Евфимия (Сидорова), монахиня Вероника (Федякина), монахиня Екатерина (Исаева), монахиня Феодосия (Осипова).
23. **Вырица. Церковь в Богоявленском мужском монастыре (ц. св. Иоанна Предтечи?).** Действ. 1942 (?)–1944 (?) Архим. Серафим (Проценко), монах (иеромонах (?)) Лев († 1942), послушник (монах) Иоанн (Иванов), монах (?) Михаил (Трофименков), мон. Иоанн (?) (Емельянов), мон. Михаил (?) (Оленев), мон. Николай (?) (Куликов).
24. **Гатчина. Павловский собор.** Прот. Александр Петров († 1942) благочинный, прот. Феодор Забелин, благочинный. Действ. с 1942 – по наст. время.
25. **Гатчина. Мариенбург. Покровская ц.** Действ. с 30.11.1941 по наст. время. Свящ. Иоанн Пиркин 1941–1942, свящ. Василий Апраксин 1942–1945, диакон Сергей Василевский (†1943).

26. **Гатчина. Рождества Иоанна Предтечи ц. (кладб.).** Действ. 1942–1962. Свящ. Михаил Смирнов.
27. **Суйда. Воскресенская ц.** Не закрывалась. Сгорела в 1964. Прот. Николай Быстряков, благочинный.
28. **Саблино. Никольская ц. (кладб.), б. часовня.** Действ. с 1942 по наст. время. Иером. Кирилл (Смирнов), диакон Михаил Яковлев.
29. **Орлино. Спасо-Преображенская ц.** Действ. 1942–1944. Свящ. Иоанн (Михаил?) Суслин (†1942), свящ. Иоанн Амосов, свящ. Алексей Лаптев.
30. **Лисино. Крестовоздвиженская ц.** Свящ. Николай Багрянский, вход. из Вырицы.
31. **Усть-Введенское. Введенская ц.** Прот. Владимир Богданов
32. **Дубенки (Дубовик (?)). Приход Еглино (?) Успенская ц. (?)** Тосненского района. Проживал (?) Служил (?) Свящ. Соловьев.

Петергофский уезд

33. **Дылицы. Владимирская ц.** Действ. 1943–1962. Свящ. Иоанн Андреев
34. **Волосово. Александро-Невская ц.** Действ. с 1941 по наст. время. Свящ. Порфирий Рудаков, свящ. Димитрий Горемыкин, диакон Филипп Ларионов.
35. **Елизаветино (д. Новая). Владимирская ц. (домовая).** Действ. 1942–1943. С 1944 – свящ. Иоанн Андреев.
36. **Клопицы. Петропавловская или Св. Троицкая ц.** Действ. 1942 (?)– 1944. Иеромонах (имя неизвестно). Эвакуирован осенью 1943.
37. **Волгово. Домовая ц. в б. церковно-приходской школе ц. Св.Ирины.** 1942 (?) –1944. Иеромонах (имя неизвестно). Эвакуирован осенью 1943.
38. **Теглицы. Св. Троицкая ц.** Действ. к 1944 г.

Шлиссельбургский уезд

39. **Шлиссельбург. Благовещенский собор.** Действ. 1941–1944. Свящ. Иоанн Амосов.
40. **Лезье. Успенская ц.** Действ. 1941–1944. Свящ. Иоанн Амосов.
41. **Мга. Никольская ц.** Действ. 1941–1942. Свящ. Иоанн Амосов.

Новгородский уезд

42. **Тосно. Казанская ц. (стар., каменная).** Действ. 1941–1944. По наст. время богослужения совершаются в кладб. ц., обращенной в церковь из часовни. Иеромонах Афиноген (Агапов).
43. **Чудской Бор. Воскресенская ц.** Действ. 1941–1943.
44. **Пельгора. Никольская ц. Иеромонах Кирилл (Смирнов).**
45. **Ильинский погост. Ильинская ц. Иеромонах Кирилл (Смирнов).**
46. **Ушаки. Николо-Александринская ц.** Действ. 1941–1943. Прот. Петр Жарков, свящ. Иоанн Амосов.
47. **Любань. Петропавловская ц.** Действ. 1942–1943. Иеромонах Афиноген (Агапов), иеромонах Кирилл (Смирнов), прот. Петр Жарков, прот. Иоанн Медведский, свящ. Алексей Азиатский, диакон Михаил Яковлев, служил прот. Кирилл Зайц.
48. **Коровий Ручей.** Действ. 1941–1942. Свящ. Алексей Азиатский.
49. **Макариевская пустынь.** Действ. (?) в 1941. Схиепископ Макарий (Васильев). Посл. Вукол (Николаев).
50. **Ям-Тесово. Преображенская ц.** Действ. 1942–1945. Прот. Димитрий Осьминский.
51. **Щупоголово (оно же – Загородицы (?)). Рождества Иоанна Предтечи ц.** Действ. с 1942 по наст. время. Свящ. Ливерий Воронов. Диакон Николай Тишин.
52. **Климентовский погост. Рождественская ц. (Климент папы Римского ц.).** Действ. 1942–1945. Свящ. (?) Мартынов.
53. **Черемна.** Действ. 1942–1945. Свящ. Николай Телятников.
54. **Фроловское (Клюкошицы). Флора и Лавра ц.** Действ. с 1942 по наст. время. Прот. Димитрий Осьминский.
55. **Волосково. Св. Троицкая ц.** Действ. 1942–1945.
56. **Каменные Поляны. Рождества Иоанна Предтечи ц.** Действ. 1942 – 1945. Иером. Лин (Никифоров), прот. Александр Кузнецов.
57. **Сустье-Поляны (Сустье-Конец).** Иеромонах Кирилл (Смирнов).

Лужский уезд

58. **Луга. Казанский собор.** Действ. с 1941 по наст. время. Наст. - Прот. Николай Заблотский – благочинный. Прот. Феодор Михайлов (Лужский и Гдовский районы), б. Псковский благочинный, свящ. Николай Трубецкой (Лужский район), прот. Михаил Ноздрин, диакон Михаил Трубецкой (Лужский район), протодиакон Андрей Журавлев, свящ. Алексей Налимов, диакон (?) Сергей Самгин, диакон Орлов (служил в Лужском районе, в связь с Миссией не вступал), диакон Тишин, псал. Яков Львов.
59. **Луга. Св. Ольги ц.** Действ. 1942–1945. Свящ. Анатолий Голубев, Свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис.
60. **Городец. Успенская ц.** Действ. с 1941 по наст. время. Прот. Михаил Обрацов, псал. Иоанн Камагин.

61. Смёшино. *Успенская ц.* Действ. 1942–1945.
62. Поддубье. *Иоанна Крестителя ц.* Свящ. Анатолий Голубев (благочинный с 12.05.1944), псал. Иоанн Камагин.
63. Петрова Горка. *Воскресения Христова ц.* Действ. с 1941 по наст. время. Прот. Михаил Образцов.
64. Югостицы. *Покровская ц.* Действ. 1942–1944.
65. Романшина. *Тихвинская ц.* Действ. 1943–1962. Свящ. Василий Сергеев, диакон Николай Смирнов.
66. Заозерье. *Никольская ц.* Закр. 1945. До войны не закрывалась.
67. Торошковичи. *Воскресенская ц.* Действ. 1942–1963. Свящ. Василий Сергеев.
68. Сырец. *Покровская ц.*
69. Смерди. *Казанская ц.* Свящ. Алексей Налимов (?) До войны (?)
70. Сяберо. *Спасская ц.*
71. Ордеж. *Св. Троицкая ц.* Действ. 1942–1945. Свящ. Сергей Попов (Ордежский район).
72. Преображенская ст. (Толмачёво). *Преображенская ц.* Действ. с 1941 по наст. время. Прот. Геннадий Городецкий.
73. Перечицы. *Георгиевская ц.* Прот. Димитрий Осьминский.
74. Подлесье (Новоселье, Дремяцкий погост). *Пятницкая ц.* Действ. в войну. Закрыта в 1944–1945. Сгорела в 1992.
75. Троицкое (Верхутино). *Св. Троицкая ц.*
76. Хвошно. *Димитриевская ц.*
77. Вычелобок (?). *Покровская ц.*

Ямбургский уезд

78. **Ямбург.** *Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» ц. (свт. Петра митрополита).* Не закрывалась (?) Действ. 1941–1944. Свящ. Николай Анненский.
79. **Ямбург.** *Свт. Петра митр. Московского ц.* (осв. в б. жилом доме, перенесена с кладбища). Действ. 1942–1944. Свящ. Николай Анненский.
80. Ополье. *Крестовоздвиженская ц.* Действ. с 1942 по наст. время. Прот. Александр Степанов, псал. Павел Слепнев († 1944).
81. Ильеша. *Никольская ц.* Действ. с 1943 по наст. время. Прот. Иаков Тихомиров, вход. из Вруды.
82. Удосолово. *Михаило-Архангельская ц.* Действ. 1942–1963. Духовенство из Нарвы: прот. Павел Калинин, свящ. Михаил Рауд, свящ. Николай Недремский.
83. Чирковицы. *Спасская ц.* Действ. 1942–1944.
84. Калозицы. *Екатерининская ц.* Действ. 1942–1945. Прот. Иаков Тихомиров, вход. из Вруды.
85. Ястребино. *Никольская ц.* Действ. с конца марта 1942–1960-е. Весна 1942– прот. Алексей Кибардин, в 1944 – свящ. Порфирий Рудаков.
86. Редкино. *Св. Троицкая ц.* Действ. 1942–1945.
87. Хотнежа. *Покровская ц.* Действ. к 1944.
88. Котлы. *Никольская ц.* Действ. 1943–1960. Духовенство из Нарвы.
89. Валговицы. *Молитвенный дом.* Действ. 1944–1951.
90. Кёрстово. *Никольская ц.* Действ. 1942–1945. Прот. Александр Степанов (вход. из Ополя). К маю-июню 1944 духовенства нет.
91. Ратчино. *Георгиевская ц.* Действ. 1942–1962. Свящ. Николай Недремский, диакон Алексей Добряков. К маю-июню 1944 духовенства нет.
92. Яблоницы. *Воскресения Слоущего ц.* Действ. с 1942 по наст. время. Свящ. Илия Проскуряков, рукоп. в 1942.
93. Большая Вруда. *Успенская ц.* Действ. 1942–1961. Прот. Алексей Кибардин, свящ. Николай Петров, прот. Иаков Тихомиров.
94. Сойкино. *Никольская ц.* Действ. 1942–1944. Духовенство из Нарвы: прот. Павел Калинин, свящ. Михаил Рауд, свящ. Николай Недремский.
95. Краколье. *Никольская ц.* Действ. 1942–1944. Духовенство из Нарвы: прот. Павел Калинин, свящ. Михаил Рауд, свящ. Николай Недремский.
96. Кейкино. *Петропавловская ц.* Действ. 1942–1944. В 1942 назначен свящ. Николай Недремский, духовенство из Нарвы, (свящ. Михаил Рауд).
97. Стремление. *Никольская ц.* Действ. 1942–1944 (?) Духовенство из Нарвы.
98. Ославье. *Казанская ц.* Действ. 1942–1944. Свящ. Николай Востоков, признан Миссией в 1943. Эвакуирован осенью 1943. К маю-июню 1944 духовенства нет.

Гдовский уезд

99. Старополье. *Христо-Рождественская ц.* Действ. 1942 (?)–1944 (?) Вход. прот. Алексей Кибардин.
100. Пенино. *Рождества Богородицы ц.* Действ. 1942–1944 (?) Вход. прот. Алексей Кибардин.
101. Козья Гора. *Покровская ц.* Закр. 1937. Действ. с 7.04.1942 по наст. время. Прот. Алексей Кибардин.

102. **Зажупанье. Михаило-Архангельская ц.** Действ. 11.1943–1963. *Свящ. Алексей Маслов.*
 103. **Доложск (Заручье). Успенская ц.** Действ. 02.1942–11.1943. *Игумен Илия (Мошков), свящ. Алексей Маслов.*
 104. **Новоселье. Александро-Невская ц.** Действ. 1942–1945.
 105. **Сижно. Михаило-Архангельская ц.** Действ. 1942–1943.
 106. **Ложголово. Георгиевская ц.** Действ. 1942–1962. *Немецкий военный священник, свящ. Николай Петров, 1944 – назн. свящ. Николай Анненский, с 1945 – свящ. Николай Недремский.*
 107. **Песье (Самро). Воскресенская ц.** Действ. 1942–1945. *Иеромонах Лин (Никифоров), свящ. Алексей Маслов.*
 108. **Осьмино (?)**
 109. **Рель (?)**

Тихвинский уезд

110. **Тихвин (?)**

ПРИНАРОВЬЕ (17 приходов)

*До 1917 – часть Ямбургского и Гдовского уездов С.-Петербургской губернии,
 1920–1944 – в составе Эстонии, с 1944 и ныне С.-Петербургская епархия*

В список включены также Нарвский Спасо-Преображенский собор и Владимирская братская ц. (б. С.-Петербургской губ.), ныне находящиеся на территории Эстонии, и Нарвский Кренгольмский Воскресенский собор, (принадл. б. Эстляндской губ.), духовенство которых служило миссионерами в ходе войны на территории Северо-Запада России.

Ямбургский уезд

111. **Ивангород. Успенская ц. (крепость).** Закр. в 1940. Действ. 1941–1944. Закр. 1944.
 112. **Ивангород. Никольская ц. (крепость).** Закр. в 1940. Действ. 1941–1944. Закр. 1944.
 113. **Нарва-Ивангород. Св. Троицкая ц.** Действ. до 1945. *Прот. Павел Калинин, свящ. Ростислав Лозинский, свящ. Иаков Тимофеев.*
 114. **Нарва-Ивангород. Знаменская ц.** Действ. до 1944. *Прот. Евгений Яхонтов.* Разр. во время боевых действий (1944).
 115. **Нарва-Ивангород. Никольская ц.** Действ. до 1944. *Свящ. Михаил Рауд.* Разр. во время боевых действий (1944).
 116. **Нарва-Ивангород. Петропавловская ц.** Действ. до 1944. *Свящ. Михаил Рауд.*
 117. **Нарва-Ивангород. Иверское подворье.** Действ. до 1944. *Свящ. Александр Захаров, монахиня Тавифа (Иванова).* Постр. во время боевых действий, руины снесены в конце 1940-х.
 118. **Смолка. Св. Троицкая ц.**
 119. **Венкуль.**
 120. **Нарва. Спасо-Преображенский собор.** Действ. до 1944. *Разрушен во время боевых действий. Архиеп. Павел (Дмитровский), прот. Павел Калинин, прот. Владимир Ирадионов, свящ. Ливерий Воронов, свящ. Сергей Романов, свящ. Сергей Каргай, иером. Лин (Никифоров), свящ. Иаков Тимофеев.*
 121. **Нарва. Воскресенский собор.** Не закрывался. Действ. по наст. время. *Прот. Павел Калинин, с 1945– свящ. Иаков Тимофеев, диакон Петр Натаров, диакон Александр Сидоров.*
 122. **Нарва. Князь-Владимирская братская ц.** *Прот. Павел Калинин, свящ. Николай Недремский.*

Гдовский уезд

123. **Низы. Никольская ц.** *Свящ. Николай Недремский.*
 124. **Большие Поля (перенесена из Низов). Казанская ц.** Действ. с 1942 (?) по наст. время.
 125. **Криуши. Александро-Невская ц.** Действ. до 1944.
 126. **Ольгин Крест. Никольская ц.** Действ. до 1944. Разр. 1944 (взорвана 4.02.1944 немецкими войсками). *Свящ. Андрей Кротковский – до 1940–1941 (?), свящ. Иоанн Захарович Анисимов, б. диакон – до 1944.*
 127. **Скамья. Ильинская ц.** Действ. до 1944. Разр. 1944 (взорвана 4.02.1944 немецкими войсками).

ПСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ (170 храмов)

Псковский уезд

128. **Псков. Св. Троицкий собор.** Действ. с 1941 по наст. время. *Протопр. Кирилл Зайц, прот. Сергей Ефимов, прот. Николай Жунда, прот. Николай Колиберский (Псков), прот. Алексей Ионов, прот. Георгий Тайлов, прот. Николай Шенрок, свящ. Ливерий Воронов, прот. Иаков Начис, свящ. Василий Синайский (Псков), Василий Стехновский (Псков), свящ. Александр Чернавский (Псков), псал. Константин Кравченко, псал. Леонид Начис, диакон Владимир Ширишин, псал. Леонид Архангельский, псал. Игорь Булгак, псал. Иоанн Преображенский, псал. Николай Синуцкий, псал. Валентин Хмелев.*

129. **Псков. Варлаамовская ц.** Действ. с 1941 по наст. время. Прот. Константин Шаховской, прот. Алексей Ионов, диакон Иоанн Преображенский, псал. Василий Рудаков, к 1944 – прот. Петр Жарков.
130. **Псков. Димитриевская ц.** Действ. по наст. время. Свящ. Георгий Бенигсен, прот. Феодор Михайлов, свящ. Андрей Кузьмин.
131. **Псков. Михаило-Архангельская ц.** Действ. с 17.01.1944. Закрыта в 1944. Свящ. Михаил Гривский, свящ. Владимир Толстоухов.
132. **Псков. Алексеевская ц.** Прот. Николай Шенрок, свящ. Михаил Гривский, псал. Георгий Ильинский.
133. **Псков. Казанская ц.** Действ. с 03.09.1943–1944. Прот. Кирилл Зайц, прот. Владимир Ирадионов, свящ. Иоанн Азелицкий, свящ. Михаил Гривский.
134. **Псков. Иоанно-Богословская ц.** (на Мишариной горе). Богослужения совершались нерегулярно.
135. **Псков. Любятово. Никольская ц.** Не закрывалась (?). Действ. по наст. время. Свящ. Иоанн Амосов (?), архим. Серафим (Проценко), свящ. Михаил Гривский, свящ. Иоанн Иванов, псал. Иоанн Терентьев.
136. **Псков. Бутырки. Успенская ц.** Прот. Петр Жарков, псал. Михаил Ильменский.
137. **Псков. Мирожский мон.** (детский приют). Свящ. Георгий Бенигсен.
138. **Камно. Георгиевская ц.** Свящ. Петр Птицин, свящ. Александр Федоров, псал. Татиана Ястремская.
139. **Кривовичи. Ильинская ц.**
140. **Устье. Никольская ц.** Прот. Иоанн Виноградов.
141. **Корлы.** Прот. Иоанн Виноградов, псал. Иоанн Филковский.
142. **Нёготь (Писковичи). Матвеевская ц.** Свящ. Василий Вознесенский, свящ. Александр Федоров, иеромонах Амфилохий (Егоров).
143. **Выбуты. Ильинская ц.** Свящ. Михаил Корлский.
144. **Талабск (Залит). Никольская ц.** Действ. по наст. время. Свящ. Александр Чернавский.
145. **Верхний (?). Петропавловская ц.** Свящ. Александр Чернавский.
146. **Большая Толбича (Верхолино). Духовская (Св. Илии пророка) ц.** Не закрывалась (?) Свящ. Василий Вознесенский, свящ. Сергей Донцов.
147. **Малая Толбича. Введенская ц.** Вход. свящ. Сергей Донцов.
148. **Елизарово. Трехсвятительский собор.** Свящ. Иоанн Вознесенский.
149. **Теребище. Свящ. Николай Саранов (вход.).**
150. **Торошино (станция).** Свящ. Роман Берзиньш, свящ. Иоанн Амосов, свящ. Михаил Смирнов. Ц. разр. в войну (1944).
151. **Палицы. Георгиевская ц.** Иеромонах Амфилохий (Егоров).
152. **Большое Загорье.** Свящ. Кирилл Борозденков.
153. **Мелёво. Троицкая и Успенская ц.** Свящ. Николай Попов, иером. Сергей (Сампсоник), свящ. Кирилл Борозденков.
154. **Виделебье. Никольская ц.** Действ. по наст. время. Прот. Николай Добрянский.
155. **Оклюдицы. Рождественская ц.** Прот. Николай Добрянский, диакон Аузлицкий.
156. село Н., где храм был достроен после 1917 г. (под Псковом (?))
157. **Стремутка. Казармы РОА.** Архимандрит Гермоген (Кивачук), военный священник (протопресвитер) РОА.
158. **Саввина пустынь. Саввинская ц. (около Стремутки).** Прот. Стефан Парийский, свящ. Михаил Парийский.
159. **Черская (Чирски).** Не закрывалась. Прот. Василий Овчинников.
160. **Палкино (Смолино). Никольская ц.** Прот. Владимир Ирадионов. Свящ. Евлампий Рясенский.
161. **Локно. Космо-Дамиановская ц.** Псал. Иоанн Филковский.
162. **Уситва. Рождества Богородицы ц.** Свящ. Владимир Воскресенский.
163. **Рюха. Георгиевская ц.** Свящ. Иоанн Гаврилов, свящ. Серафим Молчанов.
164. **Русски (Русецкий погост).** Свящ. Григорий Добровольский, свящ. Иоанн Оглоблин.
165. **Знахлицы (Болотово). Покровская ц.** Свящ. Алексей Назаретский.
166. **Добровидки (Добровитки).** Свящ. Григорий Добровольский.
167. **Славковичи. Успенская ц.** Иером. Андрей (Тишко), свящ. Василий Рушанов, свящ. Алексей Назаретский, свящ. Николай Успенский, диакон Владимир Ширишин.
168. **Верхний Мост. Никольская ц.**
169. **Слобода. Иоанна Крестителя (Преображения Господня) ц.**
170. **Докатово.**
171. **Демяницы.** Свящ. Иоанн Оглоблин, псал. Комаров.
172. **Тешково.**

Гдовский уезд

173. **Гдов. Афанасиевская ц.** Не закрывалась. Благодичный – прот. Иоанн Легкий, прот. Владимир Ирадионов, свящ. Роман Берзиньш, свящ. Владимир Соколов, свящ. Ливерий Воронов, прот. Алексей Ионов, свящ. Виктор Першин, свящ. Георгий Мельников (Гдовский район), свящ. Николай Пермяков (Гдовский округ), протод.

- Феодор Юдин, псал. Карсов, служил прот. Кирилл Зайц. Взорвана в феврале 1944.
174. **Глов. Димитриевский собор (?)** Оставался за гарнизоном (?) Взорван в феврале 1944.
175. **Павловский приход. Воскресенская ц.** Действовала в годы войны, к концу 1940-х – колхозный склад. *Иером. Лин (Никифоров), псал. Сергей Плескач.*
176. **Николо-Конец (Каменный погост).** *Никольская ц. Иером. Лин (Никифоров), псал. Сергей Плескач.*
177. **Кярово. Покровская ц.** Действ. по наст. время.
178. **Вейно. Воскресенская ц. Вход. иером. Лин (Никифоров).**
179. **Крапивно. Никольская ц.** Действ. в войну. *Свящ. Роман Берзиньш, вход. иером. Лин (Никифоров). К маю-июню 1944 духовенства нет.*
180. **Заянье. Никольская ц.** Действ. по наст. время. *Иером. Лин (Никифоров).*
181. **Прибуж. Спасо-Преображенская ц.** Действ. в войну. *К маю-июню 1944 духовенства нет.*
182. **Лосицы. Митрофаньевская ц.** Действ. по наст. время. *Иером. Лин (Никифоров).*
183. **Ктины. Вмч. Димитрия Солунского ц.** Действ. по наст. время. *Священник-самосвят (имя неизвестно).*
184. **Ветвеник. Петропавловская ц.**
185. **Быстреевский погост (Финева Гора).** *Никольская ц. Действ. по наст. время.*
186. **Ляды. Иером. Лин (Никифоров).**
187. **Боровик. Покровская ц.** Действ. по наст. время. *Свящ. Николай Сарапов.*
188. **Середка (Маслогостицы(?)).** *Свящ. Николай Десятинский.*
189. **Мельницы. Михаило-Архангельская ц.** *Свящ. Николай Попов.*
190. **Новые Дубяги. Введенская ц.** *Священник (имя неизвестно). Псаломщик (имя неизвестно).*
191. **Полна. Псаломщик (имя неизвестно).**
192. **Ямы (Ямм – Мишина Гора (?) Полна (?) Озера (?))**
193. **Кобылье Городище. Михаило-Архангельская ц.** *Свящ. Николай Сарапов.*
194. **Озера. Свящ. Алексей Мясников.**
195. **Бельское (Бельский погост). Рождественская ц.** *Свящ. Илия Богданов.*
196. **Гвоздно (Гвозденский погост, Наумовщина). Космо-Дамиановская ц.** *Свящ. Николай Сарапов.*
197. **Курокша. Свящ. Николай Сарапов.**
198. **Ремда. Свящ. Николай Сарапов.**

Лужский уезд

199. **Посолодино. Входиерусалимская ц.** *Свящ. Феодор (фамилия неизвестна).*
200. **Погорелово (Гагрино). Успенская ц.** Действ. в годы войны и по наст. время. *Свящ. Димитрий Евдокимов.*
201. **Боротно. Покровская ц.** Действ. в годы войны. *Закрыта в 1960-х. Иеромонах Мартириан (Баранцев).*
202. **Хредино. Свв. Флора и Лавра ц.** *Свящ. Димитрий Евдокимов, свящ. Борис Фессак.*
203. **Павы. Покровская ц.**
204. **Заполье. Георгиевская ц.** Действ. в годы войны и по наст. время.
205. **Видони. Александро-Невская ц.** *Свящ. Димитрий Белов.*
206. **Велени. Параскевинская ц.** *Свящ. Феодор Михайлов (?).*
207. **Нежадово. Воскресенская ц.** *Летом 1944 диакон Александр Максимов рукоположен сюда во священника.*
208. **Плюсса. Прот. Феодор Михайлов, свящ. Димитрий Евдокимов.**
209. **Струги-Красные. Прот. Анатолий Кушников.**
210. **Модолицы. Никольская ц.**
211. **Молодечно (Моложане, Молоди (?)).** *Свящ. Илия Богданов.*
212. **Новоселье. Свящ. Алексей Цыпурдеев, иером. Исаакий (†1942), псал. Иоанн Преображенский.**
213. **Кубасово. Свящ. Илия Виноградов, свящ. Илия Богданов.**

Порховский уезд

214. **Порхов. Никольская ц.** *Прот. Павел Студентов, благочинный.*
215. **Порхов. Благовещенский собор.** Действ. в годы войны. *Разрушен в 1960-х. Свящ. Виктор Першин. (Порхов), свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис, свящ. Иоанн Солдатов, свящ. Николай Успенский, иеромонах Геннадий (Собственников).*
216. **Порхов. Иоанно-Предтеченская ц. (кладб.) (?).**
217. **Никандрова пустынь.** Действ. с 12.07.1942. *Иером. Андрей (Тишко), служил прот. Кирилл Зайц.*
218. **Любовец.**
219. **Береза. Михаило-Архангельская ц.** *Свящ. Иоанн Кириллович Иванов.*
220. **Дубровна. Свящ. Иоанн Кириллович Иванов.**
221. **Хохловы Горки. Грузинской Божией Матери ц.** *Свящ. Феодор Пузанов, служили прот. Кирилл Зайц, прот. Николай Трубецкой, диакон Михаил Трубецкой.*
222. **Опоки. Благовещенская (Ильинская) ц.** Действ. по наст. время. *Игумен Валентин (Боровцов).*
223. **Подоклинье. Богоявленская ц.** Действ. по наст. время. *Прот. Иоанн Осипов.*

224. Демянка. Прот. Иоанн Осипов.
225. Жаборы. Покровская ц. Действ. по наст. время. Свящ. Михаил Успенский.
226. Дно. Михаила Архангела ц. Действ. по наст. время. Свящ. Василий Рушанов, свящ. Владимир Толстоухов, свящ. Стефанович, прот. Сергей Василевский, благочинный.
227. Скугры. Прот. Сергей Василевский, свящ. Иоанн Осипов. Действ. до 02.1944. При отступлении ц. сожжена немцами.
228. Сырковичи (Березка). Свящ. Иоанн Прациков (Трациков (?)).
229. Лукомо. Казанская ц. Действ. в годы войны. Закрыта в 1960-х. Сожжена.
230. Большое Тресно. Молитв. дом (?) ц. (?) или проживал священник (?) Свящ. Георгий Сперанский
231. Михайлов погост. Воскресенская ц. Действ. по наст. время. Свящ. Стефан Макаренко.
232. Морино. Иверской Божией Матери ц. Действ. по наст. время.
233. Белая. Рождества Богородицы ц. Иером. Сергей (Сампсоник), свящ. Илья Богданов, в 1944 – благочинный, псал. Иоанн Голубев.
234. Дедовичи. Свящ. Стефанович.
235. Вышегород. Михаило-Архангельская ц.
236. Пожеревицы. Прот. Евгений Троицкий.
237. Чихачёво (станция). Свящ. Николай Закревский.
238. Дмитриевы Горки. Свящ. Алексей Мещерский
239. Александрово. Спасская ц. Свящ. Иоанн Модестов (рукопол. 1943).
240. Гористо. Преображенская ц. Прот. Кронид Яковлев.
241. Болчино. Св.-Троицкая ц. Свящ. Алексей Мещерский.
242. Княжи Горки (Красные Горки). Ильинская ц.
243. Горомулино. Вознесенская ц.
244. Заклинье. Спасо-Преображенская ц. Свящ. Николай Спиридонов.
245. Карачуницы. Иером. Геннадий (Собственников), с 11.1944.
246. Буриги. Св. Троицкая ц.
247. Рвы. Никольская ц.
248. Бельское Устье. Вознесенская ц. Свящ. Николай Успенский.

Островский уезд

249. **Остров. Троицкий собор.** Склад для зерна. Действ. прот. Алексей Ионов, прот. Николай Жунда, свящ. Владимир Толстоухов, прот. Георгий Тайлов.
250. **Остров. Свт. Николая ц.** на острове – полуразрушена (церковь, обращ. в кузницу), она же (?) – стала действ. Свящ. Алексей Ионов, свящ. Николай Миронович.
251. **Остров. свв. Жен- Мироносиц ц.** (кладб.) б. архив райкома. Действ. по наст. время. Прот. Алексей Ионов.
252. **Остров. Симанский монастырь. Казанская ц.** Осв. после Пасхи 1943 действ. Свящ. Иоанн Гаврилов.
253. Владимирец. Никольская ц. Свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис.
254. Сигорицы. Иоанна Крестителя ц. Свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис, псал. Василий († 1943).
255. Воронцово. Свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис.
256. Маршавицы. Свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис.
257. Пальцево. Свящ. Иоанн Амосов.
258. Кухва. Михаило-Архангельская ц. Действовала в годы войны. Закрыта в 1950-1960-х. Ныне не существ.
259. Елины. Покровская ц. Прот. Сергей Ефимов. Свящ. Серафим Молчанов.
260. Дубки. Свящ. Серафим Молчанов.
261. Гривы. Спасо-Преображенская ц.
262. Пустое Воскресенье. Воскресения Христова ц.
263. Гнилки.
264. Врев. Никольская ц.
265. Выбор. Успенская ц. Свящ. Роман Берзиньш, свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис.

Опочецкий уезд

266. **Опочка. Покровская ц.** (кладб.). Действ. по наст. время. Свящ. Владимир Толстоухов, псал. Георгий Радецкий, свящ. Владимир (?).
267. Святые Горы. Казанской Божией Матери ц. (кладб.) на Тимофеевой горе.
268. Святые Горы (Пушкинские Горы). Успенский собор. Иеромонах Иоасаф (Дмитриев), свящ. Владимир Толстоухов, псал. Георгий Радецкий, свящ. Михаил Успенский, свящ. Борис Стехновский.
269. Михайловское (Воронич (?)). Свящ. Владимир Толстоухов, псал. Георгий Радецкий.
270. Воронич. Воскресения Слоущего ц.
271. Велье. Крестовоздвиженская ц. Свящ. Владимир Толстоухов, псал. Георгий Радецкий, свящ. (иеромонах?)

- Никандр Горностаев, свящ. Борис Стехновский, псал. Ольга.*
272. **Печане.** Действ. 1941–1944. Пострадала в войну (1944). Не действует. *Свящ. Владимир Толстоухов, псал. Георгий Радецкий, прот. Георгий Тайлов, псал. Павел Павлов, монахиня Олимпиада (Никифорова), послушница Анна, послушница Акилина.*
273. **Поляне.**
274. **Теребени. Воскресенская ц.** С 1942 (?) вход., с 1944 постоянно – прот. Модест Лавров.
275. **Утретки. Введенская ц.** Не закрывалась. Сожжена немцами в 1944. С 1910 по 1944 – прот. Модест Лавров
276. **Ладино (Долысец). Крестовоздвиженская ц.**
277. **Красный (Красногородское).** *Свящ. Феодор Ягодкин, прот. Алмазов, свящ. (иеромонах (?)) Никандр Горностаев, свящ. Борис Стехновский.*
278. **Ильинское.**
279. **Синяя Никола.** *Свящ. Владимир Толстоухов, псал. Георгий Радецкий.*
280. **Кудеверь. Св. Георгия ц.** – был гараж. Монахини.
281. **Бардово (?)** (Приход на реке Алела – соседн. с Кудеверью).
282. **Никольское.** *Свящ. Владимир Толстоухов, псал. Георгий Радецкий.*

Новоржевский уезд

283. **Новоржев.** *Прот. Иоанн Троицкий, свящ. Владимир Толстоухов.*
284. **Вехно. Спасо-Преображенская ц.** *Диакон (свящ.) Иоанн Лавров, с 1943 – прот. Георгий Тайлов.*
285. **Турова.** *Свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис.*
286. **Гривино.** *Свящ. Иаков Начис, псал. Леонид Начис.*
287. **Столбушино. Успенская ц.**
288. **Барута. Покровская ц.**
289. **Добрывичи. Тихвинская ц.** *Свящ. Николай Закревский.*
290. **Плёссы. Никольская ц.**

Себежский уезд

291. **Идрица. Николаевская ц.** *Свящ. Андрей Иванов.*
292. **Меженцы.** *Свящ. Василий Рушанов, диакон Владимир Ширшин.*
293. **Ливно. Рождества Пресвятой Богородицы ц.** *С осени 1941 служил псаломщик (?) Рыбаков Яков Матвеевич.*

Невельский уезд

294. **Невель. Свято-Троицкая ц.** *Свящ. Андрей Иванов.*
295. **Ловец. Успенская ц.** Действ. с янв. 1942. *Свящ. Феодор Тонковид.*

Великолуцкий уезд

На территории Псковской епархии в пределах б. Великолуцкой обл. действовало 18 приходов

296. **Великие Луки (?)**
297. **Локня.**

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ (20 храмов)

до 1917 г. – часть Псковского уезда Псковской губернии, в 1920 – 1944 – в составе Эстонии (Печерский уезд), с 1944 и ныне – Псковская епархия

В списке приводятся также храмы Саатсе (Зачеренье) и Вярска (Верхоустин), ныне находящиеся на территории Эстонии, входившие в состав Печерского уезда, а ранее – в состав Псковской губ.

298. **Печоры. Псково-Печерский Успенский мужской монастырь.** *Игумен Павел (Горшков).*
299. **Печоры. Сорока мучеников Севастийских ц.** *Прот., впоследствии еп. Петр Печерский (Пяхкель).*
300. **Печоры. Варваринская ц.** *(эстонская).*
301. **Тайлово. Никольская ц.**
302. **Залесье. Св.-Троицкая ц.**
303. **Малы. Рождественская ц.**
304. **Малы. Онуфриевская ц.**
305. **Изборск. Никольский собор** *(в крепости).*
306. **Изборск. Никольская ц.** *на Городище.*
307. **Изборск. При. Сергия и Никандра ц.**
308. **Изборск. Рождества Богородицы ц.**
309. **Сенно. Георгиевская ц.**

- 310. Печки. *Георгиевская ц.*
- 311. Паниковичи. *Св.-Троицкая ц.*
- 312. Кульё. *Ильинская ц.*
- 313. Лисьё. *Владимирской Божией Матери ц.*
- 314. Колпино. *Преображенская ц.*
- 315. Лавры (Шемерицы). *Никольская ц.*
- 316. Зачеренье (Саатсе).
- 317. Верхоустин (Вярска).

АБРЕНСКИЙ (ПЫТАЛОВСКИЙ) УЕЗД (10 храмов)

до 1917 – часть Островского уезда Псковской губернии. В 1920–1944 – в составе Латвии, с 1944 и поныне в составе Псковской епархии

- 318. Пыталово (Абрене). *Никольская ц. Прот. Сергей Ефимов.*
- 319. Аксенова Гора (Горбунова Гора). *Успенская ц. Прот. Алексей Ионов, свящ. Николай Кудрявцев.*
- 320. Гавры (Коровск). *Рождества Богородицы ц. Прот. Георгий Тайлов.*
- 321. Грешина Гора. *Св.-Троицкая ц.*
- 322. Вышгородок. *Борисо-Глебская ц.*
- 323. Верхние Овсищи (Аугшиене), Анциферово. *Вознесенская ц. Свящ. Николай Приймаги, свящ. Константин Гонестов.*
- 324. Линово. *Ново-Троицкая ц.*
- 325. Родовое (Ново-Муравейск). *Св.-Троицкая ц. Свящ. Николай Кудрявцев.*
- 326. Качаново (Кацены). *Никольская ц. Свящ. Павел Панфилов.*
- 327. Юшково (Даличино). *Ильинская ц.*

НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ (59 храмов)

Новгородский уезд

- 328. Новгород. *Михайловский собор на Прусской ул. Не закрывался. Прот. Василий Николаевский. Прот. Дмитрий Кратиров (служил в Новгородском районе).*
- 329. Вяжицы (Вяжищи (?)). *Иеромонах Валентин (Лебянов)*
- 330. Чудово. *Казанская ц. Свящ. Феодор Пузанов. Прот. Александр Сытин.*
- 331. Трясово. *Прот. Петр Чесноков.*
- 332. Орлово-на-Веренде. *Вознесенская ц. (домовая, перенесена из Трясово). Прот. Петр Чесноков.*
- 333. Георгий (Егорий). *Георгиевская ц. Действ. по наст. время. Прот. Феодор Березняковский, прот. Василий Николаевский, диакон Сергей Сапунов.*
- 334. Васильевское. *Свт. Василия Великого ц. Действ. по наст. время. Прот. Феодор Березняковский, прот. Василий Николаевский, иеромонах Валентин (Лебянов), иерод. Иларион (Андреев).*
- 335. Шимск. *Свящ. Иоанн Лильев.*
- 336. Хочени. *Никольская ц. Иеромонах Кирилл (Смирнов), свящ. Валентин Колчев, свящ. Павел Михайловский, свящ. Сергей Веселов, с 11.1944.*
- 337. Менюши.
- 338. Саблё. *Успенская ц.*
- 339. Хрепле. *Успенская ц. Прот. Николай Флоринский.*
- 340. Косинское (Косицкое). *Покровская ц. Свящ. Иоанн Харенский.*
- 341. Черное.
- 342. Спас-Пископец. *Спаская ц. Диакон Николай Орнатский.*
- 343. Курицко. *Успенская ц. Свящ. Иоанн Кириллович Иванов, иером. Варсонофий.*
- 344. Ямок. *Лазаревская ц. Свящ. Сергей Сапунов.*
- 345. Голино. *Петропавловская ц. Свящ. Светлов.*
- 346. Большое Водское.
- 347. Велебицы. *Иоанна Богослова ц. Действ. по наст. время.*

Лужский уезд

- 348. Городня. *Димитриевская ц. Свящ. Николай Егоров, свящ. Николай Попов, вход. свящ. Дисидерий Бойцов.*
- 349. Мроткино. *Николаевская ц. Действ. по наст. время. Свящ. Дисидерий Бойцов.*
- 350. Уторгош. *Покровская ц. Служили случайные священники.*
- 351. Болотско. *Георгиевская ц. Служили случайные священники. Ц. староста Василий Семенов.*
- 352. Пески. *Свящ. Борис Смирнов.*
- 353. Турская Горка. *Знаменская ц. Свящ. Борис Смирнов.*

354. Подмошье. Знаменская ц. Свящ. Лев Заблоцкий († март 1944). К лету 1944 живут погорельцы.
 355. Мелковичи. Покровская ц. Свящ. Иоанн Харенский.
 356. Лубино. Михайловская ц. Игумен Иоасаф (Романников).
 357. Передольская. Скорбященская ц. Иеромонах (имя неизвестно) (Алексеев), диакон Петр Игнатьев.
 358. Передольская. Воскресенская ц. Диакон Петр Игнатьев
 359. Тырково-Торошковичи. Преображенская ц. Свящ. Сергей Веселов.

Порховский уезд

360. Сольцы. Ильинский собор. Прот. Владимир Бируля, благочинный. Прот. Николай Флоринский, протод. Виктор Дегожский, псал. (?) Николай Елецкий, служили прот. Николай Трубецкой, диакон Михаил Трубецкой.
 361. Мусцы. Покровская ц. Вх. духовенство Ильинского собора.
 362. Илемно. Казанская ц. Свящ. Николай Соловьев. К лету 1944 живут погорельцы.
 363. Ситня. Свящ. Николай Соловьев.
 364. Молочково. Успенская ц. Действ. по наст. время.

Старорусский уезд

365. Старая Русса. Знаменская ц. (Георгиевская ц.?). Игумен Корнилий, прот. Сергей Василевский.
 366. Дерглец. Тихвинская ц. Свящ. Михаил Никитин.
 367. Воскресенское. Прот. Сергей Василевский
 368. Коростынь. Успенская и Владимирская ц. Первая действ. по наст. время.
 369. Борисово. Покровская ц. Действ. по наст. время.
 370. Речки. Вознесенская ц. Действ. по наст. время. Свящ. Иоанн Копылов.
 371. Леохново. Спасо-Преображенская ц. Действ. с 1990-х по наст. время. Свящ. Михаил Зверев.
 372. Углы. Вход. свящ. Петр Кононов, с 1944 – осн.
 373. Подгощи. Св.-Троицкая ц. Свящ. Петр Кононов, с 1944 – вход.
 374. Мшага. Вход. свящ. Петр Кононов.
 375. Любыни. Знаменская ц. Псал. Ф.С. Андреев.
 376. Марково. Смоленская ц. Действ. по наст. время.
 377. Горцы (Горец). Владимирской Божией Матери ц. Свящ. Константин Иванов.
 378. Пенжа. Св.-Троицкая ц.
 379. Верехново. Феодора Стратилата ц. С 06.1944 – духовенства нет.
 380. Учно.
 381. Порожки. Благовещенская ц. Свящ. Алексей Георгиевский.
 382. Городец (Городцы). Свято-Духовская ц.
 383. Доворец. Спасо-Преображенская ц. Свящ. Иоанн Копылов.

Холмский уезд

384. Холм (?). Никольская ц.

Демянский уезд

385. Демянск (?). Крестовоздвиженская ц.
 386. Ильина Гора. Ильинская ц.

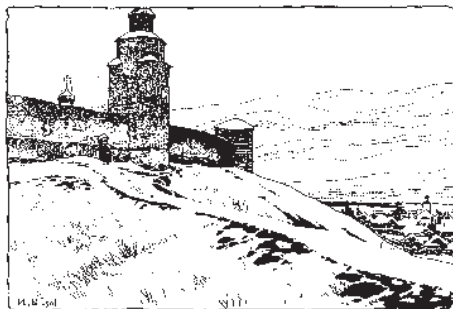
ТВЕРСКАЯ ЕПАРХИЯ

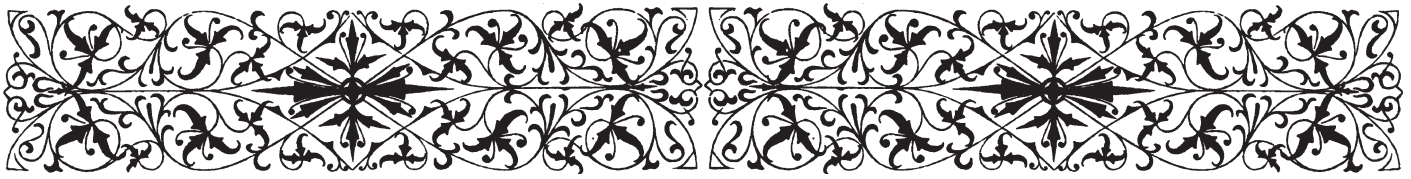
На территории Тверской (Калининской) епархии действовал 81 храм

Торопецкий уезд

387. Торопец. Всехсвятская ц.

Сост.: И.В. Попов, М.В. Шкаровский

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Протоиерей Кирилл Зайц

ЦЕРКОВЬ БОГА ЖИВАГО, СТОЛП И УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

(1 Тим. III, 15)

Собеседование с баптистами

Память 15/28 октября

Протопресвитер Кирилл Иванович Зайц родился 15 июля 1869 года в местечке Яунамая Ференской (Веренеской) волости Рижского уезда Лифляндской губернии в латышской семье (настоящее имя его — Карл Янович (Иоаннович) Закус), происходившей от потомков польских колонистов-миссионеров, проживавших в окрестностях г. Кокнесе (Кокенгаузена) в среднем течении Западной Двины, на юго-восток от Риги.

В 1891 году будущий пастырь окончил Рижскую Духовную семинарию и после рукоположения в сан священника (ноябрь 1896 года) служил в Латгалии: в Виляке, Виксне, Балвах, Лиенне (б. Люцинский уезд Витебской губернии). В 1897 году о. Кирилл служит в Балвской, с 1897 по 1898 — в Лиенновской церкви. С 1899 года по 1911 год настоятельством в Эржепольской (Виляжской) церкви, где его талант священника и миссионера проявился в особой степени. Здесь и благоустройство храма, и открытие церковно-приходской школы, и приобретение большого колокола; в 1902 г. по его почину было организовано Эржепольское Свято-Покровское православное братство. В следующие два года в храме был произведен крупный ремонт на 2 300 руб., в приходе пастырем начата катехизация девушек, женщин и детей, создается прекрасный

хор. Отец Кирилл был также неплохим иконописцем: так, например, для иконостаса церкви в Шкильбенах им были написаны отдельные образа. Около 1900 года о. Кирилл оканчивает Высшие курсы миссионеров в С.-Петербурге. С 1900-х гг. пастырь принимает активное участие в деятельности Витебского комитета Епархиального Православного миссионерского общества.

Деятельность о. Кирилла в Виляжском приходе не могла не быть замеченной: 1 августа 1911 года его назначают противокатолическим и противосектантским миссионером в Двинск (лат. — Даугавпилс). Прихожане огромной толпой провожают о. Кирилла до железнодорожной станции. В 1911-1916 гг. продолжается его миссионерское служение в западных уездах губернии, о. Кирилл также законоучительствует в Банковской церковно-приходской школе Люцинского уезда. Являясь замечательным проповедником, о. Кирилл много разъезжает по приходам, посещая порой самые глухие уголки Латгалии. Он служит в сельских храмах, проводит миссионерские и катехизические беседы с прихожанами, участвует в беседах с сектантами и инославными. (Уже после Второй Мировой войны, в 1956 г., Русская Православная Церковь за границей издала в США его книгу против сектантства, в которой обстоятельно излагается православное вероучение, а также имевшие место в 1910-х гг. беседы пастыря, проводившиеся им во время его миссионерских поездок по епархии, ниже именно этот труд о. Кирилла Зайца предлагается читателям). В годы Первой Мировой войны он поддерживает духовно свою паству в условиях военных действий (в 1915-1917 гг. фронт стоял по реке Двине и западная часть Витебской губернии — Латгалия оказалась в прифронтовой полосе).

В 1917-1918 годах о. Кирилл принимает активное участие в работе Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг., будучи избранным от духовенства Полоцкой епархии, возводится в сан протоиерея. В годы Гражданской войны, в 1918 г., о. Кирилл уезжает из РСФСР в Польшу (к тому времени территория Витебской губернии стала порубежной и была разделена между СССР, Польшей и Латвией). С 1918 по 1922 гг. о. Кирилл — настоятель кафедрального собора в г. Гродно, отошедшем тогда к Польше. В 1922 г. о. Кириллу, «как ранее не проживавшему в Польше» (здесь, по-видимому, сыграло роль то обстоятельство, что о. Кирилл не был сторонником польских националистических и антирусских настроений в жизни Православной Церкви в Польше в эти годы — Ред.), было

предложено покинуть страну, и он переехал на родину, в Латвию. С 1923 г. о. Кирилл – член Синода Латвийской Православной Церкви и начальник миссионерского стола при Синоде, с 1922 г. служит в кафедральном Рижском Христорождественском соборе. С 1926 г. он преподаватель курса сектологии в Рижской Духовной семинарии. В 1929–1933 гг. о. Кирилл – настоятель кафедрального Рижского собора. В 1922–1934 гг. был редактором журналов «Вера и жизнь» и «Tiziba un Dsihwe» до их закрытия латвийскими властями. Активный деятель и духовный руководитель Русского Студенческого Христианского Единения в Риге.

В 1933 году судьба наносит ему первый оцутимый удар. Доверие к людям оборачивается для него позором. В связи с обнаружением по вине служащих собора большой недостачи в храмовой кассе в 1933 г. пастырь был отстранен архиепископом Иоанном (Поммером) от службы в соборе. Начинается следствие, настоятелю ведущего храма, всеми уважаемому человеку, грозит суд. На помощь, однако, приходит один из его состоятельных студентов, оплатив всю сумму недостачи и тем спасая о. настоятеля от суда (за бесхозяйственность в храме прот. Кирилл был осужден в 1933 г. на 8 месяцев тюрьмы условно, но по апелляции был оправдан судебной палатой).

После провозглашения в 1936 г. автономии Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией Константинопольского Патриарха протоиерей Кирилл Зайц был полностью отстранен от церковной службы митр. Августином (Петерсоном) как сторонник Московского Патриархата. С 1936 по 1940 гг. о. Кирилл проживал на хуторе Яунземе Бебринской (Беверсгофской) волости Рижского уезда, (ныне Огреский район), где работал в своей усадьбе. «По праздникам, – вспоминает архимандрит Кирилл (Начис), – он приходил в кафедральный собор, но не служил, а стоял среди молящихся, руки его были поцарапаны или изранены из-за тяжелого труда».

В конце 1940 г. вновь назначен экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским), настоятелем кафедрального Рижского собора. До ноября 1941 г. по-прежнему являлся членом Синода и начальником миссионерского стола при Синоде.

С началом войны опять понадобились сильные священники-миссионеры. В 1941 г. нужда в миссии определилась уже достаточно ясно: множество просьб из оккупированных районов о присылке духовенства и открытии церквей; толпы беженцев в Риге и всюду по Латвии; стоны в госпитальных, переполненных ранеными, многие из которых были верующими и нуждались в исповеди и в причащении; а также военнопленные – тут еще большие страдания и еще большая нужда в поддержке и утешении! Два бывших синодальных миссионера: протоиереи о.Сергий Ефимов и о.Кирилл Зайц, определяются начальниками двух Миссий. В августе 1941 г. митр. Сергий (Воскресенский) назначил о. Кирилла начальником Внутренней Православной Миссии в Латвии, протоиерея Сергия Ефимова, который уже жил и работал в Пскове, – во Внешнюю (Псковскую Православную Миссию).

В конце ноября 1941 г. протоиерей Кирилл Зайц становится во главе Внешней Православной Миссии. (С 1 декабря 1941 г. он проживал во Пскове). Почти три года он руководил работой по восстановлению церковной жизни на Северо-Западе России (до осени 1944 года, когда при приближении фронта Миссия была переведена в Вильнюс, а потом прекратила свою работу). О.Кирилл Зайц работал с полной отдачей сил, совершив настоящий подвиг в деле восстановления порушенных и закрытых церквей, совершении богослужений, организации приходской работы и катехизации населения в трех огромных областях России: Псковской, С.-Петербуржской, Новгородской. По сути дела, в ведении о. Кирилла находились три епархии, проповеди его собирали множество народа. Целеустремленный и убежденный церковный деятель, при этом очень скромный, в быту о. Кирилл был очень прост и неприхотлив: у него была одна ряса и одни сапоги. На всякое церковное служение о. Кирилл шел, невзирая на свое высокое положение. Если некого было послать на требы, семидесятирехлетний пастырь сам ехал, – на лошади, запряженной в подводу, в калошах, – единственные сапоги сдал в ремонт, – в дальний приход на престольный праздник или в лежащую вдалеке от дорог, в глубине Порховских лесов Никандрову пустынь, куда священники отказывались ехать, боясь партизан и немцев (незадолго до того назначенный в пустынь священник был убит).

Во время посещения Пскова митрополитом Сергием (Воскресенским) в 1943 г. о. Кирилл был возведен в сан протопресвитера с предоставлением права совершать литургию по архиерейскому чину.

С конца ноября 1943 г. привлекался в качестве преподавателя сектоведения на Православных Богословских курсах в г. Вильно. 18 февраля 1944 г. эвакуировался из Пскова в Ригу. С 15 марта по 27 июля 1944 г. являлся начальником Внутренней Православной Духовной Миссии на территории Латвии и Литвы. Проживал в г. Шауляй, служил в церкви свв. апт. Петра и Павла. Арестован 18 авг. 1944 г. в г. Шауляй по обвинению в измене Родине. Заключен в вильнюсскую тюрьму, затем переведен в московскую, а 29 сент. 1944 г. – в ленинградскую тюрьму.

12–15 января 1945 г. протопресвитер Кирилл Зайц был приговорен Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского военного округа по делу руководства Псковской Православной Духовной Миссии к 20 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без права обжалования и осужден по статье 58-1 а и 58-2 с лишением свободы на двадцать лет, с лишением прав еще на пять лет и с полной конфискацией имущества. Допросы начальника Миссии чекисты вели особо жестокими методами.

Отбыть срок о Кириллу не пришлось. Из пересыльного пункта Ленинграда к 25.08.1945 он прибыл в Карагандинский лагерь (Карлаг), где провел три с лишним года. В Карлаге 79-летний пастырь скончался в заключении (от сердечной недостаточности) 15/18 октября 1948 года, на третий день после дня памяти сщмч. архиеп. Иоанна Рижского (Поммера) (†12/15.10.1934), через четыре года после ареста. Похоронен на кладбище лагерного пункта (№ не указан) Карлага.

Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 8 августа 1956 г. приговор отменен и дело производством прекращено. Посмертно реабилитирован.

Составлено по материалам свящ. Андрея Голикова (Рига) и М.В. Шкаровского (С.-Петербург)

Источники:

Архив УФСБ Псковской области, д. № 1118-44,

свидетельства протоиерея Георгия Тайлова и архимандрита Кирилла (Начиса).

Архивы: Архив Управления ФСБ РФ по Псковской обл., д. А-10676, д. А-21232; Bundesarchiv Berlin, R 58/699, Bl. 7-13;

Центральный государственный архив С.-Петербурга, ф. 9384, оп. 1, д. 7, л. 9-10.

Литература: Балевиц З.В. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941-1944). Рига, 1967. С. 31, 33 и др.;

Веверс Я. Я. Православная духовная миссия – агентура фашистской разведки. Рига, 1973. С. 7-9 и др.;

Полчанинов Р. В. Псковская Православная Миссия // Православная Русь. 1998. № 12. С. 14-15;

В огне войны. Русская православная церковь в 1941-1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии) / Публ. М.В. Шкаровского // Русское прошлое. Кн. 5. СПб, 1994. С. 285, 313;

Свящ. Андрей Голиков. Мартиролог Православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940-1955 гг. М., 1999. С. 132-135;

Синодик С.-Петербургской епархии. XX столетие. СПб, 1999. С. 51;

Данилушкин М.Б. и др. История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Т. 1. СПб, 1997. С. 878, 880, 883;

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000. 153, 155.

В 1927 г. мне пришлось быть на празднике, 1 сентября, в день прп. Симеона Столпника, в Вознесенском приходе. В этот день ежегодно стечение народа бывает большое. Многие приезжают по железной дороге из более отдаленных мест и с вечерним поездом возвращаются домой.

И на этот раз в вагоне 3-го класса пассажиров было много, преимущественно крестьян и крестьянок. Видны были и представители местной интеллигенции, а также торговцы и несколько евреев.

Время после 10 ч. вечера. Кто, сидя, дремлет, а кто на поднятых полках укладывается спать. Разговор раздается по всему вагону, так как купе не закрытые. Вдруг, в

соседнем с моим купе особенно горячо и громко начинает говорить какой-то пассажир. Общий говор смолк. Прошла дремота и у меня. Говоривший, еще не старый, небольшого роста человек, стал расхаживать по вагону и, размахивая руками, убедительно приглашать всех послушать его. Видимо, все заинтересовались.

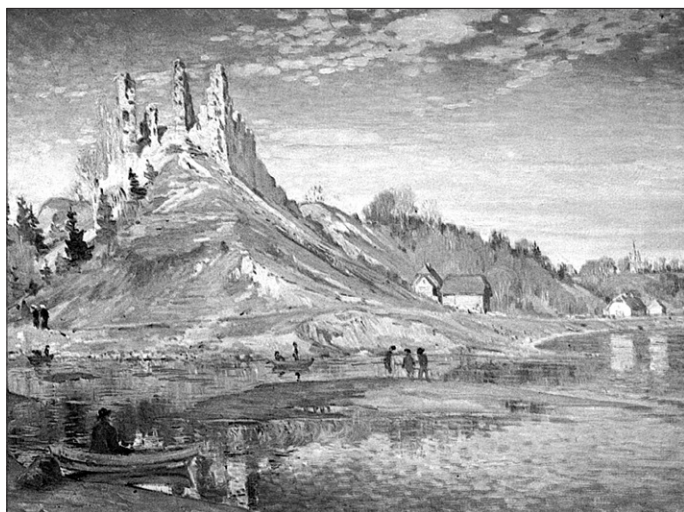
– Я был великим грешником... Я не знал, что такое духовная жизнь... – говорил пассажир, – но вот, я теперь верующий! Я слышал таинственные голоса, которые звали меня ко спасению. Я уверовал... я стал другим человеком. Дорогой Иисус меня спас. Он Своею кровью омыл мои грехи... У меня теперь грехов нет... я свят... Христос – мой брат и т. д.

Пока говорил о себе, о своих бывших грехах и теперешней святости, а говорил он много, публика слушала молча, а некоторые женщины отвернулись к стене, чтобы вздремнуть. Вероятно, не впервые они слышат подобные речи.

Но вот, «проповедник»-сектант стал касаться православных догматов, особенно почитания икон, – и тогда с разных сторон послышались довольно резкие возражения.

– Вот вы поклоняетесь иконе Симеона Столпника, говорит сектант, – никаких икон не нужно! Это идолопоклонство. Нельзя кланяться пред иконами... Слово Божие запрещает... Нужно молиться только дорогому Иисусу... Я вот два раза был ранен, был тяжело болен, но я обратился к Иисусу Христу, помолился и сразу стал здоровым, без всяких икон...

Послышались возражения. Один крестьянин порывисто подошел к сектанту и резко сказал:

Замок Кокенхузен (Кокнесе) на родине прот. Кирилла Зайца. Худ. Я. Розентал

Рижская Духовная семинария, которую в 1891 г. окончил о. Кирилл Зайц

– Да что вы тут народ смущаете? Я тоже был тяжело болен, да сходил в церковь, попросил священника отслужить молебен пред иконою Божией Матери и выздоровел...

Словом, начался общий разговор. Сектант силился ответить на все возражения и стал пересыпать свою речь цитатами из Священного Писания. Речь его стала бессвязною. Тексты приводились не к стати. Казалось, что победу свою он видит лишь в том, чтобы без умолку говорить.

– Что он, собственно, хочет сказать? – слышится голос с верхней полки. – Ведь несуразное несет. Связи-то логической никакой нет!..

Долго ли продолжалось бы это словоизвержение и игра текстами – неизвестно. Спор разгорался. Тогда решил и я выйти из своего темного уголка, так как до сего времени я не принимал участия в общем разговоре.

Неожиданное появление священника сразу охолодило сектанта. Все смолкли.

– Много вы тут наговорили, милостивый государь, – начал я, обратившись к пропагандисту, – да мало толку. Ходите кругом да около чего-то, и не разберешь, чего вы хотите. Себя выставляете святым, а всех этих верующих людей убеждаете уверовать. Однако ясно, что вы враждуете против Православия. Разрешите мне задать вам несколько не туманных, а ясных вопросов и ответьте на них ясно, без вашего туманного красноречия. Вижу, что вы сектант, вероятно, проповедник. Какого толка? – это безразлично. Одно ясно, что вы не в Церкви Христовой. Скажите же, сохранилось ли у вас то колоссальное духовное богатство, которое передали Церкви Христовой святые Апостолы? Или вы об этом и не думали, о таком богатстве не слыхали? – Молчанье.

– Есть у вас священство?... Нет? А оно в Церкви с Апостольских времен. Оно передано Апостолами. О нем ясно говорится в том самом Священном Писании, которое вы сейчас держите в своих руках.

Сохранились ли у вас таинства: крещение, миропо-

мазание, покаяние, причащение, брака, елеосвящение? Ведь были они во времена Апостолов, и говорится же о них в Новозаветных священных книгах!

Почитаете ли вы, согласно Евангелия, Божию Матерь?

Имеете ли молитвенное общение с Небесною Церковью, со свв. Апостолами, чьи Писания у вас сейчас в руках, со святителями, мучениками, исповедниками и всеми праведниками?

Имеете ли молитвенное общение с Ангелами?

Молитесь ли Ангелу-хранителю?

А ведь все это было в Апостольской Церкви. И все это есть в Православной Церкви.

Имеете ли молитвенное общение с умершими отцами, матерями, дедами и всяким в вере скончавшимся? Молитесь ли за умерших? Или забыли о них, и смерть оказалась сильнее любви Христовой? А ведь в Апостольской Церкви молились за умерших!

Иконы не почитаете. А почитаете ли животворящий Крест Господень? Осеняете ли себя святым Крестом? Носите ли Крест на груди своей, по слову Апостола – «Его поругание»? (*Евр. 13, 13*). – В Апостольской Церкви все это было.

Вопросы мои ясны. Ответьте на них. Вы молчите? Да, что и сказать, когда ничего этого у вас нет. А ведь это духовное богатство колоссально.

Так скажите, что же у вас есть?

Вера? Да, вы ею хвалитесь и всех этих добрых людей призываете «уверовать во Христа». Да ведь это напрасный призыв: все они, за исключением двух-трех евреев, уже давно, с младенчества во Христа веруют, с младенчества находятся в Церкви Христовой.

Призыв уверовать во Христа, обращенный к православным, напрасен: мы все несравненно сильнее веруем, нежели вы; мы настолько сильно веруем, что все переданное нам храним и повеленное исполняем, чего вы сказать о себе не можете. Призывайте евреев к вере во Христа, ступайте к язычникам, магометанам, – там проповедуйте, но не здесь среди православноверующих!

Итак, веру дать вы нам не можете: она у нас есть. Что же вы можете дать? Какое сокровище духовное? Решительно ничего. Вы совершенно нищи, в лохмотьях. Во всей вашей речи слышалось нечто страшное, противное Христову учению, – это гордость, самомнение. Мы только и слышали о вашей безгрешности, о вашей святости, которою вы похвалялись. Но это нас не прельстит.

Мы помним слова Апостола о христианах своего времени: «все мы много согрешаем». Неужели ваши сектанты по жизни своей лучше первых христиан? Апостол Павел о себе говорит: «стремлюсь вперед, не достигну ли я, как достиг меня Христос», – а вы опередили Апостола в духовном совершенствовании!? Апостол называет себя «первым из грешников», а вы себя называете безгрешным, «святым»?!

Неужели вы не видите, сколько безумия в вашей похвальбе, и на каком опасном пути вы стоите?

Сектант молчал. Молчали и пассажиры. Поезд подходил к какой-то станции. Кое-кто уходил, высказывая сожаление, что не может остаться послушать дальше.

Когда поезд тронулся, я продолжил свою беседу.

– Еще одно скажу вам. Вот у вас в руках Библия. Вы знаете и признаете, что каждое слово в Библии – непреложная истина. Хорошо. И мы так веруем. Думаю, что вы баптист, я как будто немного вас знаю. Предположим, что рядом с вами будет стоять адвентист, а там еще какой-нибудь сектант, ведь сектантских общин теперь насчитывается несколько сотен. У каждого в руках будет Библия. Все вы признаете источником веры только Библию. Все вы проповедуете, что вашими устами говорит Дух Святой. Скажите, пожалуйста, почему вы все учите не одинаково? Почему вы один другого считаете находящимся в заблуждении, в погибели? Неужели Дух Святой одному говорит одно, другому другое? Думали ли вы когда-нибудь об этом?

Вот вам маленький пример. И вы все, случайные слушатели, обратите внимание на следующее сравнение. Предположим, что сюда принесли сосуд с кристально-чистой водой. У каждого из нас в руках совершенно чистый стакан. Каждый из нас пусть почерпнет своим стаканом из общего сосуда чистой воды. И что же? Во всех стаканах будет совершенно одинаковая хорошая вода.

У этого господина в руках Библия – этот источник чистой воды. Почему же, когда почерпнет он, почерпнет адвентист, почерпнет еще какой-нибудь сектант, почему у них получается не одинаковая вода, не одинаковое учение? Очень просто: у них стаканы-то нечистые. Стаканы-то – это их разум, их слабый ум. В голове у них не чисто, много своего мудрования, много пагубной фантазии. И все это они примешивают к чистой воде, к Слову Божию. Что же мудреного, что их учение мутно, противоречит одно другому, не здорово, как не здорова испорченная вода... Я пока кончил. А вы, милостивый государь, сумели своим выступлением заинтересовать этих наших попутчиков, сумейте теперь дать ответ и пояснения на все предложенные вам вопросы, а мы послушаем.

Все ждали, что скажет сектант.

Не вдруг заговорил сектант. Но надо было выйти из затруднительного положения, тем более, что стали раздаваться нелестные для него замечания пассажиров.

И вот, уже без пафоса, более тихим голосом он начал:

– Вы слышали, священник только что говорил про иконы. Но послушайте, что Священное Писание говорит про иконы. Я прочитаю вам.

И началось медленное чтение известных мест из пророческих книг – Исаяи, Иеремии – про идолов. Попутно при чтении сектант пояснял и внушал, что здесь

Вилея. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, в которой прот. Кирилл Зайц настоятельством с 1899 по 1911 гг.

именно и говорится, что иконы и есть идолы.

– Кончили? – спросил я. – Мы выслушали ваше чтение про идолов и недоумеваем, зачем вы это читали? Здесь нет ни язычников, ни идолов. А обещали вы прочитать про иконы. Попросите, добрые люди, чтобы этот господин исполнил свое обещание и прочитал бы из Библии свидетельства про иконы. Идолы нас не интересуют!

Народ стал обращаться с вопросами к сектанту.

– Про иконы в Библии ничего не сказано, – резко отозвался сектант.

– Правду ли вы говорите? – сказал я. – Не думаю, чтобы вы не знали, где говорится об иконах. Знаете, да прочитать не хотите. Не в ваших расчетах. Хорошо. Я вам укажу. Найдите 25-ю главу книги Исход и прочтите!

Сектант медлил, но народ стал требовать, чтобы прочитал. Нехотя он отыскал указанное место. Читать он начал медленно, как бы обдумывая, что сказать. Когда прочитал о Ковчеге Завета и о двух золотых херувимах на крышке Ковчега, я обратился к нему с вопросом:

– Скажите, пожалуйста, херувимы, которых Моисей по повелению Божию сделал из золота, не будут ли, по вашему, идолы?

– Это было в Ветхом Завете! – резко выкрикнул сектант. – Мы живем в Новом Завете, и Ветхий Завет нам не нужен...

– Вот оно что. Ну, а когда вам захотелось про идолов прочитать, чтобы ввести в заблуждение слушателей, тогда Ветхий Завет был нужен? Так обращаться с Словом Божиим грешно. А вам известно, как говорит Спаситель о тех, кто вводит других, малых сих, в заблуждение, в соблазн?

Сектант, чувствуя неловкость своего положения, вновь зачитал повышенным тоном что-то про идолов.

– Дались ему эти идолы! – сказал я. – Ну не хотите принять свидетельства Ветхого Завета о Божественном происхождении священных изображений, обратимся к Новому Завету. Прочтите несколько начальных стихов

Двинск (Даугавпилс). Собор свв. кнн. Бориса и Глеба

из 9-й главы послания Апостола Павла к Евреям.

Однако уже не пришлось слушать его чтение и беседы: он умолк. Понемногу стали засыпать и дремать и остальные пассажиры под ритмическое выстукивание колес бегущего поезда.

Это сценка с натуры. Однако она наводит на глубокие размышления. Как ревностны сектанты в распространении своих ересей! С какой энергией, с какою смелостью они выступают везде, навязывая свои верования встречному тоном, не допускающим возражений. Впрочем, если заметят, что в среде слушателей находится кто-нибудь знакомый с их изворотами и ухищрениями, то скоро стушевываются.

Сцена в вагоне напомнила мне одно продолжительное собеседование – диспут в Витебской губернии в довоенное время.

В одно село прибыл с целью пропаганды не то из Петрограда, не то из Гельсингфорса баптист-пропагандист и несколько баптисток в качестве певчих при устраиваемых собраниях. Местный священник – старичок о. Иоанн, просил меня приехать и образумить прихожан, так как многие неопустительно уже стали посещать устраиваемые сектантами собрания. Я назначил свой приезд на 20 августа. Это было в 1912 году. О моем приезде о. Иоанном было объявлено по всему приходу, с просьбой прибыть в церковь в возможно большем количестве. Приглашены были и сектанты. День выдался теплый, ясный, и к 9 часам храм стал наполняться богомольцами. К концу литургии не только храм, но и вся площадь была наполнена народом. Решено было, для удобства, собеседование открыть с крыльца церковной паперти. Вынесен был аналой и столик. Впереди толпы стоял с Библией в руках сектант и около него приехавшие с ним женщины и некоторые из местных прихожан. Всенародно пропели молитву «Царю Небесный» и «Спаси, Господи, люди Твоя».

С кратким словом обратился к своим прихожанам о.

Иоанн, приглашая твердо держаться св. Православия и не слушаться тех, кто поносит св. Крест, выбрасывает св. Иконы, не почитает Божией Матери, нашей Ходатаицы пред Богом. На свете много различных вер, за всеми не угонишься. Наша вера истинная; наша Православная Церковь и есть та, которую основал Господь и которую не победят и врага ада, вся сила сатанинская. Спасение только в Православной Церкви ... После его краткого слова пропели молитву «Отче наш», и я открыл собеседование о «Церкви Христовой».

I.

– К вам приехали издалека вот эти люди, – начал я, – как будто к своим родственникам или знакомым. На самом же деле, очевидно, с целью предложить вам какое-то новое учение, указать какой-то новый путь спасения помимо Церкви Православной. И, несмотря на резкие осуждения св. Православия, на насмешки над тем, что для нас является святынею, вы не только не отвернулись от их порою кощунственного учения, но многие и многие неопустительно стали посещать устраиваемые ими собрания. И некоторые с большим одобрением отзываются об их новом учении и вместе с ними дерзают хулить св. Православную Церковь. Несчастные! Забыли они слово св. Апостола Павла:

«Если бы даже ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8-9).

Поймите: наша Церковь Православная существует со времен Апостолов, наша Церковь есть та самая, которую основал Господь Иисус Христос, наша Церковь хранит в неповрежденном виде то, что приняла от Апостолов. Что же говорит вот этот приехавший невесть откуда и невесть для чего сектант-баптист? Ведь он все апостольское учение отрицает, как вы сами и слышали, и предлагает новое учение. Но если Ап. Павел и на Ангела, если тот предлагал бы новое учение, изрекает «анафему», то, конечно, и этот господин, и все проповедники новых вер, все находятся под «анафемою». Бойтесь, братья, анафемы апостольской и бегите от тех, кто предлагает новое учение!

*Люцин (Лудза).
Собор Успения
Пресвятой
Богородицы*

– Мы не новое учение предлагаем. Мы учим и живем по Евангелию. «Господь всем хочет спастись» – мы и учим, как спастись. Мы глаза всем открываем по Евангелию, мы призываем всех уверовать во Христа. Мы желаем, чтобы все были спасены, как мы, чтобы все были святы, как мы! Вот чего мы желаем, о чем говорим и что проповедуем. Разве учение о спасении и о вере во Христа новое учение? Разве это не апостольское учение? Что же вы нас под анафему подставляете?

Резкое выступление сектанта, видимо, произвело впечатление. В толпе воцарилось глубокое молчание.

– Постараемся спокойно, без раздражения, рассмотреть то, что вы сказали, и осветить вопрос о спасении с Евангельской точки зрения. Что вы уговариваете своих слушателей уверовать во Христа, то это напрасный труд. Видите, сколько здесь народу, но я уверен, что все они уже с детства во Христа веруют. Вам следовало бы убеждать их, что одной лишь веры для спасения недостаточно. Можно и верить, и в то же время идти по пути, ведущему к гибели. И о себе подумайте вы, молодой проповедник: верить-то вы веруете, но идете ли по тому пути, который ведет ко спасению, или же вы успокаиваетесь на той ошибочной уверенности, что вы уже спасены и несомненно наследник райского блаженства, благодаря тому, что вы веруете?

– Да, я спасен, я спасен, я свят, я непременно буду в раю! – с горячностью воскликнул сектант.

– Не горячитесь! Запомните и продумайте, что я скажу и вам, и всем собравшимся. Все, за исключением горсточки безумцев, о которых пророк сказал: «Рече безумец в сердце своем – несть Бог», все ищут спасения. Одни надеются достигнуть спасения через Христа, другие через Магомета, иные через Будду, евреи через исполнение ветхозаветного закона, и т. д. Кто же идет истинным путем? кто находится в заблуждении? Посмотрите, и среди ищущих спасения чрез Магомета, чрез Будду есть очень хорошие люди, исполняющие по указаниям своей совести, сами того не зная, нравственный закон Божий. Мало ли добрых людей и среди евреев? Как нам думать о них? Есть ли для них надежда на блаженную загробную жизнь? Я знаю, что вы скажете то, что скажу я: нужно верить во Христа. Без веры во Христа, по прямому смыслу Евангельского учения, спасения не дается. В книге Деяний Св. Апостолов в 4-й главе мы читаем:

«Он (т. е. Иисус Христос) есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения. Ибо нет другого имени под небом, данного человеком, которым надлежало бы спастись». (Деян. 4, 11-12).

Итак, ни в Будде, ни в Магомете, ни в еврействе – ни в ком ином нет спасения, кроме Иисуса Христа. Все ищут спасения, как я уже сказал, но напрасны их надежды, если они не признают Иисуса Христа

С. Пуша Режицкого уезда (Латгалия). Церковь Св. Троицы единственным путем к вечному блаженству: «Я путь, Я истина, Я жизнь», – сказал Он Сам. Почему? Ответ ясен: «Нет ни в ком ином спасения»!

Итак, спасение возможно только чрез Христа.

Согласны вы с этим? Так ли вы веруете?

– Согласен. И мы так веруем и проповедуем. Сказано в Слове Божиим: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 16, 31).

– Правильно. Путь, по-видимому, один ко спасению и у нас, и у вас: вера в Иисуса Христа. Но, увы! Не все те, которые призывают имя Христа и веруют в Него, не все идут одним путем. Баптист идет отдельным путем, католик отдельным, лютеранин отдельным, адвентист отдельным, и т. д., и на каждом пути начертано, как мы видим и слышим, Имя Христово; все веруют во Христа, все надеются спастись через Христа. Каким же путем следовать, какой путь избрать? Неужели и все пути приведут ко Христу в Его райские обители? Все ли призывающее Имя Христа и верующие в Него спасутся?.. В Слове Божиим есть и такие речи Господа и Апостолов:

«Не всякий, говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в царство небесное» (Мф. 7, 21).

...«И бесы веруют и трепещут» (Иак. 2, 19).

Бесы трепещут, хотя и веруют, трепещут, потому что боятся суда Божия.

Вера их не спасет. Не спасет одна лишь вера и тех новых проповедников новых вер и их последователей, хотя они и взывают: «Господи», «дорогой Иисус» и пр. Кроме веры нужно еще что-то. Что же еще нужно? Нужно принадлежать к Церкви. Нужно войти в особую связь с Господом. В какую связь? Об этом говорит нам Сам Господь Иисус Христос. Прочтем слова Господни в Евангелии от Иоанна, в 15-й главе:

«Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня, не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет, а такие ветви со-

бирают и бросают в огонь, и они сгорают» (*Ин. 15, 4-6*).

Находитесь ли вы, совопросник мой, на этой Лозе, как ветви ее? Находятся ли все ваши баптисты?

– Да, мы со Христом. Мы на Лозе, как ветви.

– Когда же вы привились к этой Лозе?

– Тогда, когда уверовали. Христос Сам говорит: «Верующие в Сына имеет жизнь вечную» (*Ин. 3, 36*). Мы веруем, и больше ничего от нас не требуется. Где Господь, там и мы будем. Разве не сказал Он: «Где Я, там и слуга Мой будет» (*Ин. 12, 26*)?

– Но ведь вы слышали, что говорит Апостол, что и «бесы веруют». И не только веруют, но и исповедуют Сыном Божиим. Помните, как бесноватые кричали: «Что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий» (*Мф. 8, 29*). И, конечно, и вера и исповедание не на спасение для них. Поясним слова Господни о Лозе и ветвях примером. Посмотрите на это большое дерево, которому, вероятно, не мене ста лет. Сколько на нем зеленеющих веток! Сколько сочных листьев! До тех пор, пока ветка на дереве, она жива, она полна соку, ибо жизненные соки она получает от дерева. Но вот оторвалась ветка, или листик, от дерева, и погибла она. Еще в первое время на ней будет зелень, но с каждым часом эта зелень будет бледнеть, листки свернутся, опадут, и смерть овладеет веткою, она засохнет, сгниет. И те же солнечные лучи греют, и тот же дождик мочит, что и дерево, а жизни уже нет. Вот что значит оторваться от дерева, от Лозы!

– Но это не про нас сказано. Мы от дерева не оторвались. Мы, как веровали в Иисуса Христа, так и веруем!

– Но этого еще мало, что вы веруете... Одна лишь вера во Христа еще не дает права утверждать, что вы находитесь на Лозе.

Вот на земле зеленая веточка. Мальчик, подай мне эту веточку!

Видите, веточка совсем еще зеленая, такая же, как и та, которая на дереве. Ведь и она могла бы сказать: я живая, во мне находятся соки дерева! Я непременно буду всегда зеленеть и цвести в блаженном счастье с деревом! Но мы-то знаем, что гибель ее неизбежна. Не то же ли нужно сказать и о всех проповедниках новых вер, о всех сектантах? И они, как эта веточка, кричат: мы зеленеем, мы со Христом, мы спасены, мы святы, мы жители рая и пр. Но увя! Они не на Лозе. Они не суть члены Тела Христова.

– Позвольте! – прервал сектант. Мы говорим о себе то, что говорит Слово Божие. Да, мы спасены! Мы знаем, как и вы сами нам читали, что «нет другого имени под небом, которым надлежало бы спастись, кроме имени Иисуса Христа»! (*Деян. 4, 12*). Читайте в послании к Римлянам: «Христос умер за нас... мы, будучи оправданы Кровью Его, спасемся Им от гнева» (*Рим. 5, 8-9*). «Кровь Иисуса Христа, Сына Божия, очищает нас от всякого греха» (*Ин. 1, 7*). Мы в это твердо верим и «оправдавшись верою» – слышите! –

«оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа» (*Рим. 5, 1*). Слушайте еще. Сам Господь говорит: «Дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (*Ин. 3, 15-16*). А Апостол как ясно говорит: «Человек оправдывается... только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа» (*Гал. 2, 16*). И «благодатью мы спасены чрез веру, и сие не от нас Божий дар» (*Еф. 2, 8*). Видите: мы не ветки, оторвавшаяся от дерева, мы на Лозе, потому что мы веруем! Слышите и вы все собравшиеся! – не бойтесь веровать во Христа! Кто верует во Христа, тот спасен, тот на Лозе, тот со Христом!

– А бесы, которые, по слову Апостола, тоже веруют, что же, и они со Христом? – спросил я. – Злой дух ясно сказал: «Иисуса знаю!» (*Деян. 19, 15*). Злой дух свидетельствует и о том, что спасение чрез Иисуса Христа. Помните, когда Апостолы проповедовали в Филиппах, то злой дух, пребывавший в служанке, говорил: «сии человеки рабы Бога всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (*Деян. 16, 17*). Знают бесы, что люди искуплены Кровью Иисуса, с ужасом и трепетом веруют в это («бесы веруют и трепещут»), но что пользы от их веры? Никакой. А почему? Да потому, что одна лишь вера еще не дает спасения, не дает соединения со Христом. Кроме веры нужно еще что-то. Нужно быть в Церкви Христовой, нужно быть членом этой Церкви для спасения.

– «Так что же по-вашему – эти камни и дерево, это и есть Церковь? – выкрикнул сектант. – Слово Божие ясно говорит: «Где двое или трое собраны во имя Иисуса Христа, там и Церковь»! (*Мф. 18, 20*). Вот, нас здесь уже до десяти человек будет «верующих» по настоящему, возрожденных, – мы и есть Церковь. А то вот для вас церковью является здание из камня, или кирпича, или дерева, с колоколами, с крестом на верху. Разве сегодня вы не говорили – «собрание будет около церкви?» Разве этот народ не говорил сегодня – «пойдем в церковь?»

Якобштадт (Екаупилс). Никольская церковь

Вы забыли, что мы сами – церковь, как об этом говорит и Апостол: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас»? (1 Кор. 3, 16).

– Остановитесь! – сказал я. – Не знаю, сознательно или бессознательно вы уклонились в сторону. Ведь не о храме у нас сейчас беседа. Я сказал, что нам нужно для спасения быть членом Церкви Христовой, т. е. членом того общества верующих, которое основал Иисус Христос. Слушатели благочестивые! Ведь вы, я думаю, понимаете, что когда я говорю о Церкви Христовой, то не о здании из камня или дерева мы говорим, и не об этом храме?

– Мы понимаем, батюшка! Это он нарочно говорит, чтобы запутать дело.

– А говорить лишь для того, чтобы запутать дело, и грешно и стыдно. Особенно тяжкий грех вы берете на себя, молодой «проповедник»! Вы, несомненно, хорошо понимаете, о чем у нас беседа, а уклоняетесь, чтобы ввести в заблуждение этих простых добрых людей. Воображаю, что говорите вы на своих собраниях простодушным своим слушателям, на какой гибельный путь их ведете!

– Уши вянут, батюшка; такие кощунства, что и сказать трудно, – резко стал говорить какой-то, очевидно, ревнитель веры. – Все выбрасывает: и священников не нужно, и храмов не нужно! И иконы, и крест, все нужно выбросить! Не нужны ни Божия Матерь, ни ангелы, ни святые – все вон! Да не просто скажет, а с издевательскими да ругательствами!

– Да зачем же вы ходите, да слушаете кощунства?

– Да сами не знаем – почему. Какой-то бес толкает: иди, послушай!

А придешь – слышишь все это, негодуешь, горишь, а уйти не можешь. Точно тебя какая-то сила держит! И я так думаю, что тут что-то нечисто. Не есть ли это для антихриста?

– Ваши догадки правильны и согласны с словом Божиим, все эти проповедники новых вер делают великое зло: они стремятся разрушить Церковь Христову и приготовить людей к принятию антихриста. А потому будьте осторожны и осмотрительны. Слышите, что говорит Св. Апостол Иоанн:

«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они: потому что много лжепророков появилось в мире» (Ин. 4, 1).

Вот и этого проповедника мы испытываем, что это за дух появился у нас, от Бога ли он? Не принадлежит ли он к числу лжепророков? По-видимому, так! Если он оторвался от дерева-Христа, если он не принадлежит к Церкви, то, конечно, и Духа Божьего в нем нет. Что он хорошо говорит, что он вместе с приехавшими девицами хорошо поет, что он называет себя святым, это еще не значит, что он Богом послан. Апостол Павел говорит, в предупреждение и наставление нам:

Режица
(Резекне). Собор
Рождества
Пресвятой
Богородицы

«Таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И не удивительно, потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11, 13-14).

Наблюдайте же за собою, православные люди! Опасность близка, если сам сатана принимает вид Ангела света! Не верьте всякому духу, а оставайтесь твердыми в Православии. Слышите, что говорит Апостол:

«Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте; и Бог мира будет с вами» (Фил. 4, 9). А всякого, кто явится к вам с каким-нибудь новым учением, прежде всего допросите: принадлежит ли он к святой Церкви? Кто его послал проповедовать? Любит ли он Св. Православие? Апостол еще и в другом месте предупреждает:

...«Берегитесь злых делателей!» (Фил. 3, 2).

– Мы не злые делатели! – воскликнул сектант. – Я уже сказал, что мы веруем во Христа! Я уже сказал, что мы составляем Церковь Христову. Ведь Сам Христос сказал: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди их»! А где Христос, там и Церковь!

– Что касается вашего заявления, что двое или трое составляют Церковь, то об этом скажу после. А теперь поясним еще подробнее учение Слова Божия о Церкви. А вам пока скажу, может быть, и страшное слово, но справедливое: вы не только не со Христом, а вы против Христа, потому что вы отторгаете верующих от Церкви, разбиваете единство веры. Вот слово Господне о вас:

«Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30). А теперь продолжим свои выяснения, на основании Слова Божия о Церкви. Пропоем молитву «Спаси, Господи, люди Твоя»...

III

Прочтем в Первом послании к Коринфянам, в 12-й главе, с 12 стиха:

«Как зло одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Эллины, рабы или свободные; и

все напоены одним Духом» (1 Кор. 12, 12-13). Здесь Апостол сравнивает общество истинно верующих, спасаемых, с телом человеческим. Тело человека состоит из многих различных членов – рука, нога, глаз и пр. Все члены, пока они не разделены с телом, живы, и каждый исполняет свою работу. Но отрежьте, отделите, например, руку, ногу, от всего организма – и что же? Она не только потеряет жизнь, но начнет гнить, станет предметом, возбуждающим отвращение, распространяющим вокруг себя вредный для здоровья запах. Опасно и прикасаться к нему, потому что можно заразиться трупным ядом и человек может умереть. Для чего Апостол говорит об этом? Он дальше и поясняет – для чего это сравнение. Он говорит:

...«И вы Тело Христово, а порознь – члены».

Итак, мы все члены Тела Христова. Мы близки ко Христу, мы Ему дороги. Как каждый член нашего тела питается жизненными силами от нашего тела, так мы живем тою благодатною силою, которую получаем от Христа.

Но, может быть, вам непонятно, мы члены какого тела? Мы знаем Тело Христово, которое было изранено, измучено за нас, было пригвождено к Кресту, с которым потом и вознесся Христос на небо. Про это ли Тело говорит Апостол? Нет. Не можем мы сделаться членами этого Тела. Это Тело Господь дает нам в Святом Причастии для приобретения вечной жизни: «приимите, ядите, – сие есть Тело Мое», «ядущий Мою Плоть, пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную».

Тогда о каком же Теле Христовом говорит Апостол, к которому мы должны принадлежать как члены Его, чтобы спастись?

Ответ на этот вопрос нам дает Слово Божие.

Откроем послание Апостола Павла к Ефесеям. Он говорит:

«...Все покорил (Бог Отец) под ноги Его (Христа) и поставил Его выше всего – Главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1, 22-23).

Итак, Христос – Глава Церкви, а Церковь есть Тело Его. Вот членами этого Тела Христова, т. е. Церкви, мы должны быть, чтобы спастись. Помните, читали мы: «Вы – Тело Христово, а порознь члены». Кто не будет членом этого Тела, тот, конечно, не может спастись;

Гродно. Кафедральный Софийский собор, где в 1918-1921 гг. настоятельством прот. Кирилл Зайц. Закрыт в 1921 г. и обращен в костел. Снесен в 1961 г.

ведь он не будет получать благодатных сил от Христа, потому что Христос питает только Свое Тело, как Глава Его, как глава Церкви.

Вне Церкви нет спасения. Вот вы, совопросник мой, отреклись от Церкви, как, каким путем вы надеетесь достичь спасения?

– Я уже спасен, мне нечего достигать. Слово Божие ясно говорит:

«Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься». (Деян. 16, 31) Я уверовал и спасен.

– Но мы видели, что одной веры еще мало для спасения. То же Слово Божие говорит, что нужно еще каждому уверовавшему быть членом Тела Христова, т. е. членом Церкви Христовой.

Находитесь ли вы в Церкви Христовой? Член вы Тела Христова, или нет?

– Я уже неоднократно говорил, что где двое или трое собраны во имя Христово, там и Церковь. Нас больше, чем двое или трое, значит

я в Церкви.

– Но это ваше измышление, а не учение Слова Божия.

– Нет, это учение Слова Божия. Вот в Евангелие от Матфея мы читаем: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их» (Мф. 18, 20). А если Христос посреди нас, то здесь и Церковь, а потому мы и утверждаем, что мы находимся в Церкви.

– Вы ошибаетесь сами и вводите в заблуждение других. В прочитанных вами словах совсем не о том говорится.

Он, слушатели, прочел 20-й стих 18-й главы Евангелия от Матфея. Прочтем и мы, но только начнем читать с 19-го стиха:

«Истинно говорю вам, если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни просили, будет им от Отца Моего небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их» (Мф. 18, 19-20). Как видите, здесь речь не о Церкви, а о молитве, притом о молитве тех, которые уже находятся в Церкви. Если «из вас», т. е. уже находящихся в Церкви, двое или трое будут молиться об одном и том же, то Господь услышит. Молитва многих сильнее молитвы одного, Вот потому-то мы, все члены Церкви, и собираемся на общую молитву. Как видите, вы совершенно неправильно прочитали и неправильно поняли слово Евангельское. Это ясно и для всех слушателей.

Я не скажу, что вы намеренно их обманули, а вы сами заблудились. Если везде, где соберутся двое или трое верующих, будет Церковь, то сколько же будет Церквей Христовых! А Христос основал только одну Церковь. Он сказал: «Я создам Церковь Мою»... (Мф. 16, 18). Не Мои Церкви создам, а Мою, значит, только одну. К ней одной и нужно принадлежать. А по сектантски – не одна, а тысячи церквей, как говорит и этот – где двое или трое, там Церковь. Он – баптист и, конечно, только баптистов он считает истинною Церковью. Он сладкими словами, «ласкательством и красноречием», как говорит Апостол (Иуд. 18), оболстил вас, увлек, а вы и уши развесили: «Правду говорит! так оно и есть! и смотрите – все по Евангелию!» А он и старается вычитывать текст за текстом, кстати или не кстати, – это все равно. Вы люди неученые, где вам разобраться. Вы уже слышали: «двое, трое собрались» – вот и Церковь! Сами теперь понимаете, что не там Церковь, где двое или трое собрались, хотя и во имя Христово. И баптисты собираются во имя Христа, и адвентисты, и молокане, и хлысты и всякая еретическая община выдает себя за истинную Церковь, и собирается во имя Христа, а этих общин очень много, если сосчитать их, то будут сотни. Церкви ли они Христовы? Каждый из вас поймет, что нет. Церковь одна. Она основана Иисусом Христом, распространена Апостолами по всему миру. Во все века она была видна во всем мире. Ее учение неизменно. Она не может ни скрыться, ни заблудиться. Такова и есть наша Православная Церковь. А ваша баптистская община с какого времени существует?

– Мы живем по Евангелию, нам истории не нужно.

– А вы знаете, когда вы родились? Кто ваши родители? Как же вы не знаете, когда родилась ваша баптистская община? А еще выступаете, как проповедник истины! Каждый из этих многочисленных слушателей знает, кто его родители и когда родился,

Рижское духовенство во главе со сщмч. архиепископом Иоанном Рижским (Поммером) на панихиде по русским воинам, героям I Мировой войны. Рига. Братское кладбище. 1929 г. Митрофорный протоиерей Кирилл Зайц стоит по правую руку владыки

а вы, проповедник, не знаете, когда родилась ваша община! Думаю, что вы хорошо знаете, да боитесь сказать. Появилась-то, ваша баптистская община только после Мартина Лютера.

Вы можете насчитать не боле 400 лет своего существования. А где же была ваша «истина», ваша «Церковь» до Мартина Лютера? Это значит, целых 1 500 лет никто ее не знал? значит, никто и не спасался? Или Церкви совсем и не существовало, или «врата ада» одолели ее? Какое безумие! «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 15, 14), говорит Господь. Думаю, что всем ясно, что ваша община на гибельном пути, и на тот же путь зовете и других. Горе соблазнительям! Подумайте о своем спасении.

– Мы уже спасены. Вера во Христа спасает. А мы веруем.

– Оставьте. Мы это уже слышали из уст ваших. Не забывайте слов Апостола, что и «бесы веруют»!

А теперь, братья и сестры, – обратился я к слушателям, – выслушайте и дальше внимательно наше Православное учение о Церкви.

В наше время, когда появилось так много лжепророков, которые с Евангелием в руках говорят против Евангелия и разрушают дело Божие, вы должны твердо знать, что наша Православная Церковь есть именно та Церковь, которую основал Господь Бог, и в которой одной мы можем спастись. Станешь членом Церкви Христовой – имеешь надежду спасения, делаешься членом Христова Тела, питаешься благодатными силами для жизни и благочестия от Истинной Лозы – Христа Господа. Попадаешь в ложную общину, именующую себя Церковью, – окажешься богопротивником, найдешь неминуемую гибель себе. Да, страшно ошибиться!

Как же узнать в числе разнообразных религиозных общин Церковь Христову? Узнать ее не трудно. Господь дал такие признаки, по которым, во все века существования Церкви, каждый человек мог бы, при желании, отличить ее от других религиозных общин. Один из признаков вы уже знаете. Это то, что Церковь ведет свое начало с того момента, когда Господь создал ее, ведет начало от Христа, а не от какого-нибудь человека, как все секты. При жизни Своей Господь обещал создать Свою Церковь – «Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18), и создал ее тогда, когда предал Себя, когда пролил на Кресте Пречистую Кровь Свою. Апостол так и говорит:

«Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5, 25). Запомним же – Церковь Христова ведет свое начало от времен страданий Спасителя. Ценою Своих страданий, ценою Пречистой Крови Своей Христос приобрел, создал Церковь Свою – общество истинных Своих последователей. В 40-й день по воскресении Своем Господь вознесся на небо, обещав ученикам,

Заседание Собора Православной Российской Церкви
1917–1918 гг.

что Он невидимо пребудет с ними до скончания века и пошлет им Духа Утешителя (Мф. 28, 20; Иоан.).

Духа Утешителя Он и послал в день Пятидесятницы, как читаем в книге Деяний (Деян. 2, 1-4). Но то было, скажете, когда жили Апостолы. А теперь с кем и где пребывают Христос Господь и Дух Святой? Во всяком ли человеке, который говорит, что он верует во Христа? Во всякой ли религиозной общине, которая хотя и признает Христа, но живет отдельно от Христовой Церкви жизнью? Нет, эти общины надо назвать общинами богопротивников, так как они нарушают волю Христа, чтобы все были едино. Где же теперь Христос и Дух Святой? Вы уже знаете, что Христос – Глава Церкви:

«Поставил (Бог Отец) Его выше всего Главою Церкви, которая есть Тело Его» (Ефес. 1, 22-23). Значит, обетование Христа – «Я с вами во все дни до скончания века» – относится к Церкви Христовой, в которой Он пребудет вечно, как глава Ее. И о Духе Святом читаем:

«Я умолю Отца», говорит Христос, «и Иного Утешителя даст вам, да пребудет с вами во век».

Это было сказано Апостолам. Но их теперь нет на земле, а Дух Святой пребывает «во век». С кем? «С вами», с верующими, которые должны быть «едино» во Св. Христовой Церкви. Может ли Христос и Дух Святой быть там, где сотни сектантских общин, друг друга презирающих, друг с другом враждующих, во имя Христа? Конечно, нет.

«Кто не слушает Церкви, тот все равно что язычник» (Мф. 18, 17).

Это относится и к вам, баптисты, «Берегитесь, чтобы вам не оказаться богопротивниками» (Деян. 5, 39).

Сектант порывался что-то сказать, но народ попросил не мешать слушать.

– Запомните, – продолжал я, – Христос и Утешитель Дух пребудут в Церкви до скончания века. Ведь это обетование Господне. Оно не может не исполниться – «небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут», – сказал Христос Спаситель. Какой безумец мог бы усомниться

в обетованиях Господних! Ясно, что Церковь Христова до скончания века, до второго пришествия Спасителя сохранит в чистоте истину Христову, богопреданное ей учение и установления. Ей не страшны никакие нападения врагов, хотя их очень много. Терзали ее Иудеи, терзали язычники, терзают сейчас особенно атеисты, безбожники, терзают ложные проповедники новых учений, сектанты различных, бесчисленных, так называемых, «церквей лукавнующих» и «сборищ сатанинских» (Откр. 2, 9). А Церковь, как корабль в бурном море, водимый рукою опытного Кормчего, смело рассекает эти свирепые волны и не боится потопления. Напрасен труд, бесплодны усилия всех врагов Церкви! Напрасны и ваши труды, невесть откуда приехавшие сюда проповедники-пропагандисты! Корабля Христова вам не потопить, Церкви Христовой вам с надлежащего пути не свернуть! Бывает, что во время бури волны смывают в пучину с палубы неосторожного путника, так и в жизни Церкви – лжепророки иногда могут вырвать из Церкви какого-нибудь слабо верующего, который и гибнет. Но всю Церковь никакие силы ада не могут одолеть и не одолеют: Кормчий Церкви – Сам Христос Господь, Водитель Этого Корабля – Дух Святой!

Твердо стойте на том Корабле! Не уклоняйтесь от Церкви! Ободряйте друг друга и молитесь, чтобы Господь сохранил всех от потопления в волнах неверия, в волнах сектантского лжеучения, которые так яростно в наши дни нападают на Православную Церковь, на слабых детей ее!

Думаю, что вы все, здесь присутствующие, конечно, за исключением сектантов, с младенчества своего находитесь в Церкви Христовой. Как же вы водворились в этом спасительном корабле – Церкви Христовой? Какою дверью вошли? Где вход в нее?

Слово Божие об этом свидетельствует ясно. Господь Иисус Христос сказал:

«Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие» (Ин. 3, 5).

И Апостол Павел в послании к Ефессянам о Церкви

Собор Латвийской Православной Церкви. 1923 г.

*Первый выпуск Рижской Духовной семинарии (1930).
В центре – сщмч. архиепископ Иоанн (Поммер),
третий справа в первом ряду – прот. Кирилл Зайц*

Христовой говорит:

«Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова» (Еф. 5, 25-26). Итак, Церковь очищена банею водною; в ней находятся только побывавшие в этой бане водной. Может ли принадлежать к Церкви тот, кто не прошел эту баню водную? Нет! Что же это за баня водная? Что это за рождение от воды? Думаю, что пояснять и не надо. Все вы знаете, что это Крещение. Когда великого гонителя верующих Савла призвал Сам Господь к апостольскому служению, ему было сказано: «Встань, крестись и омой грехи твои» (Деян. 22, 16). Крещением водою он вошел в Церковь Христову. Другого пути нет. Чтобы окончательно убедиться в этом, прочтем еще следующие слова 1-го послания к Коринфянам:

«Все мы одним Духом крестились в одно Тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные» (1 Кор. 12, 13).

Мы уже раньше слышали, что Церковь есть Тело Христово. Как все мы стали одним Телом Христовым, Его Святой Церковью? Крестились. Без этого не было бы и одно Тело. Некрещенных в Церкви нет.

Так, вот теперь, наши совопросники – баптисты, вы говорите, что вы находитесь в Церкви, ну а ваши дети? Где они – в Церкви или нет? Ведь они не прошли баню водную, они не крещены, где же они?

– Они не могут верить, – смущенно возразил сектант, – а потому они и не в Церкви. Да им этого и не нужно. Разве вы не читали в Евангелии, что сказал Господь о детях? Он ясно сказал: «Пустите детей, ибо таковых есть Царство Божие» (Мк. 10, 14). Зачем им крещение? Зачем им Церковь? Они и так наследники Царства Божия!

– Великие вы грешники, баптисты, и подобные вам сектанты! Даже больше, – вы преступники. Что

бы вы сказали, если бы во время плавания по морю на корабль какая-нибудь злодейка мать стала бросать за борт в пучину морскую, в жертву хищным акулам, своих собственных маленьких детей? А ведь вы это и делаете. Не допуская детей ко крещению, вы оставляете их в жертву силам адовым, вы не пускаете их в Церковь. А помимо Церкви спасения нет. Господь дал возможность спастись всему человечеству, и спасаются лишь те, кто становится членом Его Тела, т. е. Церкви. Апостол Павел прямо говорит:

«Христос Глава Церкви, и Он же Спаситель тела» (Еф. 5, 23).

И дети должны быть в Церкви, как молодые веточки на Лозе, на дереве, как члены в Телe.

– Они и так войдут в Царство Небесное. Господь говорит: «Их есть Царство Небесное»!

– Верно. Господь так говорит. По чистоте и невинности их, им принадлежит право на Царство Небесное. Но их нужно туда ввести, даже внести. Их, чистых, безгрешных, нужно освободить через Церковь от первородного греха. Недаром Господь строго сказал Апостолам: «Пустите детей!» Это Он говорит и вам, сектанты, – «Пустите детей!» А вы что отвечаете? – Нет, не пустим!

Побойтесь вы Бога, несчастные сектанты! Ведь вы совершаете злодеяние Ирода, умертвившего 14 000 младенцев. Прекратите же Иродово злодеяние над своими собственными детьми! Не губите их! Не забудьте, что со Христом могут быть только те, кто «облеклись» во Христа через крещение. Так и Апостол говорит:

«Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27).

Дети ваши, хотя они неповинны в личных грехах, но все же они без крещения «нечисты», по слову Апостола (1 Кор. 7, 14), как нечисты дети язычников, иудеев, магометан и вообще безбожников. Они должны «облечься» во Христа через крещение.

*Синод Латвийской Православной Церкви, около 1926 г.
Четвертый слева в первом ряду – прот. Кирилл Зайц*

А вы, православные, теперь ясно видите, каково то новое учение, которое приносят вам лжеучители. Подобное учение в Священном Писании называется ересью, а проповедники его – «еретиками». Как относиться к еретикам, об этом послушайте повеления Св. Апостола Павла, именно:

«Еретика, после первого и второго вразумления, отворачайся» (*Тим. 3, 10*).

Итак, о Церкви мы узнали еще и то, что к ней должны принадлежать и принадлежат и взрослые, и малые дети, а входят в Церковь, т. е. становятся членами ее чрез таинство крещения. Крещением все верующие становятся «совершенны во едино», Еллин и Иудей, связуются невидимыми связями и между собою и со Христом Господом. Становятся «едино» во Христе, становятся одним телом, оживотворяемым Духом Святым. Вот тут-то и понятно, почему Церковь непобедима. Напрасно и вы, баптисты, нападаете на Церковь нашу Православную. Видели ли вы когда-нибудь скалистый берег моря? Какие страшные волны устремляются на эти скалы! И что же? Сами волны разбиваются, превращаются в пену и брызги, а скала стоит и стоит. Так и Церковь Христова не боится не только вас, лжеучителей, но и самых сил адových. О ее твердыню разбились, разбиваются сейчас и разобьются в будущем самые сильные, самые жестокие враги! Сколько было еретиков в древности! Где они? – погибли, и вы погибнете!.. Утомились, родные? А мне бы еще много хотелось бы поговорить с вами о Церкви, да еще кое о чем спросить вот этих ваших незваных гостей.

– Ничего, батюшка, мы рады послушать. Пожалуй-ста разъясните. Наши гости что-то притихли. А с нами так без умолку говорили!.. И молились, и плакали!..

– С Божией помощью продолжим беседу, – сказал я.

Церковь Христова, как Тело Христа, соединяет между собою крещеных, истинно верующих, не только тех, которые живут по всей земле, но и тех, которые оставили уже эту грешную землю. Слово Божие свидетельствует, что «Бог Отец... все небесное и земное соединил под Главою Христом» (*Еф. 1, 3-10*). Тело Его, т. е. Церковь объемлет и небо и землю. В каком величии и в какой дивной красоте рисуется нашему духовному взору Церковь Православная! Она и здесь. Она и на небе, и нераздельна, едина под единым Главою Христом! И мы, грешные жители земли, и они, небесные праведники, – все мы члены одного Тела. Какая радость! Слушайте, что говорит Апостол:

«Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога Живаго – к небесному Иерусалиму и темам Ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу» (*Евр. 12, 22-24*). Вы видите – мы соединены и с ангелами, и с церковью первенцев, и с

Собор Латвийской Православной Церкви. Рижский кафедральный Христорождественский собор. Ок. 1930 г.

духами праведников, достигших совершенства. О, как величественна Церковь Христова! В ней соединились и небо, и земля, в ней и ангелы, и души праведников, и Сам Христос Господь, и Животворящий Дух Святой! Вот какова Церковь, созданная Богом! Какая красота, какое величие! Поставьте рядом измышление слабого человеческого разума: – «где двое или трое собрались, – там Церковь», – как оно ничтожно! Как ничтожен человек, так ничтожно и его учение. И вы уши раскрыли, чтобы внимать их пустым словам, и готовы были, по крайней мере некоторые из вас, отбросить вечное Божественное и прилепиться к ничтожному, тленному и гибельному! Кайтесь и впредь бодрствуйте над своим спасением.

«Не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия» (*Еф. 5, 17*).

В Евангельском учении, что к Церкви, под Главою Христа, принадлежат не только верующие на земле, но и небожители, дана нам твердая надежда на спасение. Почему? Да потому что они и мы члены одного Тела. Небожители, как старшие, т. е. более сильные члены, не оставят нас без своей помощи. Они руководят нашим спасением. Божия Матерь, Ангелы, все угодники Божити, – и Апостолы, и пророки, и святители, и мученики, и преподобные, к кому мы обращаемся с своими просьбами, – все молятся за нас, ходатайствуют за нас пред нашим Главою Христом, простирают нам руку помощи в наших бедствиях, утешают в страданиях. Где же у вас, сектанты, эта дивная помощь небожителей? Где поддержка вам в вашем шествии к вечной жизни?

– Наша поддержка – Христос, – сказал сектант. – Никакой другой поддержки нам и не нужно. Христос искупил нас и спас нас. Никто нам не может помочь, – ни Божия Матерь, ни угодники ваши. Напрасно вы и взываете к ним, они все равно не слышат вас, и ходатайствовать они за вас не могут. Вы нас упрекаете, что мы идем против Слова Божия, а теперь вы сами противоречите Священному Писанию. Апостол Павел что говорит? «Один посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (*1 Тим. 2, 5*). Слышите: один

посредник, один ходатай! А у вас и Божия Матерь, и Ангелы, и тысячи других ходатаев! Откуда вы их взяли? Разве ходатайство Иисуса Христа пред Отцом Богом недостаточно для спасения? Просить ходатайства святых – это унижение Христа. Вот и судите, слушатели, сами – правильно ли поступает Православная Церковь, когда молится святым?

– Православная-то Церковь поступает правильно. Но удивиться придется вам: как это вы, проповедник, совершенно не понимаете Священного Писания. Скажите, почему Христос называется одним Ходатаем, одним Посредником?

– Потому что Он один нас искупил. Он один спас. Других искупителей и спасителей мы не знаем.

– Совершенно верно. Он принес Себя в жертву для спасения людей. Такой жертвы никто другой никогда не приносил и не принесет. В этом смысле Он один Посредник, один Ходатай. И когда мы обращаемся к небесным членам Церкви с просьбою придти нам на помощь, то мы просим только их молитв за нас пред Единым Ходатаем Христом. Разве молиться друг за друга будет оскорблением Христа? Почему же Апостол говорит: «Молитесь друг за друга» (*Иак. 5, 16*)? Почему и вы молитесь за членов своей общины, даже не за членов только, например, когда молитесь об обращении и присоединении к вам? Если вы молитесь, то ведь это и значит, что вы «ходатайствуете». А ведь, по вашему, один Ходатай Христос. Какое же вы имеете право становиться ходатаем? Тогда уже не осмеливайтесь молиться за других. Удивляюсь, как вы плохо понимаете Святое Писание! Мы обращаемся за помощью к святым, и святые молятся за нас потому, что мы все – члены одного и того же Тела Христова, т. е. Церкви. А члены тела помогают друг другу, и сострадают, и сорадуются. Прочитайте в 1-м послании к Коринфянам – и запомните следующие слова:

«Страдает ли один член (в великом теле – Церкви Христовой), страдают с ним и все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены». (*1 Кор. 12, 26*). Святые небожители не могут не радоваться с нами, не могут не сострадать нам в наших несчастьях. А что же это будет за сострадание, если они не будут оказывать нам помощи? А желая оказать нам помощь, они и обращаются с пламенной молитвою за нас к этому Единому Посреднику и Ходатаю, пролившему за нас Свою Кровь. Где же здесь противоречие Священному Писанию? Мы уже видели, что между членами Церкви тесная связь, близкое общение. Они связаны между собою заботою друг о друге, состраданием, любовью друг к другу. А потому все члены Церкви, без различия – живущие ли еще на земле или скончавшиеся, все молятся друг за друга. Вы делите людей на живых и умерших, а мы не делим. Мы знаем, что у Бога такого разделения не существует, «ибо у Него все живы» (*Лк. 20, 38*), как

Протоиерей Кирилл Зайц во главе Совета Русского Студенческого Христианского Движения в Прибалтике. Рига. 1931 г.

говорит Слово Божие.

Радуются, торжествуют души праведных, достигших совершенства, радуемся, торжествуем и мы с ними, ибо, по слову Апостола – «славится ли один член, с ним радуются все члены» (*1 Кор. 12, 26*). Страждем мы, жители земли, от грехов наших, нужды, болезней, – мы знаем, что вместе с нами скорбят и души праведников, достигших совершенства, – «страдает ли один член, страдают с ним все члены» (*1 Кор. 12, 26*), поведал нам Апостол. Мы знаем, что они молятся о нас, и что «много может усиленная молитва праведника» (*Иак. 5, 16*). И мы, в свою очередь, молимся за всех усопших, недостигших совершенства, не прославленных Церковью. И в этом – высшее проявление Христовой любви, связующей и небо и землю. Бедные вы, сектанты! Ведь у вас нет самого главного, что должно быть в христианстве, – у вас нет любви. Зачерствели вы, застыли в своей гордости: «я верую, я спасен, я житель рая, я святой!» А главного-то – любви, у вас и нет. Что будете делать, когда, по слову Апостола, будущую жизнь увидите уже не «гадательно, как бы сквозь тусклое стекло, а лицом к лицу», и увидите, что «любовь больше веры»? (*1 Кор. 13, 12-13*). Как пойдете к Источнику Любви, не имея любви? Не забывайте, что «если бы имели всю веру, так что могли бы и горы переставлять, а любви не имете, то вы ничто» (*1 Кор. 13, 2*). Где же ваша любовь, если смерть оказалась победительницей и расторгла ваши духовные связи и с единоверцами, и с родными? Можете ли с Апостолом в восторге воскликнуть: «Смерть где твое жало? Ад! Где твоя победа?» (*1 Кор. 15, 55*). Увы! Не можете. Нет у вас любви, а вера без любви ничто! Горсть земли, надмогильный камень стали непреодолимым препятствием для общения с отошедшими из здешнего Мира. Может ли быть спасение там, где нет любви? Судите сами!

Итак, в Церкви Христовой объединены небо и земля. Членами Церкви являются все истинно-верую-

щие всех времен и всех мест, и живущие, и умершие. А так как и умершие не мертвы, а живы, то общение между всеми членами никогда не прекращалось и не прекратится никогда.

Продолжим еще беседу о Церкви. В Символе Веры мы читаем: «верую во единую Святую... Церковь. Церковь свята. Несомненно. Об этом говорит Слово Божие:

«Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее»... (Еф. 5, 25-26). Если Сам Христос стал основателем Церкви, Он же и глава Церкви, то несомненно она свята. «Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви» (Рим. 11, 16).

Свята она и потому, что в ней пребывает Дух Святой.

Свята и потому, что к ней принадлежит Небесная Церковь.

Свята, наконец, и потому, что все учение и установления ее святы.

По милости Божией, к этой Святой Церкви, именуемой Православной, мы и принадлежим. В подвигах, бдениях в упражнениях в добродетелях, согреваясь молитвою и укрепляясь надеждою, освящаясь таинствами, мы восходим от совершенства к совершенству и становимся достойными, по кончине своей, внити в радость Господа своего.

– Насколько я знаю, – заговорил сектант, – православные всегда называют себя грешниками. Так ли это?

– Да, мы грешники и грешниками себя признаем.

– Как же ваша Церковь может быть святою, если вы все грешники? Иван, Петр, Марья, Агафья и все миллионы людей, каждый в отдельности, грешник, а как собрались все вместе, то уже святая Церковь? Что-то и уму не понятно, и со Словом Божиим несогласно. Вот я прочту из послания Апостола Павла:

«Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5, 25-27).

Заключительный молебен съезда РСХД в Лоберже. Латвия. 1931 г.

Вот какова должна быть истинная Церковь! Там не должно быть ни одного грешника. В ней могут быть только святые и непорочные! А у вас, кого ни спроси, один ответ: грешен, грешна, грешник, грешница! Разве такова Церковь Христова?

– Ну а вы о себе как думаете?

– Мы святые. Мы не согрешаем. Мы веруем в Иисуса Христа и пребываем в Нем, а «всякий пребывающий в Нем, не согрешает» (1 Ин. 3, 6), говорит Апостол.

– Мне кажется, вы себе и отчета не даете, сколько в ваших словах похвальбы, самомнения и непростительной гордости! А кроме того – полное незнание не только духа Священного Писания, но и буквы его.

Теперь отвечу на ваши вопросы. Мы уже говорили, почему Церковь свята. Повторим: свята потому, что основание и глава ее – Христос, потому что в ней пребывает Дух Святой; свята потому, что к ней принадлежит Небесная Церковь; свята учением и таинствами. На все это имеются ясные свидетельства в Священном Писании.

Пребывание в земной Церкви не только праведников, но и грешников нисколько не препятствует ей быть святой. Не понимаю, откуда сектант почерпнул такое учение, что в Церкви грешников не должно быть? В Слове Божием об этом не говорится.

– Как не говорится? Апостол постоянно пишет: «призванным святым» (1 Кор. 1, 1), «со всеми святыми» (2 Кор. 1, 1), «святым и верным» (Еф. 1, 1), «всем святым во Христе Иисусе». (Фил. 1, 1) и т. д. Верующих Апостол всегда называет «святыми». Если они святые, то, конечно, они не грешны. Ведь грешник не есть святой, и святой не есть грешник. Наша баптистская Церковь и есть святая Церковь. Мы все – святые. Мы верующие – мы не согрешаем. А ваша-то Церковь, как может назваться святою, когда вы все грешники? Да какие еще? Кого я здесь вижу? – пьяницы, воры, развратники, драчуны, ругатели, табачники, и вдруг церковь святая?

– Да что это он всех позорит? – заволновался народ. Какие мы воры, развратники, пьяницы?! Бог знает откуда приехал, чтобы издаваться над нами! Да что с ним толковать? Пусть уезжает, откуда приехал!..

Народ видимо обиделся. Резкие возгласы стали раздаваться отовсюду.

Сектант замолчал. Я постарался успокоить народ: – Не гневайтесь, не сердитесь. Не будем думать, что он хотел вас оскорбить. Вся беда в том, что он не понимает, что значит слово «святой». Ему кажется, что «святой» значит безгрешный. Впрочем, таков и общепринятый взгляд. Но это ошибка. Святым, в смысле совершенно безгрешного, без каких бы то ни было недостатков, может быть назван один только Господь. Так свидетельствует и Слово Божие:

«Ты един свят» (Откр. 15, 4).

И это есть свидетельство небожителей, именно тех,

кого мы называем святыми. Как же можно после этого сказать, что стоящий перед нами баптист не имеет греха и в этом смысле «святой»?

Что же значит слово «святой» в применении к людям верующим? Значит – выделенный, отделенный от других. Верующие во Христа – значит выделенные своею верою из всех людей, из всего человечества. Так говорит в Священном Писании и Сам Господь:

«Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх. 19, 5-6).

Как видите, и евреи назывались «святыми». Почему? Потому ли, что они были безгрешны? Конечно, нет. Тот же Господь называет этот народ жестоковыйным: «И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный» (Исх. 32, 4). Имейте в виду и то, что в Священном Писании не только верующие люди называются святыми, но и различные предметы: земля (Исх. 3, 5), вода (Числ. 5, 17), дом (1 Цар. 29, 3), елей (Псал. 88, 21) и прочее. Примените ли вы к этим названиям понятие безгрешности? Конечно, нет. Это значит лишь, что предметы выделены особым явлением ли Божиим (например, место, горы) или особым священнодействием из ряда подобных же предметов (вода, елей). Я думаю, вам всем это понятно?

– Понятно, батюшка!

– Так вот, так же нужно понимать, когда Апостол называет в своих посланиях верующих «святыми». Я ведь тоже могу и сейчас обратиться к вам с таким же названием: «святые братья и сестры во Христе!» Но ни я, ни кто-нибудь из вас не подумает, что вы безгрешны. Верующие – «святые», т. е. выделенные из всех прочих людей, которые не веруют, взятые Господом в «удел». Были ли грешники в тех церквах среди верующих,

куда писал Апостол? Считали ли тогда верующие себя грешниками, те самые верующие, которых Апостол называет «святыми?» Пусть ответит на эти вопросы само Священное Писание:

Иак. 3, 2. – «Все мы много согрешаем».

Это Апостол Иаков говорит о верующих, о чадах Церкви.

Ин. 1, 8 – «Если говорим, что не имеем греха, обманываем себя и истины нет в нас».

Слышите ли, баптисты? Если вы считаете себя не имеющими греха, то вы заблуждаетесь, обманываете себя и других, и вы стоите на ложном пути – в вас истины нет. Это говорит тот самый Апостол, слова которого вы приводили – «всякий пребывающей в Нем не согрешает». Что же? Неужели Апостол сам себе противоречит? Конечно, нет. Ведь он писал по внушению Духа Святого. А вся беда в том, что вы читать-то читаете, а не понимаете, что читаете. По слову Священного Писания – «разумеешь ли, что читаешь?» (Деян. 8, 30). Вы своим слабым умом хотите постичь глубокий смысл Священного Писания, без руководства Церкви, не обратив внимания на слова Ап. Петра:

«Никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою» (2 Петр. 1, 20).

А если вы это дерзаете делать, то св. Апостол о вас и подобных вам проповедниках не очень лестно отзывался. Он говорит:

«Невежды и не утвержденные к собственной своей гибели превращают Писания» (2, Петр. 3, 16). Еще несколько слов для вас, баптистский проповедник. Несомненно, вы не один только раз прочитали послания святых апостолов. Неужели вы не обратили внимания, в каких недостатках, грехах и преступлениях Апостолы обличают тех, кого они называют «святыми»? Прочтите послание Апостола Иакова, который обличает и укоряет верующих в презрении бедных, в лицепрятии, в распушенности языка, во вражде, распрях, зависти, злословии, тщеславии, в удерживании платы у рабочих и пр. А Апостол Павел тех самых Коринфян, которых в своем обращении называет «святыми», укоряет и в блудодеянии, лихоимстве, злоречии, пьянстве, хищничестве, сутяжничестве и т. д., называет их плотскими. Всем понятно, что и первые христиане своею твердою верою, любовью, исповедничеством и мученичеством просиявшие на весь мир, как яркие звезды небесные, все же не были безгрешными и не считали себя такими. Сам великий Апостол, восхищенный до третьего неба за святую жизнь и глубокую веру, видевший райские обители и блаженство небожителей, как далек был от самомнения и гордости, так присущей сектантам. Слушайте, как он говорит о себе:

1 Тим. 1, 15. – «Христос пришел грешников спасти, из которых я первый».

Фил. 3, 13. – «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только забывая заднее и простираясь вперед,

Гимназическое дружество Русского Студенческого Православного Единения и его гости. В центре – протоиерей Кирилл Зайц и прот. Иоанн Янсон Рига. Октябрь 1931 г.

стремлюсь к цели, к почести высшего звания во Христе Иисусе». Он не считает себя достигшим святости, совершенства и небесных обителей. Он не считает себя не имеющим греха. И все мы, благочестивые слушатели, должны стремиться к цели, к почести высшего звания. На этом пути, конечно, один член Церкви ушел дальше, достиг большего, другой прошел меньше, иной только начинает свои первые шаги на нем, только начинает свое усовершенствование. В Церкви, по слову Апостола, как в большом доме, есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные» (2 Тим. 2. 20). Каждый человек подвержен искушениям и всю жизнь должен бороться со своими греховными наклонностями. Удивительно ярко рисует эту картину борьбы человека со своими греховными наклонностями св. Ап. Павел в послании к Римлянам:

«Мы знаем, что закон духовен, а я плотен, предан греху. Ибо не понимаю что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр: а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущие во мне грехи» (Рим. 7, 14-20).

Когда вы, совопросник мой, вникнете в смысл этих слов великого Апостола, то должны будете понять, как далеко вы стоите от Евангельской истины. У вас, сектантов, нет смирения. Вас обуяла гордость, этот грех сатанинский. В этом весь ужас вашего положения!

Вы не можете с мытарем сказать: «Боже, милостив буди мне грешному!», потому что в устах у вас, да и в сердце всегда горделивые слова фарисея: «Благодарю Тебя, Боже, что я не таков, как другие люди!», – что вы уже сказали и сегодня.

Поймите, как далеко от вас оправдание и спасение! Итак, Церковь свята. Присутствие в ней грешников

не может служить ей препятствием быть святою...

Время уже позднее, а многим из вас до дому далеко. Долго задерживать не буду. Но чтобы закончить беседу о Церкви, необходимо объяснить, почему в Символе веры наша Православная Церковь называется Апостольскою.

В книге Откровения мы читаем:

Откр. 21, 14. – «Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца».

Краеугольный Камень Церкви – Христос. Камни, положенные в основании Церкви, – Апостолы. Господь все Свое учение, все тайны Царствия Божия оставил Апостолам. По воскресении Своем, Он в продолжение 40 дней наставлял их, как устроить Церковь Его, как распространить по всей земле, как охранить от вражеских нападений неверующих людей, ложных учителей и врат адовых. И Апостолы, вдохновляемые Духом Святым, создали тот удивительный строй церковной жизни, какой мы видим сейчас в Православной Церкви. Мы видим и пастырей – епископов, священников и диаконов, – видим пасомых – мирян; освящаемся установленными таинствами, священнодействиями, имеем молитвенное

общение со всеми членами Церкви. Мы видим различные служения в Церкви, установленные Апостолами, как о том и читаем в апостольских посланиях:

Ефес. 4, 11-16. – «Он поставил одних апостолами, других пророками, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова».

1 Кор. 12, 28-29. – «Все ли апостолы, все ли пророки? Все ли учителя?»

Как видите, положение и служения в Церкви различны. Есть пастыри, есть и пасомые.

В послании Апостола Петра читаем:

1 Петр. 5, 1-5. – «Пастырем ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, которое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия,

Журналы, издававшиеся под редакцией прот. Кирилла Зайца

и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядаемый славы венец». Смотрите: в апостольской Церкви есть Пастыреначальник – Христос, есть пастыри, есть стадо. Пастырям вверено Христом Его стадо; они должны пасти его, охраняя от волков хищных, питать духовно. Пастыри ответственны за вверенное им стадо: когда явится Пастыреначальник, потребует отчета у них.

Вот порядок и строй Церковной жизни в Православной Апостольской Церкви. Так было до настоящего времени и будет до скончания века. Вот мы – пастыри, а вы – пасомые. Мы о вас должны будем дать отчет на страшном Суде, должны будем подвести вас ко Христу и сказать: «Вот я и дети, которых мне Господь дал!» Господь спросит у нас, как мы пасли вверенное стадо? И мы должны будем дать отчет. Но спросит и у вас: были ли вы в послушании у своих пастырей? Слушали ли их призывающего и наставляющего гласа? Горели ли сердца ваши любовью ко Святой Церкви Апостольской? Не слушали ли тех, которые «превращают благовествование Христово» (Гал. 1, 7-8). «Повреждают Слово Божие» (2 Кор. 2, 17). «Говорят превратно» (Деян. 20, 30). «Уклоняются в пустословие» (1 Тим. 1, 6)? Не бегали ли за каждым ветром, за каждым проповедником нового учения?

Если – да, то горе вам! Не оправдаетесь тем, что они увлекли вас «льстивыми словами» (2 Петр. 2, 3), «ласкательством» (Рим. 16, 18), «хитрым искусством обольщения» (Ефес. 4, 14)!

Дает ли Слово Божие признаки, по которым можно узнать этих ложных проповедников? Да, дает. И очень ясно. Апостол Петр говорит, что они «дерзки, своевольны, злословят высших»... (2 Петр. 2, 10), а Апостол Павел, что они: – «горды, надменны, злоречивы... недружелюбны». (2 Тим. 3, 1-5).

Неужели вы не заметили всего этого вот и в этих баптистах? Ведь все наше святое, все наши святыни ос-

меяли, похулили, над вашей верой, да и над вами самими, как мы здесь же слышали, поиздевались! Они вполне оправдали на себе всю эту характеристику Священного Писания. Вы не смотрите на их внешний вид. Вид их не должен ввести вас в заблуждение. Слово Божие и

на это обратило внимание, именно: они приходят «в овечьей одежде» (Мф. 7, 15). «Принимают вид апостолов Христовых» (2 Кор. 11, 13-15). «Принимают вид благочестия» (2 Тим. 3, 1-5).

Сектант порывался в возбужденном виде что-то сказать, но народ не дал ему говорить. Со всех сторон стали раздаваться возгласы и резкие осуждения за те грубые выпады против Православия, какие допущены были сектантами на устраиваемых собраниях. С большим трудом лишь удалось водворить успокоение. Видимо, открылись глаза у православных, какого кощунника они слушали и поддерживали.

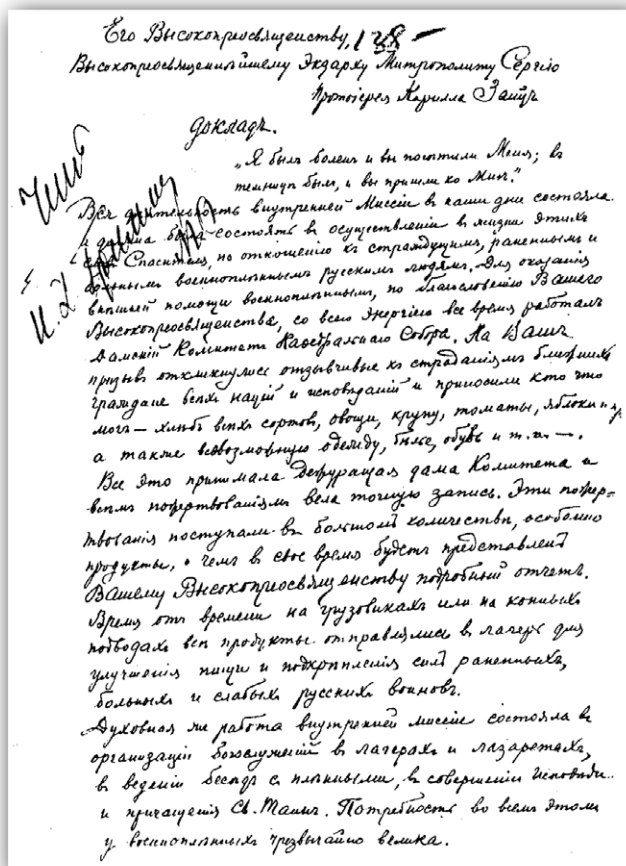
Когда водворилась тишина, я вновь стал убеждать слушателей избегать всяких лжеучителей и лжепророков. Провидцы Апостолы, предостерегая верующих от этих лжеучителей, предрекли и их участь (2 Тим. 3, 9): «безумие их обнаружится пред всеми».

Как видите, безумие и этих прибывших сюда врагов православия уже обнаружилось пред всеми вами. 2 Кор. 11, 15 – «Конец их будет по делам их», – говорит тот же Апостол в другом месте, и 2, Петр. 2, 3. – «Суд им давно готов и погибель их не дремлет» – говорит Апостол Петр.

Но такая участь ждет и тех, кто их слушает, принимает и соглашается с их лжеучением. Они вожди слепые, добровольно себя ослепившие, а дерзают вести других. Но Слово Божие предупреждает:

Мф. 15, 14. – «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

Итак, возлюбленные, – «берегитесь злых делателей!» Считаю нашу беседу оконченной. Благодарю вас за то глубокое внимание, с каким вы следили за ходом

Ходатайство прот. Кирилла Зайца перед экзархом митрополитом Сергием о помощи русским военнопленным

беседы. Убежден, что поняли, что нельзя разрушать то, что Бог создал, нельзя издеваться над созданною Богом Церковью: Церкви не одолеешь, а сам погибнешь.

На прощанье вот вам еще маленький пример, который запомните и расскажите и детям своим.

Мы стоим у храма, посмотрите на него: находясь долгие годы под влиянием непогоды, ветров, дождя – в фундаменте некоторые кирпичи выветрились и вывалились, и вот они валяются у забора. А вот и кусок подгнившей доски от обшивки, а там и камешек. Имеют ли они теперь какое-нибудь значение? Да никакого, всякий может их бросить куда угодно, никто не запретит, никто не обратит внимания. А пока эти камушки да дощечки были в стенах храма, они были святынею, так как храм называют «Святым». Так и вы. Пока вы в Церкви Христовой, пока вы члены Тела Христова – вы «святы», вы на пути ко спасению. А если уйдете из Церкви Христовой, отречетесь от Православия, то, несомненно, погибнете. Будете, как вот этот камешек, как эта гнилая дощечка, которые топчутся людьми, как всякий мусор. А вас будет топтать, вашу душу грязнить всякий проходящий нечистый дух, всякая нечистая сила! Напомню вам еще слова Апостола:

«Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы». (Еф. 5, 15-16)!

– Вы хотите закончить беседу, – сказал сектант, – а я хотел бы еще задать вопрос. Можно?

– Конечно, можно. Говорите.

– Вы много говорили о Церкви. Я внимательно слушал.

Но я хотел бы знать, что спасает, собственно говоря, Христос или Церковь?

– Понимаю вас. Вы спрашиваете не потому, чтобы этого не знали, и не потому, что этот вопрос вас интересует, а чтобы хитрыми вопросами уловить меня. Такие вопросы для «уловления» задавались и Господу, и Он часто на вопросы отвечал вопросами же. Вот и я на ваш вопрос отвечаю несколькими вопросами.

Псков. Свято-Троицкий собор, где в 1941–1944 гг. служил прот. Кирилл Зайц, возглавляя Псковскую Православную миссию

1) Может ли Церковь быть в неизвестности, быть невидимую, воображаемую? Ясно, что не может. Господь основал определенную Церковь – «Созижду Церковь Мою» (Мф. 16, 18); она не может быть невидимую, так как на нее будут нападать враги – «врата адовы», и она должна в этой борьбе одержать победу. Борющиеся стороны известны, определены.

– Вы уклоняетесь и не отвечаете на вопрос! – воскликнул сектант.

– Имейте терпение выслушать. Будет дан и точный, ясный ответ.

2) Может ли спастись тот, кто не принадлежит к «Телу» Христову, т. е. к Церкви? Ответ ясен: не может. «Иисус Христос – по Священному Писанию – «Спаситель тела», т. е. Церкви.

3) Можно ли отделить главу от тела? Нельзя: жизни не будет ни в главе, ни в теле.

Вот видите, дорогой, ваш вопрос – что спасает: Христос или Церковь? – явная бессмыслица. Христос глава Церкви, которая есть тело Его (Ефес. 1, 23-33; 5, 23-27; Рим. 12, 4-5). Значит, Христос спасает тех, кто в теле Его, кто находится в Церкви, иначе сказать: Христос спасает чрез Церковь! Нельзя сказать: что спасает – Христос или Церковь? Вопрос, как видите, бессмысленный! Если вы честный человек, если не мудрствуете лукаво, то этим ответом должны удовлетвориться. Думаю, и вам всем понятно?

– Понимаем, батюшка! Премного благодарны! – снова раздалась недоброжелательные возгласы против сектантов.

По успокоении я попросил всех купить Евангелия, чтобы святая книга была в каждом доме. Благодаря повсеместным школам, везде имеются грамотные – и взрослые, и дети.

– Я вам сейчас укажу те места Священного Писания, которые нужно знать, чтобы правильно мыслить о Церкви Христовой, чтобы никто не мог сбить вас с пути спасения.

1. Благодатные средства спасения и святое учение вручены Церкви: – Ефес. 3, 9-10; 1 Тим. 3, 15.

2. Церковь устроена Господом и пребудет до скончания века: – Мф. 16, 18; 28, 20.

3. Церковь есть общество истинно верующих: – Деян. 2, 44; 41-47. Евр. 3, 6; Деян. 20, 28.

4. Чтобы спастись необходимо принадлежать к Церкви: – Мф. 18, 17; Деян. 2, 47.

5. Церковь едина: – Ин. 10, 16; Мф. 16, 18; Ефес. 4, 4-6; Ин. 17, 11; 20-21; 1 Кор. 12, 13; Рим. 12, 5-6.

6. Основание Церкви – Христос: – 1 Кор. 3, 11; Деян. 4, 11; Мф. 21, 42; 1 Петр. 2, 6; Рим. 9, 33.

7. Глава Церкви – Христос: – Ефес. 1, 22; 4, 15; 5, 23. Кор. 1, 18.

8. Церковь Свята: – Ефес. 5, 25-27; Рим. 11, 16.

9. Церковь свята пребыванием в ней Духа Святого:

(1 Кор. 6, 19); учением (Ин. 17, 17-19; 16, 13; 14, 26); таинствами (1 Кор. 6, 11).

10. Члены Церкви должны стремиться к святости: – 1 Петр. 1, 15-16; Ефес. 4, 21-24; 1, 4.11.

Христос допустил быть в Церкви и грешникам: – Мф. 13, 24-41 (притча о пшенице и плевелах). Мф. 13, 47-49 (притча о неводе). 2 Тим. 2, 20-21; Рим. 9, 22-23.

12. Нельзя упрекать Церковь за пребывание в ней грешников: – Рим. 11, 17-18; 1 Кор. 12, 21-24; Рим. 14, 4; 2 Тим. 2, 20.

13. Дух Святой пребывает в Церкви и в членах Церкви: – Ин. 14, 16-17; Деян. 1, 4-5; 2, 17-18; 1 Кор. 3, 16; 12, 13.

14. Церковь Соборная: – Мф. 28, 16-20; Кор. 3, 11; Мф. 24, 14; Евр. 12, 22-24.

15. Церковь Апостольская: – Ефес. 2, 19-20; Откр. 21, 14.

16. Церковь непрерывна: – Мф. 28, 20; Ефес. 3, 21.

17. Церковь не может сокрыться: – Мф. 5, 14; Мк. 4, 21; Лк. 11, 33.

18. Кто должен учить в Церкви: – Мф. 28, 19-20; Ефес. 4, 11; 1 Кор. 12, 28; Рим. 10, 15; 2 Тим. 1, 11; 4, 2; 2, 2; Евр. 5, 4.

Конечно, сразу запомнить эти места вы не можете. Но грамотные сходите в свободное время к своему батюшке Иоанну – я оставлю у него список этих мест Священного Писания, и вы у него спишите.

Возблагодарим Господа за Его невидимую благодатную помощь при выяснении Евангельского учения о Церкви.

Пропоем молитву «Спаси, Господи, люди Твоя!», а затем молитву Божией Матери – «Достойно есть».

Беседа окончилась. Народ, видимо, остался доволен, и авторитет сектанта был подорван.

Хочется обратить внимание интересующихся беседами с сектантами на следующее часто наблюдающееся явление. Чтобы сгладить в народе неприятное для сектантов впечатление от беседы, они по окончании беседы стремятся каким-нибудь вопросом если не смутить миссионера, то во всяком случае показать

народу, что они остаются при своем и могут еще немало вопросов задать. В таких случаях миссионеру уже нельзя пускаться в длинные рассуждения, а необходимо кратким ответом или одною фразою заставить их умолкнуть.

Это случилось и после нашей беседы. Я, священник, и представители прихода тихо направились к дому священника, делясь впечатлениями. Откуда ни возьмись сектантская группа очутилась около нас.

– А что, миссионер, вы о себе самом скажете, вы грешный или святой? Вы о себе ничего не сказали! – громко выкрикнула одна сектантка.

– Я, как и все, человек грешный, – ответил я.

Так как мы остановились, то народ стал собираться.

– Вы грешны? Ну вы, значит, в ад и пойдете. Для грешников в раю места нет. А мы пойдём в рай!

Что было делать? Не пускаться же в новые рассуждения, но нельзя оставить и без ответа: тогда последнее слово останется за сектанткою, и будет она хвалиться, что миссионер ей не мог ответить.

– Правду вы сказали: нераскаянным грешникам место уготованно в аду, – начал я. – Вот представьте себе такую картину: все нераскаянные грешники Православной Церкви – пьяницы, развратники, воры, завистники, убийцы, злобствующие и ненавидящие других и прочие грешники по широкой дорожке катятся во ад. Что делать? – туда и дорога: не грехи! Но знаете, кто с ними идет еще рука об руку, хотя и не развратница, не пьяница, не воровка? – еретичка. Читайте в послании к Галатам в 5-й главе, 20 ст. Значит, в одной компании? Но вот, чем дальше, тем ближе к аду.

Уже почти в преддверии ада опомнились великие грешники, члены Церкви: Господи, ты спас и разбойника и блудницу, смягчил черствое сердце Закхея, принял кающегося Петра, – спаси и нас, прости нам наши великие согрешения! Прими нас хотя и после 11 часов! Ведь для нашего спасения Ты Кровь Свою пролил и Церковь Свою основал!... Что же? Неужели Господь не простит этих великих грешников? Несомненно простит. И повернут они назад и пойдут по пути в рай. А на адской дороге осталась одна лишь еретичка, ей спасения нет, ибо она о прощении не просит. И пойдете вы, сударья, во ад, в муку вечную! Покайтесь, пока есть время!..

Это произвело на народ сильное впечатление. Сектантки отстали.

Мы продолжали путь.

Спустя некоторое время, подвернулся сектант.

– Скажите, миссионер, – начал сектант заискивающим шепотом, – в Слове Божием сказано, что Бог служения рук человеческих не принимает...

– А скажите мне: вы весь Новый Завет принимаете и все исполняете, что в нем повелено?

– Да, я все принимаю и все исполняю.

– Очень хорошо. Вот, в первом послании к Тимо-

Караганда.
Лагерь
в пос. Долинка,
где погиб
в 1948 г.
прот. Кирилл
Зайц

фею, во 2-й главе, в 8-м стихе Апостол говорит: «Я желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздеявая чистые руки»... Желание Апостола для нас равносильно повелению или заповеди. Скажите, как вы исполняете это повеление Апостола о воздеянии рук при молитве? Как вы исполняете это служение рук? Как воздеваете руки?

Сектант мялся, не зная что сказать. А между тем собравшийся снова народ подхватил мой вопрос и со всех сторон стали раздаваться возгласы: «Покажи, батюшка!» Я молчал. Народу собралось уже много. Нас окружили тесным кольцом. Сектанта ударило в пот. Наконец он спохватился и обратился ко мне с тем же вопросом:

*Караганда. «Мамочкино»
кладбище в пос.
Долинка, где погребали
заключенных Карлага
и где в безымянной
могиле похоронен
прот. Кирилл Зайц*

– А покажите, как вы исполняете это повеление Апостола?

Я обнажил голову, перекрестился широким крестом и сказал:

– Мы, православные, так исполняем это повеление Апостола. Почему именно так, я вам объясню на основании Священного Писания и докажу, что так нужно. Но прежде покажите вы, как вы исполняете?..

Сектант очутился в безвыходном положении. Тогда он прорвал кольцо и пошел. Народ пошел за ним и долго еще были слышны приставанья народа: «покажи» да «покажи».

Вскоре после этого собеседования сектанты оставили эту местность, и как сообщал мне о. Иоанн, все увлекшиеся было их пропагандой чистосердечно раскаялись.

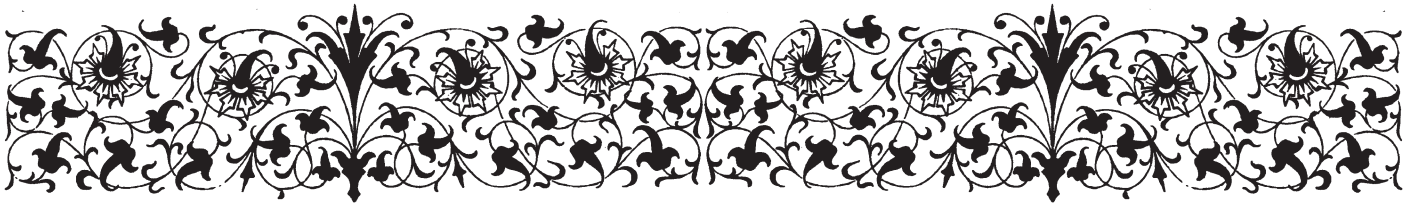
ОЧЕНЬ ДАВНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

*— Собирайтесь, да поскорей! —
у крыльца застоялись кони,
ни в колхозе, и ни в райкоме
не видал я таких коней.
Это кони НКВД, —
не достанешь рукой до холки.
Путь накатан и сани ходки —
хоть скачи до Улан-Удэ.
Как страдал я о тех конях!
Кубарем открываю двери,
а они храпят, словно звери,
в гривах, в изморози, в ремнях.
Мать выходит на белый снег...
Мать, возьми меня прокатиться!
Двери хлопают, снег валится,
мне запомнится этот бег.
Что за кони!*

*В голодный год
вскормлены яровой пшеницей,
впереди лейтенант возницей
хочет крикнуть: пади, народ!*

*Но молчанье стоит в селе,
в темных избах дети да бабы,
под санями звенят ухабы,
тонут избы в кромешной мгле.
Лезу в сено — как будто в стог.
Рядом подполковник Гаврилов,
следопыт, гроза дезертиров,
местный царь или даже бог.
Рвутся серые жеребцы,
улыбается подполковник,
разрывается колокольчик,
разливаясь во все концы.
В черных избах нет ни огня,
потому что нет керосина.
Справа-слева молчит Россия,
лихорадит радость меня.
Где же было все это, где?
Воеет вьюга в тылу глубоко.
Плачут вдовы в селе убогом...
Мчатся кони НКВД!
Погрохатывает война
За далекими за лесами,
по дороге несутся сани,
мутно небо, и ночь мутна.*

Станислав Куняев. 1964

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Фалассий

СОТНИЦЫ

Авва Фалассий, современник Максима Исповедника, с которым Фалассий находился в духовном общении, доказательством чего служат письма св. Максима и то, что св. Максим посвятил Фалассию особую книгу, в которой изъясняются трудные места Святого Писания. Фалассий был пресвитером и настоятелем одного из монастырей в Ливийских пустынях (в Африке). Скончался не ранее второй половины VII в. В греческой церкви память Фалассия совершается 21 января, в Римской – 13 августа. В каноне прп. Феодора Студита – на субботу сырной недели – прп. Фалассий упоминается в числе святых. Творения Фалассия «Четыре сотницы глав о любви, воздержании и духовной жизни» – нравственного и частью догматического содержания. Учение Фалассия о Святом Духе составляет, по-видимому, извлечение из учения, переданного «прежде отшедшими святыми отцами».

(Христианство. Энциклопедический словарь Т.3. М. 1993)

ПЕРВЫЕ СТО ГЛАВ

1. Любовь, постоянно простертая к Богу, соединяет любящих с Богом и друг с другом.
2. Ум, стяжавший духовную любовь, не помышляет о ближнем ничего не свойственного любви.
3. Под видом любви скрывает лицемерие тот, кто устами благословляет, а сердцем уничижает.
4. Стяжавший любовь без смущения переносит скорбное и огорчительное, наводимое врагами.
5. Одна любовь соединяет создания с Богом и друг с другом во единомыслие.
6. Тот стяжал истинную любовь, кто не принимает ни подозрений, ни нареканий на ближнего.
7. Достоин чести пред Богом и людьми тот, кто ничего не умышляет к разрушению любви.
8. Нелицемерной любви свойственно правдивое слово, происходящее от доброй совести.
9. Кто передает брату укорения от другого, тот под видом доброго расположения таит зависть.
10. Как плотские добродетели привлекают славу человеческую, так и духовные Божию.
11. Любовь и воздержание очищают душу, а ум светлым делает чистая молитва.
12. Сильный муж тот, кто деланием и ведением отражает злое.
13. Тот обрел благодать у Бога, кто стяжал бесстрастие и ведение духовное.
14. Если хочешь преодолеть страстные помыслы, приобрети воздержание и любовь к ближнему.
15. Сохрани себя от невоздержания и ненависти, и не встретишь преткновения во время молитвы твоей.
16. Как ароматов нельзя найти в тине, так и благоухания любви в душе злопамятного.
17. Мужественно владей раздражительностью и вожделием, и скоро избавишься от худых помыслов.
18. Тайным деланием истребляется тщеславие, а тем, чтобы никого не уничижать, отгоняется гордость.
19. Тщеславию свойственно лицемерие и ложь, а гордости надмение и зависть.
20. Начальник есть тот, кто начальствует над самим собою, и душу, и тело покорил разуму.
21. Искренность друга обнаруживается во искушении, когда он принимает участие в трудных обстоятельствах жизни.
22. Затвори чувства посредством молчания, и суди помыслы, приступающие к сердцу.
23. С помыслами печальными обращайся без злопамятования, а к сластолюбивым будь расположен враждебно.
24. Безмолвие, молитва, любовь и воздержание есть четырехсоставная колесница, возносящая ум к небу.
25. Истощи тело неядением и бдением, и отразишь учителя, помысел сласти.
26. Как воск тает от огня, так нечистый помысел от страха Божия.
27. Тяжкий урон для разумной души - укоснение ума в предосудительной страсти.
28. Переноси терпеливо скорбные и болезненные случаи, ибо ими очищает тебя Промысл Божий.
29. Отвергнув вещественное и отрехшись от мира, отрехись и от худых помыслов.

30. Свойственное уму дело - всегда пребывать в словах Божиих.
31. Как дело Божие править миром, так и дело души управлять телом.
32. С какой надеждой встретим Христа, сластям плоти работая даже до ныне?
33. Слостолюбие истребляется злостраданием и скорбями, или произвольными, или посылаемыми от Промысла.
34. Пища страстей есть сребролюбие, ибо оно усиливает возобладавшую сласть.
35. От лишения наслаждения рождается скорбь, а наслаждение сопряжено со всякой страстью.
36. Какою мерой меришь ты своему телу, той же обратно возмерится и тебе от Бога.
37. Дела Божественных судеб суть праведные воздаяния за то, что соделано в теле (*2 Кор. 5, 10*).
38. Добродетель и ведение рождают бессмертие, а лишение их было матерью смерти.
39. Печалью по Боге убиваемо бывает чувственное наслаждение, а умерщвление чувственного наслаждения есть воскресение души.
40. Бесстрастие есть неподвижность души ко злу, которую нельзя получить без милости Христовой.
41. Христос есть Спаситель души и тела, и последующий стопам Его освобождается от зла.
42. Если хочешь получить спасение, отрекись от сластей плотских удовольствий, и приими воздержание и любовь с прилежной молитвой.
43. Бесстрастие свойственно истинное рассуждение, с помощью которого делай все по мере и правилу.
44. Иисус Христос есть Господь и Бог наш, и ум, последующий Ему, не пребудет во тьме.
45. Собери свой ум и наблюдай за своими помыслами, и которые из них найдешь страстными, против тех веди войну.
46. Три причины, от которых возникают в нас помыслы: чувства, воспоминания и телесное сложение; мучительнее же всех те помыслы, которые происходят от воспоминаний.
47. Кому дана премудрость, тот разумеет свойства бестелесных, и то, какое начало и конец мира.
48. Не будь нерадив о деятельных добродетелях, и ум твой просветится. Сокровища, говорит Господь, невидимая сокровенная отверзу тебе (*Исайа 45, 3*).
49. Освободившийся от страстей обрел благодать Божию, и великую милость тот, кто сподобился ведения.
50. Ум, освободившийся от страстей, делается световидным, будучи непрестанно осияваем созерцанием тварей.
51. Свет души есть святое ведение, которого лишившись, безумный ходит как во тьме.
52. Безумен, обращающийся во мраке порока: его вскоре объемлет мрак невежества.
53. Любящий Иисуса освободится от зла, и последующий
- Ему получит истинное ведение.
54. Ум, освободившись от страстей, видит тонкие мысленные представления, и при бодрствовании тела, и во снах.
55. Ум, совершенно очищенный, видит для себя тесноту в существующем, и всегда желает быть вне всего сотворенного.
56. Блажен, кто достиг бесконечной беспредельности, а достиг тот, кто преминал все конечное.
57. Кто чтит Бога, тот испытует слово Его, а уразумевает оное любитель истины.
58. Ум, движимый правотою, находит истину, а движимый какою-либо страстью заблуждает от оной.
59. Бог как по существу неведом, так и по величию бесконечен.
60. Существа, которое не имеет ни начала, ни конца, и премудрость неиспытуета.
61. Сохранение всякой твари есть всеблагий промысел о ней ее Создателя.
62. Милосердием своим утверждает Господь вся ниспадающая, и восставляет вся низверженныя (*Пс. 144, 14*).
63. Христос есть Судья живых и мертвых и праведный воздаятель каждому по делам его.
64. Если хочешь начальствовать над душой и телом, то предварительно отсекай причины страстей.
65. Сопряги силы душевные с добродетелями, и они совершенно разрешатся от насилия страстей.
66. Стремление похоти обуздывай воздержанием, а порыв раздражительности духовной любовью.
67. Молчание и молитва суть величайшее оружие добродетели: ибо они, очищая ум, делают его прозорливым.
68. Только духовная беседа полезна, а предпочтительнее всего прочего молчание.
69. Из пяти видов беседы избери три, четвертым пользуйся не часто, а пятого вовсе не употребляй.
70. Молчание любит не пристрастный к мирскому и любящий всех людей, не любя ничего человеческого.
71. Совесть есть истинный учитель; слушающий ее не подвергается преткновениям.
72. Только тех не судит совесть, которые достигли верха добродетели или порока.
73. Совершенное бесстрастие тонкими делает мысленные представления; совершенное же ведение возводит к Пренедведомому.
74. Предосудительна скорбь от неудовлетворенного желания наслаждений; а презревший их, пребывает беспечален.
75. Скорбь вообще есть лишение сладости, будешь ли разуметь сладость Божественную, или мирскую.
76. Царствие Божие есть благодать и премудрость, и достигнувший их живет на небесах.
77. Жалок тот человек, который делами своими предпочитает тело душе и мир сей Богу.

78. Тот стяжал равную ко всем любовь, кто не завидует ревностным (в добродетели и милосерд к порочным).
79. По истине тому следует быть начальником, кто душе и телу поставил в закон дела добродетели.
80. Купец духовный есть тот, кто ради будущих (благ) равно стяжал самоотвержение от приятностей жизни и от печали о житейском.
81. Душу укрепляют любовь и воздержание, а ум чистая молитва и духовное созерцание.
82. Когда слышишь полезное слово, не суди того, кто говорит оное, чтобы не лишиться тебе полезного учения.
83. Лукавый разум помышляет злое и добрые дела ближнего перетолковывает к уменьшению их достоинства.
84. Не верь помыслу, судящему ближнего; ибо он, имея злое сокровище, злое и помышляет.
85. Из доброго сердца исходят и добрые мысли, ибо его сокровищу соответствуют помышления его.
86. Наблюдай за помыслами и убегай зла, чтобы не помрачился ум и не начал видеть одного вместо другого.
87. Воспомяни Иудеев и утверди себя самого. Они, ослепши завистью, Господа и Бога перетолковали в Веельзевула.
88. Лукавое подозрение омрачает ум и производит то, что вместо пути видится то, что вне пути.
89. Ко всяким добродетелям притыкается зло, и посему лукавые добродетель перетолковывают в порок.
90. Ум, закосневая в удовольствии или в скорби, тем скорее впадает в страсть уныния.
91. Чистая совесть возвышает душу, а нечистый помысел низвергает ее.
92. Страсти, будучи в движении, отгоняют тщеславие, а будучи укрощаемы, снова возвращают оное.
93. Если желаешь избавиться от всех вкупе страстей, то восприими воздержание, любовь и молитву.
94. Ум, молитвой долго пребывая в Боге, и страстную часть души избавляет от страстей.
95. Бог, даровав бытие тварям, вместе с тем все связал Своим Промыслом.
96. Будучи Владыкой и сделавшись рабом, Он тем явил твари совершенство Промысла.
97. Бог и Слово, воплотившись неизменно, чрез принятие плоти соединился со всею тварью.
98. Странное чудо совершается на небе и на земле: Бог на земле и человек на небе!
99. Чтобы соединить людей с Ангелами и даровать вместе всей (умной и словесной) твари обожение.
100. Освящение и обожение Ангелов и человеков есть познание Святой и Единосущной Троицы.
101. Прощение грехов есть свобода от страстей; а кто от них не освободился благодатью, тот не получил еще прощения.

ВТОРЫЕ СТО ГЛАВ.

1. Если хочешь освободиться от всего злого совокупно, то отрекись от матери зол – от самолюбия.
2. Здравие души есть бесстрашие и ведение: не может достигнуть оного работающий сластям.
3. Телесные и душевные сласти иссушает воздержание с терпением и любовь с великодушием.
4. Началом зол для души было самолюбие. Самолюбие же есть любовь к телу.
5. Разумному существу свойственно повиноваться разуму и усмирять и поработать тело (1 Кор. 9, 27).
6. Обидно для разумной части человека повиноваться неразумной и попечение о сей простирать до постыдных похотей (Рим. 13, 14).
7. Худое дело для разумной души оставлять Создавшего ее и идолослужить телу.
8. Тебе повелено иметь тело служителем, а не служить сластям его вопреки естеству.
9. Расторгни узы любви к телу, и ничего не давай сему рабу, кроме необходимо нужного.
10. Затвори чувства под стражей безмолвия, чтобы они не увлекали ум к своим пожеланиям.
11. Сильнейшее оружие для безмолвствующего с терпением суть: воздержание, любовь, молитва и чтение.
12. Ум не перестает скитаться около сластей до тех пор, как, поработив плоть, будет упражняться в созерцании.
13. Будем подвизаться о заповедях, чтобы освободиться от страстей, и о Божественных догматах, чтобы сподобиться ведения.
14. Невозмутимый покой души есть бесстрашие и ведение; не может достигнуть оного работающий сластям.
15. Поработай тело, отняв от него сласти, и избавишь его от тягостного рабства.
16. Будучи создан свободным, и призван к свободе, не допускай себя раболепствовать нечистым страстям.
17. Печалью и сластями, вожделениями и страхованиями демоны привязывают ум к чувственному.
18. Страх Божий удерживает вожделение, и печаль по Боге отгоняет наслаждения.
19. Желание премудрости презирает страх и сладость ведения отгоняет печаль.
20. В Писании заключаются сии четыре: заповеди, догматы, угрозы и обетования.
21. Воздержание и труд останавливают похоть, а безмолвие и любовь к Богу уменьшают ее.
22. Не уязвляй брата загадочными словами; ибо не перенесешь, взаимно подвергаясь подобному.
23. Великодушие и непамятозлобие останавливают раздражительность, а любовь и милосердие уменьшают ее.
24. Кому дано ведение, тому дан умный свет, а кто, получив оный, бесчестит его, тот увидит тьму.
25. Соблюдение заповедей Божиих рождает бесстра-

- стие; бесстрашием же души сохраняется ведение.
26. Возведи чувственное к духовному видению, и возысишь чувство превыше чувственного.
 27. Чувственная жена означает деятельную душу, с которою сочетавшись, ум порождает добродетели.
 28. Исследование слова Божия ведению Бога научает ищущего искренно, благоговейно и усердно.
 29. Что свет для видящих и видимого, то и Бог для мыслящих и мыслимого.
 30. Чувственная твердь означает твердь веры, на которой все Святые сияют как светила.
 31. Иерусалим небесный есть уразумение бестелесного, ибо в сем созерцается видение мира.
 32. Не неради о делании, ибо чрез это уменьшается ведение, и будет голод, и ты пойдешь в Египет.
 33. Духовная свобода есть освобождение от страстей; никто не получает ее без милости Христовой.
 34. Земля обетования есть Царствие Небесное, в которое вводят бесстрашие и ведение.
 35. Египет мысленный есть омрачение страстей; никто не входит в него, если не впал в голод.
 36. Чаше преклоняй ухо твое к словам духовным, и ум твой удалится от нечистых помыслов.
 37. Един Бог благ и премудр по естеству, но и ум может быть таковым по причастию, если потщится.
 38. Обладай чревом, сном, раздражительностью и языком твоим и не преткнешься о камень ногою твоею.
 39. Подвизайся возлюбить равно всякого человека и ты отгонишь совокупно все страсти.
 40. Зрение чувственного обще уму и чувству; собственно же уму принадлежит созерцание мысленного.
 41. Невозможно уму упражняться в духовном, если он не отсечет привязанности к чувствам и к чувственному.
 42. Чувства имеют естественное пристрастие к чувственному и, привлекаясь к чувственному, увлекают с собою и ум.
 43. Повергни чувства в служение уму, и не дай им времени увлекать его.
 44. Когда случится уму заняться чувственными предметами, возлеки напротив чувства, приводя к уму подлежащие предметы.
 45. Признак того, что ум упражняется в духовном, есть презрение ко всему, лстящему чувствам.
 46. Когда ум отверзается к видению духовного, он находит в том сладость, с которой трудно ему расстаться.
 47. Когда ум обогатится ведением Единицы: тогда он имеет и чувство, совершенно ему покоренное.
 48. Запрещай уму твоему ходить около чувственных предметов, чтобы он не собрал с них плодов сластей и печалей.
 49. У коих ум непрестанно занимается Божественным, у тех и страстная часть души делается Божиим оружием.
 50. Невозможно уму усвоить себе ведение, если он прежде свойственными добродетелями не отженет от себя страсти.
 51. Ум тогда устраняется от мирского, когда совершенно отсечет привязанность к чувствам.
 52. Разумной части души свойственно упражняться в познании Бога, а страстной - в любви и воздержании.
 53. Невозможно уму долго заниматься чувственным предметом, как только тогда, когда он совершенно получил к оному страсть.
 54. Совершен тот ум, который усвоил себе ведение: душа же совершенная есть та, которая проникнута добродетелями.
 55. Привязанность ума к чувствам делает его рабом телесных страстей.
 56. Ум колеблется от места ведения, когда страстная часть души выступает из своих добродетелей.
 57. Мы получили власть быть чадами Божиими; но не бываем ими, если не совлечемся страстей.
 58. Никто не думай действительно быть чадом Божиим, если еще не стяжал в себе Божественных начертаний.
 59. Уподобление себя нравом доброму или злomu делает нас или сынами Божиими, или сынами сатаны.
 60. Разумный муж есть тот, кто внимает себе и старается удаляться от всякой скверны.
 61. Ожесточенная душа, будучи биема, не ощущает сего, и не хочет придти в сознание Благодетеля.
 62. Оскверненная одежда изгоняет от Божественного брачного пиршества и делает участником тьмы кромешной.
 63. Боящийся Бога печется о душе своей и удаляется от худого сообщества.
 64. Невозможно получить милость Божию оставившему Бога и раболепствующему сластям.
 65. Иисус говорит (хотя нам и не хочется верить), что никто не может двум господам работать (*Мат. 6, 24*).
 66. Душа, осквернившаяся страстями, делается ожесточенной, и без резаний и прижиганий не станет веровать.
 67. Страшные истязания постигают ожесточенных, ибо они не допускают смягчить себя без великих скорбей.
 68. Разумный муж печется о себе, и добровольными трудами избегает невольных.
 69. Попечение о душе состоит в злострадании (т.е. в терпении добровольных и невольных скорбей) и смирении, через которые Бог прощает все грехи.
 70. Как вожделения и гнев умножают грехи, так воздержание и смирение изглаживают оные.
 71. Печаль по Богу сокрушает сердце, а рождается она от страха муки.

72. Печаль по Богу очищает сердце и удаляет от него скверны сладострастия.
73. Терпение есть трудолюбие души, а где трудолюбие, оттуда изгнано сластолюбие.
74. Всякий грех совершается для наслаждения, и всякое прощение получается через злострадание и печаль.
75. Кто не хочет вести добровольных скорбей покаяния, того промысел Божий подвергает невольным скорбям.
76. Спаситель всего мира есть Христос, и Он даровал покаяние для спасения людей.
77. От покаяния рождается соблюдение заповедей, а соблюдение заповедей производит очищение души.
78. Очищение души есть освобождение от страстей, а освобождение от страстей рождает любовь к Богу.
79. Душа чистая есть любящая Бога, и ум чистый есть соделавшийся чуждым неведения.
80. О заповедях Христовых подвизайся даже до смерти, ибо очистившись ими, ты войдешь в жизнь вечную.
81. Употребляй тело как служителя заповедей, сохраняя его, как только можно, бессласным и безболезненным.
82. Восстание плоти бывает от нерадения о молитве, о воздержании в пище и о добром безмолвии.
88. Доброе безмолвие рождает добрые плоды: воздержание, любовь и чистую молитву.
84. Чтение и молитва очищают ум, а любовь и воздержание – страстную часть души.
85. Сохраняй всегда равное воздержание, чтобы через неравенство не впасть в противное.
86. Узаконивающий себе что-либо, не должен преступать сего, ибо вымышляющий для себя предлоги сам себя обманывает.
87. Страстные души суть мысленные запады, ибо для таких зашло Солнце правды.
88. Сын Божий есть тот, кто уподобился Богу благостью и премудростью, силой и правдой.
89. Худой навик есть болезнь души, а грех, действительно сделанный, есть смерть ее.
90. Совершенное бесстрашие есть духовная нестяжательность: ибо достигнув оно, ум устраняется от всего здешнего.
91. Содержи в согласии добродетели душевные, ибо от сего рождается плод правды.
92. Говорят, что созерцание мысленного есть бестелесно, ибо оно совсем свободно от вещества, и вида.
93. Как четыре стихии состоят из вещества и вида, так и тела, из них образовавшиеся, имеют тот же состав.
94. Слово, по человеколюбию соделавшись плотью, не изменило ни того, что было, ни того, чем сделалось.
95. Как из Божества и человечества и в Божестве и человечестве, так и из двух естеств и в двух естествах признаем единого Христа.
96. Исповедуем единую ипостась Христа в двух естествах, соединенных нераздельно.
97. Единую, нераздельную ипостась Христа славим и неслиянное естеств соединение исповедуем.
98. Триипостасной единой сущности Божества поклоняемся и Единосущную Святую Троицу исповедуем.
99. Трем ипостасям собственны: Отчество, Сыновство и Исхождение; а всем им общи: существо, естество, Божество и благодать.

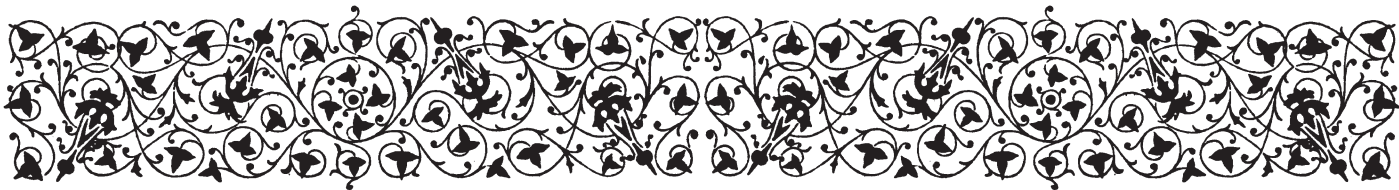

Дмитрий Шишкин

*Пусть будет все как есть –
За все Тебе хвала!
За горестную весть
И хату, что мала.
За то, что в час ночной
Вдруг выпал белый снег,
За то – что Ты со мной
В сей сумасшедший век.
И что мне суждено
Без ропота пройду,
Да, Господи, давно
Я побывал в аду
Безверия и лжи,
Где бал творило зло,
Но вот, Ты положил
Мне руку на чело.
И Ты со мной везде,
Источник бытия,*

*И в утренней звезде,
И в трели соловья,
И на моем пути,
Где бед не счесть числа...
О, Господи, прости!
За все Тебе хвала!*

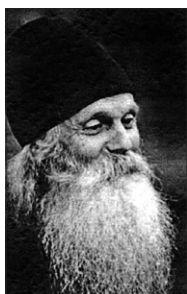
*Если я еще жив – то лишь Господа ради.
Если я еще жив – то лишь ради Христа,
Обо мне кто-то плачет, к церковной ограде,
Как к иконе в молитве прижавши уста.
Если я еще жив, и рождается слово,
И рифмуются строки, словно метры в такси,
То лишь ради того, чтобы снова и снова
На весь мир прокричать «Боже правый, спаси!»
От бездушья и лжи, от безверья и злата,
От расплаты за то, чем грешил я в пути...
Только что я кричу? Жизнь и есть моя плата,
Я взвалил этот крест, и мне надо идти.*

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

ПУСТЫННЫЙ ЖИТЕЛЬ Схиархимандрит Косма (Смирнов)

Архимандрит Виктор (Мамонтов) – настоятель Свято-Евфросиниевского храма в г. Карсава (Латвия). Родился в 1938 г. на Дальнем Востоке. По светскому образованию – литературовед, закончил Южно-Сахалинский педагогический институт. Иноческий путь начал в Свято-Успенской Почаевской лавре по благословию своего духовного отца архим. Серафима (Тяпочкина). В 1980-е годы при митрополите Леониде (Полякове) был духовником Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря. Автор статей и воспоминаний по истории Русской Церкви, в которых особое внимание уделено опыту новомучеников и исповедников Российских XX в.

*«Душа благословенна всякая простая»
(Притч. 11; 25)*

Три паломницы шли в Рижскую пустыньку. Одна из них уже была в ней и полюбила ее и ее духовника отца Кирилла. Спутницы вдруг возроптали на нее: «Куда ты нас привезла? Какой тут монастырь? Один лес. Никаких святынь нет: ни мощей, ни чудотворных икон. Благодати тут нет».

Подошли к святым вратам, вошли. Навстречу им в белом холщовом подряснике спешит сияющий отец Кирилл и говорит: «Куда же вы, миленькие мои, приехали? Здесь у нас нет никаких святынь: ни мощей, ни чудотворных икон».

Женщины упали в ноги старцу и просили прощения.

Перед ними стоял человек, живущий глубокой духовной созерцательной жизнью. Внутреннее делание невольно отобразилось на его внешнем облике. Старец излучал внутренний свет, не как какое-то озарение, а свет незримой, чистой, тихой Христовой любви.

Схиархимандрит Косма (Кузьма Иванович Смирнов, 1885–1968) – истинный подвижник веры нашего века – был первым старцем Спасо-Преображенской пустыньки в Латвии. Его имя должно быть вписано в историю нашей Церкви как пример высокого исповедничества и праведности в длительную эпоху гонения на христиан. Своим ревностным служением Церкви, своей святой жизнью, он укреплял дух веры в народе, оберегал его от духовного разрушения, призывал к святости. Люди почитали отца Косму за его любовь ко всем и служение всем, потому он и стал старцем не только маленькой обители в Латвии, но и всей страны. Через него Господь нес Свои мир и любовь всем, кто нуждался в них. «Любви и скорби брат» – так гласит о нем надгробная надпись в пустыньке.

Он был воспитанником Валаамского монастыря, куда поступил двадцати пяти лет с надеждой, что это святое место будет последним его земным пристанищем, где он, ведя аскетическую жизнь, служа Богу и братии, обретет желанный душевный мир.

Но Господь вывел его из монастырской ограды в мир, который превратился в духовную пустыню и который нужно было одухотворять.

О.Косма, как и многие монашествующие братья и сестры, находящиеся в рассеянии по всей стране, осуществляя свое служение в миру, открывали людям таинство присутствия в них живого Бога.

Господь желал научить Своего избранника, как апостола Петра, ходить по воде, то есть всегда верить Ему и надеяться только на Него.

Господь хотел, чтобы он всегда был с народом, вошел в его горе, чтобы он, подобно воссоздателю старчества прп. Паисию Величковскому, подобно прп. Серафиму Саровскому и оптинским старцам, широко открыл двери своей келии миру. В годы стремительного расцерковления народа была крайняя необходимость в служении любви.

Призвание к святости о. Косма почувствовал еще в детстве. С годами он укрепился в мысли, что его путь в Церковь лежит через монашество. «У меня не было никакого чувства привязанности к миру, – писал он, – не было плотских чувств, были видения, что стану иноком». Монашеское облачение очень нравилось ему, и он просил себе у Господа балахончик. Кто-то из домашних говорил ему: «Ты такой некрасивый, поэтому в монастырь хочешь». Он же

Игумен Кирилл на уборке снега в Спасо-Преображенской пустыни

отвечал: «В этой жизни я некрасивый, а в той – красивый». Отроку Косме было видение, что он очень красивый, он удивился и спросил: «Неужели это я?».

Детство и юность

Старец Косма родился 22 октября 1885 года в деревне Дуплино Мышкинского уезда Ярославской губернии. По своему воспитанию он был человек «некнижный и простой».

С малых лет он вместе с родителями, Иоанном и Синклитикией, братьями и сестрами, крестьянствовал. Умел делать все: и грабли мастерить, и лапти плести. Когда умирали в их семье младенцы, Косма делал им гро-

бики и крестики. Он не любил, чтобы ему прислуживали, но всегда сам хотел помогать всем. «Я услужу, – говорил он, – спрячусь и радуюсь, и молюсь». На нем исполнились слова Господа: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф. 20; 28).

Четыре зимы ходил Косма в церковно-приходскую школу в селе Шипилове, находившуюся рядом с очень красивым пятипрестольным храмом Иоанна Предтечи, в котором пели и читали на службах школьные учителя и дети священников. В храме имелся престол святых Космы и Дамиана. В зимнее время, в метель, церковный сторож звонил в колокола каждый час, подавая знак заблудившимся путникам.

Место б. деревни Дуплино Мышкинского уезда Ярославской губ., где родился о. Косма. Фото 1989 г.

Церковно-приходская школа в с. Шипилово, где учился о. Косма. Фото 1989 г.

Старица Ксения (Красавина Ксения Степановна), 1842-1940. Дер. Архангельское Мышкинского уезда Ярославской губ.

Храм св. Иоанна Предтечи в с. Шипилово (ныне не существует)

В Шипилово на Преображение Господне приезжали монахи из Югского Богородицкого монастыря, что в Рыбинском уезде, с чудотворной иконой Югской Богоматери. Икону встречали потом во многих деревнях уезда. Из Углича в июле месяце ходили с иконой Покрова и преподобного Паисия.

Было принято в этих краях, когда люди управятся с яровой, идти куда-нибудь на богомолье: в Рыбинский Софийский монастырь, в Югский и в другие святые места, которых на Ярославщине, как и повсюду в России, было много. Мать Синклитикия тоже ездила с Космой в монастыри, и однажды старец одной обители пророчествовал о ее сыне: «Какая ты счастливая. Сын твой родился не только для вашего спасения, но для спасения очень многих людей».

В одном из видений в детстве о. Косма услышал голос: «Родился не от рода сего». «А я думаю, — вспоминал о. Косма, — как же так — «не от рода сего»? Значит, я плохой?» Слышу голос: «Нет, ты — Божий».

Пророчествовала о будущем служении о. Космы блаженная старица Ксения (Ксения Степановна Красавина), жившая неподалеку от деревни Дуплино. Ее открытые

голубые глаза ничего не видели, но сердце было зрячим. Поэтому возле ее дома в селе Ларионовка всегда толпилось много людей, желавших получить ее духовный совет. Родилась она в Мышкинском уезде, ее все знали и любили за доброту и мудрость. Около тридцати лет она прожила в землянке как затворница, питаясь сухарями, а когда их не было, теребила мох и ела его.

Жаждавшие ее помощи приезжали из разных мест и увозили к себе пожить, чтобы многие люди имели возможность получить духовную поддержку блаженной старицы. За это гонители веры ненавидели ее, преследовали, сажали в застенки, где она претерпела издевательства и поношения. Однажды тюремные начальники, глумясь над ее святостью, подали ей жареную ворону: «Вот мы курочку тебе приготовили». Старица ответила им: «Ворона летала, летала и Ксении на тарелочку попала. Кушайте сами».

Умерла блаженная старица Ксения 14 августа 1940 года, не дожив два года до ста лет.

Веря в молитву праведницы, многие люди приходили во время войны и приходят по сей день на ее могилку получить помощь свыше.

Валаам

«После смерти родителей по наклонности к духовной жизни я поступил в 1910 году на служение Богу в Валаамскую обитель,» – писал о себе старец.

Вместе с братом Николаем он уехал в Петербург, где устроился в булочную на Апраксином дворе. Торговля была без выходных дней, поэтому удавалось прибегать только на вечернюю службу в Казанский собор. Однажды в булочную пришел странник и попросил у Космы хлеба. Получив его, он сказал юноше: «Когда приедешь на Валаам, я тебя чайком угощу». Таинственный странник исчез, дав Косме знак Божественного призыва к иной жизни.

Вскоре Косма был уже в знаменитой древней северной обители, разместившейся на сорока двух островах, где, несмотря на сильное обмирщение монашеской жизни, многие ее насельники сохраняли древний дух иночества.

Как только он вступил на валаамскую землю, к нему подбежал знакомый странник, очень худой, босой и радостно воскликнул: «А, Кузьма приехал. Я давно тебя ждал. Ты будешь помощником архиерея, будешь носить митру». И скрылся.

С большим смирением совершал Косма свой подвижнический, послушнический путь: он учился токарному делу по дереву и металлу, трудился в позолотной мастерской, в гостинице, потом стал келейником игумена монастыря старца Маврикия (Баранова, 1839–1918).

Он был послан в самое суетное место монастыря – гостиницу. На праздники в обитель приезжало много народа – «что каша крутая» – около четырех тысяч. Гостиницы-монахи, принимающие паломников, несравненные терпеливцы, выслушивали тысячи разнообразных просьб, жалоб, расспросов и всем служили с любовью. Они были здесь пастырями всего этого алчущего и жаждущего стада.

Служение паломникам было особенно по душе Косме, ибо соответствовало его натуре. Любовь к этому служению он пронес через всю свою жизнь, оно было прообразом его выхода в мир и его старческого подвига в нем.

На Валааме закладывалась основа духовной жизни

о.Космы, здесь он, порученный старцу, самому игумену монастыря Маврикию, приобщился к живому опыту валаамских подвижников.

Из монастыря в мир

Господь вывел Косму из монастыря в мир, в пекло начавшейся Первой Мировой войны. Он был мобилизован 2 апреля 1915 года. В списке лиц, выбывших из монастыря при мобилизации 1914-1915 годов, хранящемся в Петро-заводском архиве в фонде Валаамского монастыря, под номером тридцать восьмым записан послушник-богомлец Кузьма Смирнов.

Послушник Косма, как и большинство призванных из монастыря, покинул любимый Валаам навсегда. Возвратившись из армии в 1918 году и приехав в Петроград, он не мог вернуться на Валаам из-за полного разобщения обители с Россией.

Косма поступил на Валаамское подворье, что на Калашниковской пристани у храма Бориса и Глеба, где проживал до призвания его на келейное послушание к епископу Илариону (Бельскому).

15 марта 1924 года епископ Каргопольский Иларион лично постриг Косму в монашеский чин в подворьевской часовне с наречением имени Кирилл в честь преподобного Кирилла Челмогорского (память его 8/21 декабря) и взял его с собой в Олонецкую епархию.

Вскоре, 10 ноября 1924 года, монах Кирилл был удостоен принять сан иеродиакона от епископа Илариона в Никольском храме г.Каргополя.

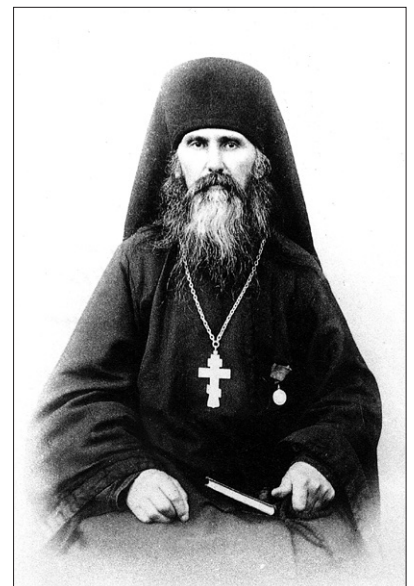
Гонимого Владыку Илариона переместили в Смоленск, где 9 мая 1925 года он посвятил иеродиакона Кирилла в сан иеромонаха с исполнением обязанностей келейника и эконома.

Иеромонах Кирилл проживает с епископом до ареста Владыки и ссылки его в 1926 году.

О.Кирилл со скорбью разлучился с любимым Владыкой; он не мог разделить с ним тяготы ссылки, хотя очень желал этого. На Соловках «маленький Иларион» (так там

С.-Петербург. Часовня Валаамского монастыря на Калашниковской набережной

Игумен Маврикий (Баранов, 1839-1918), настоятель Валаамского монастыря

*Иеромонах Кирилл
(Смирнов). Фото 1928 г.*

прозвали епископа Илариона в отличие от бывшего также на Соловках архиепископа Илариона (Троицкого), был «запретником», т.е. приговоренным на весь срок на тяжелые физические работы. В сентябре 1931 года его перевели на Беломорстрой, по окончании срока с 1935 года он жил в Чебоксарах, где в конце 1937 года был вновь арестован и расстрелян.

По разлучении с Владыкой о.Кирилл в условиях жестокого гонения на Церковь и массового вероотступничества продолжает свое служение как пастырь.

Не имея постоянного места служения, он жил как странствующий благовестник, гонимый с одного места на другое. Он служит в разных местах Смоленской и Тверской епархий – то в монастырях, то на приходах: в женском монастыре с.Комары, в Ордынском Богородском монастыре, в г.Велиже, в с.Высочерт.

В эти годы меньшинство хранило мученическую верность канонической Церкви, не соблазняясь, подобно «живоцерковникам», чечевичной похлебкой лживых благ. Церковный народ не принял «живоцерковников».

За непризнание обновленческой деятельности епископа Александра Великолуцкого о. Кирилл был арестован и гоним по тюрьмам Велижа и Смоленска. Он твердо стоял в Истине, не поступаясь самым драгоценным, что дал Господь всем нам – внутренней свободой.

После освобождения о.Кирилл был переведен в село Высочерт Тверской епархии, где служил до дня своего ареста 2 февраля 1931 года.

Он был выслан ОГПУ без суда по 58-й статье УК на десять лет в лагеря Беломорканала. С великодушием Иова он принял все утраты и не возроптал на Бога, был спокоен, всецело предав себя Его благой воле. Совершенно неизвестны подробности его пребывания в тюрьмах и лагерях, ибо он в годы гонения на Церковь не имел возможности говорить об этом открыто, а те, кто испили с ним чашу страданий, почти все уже умерли.

Вскоре после освобождения начались новые испытания не только для о.Кирилла, но и для всего народа – война с фашистами. По приглашению верующих станции Саблино о.Кирилл служил в кладбищенском Никольском храме, но всего только восемь месяцев, ибо был отстранен от служения «благодичным» о. Иоанном Амозовым, самосвятом, начавшим травлю батюшки. Бывший милиционер, агент органов безопасности, он объявил себя священником, носил рюкзак, сшитый из старинных парчовых риз, постоянно писал в Управление миссии во Пскове и немецким властям, еще в другие учреждения клеветнические письма на о. Кирилла, называя его самозванцем, лжепастырем, продавшимся большевикам. Эти письма сохранились в личном деле о. Кирилла и стали венцом блаженства на его главу исповедника и бескровного мученика.

В Православной Миссии, созданной во время войны во Пскове для управления церковной жизнью, по благо-

словению митрополита Сергия (Воскресенского), дело о. Кирилла было рассмотрено положительно, и его назначили в 1943 году обслуживать приходы – Любанский, Пельгоровский, Ильинский, Хоченский, Сустие-Поляны.

В Латвии

В этом же году вследствие эвакуации всего населения немецкими властями о.Кирилл вместе со своей общиной, с церковной утварью был увезен в Латвию, в г. Бауск.

Здесь, в Латвии, до конца своей жизни о.Кирилл служит в церкви.

20 сентября 1943 года Рижским епископом Иоанном (Гарклавсом) он был назначен в Спасо-Преображенскую пустынь Валгундской волости Митавского уезда.

Но постоянного служения о.Кирилла в пустыньке пока не получилось: из-за нехватки священников его часто отзывали служить в разные места Латвии. Он временно, до приезда о.Сергия (Виноградова), служит в женском монастыре г.Илуксте Двинского уезда, а осенью 1949 года помогает ослепшему настоятелю Троицкого храма в с. Гольшево в Латгалии, затем совмещает служение в Дубултском Свято-Владимирском и в Кемерском Петро-Павловском храмах.

На Пасху, 30 марта 1953 года, по благословению архиепископа Филарета, о.Кирилл был возведен в сан игумена и осенью этого же года – 23 октября – его назначили на постоянное служение в Спасо-Преображенскую пустынь.

С этого времени началось ее возрождение, духовное и материальное, превращение ее в духовный центр не только для жителей Латвии, но и всей страны. Все это совершилось благодаря духоносному служению в ней старца Кирилла, великого молитвенника и доброго пастыря.

Рижская пустынька

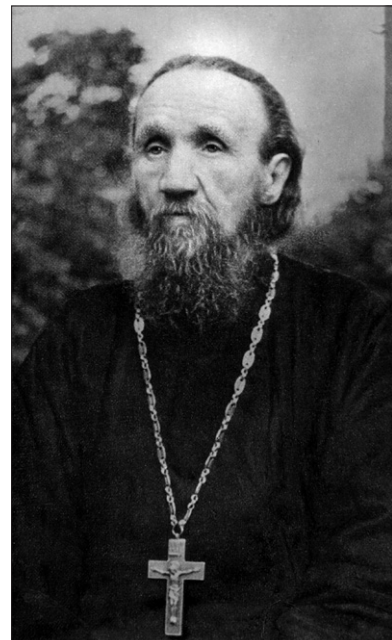
Пустынька была мало кому известна за пределами Латвии. В нее, бедную, разоренную войной, приезжали редкие паломники, в основном, из Латвии. Но прошло немного времени, и народ потянулся в нее со всех пределов страны – от Владивостока до Санкт-Петербурга.

Существует предание, что на месте пустыньки жил когда-то старик-лесник, латыш. Ему было трижды видение православного креста. «Что-то здесь должно быть, – говорил он своим собратьям. – Наверное, русская церковь».

Сестры Мансуровы, Екатерина Борисовна (1861-1926) и Наталия Борисовна (1868-1935), подвижницы, исполненные миссионерского духа, основали в Риге в 1892 году женскую общину, переименованную в 1902 году в Свято-Троицкий женский монастырь – оплот Православия в Прибалтийской окраине. Они попросили землю для нужд монастыря, и в июле 1894 года монастырь получил Высочайший дар от Государя: 173 десятины земли с лесными угодьями недалеко от Митавы, близ реки Аа (Лиелупе). В августе 1894 года сестры Мансуровы приехали из Риги осмотреть участок и выбрать место для храма и для воскобелильни. В дневнике 20 августа они сделали запись: «Выбрали место селения Славы Божией и прикрепили к дереву образок явления Божией Матери преподобному Сергию». Так появилось место молитвенного уединения для сестер Рижской обители, напоминавшее своею тишиною и соснами знаменитую Саровскую пустынь. Первые пустынножительницы появились летом 1895 года. Они построили в лесу маленькую келию, водрузив на месте

Святые врата пустыни

Игумен Кирилл. 1953 г.

Спасо-Преображенская пустынь

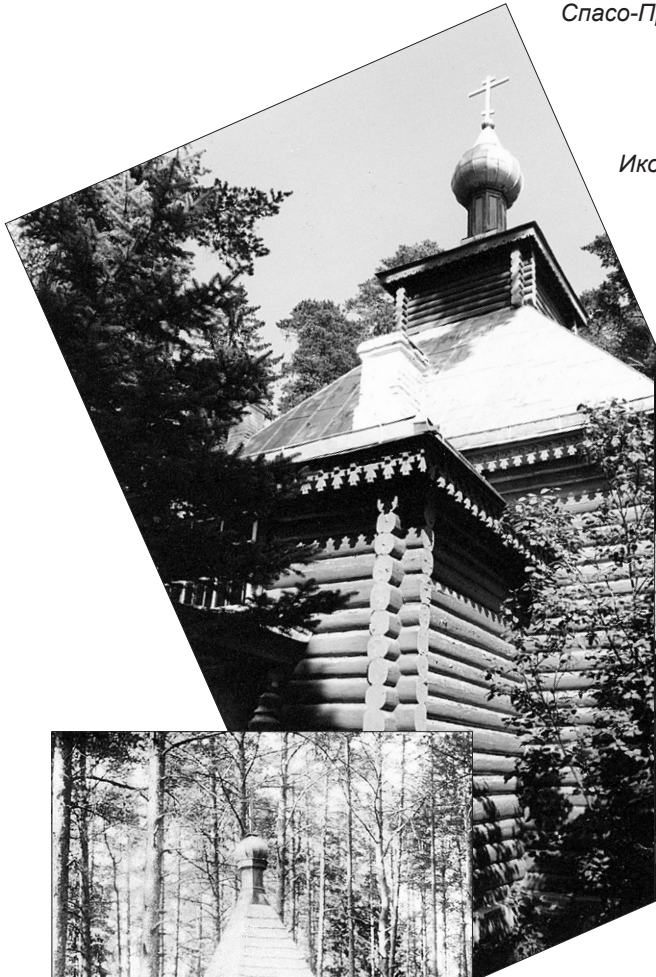
Храм Преображения Господня (1897-1899).

Иконостас храма Преображения Господня

Кладбище монашеское и воинов, погибших в Первую Мировую войну

Иконостас храма прп. Иоанна Лествичника

Часовня у храма прп. Иоанна Лествичника в пустыни

нынешней часовни деревянный крест у дерева с образом (крест сохранился и находится в часовне у храма прп. Иоанна Лествичника) и стали собираться сюда на молитву.

Слух о бесстрашных подвижниках, живущих в лесу, быстро пронесся среди местных жителей-хуторян, и они стали приходить молиться вместе с инокинями.

Беление воска продолжалось с мая по сентябрь, а осенью сестры возвращались в Рижскую обитель.

Для непрерывного пустынножительства нужен был храм, в нем нуждались и православные рабочие, приезжавшие из России трудиться на кирпичных заводах, расположенных на большом протяжении по реке Аа (Лилупе) вблизи Митавы. Летом их количество достигало шести тысяч, а зимой рабочих оставалось от шестисот до восьмисот. И вот эти бедняки посоветовали сестрам обратиться к хозяевам заводов с просьбой пожертвовать кирпичи для постройки храма.

6 августа 1897 года состоялась закладка первого храма

в пустыньке во имя Преображения Господня, а 20 июня 1899 года он был уже освящен. День освящения Преображенского храма является датой основания пустыньки.

С этого времени и начала созидаться в лесной тиши монашеская жизнь пустыни. Постепенно число сестер увеличивалось: в 1911 году их было более тридцати, к 1915 году – сорок четыре.

Слишком большой разницы в духе и строе жизни в пустыньке и в Рижском монастыре не было, но все же пустынный устав был строже, а молитвенное уединение, близость к природе накладывали на пустынных сестер отпечаток необыкновенной простоты, духовного умиротворения и радушия ко всем.

Постепенно пустынька благоустраивалась. В 1908 году был освящен второй храм в честь преподобных Иоанна Лествичника и Сергия Радонежского, рубленный из соснового дерева, без всякой облицовки снаружи и внутри, в котором все было просто: деревянные церковные сосуды, холщевые ризы, деревянные подсвечники.

По соседству с храмом приютилась небольшая деревянная часовенка в честь прп. Иоанна Лествичника, построенная в 1899 году на месте того дерева, на котором был водружен крест с иконой первыми пустынножительницами, начинавшими здесь свое святое дело.

Постепенно в пустыньке были построены домики для сестер, странноприимный дом, устроена церковно-приходская школа, разбит небольшой плодовый сад с пчельником.

Дивная в своей духовной простоте и величии Спасо-Преображенская пустынь стала помощницей Рижской обители в ее духовно-просветительном служении в иноверном крае, соединяя в одну духовную семью рассеянных чад Православной Церкви, помогая иноверцам познать Право-

славие. Такое значение пустыньки проявилось постепенно.

Основательницы монастыря игуменья Сергия (в миру Екатерина) и монахиня Иоанна (в миру Наталия) были наставницами, старицами для сестер, беседовали с ними, исповедовали их, были доступны сестрам в любое время. Духовно опекали сестер старцы из разных обителей, но своего, постоянно живущего в обители старца, еще не было. Наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Павел (Глебов, † 1904), настоятель Псково-Печерского монастыря архимандрит Мефодий († 1906) постоянно поддерживали духовную связь с пустынными сестрами. Инокнии считали архимандрита Мефодия духовником своей обители. Один раз в год он приезжал на длительное время в пустыньку; сестры-основательницы ездили к нему, окормлялись духовно через переписку. В письмах к сестрам он называл себя духовником обители. Сестры-основательницы отмечают в дневнике, что у обители появился духовный отец, многоопытный старец.

После смерти о. Мефодия личным духовным руководителем основательниц монастыря и пустыньки стал схииеромонах Алексей, старец Зосимовой пустыни при Троице-Сергиевой лавре. Он был одним из духовников Марфо-Мариинской обители.

В декабре 1909 года игуменья Сергия и мон. Иоанна ездили в Зосимову пустынь для получения благословения на передачу старчества другим монахиням, ибо сами они из-за физической перегрузки не могли окормлять сестер. Старец Алексей благословил, и вскоре к нему приехали выбранные сестры-старицы для благословения и назидания.

Постриги в обители совершали либо владыки, либо архимандрит Иннокентий и архимандрит Вячеслав из Рижского Алексеевского мужского монастыря.

В пустыньке и в Рижском монастыре был штатный священник при храме.

В Первую Мировую войну жизнь пустыньки замерла, сестры эвакуировались в Ригу, а затем – в Россию, в Новгородскую губернию, взяв с собою ценные сосуды и иконы, а престолы храмов при пении «Святой Боже» сожгли, пепел захоронили у Преображенского храма. Основательницы монастыря не возвратились в Латвию. В 1985 году прах мон. Сергии, принявшей схиму и скончавшейся в г. Пушкино под Москвой, перенесли по благословению митрополита Леонида в пустыньку.

Примерно с 1922 года жизнь в пустыньке стала постепенно возобновляться. Возвращаются из России сестры во главе с игуменией Евгенией (Постовской), которая была до эвакуации игуменией Илукстского монастыря. До 1947 года она управляет Рижским монастырем и пустынькой.

При сменившей ее в 1948 году игуменье Тавифе (Дмитрук) в пустыньке уже проживало более тридцати сестер, в основном, это были старенькие монахини из закрытых монастырей новгородских, московских, Санкт-Петербургских и других. Тогда всех монашествующих, находящихся в рассеянии, подбирали, чтобы они могли окончить свою жизнь в обители. Всех, кто попросился, кого была возможность принять, приютили.

Духовничество отца Кирилла

Начав свое служение духовника в пустыньке, о. Кирилл возрождает прежний ее дух, дух простоты и бедности, уединения и созерцания, который был присущ валаамским скитам, но в меньшей мере самому Валаамскому монастырю,

где уже в пору пребывания в нем послушника Космы было много пышности и слишком много всяких удобств, которые вызывали справедливые сетования у некоторых монахов.

Формально задачей о. Кирилла как духовника было отправление монастырских служб, исповедь сестер и их духовное окормление. Но на самом деле новые условия существования Церкви требовали от него самых неопределенных форм служения миру.

В эти годы наиболее полно проявилось призвание о. Кирилла как старца. На него была возложена большая ответственность – помогать всякому человеку, жаждущему личного духовного возрождения, стать личностью пред живым и личным Богом. Святые врата пустыньки и сердце старца Кирилла были открыты всем, кто искал путь к Богу. Старец в Церкви есть лицо особенное. Сам Бог избирает и призывает на служение старца, Он же Сам ниспосылает ему дары Святого Духа. Народ Духом Святым узнает, открывает этого Божиего избранника и, когда откроет его, радуется, потому что через него в мир приходит Божественная Любовь, как жизнь, к которой можно реально приобрести хотя бы на время, которую можно созерцать как духовную красоту. Та малая человеческая любовь, которой живет мир, требует восполнения Божественной Любовью. Старец живет Ею, Она в его сердце, открытом каждому человеку. Он с большим дерзновением свидетельствует миру об этой Любви, свидетельствует своей жизнью. Любовь не любит слов, не учит, не морализирует, предпочитает свидетельство. Поэтому многие старцы были свидетелями, но не учителями. Ради народа дается Господом харизма старчества. Самым главным в своем служении старца о. Кирилл считал борьбу за человека, за то, чтобы каждый человек стал богоподобной личностью. Личный Бог должен встретиться с лицом, а не с личиной. Его келия в пустыньке стали местом, где люди освобождались от рабства греху. В страну несвободы они возвращались свободными, окрыленными, преображенными. Он хотел, чтобы все приходящие к нему люди общались с Богом лично, не отдавая этот драгоценный дар – возможность личного общения, кому-то другому. Он стремился привести человека к Богу, чтобы Бог стал ему настолько близким, что он мог бы сказать Ему, как псалмопевец Давид: «Боже! Ты Бог мой» (Пс. 62, 2). Когда старец встречал попытки нарушить это святое правило жизни – личного общения человека с Богом и с ближними, с самим собой, он вразумлял человека. Он пресекал магическое отношение к себе, к таинствам, которые он совершал, порою делал это с доброй шуткой... Однажды крестьяне пригласили его отслужить молебен в поле, а потом хотели покатасть по ржи, чтобы она была высокой. Батюшка мудро уклонился: «Я маленький, у вас хлеб будет низкий. Вы ко мне лучше в пустыньку покатайтесь, и ваша рожь будет хорошая».

Он хотел, чтобы человек не надеялся всегда только на чужую молитву, не оставался на всю жизнь духовным младенцем, не умеющим общаться с Богом, но сам обрел живое общение с Ним. Он сам не требовал от человека, приходящего к нему, чрезмерных подвигов, а желал присутствия в нем благого произволения, доверия Богу.

Сам он всегда надеялся только на Бога и всегда хотел слышать только Его, никогда не препятствовал действию Духа Святого в себе, в ближнем, в событиях жизни. Он покорялся Ему полностью: «Душе Святой, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй».

Он не надеялся на свой опыт, хотя опыт у него был

Архимандрит Кирилл, игуменья Магдалина (Крысько) (в светлом плаще) с сестрами Виленского монастыря: ныне игуменией Горненского монастыря Георгией (сидит первая слева), игуменией Пюхтицкого монастыря Варварой (стоит первая слева)

Архимандрит Кирилл с паломниками пустыни

богатый, на начитанность (она у него была скромная, батюшка был не книжный человек), а на Того, Кто всегда дает истинный совет, истинное вразумление.

Когда спрашивали у валаамских старцев совета, то не тотчас же получали ответ. Старец долго молчал, потом скромно отвечал: «Остановимся на таком решении» и тут же прибавлял: «Приемлемо или неприемлемо такое решение?» Человек чувствовал, что ему предлагается не арифметическая формула, безразличная к лицам, не совет от себя, а нечто другое, касающееся глубин сердца и совести.

«Подавая совет, – писал свт.Василий Великий, – не произноси решительного приговора, потому что не знаешь тайн Божиих».

Поэтому совет, полученный от Бога через батюшку, очень ценили, помнили всю жизнь. Он не был прописной истиной на все случаи жизни. Не видя того, кто перед ним стоит, порой рассерженный поведением своего чада, священник дает эпитимию: «Сто поклонов!». А перед ним находится разбитый болезнью пожилой человек, который разогнуться не может, и он, естественно, не понимает этого совета, не принимает его, ибо это не совет любви, а палка для битья. Самое главное для о.Кирилла было пробудить совесть человека, оживить сердце. Одна из его духовных дочерей вспоминает: «Он брал мои руки и говорил: «Евдокия, руки мой!». А я думаю: «Я их всегда мою». А это значило, что они у меня «длинные» были. Я работала в общепите поваром и брала чужое. Все брали и брали, а я что – хуже! Одна банку повидла украдет, другая – колбасу. И не думали, что воруют. Когда поняла это, поняла, что руки мои водой не отмоешь – нужно покаяние»,

Красота образа Божия совсем не утрачивается человеком, но может быть повреждена. Видя это повреждение в тех, кто приходил к нему, старец с глубоким сочувствием и состраданием старался помочь восстановить красоту разрушенного образа.

Если в миру воспитатели и родители говорили своим

подопечным: «Я сделаю из тебя человека», то старец видел свою задачу в том, чтобы помочь человеку вырасти в меру его личного призвания. Он руководил духовными чадами без указов, без поучительства, без командования. Ломать человека, делать его подобным себе – духовное преступление, попрание духовной свободы, дарованной каждому человеку.

Старец приводил человека не к себе, а к Богу, не «делал» его, а возвращал, нежно и чутко, оберегая его душу от всяких соблазнов и внимательно следя за тем, как действует Дух Святой в человеке.

Пустынька и мир

Будучи монахом очень строгой жизни, молитвенником и постником, живя в тишине пустыни, о.Кирилл не был пустынножителем-анахоретом, который покинул мир, чтобы вести тихую, спокойную, созерцательную жизнь, спасая свою душу. У него не было желания скрыться в Боге и никому не показываться, потому что он был призван служить миру. Пустынька и батюшка были тесно связаны с миром, потому что мир, пораженный безверием, превратившийся в духовную пустыню, нуждался в их служении. Мир не только обступил пустыньку, но и проник в нее в образе беженцев войны, которых приютили сестры, в образе паломников, которые жаждали научиться жить с Богом.

Пустынницы по просьбе властей ездили работать в колхоз, поднимали его. «У нас некому работать, – говорили приглашавшие, – молодежь учится, на поле одна-две старухи ковыряются».

Сестры трудились в колхозе с восьми часов утра до пяти часов вечера. О.Кирилл со старшей сестрой мон. Евгенией провожал их, благословляя отъезжавшую машину, и встречал их.

Работа монахинь всем нравилась. «Когда вы начинаете первые сажать в парниках, – говорил председатель колхоза, – у нас все хорошо растет и чисто. Когда мы начинаем сажать первыми, у нас бывает много травы и

всего нехорошего».

Он очень любил и уважал сестер, всегда звал их потрудиться.

Колхозники заботились о монахинях: привозили на работу и увозили домой, приносили на поле еду, давали свою молотилку, чтобы обмолотить монастырское зерно, вспахивали монастырские поля, делали для монастыря все, что монахиням было не под силу. Сложилась удивительная взаимопомощь и общение. Колхозники стали приходить на монастырские службы. «Жили как одна семья, – вспоминают сестры, – мирно жили. Они нам помогали, а мы – им. Никаких упреков не было, что я колхозник, а ты монах».

Работа для сестер в колхозе была не благотворительной службой, а служением любви, потому она принесла плод открытости и взаимной любви.

Когда власти хотели закрыть пустыньку, колхозники встали на защиту монастыря: «Монахини хорошо нам помогают. Не трогайте их». Гонители отступили.

Ради служения ближним, созидания Церкви, о. Кирилл нередко покидал свою маленькую пустыньку и бесстрашно удалялся в огромную пустыню жизни, где его ждали с жадной духовного общения в городах и селах, тайных монастырях и скитах монахи, находящиеся в рассеянии, гонимые христианами. В обстановке преследования за веру он миссионерствовал тайно, прикровенно: для бдительных властей это были поездки по сборам на бедную пустыньку, разоренную войной.

О. Кирилл никому ничего не навязывал, люди сами просили его прийти к ним, приехать, и он с радостью отправлялся в ближние и дальние путешествия, а если сам не мог добраться до очень отдаленных мест, то посылал туда своих помощников. Так, некий юноша, Александр из Ташкента, был отправлен им с пакетом в Усть-Кут к трем старцам, жившим в доме с зеленой крышей... Эти старцы повезли его в какой-то тайный монастырь на севере.

Самым главным в этих поездках была христианизация людей, их воцерковление. О. Кирилл миссионерствовал в разной среде: беседовал с отдельными людьми в семьях, которые очень хорошо знал в Елгаве, в Риге, в Белополье, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Пензе, в общинах. В период гонений существовало немало христианских общин, не имеющих ни пастыря, ни храма. Одних несвобода сломала, другие жили не как запуганные христиане-одиночки, а духовной семьей, постоянно собираясь по домам на богослужения мирянским чином. Такая община была в Тверской области, в селе Жарки, в которую входило человек тридцать. Много раз община обращалась к местным властям с просьбой зарегистрировать ее и дать ей пастыря, но безрезультатно. Жарковцы, имея жажду евхаристического общения и духовного руководства, начиная с 1958 года приезжали за помощью в Ригу к старцу-священнику Иоанну Журавскому (1867-1964), но когда тот физически ослаб и не мог служить и принимать людей, передал своих чад о. Кириллу, будучи одного духа с ним. «Вас надо дальше вести, – сказал он им, – а меня скоро не будет». Жарковцы стали ездить в пустыньку, иногда всей общиной или поодиночке, начали помогать ей: посылали муку, воск – «Боженькин хлеб», как называл его о. Кирилл.

Эта община испытанных христиан жива, имеет построенный своими руками храм и пастыря.

Благодаря такому служению старца, приходы на месте оживали, увеличивались, в них появлялась закваска общинной жизни. Налаживалась духовная связь с пустынь-

кой, с ее старцем. Ее поддерживали письма, которые батюшка писал всем, кто был близок ему сердцем. Многие из общавшихся со старцем стали познавать Церковь и церковность.

Тех, кто боялся крестить детей в храме, старец жалел. У него был помощник, который разузнавал о таких. О. Кирилл говорил ему: «Скажите им, что есть батюшка, который сам придет, окрестит без денег». И ездил после вечерней службы по домам, тщательно скрывая это от матушек. Однажды летом, возвращаясь после крестин, о. Кирилл почувствовал себя так плохо, что не мог выйти из машины; послушнику Ивану Андреевичу пришлось его незаметно лесом пронести на руках в келию.

Люди просили батюшку освящать дома, квартиры. Приглашали и партийные, которые потом привязывались к нему и тайно приходили в пустыньку на исповедь или побеседовать. В одной семье начали все болеть, призвали батюшку, его молитвы помогли.

Проповедь жизнью

В общении с верующими или неверующими, сомневающимися в вере людьми, о. Кирилл никогда не давил, не принуждал, но движим был только любовью, что в миссионерстве является самым главным. Общение его с людьми было в свободе, в Духе, очень живым.

Он никого не тянул ко Христу, но только свидетельствовал о Нем своей жизнью. О. Кирилл не был искусен в проповедях, редко произносил их: сиянию благодати в нем не нужны были слова. «Он очень многое умел объяснить человеку без слов, – пишет о. Георгий Блазма, – так, как мало кто умеет объяснить словами... Его отличало от других духовных лиц то, что он никогда не учил. Это было удивительно при его жизненном опыте, при его монашеской жизни».

Проповедовало в нем все: и душа, и тело, и дух. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5; 16). В его глазах, маленьких, светло-серых, выцветших, все видели сияние вечной жизни, доброту. «Никогда я не видел этого взгляда равнодушным, безразличным, – вспоминает о. Георгий. – На каждого человека о. Кирилл смотрел очень внимательно, с чувством глубокого уважения и интереса. Это был взгляд снизу вверх не только в буквальном, но и в переносном смысле».

Быстрота, легкость, подвижность о. Кирилла показывали его постоянную готовность служить ближнему. Больные же ноги, застуженные в лагерях и утружденные многолетним стоянием на молитве, напоминали о его подвигах страдания и молитвы. От о. Кирилла исходил покой. «Меня поразила его тихость. Это все, что я могу вспомнить», – написал о. Сергей Богустов, видевший батюшку в двенадцатилетнем возрасте. «Когда он благословил меня, – вспоминает М.А. Кузнецова, – я почувствовала, и так всегда было, когда он благословлял, как от него исходит покой и тепло».

«Я сослужил ему на праздник Крещения Господня, – пишет о. Серафим Шенрок, – ходили на колодец освящать воду великим освящением. Я почувствовал тогда – старец близок к Богу. Как тихо на душе, когда с ним молишься». «Когда о. Кирилл приходил в храм, слезы прошибали», – вспоминает пустынноница мон. Афанасия.

«Перед вечерним богослужением я вошел в алтарь

Рижский старец протоиерей Иоанн Журавский (1867-1964)

Михайловского собора, земно поклонился и приложился к престолу, – вспоминает архимандрит Иоанн (Крестьянкин). – И не сразу я обратил внимание на гостя – смиренного старца, стоящего по правую сторону Горнего места у окна. Мы встретились взорами, и в тот миг я почувствовал то, что безмолвно говорило о внутреннем состоянии молящегося в алтаре гостя.

Живое чувство смирения и глубокой любви, внутреннего, согревающего душу света передалось мне на расстоянии. Я пошел к нему навстречу и по мере того, как расстояние между нами уменьшалось, сила этого чувства увеличивалась. Братски приветствовали мы друг друга и я познакомился с настоятелем Рижской Пустыньки отцом Кириллом.

Краткая наша беседа только подтвердила то, что так ощутимо передалось мне на расстоянии в первый миг нашей встречи. Старец излучал внутренний свет, свет неизмеримой чистоты Христовой любви.

Тих, кроток и смирен, как послушник, он был истинным воспитанником Валаамского монастыря и носителем многих даров, полученных им в той святой обители.

Не имея долгих духовных отношений с отцом Космой, в один миг и при первом взгляде я увидел в нем истинного родного духом брата наших насельников-старцев Валаамского монастыря. Это было то же сияние, которому не нужны слова – сияние благодати».

Все чувствовали, что ему можно довериться, открыться, что он может понять каждого человека, выслушать его с настоящим уважением и истинным состраданием, порою даже не давая советов, а открывая своим вниманием собеседнику великую тайну его ценности, его внутренней свободы. «О.Кирилл относился к моему сану с гораздо большим уважением, чем я сам», – говорил о. Георгий Блазма.

Такое бережное выслушивание собеседника всегда возвышало человека, он познавал свое достоинство и свою ответственность, и видел путь исцеления от всех своих

недугов, душевных и телесных.

Став аввой, о. Кирилл сохранил в себе чувство послушника, оно всегда проявлялось у него как благоговейное и самозабвенное служение ближним. Он встречал человека и сразу же начинал ему служить.

«Одной из главных черт о. Кирилла, – вспоминает о. Георгий Блазма, – была его постоянная и исключительно активная нацеленность на добро. Он непрерывно искал и находил возможность чем-нибудь помочь людям, сделать им что-нибудь приятное. Отсюда и эта постоянная внимательность во взгляде: что человеку требуется? Что для него можно сделать?»

Однажды он был огорчен: в пустыньку нагрянули цыгане, проникли в келию к батюшке. Сестры с возмущением прогнали их, а, когда сообщили об этом батюшке, он спокойно спросил их: «А вы их накормили, молочком напоили?»

Выходя из храма, он всем нищим, стоявшим на паперти, всегда подавал милостыню, каждого из них благословлял, внимательно смотря в лицо, и с каждым говорил.

Придя из храма, он сразу же насыпал зерно в птичьи кормушки и ставил еду кошке, потом все внимание уделял гостям. Он всегда ликовал, встречая человека. Он никогда не отпускал никого от себя, не накормив, да еще подорожничков – так он называл пирожки – попросит келейницу мон. Амвросию настряпать. Всегда проверит, кто где ночует, и если увидит, что кому-то чего-то не хватило, найдет и принесет одеяло или подушку. Если кто заболит из сестер или паломников, непременно навестит и что-нибудь принесет.

На пастбище он приносил сестрам-пастушкам какое-нибудь утешение (угощение), на поле – грабли.

Поздно вечером батюшка надевал передник, клал в него хлеб, сахар, чай, фрукты и шел по келиям подкреплять сестер много работавших, но имевших скудную монастырскую трапезу: пять мелких картофелин, огурец, хлеб. Постучит палочкой в окно или дверь и даст что-нибудь сестре из передничка: «Это тебе, подкрепись».

Мон.Феофания после операции лежала в Елгавской больнице и чувствовала себя очень плохо, не могла ничего есть. Приходит к ней о.Кирилл и приносит всякую еду: «Фамилии не знаю, а все же тебя нашел». Она сказала, что ничего не может есть. «Бери все и ешь», – сказал батюшка, благословил и ушел. Мон.Феофания стала есть, постепенно все съела и поправилась. Выписывая ее из больницы, доктора просили ее проверяться у них, но она и забыла об этом.

У юноши-латыша Ивара, жившего вблизи пустыньки, умерла мать. Он ходил полуголодный, полураздетый. О.Кирилл благословил сестер ухаживать за ним, а его пригласил трудиться в пустыньке.

Старец взял на свое попечение семью Чуйковых – Елену и ее сыновей-близнецов Сергия и Михаила, которые стали священниками.

За эту простоту и заботу о всех сестры очень любили о.Кирилла, поэтому одна монахиня сказала ему: «Давай мы тебя будем называть не отцом, а матерью».

О.Кирилл всегда видел трудящимся. Дождь идет, а он все равно что-нибудь делает. Он помогал сестрам по хозяйству: копал огороды, кому косу наточит, кому починит грабли, кому исправит крыльцо. Когда начиналась сушка сена, он всегда старался всем сделать грабли, починить сломанные, делал все хорошо и крепко, сам

шел с сестрами на сенокос, сгребал и сушил сено. Не забывал и птиц: делал им скворечники. У него была столярная мастерская, где он любил работать. Самым лучшим подарком для него был какой-нибудь столярный инструмент. В сарае стоял чисто выструганный сосновый гроб и сосновый крест, сделанные им для самого себя. Он завещал похоронить себя в этом гробу. Это завещание было исполнено.

В храме прп.Иоанна Лествичника и в часовне стояли сделанные им подсвечники: простые, с квадратными верхушками. В разоренной войной пустыньке не на что было поставить свечку. Когда пустынька разбогатела, эти подсвечники убрали, поставили дорогие. Монахини говорили: «В просто убранном храме Бога лучше видишь, не заставлен Он от тебя никаким «сокровищем».

О.Кирилл сам сделал стульчики и скамеечки для слабеньких матушек и паломников. Имея каллиграфический дар, батюшка-краснописец полууставом писал много молитв и акафистов и рассылал их, писал монастырские помянники, которые только недавно из-за ветхости переписали сестры.

Детям, приезжавшим вместе с родителями в пустыньку, он всегда старался привить навык трудолюбия, служения. По благословению батюшки их учили прислуживать в храме – ставить свечи и вовремя убирать огарки на подсвечниках, выносить свечу, читать шестопсалмие. Когда отрок Сергей Чуйков читал шестопсалмие, стоя на маленькой скамеечке, о. Кирилл находился рядом и поправлял его. Дети всегда участвовали в крестных ходах. На лошадке с монахиней они ездили на почту, охраняли огороды от диких кабанов, ходили на поля убирать урожай, пасли коров и овец, собирали грибы и ягоды для обители. Иногда родители с детьми уезжали на Рижское взморье купаться, но дети часто торопились вернуться в обитель, говоря, что «на взморье много народу, шумно, а в пустыньке – тишина и там батюшка Кирилл». Пустынька жила своим хозяйством: овощи выращивали сами, пекли свой хлеб, было свое молоко. Жили без пышности, скудно, тихо, молитвенно, мирно. Даже маленькую баночку меда, пожертвованную сестрам, которую, казалось, невозможно было поделить поровну, поделили, растворив ее по благословению батюшки в воде.

Батюшка ничем не нарушал этот дух скромной пустынной жизни, наоборот, приносил в него своим подвигом нестяжания и постничества еще больший дух аскезы.

Он жил в маленьком доме у соснового леса, в скромной маленькой келье, большую он отдал больному, пострадавшему в лагерях о.Сергию Виноградову, жившему в пустыньке на покое.

В келии – святой угол с маленьким иконостасом, устроенным самим батюшкой, перед которым теплились семь лампад, на стенах – множество икон разных размеров, в основном, бумажных.

Около иконостаса стоял налож, сделанный из фанерного почтового ящика.

У окна стояли небольшой самодельный стол, на котором лежали книги, записи батюшки, и стул. Слева – маленькая печка, почти незаметная, топчанчик из двух сбитых досок, на которых отдыхало его тело, суконное черное одеяло, а под ним – ничего. Над ложем висела большая фотография с видом Валаамского монастыря, рядом фотографии старцев: Силуана Афонского, валаамских старцев, живших на покое в Псково-Печерском монастыре, с которыми он поддерживал

постоянное общение лично и через своих посланников, а также начертанные на бумаге добродетели: «Смирение, терпение и послушание», которые старец считал для себя самыми главными в духовной жизни.

Келию о. Кирилла называли часовенкой всех святых, сам батюшка назвал ее вторым алтарем: «У меня здесь второй алтарь, – говорил он входящим. – Я хочу, чтобы на вас посмотрели мои святые».

Здесь свет всегда горел до двух часов ночи. Малый сон, как на Валааме. «А в четыре утра, – говорил батюшка, – мне всегда в рамочку стучат. Я проснусь и другой раз говорю: – Кто там? – Никого нет».

Он читал псалтирь стоя, держась за налож и переминаясь больными ногами.

Послушник из мира, Иван Андреевич Калиниченко, однажды ночевал в келии у старца и решил не спать, пока старец не окончит молитвенное правило; он боролся со сном до трех часов и заснул, а рано утром старец будит его и ласково говорит ему: «Иван Андреевич, пойдём на службу».

Когда были какие-нибудь неприятности, вражды нападения, о. Кирилл уходил в затвор: надолго закрывался в келии, никого не принимал и не выходил, пока все не утихнет. Иногда монахини с большой тревогой смотрели в окно: жив ли он, потому что его долго не было.

В этой келии за полуночной молитвой ему было явление Божией Матери. Она вышла из иконы Почаевской Божией Матери, пред которой предстоял старец. Потом эта икона была у о.Тавриона.

О.Кирилл ничего при себе не имел: все его сокровище было в нем, он все, что получал, тут же раздавал, потому его невозможно было обокрасть. Воры, не раз влезавшие в его келию, всегда уходили недовольные.

Когда стирали его белье, видели заплату на заплате. Добрый пример нестяжательности и любви ко всем о.Кирилл имел на Валааме в лице игумена Маврикия, настоятеля монастыря, у которого он был келейником. О.Маврикий, кроткий и смиренный старец, ходил в простой, уже поношенной рясе, так что встречавшиеся с ним паломники не всегда признавали в нем игумена. Его игуменские покои состояли из трех маленьких низких сводчатых комнаток, очень скромно обставленных.

«Освободившись от приемов и канцелярской переписки, – писал об о.Маврикии митрополит Антоний в некрологе, – он принимался за общебратские послушания – чистку картофеля, укладку дров, сенокос и т.п., ездил он всегда в третьем классе, даже тогда, когда ему вручали билет второго класса. В бане он мылся вместе с простыми послушниками, и когда один новоназначенный, не узнав в лицо обнаженного настоятеля, окрикнул его: «Чего ты, старик, забрал две шайки?», он ласково сказал: «Ну бери, Бог с тобой»... Он отменил все преимущества своего положения – довольствовался братской пищей, одеждой и пр.

Он жил своим внутренним миром, но не был чужд участия и любви к ближним, что выражалось не только в его радушном и ласковом обращении со всеми, но еще более в его чрезвычайно продолжительных молитвах в церкви и келии, во время которых он перечитывал бесконечные поминания с именами братии обители и всех знаемых им. От молитвенного стояния ноги его ниже колен были совершенно темные, почти черные, они и свели его в могилу.

Надпись на надгробной плите игумена Маврикия гласит: «Он управлял обителью десять лет и всем являл собою пример смирения, простоты, неустанного молитвен-

ного подвига, многих трудов и сердечной отзывчивости».

Таковыми же были подвижники – столпы валаамские во время пребывания о. Кирилла в обители – прозорливый иеросхимонах Исаия, слепец-схимонах Онуфрий из Всехсвятского скита, тоже прозорливый старец, воплощенная кротость, и другие, всегда жизнерадостные, умалившиеся по-евангельски, как дети, от одного слова которых и вида их невольно мог прослезиться самый черствый человек.

О. Кирилл был постник, питался скудно. На столе изобилие, но для других: любил угощать, а сам делал вид, что ест. В среду и пятницу он до трех часов воздерживался от пищи. Белого хлеба не ел. Если упадет крошка на стол во время трапезы, то возьмет ее, поцелует и съест.

О. Кирилл принял от валаамских старцев священный дух простоты, кротости и смирения. В письме своим духовным детям он называл себя «пустынным жителем», который живет вместе со своими сестрами-пчелками в любимой пустыньке, где они «трудятся, молятся да с грехами борются».

Келейница митрополита Вениамина (Федченкова), управлявшего Рижской епархией с 1947 по 1951 годы, рассказывала, как однажды о. Кирилл приехал к Владыке в Ригу из пустыньки и не застал его. Она предложила ему подождать, дала читать какую-то книгу, а сама пошла готовить обед, потом покормила вернувшегося Владыку, сама пообедала, помыла посуду и пошла в свою комнату немного отдохнуть и тут задела тихо сидевшего батюшку. «Батюшка, прости ради Бога, тебя позабыла». «Ничего, ничего, мне тут хорошо с четочками, книжечку почитал». За все довольно долгое время ожидания он ни разу не вышел и не спросил, пришел ли Владыка, только терпеливо ждал.

Известно, что кто-то из старших сестер-пустынниц поднимал руку на старца, но он никогда об этом никому не говорил, не жаловался. Монахиня Евгения, старшая сестра, уставщица, очень суровая, часто ставившая ему разные преграды, однажды дерзко сказала:

– Ты как наемник здесь, а я – старица.

– Я – священник, – смиренно ответил о. Косма и ради

мира безропотно удалился к митрополиту Вениамину, где некоторое время служил с ним, как в скиту, в маленьком храме при архиерейской даче в Дубулты.

Его никто никогда не видел в состоянии гнева, раздражения. «Если смиришься, – говорил он одной монахине, – то обиды не будет».

Незадолго до смерти о. Кирилла игуменья Тавифа хотела отправить его на покой в Печерский монастырь, а на его место взять одного рижского священника. «Он монах, пусть живет в монастыре», – сказала она. О. Кирилл скорбел, но никому не пожаловался, а все поведал Божией Матери: «Мать Милостивая, куда же мне, такому старому и больному, идти». На Успение Господь взял к Себе священника, а о. Кирилла оставил в пустыньке. Имеющий опыт мученика и исповедника, о. Кирилл был наставником в науке мужества.

В 20-е годы о. Кирилл обличил владыку-самосвята. Тот пригрозил, что посадит его, так и получилось.

В тюрьме его принуждали отречься от Бога и обещали за это свободу. Когда он из ссылки возвращался домой, около Тосно немцы разбили поезд, и он пошел к брату в Саблино пешком, скрываясь в лесах, живя в бункерах.

Во время войны о. Кирилл тайно помогал партизанам, ходил к пленным по лагерям, бедным детям посылал хлеб, за это гестаповцы били его плетками и преследовали. Он скрывался в лесах, молился в подвалах. Немцы заставляли его пилить дрова и давали ему пайку хлеба с опилками в триста граммов. Однажды он увидел женщину с двумя детьми, очень истощенных и голодных, идущих мимо его окна. Он побежал за ними и отдал им свою пайку.

За связь с партизанами немцы приговорили о. Кирилла к расстрелу. Два вооруженных немца увезли его в лес, поставили к березам. «Я перекрестился, закрыл глаза, сложил руки на груди. Слышу три выстрела. Это моя смерть. Глаза не открываю. После выстрелов не падаю. Почему? Потом подходят немцы и ищут дырки от пуль на моей телогрейке. Нет ни одной. Тогда говорят по-русски:

О. Кирилл с паломниками на молитве

*О. Кирилл, игуменья Тавифа (Дмитрук) с сестрами пустыни.
1960-е гг.*

«Ты нас не подведешь?» Я открыл глаза и вздрогнул: «В чем?» – «Мы тебя убивать не будем, если ты будешь скрываться от нашей комендатуры. Не показывайся, пока она не переедет. Если покажешься, нас расстреляют».

Я им дал слово, что не буду показываться. Они завели машину и уехали.

Добирался ночами до Саблино. Брату и многим людям было уже известно, что меня расстреляли. Я ночью пришел к брату и постучал. Он открыл по голосу. Не верил, что перед ним я. Открыл, мы обнялись и заплакали».

Близкие о. Кирилл держали втайне места его пребывания. Покуда немцы не ушли, он не показывался. И только после их отступления открылся. Вместе с диаконом Михаилом он совершал требы в Любани, в селах, ходя туда с посохом пешком пятнадцать километров. О. Кирилл не мог ходить в рясе, надевал штатское, но под длинным пальто была маленькая ряса, ее немного было видно из-под пальто. Наперсный крест носил всегда.

Будучи глубоко верующим, он понимал, что его жизнь зависит только от Бога. Бог – Любовь, Он никогда не хочет никому плохого, поэтому всем искушениям в жизни старец стремился доблестно противостоять, без смущения и озлобления. Своим гонителям и притеснителям он всегда мог сказать: «Я вас не боюсь, я вас люблю».

Слова апостола: «Благословляйте гонителей ваших, благословляйте, а не проклинаяте» (Рим. 12, 14) были его жизнью.

Иноконе Валерии он говорил: «За правду Божию борись до крови».

Умудренный опытом мужества и терпения во времена гонений на Церковь в 20-30-е годы, о. Кирилл пережил новую волну гонений на христиан, начавшуюся в 1960 году. В Латвии, как и в России, стали закрывать храмы. Закрыли во время Великого Поста 1961 года великолепный Рижский Христорождественский собор, в подвале которого когда-то жил Владыка-мученик Иоанн (Поммер). Рижскую епархию начали обслуживать епископы из других епархий. Только через три с половиной года на Рижскую кафедру был назначен постоянный архиерей епископ Никон (Фомичев).

Под угрозой закрытия оказался Рижский монастырь. Молодых и трудоспособных монахинь предполагали устроить на работу, а стареньких – отправить в пустыньку. В защиту правды Божией о. Кирилл проявлял всегда твердость, кроткую независимость. Он и сестры, его духовная семья, горячо молились. Пустынька и рижский монастырь были сохранены.

Удивительно кроткий, смиренный, о. Кирилл, всегда живя по совести, не отступал от правды, не человекоугодничал. Так однажды он не допустил кощунства над исповедью со стороны любимого им рижского священника.

«Я с семьей одно время жил в очень большой нужде, – рассказывает о. Серафим Шенрок. – И как-то в состоянии отчаяния решил: поеду к о. архимандриту на исповедь, но внутренне думал о другом: «Он даст мне на дорожку», что меня в настоящий момент может серьезно поддержать. Приезжаю, меня все знали, пропустили к келии о. архимандрита. Стучу. «Кто там?». Я говорю: «Отец Серафим к Вам, о. архимандрит». «Я не принимаю». Я был удивлен. Он так был со мною мил, так любезен, как будто я один у него избранный. Он знает, откуда я приехал, не сосед же я его. Не принял. Я поехал обратно с чувством невероятного душевного волнения, даже подумал: «Вот тебе и старец». Только уж дома, придя в себя, порадовался происшедше-

Ст. Саблино близ С.-Петербурга. Здесь в обращенном из часовни кладбищенском храме свт. Николая о. Кирилл служил в годы войны. Фото 1990-х гг.

му: старец-прозорливец, он не допустил меня совершить грех кощунства над исповедью».

Однажды в пустыньку приехали представители власти. О. Кирилл в запачканной одежде что-то мастерил. С раздражением они спросили его:

«Где здесь у вас о. Кирилл, нам надо с ним поговорить». Батюшка ответил:

«Сейчас он придет», – и поспешил переодеться, а гостей позвал попить парного молока. После беседы с о. Кириллом гости успокоились и, удивленные его миролюбием, покинули обитель.

У о. Кирилла не было страха перед инославными, потому что он был глубоко православным. Отсюда его свободная открытость человеку иного христианского исповедания, умение открыть истину Православной Церкви.

В пустыньку постоянно приезжала медсестра из Риги Клавдия Штессингер, православная, муж которой, Иван Юрьевич, был лютеранином. На этой почве у них был разлад. Познакомившись с о. Кириллом, Иван Юрьевич полюбил старца, православную службу. О. Кирилл не раз долго беседовал с ним, но без всякого давления. Ивану Юрьевичу открылась тайна истинной Церкви, и он пожелал принять Православие. В ночь после присоединения он видел сон: очень высокая стена – не перелезть. Кто-то говорит ему: «А все-таки ты ее перелезешь». И он перелез.

Схимонахиня Ксения из Москвы рассказывала, что когда о. Кирилл молился за убиенных в Первую Мировую войну воинов, похороненных в пустыньке, то однажды усомнился: «Может быть, Тебе не угодно, Господи, что я за них молюсь?». «Я стал на колени, – вспоминал батюшка, – вдруг открылось небо, и на каждой могилке немецких и русских воинов я увидел венец.

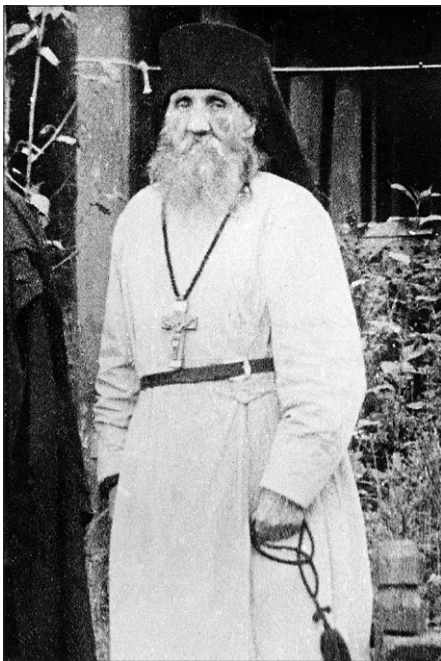
– Они у Меня мученики, – сказал Господь, – не по своей воле погибли.

И я удвоил и утроил молитву о них».

Дары Духа Святого

О. Кирилл обладал не одним даром старчества, он имел и другие дары Духа – исцеления, прозорливости, совета. Все они помогали батюшке как можно лучше и больше послушать ближнему.

Монахиня Людмила из Пюхтиц была очень больная, ее волоком притаскивали в храм. С двумя провожатыми она приехала в пустыньку к о. Кириллу. Он в момент их

Игумен о. Кирилл
– «любви и скорби
брат»

появления разговаривал с питерской женщиной, уезжавшей домой, благословил ее, и она пошла на поезд и уже была далеко.

– Мать Людмила! Она сумочку забыла. Отнеси ей, – громко, со властью сказал о. Кирилл. Людмила схватила сумочку и понесла женщине.

– Да разве ты ее так догонишь, беги, – приказывает батюшка. Мон. Людмила как побежит и догнала женщину. Возвращается, а батюшка улыбается.

«У меня после операции разболелась правая нога, я не могла ходить, разгребать снег в пустынке. Кое-как приду в храм, а то и нет.

Вечером экономка о. Кирилла м. Амвросия приносит от него деньги и записочку: «Соломония, сходи в магазин и купи сахар и консервы». А я думаю: «Что ж мне такое батюшка написал, мне же не пройти». Сказать матушке, что не пойду, не смела. До святых ворот дошла потихоньку, хотя мне трудно было даже разогнуться. Когда я шагнула за святые ворота, у меня боли в ноге не стало, я не ощутила ее, и я сходила в магазин. Никто об этом не узнал, знала только моя душа, что это произошло по молитвам о. Кирилла».

«Однажды после службы о. Кирилл дал мне просфор, – вспоминает его сотаинник, долгодетный послушник из мира И.А. Калиниченко. – В конце недели он присылает письмо: «Иван Андреевич, Вы небрежно храните просфоры». Я сразу кинулся на кухню, где лежали просфоры. Там было сыро, и просфоры стали плесневеть».

«Когда в семействе нашем случится скандал, он всегда придет на несколько минут», – вспоминает тот же послушник.

Однажды, находясь в Троице-Сергиевой лавре, о. Кирилл навестил схимонахинь Александру и Маргариту, часто приезжавших в пустынку, у которых остановилась мать иеромонаха Виссариона, хорошо знакомого батюшке. Мать, в постриге монахиня Валерия, скорбела, что живет возле лавры без пропитки, просила помолиться О. Кириллу. Батюшка сказал ей:

«Тебя скоро пропишет преподобный Сергей». Через три месяца она, болевшая астмой, скончалась у кого-то в

доме рядом с обителью.

О. Кирилл не благословлял пустынноц мать и дочь, Варвару и Веронику Васипенко, приехавших в пустынку из Иерусалима, из Горненской обители, возвращаться туда. «Вас там убьют», – открыто сказал им старец. Они не послушались и уехали в 1965 году. Батюшка скорбел. Через несколько лет его предсказания сбылись. Об этой трагедии, случившейся в Горненской обители, узнал весь мир.

Монахине Евгении о. Кирилл незадолго до ее кончины сказал: «Вместе домой пойдём». Она умерла 19 июня, а он – 28.

«Когда мы подъехали к домику настоятеля, – вспоминает протоиерей Борис Старк, – нам сказали, что батюшка отдыхает и его нельзя тревожить. Но в эту минуту дверь открылась, и появился сам батюшка с открытыми объятиями: «Ну! Наконец отец Борис приехал, а я давно вас жду». Я был поражен этими словами, так как батюшка не был предупрежден о нашем приезде, и вообще я думал, что он не знал о нашем существовании. Потом была беседа, как со старым знакомым, поразившая меня своей простотой и, в то же время, прозорливостью. Казалось, что он знает все обстоятельства моей жизни. Уже потом, после его смерти, я сообразил, что он мне многое сказал о моем будущем. Я припомнил все его слова, сказанные как будто случайно».

«Как-то я с матушкой игуменьей Магдалиной (Крысько) приехала в пустынку и в этот же день потеряла зарплату (сто сорок рублей). Я ничем не выдала себя, посмотрела больных. О. Кирилл был простужен, я ему поставила банки, назначила лечение, уложила в постель, попрощалась и ушла. Когда мы сели в машину, и я еще не успела включить мотор, вдруг увидела, что келейница о. Кирилла м. Амвросия бежит к машине и передает мне конверт с деньгами, в нем была именно та сумма, которая пропала!

«Батюшка передает вам деньги, чтобы вы не скорбели». Я была поражена и не знала, что делать, пыталась вернуть конверт, но матушка игуменья меня убедила, что я должна взять его, и рассказала, что у нее был подобный случай. Она потеряла деньги, завернутые в белый платочек, а батюшка, не зная о пропаже, передал ей деньги также в белом платочке» (Н.А. Масько).

«В пустынке я жила у мон. Феодоры, она сломала бедро, и я за ней ухаживала, возила на тележке в храм. У нее рубашки не было, у меня тоже. Думаю: пойду куплю ситчику и сошью. К вечеру о. Кирилл приносит м. Амвросии коленкор. А она меня и просит сшить рубашки. Мои мысли уже у о. Кирилла» (С.Н. Шелгунова).

Посадил батюшка обедать с собою Афанасия, с которым служил вместе в Ордынском монастыре. Налили суп. Афанасий подумал: «Хорош суп с рыбкой, когда б сметанкой побелить, был бы еще вкусней». Батюшка уходит и приносит литровую банку сметаны и говорит: «Ну мы и побелим». Афанасий не мог сидеть за столом от стыда: «Батюшка, прости меня, что я так подумал».

Женщина из Риги везла много вещей для пустынных сестер. Ехала последним автобусом, перепутала остановку, нужно было идти километра четыре. Она сильно боялась. Вдруг она услышала скрип саней. Монахиня поворачивает лошадь и спрашивает: «Вы едете к о. Кириллу?» «Да». «Садитесь. Он послал за Вами, уже ждет Вас». Когда они приехали, о. Кирилл встретил их и сказал: «Я тебя давно жду».

Дар прозорливости о. Кирилл по своему глубокому смирению умел тщательно скрывать, чтобы оберечь души

верных от древней болезни чудомании.

Праведник непременно будет жив...

Был день, когда о. Кирилл сделал грабли и, отдавая их сестре, сказал:

«Береги, последние грабельки сделал».

Пришло время оставить земную жизнь, которая была у батюшки страдальческой: болезни, скитания, поношения, что является для особо избранных Богом душ свидетельством дарования им вечного блаженства.

Он страдал до последнего своего вздоха. Всегда больной, о. Кирилл незадолго до смерти заболел мучительно. По настоянию родственников его положили в Елгавскую больницу по поводу приступа стенокардии, а затем в домашних условиях у него произошло ущемление грыжи.

Владыка Леонид (Поляков) вместе с помогавшим ему врачом из Риги, в пустыньке, в игуменской, сделал о. Кириллу операцию. Старец был очень терпелив, отказался от уколов и лекарств. Шов не зашили, а заклеили ввиду безнадежного состояния больного. Он напоминал умирающему о голгофской ране Спасителя, о Его страданиях, которые старец всегда глубоко переживал и к которым приобщился страданиями всей своей жизни и этих последних минут.

Находившийся в пустыньке народ сострадал батюшке и молился за него, кто в храмах Преображенском и прп. Иоанна Лествичника, где были священниками открыты Царские врата, кто во дворе пустыньки.

Вскоре после операции Владыка Леонид вместе с московским священником о. Николаем, служившим в эти дни в пустыньке, соборовал старца, разрешив его от уз и трудов земных.

26 июня архиепископ Леонид совершил постриг о. Кирилла в схиму, назвав его мирским именем Косма. Батюшку причащали каждый день.

Наступила любимая им пятница. В храме начали служить Евхаристию, на которой помянули болящего на одре лежащего схиархимандрита Косму, что было необычно для всех привыкших к прежнему имени старца. Перед причащением весь алтарь осиял свет, его увидел священник и близко стоящие к алтарю поющие монахини.

О. Николай открыл Царские врата и сказал всем: «Пойду причащать о.Косму». Но тут же возвратился в алтарь, поставил Чашу на престол и попросил алтарницу мон. Нектарию сходить узнать, как там батюшка. Она приходит и говорит, что батюшка уже скончался. Свет возвестил его кончину. Небо причастило его. На погребении старца, совершенном в понедельник, тот же свет сиял от его гроба и креста, которые бережно несли любящие его чада к могиле. Сохранившаяся фотография дивно показывает это.

Отпевание воспринималось как великий праздник, солнце играло, как на Пасху. «Когда гроб с прахом праведника был поднят, – вспоминает о. Александр Куликов, – то многие ощутили, что подняли нечто духовно великое... трудно выразить словами». В своем слове перед погребением архиепископ Леонид призвал верующих подражать любви, кротости и послушанию старца, которые он стяжал с юношеских лет, полнее воспринимать его духовное наследие. «Его многие не понимали, так как больше стремились стяжать внешний почет, а он, отягощенный годами и болезнями, совершал Божественные Литургии, молился «о всех и за вся».

Патриарх Алексий I в телеграмме писал: «Мир и по-

О. Кирилл и епископ Рижский Никон (Фомичев) – третий справа; сестра Виленского монастыря м. Георгия – будущая игуменья Горненского монастыря, стоит четвертая слева; игуменья Магдалина (Крысько); будущая игуменья Варвара (Трофимова) – вторая слева. Вильнюс. 1963 г.

кой душе в Бозе почившего схиархимандрита Космы в обителях Отца Небесного, о чем вместо скорби да будут наши усердные молитвы вместе с насельницами Преображенской пустыни, где много лет служил и подвизался почивший старец».

А далекие от церковной жизни рабочие говорили собравшимся: «Этот батюшка у вас святой».

На отпевание батюшки приехало много таксистов. После погребения они с каким-то особым воодушевлением развозили собравшихся по домам. Когда люди хотели расплачиваться за проезд, они наотрез отказывались, говоря: «Сегодня мы работаем бесплатно, батюшка давно уже все заплатил». От Елгавского таксопарка был венок на могилу старца. Так «они засвидетельствовали перед Церковью о твоей любви», отче (3 Ин.1,6).

«Праведник он непременно будет жив» (Иез. 18, 9). *Любовь о.Космы продолжает изливаться и будет изливаться на всех, ибо она жива. Он продолжает свое служение ближнему.*

Вскоре после кончины отца Космы его сотаинник, послушник Иван Андреевич Калинин из Елгавы, попал в авткатастрофу и лежал в реанимационном

Старец Кирилл, Владыка Алексий (Коноплев), игуменья Магдалина (Крысько) с сестрами в пустыньке. 1966 г.

*Погребение схиархимандрита Космы
в Спасо-Преображенской пустыньке. 1 июля 1968 г.*

отделении. Ему становилось все хуже и хуже.

«Вдруг ночью входит в палату о. Косма, – рассказывает Иван Андреевич, – в черной рясе с крестом и четками. – Батюшка, Вы же умерли? Как же так?»

Он дает мне знак молчать. Идет ко мне. Касается рукой ноги, которая была на вытяжке. Какого места коснется, там боли прекращаются совсем. Приятно. Коснулся левой ноги и отошел от меня. Я хотел с большой радостью вступить в разговор, но он опять дал мне знак молчать и даже сказал: «Молчи!» Наклонил голову и пошел обратно к двери. Я в большой радости. Думаю: «Как же так, он умер, а пришел живым». Мои боли совсем прекратились. На утреннем обходе врач был удивлен:

«У вас все обойдется без ножа, – сказал он мне. – А вначале я хотел делать вам операцию».

Это один из множества имеющих примеров продолжающегося служения старца всем нам. Как-то я спросил митрополита Леонида, понимавшего и ценившего о. Косму, вошел ли, по его мнению, о. Косма в меру святых отцов. Владыка тихо и твердо сказал: «Батюшка святой, святой, святой!»

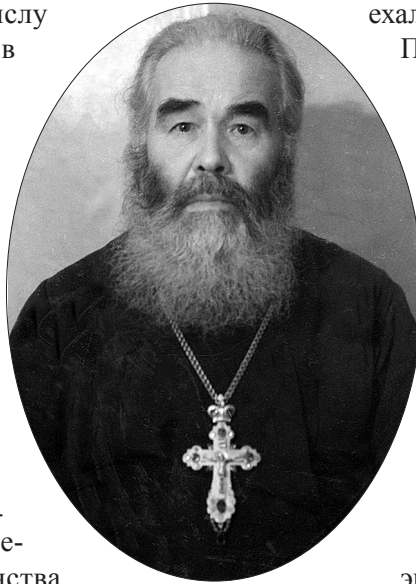
*Могилка
любимого
старца*

СЛУЖЕНИЕ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСИЯ КИБАРДИНА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Отец Алексей принадлежал к числу самых замечательных священников Санкт-Петербургской епархии XX века. Родился он 30 сентября 1882 г. в с. Всесвятское Слободского уезда Вятской губ. 19 июня 1903 г. окончил Вятскую Духовную семинарию по I разряду и 12 июня 1912 г. С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. 8 сентября 1903 г. А. Кибардин был рукоположен во иерея и после окончания Академии 8 октября 1912 г. назначен к церкви Христа Спасителя общины сестер милосердия на Сергиевской ул. в Петербурге. 13 мая 1913 г. протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский назначил отца Алексея в Феодоровский Государев собор Царского Села, где тот служил более 17 лет. В соборе на богослужениях с участием молодого священника нередко присутствовал Император Николай II. С октября 1921 г. возведенный в сан протоиерея А. Кибардин служил настоятелем Феодоровского собора. С самого начала иосифлянского движения он стал активным его участником и вместе с митр. Петроградским Иосифом (Петровых) и его викариями отделился от заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского). 28 августа 1930 г. о. Алексей был арестован и после двух допросов приговорен Коллегией ОГПУ 8 октября 1931 г. по делу «Истинно-Православной Церкви» к 5 годам лагеря. Срок заключения батюшка отбывал на Соловках, в сибирском лагере и на строительстве Беломорканала. После освобождения 10 сентября 1934 г. он первоначально проживал в Новгороде, а с 1936 г. в ссылке в Мурманске, а затем в Мончегорске, работая бухгалтером горнорудного управления Мончегорского НКВД.

Вскоре после начала войны, беспокоясь о своей остававшейся в Пушкине больной жене Фаине Сергеевне, о. Алексей 11 июля 1941 г. уволился с работы и, получив пропуск на въезд в Ленинград, 18 июля при-

ехал в город. Через 2 месяца, 17 сентября Пушкин заняли немецкие войска. Жена Кибардина болела раком груди и постоянно лежала в постели, поэтому о. Алексей не мог эвакуироваться и оказался на оккупированной территории. До февраля 1942 г. он жил в Пушкине, существуя на деньги, заработанные в Мончегорске. Жизнь в оккупированном городе была тяжелой, о. Алексея выселили из его дома, который оказался в запретной зоне. Протоиерею пришлось трижды посещать германского коменданта Пушкина – первый раз в конце октября 1941 г., когда немцы насильственно эвакуировали население города из прифронтовой зоны в тыл, он обратился с просьбой позволить его семье остаться, так как жена по-прежнему тяжело болела, и получил согласие. В ноябре батюшка попросил разрешения пройти в запретную зону в свой дом за оставшимися там теплыми вещами, но получил отказ. Наконец, в середине февраля 1942 г. о. Алексей говорил с комендантом о возможности выезда из Пушкина его и не способной самостоятельно передвигаться жены и получил разрешение уехать на ежедневно отправлявшейся в Гатчину продуктовой машине. Таким образом протоиерей оказался в деревне близ Гатчины, где прожил около двух недель у крестьян, а в конце марта 1942 г. в поисках работы переехал в село Ястребино (б. Ямбургского уезда – *Ред.*). Здесь он провел богослужение в церкви св. Николая Чудотворца. Жители Осьминского района, узнав, что Кибардин священник, 25 марта пригласили его служить в Покровскую церковь д. Козья Гора. О. Алексей предложение с радостью принял и 7 апреля 1942 г. вместе с женой переехал в эту деревню.

Так о. Алексей стал служить в большой каменной церкви Покрова Пресвятой Богородицы, бывшей ранее главным храмом Покровского Поречского женского монастыря и закрытой в 1937 г. Местные жители отремонтировали церковь еще в конце 1941 г., и несколько

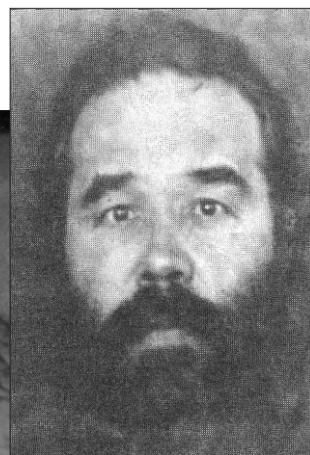
месяцев обязанности диакона в ней исполнял Сергей Дмитриевич Плескач, бывший певчий петербургского Николо-Богоявленского собора, эвакуированный из Петергофа после его оккупации немцами. В Козьей Горе также проживали и прислуживали в храме бывшие монахини Пятогорского Богородицкого монастыря Евфросиния (Дмитриева) и Серафима. Еще в 1920-е гг. они прислуживали в Феодоровском соборе Царского Села при о. Алексие и, возможно, были инициаторами приглашения его в Козью Гору. Эти сестры, а также монахиня Ангелина, прислуживали в Покровской церкви до конца оккупации. Плескач же в начале июня 1942 г. уехал в Гдов и затем до своего ареста 27 января 1945 г. служил псаломщиком в Николо-Концецком приходе Гдовского района.

Помимо Покровской церкви о. Алексей обслуживал и ряд соседних приходов, фактически исполняя обязанности благочинного для значительной части Осьминского района. Он часто ездил на богослужения в деревни Дретно, Велетово, Подлесье, Овсище, Псо-едь, Лесище, с. Самро и др., занимался возрождением храмов. Так, в апреле 1942 г. батюшка выступил на собрании старост трех сельсоветов в село Пенино с призывом восстановить местную церковь Рождества Пресвятой Богородицы, закрытую в 1939 г. и частично разрушенную. В дальнейшем он руководил ремонтными работами и после их окончания освятил храм.

Священник много проповедовал, призывая посещать церковь, молиться, исполнять церковные обряды. Большое внимание уделял он детям и молодежи, и в обращенных к ним проповедях, по свидетельству монахини Евфросинии, говорил: «За последние 25 лет среди молодежи распутство и разложение, нет никакой

дисциплины, не ходят в церковь. Теперь наступила новая жизнь, надо взять себя в руки, уважать старших и, главное, ходить в церковь». О. Алексей крестил много детей и иногда по просьбе родителей – подростков, например, однажды, по просьбе матери, – девушку 17 лет. Хотел батюшка и преподавать Закон Божий в школе, но оккупационные власти относились к этому отрицательно, и ему удалось лишь провести две беседы с учениками школы д. Морди.

В Осьминском районе было большое количество партизан. Штаб ближайшего партизанского подразделения – Осьминского истребительного отряда, переименованного затем в 6-й отряд 9-й партизанской бригады Ленинградской области, находился в лесу близ деревни Рудницы. В октябре 1943 г. на территории нескольких прилегающих сельсоветов был даже создан партизанский край. Командир отряда И.В. Скурдинский (после войны председатель Осьминского райисполкома) и комиссар И.В. Ковалев (в конце 1940-х – 1950-х гг. секретарь Осьминского райкома партии) хорошо знали о. Алексия Кибардина и неоднократно приходили к нему домой с целью получения помощи деньгами, хлебом, мукой и другими продуктами. Первая их встреча произошла летом 1942 г. 12 июля о. Алексия пригласили на Петров день в д. Велетово. После службы в местной часовне и посещения домов крестьяне собрали ему зерна, муки и хлеба. И в ночь с 13 на 14 июля в Козью Гору пришли 10 партизан, попросив хлеба и предупредив, что их посещение следует хранить в тайне. Священник отдал им весь хлеб. Через три недели партизаны

Протоиерей Алексей Кибардин после первого ареста. 1932 г.

Духовенство Феодоровского Государева собора. 1915 г. Второй справа стоит протоиерей Алексей Кибардин

пришли снова во главе с комиссаром отряда, который предупредил о. Алексея, чтобы он впредь не говорил в проповедях о репрессиях священников в 1930-е гг. и не побуждал местных жителей крестить «взрослых детей» 7-10 лет и старше. На вопрос батюшки, что же следует читать в проповеди, Ковалев, по его свидетельским показаниям 1950 г., ответил: «Я сказал, чтобы читали то, что написано в русском Евангелии». В этот раз партизаны попросили также собрать и передать им в назначенное время 6 тыс. рублей, что о. Алексей и сделал. Затем священник передал в отряд еще 10 тыс. рублей. В дальнейшем партизаны приходили неоднократно – последний раз в октябре 1943 г., и каждый раз получали какую-либо помощь.

В этот последний приход, за 3 месяца до освобождения села советскими войсками, состоялся примечательный диалог партизан с о. Алексием: «Ты знаешь, что делается по ту сторону фронта? – Не имею никаких сведений. – В Москве теперь имеется Патриарх, храмы открыты. Для тебя, отец, эти вести, конечно, интересны. За то, что ты помогал нам, не отказывал, Родина тебя не забудет». При этом следует отметить, что партизаны в тех местах действовали очень активно и убивали тех, кто сотрудничал с немцами. Так, в частности, староста Покровской церкви Козьей Горы А.М. Артемьев одновременно являлся старостой в д. Дубки (вероятно Дубок – *Ред.*), сообщал коменданту о партизанах и лично застрелил одного из них, пришедшего к нему в дом под видом странника. В апреле-мае 1943 г. (по другим сведениям в октябре) партизаны убили Артемьева, а также его сына, служившего в полиции, и жену последнего. В мае 1943 г. был убит вместе с сыном и помощник Артемьева – Федор Воробьев, тоже выдававший партизан. Еще один знакомый о. Алексея, староста д. Подлесье Василий Михайлович, наоборот, был связан с партизанами и после войны работал директором колхоза в своей деревне.

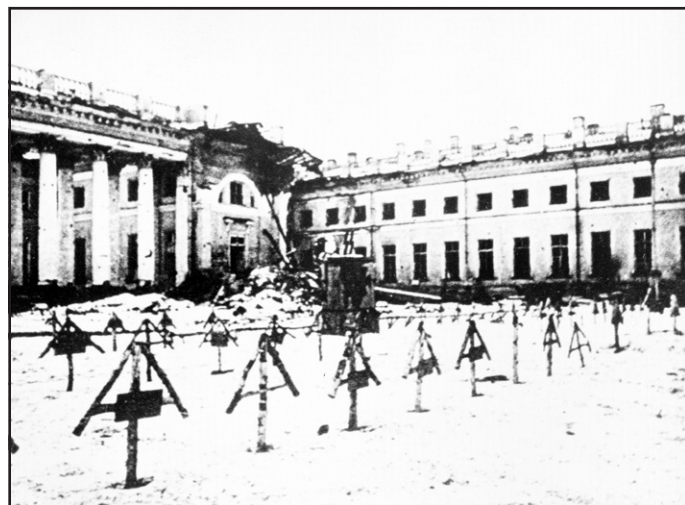
Сам священник был вынужден неоднократно вступать в контакт с немецкой администрацией. Первый раз комендант в Осьмино вызвал его к себе в конце июля 1942 г. на регистрацию как недавно прибывшего в район. По показаниям о. Алексея на допросе 27 января 1950 г. комендант спросил, не беспокоят ли его партизаны, и на отрицательный ответ предложил собирать и сообщать сведения о них, на что священник, желая скрыть уже имевшиеся к тому времени связи с партизанами, заявил: «Хорошо, что мне будет известно, сразу сообщу». Письменной подписки Кибардин не давал и никаких сведений в дальнейшем не сообщал, о чем неоднократно говорил на допросах в 1950 г.: «Задание коменданта я не выполнил, несмотря на то, что мне было известно о местонахождении партизан... Еще раз заявляю, что о дислокации партизанского отряда и отдельных партизан, которые приходили ко мне, я

Протоиерей Алексей Кибардин с супругой Фаиной Сергеевной и духовными дочерьми. Вырица. 1946 г.

не сообщал». В конце лета 1942 г. священника вызвал начальник гестапо в Осьмино, тоже спрашивал о местонахождении партизан и, получив отрицательный ответ, предложил сообщить в случае его установления. По словам о. Алексея, это задание он тоже «ни разу не выполнил в силу религиозных убеждений».

Позднее комендант вызывал о. Алексея еще 3-4 раза: по вопросу регистрации рабочей силы, то есть предоставления учетных сведений о прислуживавших в храме; по делу открытия Пенинской и Старопольской церквей и т.п. А однажды священнику пришлось выступить с докладом на собрании старост и старшин

Царское Село (Пушкин) в годы оккупации. Немецкое офицерское кладбище перед Александровским дворцом

Козья Гора. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, в которой в 1942-1945 гг. служил протоиерей Алексей Кибардин.

района. В августе 1942 г. батюшка прибыл на праздник в д. Псоедь близ Осьмино, где перед началом богослужения к нему подошел деревенский староста и заявил, что комендант требует явиться в районную управу на проходящее там собрание. Вынужденный подчиниться о. Алексей приехал в управу, где в это время шел доклад врача о санитарном состоянии района, а после его окончания комендант неожиданно заявил: «Сейчас выступит священник и расскажет о своих переживаниях в советском заключении». Кибардин отказался, сославшись на то, что его ждет на богослужение собравшийся в Псоеди народ, и комендант сообщил, что тогда доклад состоится на следующем собрании. Через 3 недели, в сентябре, протоиерей был вновь вызван в Осьмино и рассказал в течение 20 минут собравшимся старостам о своем аресте и пребывании в лагере. Как отмечал на своем допросе батюшка, «антисоветских выпадов я в своем докладе не допускал, а рассказал всю правду о себе, ...и никаких других указаний коменданта не выполнял».

Несомненно, о. Алексей был настроен патриотически. Оба его сына – Василий и Сергей сражались в

Интерьер Покровского храма. Современный вид

советской армии, причем первый погиб на поле брани, а второй дошел со своей частью до Берлина. Однако и коммунистическое руководство Кибардин «имел мало оснований любить». По свидетельству заведующей больницей в Козьей Горе В.А. Васильевой, на ее вопрос в декабре 1942 г. об исходе войны протоиерей ответил: «В этой войне победят не немцы, а русские, но после окончания войны коммунистов не будет у власти».

Территория, на которой служил о. Алексей, формально находилась в ведении Православной (Духовной) Псковской Миссии, но до осени 1943 г. никаких контактов с ней не было. По соседству с о. Кибардиным проживал игумен Илия (Мошков), заведовавший несколькими приходами в Осьминском районе, у которого служил псаломщиком Алексей Маслов. В июле 1943 г. последний был рукоположен во священника в Пскове и там рассказал о Кибардине. Сам батюшка, вызванный через Осьминского коменданта, приехал первый и последний раз во Псков 9 сентября и провел там 3 дня. Управляющий Миссией протопресвитер Кирилл Зайц сообщил протоиерею о «ликвидации иосифлянства» и предложил отойти от этого движения, принеся покаяние. О. Алексей согласился и через 2 дня в Псковском соборе на исповеди у о. Кирилла покаялся и обещал отойти от иосифлян. Кибардин также встречался с членами управления Миссии о. Феодором Михайловым, о. Николаем Шенроком и ее секретарем А.Я. Перминовым, но никаких указаний о деятельности в качестве священника не получал. Впрочем, о. Алексея утвердили старшим священнослужителем для нескольких церквей: в Козьей Горе, Пенино, Старополье и др. Из Пскова он также привез иконы, видимо, написанные в иконописной мастерской Миссии. После этой поездки никаких дальнейших контактов у Кибардина с Духовной Миссией не было – вскоре началась частичная эвакуация, а затем и связь Осьминского района с Псковом надолго вообще прервалась.

В конце октября 1943 г. немецкая администрация убеждала о. Алексея эвакуироваться, но он категорически отказался, а через несколько дней началось уничтожение деревень и насильственная эвакуация населения. 6 ноября карательный отряд немцев пришел и в Козью Гору. Сначала они подожгли три государственных учреждения – больницу, амбулаторию, МТС и несколько жилых домов, а затем направились к церкви. Кибардин вышел к карателям и убедил оставить храм и прилегающие дома в покое, при этом снова отказавшись эвакуироваться. Вскоре немцы ушли из деревни в сторону Поречья.

В январе 1944 г. Осьминский район освободили советские войска, и тут же начались проверки и аресты местных жителей, сотрудничавших с оккупантами (порой необоснованные). В апреле 1944 г. офицер госбезопасности посетил о. Алексея и указал, что на основании

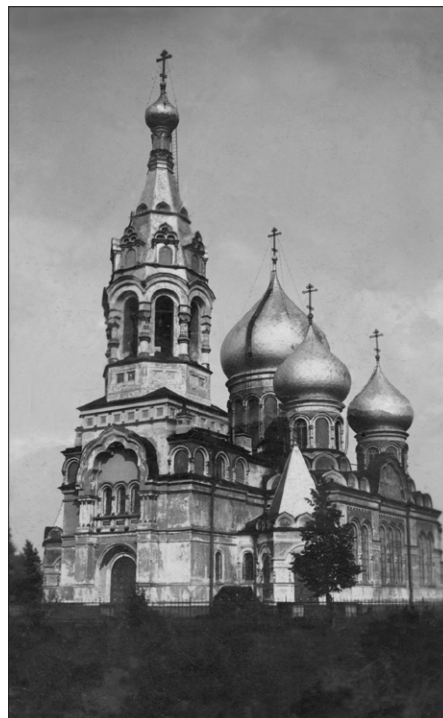
собранных о нем данных, тот «ничего плохого не сделал и может продолжать служить, никто... никакой неприятности не причинит». Протоиерей служил в Козьей Горе до середины 1945 г., а затем 3 августа был назначен Ленинградским митрополитом Григорием настоятелем церкви Казанской иконы Божией Матери в пос. Вырица. В это время МВД снова устроило проверку батюшке и, не найдя ничего предосудительного, разрешило поселиться в Вырице.

Здесь с 1945 г. до кончины старца иеросхимонаха Серафима Вырицкого – 3 апреля 1949 г. – о. Алексей был духовником святого. Активная деятельность протоиерея, его растущее влияние на верующих вызвали раздражение властей. Перед кончиной прп. Серафим сказал батюшке: «Похоронишь меня, а на пасхальной неделе и не захочешь, а тебя возьмут и дадут 25 лет – это архиерейская почеть».

И действительно, арестовали о. Алексея 21 января, а осудили в день Пасхи – 17 апреля 1950 г. В постановлении на арест говорилось, что он занимается в Вырице антисоветской агитацией, призывает в церковных проповедях верующих молиться за заключенных и арестованных лиц. Но в дальнейшем на следствии эти темы никак не фигурировали, видимо, органы госбезопасности решили ограничиться казавшимся им «бесприкрытым» обвинением священника в пособничестве немецко-фашистским оккупантам.

Проходивший 6 часов обыск в доме батюшки на ул. Кирова, 45 ничего не дал, многодневные допросы о. Алексея во внутренней тюрьме Ленинградского управления МГБ с 22 января по 18 марта 1950 г. также желаемого результата следователям не принесли. Кибардин категорически отрицал все обвинения в сотрудничестве с СД, немецкой военной разведкой и т.п. Тогда органы госбезопасности стали оказывать давление на свидетелей, что дало свои плоды. Угрожая двумя годами тюрьмы, следователям удалось запугать монахиню Евфросинию (Дмитриеву), которая согласилась подписать сочиненные за нее показания об антисоветских и прогерманских проповедях о. Алексея в годы войны. Видимо, таким же методом обработали кучера И.П. Старухина, заявившего, что он 2–3 раза отвозил письма Кибардина немецкому коменданту в Осьмино. А бывший староста Новожилов показал, что он слушал на собрании районных старшин доклад о. Алексея о его лагерной жизни, и в нем якобы были антисоветские заявления. В составленном 22 марта обвинительном заключении говорилось, что Кибардин был «завербован комендантом Военной немецкой комендатуры для контрреволюционной работы в пользу гитлеровской Германии».

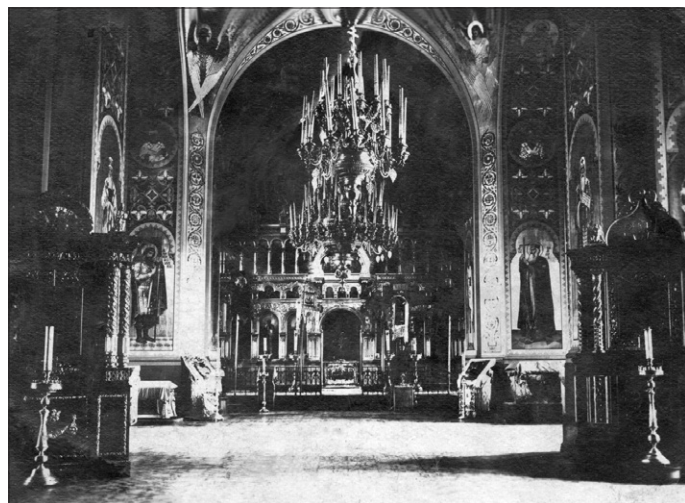
Состоявшееся 17 апреля 1950 г. закрытое судебное заседание военного трибунала войск МВД Ленинградского округа было далеко от объективности. На него

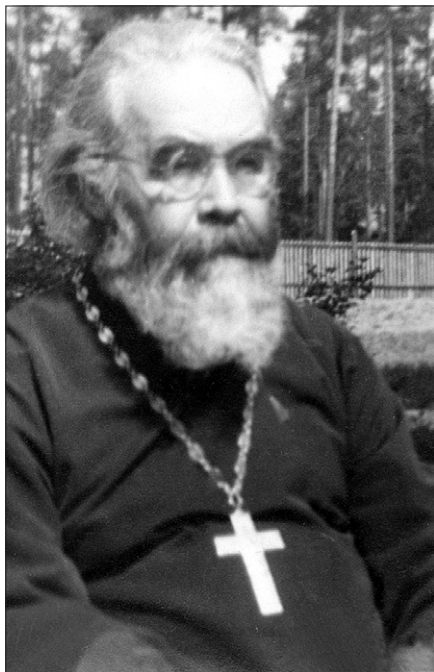
Село Пенино. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы, в которой о. Алексей служил входящим священником. Фото публикуется впервые

не вызвали ни одного из запрошенных Кибардиным в заявлении от 8 апреля свидетелей: его домработницу Е.Я. Масальскую и бывшего командира партизанского отряда И.В. Скурдинского, которые могли подтвердить постоянную помощь священника партизанам, а также членов приходского совета Покровской церкви Е.А. Кузнецову и А.К. Прокофьеву, которые знали, что в военных проповедях батюшки не было ничего про-немецкого и антисоветского.

Судебное заседание оказалось недолгим, но и его протокол свидетельствует о фальсификации дела. Стала отказываться от «своих» показаний мон. Евфросиния, начали путаться в излагаемых фактах Старухин и Новожилов. Относительно слов последнего о. Алексей

Интерьер церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Фото 1920-х гг. Публикуется впервые

*Протоиерей
Алексий Кибардин
в бытность
настоятелем
Вырицкой
Казанской церкви.
1945-1950 гг.*

заметил: «Эти показания не Новожилова, он и на очной ставке со мной мямля, не зная, что сказать, это редакция следователя. Новожилов не был тогда и на собрании». Священник по-прежнему отрицал свою вину и в последнем слове заявил: «Мне трудно оправдаться в предъявленном мне обвинении, хотя я и не виноват. Я оказывал помощь партизанам, следовательно, я оказывал помощь советской власти, а оказывая помощь советской власти, я не мог идти против нее. Я уже старик, моя участь в ваших руках, и я прошу взвесить все и вынести справедливый приговор».

Однако приговор был абсолютно несправедливым – 25 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией всего имущества и поражением в правах на 5 лет. В кассационной жалобе Кибардин указывал, что его свидетели не были вызваны в суд, и просил хотя бы не конфисковывать изъятые при аресте церковные предметы и деньги прихода – 5, 5 тыс. рублей, а также вещи внуков. Но определением военного трибунала от 8 мая 1950 г. приговор был оставлен в силе, и во всех просьбах священнику отказали. О. Алексия отправили отбывать срок в пос. Заярске Иркутской обл. (Ангарлаг).

В лагере батюшка стал настоящим старцем. Господь дал ему дар рассуждения и утешения. О. Алексий говорил впоследствии, как благодарил он Господа за эту ссылку – как нужен оказался он в этом месте, скольким людям Господь посылал через него помощь, и как нужны в заключении верующие люди для спасения душ многих.

После смерти Сталина в 1953 г. верующим разрешили открыто молиться, постепенно начался пересмотр дел. 29 ноября 1954 г. о. Алексий Кибардин написал заявление генеральному прокурору СССР: «Отношение ко мне следователя во время следствия грубое и придирчивое, явно враждебное, а затем суровый приговор Трибунала вывели меня старика из равновесия, и поэтому я не смог использовать права обжалования этого приговора. Следователь, который в грубой форме с площадной бранью заявил мне – ты поп и бывший лагерник, ты враг Родины и советской власти, ты должен был вредить и значит вредил советской власти – не предъявил мне сформулированного обвинения... Виновным себя не признавал и не признаю, совесть моя чиста: ни Родине я не изменил и никого не обидел».

Заявление батюшки рассмотрел военный прокурор Ленинградского округа, в заключении которого от 22 февраля 1955 г. говорилось о необходимости снизить наказание, как чрезмерно суровое, до фактически отбытого срока – 5 лет и 2 мес. И 1 апреля военный трибунал округа принял решение снизить приговор до 5 лет в исправительно-трудовом лагере, заключенного освободить и считать его не имеющим судимости. 22 мая 1955 г. о. Алексий был освобожден в Заярске и вскоре выехал в Ленинград.

С 15 августа 1955 г. батюшка вновь стал служить в Казанской церкви Вырицы, 17 августа 1957 г. по состоянию подорванного в лагере здоровья вышел за штат и с тех пор проживал в Вырице, получая пенсию, как заштатный протоиерей. Скончался о. Алексий 5 апреля 1964 г. – ровно через 15 лет (с разницей в 2 дня) после смерти прп. Серафима Вырицкого, как и предсказал ему в свое время старец. Похоронен был батюшка на вырицком кладбище, и могила его сейчас постоянно посещается и почитается верующими. Реабилитирован же был о. Алексий «как жертва политических репрессий», по своему делу 1950 г., только 10 сентября 1997 г.

Использованные источники и литература:

Архив Управления ФСБ Российской Федерации по С.-Петербургу и Ленинградской обл., ф. архивно-следственных дел, д. П-86884, д. П-83017.

Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 2, личное дело. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб., 1999. С. 110.

Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви, СПб, 1999. С. 163, 186, 191-192, 309.

Филимонов В.П. Старец иеромонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб, 1999. С. 303.

Духовенство и церковнослужители Феодоровского Государева собора / Публ. Д.О. Бохонского // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 2001. Вып. 24. С. 98.

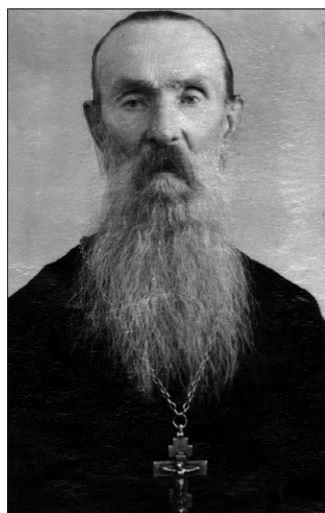

И. В. Попов

ПАСТЫРЬ ИЗ ЛОЖГОЛОВА

Протоиерей Николай Недремский

В годы войны наиболее известна деятельность миссионеров Псковской Православной миссии, приехавших служить на Северо-Запад России из Латвии. Однако была и еще одна плеяда миссионеров, трудившихся преимущественно в западной части С.-Петербургской епархии, происходивших из Нарвской Русской епархии (Эстония). Они начали свое служение по благословению Преосвященного Павла (Дмитровского), архиепископа Нарвского и Изборского. Одним из этих нарвских священников-миссионеров был уроженец С.-Петербургской губернии протоиерей Николай Недремский.

Последний настоятель церкви св. вмч. Георгия Победоносца в селе Ложголово, лежащим в западной части С.-Петербургской губернии, протоиерей Николай Иоаннович Недремский (до закрытия храма в 1963 г.), прожил долгую и исполненную многих испытаний жизнь, когда он скончался, ему было 79 лет. Но наполнена она была вся истовым и неленостным служением Богу и людям. Всегда, невзирая на времена и власти, о. Николай служил не времени, а Богу, по завету Христову.

Происходил о. Николай Недремский из потомственной семьи духовного звания. Дед его, Мефодий Недремский, служил псаломщиком в Воскресенской Алексеевской церкви близ с. Осьмино в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. Отец, диакон Иоанн Мефодиевич Недремский, служил в Георгиевской церкви села Ложголово и преподавал Закон Божий учащимся Ложголовской Императора Александра II церковно-приходской школы. 27 августа 1905 года за усердные труды свои по народному образованию был награжден Императором Николаем II серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Александровской ленте. Тетушка Николая Недремского, родная сестра диакона Иоанна Серафима Мефодиевна, служила просфорней в соседнем приходе села Старополье.

В канун Николы-зимнего, 5 декабря 1883 г., в семье Недремских у о. Иоанна и его супруги Любови

Феодоровны родился сын. Это был второй ребенок в семье, старший – Илия, родившийся в 1877 году, жил впоследствии при отце, а после родились еще пять сыновей – Константин, Леонид, Александр, Алексей, Михаил и дочь Анна. Нарекли его по имени святителя, в день которого он родился, Николаем. До четырнадцати лет он жил в родном селе, в семье отца, затем, по сложившейся в семьях лиц духовного звания традиции, поступил в С.-Петербургскую Духовную семинарию, два класса которой и окончил в 1889 году.

В 1900 г. он выдерживает экзамен на звание учителя начальной школы и поступает в церковно-приходскую школу с. Никольского (ныне это северная окраина Сланцев) Гдовского уезда. Здесь он учителем служит пять лет, а затем в 1906–1914

гг. с перерывом во время Первой Мировой войны до 1918 г. преподает в Ганежской земской школе Гдовского уездного земства близ Осьмина.

*Протоиерей
Н. Недремский*

Ложголово. Духовенство и почитатели Георгиевского храма возле церковно-приходской школы имени Императора Александра II. 1912 г. Третий справа во втором ряду – диакон Иоанн Недремский, отец будущего прот. Николая Недремского

Крестный ход вокруг Георгиевской церкви после освящения ее епископом Гдовским Вениамином, будущим священномучеником Петроградским. 1912 г.

В годы войны с Германией и Австрией Николай, так же как и его родной брат Константин, служит в действующей Императорской армии, а после революции и развала фронта возвращается на родину.

В 1919 году по занятии этих мест Северо-Западной Белой армией генерала Н.Н.Юденича Николай уходит вместе с добровольцами. К этому шагу его подвигло неприятие того зла и насаждаемого безбожия, которое несли с собой большевики. В армии он служил полковым певчим.

После отступления осенью 1919 г. Северо-Западной армии, преданной союзниками, из пределов России Николай Недремский оказывается в отошедшем к Эстонии городе Нарве.

С 1920 г. русские люди, оказавшиеся в эстонских пределах, находились в тяжелейшем положении. Воинов-северозападников, спасших «независимую» Эстонию от порабощения Красной армией и положивших под Нарвой свои жизни, разоружали, а затем вместе с русским гражданским населением – беженцами из Петербургской губернии, загоняли в леса, на торфоразработки, тысячи людей погибли от вспыхнувшей в 1920 г. эпидемии тифа.

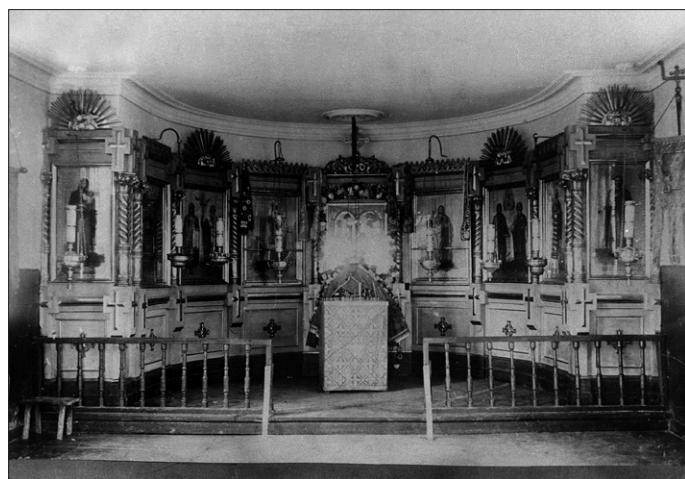
В Нарве в 1920-х годах Николай устраивается маляром по покраске домов и таким образом долгое время работает простым рабочим. Одновременно с этим он регулярно посещает храм, ставший местом объединения, сплочения для многих русских людей, состоит членом Православного Свято-Владимирского братства, поет там на клиросе, принимает близкое участие в церковно-просветительской приходской деятельности. Зачастую он исполнял обязанности псаломщика в храме.

По воспоминаниям знавших его, в Братской Князь-Владимирской церкви (Нарвского отделения братства Пресвятой Богородицы) он был неизменным

певцом, чтецом и псаломщиком, руководил общенародным пением за внебогослужебными духовными беседами и лекциями, которые велись при братстве неопустительно. О. Николай был душой прекрасного хора братской церкви и находил время обучать церковно-славянскому чтению некоторых детей братчиков, когда закрылась многолюднейшая (на 1550 детей) братская церковная школа. Его выученики до 1970-х –1980-х годов пели и читали во многих городских и сельских храмах Эстонии, а также и С.-Петербургской епархии. Служение о. Николая по Нарвскому братству продолжалось 25 лет.

В 1938 г. Николай Недремский венчается с прихожанкой Нарвской церкви Евгенией Андреевной Гавриловой, вскоре у них рождается сын Владимир (1939 г.). 15 июля 1938 г., в праздник св. кн. Владимира, Преосвященный Павел (Дмитровский), епископ Нарвский рукополагает о. Николая в сан диакона. Принимая во внимание его заслуги и ходатайство о нем Совета Братства (Решение о рукоположении о. Николая во священник сан и причислении его к клиру Братской церкви было принято митрополитом Эстонской церкви Александром (Паулусом), почетным членом и попечителем Нарвского Православного братства). Одновременно о. Николай служил за богослужениями и в городском Спасо-Преображенском соборе.

В 1942 году архиепископ Нарвский Павел за те же заслуги возвел диакона Николая Недремского в сан иерея и предоставил ему настоятельство в Нарвской Русской епархии. Первоначально он был определен к Петропавловской церкви с. Кейкино, но затем оставлен в Нарвском соборе, а с 13 апреля 1943 г. назначается настоятелем Казанской церкви с. Низы (Большие Поля), выстроенной на последних метрах бывшей эстонской территории в годы войны для окормления верующих православных русских людей в Сланцах и окрестностях, где совершенно не оставалось действующих храмов.

Ложголово. Часовня вмч. Георгия Победоносца на месте его явления. Интерьер. Фото 1912 г.

Прот. Николай Недремский во время крестного хода вокруг Ложголовской Георгиевской церкви в день престольного праздника. Конец 1950-х гг.

В годы Второй Мировой войны (1941–1944 гг.) правящий архиерей Нарвской Русской епархии Преподобный Павел (Дмитровский) по просьбе верующих западных районов С.-Петербургской епархии, примыкающих к бывшей Эстонской границе, принял в окормление ряд приходов в этой части епархии, которые окормляли клирики из Нарвы: прот. Александр Степанов, прот. Павел Калинин, священник Михаил Рауд, священник Николай Недремский и др. Богослужения были возобновлены в приходах Ополе, Кёрстово, Краколье, Кейкино, Удосолово, Сойкино, Ратчино, Низы и др.

В феврале 1944 г. по занятии Низов советской армией он с семьей был эвакуирован в тыл советских войск, с июля 1944 г. жил в с. Удосолово, где служил в местной Михаило-Архангельской церкви, откуда в декабре 1944 г., по нахождении квартиры, переехал в село Ратчино, где и поселился в церковной сторожке. С 1 марта 1945 г. о. Николай назначается архиепископом Григорием (Чуковым) настоятелем Георгиевской церкви с. Ратчино.

Оказавшегося снова в России батюшку тянуло на родину, и он решает продолжить свое пастырское служение в родном храме, где родился и вырос и где служил диаконом его отец. По собственной просьбе 12 февраля 1948 г. о. Николай Недремский переводится к храму вмч. Георгия Победоносца с. Ложголово. Семья Недремских переехала сюда и поселилась в небольшом деревянном домике неподалеку от храма. Радостно было служить в родных стенах, многих в селе он знал с детства, многие помнили его. В год возвращения о. Николаю исполнилось 62 года.

Однако многое за эти годы и изменилось. Иные семьи были раскулачены и высланы из села, 1937 год также собрал обильную жатву. Да и село было не совсем прежнее, – все трудились в колхозе... Наряду с искренней радостью верующих людей сеялось и насто-

роженное отношение к пастырю, порой доходило даже до «идеологических» доносов...

«Священник Недремский пришел к нам из Эстонии в 1945 году, где находился с 1913 (ошибка. – И.П. – с 1919) года. Отсюда в его деятельности то и дело чувствуется отсутствие ясного, правильного понимания задач и перспектив церковной работы при нашем Советском государственном строе». Власти пытались мелкими придирками указать на несовременность батюшки и чужеродность его для сельчан. Однако, скрепя сердце, и недоброжелателям пришлось признать, что «в семейном и моральном отношении о. Недремский не вызывает возражений, да и народ им доволен, так как он уроженец с. Ложголово».

А добрый пастырь продолжал усердно служить и окормлять вверенную ему паству. Регулярными были богослужения в воскресные и праздничные дни, собиравшие многих и многих жителей села. На службах мужчин было немного, большей частью в храм ходили женщины, приводили в церковь и детей, богослужения приносили духовную радость, а Ложголово оставалось нетронутым очагом, оазисом живой веры в море безбожия, ведь большинство прежде действовавших храмов было закрыто.

Кроме Ложголовского прихода о. Николай до 1952 г. окормлял также и паству закрытого в 1944 г. соседнего с Ложголовом Старопольского прихода.

В ноябре 1952 г. у батюшки случилось кровоизлияние в мозг. Оправившись от болезни, он старается продолжать пастырское служение, хотя это было ему уже тяжело по старости и слабости здоровья. Порой опять «доброхоты» писали и повторяли старые переписки о непонимании им «задач церковной работы при советском строе»...

В 1953 г. о. Николай награждается камилавкой, в 1957 г. – наперсным крестом, к Пасхе 1961 г. он возводится в сан протоиерея.

Ложголово. Аллея вековых лип, ведущая к часовне вмч. Георгия Победоносца, на месте его явления. Фото 1950-х гг.

Прот. Николай Недремский питал особую любовь к святым местам своей малой родины, к храму, в котором служил. Неоднократно он принимал меры для сохранения вековой липовой аллеи, ведшей от храма к часовне вмч. Георгия Победоносца на месте его явления в с. Ложголово. Он нанимал трактористов с тем, чтобы они уложили ряд больших привезенных с окрестных полей валунов, между липами вдоль аллеи, что не позволяло проходившей мимо сельскохозяйственной технике уничтожать аллею. Они и поныне лежат там, среди травы, напоминая о добром пастыре.

Старенький священник, ставший на восьмом десятке лет совсем немощным, в 1960 году выходит по болезни за штат и на пенсию. Батюшке, 18 лет учительствовавшему в церковных школах С.-Петербургской епархии, 25 лет служившему в Нарвском братстве и почти два десятилетия бывшему приходским священником, была назначена пенсия 30 рублей. Исполнение настоятельских обязанностей ложилось непосильным бременем на больного пастыря. Приход, чтобы не закрыться, нуждался в назначении нового, молодого и энергичного священника. Об этом же просили и прихожане. Однако таковой по-прежнему не находился. А на дворе уже стояло время наступивших внезапно новых гонений на церковь, сына о. Николая, Владимира, дети высмеивали в школе как «сына попа», озлобление и ненависть к Церкви Христовой целенаправленно культивировались в людях правительством.

Ложголово. Дом, в котором проживал и скончался в 1962 г. прот. Николай Недремский

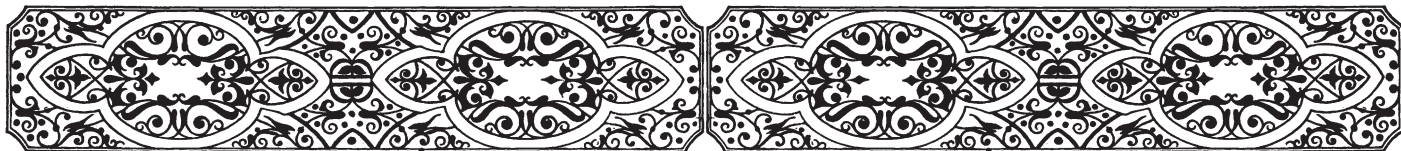

Ложголово. Храм вмч. Георгия Победоносца. Современный вид после реставрации

С 15 июня 1961 года по выходе на пенсию о. Николай уже не служил в церкви, церковное имущество и ключи от храма были переданы «двадцатке» (общине). О состоянии здоровья пастыря, положении прихода в последние годы жизни доброго батюшки свидетельствует его прошение митрополиту Гурию (Егорову), написанное уже нетвердой рукой: «...мне, болезненному, требуется уход, проживание на 30 рублей пенсии вместе со старухой женой невозможно, а потому почтительнейше прошу Вас, Ваше Преосвященство, не оставить меня Вашими заботами и выделить единовременное пособие из средств Епархиального управления на найм человека для носки воды и на посадку картофеля в размере 30 рублей. Вашего Преосвященства недостойный молитвенник, заболевший протоиерей Н. Недремский. 15 мая 1961 г. с. Ложголово».

20 сентября 1962 г., на память св. мч. Михаила Черниговского, в церковном домике в Ложголово скончался протоиерей Николай Недремский. Возможности перевезти тело усопшего в ближайшую действующую Опольскую церковь не было, и община испросила благословение митрополита на отпевание почившего в Ложголовском храме. Настоятель Опольского храма прот. Игорь Ранне приехал в Ложголово, где «с разрешения председателя Скворцова, именно он через три года закроет храм, – совершил панихиду по почившем». Райисполком разрешил совершить отпевание в Ложголово, но не в церкви, а только на кладбище, и только в случае плохой погоды – на дому. 24 сентября утром на кладбище у храма по установленному чину было совершено отпевание приснопамятного о. Николая, последнего настоятеля Ложголовского храма.

После смерти батюшки его вдова, матушка Евгения Андреевна, жила практически не имея средств к существованию. Живя в маленьком и бедном приходе, даже при жизни о. Николая семья всегда еле сводила концы с концами. Из письма митрополиту Пимену от 19.12.1962 г.: «Крайне нуждаюсь и теперь часто не имею возможности купить самых необходимых продуктов. В данное время еще болею. Е.Недремская». По кончине верная спутница жизни нашла место своего последнего упокоения рядом с супругом, пережив его на десять лет. Могилки их, обозначенные двумя кованными металлическими крестами за алтарем храма, почитаются жителями села Ложголово и до сего дня.

ПРОПОВЕДЬ

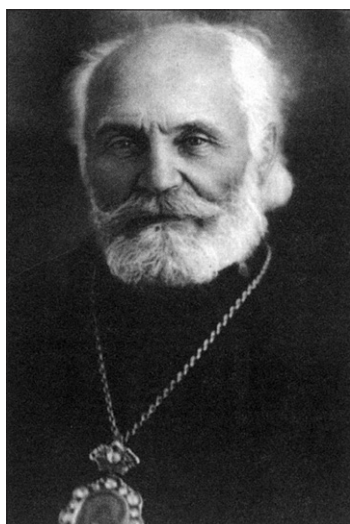
Архиепископ Павел (Дмитровский)

БОДРСТВУЙТЕ, СТОЙТЕ В ВЕРЕ

(Обращение к православной пастве Нарвской епархии)

**Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды
Все у вас да будет с любовью.**

(1. Кор. 16, 13-14)

Прошло почти две тысячи лет с тех пор, как Св. Апостол Павел обратился к коринфянам со словами такого увещания. Но не думайте, братие, что слова эти не относятся также и к нам, или что они утратили уже свое значение. Нет, они действительны и поныне и касаются каждого из нас.

Не найдется, кажется, на земном шаре такого уголка, где бы вражда и зависть, посеянные в людских сердцах искон-

ным врагом рода человеческого, злым духом, не производили сейчас своего губительного действия. В мире свирепствует небывалая волна, сопровождаемая невиданным кровопролитием и безпримерным разрушением накопленных веками ценностей. Стремясь построить свое земное благополучие, люди ввергли себя в пучину несказанных бедствий и с трепетом вопрошают, как же спастись им из этого водоворота зол и мук. Конечно, и вы, братие, задаете себе такой вопрос. Ответ на него указан нам в словах Спасителя нашего: «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его» (Мф. 6, 33). Лишь следуя этому завету Христа, можно достичь также и земного благополучия. Твердо и непоколебимо стоит только то, что строится на Христе и во Христе. А если так, то нам должны быть понятны слова Апостола: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды». Эти слова крепко помнили наши благочестивые предки. Они не стыдились имени Христова, бодрствовали, были стойки в вере, мужественны, тверды, и поэтому, с благословения Божия, собрали, сохранили и передали нам великое и богатое наследие, сохранить которое мы не сумели. Мы отступили от заветов Христа и подверглись за это каре Божией, лишившей нас наследия, которого мы оказались недостойны. В забвении

заветов Христовых повинно и старшее наше поколение, и молодежь наша, которая по своей неопытности и легкой восприимчивости особенно доступна чужеродным влияниям, враждебным христианству. Но если мы, старшие и молодежь наша, не вернемся ко Христу и не обратимся к исканию Царствия Божия и Правды Его, то и в земном строительстве своем не создадим ничего истинно ценного и долговечного, не вернем Родине нашего прежнего благополучия и величия.

Памятуя об этом, мы, Православные Архиереи Прибалтики, собравшиеся в древней Псково-Печерской обители, чтобы соборно отправить праздник Успения Пресвятой Богородицы и держать между собою совет, обращаемся к вам, возлюбленные братие и сестры наши, и просим вас словами Св. Апостола: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. Стоять в вере – значит помнить завет Христа, исповедывать себя православным христианином, искать прежде всего Царства Божия и Правды Его. В этом бодрствуйте, в этом будьте мужественны, тверды и не забывайте слов Апостола: «Все у вас да будет с любовью». Все мы во грехах, все мы величайшие должники пред Богом. И если Он, по великой Своей милости, оставляет нам наши прегрешений, то и мы обязаны прощать врагов наших, обязаны изгнать их сердца своего всякую злобу и зависть. Тогда и Господь Бог, Источник всяких благ, благословит все наши добрые предприятия, увенчает успехом нашу борьбу и наши труды, осенит радостью земную нашу жизнь и сподобит нас Царствия Небесного.

Итак, будем бодрствовать против козней лукавого, будем мужественно и твердо стоять в вере, будем во взаимной евангельской любви искать Царствия Божия и под Покровом Пресвятой Богородицы с верою и молитвою строить свою земную жизнь. Аминь.

22. 09. 1943 г.

Принято в Псково-Печерском монастыре
собором епископов Экархата

митрополит Сергей (Воскресенский)
епископ Иоанн (Гарклав)
епископ Даниил (Юзвюк)

Протопресвитер Кирилл Зайц. Начальник Псковской Православной миссии

Прот. Кирилл Зайц

ХРИСТОС – ЛОЗА, МЫ – ВЕТВИ

Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; Кто пребывает во Мне и я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего.

(Ин. 15, 4–5).

Жизнь, в единственно верном значении этого слова, – в Иисусе Христе, и только в Нем. В прежние времена как-то не думалось об этом, теперь же, в переживаемое нами время, необходимо возможно чаще напоминать об этом и себе самому, и другим. Это обязанность каждого верующего человека. Присмотритесь к тому, что творится кругом и прислушайтесь, о чем говорят! С одной стороны, очевидно, о «жизни» вовсе не заботятся. Потеряно понятие о том, какой она должна быть, к чему обязывает. Живут лишь кое-как, жизнью животных, живут настоящим днем, удовлетворяя свои физические потребности, не думая о будущем, о вечности, которая для каждого из нас наступит чрезвычайно скоро.

С другой стороны, многие ищут «жизни», не удовлетворяются привычным проведением времени, ищут всюду и везде, но только не там, где она есть. Как бы намеренно не хотят они видеть Источника жизни; ища Его, удаляются от Него, и с каким-то отчаянием, ожесточением силятся оторвать от Него и тех, кто с младенчества своего были уже привиты к Нему. Прислушайтесь к вопросам, которые раздаются и как бы стоном стоят над обыною житейскою сутолокою. Куда идти? Что делать? Во что веровать? Где мир душевный? Где покой? Что делать с гнетущею меня тоскою, как прогнать ее? И беспрерывно отовсюду слышатся эти вопросы.

И кто же эти вопрошающие, кто эти тоскующие? Ведь это в большинстве те, кто раньше в изобилии черпали жизненные соки из Источника вечной жизни; это те, кто когда-то жили со Христом и во Христе, кто от Него получал силы и жизнеспособность, как получают ветви жизненные соки от своего дерева.

Опомнитесь вопрошающие, опомнитесь ищущие: Господь – Лоза, мы – ветви! Господь – жизнь и Источник жизни, а мы – в Нем, мы в жизни! Какой чудный союз Бога с человеком для оживления человека! Чудное общение Божества с человечеством во Христе, в христианстве, в Церкви Христовой!..

Человечество ведь давно тосковало, давно порывалось таинственно к Бесконечному, Вечному, к Богу Живому, к Единому Неумирающему, к Свету Невечернему, к Свету Незаходимому!.. И когда этот Бесконечный

явился, когда этот Свет воссиял, вы вновь затосковали, вновь бросаете в пространство душу раздирающие вопросы?!

Ведь на ваши вопросы ответ дан давно, притом ответ, не допускающий никаких недоразумений, ответ вполне удовлетворяющий колеблемый сомнениями ум и мятущуюся душу человеческую. Миллионы подобных вам в Церкви нашли мир душевный среди смятений, покой среди бурь житейских, утешение и радость среди скорбей и страданий...

Сюда спешите и вы! Стремитесь ко Христу! Нигде, помимо Христа, не найдете покоя, не найдете разрешения недоуменных вопросов, не утолите мучительной жажды своей. Нет жизни без Христа, нет жизни в тех, кто от Него отошел, как нет жизни в оторванном от дерева листе, в оторванной ветке... Перед нами зеленеющее дерево. Каждая веточка, каждый листок живет, развивается... Сорвался листок, сорвалась ветка, обломилась, отделилась от дерева, и пусть в первое мгновение они еще сохраняют свою свежесть, пусть еще зеленеют и, по-видимому, живут, но... мы уже знаем их судьбу, их жребий нам известен: они увянут, засохнут, истлеют, и ничто уже их не спасет, не оживит.

Перед нами, как зеленеющее дерево, – Христос Господь (Я есмь Лоза); перед нами Его, Им же основанная Церковь, спасающая, оживляющая. Отошел кто-либо от Него, оторвался от Церкви, по маловерию ли, по ожесточенности, малодушию, легковерию... и их судьбу мы уже знаем, их жребий нам уже известен: без благодати, без жизненных соков, без связи со стволом и корнями, они увянут, засохнут, погибнут для здешней духовно-благодатной жизни, а также и для загробной блаженно-вечной жизни!.. К вам обращение мое, Вы – ищущие, мятущиеся, сомневающиеся, тоскующие! Вникните в слова Господа Иисуса Христа, остановитесь на них с серьезным вниманием, неужели не перевернут они вашего мирозерцания, и неужели не дадут другого направления вашим скорбным мыслям, бесцельным исканиям?

«Я есмь Лоза», – сильно и убедительно раздаются слова Господни, – «Лоза, а вы ветви; кто пребывает

во Мне и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня – не можете делать ничего!»

Держитесь за эту «Лозу», держитесь за Христа! И все засияет в тебе; весь проникнешься ты сознанием, что живешь, наконец, настоящей жизнью, тою жизнью, которая одна дает уверенность в достижении блаженной вечности! И удивишься ты, как могут люди с тревогою

вопросать о смысле жизни, непонятно будет для тебя и значение столь обычных в наши дни слов «тоска», «отчаяние»! В Иисусе Христе радость, мир, покой; в Нем – жизнь, и в Нем одном лишь она, ибо он один о Себе мог изречь на все времена мощное слово Свое: «Я – путь, Я – истина, Я – жизнь!»

1923

ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ

Несомненно каждый из нас уверен, что он обладает истинным сокровищем веры. Эта уверенность заставляет дорожить этим сокровищем, беречь его от повреждения и расхищения. Свою веру, веру Православную, мы выставляем, как единую истинную, прямым путем ведущую человека ко спасению. Мы дорожим ею, любим ее, ревнуем по ней. Когда мы встречаем противника нашей веры, иначе мыслящего, иначе чувствующего, мы выслушиваем его спокойно, терпеливо – мы уважаем искренние убеждения другого, хотя бы эти убеждения, на наш взгляд, были далеки от истины; это основное правило нравственных отношений. Но мы требуем, чтобы и к нашей святыне, к нашим убеждениям относились с уважением. Но многие, к удивлению, из православных же, совершенно неправильно оценивают ревностное отношение к религиозным убеждениям, к мужественному отстаиванию истин св. Православия. Это, говорят, – фанатизм.

Неужели горячее чувство обиды за родную, дорогую истину, когда эту истину попирают, не уважают, неужели это недостойное дело фанатизма?

Несомненно нет. Это не фанатизм, а твердость убеждения, ревность по вере.

Обратимся к Евангелию. Вот Тот, «Кто в Своей кротости льна курящегося не угасил и трости надломленной не переломил» (*Мф. 12, 19-20*), но какое острое обличительное слово Он изрек ученику Своему, когда это нужно было: «Отойди от Меня, сатана, ты Мне соблазн» (*Мф. 10, 23*)! Не обличал ли Он в праведном гневе Своим книжников и фарисеев, называя их «змеями и порождениями ехидны» (*Мф. 23, 33*)? Не брал ли Он в руки бича для двукратного изгнания из храма того, чему там не подобало быть (*Мф. 21, 12*)? Кто сказал: «огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (*Лк. 12, 49*)?

А мы боимся сильной горячей защиты веры, боимся, чтобы кто-нибудь не сказал: они фанатики. И в то же время нас не беспокоит подчас преступное равнодушие к вере, несмотря на то, что равнодушие уже есть действительная измена Богу.

Враги веры и Церкви Православной учитывают этот страх малодушных людей, и эти названия постоянно применяются к тем лицам, которые часто посещают

святой храм и богослужения, которые дома выдерживают церковный уклад жизни, которые соблюдают посты, которых интересуют беседы о предметах религиозных, и ко всякому, кто так или иначе выражает свое усердие к вере и Церкви.

Это, говорят, крайности в религии, а крайностей в религии почему-то боятся. Не крайности в религии должны внушать страх, а неправильности.

Религия Православно-христианская несомненно дает нам действительное общение с нашим Спасителем и Господом, а если так, то может ли быть и разговор о «крайности» этого общения? Можно ли бояться усиления этого общения? Разве можно бояться, что в нас усилится совершеннейшее добро? Не видим ли мы полных выразителей этих «крайностей» в лице Самого Господа Христа, святых апостолов, святых мучеников, святых подвижников, всех праведных угодников Божиих?

Равнодушное, легкомысленное отношение к вере – это есть то душевное настроение, которое на богословском языке называется «теплохладностью».

Не высоко нравственное достоинство этого настроения. В слове Божиим имеется строгое слово, относящееся к подобным людям – «Ангелу Лаодикийской церкви написал: так говорит Аминь свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела: ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (*Откр. 3, 14-16*).

Пора же отбросить эту теплохладность! Посмотрите – разные христианские общества стали простирать из заграницы свои руки к Православной Церкви, в ней одной усматривают сохранившуюся неповрежденно истину Христову. А сами дети Православной Церкви боятся показаться «горячими защитниками веры», боятся быть ревнителями Православия из-за ложного взгляда на ревность по вере. Теперь именно, в дни гонений на веру Христову мы должны стряхнуть с себя равнодушие и теплохладность. Ныне прямой долг каждого православного христианина все свои силы употребить на защиту св. Церкви, на охранение достоинства имени Христова! Апостол и к нам взывает: «Духа не угашайте!»

1927

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ

Что такое веротерпимость? В настоящее время чрезвычайно важно установить точное понятие о веротерпимости. Это слово слишком часто употребляется в рассуждениях об отношениях православных к другим вероисповеданиям. Веротерпимость отождествляется с понятием о безразличии в вере, с индифферентизмом. Часто слышим характерное выражение этого безразличия в словах: «Все веры хороши», «Бог-то у всех один, – не все равно ли как кто Ему молится», «В какой вере родился, в такой и умри», и пр. Это мы наблюдаем, именно, у детей истинной Православной Церкви, в то время как религиозные заблуждения, неверие и безбожие с особой силой, в нынешний век «пресловутых свобод», обрушивается на Св. Церковь Православную. Эти нападки на религию оправдываются в интеллигентной среде различными софизмами, различными хлесткими фразами, ссылками на «справедливость» и пр. Говорят:

«Для блага народа никакой религии не нужно».

«Все веры одинаково хороши, держаться одной веры в ущерб другим является деянием безнравственным».

«Даже верования диких племен должны быть предоставлены естественному ходу их развития», «Все следует делать во имя культуры, во имя веротерпимости, во имя свободы совести, во имя свободы естественного развития народа на почве религиозного безразличия», и во всех этих и подобных рассуждениях заманчивым является слово «веротерпимость». Необходимо поэтому иметь ясное представление, ясное понятие о том, что подразумевать под словом «веротерпимость». Итак, что же такое веротерпимость? Покойный священномученик митрополит Владимир так говорит о веротерпимости: «Это не есть своего рода доброта: это ограничение ревности истинноверующих, один из видов христианского благоразумия. Веротерпимость, как показывает словопроизводство, есть терпение или допущение другой какой-либо религии рядом со своей. Следовательно, прежде надлежит узнать и полюбить свою веру и потом уже стремиться к распространению ее, как высшего блага, и между другими, – потом уже с кротостью и терпением относиться к тем, которые нашей веры не ценят и не принимают. Вот что означает понятие о веротерпимости с церковной точки зрения».

Это определение веротерпимости далеко от понятия многих современных общественных деятелей и интеллигентных людей, по рождению православных. У них понятие искалечено, спутано. «Зачем выставлять свою веру истинною? Зачем разжигать религиозные страсти? Предоставьте свободно верить каждому, кто как хочет,

и будет все хорошо,..» Но такое понимание, по слову Апостола, есть «прикрытие зла».

Слово «веротерпимость» красиво, завлекательно, но оно, неправильно понимаемое, не есть христианское. Кто убежден в спасительности христианства, те не могут ратовать за веротерпимость. Это равносильно отказу от борьбы со злом. Равнодушие ко всем вероисповеданиям возможно лишь тогда, когда не будешь любить своей Церкви. И, к сожалению, слова о веротерпимости во многих прикрывают лишь боязнь духа времени, боязнь прослыть фанатиками, людьми отсталыми и реакционерами в худом смысле слова.

Не «веротерпимость» мы должны развивать в себе, а ревность о благе св. Церкви, иначе мы впадаем в страшный грех небрежения о пользе святой Церкви. Разве отражение пастырями своего стада от нападения хищных волков будет противно христианству?

Проповедуя веротерпимость с современным понятием о ней, мы делаем беззащитными от нападения врагов тех, кто искренно любит свою веру. Ревность по вере, любовь ко святому Православию должна быть и в устах и в сердцах каждого православного христианина в эти дни гонений, а не «веротерпимость».

Никого не должно смущать то, что ревнителей веры Православной будут называть отсталыми или фанатиками. Твердо держаться неизблемых истин Православного христианства – не есть отсталость: мы обязаны проповедывать вечные, вечно юные, а не старые идеалы; христианство и христианские идеалы не старятся.

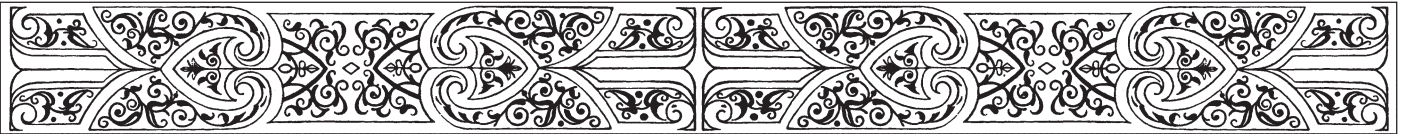
Нельзя закрывать глаза и на то, что те, кто больше всего ратуют за «веротерпимость», являются всегда самыми яркими гонителями по отношению к тем, кто не согласен с их убеждениями. Об этом громко говорят события в России, где так недавно в одну из основ освободительного движения ставилась веротерпимость.

Мы не можем, конечно, уничтожить различия в религиозных убеждениях. Относясь любовно к каждому человеку, ценя искренность убеждений в каждом, не допуская и мысли о фанатизме, мы высоко должны держать знамя своего Православия. Не туманное понятие о веротерпимости должно лечь в основу нашей деятельности как православных христиан, а ясное, убежденное исповедание своего Св. Православия, ревность по своей вере.

«Ревность по дому Твоем сдает Меня» (Лк. 2, 17), – эти пророческие слова св. Апостолы отнесли к Иисусу Христу, когда Он изгонял торгующих из храма.

Ревность по правде, по Православию должна «сдаться» каждого Православного христианина.

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

М.В. Шкаровский

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ (ВОСКРЕСЕНСКИЙ) И ЕГО СЛУЖЕНИЕ В ПРИБАЛТИКЕ И НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 1941–1944 ГГ.

Церковная жизнь в Прибалтике и на Северо-Западе России в период германской оккупации отличалась заметным своеобразием. Это был единственный регион на всей оккупированной территории СССР, где сохранился и даже вырос экзархат Московской Патриархии во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским).

Прибалтийские республики – Литва, Латвия и Эстония только в июле 1940 г., после занятия их советскими войсками, вошли в состав СССР. На их территории проживало 510000 православных, объединенных в 400 приходов (в Латвии 164, Эстонии 164 и Литве 72), имелось 6 монастырей. Но только Литовская Церковь, которой в 1924–1940 гг. управлял митрополит Елевферий (Богоявленский), оставалась к 1940 г. в юрисдикции Московской Патриархии. Эстонская же Православная Церковь в 1923 г., а Латвийская в 1936 г. провозгласили автономию под юрисдикцией Константинопольского Патриарха. Так как это было сделано без канонического отпуска их Московской Патриархией, последняя никогда не признавала законность данного акта. В августе 1940 г. Синод, а затем и глава Латвийской Церкви митрополит Августин (Петерсон) под давлением значительной части верующих и духовенства ходатайствовали о воссоединении с Русской Церковью. В том же месяце, с подобным ходатайством обратился и глава Эстонской Церкви митрополит Александр (Паулюс). В конце 1940 г. в Прибалтику в качестве полномочного представителя Патриархии выехал архиепископ Сергей (Воскресенский). Первоначально главой православных приходов Латвии и Эстонии был назначен митрополит Елевферий, но 1 января 1941 г.

он скончался, и новым митрополитом Литовским, а с 24 марта 1941 г. и экзархом всей Прибалтики стал Сергей. 28 марта 1941 г. митрополиты Августин и Александр в кафедральном соборе Москвы исполнили процедуру публичного покаяния в грехе раскола и были приняты в литургическое общение.¹

Владыка Сергей не эвакуировался при приближении германских войск, а остался в Риге. Существуют самые различные версии, объясняющие этот поступок. Русский эмигрантский историк В.И. Алексеев полагал, что экзарх вследствие своих антикоммунистических убеждений накануне вступления немцев в город спрятался в подвале собора и не был найден там секретарем – приставленным к нему «агентом

НКВД», позднее расстрелянным за эту неудачу.² По гораздо более аргументированному мнению канадского профессора Д.В. Поспеловского, митрополит Сергей стремился подготовить почву Местоблюстителю и Московскому церковному управлению на случай, если немцы победят или, по крайней мере, захватят Москву, чтобы сохранить епископат в новых условиях, а также предотвратить юрисдикционный хаос.³ Нельзя полностью сбрасывать со счетов и свидетельство Э.И. Лисавцева о том, что экзарх специально был оставлен органами НКВД в Риге, но почти сразу же на долгий период утратил связь с советским подпольем.⁴

Действительно, некоторые священнослужители Русской Церкви, оставшиеся на оккупированной территории, использовались советской разведкой. Так, один из ее руководителей П.А. Судоплатов совсем недавно писал: «Уместно отметить и роль разведки НКВД в про-

*Митрополит Ревельский
Александр (Паулус)*

От него поступала информация в основном о «патриотическом настрое церковных кругов». ⁵ Возможно, и экзарх имел определенные контакты с советской разведкой. Во всяком случае, представляется вероятным, что он остался в Риге с санкции Патриаршего Местоблюстителя. Это подтверждается их близкими личными отношениями и обдуманым, энергичным характером действий митрополита Сергия (Воскресенского) в первые месяцы после начала оккупации.

Ему сразу же пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Вскоре после захвата Риги митрополит Августин (Петерсон) объявил прежний Синод действующим и 20 июля направил германским властям просьбу о разрешении восстановления автономной Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией Константинопольского Патриарха и выдворении из Латвии «большевистского ставленника», «агента ЧК» экзарха митрополита Сергия. Подобным образом события развивались и в Эстонии. 8 июля германские войска вошли в г. Печоры, а уже 17 июля настоятель местного эстонского православного прихода Петр Пякхель издал циркуляр, называя себя в нем благочинным Печорского округа, поставленным новыми гражданскими и военными властями, и требуя прекратить на богослужениях поминовения экзарха и возносить только имя митрополита Таллинского Александра (Паулуса) с титулом всея Эстонии. После взятия немцами Таллина 28 августа он ездил к Александру и узаконил свое благочиние, а позднее был хиротонисан в сан епископа. Митрополит

тивоедействию сотрудничеству немецких властей с частью деятелей православной церкви на Псковщине и Украине. При содействии одного из лидеров в 30-х годах «обновленческой» церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митрополита Сергия нам удалось внедрить наших оперативных работников В.М. Иванова и И.И. Михеева в круги церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии священнослужителя».

Таллинский 14 октября 1941 г. также объявил себя «ответственным главой Церкви» ⁶.

В первый же день оккупации Риги 1 июля 1941 г. митрополит Сергий был арестован, но через 4 дня освобожден на поруки. Существуют свидетельства, что уже во время этого ареста он не без успеха убеждал германские власти, что для них политически выгоднее примириться с поминовением главы Московской Патриархии, чем содействовать возвращению Латвийской и Эстонской Церквей в юрисдикцию Вселенского Патриарха, экзарх которого находился в это время в Лондоне и имел тесные связи с правительством Великобритании. После освобождения экзарх Прибалтики собрал духовенство Риги в Троице-Сергиевом монастыре и объявил, что остается «послушником митрополита Сергия (Страгородского)» ⁷, т.е. Патриаршего Местоблюстителя в Москве.

В тоже время Владыка Сергий с самого начала оккупации занял антикоммунистическую позицию. Уже в сообщении оперативной группы А полиции безопасности и СД от 11 июля 1941 г. говорилось, что он выразил готовность опубликовать воззвание к верующим России, направленное против коммунизма, и составил его проект ⁸. Это способствовало тому, что сначала военная, а затем и гражданская германская администрация в Прибалтике не ликвидировала сразу же экзархат Московской Патриархии, а позволила ему временно остаться существовать до окончательного выяснения ситуации.

Избрав наступательную тактику в отношениях с ведомствами III рейха, митрополит Сергий придерживался ее и в дальнейшем, предлагая один план своей деятельности за другим. Так, в сводке СД от 27 сентября 1941 г. сообщалось, что национально-латвийские круги настаивают на обязательном и срочном отстранении экзарха. А тот со своей стороны день ото дня увеличивает активность и пытается привнести в руководящие германские органы свои далеко идущие планы, касающиеся Православных Церквей Балтийских стран и даже всей России и сводящиеся по всей вероятности «к панславянской идее». При

*Митрополит Рижский
Августин (Петерсон)*

этом СД занималось расследованием прошлой деятельности Сергия и имело серьезные подозрения, что он «состоял на службе большевистских политических органов»⁹.

В архивах сохранился обширный меморандум «Заметки о положении Православной Церкви в Остланде», написанный экзархом 12 ноября 1941 г. для германских ведомств с целью доказать, что переход Латвии и Эстонии под церковную власть Константинополя не в их интересах. Митрополит Сергий убеждал сохранить каноническое подчинение Прибалтики Московской Патриархии и заявлял, что она никогда не примирилась с безбожной властью, подчинившись ей только внешне, и поэтому он имеет моральное право призвать русский народ к восстанию. Экзарх призывал не дробить Церковь на части по национальному и территориальному признаку и предупреждал, что всякое вмешательство немцев в церковное управление будет использовано советской пропагандой как доказательство порабощения Церкви оккупационными властями:

«В Латвии и Эстонии создались маленькие, но очень активные группы православных политиков, которые прежде, как светские члены так называемых синодов, играли ведущую роль в соответствующих церквях и которые теперь стремятся снова захватить власть. Также, к сожалению, оба политиканствующих митрополита, Августин Рижский и Александр Ревельский, присоединились к этим группам. Остальные епископы и значительно превышающее большинство священников и мирян стоят далеко от этих групп, а часто настроены в отношении их и враждебно... С точки зрения церковно-политической было бы правильно положить в основу церковного порядка следующие принципы: 1) Принцип единства. Было бы странно, если бы в Остланде существовало четыре рядом стоящих православных церкви – Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три последних уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епископствами в более высокую единицу... 2) Принцип канонической законности. Чтобы избежать теперь и в будущем неизбежно следующих за схизмой ссор, православная церковь в Остланде должна пока оставаться в рамках российской патриархии... 3) Принцип автономии... 4) Принцип церковного единоначалия...»¹⁰.

В образованный указом Гитлера от 17 июля 1941 г. рейхскомиссариат «Остланд» (РКО) во главе с Хинрихом Лозе вошли 4 генерал-бецирка – Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, и Сергий неоднократно пытался непосредственно участвовать в жизнедеятельности Белорусской Церкви. Однако все эти попытки были строжайшим образом пресечены немцами.

Некоторое время будущее экзархата оставалось неопределенным. Чиновники центрального аппарата Министерства занятых восточных территорий (РМО),

исходя из своей концепции максимально возможного раздробления и ослабления Русской Церкви, выступали за его ликвидацию. В начале сентября на целый месяц в Прибалтику лично приехал руководитель группы религиозной политики этого министерства К. Розенфельдер, который посетил Таллин (Ревель), Псков, Ригу, Тарту (Дерпт), Каунас (Ковно), Вильнюс (Вильно) и Псково-Печерский монастырь, где его интересовали древние сокровища, библиотека и архив обители. Розенфельдер встречался с митрополитом Сергием, несколькими православными священниками, а также вел переговоры с офицерами СД, курировавшими религиозные вопросы в Прибалтике. По итогам поездки он написал своему начальству три докладные записки с конкретными предложениями относительно проведения церковной политики в «Остланде».

Из них видно, что Розенфельдера, рассчитывавшего увидеть на бывшей советской территории воспитанное в атеизме население, неприятно удивила высокая религиозность последнего: «Православная церковь ощущает себя больше, чем когда-либо, заботящейся о народе. Так же по моим сегодняшним наблюдениям и впечатлениям во время моей поездки в Остланд сформировалось представление, что церковь и христианство на Востоке после исчезновения большевизма переживают новый подъем». Относительно Зарубежной Русской Церкви (РПЦЗ) руководитель группы религиозной политики считал, что она должна исчезнуть, по возможности путем вхождения в сохранившуюся в России Церковь. Его точка зрения отрицательного отношения к РПЦЗ совпала с позицией СД: «Прежде всего, в СД негативно указывают на возможный приход на Восток православного архиерея в Германии – епископа Серафима». Интересен в этой связи цитируемый отзыв о РПЦЗ экзарха Сергия: «Он сказал, что примирение противоречий между эмигрантской церковью и церковью митрополита Сергия

Группа архиереев (Прибалтийских, Западно-украинских и Западно-белорусских епархий) во главе с митр. Сергием (Страгородским). Москва. 30 марта 1943 г.

в Москве является его задачей, и он уже предпринял некоторые шаги в этом направлении»¹¹.

В докладной записке от 7 октября Розенфельдер высказал следующие предложения: «1) Осторожность по отношению к эмигрантской церкви. 2) По возможности препятствовать православной церкви в России воздвигать Московский патриархат в качестве общего церковного центра на Востоке. Поддержка возникновения автокефальных церквей в отдельных рейхскомиссариатах. 3) Представителя Московской церкви в Остланде экзарха Сергия насколько возможно быстро удалить из Остланда, чтобы совершенно исключить влияние русского народа в Остланде. СД первоначально собирается выслать экзарха в Ковно. Данная точка зрения состоит в том, чтобы хотя и удалить экзарха от главного места событий в Остланде, но не упускать его совершенно из поля зрения из-за очень ценной информации, которую от него получают о Московской церкви...»¹².

В этом пункте мнение Розенфельдера о необходимости полного удаления митрополита Сергия и ликвидации экзархата отличалось от точки зрения СД. В записи переговоров руководителя группы религиозной политики с оберштурмфюрером СС Либрамом, отвечающим в оперативной команде «Остланд» СД за Православную Церковь, 8 сентября в Риге сообщалось мнение последнего о необходимости в какой-нибудь форме оставить Русскую Православную Церковь, «чтобы не создавалось опасного вакуума»¹³.

Негативно относились к экзархату и другие чиновники РМО. Например, его представитель при группе армий «Север» 9 декабря 1941 писал руководителю главного отдела политики министерства Лейббрандту: «Назначенный в советский период в Ригу московскими властями экзарх Сергий был оставлен на своей должности военной администрацией и также пришедшим затем гражданским управлением в результате, по-моему, ошибочного мнения, что эту церковь можно было бы использовать в борьбе против большевизма... Мы скорее должны приветствовать сопротивление эстонцев [Сергию]. По-моему, для нас является важным тот факт, что с созданием охватывающих обширные территории церковных организаций в дальнейшем возникает фронт против немцев. Эта опасность существует, если мы допустим или может быть даже поддержим церковные организации выше рамок прихода. Тогда через некоторое время мы окажемся перед фактом, что в различных рейхс- или генералкомиссариатах существуют утвердившиеся церковные организации, которые имеют естественные намерения расширить свою власть, вспоминая о времени, когда православная церковь полностью господствовала во всей частной и общественной жизни народов восточного пространства». При этом представитель РМО полагал, что его точка зрения согласуется с направляющей линией ми-

Карта Прибалтики в годы Второй Мировой войны
нистерства - «коричневая папка, страница 29, абзац IV»
и «экземпляр № 10, Остланд, страница 2 и 3»¹⁴.

Экзарху уже в начале июля удалось установить контакт с командованием группы армий «Север» и сделать предложение направить миссионеров в занятые российские области. В середине августа со стороны соответствующих служб вермахта было получено разрешение на создание «Православной Миссии в освобожденных областях России». В целом германская военная администрация проявляла гораздо более терпимый подход к Русской Церкви, чем гражданская.

Организация миссионерской работы на Северо-Западе России стала главным в деятельности митрополит Сергия в годы войны. Он взял на себя попечение о религиозных нуждах православного населения областей, прилегавших к экзархату, вполне законно, так как митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) оказался в блокированном Ленинграде: «Мы почли долгом своим на время принять эту территорию под свое архипастырское покровительство, – писал в 1942 г. экзарх, – чтобы немедленно приступить на ней к восстановлению церковной жизни, и для этой цели направили туда миссионеров из экзархата, духовенство которого большевики, за короткое время своего влады-

чества в прибалтийских странах, не успели полностью уничтожить»¹⁵.

Посылая священников в районы Ленинградской области, Владыка Сергей давал им определенные указания поминать на богослужениях митрополита Алексия и не включать местные приходы в свой экзархат. Деятельность так называемой Псковской Миссии заслуживает отдельного подробного освещения и в этой статье рассматриваться не будет. Именно указанная миссионерская работа являлась одной из основных причин сохранения экзархата, так как в этом проявилось заинтересованность командование группы армий «Север».

Под давлением Восточного министерства митр. Сергей был все же выслан из Риги в Литву. 23 февраля 1942 г. рейхскомиссар Лозе отправил митрополиту предписание к 5 марту 1942 г. выехать в Вильно (Вильнюс). Одновременно руководство православными приходами в Латвии оказалось передано vicарию экзарха епископу Мадонскому Александру.¹⁶ Таким образом, экзархат формально не был ликвидирован и митр. Сергей продолжал негласно возглавлять православную церковную жизнь во всей Прибалтике.

В Латвии около 70% православных верующих составляли русские, и митрополита Августина поддерживали немногие. Митрополит Сергей 24 февраля 1942 г. уволил пытавшегося отколоться архиерея за штат, а 15 июня наложил на него церковный запрет, хотя полного формального разрыва их не было. Нового раскола в Латвии так и не произошло. Церковную ситуацию в этом генерал-бецирке в начале 1942 г. хорошо передают сообщения оперативных команд полиции безопасности и СД. В одном из них от 2 февраля говорится, что на стороне митр. Августина только 2 священника, большинство же представителей духовенства проведенным решением балтийской схизмы полностью довольно и склонность этих священников к их русским соплеменникам, а также заинтересованное участие в судьбе военнопленных очевидно. В другом сообщении от 24 апреля 1942 г. указывалось: «Благодаря миролюбивым рукам епископа Александра Мадонского состояние внутри православной церкви нормализуется. Лишь маленькое меньшинство сторонников Августина все еще пытается выйти на передний план и при этом во всем поддерживается национально-латвийскими кругами. Большинство русских верующих и также спокойно настроенные латвийско-православные круги сегодняшним развитием очень довольны».¹⁷

Восточное министерство вплоть до лета 1942 г. оставалось на своих прежних непримиримых позициях. Так, 16 мая 1942 г. его глава А. Розенберг в своей речи перед генерал- и гебитскомиссарами в Риге заявил: «Русская православная церковь была политическим инструментом власти царизма, и теперь наша политическая задача состоит в том, чтобы там, где существовала

русская церковь, образовать другие церковные формы. В любом случае мы будем препятствовать, чтобы великорусская православная церковь господствовала над всеми народностями... Следовало бы далее обдумать введение латинского шрифта вместо русского. Поэтому также целесообразно, если какие-то церкви останутся по возможности ограниченными областью одного генералкомиссара... Для Эстонии и Латвии тоже является целесообразным, если они будут иметь свои собственные национальные церкви».¹⁸

В аналитической записке ведомства Розенберга, предположительно датированной началом июня, эта оценка проблемы Православия в Прибалтике выражена еще яснее: «Православная церковь была привнесена в Эстонию и Латвию посредством насилия и хитрости царизма и еще сегодня представляет опору чужеземного русского влияния. Поэтому с православием необходимо бороться и в конечном итоге устранить».¹⁹

Однако вскоре под давлением командования вермахта, прибалтийских служб СД и руководства рейхскомиссариата «Остланд» РМО было вынуждено отложить реализацию своих планов полной ликвидации Православия в Прибалтике до конца войны. 18 июля 1942 г. в канцелярии Лейббрандта состоялось совещание, на котором он заявил, что полное разделение верующих по национальному признаку в Прибалтике не предусматривается. Православные Церкви в Эстонии, Латвии и Литве, являясь русскими культурными учреждениями, должны оставаться именно русскими и как чуждые концепции жизненного пространства в дальнейшем будут перемещены в планируемый «рейхскомиссариат Москва». В Белоруссии же, наоборот, следует предохранять Православную Церковь от русского влияния.²⁰ Таким образом, в случае победы Германии все православные верующие Прибалтики, в том числе эстонцы, латыши и литовцы были бы выселены на восток.

Об этом же говорилось в циркулярном письме рейхскомиссара «Остланд» от 19 июня: «Напротив, экзархат православной церкви в прибалтийских генерал-бецирках должен остаться существовать. Православная церковь должна рассматриваться в прибалтийских генерал-бецирках в качестве чужеродной организации. В подходящее время она будет удалена из прибалтийского пространства на восток. Именно для того, чтобы ясно показать прибалтийским народам, что принадлежность к православной церкви находится в противоречии с их включением в европейскую культуру, является желательным оставление в этой церкви русского руководителя. Необходимо постепенно, но целеустремленно добиваться, чтобы представители прибалтийских народов выбывали из православной церкви. Это, однако, ни в коем случае не будет достигнуто, если окажется допущено образование собственных Эстонской и Латвийской православных церквей и их отделение от

православных русских... Кроме того, дать православной церкви в Прибалтийских генерал-бецирках возможность продолжить отсюда свою пропагандистскую работу в областях группы армий «Север».²¹

В результате временное существование экзархата было официально разрешено, и митрополит Сергей смог вернуться в Ригу. В Латвии он никакой серьезной оппозиции не встретил, митрополит Августин остался почти в полном одиночестве (при этом германская администрация старалась различными способами удалить 50000 латышей из Православной Церкви). Иначе дело обстояло в Эстонии, где русские приходы составляли лишь 25%. Там уже много месяцев шла открытая и упорная борьба. Еще 14 октября 1941 г. митрополит Александр заявил, что он «был признан государственной властью единственным главой Эстонской Церкви», и угрожал привлечением не подчинившихся ему к ответственности. Действительно, митрополита активно поддерживали созданные под эгидой германских местные эстонские органы управления, которые развернули целую кампанию угроз и репрессий против русских священников и мирян. Подобными методами значительную часть из них временно удалось запугать и заставить молчать. Только русским приходам и монастырю в Печорском районе удалось остаться в составе экзархата. Кроме того, о своей верности митрополиту Сергию заявил епископ Нарвский Павел, но его лишили возможности управления почти всеми прежде окормляемыми им приходами. Владыка неоднократно резко протестовал, но ситуация не менялась. Экзарх в свою очередь тоже протестовал против действий митрополита Александра и подал заявление германским органам власти с просьбой не препятствовать воссоединению Эстонского епископства с экзархатом и запретить вмешательство в это дело местной эстонской администрации. Его усилия долгое время также оставались безуспешными.²²

Такое положение сохранялось до конца лета. 23 июля 1942 г. Синод Апостольской Православной Церкви Эстонии постановил, что она остается в юрисдикции Константинопольского Патриарха и в границах прежнего эстонского государства. Из 10 священнослужителей, участвовавших в заседании Синода, не было ни одного русского. В докладной записке «Православная церковь в Остланде» от 6 июля 1942 г., написанной руководителем особого штаба X главной рабочей группы «Остланд» оперативного штаба Розенберга В. Холлбергом (Тарту), говорилось, что борьба в Эстонии должна будет, вероятно, в конце концов, свестись к разгрому русской части Православной Церкви: «О многом говорит уже то, что ситуацию характеризуют как национальное преследование русских внутри православной церкви руководителем этой церкви. Известие об этом перешагнуло границы Остланда и производит очень нежелательное

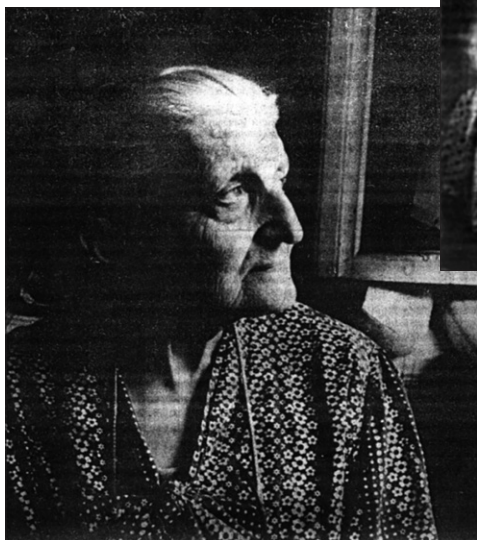
впечатление на население освобожденных от большевиков областей России».²³

Ободренное возвращением экзарха в Ригу, русское духовенство Эстонии усилило свое сопротивление. 19 июня 1942 г. большинство священников Печорского благочиния официально отреклись от митрополита Александра, который был назван схизматиком. Это решение и просьбу о подчинении епископу Павлу они передали состоявшемуся 23 июля в Риге архиерейскому совещанию экзархата. Совещание направило митрополиту Александру письмо с призывом одуматься, признать свою вину и положить конец церковному беспорядку. Одновременно епископу Павлу, вошедшему в непосредственное подчинение экзарха, было поручено окормление всех русских приходов в Эстонии.

Выполнить это оказалось очень непросто. Несколько священников, признавших Владыку, были арестованы эстонской политической полицией и посажены в тюрьму. 25 августа епископ Павел писал Холлбергу: «Моя задача состоит теперь в том, чтобы все существующие в Эстонии русские общины объединить и собрать в Нарвской епархии. Однако эту задачу осуществить нелегко, так как митрополит Александр своими незаконными распоряжениями вторгся в жизнь общин моей епархии и при пособничестве его доверенных лиц порой прибегает к акциям совсем нецерковного характера... Было бы хорошо, если бы мы, русские, могли бы устроить епархиальное собрание, в результате чего собрались бы представители всех общин для выяснения всех волнующих нас вопросов. Но едва ли можно надеяться, что органы власти в настоящее время допустят такое собрание».²⁴

Оценка действиям митрополита Александра, данная Владыкой Павлом, была вполне справедлива. Так, 24 августа митрополит обратился к первому ландесдиректору (руководителю подобранного немцами эстонского национального комитета) Х. Мее с жалобой «на назначенного большевиками экзарха Сергия, который с большевистских времен враждебным образом действия препятствует нормальному развитию и порядку нашей церкви». Кляузный тон этого письма-доноса, переполненного заверениями в преданности III рейху, сильно отличался от спокойного, выдержанного тона процитированного выше письма Нарвского епископа. В итоге еп. Павел был вызван в Таллин, где Мее лично выразил ему свое явное неудовольствие.²⁵

Холлберг же, наоборот, считал, что ситуация в Эстонии складывается не лучшим образом и поддержал епископа. 4-5 сентября он отправил в главную рабочую группу «Остланд» и ведомство рейхскомиссара Лозе свои докладные записки, в которых предлагал разрешить епархиальное собрание русских священников, правда, без участия мирян. Главное же его предложение сводилось к проведению срочного разделения эстонских

Ольга Елисеевна Бенуа.
1990-е гг. Рига

1940-е гг.

и русских приходов. Первые должны были оставаться под руководством митрополита Александра, а вторые управляться епископом Павлом и подчиняться экзарху. Холлберг подверг резкой критике письмо Таллинского митрополита от 24 августа, в частности заметив: «Утверждение, что экзарх митрополит Сергей был назначен в интересах большевиков, является ничем не доказанными нападениями и относится к категории доносов, подобных тем, которые неоднократно поступали на экзарха в рейхскомиссариат и были оставлены без внимания».²⁶

Предложение Холлберга совпало с мнением Х. Лозе, и вскоре германские власти выпустили инструкцию, в которой указывалось, что духовенству и приходам дается свобода выбора – войти ли в Эстонскую епархию митрополита Александра или русскую епископа Павла. Выбор этот должен происходить без давления, но целям германской политики более отвечает регистрация православных приходов в экзархате. Было решено, что митрополит Александр и Августин должны именоваться соответственно Ревельским и Рижским, а не Эстонским и Латвийским, так как митрополитом всех прибалтийских генерал-бецирков является Сергей.²⁷

Эстонская проблема вновь обсуждалась на архиерейской конференции в Риге 2-6 ноября 1942 г. В итоге 5 ноября экзарх издал указ о запрещении богослужебной деятельности митрополита Александра, передаче его дела на суд Архиерейского Собора и отстранил митрополита от управления Эстонской епархией. Описывая эти события в своем докладе начальству от 23 ноября, Холлберг подчеркивал: «Русские общины уже некоторое время охотно подчинились каноническому порядку после того, как с осени 1941 по лето 1942 им в этом препятствовали терроризирование и устроен-

ная митрополитом Александром смута. Теперь они образуют Нарвское епископство, которое охватывает все русские общины в Эстонии... Оба монастыря – Печерский и Пюхтицкий подчиняются непосредственно экзарху». При этом Холлберг опасался, что некоторые эстонские приходы после наложения церковного запрета на митрополита Александра последуют за канонической церковью. Он считал, что такие явления допустить нельзя: «Подобные общины должны были бы затем присоединиться к русскому епископству и поэтому снова возникла бы опасность образования ими инородного тела в русской православной церкви, что должно быть признано совершенно нежелательным... С целью удаления русских из прибалтийского пространства, в котором они представляют полностью инородное тело, целесообразным представляется теперь очистить русскую православную церковь от эстонцев». Исключение делалось только для родственной эстонцам православной народности сеты, насчитывавшей 10000 человек, так как они считались русифицированными и могли ухудшить в расовом плане «германизированных эстонцев».²⁸

Таким образом, нацистские ведомства, не желая вступать в конфликт с местными органами управления, сделали для Эстонии исключение, позволив существовать там национальной Православной Церкви, но при условии полного очищения ее от русских общин. Следует отметить, что опасение Холлберга насчет возможности перехода отдельных эстонских приходов к епископу Павлу были не беспочвенные. Так, в сообщении полиции безопасности и СД от 26 июня 1942 г. говорилось: «На острове Эзель было установлено, что отдельные греко-православные священники ведут пропаганду о том, что эстонский народ должен идти вместе с русским. Бог заберет плеть и меч из рук Гитлера».²⁹

Помимо враждебной позиции Восточного министерства и конфликтов с эстонскими националистами, еще одной проблемой, с которой столкнулся экзарх, было запрещение духовного окормления советских военнопленных. В первые месяцы войны местная администрация в Прибалтике по своему усмотрению разрешила проводить православные богослужения в лагерях. Яркие свидетельства о них оставил протоиерей Георгий Бенигсен: «Мы делаем все возможное, чтобы проникнуть к военнопленным и в Россию. Наконец удастся первое. То, что мы видим, ужасно! Десятки тысяч, сотни тысяч истощенных, замученных, оборванных, босых, голодных – не людей, а комков голых нервов... Нам с огромными трудностями удалось организовать богослужения в лагерях военнопленных в Риге. Это были самые страшные литургии в моей жизни... Кончается литургия. Подходят целовать крест, целуют руку священника, целуют его ризы, стараются, несмотря на строжайшее запрещение, шепнуть несколько слов, пере-

дать записку с адресом, с просьбой разыскать близких. А немцы начинают зверствовать в открытую. Страшные расстрелы евреев. Аресты «инакомыслящих». И колоссальных масштабов систематическое, продуманное уничтожение русской живой силы - военнопленных».³⁰

Эти воспоминания подтверждаются и другими свидетельствами. В сообщении полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. говорилось, что небольшое количество богослужений, которое было проведено в прибалтийских лагерях военнопленных, произвело огромное впечатление на красноармейцев: «Многие тысячи их исповедовались и причащались, плакали и молились, стояли совершенно тихо и неподвижно, как в потрясении и благодарили после богослужения священников трогательными словами. Точно такие же явления можно было наблюдать в лазаретах для военнопленных, когда священники еще могли посещать их».³¹

В берлинской газете «Новое Слово» даже сообщалось, что 31 августа 1941 г. в рижском православном соборе состоялось специальное богослужение для русских военнопленных, на котором присутствовало 5000 человек, причем пел церковный хор из 35 военнопленных.³²

Но это, вероятно, было одно из немногих исключений. Уже в 1942 г. в соответствии с общей направляющей линией богослужения для военнопленных в Прибалтике оказались запрещены. Неоднократные попытки экзарха изменить ситуацию не увенчались успехом. Например, 21 февраля 1944 г. ведомство шефа полиции безопасности сообщало Министерству иностранных дел в ответ на его запросы от 29 июля и 21 сентября 1943 г., что последнее пришедшее в верховное командование вермахта заявление о душепопечении советских военнопленных поступило от митрополита Сергия через коменданта лагеря при командующем частями вермахта «Остланда» в Риге. В нем экзарх просил разрешить подчиняющимся ему священникам служить в лагерях и лазаретах. «Предложение было отклонено, так как Сергей не пользуется доверием».³³

Единственное исключение уже в 1944 г. оказалось сделано для бывших советских военнопленных, состоявших на службе в германской армии. Согласно определению командующего частями вермахта «Остланда» от 8 февраля 1944 г., санкционированного РМО 23 марта 1944 г., им было позволено посещать церкви.³⁴

Более того, за организацию помощи военнопленным целый ряд церковных деятелей подвергся репрессиям. Именно за эту помощь были расстреляны В.К. Мункевич-Неплюева и старообрядцы К.Р. Портнов, К.Е. Портнова и А.Е. Ершова; все они в прошлом являлись участниками «Рижского студенческого православного единения». И все же при рижском кафедральном соборе существовал Дамский комитет, возглавляемый О.Ф. Бенуа, оказывавший помощь беженцам и советским

Открытые Миссией Пастырско-богословские курсы в Вильно. 1942–1943 гг.

В центре ректор протопресвитер Василий Виноградов, справа от него (сидят): инспектор семинарии, за ним священник Николай Гурьянов, за ним Георгий Парфенович, слева от о. Василия сидит свящ. Иоанн Кондрашов

военнопленным.³⁵

Существует большое количество документов о том, что к русским старообрядцам, которых проживало в Латвии и Эстонии более 100000, нацисты относились особенно враждебно. Достаточно упомянуть сообщение полиции безопасности и СД от 18 июля 1941 г.: «Староверы сильно коммунистически ориентированы и были во время коммунистического господства вместе с евреями составным элементом коммунистической партии. Часть этих староверов и, прежде всего, молодое поколение после вступления германских войск образовала банды... Вспомогательным полицейским группам дано указание передавать ведущих руководителей и духовенство староверов оперативным командам».³⁶

Несмотря на всевозможные препятствия, порой экзарху удавалось добиваться крупных уступок со стороны германских ведомств. Важным фактом стало открытие в ноябре 1942 г. в Вильно Духовной семинарии при Свято-Духовом монастыре. Ректором ее стал бывший профессор и проректор Московской Духовной Академии протопресвитер Василий Виноградов. Средства для семинарии собирали в храмах экзархата. Выпускники ее - молодые священники должны были, прежде всего, вести миссионерскую работу в России. Стараясь проводить в Прибалтике более мягкую политику, нацисты не запрещали там полностью теологическое образование, как на других занятых восточных территориях, а лишь добивались выделения теологических факультетов из рамок университетов и превращения их в самостоятельные учебные заведения. Эта акция была в основном завершена к маю 1944 г. Следует также упомянуть, что с начала 1944 г. Русская Церковь в Прибалтике смогла издавать свой журнал под названием «Распоряжения и сообщения Высокопреосвященнейшего Сергия, Митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии».³⁷

И все же положение Сергия было очень сложным и противоречивым. Он старался вести осторожную политику, всячески подчеркивая свою верность Московской Патриархии. Однако требования нацистов отмежеваться от июньского 1941 воззвания Местоблюстителя заставили экзарха отреагировать заявлением: «Советская власть подвергла Православную Церковь неслыханному гонению. Ныне на эту власть обрушилась кара Божия... За подписью Патриаршего Местоблюстителя Сергия, митрополита Московского и Коломенского большевики распространили нелепое воззвание, призывая русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что блаженный Сергей, муж великой учености и ревностной веры, не мог сам составить столь безграмотное и столь бессовестное воззвание. Либо он вовсе не подписывал его, либо подписывал под страшными угрозами...». В то же время экзарх порекомендовал вдумчиво и внимательно читать, тщательно разбирая в приходах, выпущенную Местоблюстителем известную декларацию 1927 г. о лояльности советской власти.³⁸ Ему даже удалось временно убедить германские ведомства в том, что Московский митрополит не был действительным автором патриотического воззвания от 22 июня 1941 г.

На созванном по требованию референта гестапо по делам Русской Православной Церкви 23 июля 1942 г. Архиерейском совещании экзархата в Риге была направлена приветственная телеграмма Гитлеру, обнародовано заявление с отмежеванием от патриотической позиции, занятой Патриархией, и принято решение в обычных богослужениях прекратить возношение имени Патриаршего Местоблюстителя Сергия, сохранив его, однако, в архиерейских богослужениях. Под давлением отдела пропаганды при командовании группы армий «Север» экзарх в конце ноября 1942 г. организовал в г. Дно собрание православного духовенства Ленинградской области

(на нем присутствовали главным образом миссионеры), которое также осудило патриотическую позицию Патриархии и одобрило гитлеровский «новый порядок».³⁹

Подобные поступки экзарха Местоблюститель уже не мог полностью игнорировать. Интересно, что хотя публичная антикоммунистическая позиция митрополита Сергия стала вполне ясна еще осенью 1941 г., вплоть до сентября 1942 г. его имя продолжало возноситься в московской церкви Преображения, настоятелем которой он ранее служил. Еще более показательно, что в изданной в 1942 г. пропагандистской книге «Правда о религии в СССР» была помещена фотография Владыки Сергия (Воскресенского) вместе с Местоблюстителем, под которой указывалось имя экзарха. А ведь на это нужна была санкция цензуры. Указанную книгу советские разведчики распространяли и в Прибалтике. В сообщении полиции безопасности и СД от 16 апреля 1943 г. говорилось, что у арестованных в Эстонии парашютистов было отобрано «очень действенное большевистское пропагандистское произведение «Правда о религии в СССР»».⁴⁰

Но после получения сообщения об июльском совещании в экзархате Патриархия вскоре отреагировала на него. В своем послании от 22 сентября 1942 г. Патриарший Местоблюститель Сергей, обращаясь к чадам Православной Церкви, обитающим в Прибалтике, указывал: «Упорствующих же в неповиновении голосу Церкви и хулителей ее церковный суд не потерпит в среде епископства православного». В тот же день митрополит Сергей и еще 14 архиереев подписали «Определение по делу митрополита Сергия Воскресенского с другими»: «Отлагая решение по сему делу до выяснения всех подробностей... 1) Теперь же потребовать от митрополита Сергия Воскресенского и прочих вышеназванных преосвященных объяснения (с опубликованием его в печати), соответствуют ли действительности дошедшие до Патриархии сведения об архиерейском совещании в Риге. 2) В случае, если сведения признаны будут соответствующими действительности, предложить преосвященным немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской патриархии...».⁴¹

Как видно из архивных документов, эта акция была предпринята при участии НКВД в расчете на реакцию международной общественности. 1 октября 1942 г. заместитель наркома внутренних дел Б.З. Кобулов писал секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову: «В фашистской газете «Островские известия» за

Вильно. 27 апреля 1944 г. Первый и последний выпуск Пасторско-богословских курсов. В центре митр. Сергей (Вознесенский). Снимок сделан за два дня до его убийства

8 августа с.г. ...помещено сообщение о состоявшемся в Риге съезде епископов православной церкви, пославшем приветственную телеграмму Гитлеру... В целях разоблачения прибалтийских епископов, пошедших на услужение фашистам, а также для усиления значения патриотических обращений, выпускаемых церковным центром в СССР, в глазах международного общественного мнения митрополит Сергей Страгородский и состоящий при нем совет епископов в количестве 14 человек выпускает специальное обращение к верующим Прибалтийских ССР с особым церковным определением, осуждающим прибалтийских епископов. Негласно способствуя этому политически выгодному для нашей страны мероприятию, НКВД СССР принимает меры к размножению названных патриотических документов типографским способом и распространению их на территории Прибалтийских союзных республик, временно оккупированных немцами. Прошу ваших указаний о передаче этих же документов по радио для Прибалтийских республик».⁴²

Впрочем, сам термин «Определение» свидетельствовал об осторожности и мягкости. Учитывая наличие фронта, разделявшего экзарха и Патриархию, все изложенные в нем требования приобретали отвлеченное значение. Митрополит Сергей (Воскресенский), в отличие от ряда иерархов, выступавших с прогерманскими заявлениями в других оккупированных республиках СССР, так и не был запрещен в священнослужении. А в апреле 1944 г. Священный Синод постановил: «рукоположения, совершенные им или подведомственными ему епископами... признаются действительными».⁴³

Вплоть до осени 1943 экзарху удавалось лавировать в отношениях с германскими властями. Широко известна его фраза по поводу последних: «Не таких обманывали! С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно».⁴⁴

Но после избрания в сентябре 1943 г. в Москве Патриарха митрополит Сергей оказался в тяжелом положении. Известие об этом событии вызвало сильную тревогу у германского командования, решившего принять контрмеры. В начале октября Главное управление имперской безопасности совместно с РМО решили подготовить и провести конференцию православного духовенства экзархата во главе с митрополитом Сер-

гием. Пастырям предписывалось: «1) осуждение и признание недействительным избрание патриарха, 2) принятие резолюции по поводу «гонения на церковь в СССР», 3) торжественное провозглашение анафемы советскому правительству». Рижское гестапо должно было в срочном порядке выяснить отношение экзарха к проекту. Но Владыка дал понять, что выборы патриарха были произведены в соответствии со всеми каноническими правилами и оспариваться не могут. Об этом доложили в Берлин.⁴⁵

8-13 октября в Вене состоялось совещание духовенства Зарубежной Русской Церкви, признавшее избрание

Московского Патриарха неканоничным. Экзарх отнесся к решениям совещания резко отрицательно, что соответствовало и его позиции в отношении эмигрантских иерархов. Видимо, первоначальные попытки владыки примирить Московскую Патриархию и РПЦЗ встретили негативную реакцию архиереев последней, и с тех пор митрополит Сергей последовательно боролся с влиянием эмигрантского духовенства. Так, в сообщении полиции безопасности и СД от 2 февраля 1942 г. указывалось: «Митрополит православной церкви Сергей предпринимал шаги для устранения «карловацкого» епископа Серафима Ладе, Берлин». А 6 августа 1942 г. экзарх написал руководству рейхскомиссариата «Остланд» о необходимости практического осуществления им управления русскими православными приходами

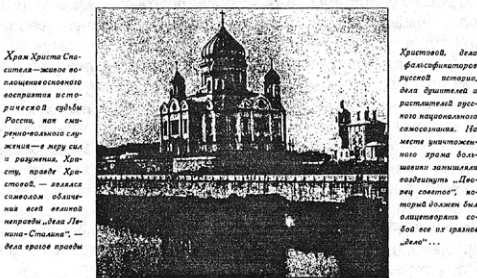
в Средней и Западной Европе, «на основании особого поручения, данного ему местоблюстителем патриаршего престола». Правда, германские власти признали попытки митрополита Сергея добиваться этих прав нежелательными.⁴⁶

Показателен в данном плане конфликт, который произошел весной 1943 г. 16 мая в Пскове появился бывший секретарь митрополита Серафима (Ладе) архимандрит Гермоген в качестве руководителя православного клира во власовских подразделениях. В своем меморандуме германским ведомствам «Религиозное обслуживание власовских воинских частей» экзарх писал: «Принимая во внимание принадлежность архимандрита Гермогена к схизматической церковной организации и далеко идущие цели его поездки, ради предосторожности я дал руководителю [Псковской] Миссии указания: 1) напомнить подчиненным ему клирикам о том, что они не могут совершать богослужения совместно с рас-

ИЗДАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В ОСВОБОЖДЕННЫХ ОБЛАСТЯХ РОССИИ

№ 4. Ноябрь, 1942 г. 1-й год изд.

Храм Христа Спасителя в Москве, уничтоженный большевиками в 1931 г.

Ответ экзарха-митрополита Сергея на заявление Московского митрополита

Нам стало известно, что лондонский радиодиффуз недавно сообщил о новом политическом заявлении митрополита Московского. В этом заявлении якобы говорится, что германцы на занятой ими территории, разрушают Православную церковь, уничтожают православные святыни и преследуют православный народ. Отсюда митрополит Московский якобы делает вывод, что православие и вообще христианство могут быть спасены во всем мире только победой большевистского оружия.

В ответ на это чудовищное заявление мы считаем своим долгом сказать следующее: За все время своего владычества больше-

вики непрерывно подвергали Православную церковь и всюкую вообще религиозно-нравственную жизнь к жесточайшему гонению. Об этом мы знаем по собственному опыту, ибо в течение многих лет несомненно в советской России были церковного служения, подвергались неоднократному, как и другие, тяжким унижениям, тюремным заключениям и восточным наказаниям, тайным и открытым. Об истребительности большевистского гонения на церковь неопровержимо свидетельствуют сотни тысяч казенных, умученных, заточенных и сосланных страдальцев за веру. Ничего подобного большевистскому изуродованию вид святынь еще не видел мир. Все храмы были больше-

Издания Миссии

кольниками... 2) дать понять архимандриту Гермогену, чтобы он не пытался предпринимать попыток совершать богослужения для власовских частей и военнопленных в церквях, находящихся в ведении Управления Миссии». Исходя из этого частного случая, митрополит Сергей выдвинул идею создания в рамках Московского Патриархата центрального церковного ведомства на занятых восточных территориях: «Чтобы обеспечить церкви порядок и спокойствие также и в послевоенное время и предотвратить ее обусловленный оппозицией схизматического епископата раскол на несколько борющихся между собой сект, ...просто необходимо обеспечить в церкви России принципиальное продолжение существования канонически законной иерархии... Для обеспечения канонической законности будущего церковного руководства в России было бы лучше всего позаботиться о создании на занятых территориях упомянутого центрального церковного ведомства. Тогда объединенные этим центральным учреждением архиереи могли бы с продвижением фронта воссоединять других епископств. После войны это временное центральное ведомство могло бы подобающим образом приступить к окончательному урегулированию церковных отношений... Кроме того, упомянутое центральное церковное учреждение взяло бы на себя также обслуживание власовских войск. Является роковой ошибкой поручать обслуживание этих войск схизматической, тем более находящейся в Берлине церковной организации».⁴⁷

Главное предложение экзарха, конечно, принято не было, но на архимандрита Гермогена позиция Владыки оказала сильное воздействие и 5 июня 1943 г. он обратился к митрополиту Сергию с прошением о принятии его «в лоно Матери – Церкви».⁴⁸

Противодействовать постановлениям Венского совещания означало противостоять позиции нацистских верхов. И все же экзарх решительно осудил эти постановления. В сообщении командующего полицией безопасности и СД «Остланда» в отдел политики рейхскомиссариата от 30 ноября 1943 г. говорилось о выраженном митрополитом мнении. Владыка Сергей называл епископов-эмигрантов схизматиками за оппозицию Московской Патриархии. Разрыв с ней, по его мнению, вообще лишал этих епископов права судить о московских делах с канонической точки зрения. Митрополит убеждал немцев признать избрание Патриарха и использовать его в антибольшевистской пропаганде: возрождение церкви является доказательством полного

банкротства коммунизма и надо утверждать, что оно неизбежно приведет к гибели последнего.⁴⁹

Сходная позиция выражалась и в сообщенных 29 ноября 1943 г. командующим полицией безопасности и СД «Высказываниях экзарха Сергия (Воскресенского) о большевизме»: «Под натиском русской души

началась дегенерация большевизма. В этой войне большевизм должен был капитулировать перед русским духом, так как иначе большевизм вообще не мог бы дальше вести войну. Большевики разрушают свое собственное дело тем, что они, как сейчас, отрекаются от своих принципов... Если Сталин однажды возьмет назад все сделанные уступки русской душе, это приведет к революции в России. Если в русских разбудить зверя, с ним будет не справиться. Уже в 1941 в большевистской России произошла бы революция, если бы немцы проводили другую восточную политику». Относительно будущего политического устройства России митрополит Сергей сказал, что ему самому кажется предпочтительней конституционная монархия.⁵⁰

Чудотворная Тихвинская икона Божией Матери. Фото 1943 г.

Упрек в неправильно начатой пропагандистской акции встревожил нацистов. В препроводительной записке к сообщению от 30 ноября 1943 г. говорилось: «...я пересылаю Вам отношение экзарха Сергия в Риге к Венскому епископскому собору с просьбой передать его Министерству церковных дел, которое в этом деле на соборе было ведущим, и затребовать его мнение относительно канонической законности затронутых вопросов... Если же аргументы экзарха окажутся состоятельными, то пропаганду, которую мы ведем в связи с Венским собором, надлежало бы перевести в другую колею». Мнения министерства и Антикоминтерна оказались неблагоприятными для митрополита Сергия.⁵¹

Германские власти категорически настаивали на запрещении в богослужениях возношения имени Патриарха, и 18 ноября архиереи экзархата приняли решение прекратить поминовение его, объясняя это тем, что за ликвидацией титула Местоблюстителя отпадает необходимость и в поминании Сергия с подобным титулом. В то же время они не отдали распоряжения возносить его с новым титулом, «ссылаясь на неосведомленность о канонической правомочности избрания Патриарха», но подчеркнули свою принадлежность к «Матери-Церкви», с которой остаются в каноническом молитвенном единстве. Это не удовлетворило гестапо. К тому же экзарх в заявлении на имя рейхскомиссара «Остланда» неосторожно написал, что православный «епископат и

теперь желает падения Советов, но возможно и даже определенно, свои надежды больше не связывает с победой немцев».⁵²

Начался сбор компрометирующего материала на митрополита. В октябре 1943 г. под руководством начальника полиции и службы безопасности в Риге оберфюрера Ланге состоялось совещание, на котором обсуждалась деятельность экзарха. По свидетельству участника этого заседания И.Л.Глазенапа, майор СД В.В. Поздняков на нем заявил: «Все молящиеся слушают его (митрополита Сергия) проповеди с замиранием сердца. Совсем недавно преосвященный посвятил свою проповедь одной из заповедей: «не осуждай - не осужден будешь», и все свои высказывания свел в конечном итоге к тому, чтобы верующие не осуждали тех, кто проявляет недовольство существующим порядком и никуда об этом не сообщали. А проповедь о помощи ближним по заповеди «возлюби ближнего своего как самого себя» была направлена к тому, чтобы побудить слушающих «оказывать помощь семьям, кормильцы которых погибли от рук басурманов»... Его постоянные молитвы «о ниспослании мира и благоденствия нашей православной Родине» настраивают верующих против установления нового порядка на территории, освобожденной великой немецкой армией. С помощью господина Левицкого (секретаря экзарха) я подсылал к Сергию агентов-женщин, которые обращались к нему с «жалобами» на то, что арестовали их кормильцев. Он всегда помогал им материально, утешал их, говорил, чтобы «надеялись на Бога и свою великую Родину».⁵³

Эти фразы о подлинных настроениях экзарха подтверждает свидетельство священника Михаила Кузменко, в конце 1943-1944 гг. исполнявшего обязанности начальника его канцелярии: «Когда был избран Святейший Патриарх, оккупанты запретили возносить его имя за богослужением. На епархиальном собрании в Вильно митрополит с волнением в голосе оповестил об этом решении оккупационных властей местное духовенство, но оставил за собой право поминать Патриарха. Я всегда в Вильно сослужил экзарху и не знаю случая, чтобы эта воля его когда-либо нарушалась. За три дня до смерти... в слове своем Высокопреосвященный остановился на страшном историческом моменте, переживаемом Родиной, когда «нашу святую Русскую Землю попирают враги. Близится час, и, поставленные на колени, они будут просить у нас прощения. Но мы будем тогда так же тверды и немилосердны, как они теперь к нам». А за день до убийства экзарх совершал панихиду по певцу Д. Смирнову и после нее сказал о. Михаилу: «А ведь я по себе служил панихиду... Так оно и обернется. Теперь я уже не сделаю для них того, что позволил себе сделать раньше».⁵⁴

Лично знавший митрополита Сергия архимандрит Кирилл (Начис) также рассказывал, что Владыка пред-

Торжественное богослужение в Псковском Кремле. 1943 г.

чувствовал возможное покушение на свою жизнь и накануне убийства в комнате, где он ночевал, переставлял кровать подальше от окна.⁵⁵

8 марта 1944 г. IV отдел полиции безопасности и СД, ведавший церковными делами в «Остланде», составил справку о деятельности экзарха. В ней отмечалось, что он в победу Германии больше не верит, предпринимает попытки отмежеваться от других иерархов, наиболее тесно сотрудничавших с немцами. Митрополиту ставилось в вину регулярное прослушивание передач московского радио, пение в компаниях советской песни «Синий платочек» и т.п. В эти же дни рижскому гестапо приказали срочно организовать в Риге конференцию православных иерархов и добиться, чтобы она приняла резолюцию, направленную против Московского Патриарха. 20 марта из Берлина пришла категоричная телеграмма: конференция должна состояться в течение 14 дней, заранее была разработана ее программа.⁵⁶

Такая острая необходимость в конференции возникла из-за широкой антисоветской церковной пропагандистской кампании, развернутой германскими ведомствами на Балканах. В заметке ландесдиректора Трампедаха, возглавлявшего отдел политики в РКО, о переговорах с представителями Партийной канцелярии Шмидт-Рёмером и Главного управления имперской безопасности Нейгаусом в Берлине 7 марта 1944 г. говорилось: «Доктор Шмидт-Рёмер и штурмбаннфюрер Нейгаус исходили из того, что религиозно-политическая пропаганда православной церкви в Советском Союзе делает очень заметной доброжелательность к Советскому Союзу на Балканах, особенно в Болгарии, и что необходимо предотвратить это антибольшевистскими заявлениями русских православных церквей... Формально принадлежащая к русской матери-церкви православная церковь в Остланде является особенно подходящей для эффектного заявления против церковной политики в Советском Союзе. Однако при этом безусловно необходимо гарантировать, что не будет подготовлена резолюция и не последует заявления, которые противоречат германским политическим ин-

тересам». Видимо полагая, что требуемую резолюцию получить будет очень сложно, Трампедах высказался против проведения конференции, но под сильным давлением был вынужден уступить.⁵⁷

Руководитель группы религиозной политики РМО Розенфельдер также сомневался в целесообразности конференции и возможности добиться от митрополита желаемого образа действия. 23 марта 1944 г. он сообщил начальнику руководящей группы политики Восточного министерства Милве-Шредену о переговорах с представителем Главного управления имперской безопасности: «Я еще раз обратил внимание доктора Нейгауса на то, что в настоящий момент я не особенно высоко оцениваю пропагандистское воздействие этой конференции, тем более в связи с возможным исключением экзарха Сергия». Однако и Розенфельдер в конце концов согласился выполнить требования полиции безопасности: «Я согласовал с р.р. Трампедахом, что данная конференция по возможности состоится к Пасхе и что меня ознакомят с направляющей линией, которую дала СД... для этой конференции».⁵⁸

Созванное 5 апреля 1944 г. в Риге архиерейское совещание приняло не «заказанную» гестапо резолюцию, а свое обращение «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии». В этом обширном документе речь главным образом шла о духовных нуждах верующих экзархата: учреждении во всех 3 епархиях Внутренней миссии для работы с беженцами из русских областей, обеспечении сохранности и эвакуации святынь, предметов церковного обихода и т.д. Лишь в заключительной части содержались антикоммунистические призывы с сильной русской национальной окраской: «Чтобы жила свободная Россия, большевизм надо уничтожить. Только тогда будет свободна и Церковь... Сознайте отчетливо, что место наше в рядах борцов за новую свободную

счастливую Россию, в рядах Русской Освободительной Армии... Господи, спаси и сохрани Россию!» В воззвании полностью отсутствовали фразы о непризнании избрания Московского Патриарха и даже употреблялся термин «Первосвятитель» Русской Церкви, что по сути как раз означало его открытое признание.⁵⁹

Уже 5 апреля 1944 г. Розенфельдер сообщил в телеграмме Трампедаху, что у Главного управления имперской безопасности существуют предложения по исправлению резолюции конференции (с которыми он согласен), и высказывал предположение, что они могут натолкнуться на трудности у экзарха. 7 апреля 1944 г. Нейгаус писал командующему полиции безопасности и СД в Минске и Кракове в связи с планируемыми новыми архиерейскими конференциями в этих регионах о «слишком длинной части воззвания, посвященной в первую очередь внутренним вопросам Остланда». Штурмбаннфюрер СС рекомендовал не повторить главный недостаток рижского обращения: «Только в воззваниях местных архиереев должна быть выражена ясная позиция против патриарха Сергия в Москве, без личных оскорблений».⁶⁰

Так как в рижском воззвании имелись антикоммунистические высказывания, немцы все же использовали его в пропагандистских целях, но это казалось им явно недостаточно. Из Берлина в Ригу 11 апреля 1944 г. поступили еще две телеграммы с упреками и директивой: добиться от экзарха дополнительного заявления о том, что он не признает избрание Патриарха и считает Патриарший престол вакантным. Однако, несмотря на сильнейшее давление, митрополит Сергей сделать заявление отказался.⁶¹

28 апреля 1944 г. экзарх, его спутники и шофер, ехавшие по пустынной дороге из Вильнюса в Каунас, были убиты выстрелами из обогнавшей их машины. Нападавшие были в немецкой форме, но оккупационные власти заявили, что это сделали советские партизаны. До сих пор до конца не ясно, кто организовал убийство. В советской послевоенной литературе в нем обвинялись фашисты.⁶²

Об этом же свидетельствует и подавляющее большинство известных источников. Согласно сообщению И.Л. Глазенапа, убийство совершил ложный партизанский отряд из агентов СД. Впрочем, к этому свидетельству надо подходить осторожно, так как оно было опубликовано в советской тенденциозной газете «Голос Родины».⁶³ В Бахметьевском русском эмигрантском архиве (Нью-Йорк) хранится письмо журналиста из Латвии М. Бачманова. В нем говорится о том, что спаслась из машины одна гимназистка,

Всенародная молитва. Псков. 1943 г.

которая спряталась во рву. Она свидетельствовала, что это были немецкие СД, опознано одного из них по шраму на лице и запомнила номер машины, принадлежавшей каунасскому СД.⁶⁴ Начальник полиции «Остланда» обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн после ареста, на допросе 31 декабря 1945 г. показал: «Митрополит Сергей находился давно под наблюдением СД и гестапо... Фукс дал мне прочитать приказ о ликвидации митрополита Сергея за подписью Кальтенбруннера, из которого следовало, что Сергей должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на советских партизан. Так и было сделано фактически».⁶⁵

Наконец, указания на убийство экзарха фашистами встречаются и в целом ряде секретных документов Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета Министров СССР второй половины 1940-х гг.⁶⁶ Относительно же совершения этой акции партизанами существует лишь свидетельство рижского священника Н. Трубецкого, отсидевшего в лагере 10 лет за причастность к деятельности Псковской миссии. О. Николай утверждал, что встретил в заключении бывшего партизана, который сообщил ему о своем участии в убийстве экзарха, совершенном по приказу советской разведки.⁶⁷ Однако это субъективное свидетельство не подтверждается никакими архивными документами.

В западноевропейской историографии также утвердилась точка зрения, что экзарха расстреляли нацисты. Так в фундаментальном труде «История Христианства» говорится: «Эксперты считают, что Сергей был убит по приказу Берлина. После поворота войны под Сталинградом эта неудобная личность, которая так упрямо ссылалась на Московский патриархат, уже являлась не помощью, а помехой для немцев».⁶⁸

Экзарху были устроены пышные похороны в Риге, но расследовать обстоятельства его убийства германские власти не стали. Зато сразу же, как по команде была развернута пропагандистская кампания в связи с «террористическим актом большевиков». Целый ряд соответствующих статей появился в немецких газетах.⁶⁹ 11 мая МИД переслал текст Пасхального послания митрополита Сергея в различные посольства с просьбой о максимально широком распространении: «Необходимо сделать все, чтобы через это сообщение и подобные публикации неослабно запечатлевать в сознания Сергея как мученика и первую жертву «ставшего благочестивым Сталина». При этом сверху рекомендовано религиозное акцентирование, не предназначенное для распространения через служебные германские каналы» и т.д.⁷⁰

После убийства экзарха остро встал вопрос о преемнике. В его решении приняли активное участие важнейшие ведомства III рейха – Партийная канцелярия, Главное управление имперской безопасности, МИД и

Один из восстановленных Миссией храмов на русской земле. Фото 1943 г.

Министерство занятых восточных территорий. Борьба по этому поводу продолжалась несколько месяцев. Между тем у митрополита Сергея был законный «наследник». Еще Архиерейское совещание в Псково-Печерском монастыре 29-30 августа 1943 г. вынесло определение об обеспечении преемства в управлении экзархатом. По аналогии с принятым в свое время решением Патриарха Тихона совещание постановило, что после освобождения экзаршего престола он не может быть занят как таковой до восстановления связи с высшими церковными органами власти в Москве; руководство экзархата может перейти лишь к местоблюстителю экзаршего престола и его должен назвать в своем духовном завещании митрополит Сергей. Это завещание последовало 29 октября 1943 г. В нем называлось 3 кандидата: первый – епископ Ковенский Даниил, второй – епископ Рижский Иоанн и третий – архиепископ Нарвский Павел. Будущему заместителю вменялось в обязанность, как только представится беспрепятственная возможность, передать в Московскую Патриархию доклад о делах и всей жизни экзархата.⁷¹

В соответствии с завещанием Владыка Даниил (Юзвюк) в сане архиепископа Ковенского 29 апреля вступил в должность заместителя экзарха. Он был назначен митрополитом Сергием своим преемником не случайно: в 1930-е гг. иеромонах Даниил служил секретарем митрополита Литовского и Виленского Елевферия, отличался особой преданностью Московской Патриархии и был глубоко чужд всякой политической деятельности. Видимо, митрополит полагал, что использовать епископа Даниила нацистам будет не легче, чем его самого. В докладной записке руководите-

ля комитета русского населения Литвы А. Ставровского рейхскомиссару «Остланда» от 14.05.1944 давалась следующая характеристика Ковенского архиепископа: «Еще большая опасность заключается в том, что епископ Даниил фанатичный и при этом духовно неполноценный приверженец унижительной покорности патриаршему престолу в Москве. Для него даже вопрос непоминания титула «патриарха» был большим ударом. Даниил принципиально против активной деятельности церкви в борьбе против большевизма. При нем православная церковь в Остланде будет находиться в полной стагнации и потеряет всякое влияние на население в смысле поощрения борьбы». В телеграмме представителя МИД при РКО Раутенфельда своему начальству от 17 мая 1944 г. также отмечалось, что Даниил стар и политически (для немцев) очень не интересен.⁷²

8 мая Ковенский архиепископ написал в отдел политики РКО о том, что он уже принял на себя обязанности местоблюстителя и известил об этом подчиненные ему церковные организации. При этом всякое общение со «схизматиками, эксмитрополитами» Александром и Августином отвергалось. 10 мая ландесдиректор Трампедах телеграммой сообщил об этом в Восточное министерство и высказал свои предложения: «Я прошу также и после смерти экзарха Сергия разрешить дальнейшее существование православного экзархата в Остланде... Так как в настоящее время имеется только 50000 православных латышей и вместе с эвакуированными в Остланд около 800000 русских, явно преобладает русский характер, и задуманное воздействие на латышей с целью их отказа от принадлежности к православной церкви приносит первые успехи. Собственная же Латвийская православная церковь будет, как и Эстонская, проявлять тенденцию к подчинению Константинопольскому патриарху... После смерти экзарха на повестке дня встала возможность отделения от Московского патриархата и объединения под руководством представителя русского народа всех русских православных церквей в сфере

германского господства».⁷³

В ответной телеграмме от 19 мая Розенфельдер сообщил, что у него нет возражений против кандидатуры архиепископа Даниила, согласен он был и с сохранением экзархата, но относительно последнего предложения Трампедах категорически возражал: «Объединение православных церквей Остланда и Украины было бы возможно только под русским знаком и поэтому неприемлемо».⁷⁴

В это время ряд русских общественных деятелей в оккупированных областях высказывали идею создания единой, централизованной влиятельной Русской Церкви, увидев в смерти экзарха повод для пересмотра церковного вопроса на всей территории, контролируемой III рейхом. В частности, в уже упоминавшейся записке Ставровского предлагалось создать Собор всех канонических архиереев занятых восточных территорий (т.е. экзархата, автономной Украинской и Белорусской Церквей), который бы принял решение о включении в свой состав епископов РПЦЗ, создал временное (до восстановления Московского Патриархата) верховное управление Русской Церковью и назначил 6 митрополитов - для «Остланда», Белоруссии, Украины, Средней Европы, Южной Европы и Западной Европы.⁷⁵

Сходные идеи выражал в своем докладе от 11 июня 1944 г. руководитель экзаршей канцелярии проф. И. Гримм. Именно он подсказал Трампедаху идею объединить экзархат и Украинскую автономную Церковь. При этом Гримм считал, что глава последней архиепископ Пантелеймон не может руководить экзархатом по каноническим правилам. Руководящий центр мог бы быть создан на общем Соборе православных архиереев Украины и «Остланда». В число задач этого центра входило бы также религиозное окормление Русской освободительной армии и русских колоний беженцев и оstarбайтеров в различных странах. Предусматривалось и дальнейшее привлечение для совместной работы священнослужителей РПЦЗ и даже евтолиан. Заканчивал профессор свой поступивший в МИД доклад указанием на необходимость новой германской церковной политики на Востоке: «Кампания 1941 года не в последнюю очередь потерпела неудачу потому, что русский народ с самого начала имел подозрение о ведении войны в меньшей степени против большевизма, чем против России. Это недоверие не только возбуждалось советским правительством, но и было очевидно для всякого вследствие направленной на раздробление (церкви) германской церковной политики. Эта ошибка не должна снова повториться. Поэтому при втором вступлении в Россию необходима организация православной церкви полностью свободной в своих внутренних делах, крепко соединенной внешне...».⁷⁶

Подобные планы были абсолютно неприемлемы для Восточного министерства, Партийной канцелярии

Ἰσοδίου ὑεσάδδα ἰερότῆεσά Νάδαεῦ

и СД, не желавших менять своей генеральной линии относительно Русской Церкви, что подтвердилось на переговорах в мае-июне 1944 г. Причем все большую роль в данном вопросе играло Главное управление имперской безопасности. Понимая это, МИД обратился 9 мая к ведавшему в этой организации церковными делами Нейгаусу по поводу преемника экзарха. Соглашаясь с тем, что разработка дела находится исключительно в ведении полиции безопасности и СД, МИД рекомендовал чрезвычайную осторожность, так как если выборы наследника Сергия будут неканоничными, «то этим вражеская пропаганда получит в руки новый материал для травли рейха и одновременно станет иллюзорной общегерманская зарубежная пропаганда на православные территории».⁷⁷

Но для Главного управления имперской безопасности канонические правила значили немного. Оно приняло решение назначить главой экзархата архиепископа Пантелеимона, убедив в необходимости этого шага и другие германские ведомства. При этом объединение двух православных церковных образований категорически исключалось. Владыка Пантелеимон, который уже к тому времени проживал на положении беженца в Варшаве, при переезде в Прибалтику должен был оставить свой пост главы автономной Украинской Церкви. На этом настаивали Партийная канцелярия и РМО. При выборе кандидатуры архиепископа Пантелеимона, видимо, учли то, что он осудил избрание Патриарха Сергия. На переговорах, состоявшихся 16 июня в Берлине, архиепископ выразил свое согласие. Собравшиеся 30 июня-1 июля на конференцию в Риге прибалтийские архиереи постановили передать ему

все права митрополита и экзарха. Но приехавший в Ригу архиепископ Пантелеимон неожиданно для всех поставил три условия своего согласия:

«1. Передача ему кафедрального собора в Риге. 2. Предоставление права вынесения впереди креста при богослужениях. 3. Право носить две панагии». Второе и третье условия указывали на особые планы Владыки, так как подобные права мог иметь лишь верховный глава автокефальной церкви. Согласно отчету Розенфельдера, лично выезжавшего для разбирательства инцидента 15-19 июля в Ригу, проф. Гримм считал, «что Пантелеимон хочет добиться при возможном создании Всероссийского Синода своего избрания главой русской церкви, поскольку он обладал бы высшими званиями и знаками отличия».⁷⁸

Прибалтийские архиереи увидели в предъявленных условиях шантаж, потеряли к архиепископу всякое доверие и на своем совещании решили ответить ему отказом. После этого он вернулся в Варшаву. Приехавший «по горячим следам» Розенфельдер уже не смог изменить ситуацию. В докладе Раутенфельда в МИД от 24 июля говорилось, что хотя компетентные германские органы о таком исходе и сожалели, «но ни на епископов, ни на Пантелеимона какого-нибудь давления не оказывали». Рейхскомиссар же решил дожидаться спокойного времени, чтобы найти другого подходящего преемника экзарха.⁷⁹

«Спокойное время» так и не наступило, наоборот, вскоре советские войска стали занимать одну часть «Остланда» за другой. Архиепископ Даниил так и остался последним главой экзархата. Ему пришлось возглавить большую работу по душепопечению сотен тысяч русских беженцев. Особенно активно в этом плане действовала созданная еще 27 декабря 1943 г. специальная Внутренняя миссия. Она открыла ряд новых богослужебных пунктов, устраивала духовные беседы, чтения, преподавание Закона Божия детям, распространяла духовную литературу, крестики, иконы и т.д. В сообщении командира полиции безопасности и СД Латвии Кирсте своему руководству в Берлин от 17 мая 1944 г. говорилось о 156000 русских беженцах в генерал-бецирке, не учитывая Риги. Эвакуированные в религиозном плане рассматривались как гости Православной Церкви в Латвии и входили в существующие общины, там же где их не было, создавались новые. Кирсте считал, что необходимо строго указать на необходимость посещения церковей для беженцев, но с сожалением констатировал малое количество убежденных атеистов среди них.⁸⁰

В Восточном министерстве выразили полное согласие с позицией полиции безопасности и 14 июня отправили Трампедеху телеграмму о том, что не в германских интересах производить на эвакуированную молодежь впечатление, «что мы желаем их включения в религиозные

*Рига.
Крест
на могиле
митрополита
Виленского
Сергия,
экзарха
Латвии и
Эстонии
(1944 г.)*

Экзарх митрополит Сергей в сослужении своих викарных архиереев. Слева епископ Рижский Иоанн (Гаркловс), справа епископ Ковенский Даниил (Юзвьюк)

общества». Напротив, через сохранение непричастности к религии части русского народа, полагали чиновники, можно создать равновесие мировоззренческих сил, «что нам могло бы быть только желательно».⁸¹

Известие о смерти Московского Патриарха Сергия (Страгородского) германские власти встретили предупреждением, чтобы оно не было ничем отмечено. Под

их давлением архиепископ Даниил 9 июня издал распоряжение о запрещении общественного поминания усопшего. Как и ноябрьское постановление, это указание встретило массовое сопротивление духовенства не только в Ленинградской епархии, но и в Прибалтике. Так, Нарвский епархиальный совет 23 мая 1944 г. признал неканоничным прекращение поминания имени Первосвятителя и решил продолжать возносить его, а 22 июня вынес свое суждение о распоряжении экзаршего наместника от 9 июня, что оно «не согласно с духом Православной Церкви».⁸² 35 приходов, окормляемых архиепископом Нарвским Павлом, поминали Патриарха и в 1944 г., вполне лояльно встретив советские войска.

В Латвии же значительная часть православных священнослужителей была эвакуирована в Германию. В сентябре 1944 г. по приказу немецкого командования, в окружении автоматчиков «Остланд» покинули митрополит Августин, епископ Рижский Иоанн и с ними более 25 священников.⁸³ В это же время из Литвы эвакуирован и архиеп. Даниил. Таким образом, экзархат фактически прекратил свое существование. Сыгранная им в годы войны роль, несомненно, была очень значительной и, в первую очередь, как база для развития интенсивного процесса церковного возрождения на Северо-Западе России.

Примечания

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 70, 78, 80; W. Vries, *Der Christliche Osten in Geschichte und Gegenwart*, Würzburg 1951, S. 193-195; Балевиц З. *Православная церковь Латвии под сенью свастики 1941-1944*. Рига, 1967. С. 19-20.

² W. Alexeew, *Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941-1953*, New York. Research Program on the USSR: Mimeographed Series. 1954. № 61. P. 91.

³ Пospelовский Д.В. Из истории русского церковного зарубежья // *Церковь и время*, 1991, № 1, С. 54.

⁴ Э.И. Лисавцев – инструктор ЦК КПСС, курировавший религиозные вопросы в СССР в 1965-80-е гг., написавший несколько книг и статей по истории Русской Православной Церкви и специально изучавший деятельность Прибалтийского экзархата. Устное свидетельство автору в 1993 г.

⁵ Судоплатов П.А. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // *Молодая гвардия*. 1995., № 5. С. 40.

⁶ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 80, 92-93; Балевиц З. Указ. соч. С. 22-23.

⁷ Алексеев В., Ставру Т. *Русская Православная церковь на оккупированной немцами территории* // *Русское Возрождение*, 1981, № 14, С. 131.

⁸ Bundesarchiv Berlin (BA), R 58/214, Bl. 126.

⁹ Ebenda, R 58/217, Bl. 399.

¹⁰ Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 133-134, 136.

¹¹ BA, R 6/178, Bl. 108-109, 104-105.

¹² Ebenda, Bl. 109.

¹³ Ebenda, R 6/177, Bl. 11 – 12.

¹⁴ Institut fuer Zeitgeschichte Muenchen (IfZ), MA 546, Bl. 531-533.

¹⁵ Бовкало А. А., Галкин А.К. *Новгородская епархия в годы оккупации*// *София*, 1995, № 2, С. 4.

¹⁶ BA, R 58/221, Bl. 25.

¹⁷ Ebenda, Bl. 393, R 58/220, Bl. 279.

¹⁸ Ebenda, R6/35, Bl. 61, 71-72.

¹⁹ IfZ, MA 246, Bl. 173.

²⁰ Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 119-120.

²¹ Politischen Archiv des Auswaertigen Amt Bonn (AA), Inland I-D, 4758.

²² BA, R 58/225, Bl.169-170; IfZ, MA 795, Bl.1282-1284.

²³ IfZ, MA 795, Bl. 1313-1314, 1333-1336.

²⁴ Ebenda, Bl.1315-1317.

²⁵ Ebenda, Bl. 1318-1320; BA, R 58/699, Bl. 8.

²⁶ IfZ, MA 795, Bl. 1307-1312, 1321.

²⁷ W. Alexeew, T. Stavrou. *The Great Revival. The Russian Church under German Occupation*, Minneapolis 1976. P. 83-89; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 110-113.

²⁸ IfZ, MA 795, Bl.1276-1284.

- ²⁹ ВА, R 58/697, Вл. 178.
- ³⁰ Бенингсен Г. Христос-победитель // Вестник русского христианского движения, 1993, № 168, С. 133-134.
- ³¹ ВА, R 58/225, Вл.173.
- ³² Новое Слово. 1941. 21 сентября.
- ³³ АА, Inland I-D, 4779.
- ³⁴ IfZ, MA 541, Вл. 31 -33.
- ³⁵ Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. Париж, 1993. С. 289, 296.
- ³⁶ ВА, R 58/ 214, Вл. 210-211.
- ³⁷ Ebenda, R 6/181, Вл. 26, 31-33; Виноградов В.П. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Св. Патриарха Тихона (1923-1924 гг.) по личным воспоминаниям. Мюнхен, 1959. С. 61-62; Жизнь Церкви, Вып. 2, 1943, С. 39.
- ³⁸ Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Дисс. ...канд. ист. наук. Москва, 1990. С. 102 – 103.
- ³⁹ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д.7, л. 10.
- ⁴⁰ ВА, R 58/224, Вл. 117.
- ⁴¹ Русская Православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. Москва, 1943. С. 34-36.
- ⁴² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 93, л. 18.
- ⁴³ В огне войны. Русская Православная церковь в 1941-1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). Публ. М.В.Шкаровского// Русское Прошлое. Кн. 5. СПб, 1994. С. 299.
- ⁴⁴ Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 133.
- ⁴⁵ Балевиц З. Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁶ ВА, R 58/220, Вл. 279; Веверс Я.Я. Православная духовная миссия – агентура фашистской разведки. Рига, 1973. С. 9.
- ⁴⁷ IfZ, MA 749, Вл. 826-829.
- ⁴⁸ ВА, R 5101/22183, Вл. 124.
- ⁴⁹ Ebenda, R 6/178, Вл. 81-82.
- ⁵⁰ Ebenda, Вл.83-84.
- ⁵¹ Алексеев В., Ставру Т. Указ. соч. С. 143-146.
- ⁵² ВА, 62Di1/ 52, Вл. 65-66; Балевиц З. Указ. соч. С. 79-80.
- ⁵³ Хмыров (Долгорукий) Ю.П. Страшное злодеяние // Голос Родины, 1972, № 27, С. 4.
- ⁵⁴ Кузменко М. Письмо в редакцию // Голос Родины, 1973, №27, С. 4.
- ⁵⁵ Устное свидетельство автору 9 апреля 1996 г.
- ⁵⁶ Балевиц З. Указ. соч. С. 81.
- ⁵⁷ ВА, R 6/178, Вл. 119.
- ⁵⁸ Ebenda, Вл. 116-117.
- ⁵⁹ Ebenda, R 6/179, Вл. 15-18.
- ⁶⁰ Ebenda, Вл. 8; IfZ, MA 541, Вл. 7; АА, Inland I-D, 4757.
- ⁶¹ Балевиц З. Указ. соч. С. 81.
- ⁶² Там же, С. 84; Веверс Я.Я. Указ. соч. С. 21; Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. Москва, 1963. С. 100.
- ⁶³ Хмыров (Долгорукий) Ю.П. Указ. соч. С. 4.
- ⁶⁴ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 209.
- ⁶⁵ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946. С. 131.
- ⁶⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 28; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 25.
- ⁶⁷ Шеметов Н. Единственная встреча памяти о Николая Трубецкого // Вестник русского христианского движения, 1978, №128, С. 250.
- ⁶⁸ J.-M. Mayeur [Hrsg.], Die Geschichte des Christentums. Band 12, Freiburg-Basel-Wien 1992. S. 979.
- ⁶⁹ Die Zeit vom 2.05 und 6.05.1944; Prussische Zeitung vom 2.05.1944; Deutsche allgemeine Zeitung vom 14.05.1944 u.a.
- ⁷⁰ ВА, R901/vorl. Nr. 398. Вл. 14-15.
- ⁷¹ АА, Inland I-D, 4757.
- ⁷² Ebenda; ВА, R6/179, Вл. 46.
- ⁷³ Ebenda, Вл. 42.
- ⁷⁴ Ebenda, Вл. 95.
- ⁷⁵ Ebenda, Вл. 44-48.
- ⁷⁶ АА, Inland I-D, 4757.
- ⁷⁷ Ebenda.
- ⁷⁸ ВА, R 6/179, Вл. 136.
- ⁷⁹ АА, Inland I-D, 4757.
- ⁸⁰ ВА, R 6/179, Вл. 32-33.
- ⁸¹ Ebenda, Вл. 122.
- ⁸² ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 112-113.
- ⁸³ Тайлов Г. Православная церковь Латвии в годы коммунистического режима// Вера и жизнь, 1995, № 1, С. 19

Рига. Христороджественский кафедральный собор

*Я не забуду о войне и смерти,
Но петь я стану о любви и жизни,
О дорогой, единственной Отчизне,
В которую я не могу не верить.
Как внятен мне твой тяжкий бред, Россия,
Как мне знаком твоей обиды трепет,
Твоих грехов безумные стихи,
Твоих молитв непостижимый лепет.
Ты не умрешь... Ты выпьешь эту муку,
Которой равной мир еще не видел,
И, улыбаясь, вновь протянешь руку
Всем, кто тебя и знал, и ненавидел.*

*Тамара Шмелинг
Май 1944*

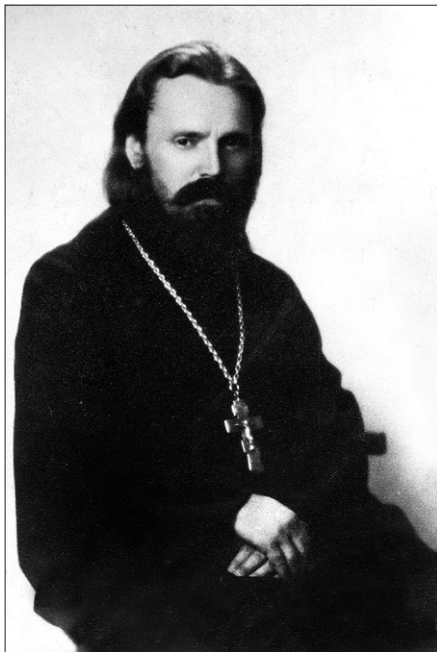
Прот. Михаил Женочин

МИССИОНЕР ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН ЛЕГКИЙ

Епископ Иоанн (Лёгкий) родился 29 апреля /12 мая 1907 года в г. Двинске Витебской губернии в благочестивой духовной семье: его отец Савва и старший брат Иаков были священниками. Окончив Двинскую русскую гимназию и Рижскую Духовную семинарию, Иоанн изучал богословские науки на православном отделении Богословского факультета Рижского университета.

Архиепископом Рижским Иоанном (Поммером), будущим священномучеником, 1/14 сентября 1931 г., в церковное новолетие, он был рукоположен во диакона, а 8/21 сентября, на Рождество Пресвятой Богородицы – во священника. В 1936 г. был назначен в Рижский Свято-Троице-Сергиевский женский монастырь и законоучителем местных школ. В 1936–1944 гг. был членом епархиального совета. В 1941–1944 гг. был членом Псковской Духовной Миссии. В 1944 году вошел в состав Русской Зарубежной Церкви, в которой прослужил ровно 50 лет. В 1946–1949 гг. был синодальным миссионером и наблюдателем за преподаванием Закона Божия в русских школах Германии.

В 1949 году отец Иоанн переехал в США. В 1949-

1959 гг. служил священником при Вознесенском кафедральном соборе на Бронксе в Нью-Йорке. В 1959 по 1987гг. был настоятелем собора Архангела Михаила в г. Патерсон, штат Нью-Джерси. В 1949-1987 гг. был членом Епархиального совета. В 1961-1987 гг. (вплоть до своего ухода на покой) отец Иоанн занимал должность благочинного епархии. За свое столь продолжительное и ревностное служение Церкви отец Иоанн был заслуженно награжден всеми возможными для священника наградами. 1/14 января 1989 г. скончалась матушка Екатерина Яковлевна (урожденная Перминова), после чего о. Иоанн принял а августе 1990 г. монашеский постриг, получив имя рукополагавшего его в священный сан священномученика

Иоанна, архиепископа Рижского. 5/28 августа 1990 г. он был хиротонисан во епископа с назначением в Аргентину, где прослужил на этом высоком посту 4 года. Указом Архиерейского Синода владыке Иоанну было определено быть епископом Рокландским . В Чистый Пяток, 25 февраля/10 марта 1995г., мирно скончался. Похоронен на кладбище женского монасты-

Псковская миссия в Гдовском крае

ря Ново-Дивеево.

На рубеже Северо-Запада, в 270 километрах от С.-Петербурга, расположен один из самых малых и самых древних городов Руси – Гдов. Его таинственная, малоисследованная история хранит великое наследие Чудского побережья, тесно связанное с Невскими берегами... По преданию, Гдов, в просторечии Вдов – удел вдовствующей княгини Ольги. На этой поистине многострадальной земле почти никогда не прекращалась война. Помнит Гдовщина дружины св.Александра Невского и Иоанна Грозного, Петра Первого и героя Бо-

Двинск (Даугавпилс). Собор св.Александра Невского. Разрушен в 1960-х гг.

родина графа П.П. Коновницына. Боевые стены Гдовской крепости окружают главную святыню – собор во имя иконы Державной Божией Матери. Это первый храм на Руси, построенный после 1917 года, на фундаменте храма XVI века, взорванного в 1944 году. Погибший храм был в честь покровителя воинов – вмч. Димитрия Солунского. Путник, нашедший дорогу в Гдовскую крепость, проникается видом глубокой таинственной древности и, увидев перед собой жемчужину псковского зодчества, не может поверить, что этот храм построен по древним аналогам совсем недавно.

Гдов. Димитриевский собор. Фото 1900-х гг.

Чудо произошло в городе, где проживает всего 5 тысяч жителей, в большинстве своем «хромающих на обе ноги». Поистине, здесь творится великое в малом. До революции Гдов входил в состав Санкт-Петербургской епархии и духовно окормлялся викарными архиереями, среди которых были такие величайшие столпы Православия, как епископ Кирилл (Смирнов), род. 1863 г. Сотаинник св. прав. отца Иоанна Кронштадтского, кандидат на должность Патриаршего Местоблюстителя, принявший мученическую кончину с митрополитом Петоградским Иосифом (Петровых). 7/20. 1937 г. оба святителя были расстреляны в Чимкентской тюрьме. Ревностный епископ Гдовский Димитрий (Любимов), выпускник С.-Петербургской Духовной академии тоже был умучен безбожниками в ярославской тюрьме в 1935 году. Особенное заступничество у Престола Божия имеют гдовичи от священномученика митрополита Санкт-Петербургского и Гдовского Вениамина, в честь которого устроен в соборе южный придел. К началу Второй Мировой войны в Гдове из шести православных церквей города и более сорока в уезде действовала только одна – церковь святителя Афанасия Александрийского. Все остальные были закрыты, а священнослужители репрессированы. Территория псковского края была оккупирована германскими дивизиями уже в первые дни войны, и уже в августе 1941 года здесь стала действовать «Православная миссия в освобожденных областях России», известная в истории как Псковская Православная Миссия. Ее организатором был митрополит Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский). Владыке Сергию удалось провести мудрую политику, заняв, с одной стороны, резкую антикоммунистическую позицию, импонирующую немцам, с другой, сохранить верность Московской Патриархии. Первые 15 священников-миссионеров во главе с протоиереем Кириллом Зайцем прибыли из Риги во Псков, который со всей огромной областью был, по воспоминаниям прот. Алексея Ионова, превращен в церковную пустыню. Первоочередной задачей было открытие уцелевших храмов, врачевание духовных ран и восстановление

церковной жизни. В Гдовский район был направлен зам. начальника миссии священник Иоанн Лёгкий, ставший благочинным Гдовского округа. Дорога в 130 километров, разделяющая Гдов от Пскова, была пройдена на лошадях в течение двух недель. На всем пути останавливались возле церквей, которые все были закрыты или разрушены. Там, где церкви еще можно было восстанавливать, народ брался с горячим энтузиазмом. Отец Иоанн вспоминал: «Настроение у населения было такое высокое, что часто думалось, да были ли здесь гонения? И казалось, что сам воздух был насыщен религиозным подъемом. Молодежь быстро вернулась к вере. Обычно причащение после Богослужения продолжалось дольше, чем сама служба, – причащалось по 500-600 человек. Служить приходилось с 6 утра и до 8 часов

Благословенная грамота Митрополита Сергия миссионеру священнику Иоанну Леekomу. Архив И. и Г. Легких. Публикуется впервые

Гдовское духовенство (1942 ? г.) Архив автора. Публикуется впервые

Гдов. Молебн в одном из храмов Гдовского уезда. 1942–1943 гг. Архив автора. Публикуется впервые

вечера. Много крестили детей до 16-летнего возраста. Одновременно приводили по 25-30 и даже 100 детей. С августа по ноябрь 1941 года отец Иоанн лично крестил 3,5 тыс. человек. Девушки, певшие в хоре, приходили в другие приходы, не имевшие своих хоров, делая иногда пешком по 25-30 верст. То же усердие наблюдалось при уборке и ремонте церквей. Во время проповеди народ вздыхал и плакал, а в конце проповеди вслух благодарил проповедника. Указом Митрополита Сергия от 27 января 1942 года за № 144 член Православной миссии священник Иоанн Лёгкий назначается к служению в Гдовский Свято-Афанасьевский храм. Построенный в 1885 году на месте бывшего женского Свято-Иоанновского монастыря, этот большой, светлый, теплый пятикупольный храм был одним из самых любимых для гдовичей и единственным на Псковщине незакрытым во время господствующего атеизма. Там служили прот. Владимир Ирадионов из Петергофа и протодиакон Феодор Иванович Юдин. Зимой 1944 года он будет так же, как и крепостной собор, взорван при загадочных обстоятельствах...

8 июля 1942 года о. Иоанн назначается благочинным

Гдов. Богомольцы у руин Афанасьевской церкви. Взорвана 8 февраля 1944 г. Архив автора. Публикуется впервые

гдовского округа. Удостоверение, подписанное прот. Кириллом Зайцем, вверяет в его ведение православные приходы Серёдкинского, Полновского, Гдовского, Сланцевского и Осьминского районов. Таким образом, апостольское служение 35-летнего пастыря охватывает более 40 церквей и десятки тысяч горожан и селян. Не жалея сил и здоровья, постоянно подвергая свою жизнь смертельной опасности, нужно было сотни верст пройти, проехать на лошадях от прихода к приходу, чтобы совершить богослужение, духовно наставить, укрепить, поддержать, благовествовать Слово Божие. В разъездах по пустынной и лесной местности в дождь и снег можно было легко погибнуть и от житейских трудностей военного времени, и от рук оккупантов, оказывавших лишь внешнее, временное покровительство, и от так называемых «наших» партизан, многие из которых с радостью всадили бы пулю в человека с крестом. Тревожилось сердце пастыря и за оставленную в Риге семью, благочестивую матушку Екатерину и двух малолетних дочерей Ираиду и Галину, молившихся за своего батюшку, идущего с проповедью по дорогам войны. Ради Господа и людей нужно было резко изменить жизнь, оставить относительно благополучное служение в Риге и терпеливо нести бремя истерзанных гдовских приходов. Спустя 50 лет дочь отца Иоанна Ираида Лёгкая в благополучной Америке напишет стихотворение, навеянное рассказами отца:

*Белые церкви Севера
Тонут в сырой земле,
Белые церкви Севера
Стонут под гнетом лет.
Святые светлые камни
Вопиют к небесам
О поруганных православящих,
О поруганных телесах,
О живыми в землю закопанных,
О прибитых живыми к кресту,
О расстрелянных, об утопленных,*

Гдов. Димитриевский собор. Взорван 8 февраля 1944 г. Архив автора. Публикуется впервые

*О святых, которых не чтут...
 О народе, морившем в крысятниках
 Своих пастырей и отцов,
 Почитавшим вместо Распятия
 Палачей, лжецов, подлецов.
 Белые церкви Севера
 Вопиют к небесам
 Об ославленных,
 Уничтоженных,
 Несломившихся под ношею
 Имена их Ты знаешь Сам.*

Вознесение 23/10 мая 1996 года.

В 1997 году младшая дочь Владыки Иоанна, Галина, проживающая в США, в буквальном смысле по стопам отца, из Пскова приехала в Гдов. В воскресенье вечером, когда я в соборе проводил занятия с гдовскими ребятами, она набожно переступила порог нашего возрожденного храма. Проникновенно чутко оценила и нашу работу, и нашу заботу. Гуляя по крепости, я рассказывал ей, как чудом построен наш собор, взорванный со всем комплексом знаний, где находился прежде дом причта. Удивительно, что рядом с храмом в крепостных стенах все свое детство и юность провела матушка о. Иоанна Кронштадтского Елизавета, так как ее отец, протоиерей Константин Несвицкий, был настоятелем гдовского собора в период с 1832 по 1845 годы. Так удивительно переплетались судьбы людей и времен. Галина Ивановна, наследовавшая доброту своего отца, стала продолжательницей и его миссии, помогая нам всеми своими силами и возможностями. Уже сегодня в крепости рядом с собором еще без тепла и окон, но уже под крышей стоит трехэтажное здание, приготовленное служить духовному просвещению и трудолюбию детей древнего Гдова. Ираида и Галина Лёгкие подарили Гдовскому собору евхаристические сосуды, требные Евангелия, покровцы и другие вещи, хранящие тепло владыкиных рук. Главным богатством Владыки Иоанна были духовные книги. Он, урезая себя в самом необходимом, собирал их всю свою жизнь. Дети вспоминали, как, проживая в изгнании, отец, получая иногда 10 долларов в месяц, умудрялся обязательно купить книгу. Когда наступила его мирная кончина, многие православные люди в Америке мечтали получить наследие о. Иоанна, но дочери решили иначе. Весь этот духовный клад – около тысячи томов весом в 1 тонну, был передан в дар Псковскому Духовному училищу, ибо из Пскова, как духовного центра, распространилась Псковская миссия до гдовского края. Семена, брошенные Владыкой Иоанном, дают всходы и поныне. Духовный сын Владыки Иоанна протоиерей Георгий Ларин рассказывает: «Познакомившись с владыкой, я понял, что вне Церкви его ничего не интересовало. Он был весь поглощен своим служением. Владыка Иоанн обладал прекрасной памятью и обширными познаниями во всех

Гдов. Восстановленный собор Державной иконы Божией Матери и вмч. Димитрия Солунского. 1990-е гг.

церковных вопросах: богослужебных, святоотеческих и бытовых. Искренне любя людей, он глубоко переживал, когда в ответ на его заботы о них он встречал иногда непонимание и даже грубость. Батюшка был незаурядным проповедником. Никогда не забудется его доклад на одном из пастырских совещаний о покаянии, во время которого у большинства выступали слезы. Владыка будто предчувствовал наступающую свою кончину. 20 февраля/5 марта 1995 года в Прощеное Воскресенье он прибыл на вечерню в собор Архистратига Михаила в г. Патерсоне, в котором нес крест послушания настоятеля прихода 28 лет, попросил у всех прощения и призвал к взаимной любви. На следующий день владыка служил в своем храме Покрова Пресвятой Богородицы в Няеке. Выходя из церкви, многие обратили внимание на то, как он необыкновенно низко всем кланялся, как бы прощаясь со всеми. В Чистый Пятък, 25 февраля/10 марта, Владыка мирно почил о Господе.

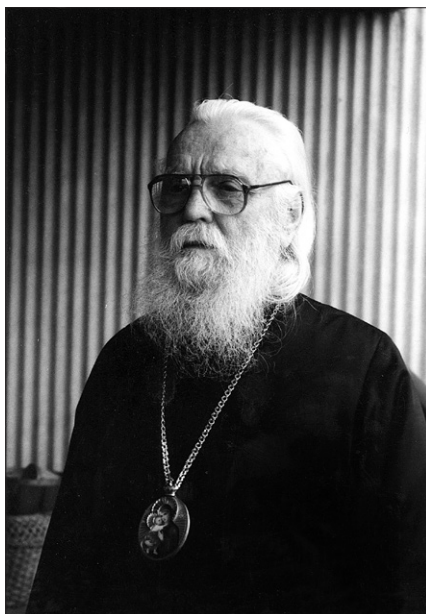
Гдов. Строящееся здание церковно-приходского дома и школы в крепости, сооруженное на пожертвования дочерей о. Иоанна Лёгкого Галины и Ираиды Лёгких. 2001 г.

Перед моим взором молниеносно проходит сонм святителей Божиих, которых я знал. Их свыше 70-ти. Из этого числа более 50-ти мне довелось сослужить, исполнять их поручения, слышать их наставления и просить их указаний и советов.

Невозможно сейчас перечислить их всех поименно, но на воспоминании некоторых из них побуждает сердце мое остановиться.

Возведшим меня на священническое служение был умученный приснопамятный Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн, ставший священномучеником. Его назначил в 1921 году на Рижскую кафедру Святейший Патриарх-Исповедник Тихон, сказавший ему: «Ты – муж борьбы» и давший ему автономное право управлять Латвийской церковью, поскольку она находилась в самостоятельном государстве.

Приснопамятный Владыка Иоанн рукоположил меня во иерея 1/14 сентября 1931 года с назначением в Коплавский приход б. Курляндской губ. В 1934 году тот же Владыка назначил меня вторым священником в Двинский Александро-Невский собор, где я в отроческие и юношеские годы был прислужником и чтецом и в трудные времена помогал священникам при отправлении служб и треб. Памятен мне этот собор тем, что в былые времена настоятелем его был протоиерей о. Петр Беллавин, родственник Св. Патриарха Тихона. Грустно памятен он мне и тем, что известный законоучитель Двинской женской гимназии, второй священник этого собора протоиерей о. Феодор Румянцев в 1919 году был расстрелян. Я видел его лежащим в гробу. Вспоминается мне и убиенный в 1918 году протоиерей о. Петр Цитович, на отпевании которого я был. С грустью я вспоминаю этот собор сейчас потому, что его уже нет. Лет

25 тому назад он снесен с лица земли. То же сделала безбожная власть и с Двинской Успенской церковью. В обоих этих храмах я неоднократно служил.

Преемник Владыки Иоанна митрополит Августин, мой законоучитель, назначил меня в 1936 году на должность священника Рижского женского Св. Троице-Сергиевского монастыря.

Вспоминается полный энергии, несколько своенравный, одаренный митрополит Литовский, экзарх Латвии и Эстонии Сергей, которого в Москве называли малым Сергием, в отличие от заместителя местоблюстителя Патриаршего Престола Ми-

трополита Сергея, которого в свою очередь называли старым Сергием.

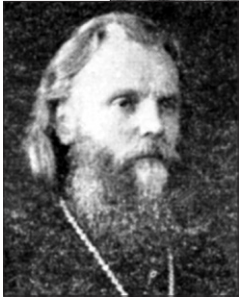
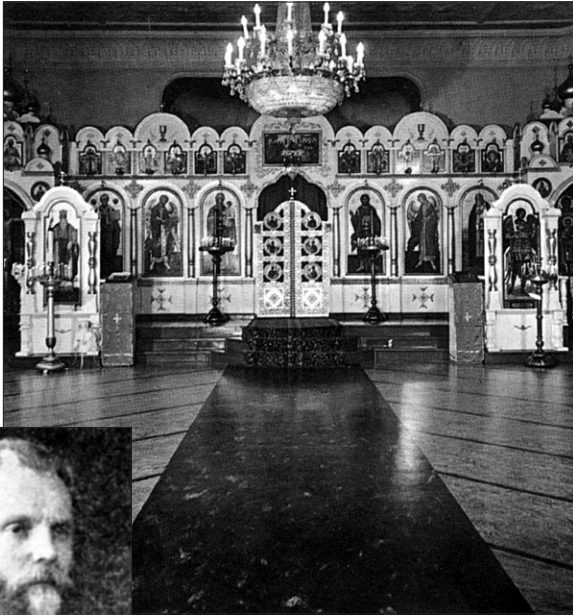
Экзарх митрополит Сергей в 1941 году основал Псковскую Духовную миссию, членом которой был и я. Накануне Преображения Господня мы прибыли в знаменитый Псков и сразу же направились в кафе-

дральный собор. Собор был переполнен. Богомольцы подходили к целованию иконы и елеопомазанию. В самый праздник мне было предложено проповедовать. Скоро я был направлен в Гдов. От Пскова до Гдова и Гатчины я посетил до 50-ти приходо-в. Через год меня назначили помощником начальника Миссии, и моим местопребыванием стал знаменитый Псков.

Вспоминается, как посетил Псков экзарх Сергей. В конце одной из трапез экзарх вводит меня в архиерейские покои и неожиданно спрашивает меня: «Вы знаете, кто был Митрополит Антоний?», имея в виду Блаженнейшего Митрополита Антония, основателя нашей Зарубежной Церкви, и тут же отвечает: «Это отец Церкви... Я помню, – продолжал он, – как на заседаниях Поместного

Благодарственная грамота прот. Иоанну Легкому от прихода гдовской Афанасиевской церкви. 1942 г. Архив семьи Легких. Публикуется впервые

Архангело-Михайловский собор в Патерсоне, где служил протоиерей Иоанн Легкий

люди русские своей пламенной молитвой и благочестием наставляют меня?». Думается, что я учусь здесь.

Когда Господь направил стопы мои к Зарубежной Церкви, и я стал жить ее дыханием и ее жизнью, я стал чувствовать, что две части Русской Церкви сливаются воедино. Массы беженцев вливаются в Зарубежную Церковь, и расселяясь по всему миру, умеют узнавать Зарубежную Церковь, где находят пристанище и покой. Огромное влияние оказала на меня Зарубежная Церковь и ее вожди. И теперь мы видим, что к ее омофору устремляется исстрадавшаяся подъяремная Русь.

Мне пришлось послужить Церкви Христовой в Германии пять лет и в Америке 41 год. Вот, вкратце сказать, мой пастырский путь.

Из речи протоиерея Иоанна Легкого при наречении его во епископа

Собора Митрополит Антоний восклицал: «Нам нужен Патриарх!».

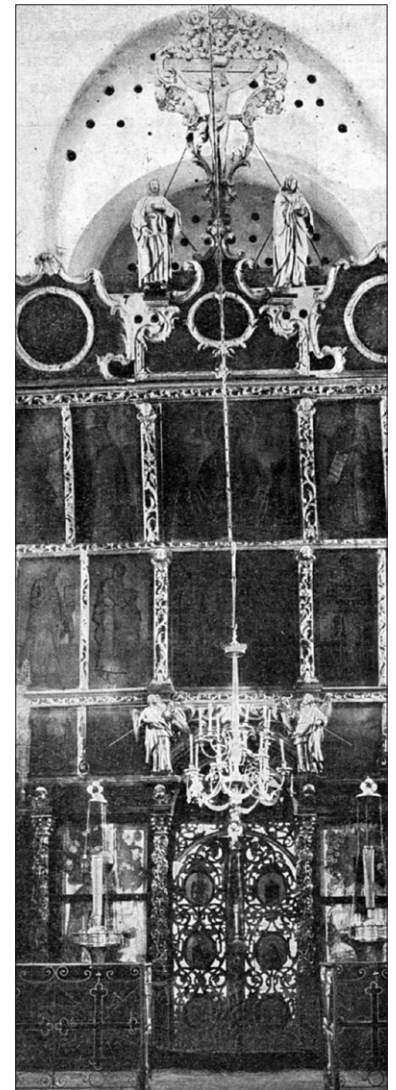
Это мне было очень радостно слышать, потому что я был почитателем Владыки Антония и сторонником Русской Зарубежной Церкви.

В 1943 г. меня возводят в сан протоиерея и назначают ключарем Рижского кафедрального собора.

В 1944 г., весной, Экзарх направляется из Вильно в Ригу для возглавления торжеств престольного праздника придела собора (свв. жен-мироносиц). Около Ковно настигает митрополита военная машина и убивает его и его спутников.

В этом же году меня увозят из Риги и пароходом направляют в Германию. В начале 1945 г. я посещаю Владыку Митрополита Анастасия и скоро вхожу в состав Русской Зарубежной Церкви, Синод которой в 1946 г. назначает меня синодальным миссионером и по представлению Владыки-Митрополита Анастасия в 1948 г. награждает меня крестом с украшениями.

Пребывание в Псковской Духовной миссии и в ограде Зарубежной Церкви – две важнейшие вехи в моем священническом служении. На просторах многострадальной Родины приходилось служить в переполненных храмах, часто проповедовать, проводить беседы, много крестить, совершать множество треб, приходиться в храм рано утром и выходить поздно вечером, а порой и около полуночи. Много раз приходилось быть свидетелем слез, рыданий и страданий многострадального, но верного Богу русского народа. Нередко случалось задавать самому себе вопрос: «Я ли учу, или многострадальные

*Гдов.
Иконостас
Димитриевского
собора.
Фото 1900-х гг.*

ПРОТОИЕРЕИ ВЛАДИМИР ИРАДИОНОВ

Изучая судьбы людей, а тем более пастырей, на чей жизненный путь выпал 1917 год, разделительной чертой прошедший по судьбам русского народа, действительно убеждаешься, сколько страданий, унижений и мучений пришлось претерпеть им. В XX веке наш народ узнал о гонениях на Церковь Христову не только из житий первых христианских мучеников, но сам претерпел их от безбожников и богоборцев. Не у всех хватило мужества противостоять воинствующему злу, взять крест свой и следовать за Христом на Голгофу.

Не знаю, можно ли к таковым отнести протоиерея о. Владимира Ирадионова, пусть о том судит Сам Господь.

Первое знакомство с о. Владимиром Ирадионовым началось с изучения документов, говоривших о небольшом отрезке его жизни, содержание которых вызывало отрицательное мнение о нем (обновленец, снявший с себя сан). В этом случае можно было только сожалеть о душе погибшего человека. Постепенно, по милости Божией, стали появляться и другие документы, раскрывавшие более полную картину жизни о. Владимира. В его жизни до 1917 г. было служение в штате придворного духовенства, попечение о бедных и больных, проповедническая, миссионерская и преподавательская деятельности, после – уход в обновленческий раскол, снятие сана, десятилетие духовного забвения, и наконец, в период новых потрясений основ русской жизни, – покаяние пред Богом, возвращение в Церковь, восстановление сана, труды в Псковской Православной миссии по возрождению храмов на оккупированной территории в годы Второй Мировой войны, арест, несправедный суд и смерть в тюремной больнице. Не смею называть о. Владимира Ирадионова мучеником и исповедником, – о том ведает Сам Господь. Но раз Он открывает нам эти сложные и неоднозначные страницы жизни о. Владимира, считаю своим долгом написать о нем. Может быть, его жизнеописание явится еще одним малым штрихом для понимания и осмысления той эпохи, в которой он жил.

Протоиерей Владимир Николаевич Ирадионов родился 30 июня (ст. ст.) 1885 года в селе Усадища (Спасовщина) Новолодожского уезда С.-Петербург-

ской губернии в семье псаломщика Спасо-Преображенского храма села Заболотское Николая Алексеевича Ирадионова и его супруги Надежды Семеновны.¹ С раннего детства Владимир воспитывался у родственников в семье Лебедевых, которые оказывали немалую помощь отроку. (Владимир Васильевич Лебедев (1862–1916), известный благотворитель, опекавший Шижемскую Крестовоздвиженскую церковь Новолодожского уезда С.-Петербургской губернии, проживавший неподалеку от нее в своем имении Лебедево на реке Паше, принадлежал к священническому роду Лебедевых, имевшего корни в Новолодожском уезде, Ораниенбауме и Петергофе, взял будущего о. Владимира Ирадионова на воспитание в свою семью. Свящ. В. Ирадионов – автор некролога В.В. Лебедеву («Кронштадтский пастырь». 1916 г. № 39).

Владимир поступает в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, которую оканчивает в 1905 г. в возрасте 19 лет. Так о его обучении 17 июня 1907 года отзывался ректор архимандрит Вениамин (впоследствии – митрополит Петроградский, священномученик): «Окончивший курс Санкт-Петербургской Духовной семинарии в 1905 г. Владимир Николаевич Ирадионов в бытность воспитанником семинарии при отличном поведении (5) обнаружил себя скромным юношей, усердным к церковным службам и опытным в церковном чтении и пении. В неблагоприятных проступках Ирадионов замечен не был».²

По окончании семинарского образования Владимир Николаевич Ирадионов 14 сентября 1905 года был назначен на должность надзирателя (классного руководителя) Санкт-Петербургского Александро-Невского Духовного училища. Как писал о нем в своем отзыве 5 июня 1907 года смотритель Санкт-Петербургского Александро-Невского Духовного училища протоиерей Д.Д. Целиков: «эту должность он проходил с примерным усердием. Во все время службы будучи для своих воспитанников примерным воспитателем, назидая их «словом, житием, любовью, духом, верою и чистотою». Владимир Николаевич являл собой для воспитанников образец истинной

христианской настроенности и искренней религиозности. В отношении своих служебных обязанностей он был всегда исправным, самоотверженным, трудоспособным воспитателем, всегда, послушным начальству, преданным искренне принятому на себя делу в воспитании детей». ³ С 30 апреля 1907 г. он определен митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Антонием делопроизводителем Духовного училища. ⁴

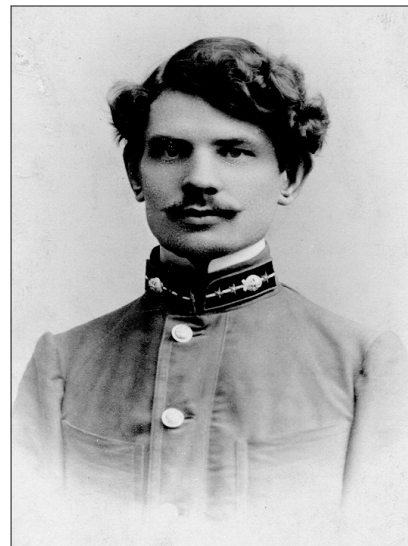
18 июля 1907 года Владимир Николаевич Ирадионов вступает в брак с Екатериной Николаевной Смирновой, дочерью псаломщика Стрельнинской придворной Спасо-Преображенской церкви, в которой и совершилось Таинство венчания молодых.

Екатерина Николаевна родилась 8 ноября 1889 года в Царском Селе. * 28 апреля 1905 года она окончила Царкосельское женское училище Духовного ведомства, состоящее под Августейшем покровительством Государыни Императрицы Марии Феодоровны. По выпуске из него Екатерина Николаевна получила «право на звание домашней учительницы тех предметов, в коих она оказала хорошие успехи, без особого на сие звание испытания»... (Аттестат № 229). ⁷ В том же 1905 году Екатерина Николаевна обучалась в С.-Петербургской Консерватории у профессора Гладкой. Это впоследствии, уже в 1920-х гг., сыграло свою положительную роль, когда она стала преподавателем музыки в детской колонии в Михайловке («Красные Зори»).

Через полтора месяца (29 августа) Владимир Николаевич Ирадионов был рукоположен в сан диакона в храме Санкт-Петербургской Духовной академии епископом Ямбургским Сергием (Тихомировым), впоследствии митрополитом Японским. Через четыре дня, 2 сентября 1907 года о. Владимир был рукоположен во иерейский сан в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры, где хиротонию его совершил епископ Кронштадтский Владимир (Путята) ⁸.

По ходатайству священника Стрельнинской придворной церкви о.Сергия Руженцева протопресвитером придворного духовенства П.А. Благовещенским священник Владимир Ирадионов был определен на вакансию

*Владимир Ирадионов
– преподаватель
Александро-Невского
Духовного училища.
1905-1907 гг.*

(образовавшуюся после кончины священника Александра Лебедева, родственника, у которого воспитывался о. Владимир ⁹) в Александро-Невскую церковь Стрельнинского братства во имя ближнего, действовавшего с 1877 г. и состоявшего под покровительством Великой Княгини Александры Иосифовны ¹⁰. Также о. Владимир был выбран попечителем по Дому призрения бедных Стрельнинского братства, где содержалось около сорока пожилых женщин. Должность настоятеля Александро-Невской церкви считалась (со дня основания Братства и до 1918 г.) внештатной, – половину содержания (300 рублей в год) священник получал от братства, другую – из доходов церкви. ¹¹

Братство вело широкую благотворительную и просветительскую работу среди жителей Стрельны, ориентируясь в своей деятельности на столичное общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Еженедельно в манеже Стрельнинского дворца Братством устраивались бесплатные беседы на темы духовно-нравственного содержания, сопровождавшиеся «туманными картинками», приобретаемыми специально для этих бесед Августейшими

*Отец ее, Николай Иванович, окончил Московское училище иконописания, затем всю жизнь прослужил псаломщиком, сначала в Стрельне, где неоднократно подносил свои музыкальные (духовные) сочинения Августейшим владельцам имения, позже – в храме придворного ведомства в селе Коробово Костромской губернии, на родине Ивана Сусанина. Там уже после революции как стяжавшего народную любовь, в 1918–1919 гг. его выберут священником, двое его сыновей, братьев Екатерины, в 1920-х гг. вернутся в Стрельну, где, как и некогда их отец, будут служить псаломщиками в Спасо-Преображенской церкви, позднее – репрессированы, сын Евгений Николаевич Смирнов позднее был рукоположен и в 1934–1935 гг. служил священником Успенской кладбищенской церкви в Стрельне, в марте 1935 г. выслан из С.-Петербурга. ⁵ Мать долгие годы страдала психическим заболеванием, в течение десяти лет содержание ее в больнице Всех Скорбящих оплачивал владелец Стрельны Великий Князь Димитрий Константинович. ⁶

*Дом Лебедевых, в котором прошло детство
о. Владимира. Фото 1940-1950-х гг.*

Владимир Николаевич и Екатерина Николаевна Ирадионови. Ок. 1907 г.

владельцами Стрельны. Так, среди прочих о. Владимиром были проведены беседы на темы: «Киево-Печерская лавра», «Святитель Иоасаф Белгородский», «Жизнь за Царя», «Извозчик Илим», «Святые Кирилл и Мефодий». Беседы начинались и заканчивались пением молитв, в зимнее время собирая от 500 до 800 человек слушателей, так что манеж порой не вмещал всех желающих.¹²

Отец Владимир был также активным соратником действовавшего в Стрельне наряду с Братством Стрельнинского отделения попечительства о народной трезвости. Оно сочетало духовное, просветительское, эмоциональное и административное воздействие на прихожан. Организованное по почину Великого Князя Димитрия Константиновича, за десять лет своего существования оно достигло больших результатов: трактиры, распивочные и рюмочные, некогда располагавшиеся чуть ли не в каждом доме, – благо обилие дачников, сезонных рабочих и военных давало доход их содержателям, были полностью закрыты. Последний трактир, располагавшийся напротив Александро-Невской часовни, рядом с Народным Домом, был закрыт по требованию самого населения. Трезвенническая работа включала в себя не

Стрельна. Александро-Невская часовня Стрельнинского отделения попечительства о трезвости

только беседы и проповеди, но воскресную школу для взрослых, библиотеку, дешевую столовую, организацию танцев и любительского театра. Стрельнинским отделением попечительства о народной трезвости в центре Стрельны была возведена каменная часовня в честь св. блгв. князя Александра Невского, покровителя трезвеннического движения.¹³

Ко дню Св. Пасхи 1911 г. священник Владимир Николаевич Ирадионов за свою благотворительную работу по Братству был награжден скуфьей, супруга его также была активной участницей всех благотворительных акций, за что неоднократно отмечалась благодарностями. Когда в 1912 г. о. Владимир прощался со Стрельной, переходя служить штатным священником в Знаменку, прихожане поднесли ему список с Тихвинской иконы Божией Матери, особо чтимой в Стрельне, с которой ежегодно в первое воскресенье июля, после празднования Тихвинской иконы Божией Матери, устлавался крестный ход по селению.

В 1912 г. Великий Князь Димитрий Константинович просит своего двоюродного брата, Великого Князя Петра Николаевича, владельца лежавшего неподалеку от Стрельны имения «Знаменка», в связи с заштатным положением священника Александро-Невской церкви (у о. Владимира к этому времени было двое детей – дочь Елена (30.04.1908 - ?) трех лет и сын Всеволод (14.11.1909 - ?) двух лет от роду) взять его в штат придворной Петропавловской церкви на мызе Знаменка.

28 февраля 1912 года по желанию Великого Князя Петра Николаевича (1864-1931) о. Владимир был переведен настоятелем храма святых апостолов Петра и Павла в имении Знаменка на мызе Великого Князя.¹⁴ С 10 июня того же года о. Владимир становится законоучителем 15-летнего сына Великого Князя Петра Николаевича князя Романа Петровича (1896–1978). Здесь его служение было деятельным и многосторонним, и не ограничивалась лишь богослужениями в храме на мызе «Знаменка» и преподаванием Закона Божия юному князю Роману Петровичу.¹⁵ Если заглянуть в послужной список пастыря, то можно убедиться, что о. Владимир Ирадионов в это время избирался членом многих благотворительных обществ, которые касались организации различных сторон жизни: духовно-просветительской, миссионерской и социальной. С 13 июля 1912 года он был избран членом Стрельнинского отделения Петергофского уездного комитета «Попечительства о народной трезвости». С 15 июня 1912 года был действительным членом «Камчатского братства во имя Нерукотворного образа Всемилоственного Спаса» с правом ношения креста братства IV степени. Это братство занималось миссионерской деятельностью среди коренных народов Камчатского полуострова. С 1909 года состоял участковым попечителем общества защиты детей от жестокого обращения (состоявшего под покровительством Великой Княгини Ольги Александровны, сестры Императора Николая II). 8 августа 1913 года был избран в число членов-сотрудников «Попечительства Императрицы Марии Александровны о

Священник Владимир Ирадионов с семьей: супругой Екатериной Николаевной, дочерьми Еленой и Елизаветой и сыном Всеволодом. 1914 г.

слепых».¹⁶ Помимо трудов в этих братствах, о. Владимир с 1 сентября 1912 года преподает Закон Божий в Первом и Втором земских училищах. В 1914 г. он награждается золотым знаком в память 25-летия бракосочетания Великого Князя Петра Николаевича и Великой Княгини Милицы Николаевны. За свое служение он в 1913 году был награжден позолоченным крестом на Владимирской ленте в память 300-летия царствования Дома Романовых и бронзовой медалью в память того же события.¹⁷ Еще служа в Александро-Невском храме дома презрения бедных, в 1909 году о. Владимир поступает в Санкт-Петербургский Императорский археологический институт, который успешно заканчивает 9 мая 1913 года. 26 августа 1913 г. в семье Ирадионовых рождается дочь Елизавета.

Великий Князь Петр Николаевич, известный до революции в России кроме всего прочего как талантливый архитектор (по его проекту был возведен скит Смоленской иконы Божией Матери в Валаамском монастыре (1915) в память воинов-героев I Мировой войны, – *Ред.*)), после событий 1917 года вместе с семьей покинул Россию и поселился в Италии, там в изгнании он умер 17 июня 1931 года (погребен в храме св. Архистратига Михаила в Каннах). Храм свв. апп. Петра и Павла на бывшей мызе Великого Князя стал приходским. О. Владимир продолжает служить его настоятелем.

В августе 1917 года он поступает в Петроградскую Духовную академию, где проучился лишь год, ибо в 1918 году она была закрыта большевистской властью. В рево-

люционные и последующие годы русский православный народ испытал тяжелейший гнет новых правителей. Голод, холод, аресты и грабежи стали неотъемлемой частью жизни народа. В эти годы в о. Владимире виден не павший духом несмотря на испытания человек: он продолжает духовное образование, отмечает 150-летие своего храма (1921), несмотря на упразднение придворного ведомства. В октябре 1917 г. на некоторое время о. Владимир был перемещен к церкви Кронштадтского госпиталя, видимо как пастырь, умевший находить слово для своих пасомых в разных ситуациях и условиях, в том числе и в обстановке анархической столицы «Красной Балтики».

В этих трагических условиях он старается оказывать посильную помощь нуждающимся прихожанам и пастырям. Например, известно благодарственное письмо протопресвитера бывшего придворного духовенства о. Александра Дернова, в котором тот благодарит о. Владимира за оказанную в это голодное время помощь картофелем, рожью и мукой.¹⁸ К слову сказать, голод в те годы был такой, что в журнале прот. Александра Дернова отмечена смерть псаломщика придворной Знаменской церкви в Царском Селе от голода. Служа в эти годы также в Никольской кладбищенской церкви и содержа семью в значительной степени от «скорбных статей» – продажи венчиков и разрешительных молитв, совершения отпеваний, он находит возможность неоднократно выделять небольшие деньги «на ведение канцелярии» упраздненного придворного духовенства и «на усмотрение протопресв. А.А.Дернова» вплоть до кончины последнего, последовавшей от голода в сентябре 1923 г.¹⁹

10 апреля 1922 года, в Великий Понедельник епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем) о. Владимир был возведен в сан протоиерея.²⁰

В 1922 году в Церкви не без участия большевистской власти был организован т. н. обновленческий раскол. Часть духовенства поддержала его вследствие своих либеральных взглядов, другая оказалась там из-за страха перед гонениями или по неведению. Однако, разобравшись в том, что представляло из себя обновленчество, одни нашли силы и мужество принести покаяние и покинуть общество обновленцев-раскольников, а дру-

Знаменка. Петропавловская церковь

гие остались там. К сожалению, среди таких оказался и о. Владимир. Какая из причин побудила его к этому, мы не знаем, – возможно, это и либеральные взгляды, бытовавшие в семье Ирадионовых (это покажет дальнейший жизненный путь членов семьи), и опасения за жизнь домочадцев, страх. Возможно здесь также сыграло свою роль и влияние его друга и сокурсника по императорскому археологическому институту, одного из лидеров обновленческого раскола в Петрограде прот. Павла Васильевича Раевского, настоятеля Спасо-Бочаренского храма на Симбирской улице (ныне ул. Комсомола), старшего брата о. Василия Раевского, настоятеля Ильинского храма. О. Владимир становится обновленцем в 1923 году. В том же году он был переведен служить в храм св. Илии Пророка на Пороховых.²¹ При настоятеле прот. Василии Раевском Ильинский храм становится «обновленческим собором» и в нем служит обновленческий «епископ Охтинский» Николай Платонов (впоследствии – обновленческий «митрополит Ленинградский»). На протяжении семи лет прот. Владимир служит здесь вторым священником. Вслед за принятием обновленчества не замедлило произойти следующее духовное падение в жизни о. Владимира. В начале 30-х годов из-за страха перед репрессиями он слагает с себя сан священника²² и, опасаясь за судьбу своей семьи, фиктивно разводится с женой. Старшая дочь его Елена становится коммунисткой. Вспоминая слова Спасителя «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (*Мф. 10, 34*), следует отметить, что в эти трагические годы водораздел прошел даже в семьях духовенства, в среде православных верующих людей.

По словам дочери прот. Василия Раевского Анны Васильевны, о. Владимир Ирадионов, будучи обновленческим священником и служа в обновленческом храме Ильи Пророка на Пороховых, не скрывая носил наградной священнической крест на Владимирской ленте (в память 300 летия Дома Романовых). С о. Василием у них были дружеские отношения, никогда не было ссор и распрей. Даже после снятия сана Владимир Николаевич Ирадионов много раз приезжал к о. Василию. Неизвестно исповедовался ли он, причащался ли, но Анна Васильевна помнит, как он целовал крест преподносимый ему о. Василием. Из этого можно сделать заключение, что он, сняв сан, не отрекся от Бога.

Промысл Божий показывает совершенно разные пути спасения и служения Богу в эти годы. 23 марта 1935 года власти арестовывают младшего брата о. Владимира иерея Павла Ирадионова (он не слагал с себя сан, не был в обновленчестве и продолжал служить в храме) и

Владимир Николаевич
Ирадионов. 1934 г.

ссылают его в г. Саратов (в это время в связи с «делом Кирова» из города и окрестностей высылаются десятки тысяч «социально чуждых лиц» вместе с семьями – дворяне, бывшие царские чиновники и дворцовые служащие, духовенство и интеллигенция, раскулаченные и члены их семей). Уже в ссылке о. Павла продолжают обвинять в антисоветской агитации, а 28 декабря 1937 года приговаривают к расстрелу.²³ Иной была судьба его родного брата Владимира.

Владимир Николаевич Ирадионов работал счетоводом и жил со своей семьей при детской колонии «Красные зори» (б. Михайловка), которая располагалась на бывшей даче Великого Князя Михаила Николаевича, близ Петергофа, по соседству со Знаменкой. Здесь с 1919 года его супруга Екатерина Николаевна работала учительницей музыки и пения. После переезда (или высылки в Лугу) В.Н. Ирадионов продолжал поддержи-

вать связь с о. Василием Раевским, который в 1934 был переведен служить в один из храмов г. Луги.

В начале июня 1941 года Владимир Николаевич с семьей уехал к родственникам под Гдов, где их застала Великая Отечественная война. Уже через месяц после ее начала, к концу июля, район Гдова был занят стремительно наступавшими немецкими войсками. Так Ирадионовы оказались на оккупированной немецкими войсками территории. В это время здесь, на Северо-Западе России, начала свою деятельность Православная Псковская миссия, содействовавшая возобновлению богослужений в закрытых при большевиках храмах. Владимир Николаевич с младшей дочерью Елизаветой остались в Гдове (жена и старшая дочь Елена ушли на советскую территорию), и после принесения покаяния за снятие сана и участие в обновленческом расколе он был принят Православной Миссией в молитвенное общение с Церковью* и вновь начал служить священником. В сентябре 1941– начале 1944 гг. он служит в Афанасьевской церкви Гдова и окрестностях города.

В воспоминаниях псаломщика С.Д. Плещача, служившего в 1941–1944 гг. в храмах Гдовского уезда и близко знавшего духовенство Гдовских храмов, есть следующие свидетельства о служении о. Владимира Ирадионова в годы войны: «Вначале он был беженцем в г. Луге, а потом пошел разыскивать потерянную семью. Прибыв во Псков, здесь он встретил и протодьякона Федора Ивановича Юдина, который помог ему найти семью в Гдовском районе. По приезде во

* В прежнем сане о. Владимир был восстановлен митрополитом Виленским и Литовским, Экзархом Прибалтики Сергием (Воскресенским), который пошел на такой шаг, исходя, по всей вероятности, из Церковной икономии по причине нехватки священников во вновь открывающихся храмах на оккупированной немцами территории.

Гдов он действительно нашел свою семью: жену, внука и дочь. Естественно, что он остался во Гдове, где стяжал к себе любовь христиан и всего прихода. Так как он был человек с большим образованием, то легко понять его умение подойти к вопросу по служебному делу и любовь прихода. К 25 сентября его послали в Ригу к Владыке Митрополиту Сергию с поздравлением с днем ангела и преподнести ему в подарок 5 тысяч рублей. Он (Митрополит) благодарил, но слежка за этим протоиереем была усилена, и благочинный Иоанн Легкий ищет время, чтобы его обличить в том, что когда-то он снял сан, а теперь он вновь служит. Собственно он не отвергал этого, он всем говорил, что служил в Стрельне».

...Духовенства в Гдове находилось всего 3 человека, два священника — Владимир Ирадионов и Ливерий (священник Ливерий Воронов (1914–1925), впоследствии протоиерей – *Ред.*), вновь рукоположенный, с протодьяконом Федором Ивановичем Юдиным. А в Каменном Никольском приходе был иеромонах Лин».

В начале советского наступления в январе 1944 г. «... положение было такое, что духовенство задумало уехать вместе с немцами.

Но как тут быть, ведь ехать за границу нужен пропуск от властей? А власти теперь отвернулись от русских. Нужно тут остановиться перед тем, как уехать за границу. По чьей власти и по какому приказу был приказ изъять оставшиеся церковные ценности? Протоиерей Владимир Ирадионов объявил по всем старостам, чтобы привезли то, что ценное. А они знали, где что есть. С Никольской нашей церкви приказали с Воскр [есения] Христ[ова] иконы снять серебр[яную] ризу, но не вышло дело. Я им не дал. С Павловского прихода — плащаницу с золотой оправой, это им удалось взять. С других приходов тоже забрали. Забрали все, что возможно. С Гдовской Афанасьевской церкви ухитрились взять более ценные иконы, подаренные давно купцами.

Собрав все вместе, они задумали вывезти за границу с немцами, но не вышло дело. Поздно было, эвакуация на завтра была в полном разгаре, а потому Гдовскому духовенству не вышло дело обворовать храмы Гдовского уезда. Конечно тут был причислен и иеромонах Лин. Воз-

Церковные каноны однозначно говорят о снявшем сан: «Аще кто из клира устращиться человека иудея, или эллина, или еретика, отречется от имени Христова: да будет отвержен от Церкви. Аще же отречется от имени служителя Церкви (т. е. от сана): да будет извержен от клира. Аще же покается: да будет принят, яко мирянин» (Книга правил. М. 1993. С. 22), но в особых условиях Церковь применяет к ее чадам икономию, т. е. снисхождение к человеческим немощам и слабостям в церковно-практических вопросах, не носящих догматического характера. Икономия предполагает известное отклонение от канонических правил и частичную замену законности целесообразностью» (Православная энциклопедия. М. 2000. Т. 1. С. 403).

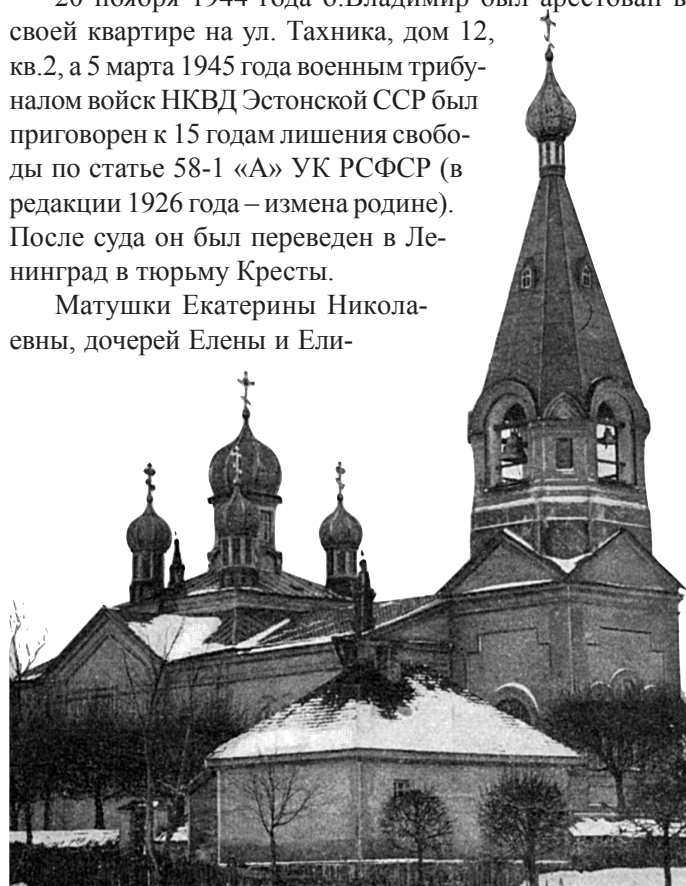
** В греческих святцах поминается имя св. Александра, новомученика, бывшего дервиша Солунского. Бывший родом из Фессалоник, из отступников веры (после отпадения в мусульманство) он возвратился опять в христианство, за что, исповедуя Православную веру, после истязаний был обезглавлен в Смирне в 1794 г. Память 26 мая.

вратился назад оттуда, когда власти разрешали на выезд. Получилось так, что теперь немцам не до духовенства. Поэтому протодьякон Юдин бросился ко всем с тем, чтобы помогли выехать, на что было дано разрешение для переговоров не только с эстонскими властями, но и преосвященным Павлом Нарвским, который разрешил приехать в Нарву. Получив разрешение с таким трудом, они выехали, а так как люди не желают оставлять память живую, они всеми силами заставили и меня взять документ на выезд. Но дело не вышло. Я не поехал, ибо я не был в штате духовенства, поэтому я и остался, зная, что в Эстонии будет им всем конец...»

Думаем, принесенное после 11 лет духовного забвения покаяние о.Владимира было искренним – весь оставшийся отрезок своей жизни он всецело отдал Богу,** став одним из активных участников Псковской миссии. В эти тяжелые годы войны, когда народ, несмотря на оккупацию, отдавал последнее для восстановления храмов, о. Владимир прилагал немало сил к открытию и возрождению храмов на оккупированной территории. По некоторым (отрывочным) сведениям, сначала (1941–январь 1944) о. Владимир служил в Гдове и его окрестностях, позже в Нарве, последним местом его служения (к осени 1944 г.) был храм свт. Николая Чудотворца на Русской улице (Vene tdn.) в Таллинне, где он прослужил вплоть до самого прихода советских войск.

20 ноября 1944 года о.Владимир был арестован в своей квартире на ул. Тахника, дом 12, кв.2, а 5 марта 1945 года военным трибуналом войск НКВД Эстонской ССР был приговорен к 15 годам лишения свободы по статье 58-1 «А» УК РСФСР (в редакции 1926 года – измена родине). После суда он был переведен в Ленинград в тюрьму Кресты.

Матушки Екатерины Николаевны, дочерей Елены и Ели-

Гдов. Церковь свт. Афанасия Александрийского, где совершались богослужения в годы войны. Взорвана в 1944 г.

заветы не было в городе (они находились в эвакуации), сын Всеволод воевал на фронте. Поэтому арестованного и тяжело заболевшего отца Владимира в тюрьме «Кресты» разрешили навестить родственнице Серафиме Николаевне Лебедевой, которая позже свидетельствовала родным о последних днях прот. Владимира Ирадионова. Он уже не вставал, постепенно угасая.

15 ноября 1945 года прот. о. Владимир Ирадионов умер в тюремной больнице. По официальной версии – от склероза сердца. О месте его захоронения ничего не известно. Зная методы «работы» органов НКВД, можно предположить, как отец Владимир мог быть доведен до такого диагноза, если, конечно, указанная причина его смерти является истинной.

Родственники бережно сохраняли в память об о. Владимире его фотографии и личные документы.

Гдов. Развалины Димитриевского собора, простоявшего в крепости 500 лет. Взорван в феврале 1944 г. Фото из архива прот. Михаила Женочина. Публикуется впервые

Примечания

¹ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2988 л. 790, об.

² РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2285 л. 20

³ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2285 л. 10

⁴ РГИА ф. 805, оп. 1, д. 2984, л. 507 за 1911 г.

⁵ РГИА ф. 532, оп. 1, д. 161, л. 11.

⁶ Там же.

⁷ Аттестат № 229

⁸ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2285 л. 16

⁹ РГИА ф. 532, оп. 1, д. 161, л. 11.

¹⁰ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2669 л. 7,12

¹¹ Там же.

¹² РГИА ф. 532, оп. 1, д. 129, л. 262; ф. 532, оп. 1, д. 100, л. 220.

¹³ Там же.

¹⁴ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2669 л. 20 и дело 2285 л. 24, 25, 26.

¹⁵ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2988 л. 793

¹⁶ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2669 л. 14, 17, 19, 21

¹⁷ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2988 л. 791, 792

¹⁸ РГИА ф. 805 оп. 1 дело 2937 л. 5, 6

¹⁹ РГИА ф. 805, оп. 1, д. 2937 (1921-1922)

²⁰ Там же, л. 20

²¹ ЦГА СПб ф. 7384 оп. 33 дело 149 л. 6

²² ГУВД информ. Центр 3 35/14-1-ф. 1991 (ответ на запрос)

²³ ФСБ РФ, управление по Саратовской области, ответ № 10 – а/68 на запрос о судьбе свящ. Павла Ирадионова.

*Гора Голгофа. Вижу три креста
(Замри, душе, доколе окаянна!).
А посреди – распятого Христа.
У ног – Святая Дева с Иоанном.
И тот, что слева,
над Христом глумясь,
В своих неправдах Бога обвиняя,
Сказал, с богоубийцами сроднясь:
– Коль ты – Христос,
спаси Себе и наю.
Но тот, что справа, запретил ему:
Или твоя душа Творца не знает,
За наше зло нам мало этих мук,
А Этот же, скажи, за что страдает?
О бывший тать, о нынешний святой,
Все зло свое перечеркнул немногим:
Перед безумной воюющей толпой
Ты исповедал Страждущего – Богом.
О ты, который с Господом терпел,
О покаяньем вырванный из ада,*

*Одна лишь правда ожила в тебе
– Что полон был ты всяческой неправды.
И в этот миг,
последний крестный миг,
Ты оправдал поруганного Бога
И капля правды, перевесив мир,
Ввела под своды райского чертога.
О Боже мой, распятый, как злодей,
Тебе, Тебе с Отцом и Духом Слава!
Своим крестом Ты разделил людей
На тех, кто слева, и на тех,
кто справа,
Гора Голгофа, Пасхи Колыбель,
Шепчу одно неверными устами:
Душе моя, помысли о себе,
Душе моя, душе, куда мы станем?
О Мати Света, не остави нас.
Взыщи мене, Единая Отрадо.
Да оживет во мне хоть в смертный час
Разбойничья спасительная правда.*

Иеромонах Роман

ХРОНИКА ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1941-1944 гг. (по материалам газет, выходивших на оккупированной территории)

Ко всем верующим

Предстоит великое торжество, при одной мысли о котором сердце жителей Псковской и прилегающих к ней губерний трепещут от благоговения и радости, а глаза увлажняются слезами умиления. Торжество это – открытие Никандровой пустыни, в память освобождения от ига большевизма.

Имя преподобного Никандра Пустынножителя заставляло в дни его празднеств организовывать крестные ходы с отдаленнейших мест губерний с десятками тысяч богомольцев. Спросите, юноши и девушки, у старших людей, родителей, дедушек и бабушек, и их рассказы о преподобном покажутся вам, как чудное, красивое повествование древности. А ведь все это было, и недалеко то время, когда все это опять будет. Преподобный Никандр Пустынножитель, как живой, стоит пред духовным взором верующего православного человека и зовет к себе, зовет на молитвенный подвиг, на благодатные источники воды живой. Останемся ли мы глухи к призыву преподобного? Мы, измученные и истрадавшие в гонениях от безбожия и нечестия, – не восчувствуем ли в сердце своем непреодолимое желание там, у преподобного, вновь обрести потерянный покой душевный, увидеть свет веры Православной, укрепиться в твердом исповедании своего Православия и неуклонном исполнении заповедей Господних?

Так пойдем же, братья и сестры, к преподобному, пойдем с глубокою верою в великую силу его Святых молитв о нас, грешных.

Торжество начнется 11 июля торжественным совершением Всенощного бдения в церкви села Любовец. В самый день праздника свв. апп. Петра и Павла, рано утром из Любовца двинется объединенный, величественный крестный ход к месту разрушенной безбожниками пустыни. Здесь на открытом воздухе, на уготованном месте сонмом духовенства будет соборно совершена Божественная Литургия и освящение места для временного храма, а затем крестный ход на источники.

На это торжество должны все окрестные священники собраться, отложив Богослужения в своих храмах и пригласив своих прихожан принять участие в торжестве. Этот день будет днем торжества Православия после такого неимоверного унижения Православия и Церкви Православной.

Готовясь к этому дню, в своих молитвах повседневных, обращаясь к Спасителю и Божией Матери, взывайте и к нашему Пустынножителю:

Преподобне отче Никандре, моли бога о нас!

*Начальник миссии Протоиерей Кирилл Зайц
«За Родину» (Дно). 1942. № 111 / 171 (4 июля). С.1*

Местная хроника. Гатчина. Новый соборный хор

В Гатчинском соборе теперь поет церковный хор. В качестве регента приглашен Кузьмин. В хоре около 20 голосов. Первое же выступление хора вызвало горячие, прочувствованные отклики верующих.

В Вербную Субботу и в пасхальную ночь гатчинские храмы (Павловский собор, Мариенбургская церковь Покрова Богородицы и Кладбищенская церковь) были переполнены молящимися.

«За Родину» (Псков). 1943. № 106 (8 мая). С.3

Жизнь в новой России. Гатчина. В Комитете Народной Помощи.

Комитет Народной Помощи продолжает развивать свою деятельность. Комитет оплатил счет городской больницы за неимущих граждан города, пользовавшихся медицинской помощью.

Попечительный Совет Мариенбургской церкви передал собранные по его инициативе среди прихожан 2750 рублей в кассу Гатчинской помощи.

Получена от городского управления партия носильных вещей и организована мастерская по починке. По городу учтено около 250 нуждающихся, которые в том или ином виде получают материальную поддержку Комитета Народной Помощи.

«За Родину» (Псков). 1943. № 143 (23 июня). С.3

Местная хроника. Гатчина. Отремонтирована церковь

Стараниями жителей поселка Карташевки отремонтирована полуразрушенная большевиками поселковая церковь. В новой церкви проводит богослужения отец Николай Быстряков.

«За Родину» (Псков). 1943. № 81 (7 апреля). С.3

В церквах на Рождестве

В дни великого православного праздника Рождества Христова во всех церквах поселка Сиверская совершались торжественные богослужения при большом стечении народа.

В ночь под Рождество местная комендатура разрешила гражданскому населению хождение по улицам на шесть часов дольше обычного.

«За Родину» (Псков – Рига). 1944. № 15 (24 января). С.3

Новая церковь в Елизаветино

При пос. Елизаветино в имении княгини Трубецкой до революции была церковь, которую большевики закрыли и превратили в колхозный склад. За несколько дней до занятия поселка германскими войсками, начальство совхоза приказало совершенно разрушить здание церкви. Теперь население по собственной инициативе собрало 9000 рублей и обратилось к окружному старшине с просьбой отвести помещение под церковь. Окружной старшина Н.А. Алексеев отвел специальный дом и выделил из средств округа дополнительно 2000 руб. для этой цели.

Верующие приступили к оборудованию храма. Недавно состоялось освящение храма. Храм украшен иконами, пожертвованными самими верующими.

«За Родину» (Псков). 1943. № 220 (21 сентября). С.3

Будет своя церковь

По желанию верующих, в деревне Великово Котельского района Лен. обл., при часовне намечено отстроить помещение, чтобы превратить часовню в церковь.

Уполномоченные от прихода уже вели переговоры с бывшим учителем, посвященным ранее в сан иподиакона, И.С.Звездочкиным, о занятии им в приходе вакансии священнослужителя.

«Северное слово» (Ревель). 1943. № 120 (13 октября). С.3

Местная хроника. Волосово. Церковная жизнь

Ко времени прихода в Волосово частей германской армии, в самом поселке и по району все церкви были закрыты. Некоторые из них были уже полуразрушены, а другие, как церковь Александра Невского, были использованы под кино.

С приходом германских войск, возвратился и спасшийся от ссылки священник о. Дмитрий Горемыкин, который энергично взялся за восстановление церковной жизни.

К счастью, большевики не успели вывезти и уничтожить весь церковный инвентарь. Первой была восстановлена церковь Александра Невского. Впоследствии открылись церкви еще в восьми населенных пунктах. Теперь богослужения совершаются в девяти церквях.

Правда, двум священникам приходится обслуживать по два прихода.

Все церкви постоянно полны молящимися.

«За Родину» (Псков). 1943. № 120 (25 мая). С.3

Первые монастыри в освобожденных областях

Новгород, 23 сентября

Повсеместно восстанавливаются храмы, даже первые монастыри воздвигнуты в освобожденных областях.

В 40 верстах от Ленинграда в городе Вырица основана первая женская обитель, а в шести верстах от Вырицы – первый мужской монастырь.

Во главе женской обители была поставлена 99-летняя схиигуменья Хрисиана. Ослепшая с 12-летнего возраста, она в течение своей долгой жизни была настоятельницей многих обителей, являя пример изумительной душевной силы и бодрости. Дожив до радостной минуты восстановления первой женской обители после стольких лет гонения, старушка скончалась в июле месяце, передав управление монастырем своей заместительнице монахине Серафиме (в миру Морозовой).

Мужская обитель находится в 6 верстах от Вырицы. Во главе ее стоит архимандрит Серафим (в миру Проценко). Строителем мужского, а также и женского монастыря является архитектор Ф.М. Ларченко.

Для монастыря выделен участок земли и монахи снабжены необходимыми семенами. Окрестные жители пожертвовали для монастыря две коровы и лошадь.

В течение трех месяцев июня, июля и августа построена церковь св. Иоанна Предтечи, которая и будет с благословения патриаршего экзарха Сергия, митрополита Литовского и Виленского, в ближайшем будущем освящена.

Германское командование обратило особое внимание на иноков, гонимых советской властью, и восстановило их в правах гражданства, снабдив наравне с остальными жителями паспортами.

О. К.

«За Родину» (Псков). 1942. № 13 (24 сентября). С.5

Жизнь в новой России. Вырица. В женском монастыре

Успенский женский монастырь во главе с монахиней Иоанной Шехобаловой успешно провел все работы по севу и посадке овощей. Посадили картофель и разные овощи, посеяли ячмень и овес. Для полевых работ местная власть предоставила монастырю лошадь.

Собственная пашня и огород являются для монастыря большим подспорьем.

«За Родину» (Псков). 1943. № 143 (23 июня). С.3

В Ингерманландии (Письмо в редакцию)

Мы, жители дер. Куровицы, Манновка и Орлы, приносим свою глубокую благодарность священнику-миссионеру о. Михаилу Рауд за те отрадные богослужения, которые он совершает безвозмездно в наших деревнях.

Никогда никому не отказывая в совершении треб, много отрады вносит он в сердца наши своими простыми, ясными проповедями, призывая заблудших и отпавших от веры православной вернуться к Богу. Много света, веры, теплоты и любви внес он в сердца наши и многих привел он снова в лоно церкви православной.

Очень много наших детей, благодаря о. М. Рауду, получили святое крещение и имена святых.

Спасибо сердечное о. Михаилу за то просвещение и великий свет апостольства, что несет он своим служением нашей, освобожденной от большевизма, бывшей советской Ингерманландии.

(Подписи).

«Северное слово» (Ревель). 1942. № 41 (27 августа). С.3

Отремонтирован собор

24 октября состоялось торжественное освящение Казанского кафедрального собора, где производился ремонт. Собор мало пострадал от военных действий, и в нем уже в первые же дни по освобождении от большевиков совершались службы. В начале августа был освящен второй храм – Ольгинский. Это дало возможность перенести службу туда, а в кафедральном соборе начать капитальный ремонт.

Большевики разделили здание собора на два этажа: внизу был гараж, а наверху – общежитие. Сейчас потолок снят, и масса света вновь хлынула через купол, производя, в сочетании с голубой окраской, радостное, умиротворяющее впечатление на душу молящихся.

Е. Д.

«За Родину». 1942. № 70 (29 ноября). С.5.

Жизнь в новой России. Луга

Духовный концерт

5 сентября состоялся прощальный духовный концерт, организованный священником о. Иаковом Начисом.

Концерт имел большой успех. Он дал лужанам истинное эстетическое наслаждение. Этим концертом о. Иаков прощался с городом, а город провожал своего пастыря. Публика поднесла ему роскошный букет. Было сказано прочувствованное слово.

«За Родину» (Псков). 1943. № 218 (18/19 сентября). С.3

Публикация А.К. Галкина

НАШИ ХРАМЫ

М.Ю. Мещанинов

ХРАМЫ КРАСНОГО СЕЛА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

В отличие от Царского Села (ныне г. Пушкин), находящееся от него в 8 верстах Красное Село не может похвастаться тем количеством памятников архитектуры и православных храмов, которыми так славится Царское. В современных путеводителях по Санкт-Петербургу Красное Село туристическими маршрутами, по сравнению со своими окрестностями, явно обделено и о его прежних достопримечательностях даже жители Петербурга мало что знают. Еще меньше известно об истории здешних храмов, литературы о них (в основном дореволюционной) очень мало, а появившиеся в последние годы разрозненные публикации бывают порой полны большим количеством неточностей.

Данная публикация представляет собой попытку на основе архивных документов и исторических материалов сделать краткий обзор храмов Красного Села и его окрестностей, заглянуть в их историю и напомнить о нынешнем состоянии, в большинстве случаев, увы, печальном...

Территория нынешнего Красного Села принадлежала к Дудоровскому погосту Ореховского уезда Вотской пятины Господина Великого Новгорода. Название погоста было дано по находившемуся рядом селению Дудорово. Погост обычно означал приход и церковь с кладбищем. Впервые церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы на Дудоровском погосте упоминается в окладной книге Водской пятины под 1500 годом. В XV веке эти земли вошли в состав Московского государства, однако в начале XVII века их захватили шведы, и по Столбовому договору 1617 года Дудоровский погост отошел к Шведскому королевству. На захваченных землях (т. н. Ингерманландии) возникли поселения финских крестьян, преимущественно

*Местночтимая икона
прав. Симеона Богоприимца,
находящаяся ныне
в Александро-Невской церкви
Красного Села*

лютеран, переселенных сюда из шведской Финляндии, областей Саволакк и Эурьяпя, что отразилось в названиях многих населенных пунктов. Лишь начавшаяся между Россией и Швецией Северная война (1700-1721 гг.) принесла окончательную победу русскому оружию. Россия вернула себе земли, захваченные шведами, и в начале XVIII века началось их освоение.

Село Красное было основано Петром I в 1709 г., когда по его указанию крестьяне из подмосковного Красного Села были переселены под Петербург с целью увеличения русского народонаселения этих мест, заметно обезлюдивших в годы шведского владычества. Русские переселенцы образовали на новом месте три слободы, соответствующие по названиям слободам подмосковного Красного Села – Павловскую, Братошинскую и Коломенскую.

В 1819 г. Император Александр I приобрел Красное Село с целью устройства на прилегающей территории воинского лагеря и проведения военных маневров. Таким образом, к началу XIX века в Красном Селе возникли два лагеря – *Большой* и *Авангардный*. Авангардный лагерь, лежащий вдоль левого берега Дудергофского и Долгого озер, начинался у Военного госпиталя и заканчивался у деревни Вилози. Большой лагерь, растянувшийся на целых 3 версты, находился к востоку от Безымянного и Долгого озер, за железнодорожной линией.

Основное церковное строительство в Красном Селе началось в конце XIX – начале XX веков. Именно в это время возникли и летние лагерные церкви, принадлежавшие расквартированным в Петербурге различным гвардейским частям и соединениям.

Мы, однако же, перенесемся в XVIII век и вспомним обо всех Красносельских храмах, начиная с самого первого.

1. Церковь Святой Троицы

Согласно дошедшим до нас сведениям, самой первой в Красном Селе была церковь *св. великомученицы Екатерины*, построенная по повелению Императрицы Екатерины I между 1725 и 1727 годами (т. е. в период ее пребывания на престоле). К сожалению, более точной даты основания этой церкви и каких-нибудь сведений о ее убранстве обнаружить не удалось. Известно лишь, что церковь была деревянная и находилась на месте, где впоследствии были построены здания военного госпиталя (современный адрес – ул. *Восстановления, в районе д. 13*). Просуществовал этот храм недолго – в 1732 г. он был полностью уничтожен пожаром.¹

В 1733 г. Санкт-Петербургское Духовное Правление выпустило указ о постройке в Красном Селе нового каменного храма, на который Императрица Анна Иоанновна выделила из личных средств 350 рублей. Новая каменная церковь во имя *Святой Живоначальной Троицы* была заложена *16 августа 1733 года* в центре Красного Села и строилась по проекту архитектора *Ивана Яковлевича Бланка*. Спустя два года строительство храма было окончено, и *20 июля 1735 года* ее главный престол был освящен настоятелем Исаакиевской церкви в Санкт-Петербурге протоиереем о. Иосифом Чедневским. По всей видимости, в том же году был освящен и правый придел *св. великомученицы Екатерины* (храм изначально планировался двухпрестольным). Левый придел *свт. Николая Чудотворца* был пристроен в 1738 г., однако освящен лишь в 1761 г. В 1822 г. в средней части храма, с правой стороны, был устроен придел *святых праведных Симеона и Анны*, освященный в том же году настоятелем Петропавловского собора (в Петропавловской крепости) Санкт-Петербурга протоиереем о. Стахией Колосовым.²

В 1854 г. по проекту архитектора *Александра*

Церковь Святой Троицы. Фото 1910-х гг.

Ивановича Резанова храм был частично перестроен и расширен, сохраняясь в таком виде на протяжении последующего столетия. В том же 1854 г. по его проекту, с юго-западной стороны от церкви была построена небольшая каменная часовня.³

Колокольня храма была достаточно высокой и вместе со шпилем имела высоту 14 сажень, 2 аршина (*около 32 метров*). Находясь на возвышенности, храм был виден за много верст. Главным внутренним украшением храма являлся высокий пятирусный иконостас белого цвета с золочеными украшениями. Стены и своды храма были украшены расписными орнаментами. При входе в церковь, с правой стороны, помещалась памятная доска с надписью о ее закладке. На колокольне находилось, в общей сложности, десять колоколов, самый большой и самый старый из которых, весом 164 пуда 4 фунта (*2,68 тонны*), был отлит еще в 1764 г.⁴

Одной из главных святынь храма считался серебряный вызолоченный осьмиконечный напрестольный крест, внутри которого, в свою очередь, находился другой – кипарисовый, с 72 различными частицами святых мощей и других святынь. Первоначальное происхождение этого креста неизвестно, в храм же он был пожертвован в 1853 году красносельской крестьянкой Марией Никитичной Алексеевой. Другой, также особо чтимой святыней, считалась находящаяся в киоте с левой стороны придела свв. Симеона и Анны небольшая икона *Сретения*, изображавшая св. праведного Симеона Богоприимца с Младенцем Иисусом на руках, украшенная серебряной ризой с бриллиантами и драгоценными камнями. Икона эта была обретаена 11 мая 1800 года близ дороги из Павловский слободы Красного Села в Петербург и прославилась многими бывшими от нее чудесами и исцелениями. Впоследствии на месте ее обретения была построена каменная часовня, и ежегодно 11 мая из Троицкой церкви к ней совершался Крестный ход.⁵ В настоящее время этот образ находится в Александро-Невской церкви (см. № 2).

Интерьер Троицкой церкви. Фото 1910-х гг.

Церковь Святой Троицы. Фото 2001 г.

Первоначально сельское кладбище находилось близ церкви, и лишь в годы царствования Императора Николая I из-за боязни, что оно находится близко к Красносельским дворцам, кладбище было ликвидировано и перенесено на расстояние в 1,25 версты от церкви на новое место. Рядом с храмом, вплоть до конца XIX века, разрешалось хоронить лишь священнослужителей – здесь были погребены священник *Петр Смирницкий* (служивший с 1801 по 1850 годы), священник *Михаил Горонович* (служивший с 1834 по 1854 годы), священник *Василий Медведский* (служивший с 1876 по 1899 годы).⁶

С момента постройки Троицкая церковь находилась в ведении Павловского городского правления и лишь в 1812 году была переведена в Епархиальное ведомство.

Согласно приходской ведомости, на 1912 год к Троицкой церкви была приписана церковь св. благоверной княгини Ольги, находившаяся в Дудергофе (см. № 11), и церковь св. преподобного Серафима Саровского в дер. Горелово (см. № 10). Кроме них ко храму были также приписаны две упомянутые выше каменные часовни – в церковной ограде (построенная в 1854 г.) и на месте обретения иконы св. *Симеона Богоприимца*.⁷ Эта часовня была построена в 1865 году на средства почетного гражданина *Арсения Николаевича Бородулина* и находилась рядом с первой деревянной часовней, устроенной вскоре после обретения чудотворного образа.⁸ Согласно той же ведомости, ко храму были также приписаны еще три деревянные часовни, однако когда они были построены и где находились – неизвестно, можно лишь предположить, что они находились в соседних деревнях близ Красного Села – Михайловке, Константиновке, Николаевке, Мухоловой, Перекули, Койеровой, Горской, Кавелахты, Горелово, Пигелево и других, крестьяне которых и составляли приход Троицкой церкви.

В 1890 г. по инициативе протоиерея Михаила Смирнова в Красном Селе была открыта первая церковно-приходская школа, находившаяся в наемном помещении. В 1903 году для этой школы было построено новое деревянное здание, что позволило увеличить число обучавшихся в ней детей до 160 человек.⁹

Троицкая церковь продолжала действовать и в советское время, первые репрессии против ее служителей начались в середине 1930-х годов, когда в марте 1935 г. был выслан из Ленинграда псаломщик храма *Михаил Михайлович Безпалов*. Его дальнейшая судьба неизвестна. В августе 1937 года был арестован священник Троицкой церкви *Владимир Михайлович Безпалов*, а спустя месяц и оставшиеся священнослужители – настоятель храма *Василий Григорьевич Крылов* и дьякон *Петр Михайлович Безпалов*. По сфабрикованному обвинению все они были приговорены к высшей мере наказания и 21 октября расстреляны.¹⁰

Хотя церковь перестала действовать уже фактически с 1937 года, официально она была закрыта по постановлению Леноблисполкома лишь в 1939 году и тогда же переоборудована под клуб, находившийся в ней вплоть до начала Великой Отечественной войны. В это же время была снесена и находившаяся рядом с храмом каменная часовня. В 1941 г., сразу же после оккупации Красного Села, немецкое командование разрешило открыть Троицкую церковь, и в ней, также как и в находившейся по соседству Александро-Невской церкви (см. № 2), на протяжении двух лет совершались богослужения.

В начале 1944 г., во время контрнаступления советских войск, ведших по Красному Селу сильный артиллерийский огонь, здание Троицкой церкви получило частичные разрушения. В 1960-е годы облик храма изуродовали еще раз – были снесены купол и верхний ярус колокольни. С этого времени вплоть до середины 1990-х гг. в здании бывшей Троицкой церкви располагался Красносельский дом культуры.

Начиная с 1995 г., когда в Красном Селе была образована православная община, администрация Дома культуры дала разрешение на совместное использование здания, а в 1998 году оно полностью было возвращено законному владельцу – Русской Православной Церкви, и в нем начались капитальные реставрационные работы, продолжающиеся и в настоящее время. К 1998 году была полностью восстановлена колокольня, а позднее

Современное внутреннее убранство Троицкой церкви. Фото 2001 г.

и церковные апсиды. В 1995 г. Троицкая церковь была включена в число объектов исторического и культурного наследия, как памятник архитектуры федерального значения.¹¹

Первую Божественную литургию после чина малого освящения совершил 25 января 1995 г. вновь назначенный настоятель свщ. Александр Ганьжин. Внутри храма к настоящему времени обустроен лишь главный придел *Святой Живоначальной Троицы*, где находится деревянный иконостас белого цвета, восстановление которого происходит поэтапно, по сохранившимся старым фотографиям. На стенах и колоннах храма, в застекленных киотах помещены несколько больших икон современного письма. С 1997 г. при храме действует воскресная школа для детей, а в 2000 году причтом было начато издание собственной приходской газеты «Свеча».

В настоящее время церковь также планирует начать восстановление разрушенной часовни на нижнем (бывшем военном) кладбище, которая до 1918 г. была припи-

сана к Александро-Невской церкви (см. № 2).

С 1995 года и до настоящего времени настоятелем Троицкой церкви является *протоиерей Александр Ганьжин*. Современный адрес храма – *пр. Ленина (бывшая Санкт-Петербургская ул.), 108*.

Примечания

¹ Дмитриев Петр, диакон. Очерк Красносельской Троицкой церкви и ее прихода ко дню 175-летнего юбилея. СПб. 1908. С. 7.

² Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Выпуск VIII. СПб. 1884. С. 413.

³ РГИА, ф. 515, оп. 71, д. 250, л. 1.

⁴ Дмитриев Петр. Указ. соч. С. 9

⁵ Там же. С. 9-16.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 484, л. 152 об.

⁸ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. Выпуск V. СПб. 1908. С. 127.

⁹ Дмитриев Петр. Указ. соч. С. 24-25.

¹⁰ Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб. 1999. С. 27,65.

¹¹ Российская газета. 1995. 12 апреля. С. 12.

2. Церковь св. благоверного князя Александра Невского при военном госпитале

Комплекс зданий Красносельского военного госпиталя был построен в 1865 г. на том месте, где до 1732 года находилась первая деревянная церковь св. Екатерины (см. № 1). К настоящему времени часть этих зданий сохранилась (например, двухэтажный кирпичный дом – *ул. Восстановления, 13*).¹

В 1885 г. по инициативе главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа Великого Князя Владимира Александровича и на средства частных благотворителей недалеко от военного госпиталя по проекту военного инженера *Владимира Аркадьевича Колянковского* была построена небольшая деревянная церковь во имя *св. благоверного князя Александра Невского*, освященная 2 октября 1885 года благочинным Гвардейского духовенства протоиереем Александром Желобовским.² К сожалению, описание этого храма не сохранилось, известно лишь, что снаружи его находилась мраморная доска с памятной надписью об освящении. По всей видимости, церковь особой прочностью не отличалась, поскольку уже спустя пять лет (!) пришла в ветхость и встал вопрос о ее капитальном ремонте, на что из казны была выделена некоторая часть средств, однако благодаря тщанию петербургского 2-й гильдии купца *Александра Федоровича Черепенникова* решено было на месте этой, совершенно обветшавшей церкви, построить новый храм.³

Постройка новой деревянной церкви, проект которой, как и прежней, был разработан военным инженером В.А. Колянковским, была начата в *апреле 1890 г.* и продолжалась в течение 4 месяцев. Помимо купца А.Ф. Черепенникова, внесшего наибольшие пожертвования, значительные средства также выделили производивший строительные работы потомственный почетный гражданин *Павел Давыдов*, временный купец *Василий Антонович Юдаков* и заведующий

Александро-Невская церковь. Фото 2001 г.

военным госпиталем полковник *Всеволод Никанорович Смельский*, благодаря организаторским способностям которого и удалось завершить строительство в столь короткие сроки. Новопостроенный храм был торжественно освящен 16 июля 1890 г. протопресвитером Военного и Морского духовенства Александром Желобовским в сослужении благочинного армейских храмов Петербурга протоиерея о. Алексия Ставровского и местного красносельского духовенства в присутствии Великого Князя Владимира Александровича и его супруги Великой Княгини Марии Павловны.⁴

Церковь, построенная в русском стиле, могла вместить до 500 человек. На ее колокольне находились семь колоколов, самый большой из которых весил 29 пудов, 27,5 фунтов (486 кг). Прихожанами этого храма являлись чины Красносельского военного госпиталя и Красносельского гарнизона, а также местные жители близлежащих Коломенской и Фабричной слобод. В 1906 г. распоряжением

Духовного Правления ко храму была приписана церковь свт. Николая Чудотворца в Авангардном лагере (см. № 5), в ведении госпитальной церкви находилась также небольшая каменная часовня на Красносельском военном кладбище, построенная в 1895 году. В 1907 году усердием церковного старосты Ивана Григорьевича Холенкова в храме был установлен новый престол из белого мрамора.⁵

С 1904 по 1907 г. настоятелем церкви являлся священник Александр Павлович Бехтерев, которого сменил священник Василий Феодорович Словоцов, служивший в храме до 1915 года (В 1932 г., будучи священнослужителем в Ленинграде, о. Василий Словоцов был репрессирован и выслан на 3 года на Север. Дальнейшая его судьба неизвестна).⁶ В 1915 году настоятелем храма становится священник Николай Алексеевич Андреев, до этого в течение 13 лет служивший в Троицкой церкви г. Колпино. С началом Первой Мировой войны в Красносельский госпиталь стало поступать большое число раненых, для которых на участке церковной земли, примыкавшем к госпиталю, в сентябре 1914 г. был построен деревянный барак.⁷

После прихода к власти большевиков церковь стала приходской. С 1928 по 1930 гг. настоятелем храма был протоиерей Николай Сергеевич Телятников, до этого, с 1918 г., служивший в красносельской Троицкой церкви. О. Николай Телятников являлся иосифлянином, т. е. сторонником движения во главе с митрополитом Иосифом (Петровых), отказавшимся поддержать декларацию митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти. В августе 1930 г. он был арестован и выслан на 3 года в г. Козлов.⁸

Согласно архивным документам, Александро-Невская церковь была закрыта по постановлению Леноблисполкома от 21 ноября 1932 г. и спустя год передана под подсобное помещение находившейся по соседству воинской части.

Спустя два месяца после начала Великой Отечественной войны Красное Село оказалось в зоне немецкой оккупации. Идя навстречу просьбам местных жителей, немецкое командование в начале 1942 года разрешило открыть храм и в течение года в нем происходили богослужения, которые совершал священник Псковской миссии о. Иоанн Пиркин. Уже после войны жители Красного Села в прошении на имя митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) укажут, что о. Иоанн во время богослужений молился «о победе Красной Армии». В 1943 г., когда значительная часть оставшихся жителей Красного Села была вывезена немцами, церковь действовать перестала. Об о. Иоанне известно, что в начале 1944 г. вместе с жителями Красного Села был вывезен немцами в Прибалтику и скончался в том же году в Литве.

После Великой Отечественной войны Александро-Невская церковь оставалась единственной не разрушенной, и в 1946 году местными жителями было направлено ходатайство об ее открытии. Некоторая либеризация по отношению к Русской Православной Церкви позволила властям дать на это согласие, и в 1947 году были начаты работы по ремонту уцелевшего храма.

Внутреннее убранство Александро-Невской церкви. Фото 2001 г.

Освящение отремонтированной церкви совершил 2 июля 1947 г. настоятель Николо-Богоявленского морского собора в Ленинграде протоиерей Павел Тарасов⁹, а первым настоятелем Александро-Невской церкви был назначен протоиерей Николай Ильашенко.

По словам старожилов, находящийся в настоящее время в храме деревянный трехъярусный иконостас с золочеными Царскими Вратами был привезен сюда после войны из Александро-Невской церкви в дер. Александровка близ села Тайцы (сохранившаяся старинная фотография это полностью подтверждает). Большинство икон в храме также старые, принесенные в разное время прихожанами. Одной из главных достопримечательностей храма является находящаяся на правом клиросе небольшая икона св. праведного Симеона Богоприимца, ранее пребывавшая в Троицкой церкви (см. № 1) и являвшаяся местной святыней.

В 1960-е годы с южной стороны храма была сделана пристройка закрытой веранды, несколько нарушившая его пропорции.

В 1995 г. церковь была вновь включена в число объектов исторического и культурного наследия как памятник архитектуры федерального значения.

В настоящее время при храме действует детская воскресная школа, а его священники окормляют также недавно созданную православную общину в пос. Аннино Ломоносовского района (см. № 8).

С 1991 года и до настоящего времени настоятелем Александро-Невской церкви является протоиерей Евгений Ефимов. Современный адрес храма – ул. Шунна, 10.

Примечания

¹ Дмитриев Петр, диакон. Очерк Красносельской Троицкой церкви и ее прихода ко дню 175-летнего юбилея. СПб. 1908. С. 7

² РГИА, ф. 806, оп. 8, д. 60, л. 1 (1907 г.).

³ РГИА, ф. 806, оп. 10, д. 51, л. 2 (1912 г.).

⁴ Вестник военного духовенства, журнал. 1890. № 16. С. 503-505.

⁵ РГИА, ф. 806, оп. 8, д. 60, л. 1, об. (1907 г.).

⁶ РГИА, ф. 806, оп. 8, д. 63, л. 3, об. (1910 г.).

⁷ РГИА, ф. 806, оп. 13, д. 33, л. 2, об., 4, об., 6, об.

⁸ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. 1999. С. 321.

⁹ Журнал Московской Патриархии. 1947. № 8. С. 40-41.

¹⁰ Российская газета. 1995. 12 апреля. С. 12.

3. Церковь св. блгв. кн. Константина Ярославского и св. вмц. Варвары в училище имени Государыни Императрицы Марии Феодоровны при писчебумажной фабрике

4 августа 1893 года Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна вместе с Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем побывали в Красном Селе на территории писчебумажной фабрики, принадлежащей мануфактур-советнику *Константину Петровичу Печаткину*, где присутствовали при демонстрации наводки понтонного моста через пролив, соединяющий озеро Безымянное с озером Долгим.

Осчастливленные Высочайшим вниманием, члены семейства К.П. Печаткина с полным единодушием приняли решение в память этого события на собственные средства устроить при писчебумажной фабрике школу для детей рабочих и фабричных служащих и дать ей имя *Государыни Императрицы Марии Феодоровны*. По ряду обстоятельств открыть школу в ближайшие годы, однако, не удалось. Владелец фабрики К.П. Печаткин скончался 27 декабря 1895 г. и был погребен в склепе-усыпальнице Воскресенского собора в Троице-Сергиевой пустыни (близ Стрельны).

Постройка здания школы была начата лишь в мае 1897 г. по проекту инженер-технолога *Петра Михайловича Горбунова* – преемника К.П. Печаткина по управлению фабрикой. 30 июля 1897 года Царскосельский училищный совет разрешил открытие школы, которое и состоялось спустя месяц с небольшим. Освящение нового здания 7 сентября 1897 г. совершил священник Красносельской Троицкой церкви протоиерей Михаил Смирнов.

Здание училища с церковью. Фото 1910-х гг.

В 1905 году вдова К.П. Печаткина *Варвара Александровна* для удовлетворения духовных нужд рабочих фабрики и в молитвенную память о себе и покойном супруге задумала устроить при школе на собственные средства храм.

В 1906 году П.М. Горбуновым были разработаны планы надстройки одноэтажного здания училища вторым этажом. Одновременно к инспектору народных училищ было направлено ходатайство о преобразовании существующего одноклассного училища с трехгодичным сроком обучения в двухклассное с шестилетним курсом обучения. 25 мая 1906 г. после молебна, совершенного протоиереем Михаилом Смирновым, были начаты работы по расширению здания школы и надстройке второго этажа, которые продолжались в течение трех месяцев.

Новое здание училища имело два входа с красивыми крыльцами. В южной половине его второго этажа была устроена небольшая домовая церковь во имя *святого благоверного князя Константина Ярославского* и *св. той великомученицы Варвары* (в честь тезоименитых супругов), увенчанная шатровой колокольней с золоченой главкой и вмещающая до 500 человек.

17 сентября 1906 г. новоустроенный храм был освящен настоятелем Николо-Богоявленского морского собора в Санкт-Петербурге митрофорным протоиереем Николаем Кондратовым в сослужении благочинного из г. Гатчины протоиерея Владимира Образцова и духовенства красносельской Троицкой церкви.²

Внутреннее убранство училищной церкви не отличалось богатством отделки и было типичным для домовых храмов того времени. Внутри его находился двухъярусный иконостас из темного дерева, украшен-

Интерьер училищной церкви. Фото 1910-х гг.

Современный вид здания бывшего училища. Фото 2001 г.

ный живописными образами без окладов. У стен были установлены высокие деревянные киоты с иконами аналогичного письма.

В 1908 году в фабричном училище проходили обучение 118 человек обоего пола, его педагогический персонал составляли два учителя и одна учительница. Законоучителем школы и священником училищной

церкви с 1906 г. состоял кандидат богословия и действительный член Императорского Археологического общества священник *Николай Розов* (в 1935 г. репрессированный и высланный из Ленинграда).³ Официально храм был приписан к красносельской Троицкой церкви. Перед революцией в ней служил священник этой церкви *о. Василий Крылов*.⁴

Церковь была закрыта в 1920-е годы, а здание бывшего училища, в котором она находилась, обращено под жилье рабочих Фабричной слободы. В эти же годы была разобрана и колокольня. Чудом сохранившееся, но довольно обветшавшее здание в настоящее время по-прежнему используется как жилой дом. Современный адрес – ул. *Фабричный поселок*, 7.

Примечания

¹ Розов Н.В., Адрианов В.Д., Преображенский Г.В. Исторический очерк Красносельского фабричного двухклассного М.Н.П. имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны училища. СПб. 1911. С. 5-11.

² «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства», газета. 1906. 19 сентября. № 203. С. 2.

³ Розов Н.В., ... Указ. соч. С. 16.

⁴ Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1914-1915 гг. СПб. 1914. С. 375.

4. Церковь св. блгв. кн. Александра Невского в Большом лагере

Большой Красносельский лагерь, имевший протяженность около трех верст, находился к востоку от Безымянного и Долгого озер, за железнодорожной линией. В летнее время здесь располагались 1-я и 2-я Гвардейские пехотные дивизии, лейб-гвардии 4-й Стрелковый Императорской Фамилии батальон, Гвардейский стрелковый артиллерийский дивизион, Пажеский корпус и некоторые другие полки.

В память о чудесном спасении жизни Императора Александра III и его Семьи во время крушения Императорского поезда 17 октября 1888 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа Великий Князь Владимир Александрович выступил с инициативой постройки в лагере постоянного храма. Для него было выбрано возвышенное место вблизи дороги на Красное Село, в районе расположения 1-й Гвардейской пехотной дивизии, на том месте, где до этого времени ставилась церковная палатка (намет).

Проект довольно

изящного храма в русском стиле разработал военный инженер подполковник *Владимир Аркадьевич Колянковский*, и 16 апреля 1891 г. состоялась его закладка. Основные средства на храм выделил потомственный почетный гражданин *Платон Петрович Синябрюхов* (1820–1901), благодаря которому менее чем за два месяца постройка и отделка храма были полностью завершены, и 7 июня 1891 г. протопресвитером Военного и Морского духовенства Александром Желобовским он был освящен в присутствии Великого Князя Владимира Александровича и командующего лейб-гвардии Преображенского полка Великого Князя Константина Константиновича!

Это была очень красивая деревянная церковь, построенная на каменном фундаменте и увенчанная шатровым куполом, имевшим в высоту около 20 метров. Над центральным входом в храм находилась несколько меньшая по размеру колокольня, увенчанная золотой главкой. Такие же главки венчали и угловые входы на открытую галерею, окружавшую храм с трех сторон.

Внутри храма был роскошный двухъярусный полированный иконостас темного дуба, украшенный образами,

Александро-Невская церковь в Большом лагере. Фото 1891 г.

написанными в византийском стиле. Рядом с иконами Спасителя и Божией Матери располагались образа св. Александра Невского и св. Марии Магдалины, украшавшие боковые врата. Во втором ярусе, помимо иконы Тайной Вечери были помещены иконы с изображением св. равноапостольного князя Владимира, св. князя Михаила, св. княгини Ольги и св. Ксении. В алтаре, на горнем месте, находился образ «*Моление о Чаше*», поднесенный в дар Сергиевским всей артиллерии собором в Петербурге. С внешней стороны алтаря была помещена доска с памятной надписью.

Вместе с галереями храм мог вмещать, в общей сложности, до 600 человек. Богослужения в нем совершались лишь в летнее время во время лагерных сборов священнослужителями воинских храмов Петербурга, чьи полки в это время находились на учениях.

С конца 1917 г. церковь уже не действовала, о том, когда она была разобрана, точных сведений обнаружить не удалось. К настоящему времени от храма и даже от его фундамента не осталось никаких следов.

Примечания

¹ «Вестник военного духовенства», журнал. 1891. № 13. С. 400-405.

5. Церковь свт. Николая Чудотворца в Авангардном лагере

Красносельский Авангардный лагерь, располагавшийся вдоль левого берега Дудергофского и Долгого озер, начинался у Военного госпиталя и заканчивался у деревни Вилози. В летнее время в нем были расквартированы Гвардейская стрелковая бригада, Гвардейский кадровый резервный батальон, Армейская пехотная дивизия, Офицерская кавалерийская школа и другие воинские части. Для отправления богослужения здесь устанавливали обычную походную палатку (намет), в которой могло поместиться лишь несколько десятков человек, остальные военнослужащие при этом стояли под открытым небом.

Мысль об устройстве здесь постоянного храма, подобного сооруженному четырем годами раньше в Большом лагере, принадлежала опять-таки Главнокомандующему войсками Гвардии и Петербургского военного округа Великому Князю Владимиру Александровичу.

Местом постройки храма было выбрано довольно возвышенное место на краю военного поля рядом с местом бывшего церковного шатра. Церковь была воздвигнута в течение 1895 г. на средства, пожертвованные коммерции советником *Георгием Мартиновичем Лианозовым* и действительным статским советником *Василием Яковлевичем Яковлевым*. Оставшуюся часть средств, а также колокола в строящийся храм выделил владелец

большого колокольного завода московский 1-й гильдии купец *Павел Николаевич Финляндский*. Церковь строилась в память бракосочетания Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Для ее постройки был использован проект военного инженера *Владимира Аркадьевича Колянковского*, разработанный им для

Большого лагеря. По своему внешнему виду и внутреннему устройству церковь Авангардного лагеря в точности повторяла Александро-Невскую церковь (см. № 4).

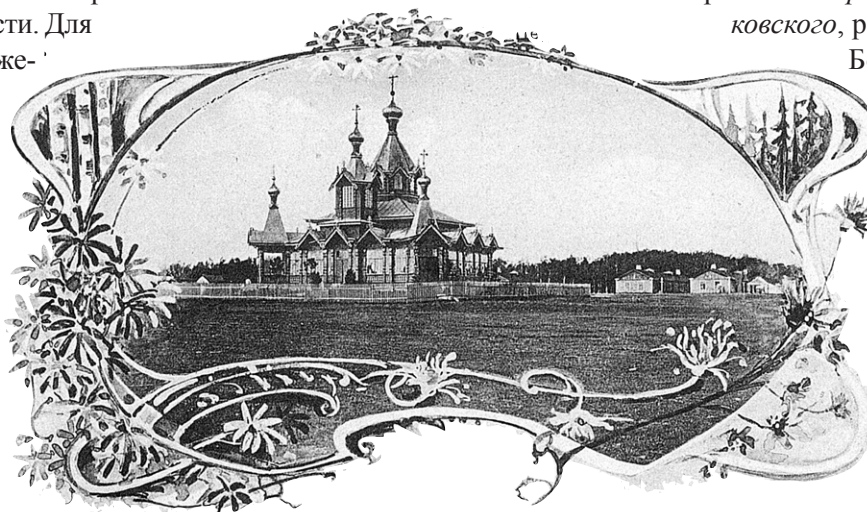
Торжественное освящение храма во имя *Святителя и Чудотворца*

Николая совершил 22

июля 1895 года протопресвитер

Военного и Морского духовенства Александр Желобовский в присутствии Великого Князя Владимира Александровича и его супруги Великой Княгини Марии Павловны. В сослужении участвовали благочинный армейских храмов Петербурга протоиерей Алексей Ставровский, священник Сергиевского всей артиллерии собора о. Иоанн Морев и другие священнослужители.

Внутри храма находился двухъярусный иконостас из темного дуба (аналогичный описанному ранее), центральный купол поддерживался четырьмя деревянными столбами, в парусах свода были помещены изображения четырех Евангелистов.

Церковь свт. Николая Чудотворца

Спустя три недели после освящения – 11 августа 1895 г. храм посетил Император Николай II.¹

В 1906 г. церковь была приписана к Александро-Невской церкви при военном госпитале (см. № 2), однако богослужения в ней по-прежнему совершались в летнее время, во время лагерных сборов.² В 1914 году настоятелем церкви Авангардного лагеря был священник 198-го пехотного Александро-Невского полка о. Александр Успенский.³

Церковь была закрыта в 1918 году. О том, когда она была разобрана, точных сведений нет.

К настоящему времени уцелевшая после Великой Отечественной войны часть Авангардного лагеря разде-

лена между Пушкинским Высшим военным училищем радиоэлектроники и противовоздушной обороны имени маршала авиации Е.Я. Савицкого и Санкт-Петербургским высшим зенитно-ракетным командным училищем и используется под военно-учебные полигоны. От храма не осталось никаких следов.

Примечания

¹ «Вестник военного духовенства», журнал. 1895. № 18. С. 554-556. «Русский инвалид», газета. 1895. 25 июля. № 160. С 2-3.

² РГИА, ф. 806, оп. 8, д. 60, л. 1, об. (1907 г.)

³ Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1914-1915 годы. СПб. 1914. С. 376.

6. Церковь Казанской иконы Божией Матери в лагере лейб-гвардии Кавалергардского полка

Лейб-гвардии Кавалергардский Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк был расквартирован в Петербурге, где у него имелась своя полковая церковь во имя *святых праведных Захария и Елизаветы*, построенная в 1752-1753 гг. на Захарьевской улице.

Летняя лагерная стоянка полка находилась на окраине Красного Села в Павловской слободе. В полку имелась походная церковь во имя *Архистратига Божия Михаила*, существовавшая с 1806 г., с которой, по всей видимости, и выезжал полк в Красное Село на летнее время.¹

Постоянная деревянная лагерная церковь была сооружена в 1905 г. на средства крупной петербургской благотворительницы, супруги бывшего командира полка графини *Софьи Сергеевны Игнатъевой* (1852-1944), по проекту архитектора *Николая Павловича Козлова*.

Чин освящения храма и первую Божественную литургию в нем совершил 20 мая 1905 г. протопресвитер Военного и Морского духовенства Александр Желобовский в сослужении настоятеля полковой церкви протоиерея Евгения Аквилонова и священника Красносельской Троицкой церкви Алексия Дмитриева. В полдень ко храму прибыла из Гатчины Шеф полка Императрица Мария Феодоровна в сопровождении

Казанская церковь. Фото 1910-х гг.

своей фрейлины Ольги Федоровны Гейден и князя Георгия Дмитриевича Шервашидзе.

Небольшая деревянная церковь, вмещавшая до 500 молящихся, была окружена с четырех сторон открытыми галереями и увенчана пятью луковичными главками. Внутри храма находился необычный дубовый иконостас, выполненный резчиком Петром Петровичем Хювяриненом и

собственноручно раскрашенный графиней С.С. Игнатъевой в древнем ярославском стиле по рисункам художника Н.В. Набокова. Образа для иконостаса написал художник Кох.² Храм имел три входа – центральный и два боковых – с северной и южной сторон. С восточной стороны находился небольшой *Нерукотворный образ Спаса*. Изящно оформленные клумбы и цветники вокруг храма делали его особенно нарядным.³

Богослужения в храме прекратились, по всей видимости, уже в 1917 г. О том, когда церковь была разобрана, точных сведений обнаружить не удалось. К настоящему времени от храма не осталось никаких следов.

Примечания

¹ РГИА, ф. 806, оп. 8, д. 640, л. 1, об. (9107 г.)

² «Русский инвалид», газета. 1905. 25 мая. № 111. С. 2

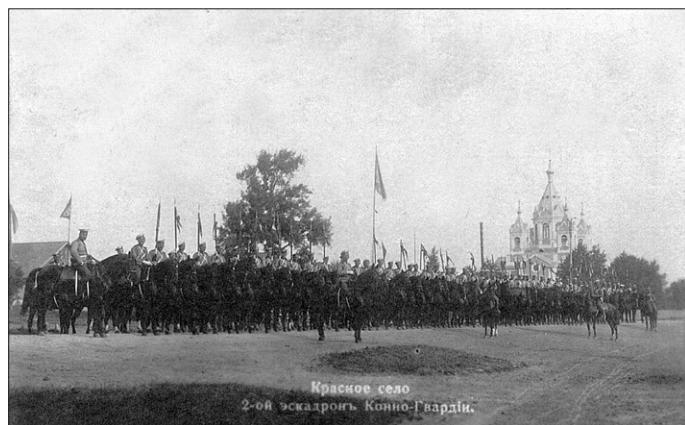
³ «Ежегодник Общества архитекторов-художников», журнал. 1906. Выпуск I. С. 49.

7. Церковь св. блгв. кн. Ольги в лагере лейб-гвардии Конного полка

Сформированный в 1730 г. указом Императрицы Анны Иоанновны лейб-гвардии Конный полк был расквартирован в Петербурге. В 1844-1849 годах на Благовещенской площади столицы по проекту архитектора Константина Андреевича Тона был возведен трехпрядельный каменный храм *Благовещения Пресвятой Богородицы*, ставший полковым. Построенный в строгом итало-византийском стиле, этот пятиглавый храм, увенчанный шатровым восьмигранным куполом, являлся одной из образцовых построек К.А. Тона.

Летняя лагерная стоянка полка находилась в Большом Красносельском лагере, на его южной оконечности. 6 августа 1907 года в лагерном расположении полка в присутствии Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны и Великой Княжны Ольги Николаевны состоялась закладка нового каменного храма, сооружаемого в память *рождения Великой Княжны Ольги Николаевны*. Дата закладки храма была приурочена к памяtnому дню 100-летней годовщины битвы с войсками Наполеона под Фридрихсландом, в которой Конный полк понес тяжелые потери.¹ В основание храма присутствовавшими были положены золотые пятирублевые монеты чекана 1907 г.²

В феврале 1908 г. из средств Великой Княжны Ольги Николаевны на постройку храма были выделены 3000 рублей.³ Строившаяся в течение двух лет лагерная церковь являлась точной копией полкового храма, сооруженного на Благовещенской площади в Петербурге. Судя по всему, для ее постройки архитектором (фамилию которого установить пока не удалось) был использован уже готовый проект архитектора К.А. Тона, поскольку даже в мельчайших внешних деталях лагерный храм повторял возведенную за 60 лет до него полковую церковь. Единственная сохранившаяся фотография лагерной церкви полностью подтверждает это. В 1909 году постройка храма была закончена, и том же году храм был освящен.⁴

Лагерная церковь св. княгини Ольги. Фото 1910-х гг.

Построенный пятиглавый храм имел один престол – во имя св. благоверной княгини Ольги. Колокола находились в двух боковых куполах со стороны входа. Богослужения проводились только в летнее время причтом полковой церкви, когда полк находился в лагере. К сожалению, никаких сведений и его внутреннем убранстве обнаружить не удалось. Имевший высоту около трех десятков метров храм был виден не только с любой точки Большого лагеря, но и за несколько верст со стороны Дудергофа.

С конца 1917 г. богослужения в храме уже не совершались, о том, когда он был разрушен, точных сведений обнаружить не удалось. В настоящее время территория Большого лагеря занята под Военно-учебный полигон Военной академии тыла и транспорта и Военно-Медицинской академии. В лагере сохранилась планировка и старинные аллеи, от храма же, увы, не осталось никаких следов.

Примечания

¹ «Правительственный вестник», газета. 1907. 8 августа. № 173. С. 7.

² «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства», газета. 1907. 8 августа. № 172. С. 2.

³ РГИА, ф. 472, оп. 43 (500/2727), д. 41, л. 4.

⁴ РГИА, ф. 806, оп. 8, д. 634, л. 2 (1909 г.).

8. Церковь Всех Святых в лагере лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка

Лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк был расквартирован на постоянной основе в Петергофе, где имел свою церковь во имя иконы *Божией Матери «Знамение»*, построенную в 1773-1776 годах.

Летняя лагерная стоянка полка находилась в 4 верстах от Красного Села под Красносельскою горою в двух деревнях – *Никорово* и *Аннино* Шунгуровской волости Петергофского уезда. В 1894 г. командование полком принял на себя Великий Князь Дмитрий Константинович, сразу же обративший внимание на

благоустройство лагерной стоянки. В том же году на его средства началась постройка небольшой лагерной церкви, для которой близ деревни Аннино был выделен участок земли. За основу был положен проект полковника Н. Орлова, незадолго до этого опубликованный в газете «Русский инвалид». Церковь была построена за очень короткое время и 15 июня 1894 г. освящена во имя *Всех Святых* (день полкового праздника) полковым священником Феодотом Гордиевским в присутствии командующего полком.

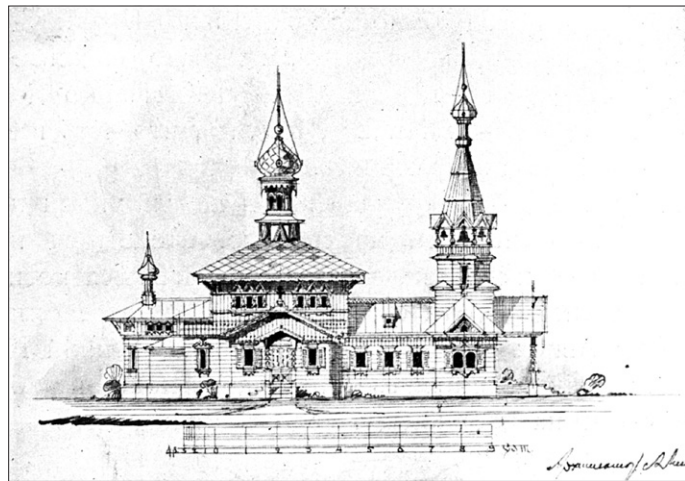
Церковь была деревянная, построенная в форме круга, причем крыша у нее была лишь по кругу и над алтарем, середина же храма покрыта брезентом, натянутым в виде зонта. Внутри находился довольно скромный иконостас. Особых удобств для совершения богослужений и для молитвы в этой церкви не было. В ненастную погоду часто задувало свечи. Построенная без фундамента и на глинистой почве, церковь к тому же не отличалась прочностью – почти ежегодно требовался ее ремонт.

В июне 1899 г. по инициативе командира полка Великого Князя Дмитрия Константиновича на постройку новой лагерной церкви из орденского капитала было выделено 10 000 рублей, и в том же году образована строительная комиссия.

18 февраля 1900 г. состоялась закладка нового храма, проект которого был разработан архитектором Петергофского Дворцового управления *Александром Константиновичем Миняевым* (за что ему впоследствии был пожалован орден св. Станислава III степени). Спустя четыре месяца постройка храма была окончена, и 10 июня 1900 года, в день прибытия полка на лагерную стоянку, он был торжественно освящен полковым священником протоиереем Павлом Николаевским в присутствии командира, офицеров, чинов полка и архитектора, строившего ее. Из прежней лагерной церкви был перенесен походный престол.

На следующий день – 11 июня в храме состоялась первая Божественная литургия, которую совершил настоятель Троице-Сергиевой пустыни архимандрит *Варлаам (Никифоров)* в присутствии командира полка Великого Князя Дмитрия Константиновича и приглашенных – командующего лейб-гвардии Преображенским полком Великого Князя Константина Константиновича и Королевы Эллинов Ольги Константиновны.

Новая деревянная лагерная церковь была построена на прочном каменном фундаменте в форме креста в русском стиле и вмещала, в общей сложности, до

Церковь Всех Святых в лагере лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Авторский проект. 1899 г.

1000 человек. В храме находился резной двухъярусный дубовый иконостас с позолотой, иконы для которого были написаны художником Василием Демьяновичем Болотновым. Им же написаны и иконы *свв. Апостолов Петра и Павла и Всех Святых*, последняя из которых была помещена на наружной восточной стороне храма. Запрестольный образ «*Моление о Чаше*» был взят из прежней лагерной церкви.

После освящения нового храма прежнюю лагерную церковь разобрали, и на месте, где находился Св. Престол, был установлен большой камень с памятной надписью, а само место обнесено деревянной оградой. В этом же году обе деревни, в которых располагался в летнее время полк, по инициативе их жителей и с разрешения начальства, в знак благодарности Великому Князю Дмитрию Константиновичу были переименованы в село *Дмитриево*.¹

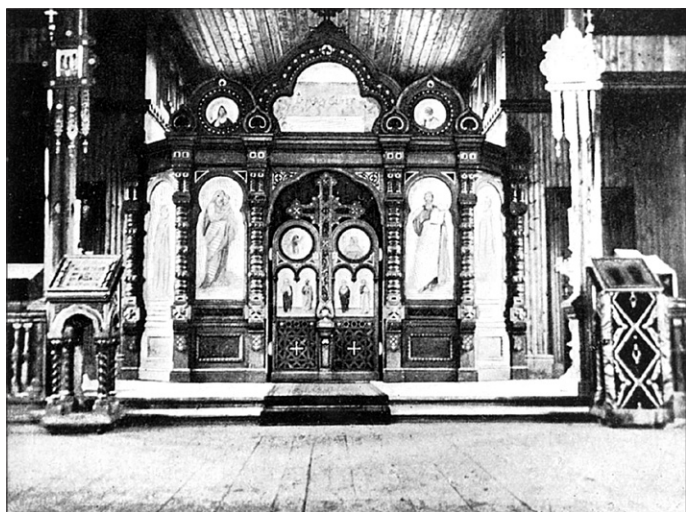
Богослужения в этой лагерной церкви совершались лишь в летнее время, а для их отправления приглашался иеромонах из Троице-Сергиевой пустыни.

Службы в храме прекратились в 1917 г. Поскольку все жители села Дмитриево были по вероисповеданию лютеране, то богослужения в нем, по всей видимости, уже не проводились. О том, как сложилась дальнейшая судьба храма и когда он был разобран, сведений обнаружить не удалось. К настоящему времени от храма не осталось никаких следов.

В мае 2000 года в поселке Аннино была образована православная община, которая планирует в будущем выстроить здесь храм во имя *св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова*. В настоящее время, дважды в неделю, в помещении бывшей музыкальной школы поселка (*ул. Цветочная, 1*) священник из красносельской Александро-Невской церкви проводит молитвенные собрания и совершает различные требы.

Примечания

¹ Николаевский Павел, протоиерей. Церковь лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. СПб. 1903. С. 59-66.

Внутреннее убранство церкви Всех Святых. Фото 1900-х гг.

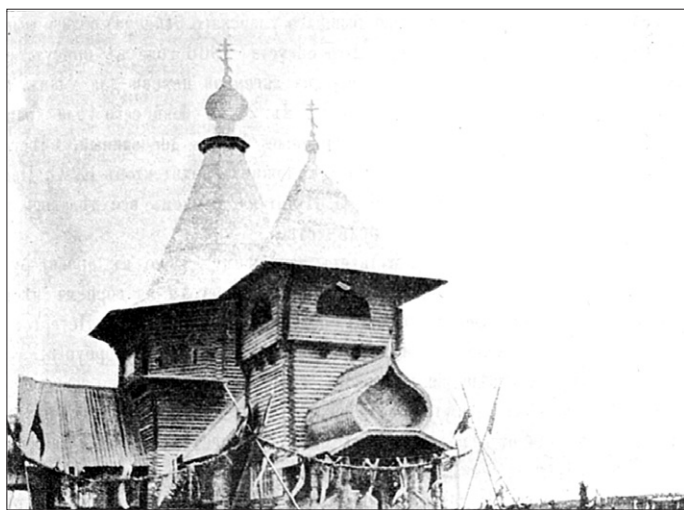
9. Церковь св. мученика Иоанна Воина в лагере лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка

Лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк был расквартирован в Новом Петергофе, где у него имелась своя полковая церковь во имя *святых первоверховных апостолов Петра и Павла*, построенная в 1836-1839 гг.

Летний лагерь полка находился в 3 верстах от Красного Села близ деревни Куттузи Петергофского уезда.

В 1906 г. Шеф полка Императрица Александра Феодоровна обратила свое внимание на отсутствие лагерной церкви и повелела отпустить из своих личных средств сумму, необходимую для ее постройки. В этом же году вдовою бывшего уланского офицера госпожой Фельдман был пожертвован участок земли между деревней Куттузи и мызой Шунгорова, на котором *2 августа 1906 г.* в присутствии Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны состоялась закладка деревянного лагерного храма. Проект его был разработан петербургским архитектором *Евгением Степановичем Павловым* и лично утвержден Императрицей, а постройка проходила под непосредственным наблюдением князя М.С. Путятина. Спустя год постройка храма была закончена, и *24 июня 1907 г.* он был освящен настоятелем полковой церкви протоиереем Иоанном Смоленским и священником этого же храма Алексием Ливанским в присутствии Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны, главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа Великого Князя Николая Михайловича и его супруги Великой Княгини Анастасии Николаевны.

Однопрестольная церковь во имя *св. мученика Иоанна Воина*, вмещавшая до 600 человек, была

Церковь св. мученика Иоанна Воина. Фото 1900-х гг.

построена в стиле северного русского деревянного зодчества и увенчана высоким шатровым куполом с луковичной главою. Центральная часть храма была выполнена в виде восьмерика, к которому с боковых сторон примыкали два входа, главный вход со стороны колокольни был оформлен в виде теремного крыльца. Внутреннее убранство храма также было выдержано в духе северного деревянного зодчества. Образа для дубового иконостаса написаны монахинями подворья Серафимо-Дивеевского женского монастыря в Старом Петергофе, а церковная утварь и колокола выполнены фирмой П.И. Оловянишникова в Петербурге.

Богослужения в этой церкви совершались лишь в летнее время, когда полк находился в лагере.

27 мая 1912 года во время сильной грозы молния ударила в крест на колокольне лагерной церкви, отчего она тотчас загорелась. В считанные минуты огонь охватил всю постройку и церковь со всей утварью и иконами сгорела дотла. Остановить огонь было некому, поскольку полк на лагерную стоянку еще не пришел.² Спустя три месяца – *16 августа 1912 г.* на месте сгоревшего храма настоятелем полковой церкви протоиереем Иоанном Смоленским в присутствии Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны, Великих Княжон Ольги Николаевны, Татианы Николаевны и Цесаревича Алексия состоялась закладка новой лагерной церкви.³ Деньги на постройку были выделены из суммы, полученной из страховки. По желанию Императрицы новая церковь в точности повторяла сгоревший храм.⁴

Освящение вновь построенной лагерной церкви состоялось *22 июня 1914 года* в присутствии Императора Николая II и Великих Княжон Ольги, Татианы, Марии и Анастасии.⁵

Богослужения в этом храме прекратились, по всей видимости, уже в 1917 году. Жители деревень, находившихся в районе лагерной стоянки полка, были, в подавляющем большинстве, по вероисповеданию лютеране и опустевшая православная церковь была им не нужна. О том, когда она была разобрана, точных сведений обнаружить не удалось. К настоящему времени от храма не осталось никаких следов.

Примечания

¹ «Вестник военного духовенства», журнал. 1907. № 15. С. 467-469.

² «Известия по Санкт-Петербургской епархии», журнал. 1912. № 12. С. 9.

³ «Колокол», газета. 1912. 17 августа. №1906. С. 2.

⁴ РГИА, ф. 806, оп. 10, д.549, л. 3 (1912 г.).

⁵ РГИА, ф. 516, оп. 1 (219/2728), д. 38, л. 774-774, об.

10. Церковь прп. Серафима Саровского в дер. Горелово

Церковь прп. Серафима Саровского. Фото 1910-х гг.

Деревня Горелово находилась по дороге между Лигово и Красным Селом, в 5 верстах от последнего, на границе Царкосельского и Петергофского уездов.

В 1892 г. по ходатайству священника красносельской Троицкой церкви протоиерея Михаила Смирнова и учителя Павла Максимовича Панова, на средства Санкт-Петербургского Епархиального Братства Пресвятой Богородицы в деревне была основана церковно-приходская школа, первоначально размещавшаяся в наемном помещении. В 1898 г. для школы было построено новое одноэтажное деревянное здание, большую часть денег для которого вновь выделило Братство. Всю школьную обстановку помог приобрести местный обыватель Тимофей Николаевич Крюков.¹

В 1905 г. вновь по инициативе протоиерея Михаила Смирнова, на средства ямбургского купца *Ивана Ивановича Прохорова* и его супруги *Анны Антоновны Прохоровой* рядом со зданием церковно-приходской школы начали постройку небольшого деревянного храма, проект которого был разработан военным инженером *Николаем Алексеевичем Еремеевым*.² Спустя

год постройка церкви была закончена, и 3 июня 1906 г. она была освящена.

Деревянный однопрестольный храм с небольшой колокольней был фактически пристроен к зданию церковно-приходской школы. Внутри храма находился деревянный иконостас. Других сведений о ее внутреннем убранстве обнаружить пока не удалось.

Старостой церкви состоял упомянутый выше купец И.И. Прохоров, сама же она была приписана к красносельской Троицкой церкви, причт которой и совершал в ней богослужения. В 1908 г. при этом храме предполагалось выстроить часовню и учредить церковно-приходское попечительство.³

Церковь была закрыта в 1930-е годы и разрушена (или сгорела) в годы Великой Отечественной войны. После войны на ее месте был построен двухэтажный деревянный жилой дом, существующий и поныне. Современный адрес – ул. Коммунаров, 119.

Примечания

¹ Дмитриев Петр, диакон. Очерк красносельской Троицкой церкви и ее прихода ко дню 175-летнего юбилея. СПб. 1908. С. 26.

² Там же. С. 29.

³ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. Санкт-Петербургская епархия. Выпуск V. СПб. 1908. С. 127-128.

Жилой дом в пос. Горелово, построенный на месте Серафимовской церкви. Фото 2001 г.

11. Церковь св. благоверной княгини Ольги в Дудергофе

Расположенное на возвышенности селение Дудергоф находилось к юго-востоку от Дудергофского озера, в 4 верстах от Красного Села. Селение Дудорово в XV-XVI веках являлось центром Дудоровского погоста Ореховского уезда Вотской пятины. Название это произошло от горы *Дудора*, упоминаемой в Новгородских писцовых книгах. Высказываются предположения, что название это возникло от финского слова *Tuutari*, которое в некоторых финно-угорских языках как раз

и означает – «гора», «холм». Из Переписной книги Водской пятины известно, что уже в 1500 году на погосте находилась православная Введенская церковь, однако ее точное месторасположение установить пока не удалось.

В XIX веке владельцем этого имения становится *Великий Князь Михаил Николаевич (1832–1909)*, при котором оно превращается уютную дачную местность, имеющую железнодорожное сообщение с Петербургом.

В 1879 году местный дачевладелец *Тимофей Тимофеевич Учителев* выступил с инициативой постройки в имении собственной церкви и первым сделал на нее пожертвование в размере 20 000 рублей.¹ Проект небольшого каменного храма, выдержанного в московском стиле XVII столетия, составил петербургский архитектор *Василий Иванович Токарев*, а Великий Князь Михаил Николаевич отвел для его постройки участок на одном из самых высоких и живописных холмов Дудергофа – Вороньей горе, где 16 сентября 1879 года и состоялась закладка храма.²

Несмотря на начавшиеся работы, спустя два года из-за нехватки средств возведение храма пришлось приостановить, и лишь в августе 1882 г. была образована новая строительная комиссия, которая во главе со своим председателем, почетным гражданином Арсением Николаевичем Бородулиным взялась завершить постройку к 1883 году. Благодаря новым щедрым пожертвованиям работа закипела вновь – лесопромышленник Павлов выделил на храм пиломатериалы, а подрядчик Степанов бесплатно произвел всю каменную работу. Наблюдение за постройкой осуществляли архитекторы Иван Аристархович Аристархов и Матвей Захарович Захаров.³

Торжественное освящение вновь выстроенного храма совершил 11 июля 1883 года епископ Ладожский Арсений (Брянцев) в сослужении красносельского духовенства при большом стечении местного населения и дачников. Крупным жертвователям были розданы памятные золотые жетоны с вензелями Великокняжеской четы.^{4*}

Новая каменная церковь во имя *св. благоверной княгини Ольги* вмещала около 100 человек и имела с северной и южной сторон по две открытые галереи и полукруглую апсиду с восточной стороны. Колокольня, имевшая высоту 12 сажень (25,5 метра), была видна с любой точки имения и за много верст от него. Внутри храма находился красивый резной иконостас, изготовленный из дуба под руководством резчика Петра Семеновича Абросимова по рисунку архитектора В.И. Токарева. Иконы в нем, написанные живописцем Михаилом Ивановичем Щетининым и академиком Алексеем Ивановичем Корзухиным, были помещены в один ярус. Справа от Царских Врат находился образ *Спасителя*, далее, на южных вратах – *св. архидиакона Стефана* и *св. княгини Ольги*, слева от Царских Врат – образ *Божией Матери*, за ним, на северных вратах, *св. архидиакона Лаврентия* и *св. Михаила Архангела*.

Днем освящения храма было выбрано 11 июля, поскольку оно являлось днем тезоименитства Великой Княгини Ольги Феодоровны (до замужества и перехода в православие – Цецилии Августы, принцессы Баденской (1839-1891) – супруги владельца Дудергофского имения Великого Князя Михаила Николаевича), а год – 1883, совпал с 1000-летием годовщины рождения св. блгв. княгини Ольги (день рождения св. Ольги неизвестен).

Церковь
св. княгини Ольги
в Дудергофе.
Фото 1910-х гг.

Храм был двухсветным, причем верхние полукруглые окна были застеклены цветным стеклом. На колокольне находился звон из семи колоколов общим весом в 103 пуда (1,6 тонны), отлитый в Москве на заводе Павла Николаевича Финляндского.⁵

Указом Санкт-Петербургской Духовной консистории от 24 июня 1884 г. церковь св. Ольги была приписана к красносельской Троицкой церкви, причт которой и совершал в ней богослужения. В этом же году при храме св. Ольги было образовано Благотворительное общество Дома призрения для престарелых и увечных воинов во главе с почетной председательницей Великой Княгиней Елизаветой Маврикиевной, ставящее своей целью заботу об инвалидах войны, для которых в 1885 году недалеко от церкви были построены три каменных здания-барака – одно двухэтажное и два одноэтажных (сохранившиеся доньше).⁶

В 1895 г. из-за недостатка средств Благотворительное общество вынуждено было прекратить свою деятельность, и в том же году, с согласия Великого Князя Михаила Николаевича, участок земли с находящимся на нем храмом св. Ольги, инвалидными домами и другим имуществом перешел в собственность Общины сестер милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге. Община эта была основана в 1870 г. по инициативе графини Елизаветы Николаевны Гейден (1833–1894) и ставила своей целью в мирное время бесплатный уход за больными и ранеными, а в военное время – создание санитарного персонала, готового выехать к театру военных действий.⁷

В 1897 г. на средства попечительницы Общины графини *Марии Александровны Сольской*, в память о Е.Н. Гейден, в Дудергофе был устроен детский приют-колония, открытый 1 июля того же года, в котором

содержались от 30 до 40 детей. В 1901 г. на ее же средства, в память сестры-настоятельницы Общины Елизаветы Петровны Карцовой (1823-1898) был устроен каменный барак для больных раком.⁸

Несмотря на то, что с 1895 г. храм перешел в ведение Общины св. Георгия, все богослужения в нем по-прежнему продолжал отправлять причт красносельской Троицкой церкви. В 1896 г. по инициативе священника этого храма протоиерея Михаила Смирнова, на средства учительницы М.А. Фон-Григсгейм в Дудергофе была открыта Школа грамоты, в которой проходили обучение до 30 человек обоего пола.⁹

Церковь св. Ольги была закрыта в 1929 году, а в ее стенах устроена фабрика по производству киноплёнки. В конце 1930-х годов (по словам местных жителей, это был 1937 год) в результате неосторожного обращения с огнем в здании вспыхнул сильный пожар, в результате которого погибло большое число работавших там людей. Огонь был настолько сильным, что даже толстые каменные стены дали трещины, а все верхние перекрытия обвалились... В начале 1960-х годов полуразрушенные остатки храма были разобраны. Частично сохранившаяся кладка фундамента и цокольные плиты

были растащены лишь в начале 1980-х годов. В настоящее время на этом месте пустырь.

Церковь св. Ольги находилась в конце главной поселковой магистрали Дудергофа (в 1950 г. переименованного в пос. Можайский) – проспекте 25 Октября, недалеко от здания бывшей больницы Общины св. Георгия, ныне занятой под спортивную школу.

17 сентября 2000 г. на месте храма причтом красносельской Троицкой церкви был установлен и освящен деревянный восьмиконечный крест. В поселке создана православная община, и в недалеком будущем здесь планируется построить часовню.

Примечания

¹ РГИА, ф. 547, оп. 2, д. 1745, л. 14, об.

² «Петербургский листок», газета. 1879. 15 сентября. № 180. С. 3.

³ «Всемирная иллюстрация», журнал. 1883. № 6 (760). С. 87.

⁴ «Петербургский листок», газета. 1883. № 6 (760). С. 3.

⁵ «Всемирная иллюстрация», журнал. 1883. № 6 (760). С. 87.

⁶ РГИА, ф. 547, оп. 2, д. 1745, л. 121.

⁷ Исторический очерк Общины сестер милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870-1895). СПб. 1895. С. 35.

⁸ Отчет Общины св. Георгия за 1910 год. СПб. 1911. С. 3.

⁹ Дмитриев Петр. Очерк красносельской Троицкой церкви и ее прихода ко дню 175-летнего юбилея. СПб. 1908. С. 27.

12. Кирха Св. Троицы евангелическо-лютеранского прихода Tuutari в Дудергофе

Согласно дошедшим до нас сведениям, церковный округ «*Tuutari*» (в переводе с финского – «гора» или «холм») существовал еще во времена шведского господства. Первая деревянная кирха этого прихода находилась на территории нынешнего Красного Села, на том месте, где в 1828 году был построен Императорский дворец, а небольшая деревянная часовня была расположена на горе Мельконмяки. Самой отдаленной частью этого прихода являлся причтенный к нему еще при шведах приход Хиетамяки (см. № 13). Во времена Северной войны и церковь, и часовня, и дом пастора были разрушены, и лишь через пятнадцать лет после ее окончания по инициативе пастора Иоганна Хоппиуса в южной части прихода на горе Мельконмяки была построена новая деревянная церковь, освященная в 1736 году. Спустя четверть века она была по ветхости разобрана и заменена новой, просуществовавшей с 1760 по 1837 год.

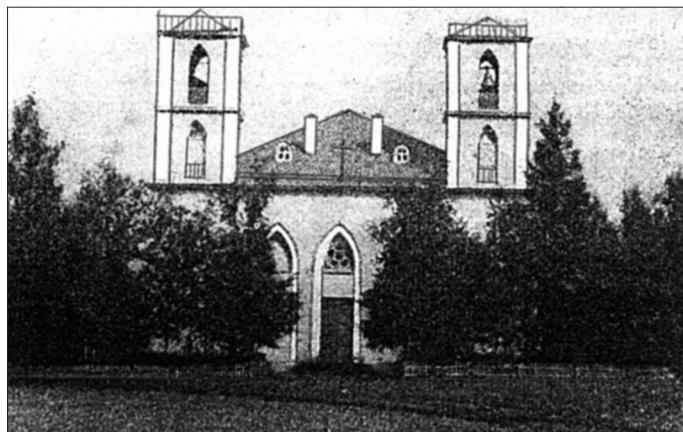
В 1832 году архитектор *Христиан Филиппо-*

вич Мейер разработал проект новой каменной кирхи в готическом стиле, в июне того же года высочайше утвержденный Императором Николаем I.¹ 20 июля 1833 г. состоялась ее закладка. Благодаря тому, что Государем на ее строительство были пожертвованы около 150 000 рублей (сумма по тем временам очень большая), спустя три года ее постройка и отделка были закончены, и 28 июля 1836 года кирха была торжественно освящена.

Новая каменная церковь представляла собой довольно большое здание с четырехскатной крышей и двумя квадратными башнями по углам от центрального входа. Два

других входа располагались со стороны боковых фасадов. Внутреннее помещение кирхи было рассчитано на 2200 сидячих мест и имело хорошее естественное освещение в два света.

До 1897 г. к приходу была также приписана и соседняя община Хиетамяки, имевшая свою церковь (см. № 13), богослужения в которой вплоть до 1909 г. совершал пастор из Дудергофа.²

Кирха Св. Троицы в Дудергофе. Фото 1910-х гг.

Приход Tuutari находился в подчинении Ведомства Верховного церковного настоятеля Ингерманландии и богослужения в нем осуществлялись исключительно на финском языке по воскресным и праздничным дням. К началу XX века приход Tuutari (не считая Хиетамяки) насчитывал 5537 прихожан финской национальности. С 1878 года на протяжении тридцати лет пастором в приходе служил Алоиз Иеремия Пииспанен, которого в 1910 г. сменил пастор Яакко Раски, служивший до 1919 года. Последним настоятелем прихода перед закрытием был пастор Абрахам Каскелайнен. Согласно архивным документам, кирха Св. Троицы была закрыта по постановлению Леноблисполкома от 11 мая 1939 года и переоборудована под клуб.³

В годы Великой Отечественной войны территория Красного Села и Дудергофа оказались в зоне немецкой оккупации, и в начале 1944 года, в результате контрнаступления советских войск, ведших артиллерийский огонь по занятой противником территории, здание кирхи было частично разрушено (разрушенными, по словам старожилов, оказались одна башня и часть боковой стены). В последующие годы каких-либо попыток консервации здания предпринято не было и оно стало быстро разрушаться. Согласно архивным документам, 16 июля 1946 года Леноблисполком разрешил разборку руин кирхи, поскольку «ее кирпич необходим для

прокладки Ленинградского газопровода».⁴ По словам местных жителей, полуразрушенные остатки кирхи окончательно были разобраны к 1953 году.

Начало возрождения финских церковных общин Северо-Запада было положено в начале 1990-х годов. 26 августа 1993 года была официально зарегистрирована евангелическо-лютеранская община в Дудергофе, тогда же ими был поднят вопрос о восстановлении разрушенной церкви. Несмотря на начатую кампанию, добиться от властей разрешения на это им не удалось – в 1998 году на месте сохранившегося фундамента бывшей кирхи была сооружена слаломная дорога. Поблизости от этого места сохранились лишь остатки старого финского кладбища.

В настоящее время общиной приобретен небольшой каменный дом, в котором после ремонта и планируется проводить богослужения (современный адрес – *пос. Можайский, ул. Малая Горская, 35*). Пока же община проводит свои службы в арендуемых на время помещениих поселка.

Примечания

¹ РГИА, ф. 515, оп. 7, д. 1416, л. 334-336.

² Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland. Eine historisch-statistische Darstellung. I Band. St.-Pb. 1909. S. 126-128.

³ ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 10, д. 1517, л. 164.

⁴ ЦГА СПб, ф. 9620, оп. 2, д. 1, л. 20, 34-36.

13. Кирха свв. апп. Петра и Павла евангелическо-лютеранского прихода Nietamäki близ деревни Яльгелево

Приход «Nietamäki», название которого в переводе с финского означает «гора мелкого песка» (от слов *hieta* – мелкий песок и *mäki* – гора, горка), был образован еще в XVII веке, во времена шведского владычества, и занимал обширную территорию к северо-западу от Дудергофа. Собственной церкви в приходе в это время не было, поскольку он был причислен к церковному округу Tuutari, имевшему собственную кирху (см. № 12), пастор которой и обслуживал территориально эти два прихода.

В 1730-е годы приход Хиетамяки построил в своем округе деревянную часовню, точных сведений о местонахождении которой обнаружить не удалось. В 1755-1758 гг. близ деревни Яльгелево Петергофского уезда в 15 верстах от Дудергофского прихода была построена деревянная церковь (кирха), освященная в 1761 году. В 1893 г. она была полностью перестроена и просуществовала вплоть до Великой Отечественной войны. Это была небольшая деревянная церковь, рассчитанная на 540 сидячих мест. Каких-либо сведений о ее внутреннем убранстве не сохранилось.

Довольно большая площадь общего прихода *Tuutari-Nietamäki* и число прихожан (составившее к концу XIX века около 10 000 человек) привели к необходимости поставить вопрос об их разделении на два самостоятельных прихода.

22 января 1897 г. министр внутренних дел выдал разрешение на создание в общине Хиетамяки собственного прихода, тем не менее, вплоть до 1909 года (пока община не получила своего пастора) богослужения в ней совершал пастор из Дудергофа.

Приход Nietamäki, так же как и соседний Tuutari, находился в ведении Верховного церковного настоятеля Ингерманландии. В начале XX века в приходе насчитывалось 4462 прихожанина из 52 финских деревень, находившихся в Царскосельском и Петергофском уездах.¹

В 1930-е годы последним пастором в церкви служил Абрахам Каскелайнен. В 1938 году кирха была закрыта и в годы Великой Отечественной войны разрушена.²

Новая евангелическо-лютеранская община Хиетамяки была официально зарегистрирована лишь спустя

полвека – в 1990 году. Первоначально свои богослужения она проводила в арендуемом помещении школы в дер. Горбунки Ломоносовского района. В 1995 г. на окраине дер. Иннолово (расположенной в 5 верстах от дер. Яльгелево) была установлена деревянная церковь-барак, переданная в дар приходу из Финляндии. 7 января 1995 г. она была освящена епископом Лейно Хассиненом (современный адрес – дер. Иннолово, ул. Октябрьская, 69). Рядом с церковью находится небольшая деревянная звонница. В июне 1997 года на месте бывшей кирхи, близ деревни Яльгелево, где еще сохранились остатки старого финского кладбища, был установлен памятный крест, освященный настоятелем прихода пастором Юкка Реппо.

Примечания

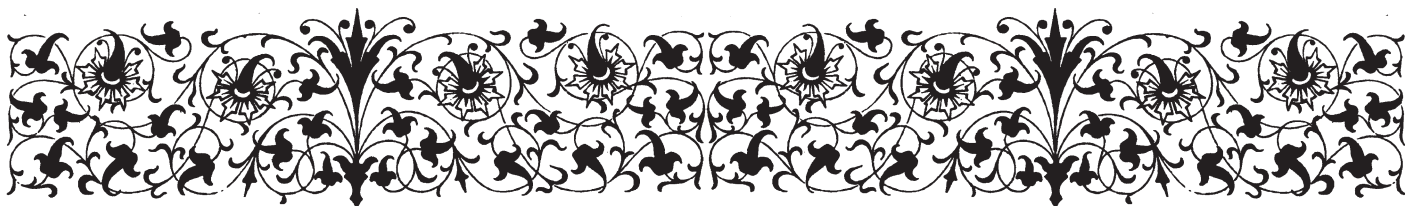
¹ Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland. Eine historisch-statischen Darstellung. I Band. St.-Pb. 1909. S. 128-130.

² «Наше наследие», газета. 1999. № 18. Март-апрель.

Кирха прихода
«Hietamäki».
Фото 1910-х гг.

Карта Красного Села и окрестностей. Фрагмент карты окрестностей С.-Петербурга. Картографическое заведение Ю. Гаша. СПб. 1914 г.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

О.А. Калкин

ИГУМЕН ПАВЕЛ (ГОРШКОВ), НАМЕСТНИК ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Имя игумена Павла (Горшкова), настоятеля Псково-Печерского монастыря в годы войны (1941-1944), лишь в самое последнее время стало освобождаться от наветов и лживых измышлений, которыми оно было окружено в течение многих десятилетий. Арестованный органами НКВД после освобождения Печор от оккупации, в октябре 1944 г., семидесятилетний старец был обвинен в «сотрудничестве с гитлеровцами», в измене родине и приговорен к 15 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, где и умер в 1950 году. «Дело отца Павла» агитаторы и пропагандисты атеизма часто использовали с целью опорочить Православную Церковь, умалить то благотворное влияние, которое Печерская обитель всегда оказывала на духовно-религиозную жизнь россиян. Было время, когда в музее г. Печоры существовала целая экспозиция с материалами о якобы пособничестве игумена Павла немецким оккупантам в разграблении ими ценностей из монастырской ризницы¹. Без упоминания об этом не выходила ни одна из книг, посвященных истории знаменитой обители².

Только через шестьдесят с лишним лет истина восторжествовала. В 1997 году прокуратура Псковской области пересмотрела уголовное дело игумена Павла и, сделав заключение о необоснованности его осуждения, полностью его реабилитировала³. Появился ряд публикаций, повествующих о стараниях отца Павла в тяжелейших условиях оккупации сохранить монастырь как центр национальной русской духовности, а также помочь больным, голодающим, военнопленным, находившимся в немецких лагерях. Более полное описание жизни и подвижнической деятельности этого духовного пастыря, видимо, еще ждет своего часа, здесь же хотелось бы познакомить читателей с трудами иеромонаха

Павла на общественном, гражданском поприще.

Игумен Павел (в миру Павел Михайлович Горшков) родился 20 августа 1867 года в селе Дединово Зарайского уезда Рязанской губернии (по другим данным, о. Павел был уроженцем С.-Петербурга–*Ред.*). С семнадцатилетнего возраста отдал себя служению Церкви, пострижение в мантию принял в 1888 г. в Сергиевой пустыни под Петербургом, где в течение тридцати лет вел монашеский образ жизни⁴. Там же отец Павел начал свое иноческое послушание, на которое его благословил протоиерей Иоанн Кронштадтский, – молитвой, проповедью, ежедневными трудами утверждение в народе трезвого образа жизни.

Впервые к проповедям трезвости о. Павла побудил приход к нему двух послушников, которые «со слезами на глазах» стали умолять его взять с них обет трезвости, поскольку им самим никак не совладать с «несчастной страстью». Молитвы иеромонаха помогли, и послушники, горячо возблагодарив батюшку, разнесли за пределы монастыря весть о том, что отец Павел «так умеет говорить с пьяницами, что слезу прошибает, и вдобавок он берет с пьяниц зарюки»⁵.

С того времени народ пошел к отцу Павлу. Сначала беседы проводились в келии, потом в церкви, но людей приходило все больше – порой собиралось до сотни человек, – пришлось переместиться в большой монастырский дом.

Но заботами о трезвости взрослых дело не ограничилось. Отец Павел, любивший детей, решил направить свои силы на воспитание в духе трезвости подрастающее поколение русских людей. Была устроена бесплатная школа, хотя вначале не было ни копейки – дети в ней сидели и писали на поленьях. Нашлась добрая учительница, пожелавшая учить детей несчастных пьяниц бесплатно, и благодаря такой деятельности школа снискала уважение

Иеромонах Павел (Горшков)
в бытность келарем Свято-Троицкой Сергиевой мужской пустыни

как среди крестьян, так и среди высоких особ, нередко посещавших монастырь. Появились значительные денежные средства, стало возможным открыть столовую для детей, мастерские, библиотеку.⁶

Обучалось и воспитывалось в школе трезвости до 300 детей в возрасте от 8 до 16 лет. По окончании курса

26 августа 1904 г. было открыто при Троице-Сергиевой пустыни (по Балтийской железной дороге) Сергиевское отделение Санкт-Петербургского Александро-Невского Общества Трезвости. Это произошло так: келарь Сергиевой пустыни – иеродиакон Павел, познакомившись с о. Александром Рождественским, основателем Александро-Невского Общества Трезвости в С.-Петербурге, принимал участие в торжествах Общества. Полюбив всею душою «трезвую армию» о. Александра, о. Павел решил посвятить и себя делу служения трезвости. Как раз в это время состоялось посвящение о. Павла в иеромонахи. «Первыми членами общества были певчие послушники. Затем стал притекать ко мне с той же нуждою и «мир». Началось мое дело едва заметными шагами. Сначала оно сосредоточено было у меня в келии, затем перешло в церковь, а в настоящее время деятельность Общества приняла широкие размеры. Приходя в наше Общество, страждущий алкоголик дает Господу Богу обет воздержания от спиртных напитков на известный срок».

Зная, насколько трудно взрослых пьяниц направить на путь трезвости, о. Павел обратил внимание на подрастающее поколение, чтобы внушить ему с малых лет, со школьной скамьи вред губительного пьянства. Решено было прежде всего обратить внимание на детей пьяниц и устроить для них школу.

Иеромонах Павел (Горшков) «Первая Российская Сергиевская школа трезвости». СПб, 1909 г.

Через год после открытия Сергиевского отдела Трезвости, 14 сентября 1905 года и была открыта бесплатная школа. Открыта была она без копейки денег. На молебн при освящении ее собрали сумму в 37 р. 20 к., с которой она и начала функционировать. Большую поддержку при основании здесь оказала местная преподавательница А. А. Павлова, взявшаяся за обучение детей алкоголиков. Поместилась школа на первое время в наемном помещении. Надо было думать приобрести для нее собственное здание. Как сначала была бедна школа, говорит то, что сидением для детишек служили поленья дров и положенные на них старые, завалившиеся на дворе доски, да и те принадлежали хозяину того дома, в котором было бесплатно предоставлено помещение под школу. Несмотря на свое убожество, школа скоро стала приносить «плоды». Беседуя, между прочим, с детками о трезвости, о вреде пьянства, о. Павел заметил, что они не только внимательно его слушали, но некоторые из них вполне сознательно и строго стали исполнять его слова. Под влиянием последних явились записаться в число трезвенников несколько человек родителей-пьяниц, сославшихся, что их к этому принуждают дети. В то же время при школе было положено начало бесплатной библиотеки.

«Первая Российская Сергиевская школа трезвости».

учения дети пристраивались к ремеслу или отдавались в специальные учебные заведения. Были случаи, когда их определяли даже в гимназии.

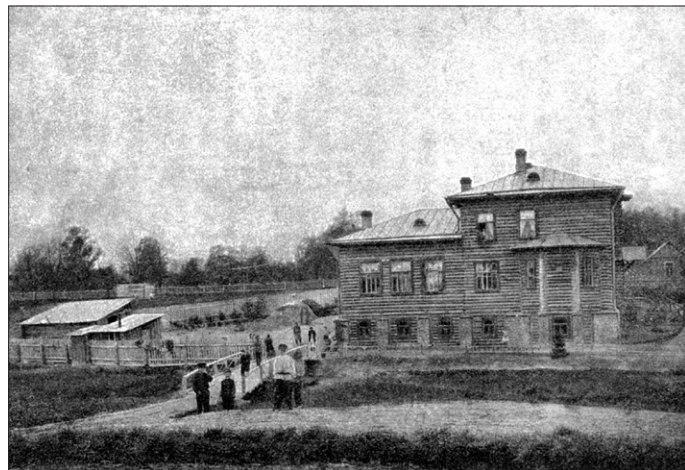
Интересна была программа обучения в школе. В нее входил Закон Божий, русский язык, арифметика, другие предметы, но главное внимание все же уделялось преподаванию трезвости, которое велось в форме простых, доступных для детей бесед. Кроме того, элементы

Свято-Троицкая Сергиева мужская пустынь в Стрельне, близ С.-Петербурга. Троицкий собор

В устройстве собственного дома для школы и обеспечения ее помогло Министерство Финансов, отпустив одновременно 2.500 р. и ежегодное пособие. Училищный Совет при Священном Синоде отпустил на школу и оборудование мастерских 3.500 р., а равно и необходимые учебные пособия и книги. Главное Управление землеустройства и земледелия дало для школы безвозмездно лес. И. П. Баранов согласился быть попечителем школы и пожертвовал на нее 4.000 р. Архитектор-художник Н. П. Козлов составил план постройки. Местные крестьяне подарили Обществу землю под школу. Деятельное участие советами принимал в постройке школы тайный советник И. Ф. Оношкович-Яцына (†1911). В девять недель вырос Дворец Трезвости там, где раньше был косогор, где рос бурьян, а теперь явился маяк св. Трезвости. 5 октября 1906 года школа была освящена при торжественной обстановке. В построенном доме имеется комната-библиотека, она же канцелярия, и здесь записываются в члены трезвости, несколько мастерских, помещение для учительского персонала и приют на 7 детей... Вся постройка оценена в 12.000 р., а благодаря строительной комиссии она обошлась в 6.500 р. В 1908 году на земле монастыря, уступленной в аренду настоятелем его архимандритом Михаилом, вырос у школы «Кормилец» – дом на 8 квартир, который выстроен близ ст. Сергиевской Пустыни Северо-Западной ж. д. в обеспечение школы...

«Первая Российская Сергиевская школа трезвости».

Первая в России школа трезвости в Сергиевой пустыни близ С.-Петербурга, основанная иеромонахом Павлом (Горшковым). Фото 1909 г.

преподавания трезвости входили во все изучаемые предметы. Как отрадные факты из жизни школы воспринимались не такие уж редкие случаи, когда кто-нибудь из школьников приводил за руку алкоголика-отца, и тот просил принять его в «трезвую семью».⁷

Со дня открытия общества в сентябре 1908 г. оно стало именоваться «Первой Российской Сергиевской школой трезвости», которая помещалась в двух им построенных зданиях с мастерскими и сельским хозяйством. Управлялась школа советом, который состоял из 12 членов, но главным работником и вдохновителем ее был неутомимый, «не знающий предела любви», отец Павел. Благодаря его энергии и просветительной деятельности школы в Сергиеве и Стрельне были закрыты все казенные лавки. За свои труды отец Павел имел множество наград, в частности, две бронзовые медали из Италии и золотой с украшениями наперсный крест от духовных властей.⁸

(С 1911 г. под начальство Общества Трезвости переходит также Монастырское Стрельнинское двухклассное училище, переведенное с этого же времени в новое помещение, окормлявшиеся также иеромонахом Павлом.* В 1910-х гг. о. Павлу нередко приходилось совершать богослужения помимо монастырских храмов пустыни в Стрельне, в Успенской кладбищенской церкви и в храме Константиновского дворца, владелец которого Великий Князь Димитрий Константинович также был одним из попечителей школы и училища о.

Группа учеников и учениц школы трезвости в Троице-Сергиевой пустыни. Фото 1909 г.

*РГИА, ф. 532, оп. 1, д. 102, с. 186

В Школе в течение трех лет обучаются дети бедных родителей. Дети, приходя в школу, переодеваются в школьное платье, в синюю форму, которую получают от школы и носят только в ее стенах. Занятия начинаются в 9 часов утра молитвою и оканчиваются в 3 – 4 часа дня. Преподаются: Закон Божий, русский язык, арифметика, славянское чтение, рисование, чистописание, пение, ремесла и рукоделие. К концу года мальчики самостоятельно столярничают и переплетают книги. Девочки обучаются вязанью, штопанью, шитью, стирке и глаженью. Рукоделию их три раза в неделю учит американка Э. Я. Смит. После занятий дети сами убирают классы. Накануне праздников служится в школе всенощная, читают и поют дети. В праздники в 4 часа дня служится молебен при пении детей, а затем ведутся духовно-нравственные и научного характера беседы со световыми картинами. Каждый пост дети говеют. На Рождество для детей устраивается елка. Для усиления средств Школы устраиваются концерты, в которых принимают участие и ученики ее, а также и лотереи. Окончившим даются свидетельства об окончании курса одноклассной церковно-приходской школы.

При Школе имеются мастерские: портняжная, переплетная, сапожная, столярная и слесарная.

В бесплатной столовой при Школе, существующей 3 года, накормлено свыше 30.000 чел.

«Первая Российская Сергиевская школа трезвости».

Павла, неоднократно бывал в пустыни – Ред.)

Все последующие месяцы отец Павел служит при военном госпитале, помогая раненым и больным тифом не только молитвами и пастырским словом, но и служением в качестве санитаря. Летом 1920 г., уже после расформирования Белой армии, он прибыл вместе с госпиталем в Печоры, а с осени этого же года стал насельником Псково-Печерской обители. С братией монастыря и его наместником, молодым иеромонахом Иоанном (Булиным) у отца Павла отношения складывались непростые – несмотря на внешне мягкий, спокойный характер, человеком он был принципиальным, и далеко не все порядки в обители ему были по душе. Через несколько месяцев ему пришлось уйти из монастыря.

В недавно вышедшей книге псковского исследователя Г.В. Петрова «Предания и были Псково-Печерского монастыря» о дальнейшей деятельности о. Павла сказано с явным пренебрежением: ««Инструктор трезвости». Так он себя называл».¹⁰ Но он им был на самом деле! В 1921 г. по предложению эстонского правительства отцу Павлу была предложена должность инструктора

трезвости среди русского населения с неплохим по тем временам жалованием – 500 марок в месяц.¹¹ Правда, через год с небольшим эстонцы, недовольные агитацией о. Павла «в пользу монархии» и его молитвами о упокоении душ убиенных членов Царской Семьи, эту его должность финансировать прекратили, но в сознании русского населения Эстонии он многие годы так и оставался активным защитником трезвого образа жизни. Едва ли в те времена была хоть одна деревня в Причудье, Принаровье или в Печорском крае, где не было бы известно имя «трезвого батюшки».

Так, крупнейшая в Эстонии русская газета «Последние известия» в апреле 1922 г. опубликовала обширную статью, в которой отмечалось, что известный своими трудами по борьбе с алкоголизмом иеромонах о. Павел Горшков только в 1921 году объехал Печорскую и Изборскую волости, посетил 41 школу, где дал 23 урока, на которых присутствовало 1815 детей, и лекций для 2107 взрослых». Всего же в этом году он объездил свыше 100 деревень. В статье так же подчеркивалось, что «деятельность о. Павла является новым опытом борьбы с пьянством в Эстонии».¹²

Немало было сделано иеромонахом Павлом для оказания помощи русским эмигрантам и беженцам, особенно в самое трудное для них время – начало 1920-х годов. Ревельская газета «Жизнь» 1 августа 1920 г. поместила на своих страницах заметку об открытии «стараниями о. Павла» русской столовой «За разумный досуг».

Среди обществ трезвости, созданных им в республике, наибольшую известность приобрело общество «Разумный досуг» в Юрьеве (Тарту), получившее официальный статус Русского просветительного общества в 1923 г. Учредителями его были именитые профессора Тартуского университета И. Тютрюмов, В. Алексеев, приват-доцент С. Штейн (кстати, друг юности А. Ахматовой). В правление общества, деятельность которого вызвала большой интерес также и у эстонской интеллигенции, входили и псковичи: сын

Иеромонах Павел (Горшков) в Свято-Успенском Пюхтицком женском монастыре. 1930-е гг.

*Печоры. Храм свв. Сорока мучеников Севастийских.
Съезд благочинных и регентов.
В центре – игумен Павел. 1942 г.*

русского писателя Мельникова-Печерского, профессор права А.П. Мельников, один из создателей б. Кадетской партии во Пскове, а также бывший городской голова Пскова и министр Северо-Западного правительства Ф.Г. Эйшинский, руководство обществом было возложено на отца Павла.

Не прерывал своей общественной деятельности о. Павел и в 1930-е годы, будучи духовником в Пюхтицком женском монастыре (в 1924 г. назначен экономом, а с 1926 г. командирован служить духовником обители—*Ред.*), служа в приходах в Тапа (с 1932) и Муствеэ (Черный посад), (1933–1937). Таллинская газета «Русский вестник» за 27 мая 1936 года отмечала его труды в Причудье, где, например, в деревнях Рая и Тихеда под Муствеэ отец Павел организовал общество трезвости среди деревенской молодежи. Он читал им лекции со «световыми картинками», обучал молодых людей славянской грамоте, духовному пению, литературе, организовал с ними хор.

В 1937 году отец Павел возвращается в Псково-Печерский монастырь, где занимает должность благочинного и помощника настоятеля, но трудов на мирском поприще не оставляет, живо интересуется памятниками старины. Как о незаурядной личности вспоминал о нем известный в Русском зарубежье историк, директор Кондаковского института в Праге, позднее ставший профессором Кембриджского университета П.Е. Андреев: «Отец Павел был интересной фигурой – интеллигент и в то же время убежденный монах. Он уговаривал меня пойти в монастырь».¹⁴

Будучи по натуре открытым и сострадательным к людям, о. Павел всемерно поддерживал Русское студенческое христианское движение, очень популярное в довоенной Эстонии и особенно в Печерском крае. В газете «Путь жизни», издаваемой Движением, на полосе, где регулярно помещались поздравления известных общественных, культурных и церковных деятелей по случаю православных праздников, часто встречается

и имя о. Павла Горшкова. А в номере этой газеты за 21 марта 1940 года помещена публикация о том, что движеническая молодежь, желая познакомиться с богослужением Русской Православной Церкви, обратилась за помощью к иеромонаху Павлу, который «с любовью откликнулся» на просьбу молодежи. В течение года молодые люди собирались по воскресеньям в келье у о. Павла, тот «живо иллюстрировал свои беседы и объяснял примерами из житий святых, из пролога, из своей личной жизни».

Печерянин Г.И. Добролюбов, в прошлом участник Христианского движения крестьянской молодежи, вспоминал, что иногда свои беседы отец Павел начинал с фразы: «Сегодня я видел на улице диавола в образе человека», имея в виду пьяного.

С началом войны, осенью 1941 г., монастырская братия избрала о. Павла, тогда еще иеромонаха, своим настоятелем. Несмотря на условия оккупационного режима и свой преклонный возраст, отец Павел старался не только поддерживать порядок в обители, но и выполнять свой христианский долг, помогая голодающим, обездоленным беженцам, военнопленным. Известно, что в годы войны из обители часто отправлялись подводы с продовольствием в Псков, в городскую больницу, в богадельню на Запсковье, в госпиталь лагерного пункта, притом что немецкие власти неоднократно не пропускали подводы в город. Сохранились свидетельства о том, что под предлогом, что ему нужны рабочие в монастырь, игумен Павел освободил из немецкого лагеря более десятка военнопленных.

Тяжелым ударом для престарелого настоятеля был вывоз оккупантами из ризницы монастыря древних ценностей, якобы подальше от бомбежек, в другой православный монастырь под Ригой, на самом же деле в Германию. Воспрепятствовать этому о. Павел был бессилён. «Не нахожу себе места и покоя ни днем, ни

*Печоры. Игумен Павел, архимандрит Парфений,
наместник Псково-Печерского монастыря в 1940–1941 гг.,
духовник иеросхимонах Симеон*

ночью, – писал он главе печорской оккупационной администрации Беккингю. – Не хочу, чтобы после моей смерти монах-проводник по пещерам всем посетителям, показывая на мой гроб, говорил: «Здесь похоронен Павел Горшков, который отдал все сокровища монастыря, что хранила до него братия пятьсот лет».¹⁵

Почти так и случилось, с тою лишь разницей, что в течение многих лет указывали на имя игумена Павла, а не на место его захоронения, потому как умер он в июле 1950 года в сибирских лагерях и похоронен в безымянной общей могиле (осужденный по ст. 51-1а на 15 лет и высланный 31 мая 1946 г. в Братские лагеря игумен Павел скончался 6 июля 1950 г. в 16 ч. 00 мин.

Примечания:

¹ Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. М. 1963.

² Таврион, архимандрит. Вместо славы претерпел поношение. Псковская правда, 19-20 сент. 1997.

³ Пузанов А. И Жертвы произвола. // Новости Пскова, 4 февр. 1995.

⁴ Дело Горшкова П.М. и других. Архив ФСБ ПО.

⁵ Псковские епархиальные ведомости, август 1909, с. 279.

⁶ Там же, с. 280.

⁷ Там же, с. 281.

⁸ У «пещер Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века, М. 1999. С. 313.

в Сибирских лагерях (в Баинском отделении Сиблага МВД СССР – близ Тайшета), в лагерной больнице «по причине декомпенсационного кардиосклероза» – из справки информационного центра Кемеровского УВД от 9. 02. 1999 г.¹⁶).

Ныне восстановлены честь и гражданское достоинство игумена-мученика. Выдающийся подвижник благочестия первой половины XX века, незаслуженно забытый и незаконно репрессированный, он достоин того, чтобы быть причисленным к лику святых новомучеников Русской Православной Церкви.

Упокой, Господи, усопшего раба Твоего Павла и сотвори ему вечную память!

⁹ Дело Горшкова П.М. и других...

¹⁰ Петров Г.В. Предания и были Псково-Печерского монастыря. Псков. 2001. С. 143.

¹¹ Дело Горшкова П.М. и других.

¹² Последние известия, 18 апреля 1922, №8.

¹³ Последние известия, 29 января 1923, №27.

¹⁴ Андреев Н.Е. То, что помню. Таллин, 1996. Т. 2. С. 68

¹⁵ У «пещер Богом зданных», Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М.; 1999. С. 308.

¹⁶ Пузанов А. И Жертвы произвола. // Новости Пскова, 4 февр. 1995.

ВМЕСТО СЛАВЫ ПРЕТЕРПЕЛ ПОНОШЕНИЕ

Большая часть монастырских архивных документов, связанных с личностью этого печерского инока-новомученика, вероятно, была изъята следственными органами НКВД в связи с его арестом в конце июля 1944 года (приблизительно через неделю после освобождения Печор от немцев).

Игумен Павел немало лет подвизался в Псково-Печерской обители, неизменно пользуясь всеобщим уважением и братии, и богомольцев. Имея живой и общительный характер, он любил нести в народ евангельское слово, любил проповедь христианской нравственности и принимал, например, заинтересованное участие в деятельности местного городского «Общества трезвости».

Осенью 1941 года братия избрала отца Павла, тогда еще иеромонаха, своим настоятелем. Престарелому игумену Парфению (Шаталину) было нелегко справляться по состоянию здоровья со своими хозяйственными обязанностями, чрезвычайно усложнившимися из-за установления в Печорах немецкого оккупационного режима. Поэтому в декабре 1941 года митрополит

Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский), Экзарх Московского Патриархата в Прибалтике издал указ, по которому игумена Парфения, возведенного в знак признания его заслуг перед обителью в сан архимандрита, сменил иеромонах Павел, возведенный Владыкой в сан игумена. Но, по сути, настоятельством он здесь уже в течение нескольких месяцев: начиная с июля 1941 года, на ряде сохранившихся документов сугубо благотворительного характера уже имеется подпись иеромонаха Павла.

Отец Павел был добрым, благожелательным человеком с очень широким кругозором и искренним интересом к культуре, истории, краеведению, литературе и поэзии*.

По некоторым сведениям, когда он служил на

* В пока еще недостаточно изученных его дневниках, чудом сохранившихся в монастыре (это несколько тетрадей, датированных 1925–1943 годами, под архивными номерами 36–47), встречаются и его собственные лирико-поэтические опыты. Тонкая от природы, стремящаяся к творческому осмыслению жизни натура отца Павла видна и в имеющихся здесь же черновых набросках писем к родным.

соседних с Печорами приходах, то проявлял интерес к местным памятникам старины, даже неленостно возглавлял сельские кружки любителей древностей.

Когда Печоры захватили немцы, иеромонаху Павлу, хотя он был еще сравнительно крепким здоровьем, было около 75 лет. В этот сложный период монастырской жизни ему пришлось нести на своих старческих плечах тяжелейшую

Печоры. Иеросхимонах Симеон, духовник обители и наместник игумен Павел. 1942 г.

ношу: проводить от лица обители все переговоры с оккупационными властями, зачастую быть как бы «печалователем» за вверенную ему братию и за многих своих соотечественников, помогать голодающим, больным и военнопленным немецких концлагерей близ Пскова и Печор. Как некогда, во времена татаро-монгольского ига, митрополит Московский Алексей был вынужден являться на поклон в ханскую Орду ради умирения золотоордынцев и смягчения злой участи своей паствы, точно так же и смиренномудрый отец Павел пытался найти любую возможность, чтобы улучшить тяжелейшее положение монастыря, воспринимавшегося захватчиками как центр национальной российской ду-

В первый же год минувшей войны братия монастыря выбрала его своим наместником. И он, будучи уже в преклонном возрасте, принял на себя этот тяжелый крест. Благодаря избранной им деликатной, тонкой и умной линии поведения с оккупационным режимом сохранилась братия, сохранилась обитель, сохранились и все ее святыни и ценности.

– Трудно мне, отец Симеон, – жаловался он братскому духовнику старцу иеросхимонаху Симеону, – сил никаких нет. Может, лучше отказаться от своей должности, уйти на покой?

– А кому сейчас легко? – со вздохом заметил старец. И возложив руку на голову наместника, сказал: – И не помышляй. В монастыре сейчас нет никого, кто мог бы заменить тебя. Терпи!

И Игумен терпел, как бы трудно ему не приходилось. Мало того, уповая на милость Божию, он укреплял своей верой других...

Архимандрит Таврион

ховности. И поэтому приходилось иногда подписывать и такие официальные документы, которые заставляли сдерживать естественные для него, как православного русского инока, национально-патриотические чувства.

Однако, несмотря на все трудности, отец Павел старался неукоснительно выполнять свой христианский долг и помогать всем страдавшим и обездоленным. Так, по его благословению, в двух городских и сельских приходах, как, естественно, и в самом монастыре, постоянно собирались деньги и продукты не только для больных и голодавших, находившихся в больницах Печор и Пскова, в тамошних богадельнях, но и для военнопленных. Это подтверждает, например, сохранившаяся докладная записка тех лет:

«Входящий № 12. 12.01.1944.

Для памяти. Игумену Псково-Печерского Успенского монастыря о. Павлу.

При сем прилагается сто семнадцать с половиною (117,5) РМ (рейхсмарок), собранные за богослужением в храме монастыря на детей беженцев.

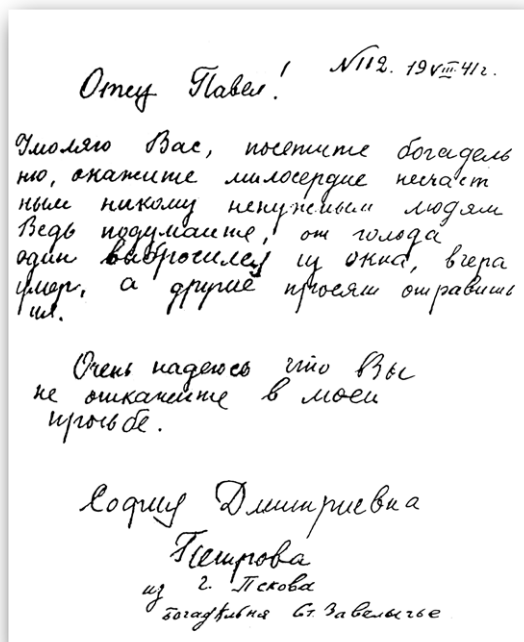
Ноябрь 1943 года.

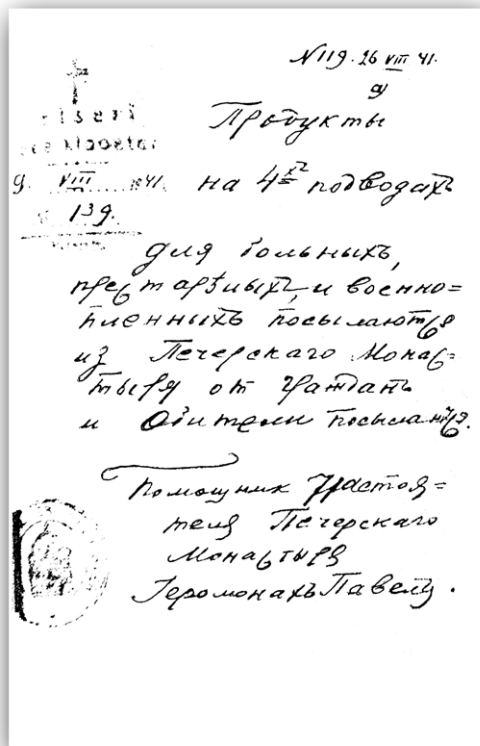
Свечник-кружечник монастыря, послушник Александр Шведов».

А вот что говорится о подобной посильной благотворительности обители в тот период в статье современного автора, посвященной судьбе Печерского монастыря в годы Великой Отечественной войны:

«<...> Подводы, груженные хлебом, мукой, овощами, от обители и прихожан шли к голодающим Пскова – в городскую больницу, богадельню в Завеличье, госпиталь лагерного пункта 134.

Вот удостоверение в том, что из Печерского монастыря в г. Псков голодающим посылаются сто один-

«Дорогой отец Павел. Администрация больницы и больные преклоняются пред Вашей добротой и благодарят за оказанную нам помощь. Через Ваших посланцев примите наш поклон и передайте всем молящимся Монастыря Печерского благодарность псковичей... Смотритель больницы Софийский».

В еще одной публикации, повествующей о жизни монастыря в годы оккупации, приводятся случаи несколько иной помощи отца Павла своим соотечественникам. В частности, в ней сообщается, что в 1989 году, когда отмечалось 45-летие освобождения Печор от фашистской оккупации, местная жительница Т.А. Фирсанова рассказала на состоявшейся праздничной встрече ветеранов о том, что «в куполах Успенского собора монахи прятали советских солдат»⁴. В той же статье подтверждается случай, происшедший с отцом Симеоном, который скрывал весной 1944 года в монастырских пещерах группу советских разведчиков, а затем упоминается и об отце Павле: «В 1944 году наместник Павел (Горшков) под предлогом, что ему нужны рабочие в монастырь, вызволил из фашистского лагеря более десяти русских»⁵. Трое из них с радостью остались на монастырских работах, в их числе Татьяна Архиповна Хитрова, уроженка Пскова.

Вскоре Печоры были освобождены. Павел Горшков выступал на митинге... представители местных Советов и жители Печор выражали ему благодарность⁶. Однако радость была недолгой. Через несколько дней Хитрова и все, кого спас наместник, как и сам отец Павел, были арестованы»⁷.

Об этом печальном событии, а также и о мученической кончине отца Павла, рассказывается в так называемом «Свидетельствовании» – памятной записке упоминавшейся Т. А. Хитровой (документ приводится с некоторыми сокращениями).⁸

...Когда немцы оккупировали Псков, было объявлено, что, кто пересечет северную часть фронта, будет расстрелян. Я была арестована и должна была быть расстрелянной, но, по милости Матери Божией, я убежала в одно из подвальных помещений близ оврага и, как ни странно, [там] я увидела икону Божией Матери.

Казалось, все прошло, но при отступлении в 1944 году немцы нас погнали в эстонский лагерь за Петсери⁹. Здесь я, как и многие, однажды увидела отца Павла Горшкова, который ходатайствовал о нашем возвращении под предлогом, что ему нужны рабочие в монастырь. Нас было более десяти человек, которым посчастливилось вырваться из кровавых рук фашистов.

Мы с любовью вспоминаем отца Павла. Я и еще трое из нашей группы остались в монастыре и трудились на разных послушаниях. Мне пришлось пасти коров и ходить за продуктами. В этом делании мы чувствовали себя намного лучше, чем в лагере.

надцать пудов на четырех подводах, а именно: хлеба 12 мешков – 25 пудов, 7 мешков муки ржаной – 25 пудов, 1 мешок муки белой – 1 пуд, крупы 3 мешка – 3 пуда, сухарей 5 мешков – 6 пудов. Мне удалось познакомиться со справкой, свидетельствующей о том, что получено для больницы (Печерское подворье) картофеля – 170 кг, моркови, свеклы – 26 кг, сухарей ржаных – 7 кг и т. д.

Порой и сухие справки говорят о многом. Что означали те килограммы, пуды в лихолетье, видно из сохранившейся маленькой записки, переданной священнослужителю монастыря в августе 1941 года²:

«...Умоляю Вас, посетите богадельню, окажите милосердие несчастным, никому не нужным людям. Ведь подумайте, от голода один выбросился из окна, вчера умер, а другие просят отравить их... София Дмитриевна Петрова, из Пскова, Богадельня на Завеличье».

Не всегда помощь удавалась. На некоторых прошениях к коменданту Печор с просьбой разрешить поездку в Псков написано: «Не разрешено».

Когда подводы доходили, шли в монастырь письма-благодарности:

«Больные, раненые, военнопленные и персонал госпиталя лагерного пункта 134 в г. Пскове выносят глубокую благодарность за присланные продукты: муку, хлеб, яйца и другие пожертвования для русских военнопленных...»³

Или другая записка подобного же рода (также 1941 года):

*Глупокоужамаиний
Отец Павел!*

*Больные и старики Псковского Дома
Инвалидов кричат Вам и всем при-
хотанам, откликнувшимся на Ва-
ше обращение, глубокую благодар-
ность за оказанную помощь выра-
зившуюся в присылке продуктов. Ко-
торые спасли Инвалидов на нес-
колько дней.*

*Мы позволяем себе выразить
надежду, что Вы, Глупокоужамаиний
Отец Павел и впредь не оставите нас
своим попечением.*

*По Уполномочию Инвалидов завед.
Дома Ишт. Кондратьев*

*г. Псков
14 августа 1941г.*

Вскоре за этой радостью пришла другая радость: Печоры были освобождены... На третий день отец Павел выступал на митинге перед печорской общественностью. По окончании речи ему бурно аплодировали и выразили благодарность местные советы и, конечно, народ; и вдруг в конце недели монастырь посетил следователь, который потребовал от отца Павла список, кто с ним работал. Он всех переписал и ушел.

Через несколько дней я была вызвана и посажена в Печорскую тюрьму, а оттуда этапом нас направили в Ленинград... Я продолжала сидеть под следствием шесть месяцев... Суд над нами происходил в одиночку при закрытых дверях в течение трех дней... Адвоката я не видела, и мне запрещено было требовать его... В заключение суда мне объявили, что я лишена свободы на десять лет, а другим рабочим, которые также со мной были в лагере у немцев и ранее освобождены по ходатайству отца Павла, — им было объявлено осуждение сроком на пятнадцать лет. Та же самая процедура была у отца Павла, без свидетелей, которые могли бы нас винить в чем-либо, и без защитника...

Я как-то раз перед отправкой нас на каторжные работы видела отца Павла. Он был резко изменен в своем внешнем виде: бледный и опасно кашлял. Его поместили в политическую больницу здесь же в Ленинграде, где он через месяц после следствия* скончался.

В 1954 году меня амнистировали, объявив, что я незаконно и несправедливо была осуждена. Кстати, амнистия совпала с истечением срока моего заключения. По моем возвращении домой в Псков я получила от Генерального

Прокурора из Москвы официальный документ, свидетельствующий о моей реабилитации.

На все вышеизложенное я прилагаю свою подпись и готова об этом свидетельствовать еще раз, если это необходимо, перед народным судом и перед Генеральным Прокурором СССР...

4 апреля 1968 г.,
г. Печоры, Т. А. Хитрова

Игумен Павел, будучи одной из жертв тяжелых обстоятельств военно-политического положения, перед своей кончиной испытывал большую душевную скорбь: при нем из монастыря фашисты вывезли замечательные исторические и художественные ценности древней монастырской ризницы. Особенно переживал он, что эта грабительская акция могла быть в будущем связана с его именем, — так и случилось. Впоследствии долгие годы атеистическая государственная пропаганда пыталась представить именно отца Павла виновным в том злодеянии фашистов, стараясь всячески опорочить Церковь в глазах общества.

Однако, как видно из сохранившихся документов, он не только не имел к вывозу ценностей никакого отношения, но и, более того, стремился любыми способами помешать осуществлению плана немецкого командования. Но как мог противостоять он, простой монах, злодеяниям оккупантов?!

Справедливости ради следует сказать, что монастырская ризница была опечатана еще в 1940 году представителями установившейся тогда в Печорах советской власти, и доступ в нее для иноков был закрыт. Судьбой монастырских древностей никто (со стороны тогдашнего советского начальства) не интересовался и при отступлении Красной Армии в 1941 году: в тот момент власти просто бросили ценности ризницы на произвол судьбы. Оккупировавшие город немцы тут же вновь ее

* То есть, по-видимому, после вынесения приговора на суде. — Сост.

Печоры. У дверей Успенского храма: архиепископ Сергей (Воскресенский), слева — игумен Павел, справа — архимандрит Парфений

Печоры. Трапезная монастыря после авиационного налета 30 марта 1944 г.

опечатали.

При вывозе ризницы из обители в 1944 году отцу Павлу было сообщено, что ценности вывозят не в Германию, а лишь переправляют в другой православный монастырь – в Ригу (якобы для их безопасности, поскольку обитель к тому времени уже несколько раз подверглась советским бомбардировкам). Там сокровища ризницы, действительно, были приняты по акту (он сохранился) представителями местной церковной власти, но, естественно, в присутствии и под контролем оккупантов. А уже из Риги они и были вывезены в Германию¹⁰. Сам отец Павел при всем этом был лишь горестным, но, по существу, посторонним и совершенно бессильным что-либо предпринять свидетелем. О тяжелых переживаниях, связанных с этими прискорбными событиями, ясно видно из копии его письма к главе печорской оккупационной администрации – гебитско-миссару Беккингу, которому он писал в те дни:

«Не нахожу себе места и покоя ни днем, ни ночью. В ушах все время одни и те же слова: пять столетий хранила братия сокровища, а ты, Павел Горшков, позволил увести их из монастыря.

Я надеюсь на ваше доброе сердце, что вы не обречете мое имя на злословия после смерти... Пожалуйста, дайте бумагу, в которой говорится, что все сокровища Печерский монастырь от германского командования получит по первому требованию. Такое удостоверение мне необходимо; ведь неизвестно, когда кончится война, а игумен Павел Горшков может умереть завтра. И я не хочу, чтобы после моей смерти монах-проводник по пещерам всем посетителям, показывая на мой гроб, говорил: «Здесь похоронен Павел Горшков, который отдал все сокровища монастыря, что хранила до него братия пятьсот лет».

Гебитско-миссар, конечно же, ему не ответил, а сам отец Павел вскоре оказался лишь одним из миллионов покойников-зэков с номерной чекистской

биркой на ноге, нашедшим место упокоения не в монастырских пещерах, а в безымянной тюремной могиле! Как и полагалось для органов НКВД, виновный в утрате ризницы был найден (представители советской власти, бросившие ее ценности во время бегства из Печор, конечно же, оказались не при чем!) и понес «заслуженное наказание». И только через несколько десятков лет собранные усилиями отца Алипия документы позволили достаточно подробно восстановить реальную картину событий 1944 года, а затем и полностью восстановить честь и гражданское достоинство игумена-мученика. И как следствие, было бы справедливо установить в монастырских пещерах памятный крест ради молитвенного поминовения отца Павла – там, где по чужой злой воле он не смог упокоиться в мире, хотя и смиренно уповал на то всю свою долгую и честную монашескую жизнь.

Архимандрит Павел (Пономарев), впоследствии епископ Зарайский, в бытность свою наместником Печерской обители (1988–1992 гг.) возбудил дело о реабилитации игумена Павла (Горшкова), но не успел довести его до конца, так как был направлен за океан для пастырского окормления приходов Русской Православной Церкви в США. Но и там он не забыл о репрессированном старце. «Мы, верующие люди, – писал Владыка президенту Российской ассоциации жертв политических репрессий Н. В. Нумерову, – убеждены, что отец Павел за свою добрую жизнь и истовое пастырское служение Богом оправдан, но по-человечески хочется, чтобы и на Печорской земле люди знали о его гражданском и священническом подвиге».

Слава Богу, это время пришло.

В 1997 году совершилось наконец событие, которого так долго ожидали все почитатели светлой памяти игумена Павла: состоялся юридический акт его государ-

Печоры. Братский корпус обители после авиационного налета 30 марта 1944 г. Фото 1945 г.

Печоры.
Михайловский
собор
после
авиационного
налета
30 марта 1944 г.
Фото 1945 г.

ственной реабилитации как безвинно пострадавшего от богоборческой власти верного сына своего Отечества. В связи с этим в печати появилась посвященная старцу небольшая статья одного из нынешних печерских иноков – архимандрита Тавриона (Балова).

У «Пеццер Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. Сост. Ю.Г. Малков и П.Ю. Малков. М. 1999 г.

Примечания:

Удостоверение № 139 от 23 августа 1941 года. Кстати, в этом же документе имеется указание и на то, что ранее, 8 августа, отец Павел лично сопровождал в Псков подводу с 42 пудами продуктов для голодающих. — Сост.

Входящий № 112 от 19.VIII.1941 года; с обращением лично к отцу Павлу. — Сост.

³ Галаева С. Нести добро людям // Печорская правда. 1989. 2 сентября.

⁴ Галаева С. Добрая традиция // Ветеран. 1989. № 48 (100).

⁵ Известно также, что помощница отца Павла — православная мирянка Эльза Грюнверк как-то привела к нему трех красноармейцев, бежавших из лагерного пункта № 134, и он некоторое время прятал их. — Сост.

⁶ Игумена Павла даже избрали в те дни членом Государственной комиссии по расследованию ущерба, нанесенного оккупантами. — Сост.

⁷ Галаева С. Добрая традиция // Ветеран. 1989. № 48 (100).

⁸ Автор «Свидетельствования» — Татьяна Архиповна Хитрова, 1900 г. р., жительница Пскова (в документе указаны ее адресные данные на 1968 год).

⁹ Петсери — эстонское название Печор. — Сост.

¹⁰ Почти три десятилетия спустя, в 1973 году, ценности ризницы, благодаря активным поискам, предпринятым лично наместником Псково-Печерского монастыря архим. Алипием (Вороновым), вернулись наконец из ФРГ в обитель. (См.: Иеромонах Агафангел. Возвращенные ценности // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 1. С. 13-14.)

¹¹ Печ. по: Вече (Псковская правда). 1997. 19—20 сентября. С. 11.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Стихи Александра Александровича Алексеева,
поэта-мученика, скончавшегося в Гатчине в 1943 г.
(«Православная Русь», № 1-2, 1943 г.)

*Христос Воскресе, пастыри отцы!
Христос Воскресе, иноки святые!
Христос Воскресе, братья дорогие!
Христос Воскресе, хаты и дворцы!*

*Ликуйте, холмы, радуйтесь, долины,
Христос Воскресе, села и поля!
Сияйте светом, горные вершины,
Христос Воскресе, небо и земля!*

*Поют на небе ангелы святые:
Христос Воскресе — слава горних Сил.
Христос Воскресе, души дорогие,
С которыми Господь нас разлучил.*

*Я верую, что вы сегодня с нами,
Дано вам праздник радостно встречать,
Да будем же и мы готовы сами
Перед Судьей с надеждою предстать.*

*Христос Воскресе! Где же смерти жало?!
Христос Воскресе! Где победа, ад?!
Друзья, потерпим — много или мало,
Но до конца, — взыскупя Божий град.*

*Господь дарит любовью всепрощенья,
Зовет и ждет... Идем за Ним, идем!
Лишь во Христе найдем успокоенье
И дорогих навеки обретем.*

*С полей покров могильный исчезает.
Христос Воскресе, новая весна!
Зима упорствует, но все же уступает.
Христос Воскресе! Смерть побеждена!*

Печоры.
Михайловский
собор во
время светлой
Пасхальной
заутрени. 1998г.

Голгофа несправедливого суда, поругание и мученическая кончина *Свидетельство Татьяны Хитровой*

*Из рассказа архимандриту Алипию, наместнику Псково-Печерского монастыря
(Расшифровка фонограммы)*

С отцом Павлом Горшковым я встретила в Эстонских лагерях. В 1944 году, когда немцы отступали, я попала в Псковскую тюрьму, в которую немцы сажали людей, чтобы они не ходили по фронту и из которой отправляли сначала в лагерь, а затем и в Германию. Отец Павел выпросил у немцев десять человек для монастырских работ, среди них оказалась и я. В монастыре я работала на разных хозяйственных работах чуть больше месяца, а потом пришли наши и меня арестовали, не знаю за что. Санкцию на арест не показывали, приехали, вызвали и увезли в Ленинград. Арестовали и о. Павла и тоже увезли в Ленинград, в политическую тюрьму.

Следователь по фамилии Жуль был еврей. На допросах он кричал, пугал и угрожал, что пустит пулю в рот, колотил и отца Павла, и меня. Как хватит в грудь, так изо рта и из носа кровь идет, и весь пол был кровью залит. Один раз, когда он меня ударил, я рассердилась, схватила стул, который не был привинчен, и ударила его стулом, а чернилами залила ему морду. На шум прибежали, и я потребовала прокурора. Пришел прокурор, без ноги, бывший командир партизанского отряда. Стал добиваться от Жуля слова, а тот и говорить не может, так он напугался. Потом пришел в себя. Ему прокурор и говорит: «Ты вот 25 человек почти убил, а вот нашелся человек и на тебя». Я тогда сильная была. А начал первый он, подошел ко мне, ударил, и когда кровь из носу пошла, я тогда рассердилась, встала и дала ему сдачи. Он признался, что бил, и его сняли. А другой, после него, был хороший, имя не помню, но хороший, русский. Допросы шли месяцев шесть до суда. Суд был три дня, а свидетелей и защитников не было. С обвинительным листом не знакомили, а велели подписать, заставили силой подписать. Мне дали 10 лет, а ему (о. Павлу – *Ред.*) – 15, нам с Эльзой – по десять. Освободили в 1954 году по амнистии, когда я отбыла в лагере весь срок. Дали мне бумагу, что я ни в чем не виновата. Сняли судимость. Отца Павла допрашивали одного, но я знаю, что тот следователь, который бил меня, бил и отца Павла. Отец Павел после суда месяц полежал в тюремной больнице и умер (в действительности, как мы писали выше, игумен Павел скончался 6 июля 1950 г. в 16 ч. 00 мин. в Баинском отделении Сиблага МВД СССР – близ Тайшета, в лагерной больнице «по причине декомпенсационного кардиосклероза»* – *Ред.*)

Архив Псково-Печерского монастыря

Свидетельства очевидцев, знавших игумена Павла

Из следственного дела игумена Павла

О. Павел (Горшков), как и другие верующие, любую власть воспринимал, как данную Богом. Поэтому они не хотели идти на ссоры с властью: например, когда в 1940 году в город пришла советская власть, то в монастыре был вывешен портрет Сталина, а когда город оккупировали немцы, то и их монастырь воспринял доброжелательно, тем более, что город был Красной армией сдан без боя, то есть для них просто произошла смена власти. Фактами антисоветской деятельности Горшкова я не располагаю. Не слышал я никогда и о том, что кто-либо из монастырских выдал немцам наших патриотов. Наоборот, мне известен случай в 1943 году, когда один из монахов прятал в монастыре партизана Ринусова. Позднее он погиб, но до настоящего времени жива его родственница Ринусова Елена Алексеевна, (в действительности – Викторевна – *Ред.*), которая может это подтвердить. Известно и о том, что в 1941 году монастырь собирал с помощью прихожан продовольствие для передачи его в лагерь советских военнопленных. Мне лично известен факт передачи продовольствия в лагерь, расположенный в районе ж.д. вокзала. Был я и свидетелем такого случая. В 1941 году по просьбе Горшкова в монастырь на Успенский праздник привели большую группу военнопленных. Сам о. Павел Горшков помолился за них, причастил их просфорой.

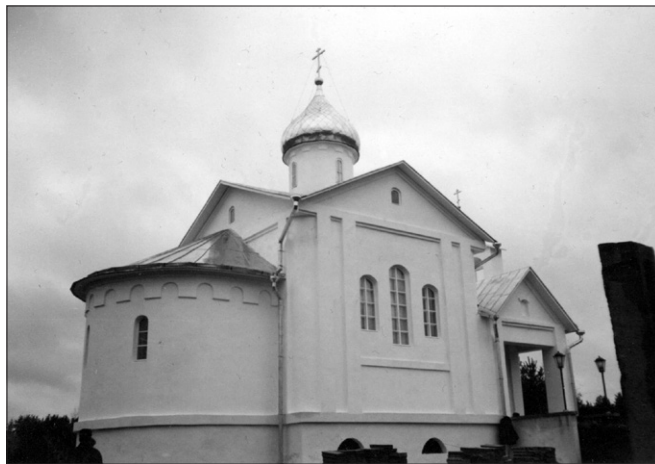
*Пузанов А. И Жертвы произвола. // Новости Пскова, 4 февр. 1995.

Потом за монастырем эстонские полицейские, конвоировавшие пленных, стали избивать их прикладами винтовок.

При этом они орали: «Мы вам покажем причастие». Потом я подошел к Горшкову и сказал ему: «Как же понимать, святой отец?» Вы помолились за пленных, причастили их, и после этого пленных сразу же избивали?». Отец Павел на это только развел руками...

Георгий Александрович Печников, воспитанник школы, где преподавал о. Павел (Горшков), пенсионер. Житель г. Печоры

Игумен Павел (Горшков) был близок с митр. Сергием, Прибалтийским экзархом, которого также обвиняли за связь с немцами. Я сам лично был однажды в церкви на его проповеди. И хочу сказать, что его проповедь была патриотичной. Он говорил, что для нашего народа настали трудные времена, что надо все вытерпеть, что обязательно настанут лучшие дни и т.п. Что касается выдачи немцам ценностей, то они были вывезены по распоряжению немецких властей. Здесь вот что: немцы могли их вывезти и силой, но они захотели соблюсти приличия, не идти на явный конфликт с верующими. И поэтому под предлогом сохранения ценностей предложили монастырю вывезти их дальше в свой тыл. И о. Горшков подчинился требованиям немцев, не стал противиться вывозу ценностей, что ему потом ставилось в вину. Но для меня очевидно, что ценности были бы вывезены в любом случае.

Храм Рождества Христова в поселке Майский близ Печор, где в годы войны находился лагерь для русских военнопленных, посещавшийся игуменом Павлом (Горшковым). Выстроен усердием Псково-Печерского монастыря к 2000-летию Рождества Христова

Г. А. Печников

Я родилась и выросла в г. Печоры. Достаточно хорошо помню Горшкова Петра Михайловича (отца Павла), который длительное время находился в Псково-Печерском монастыре, а в годы войны был его заместителем. В 1944 году, после освобождения города от немцев, он был арестован НКВД, а потом осужден. За что его осудили, я не знаю, но в народе говорили, что якобы за выдачу немцам ценностей монастырской ризницы. Вообще, как я его помню, он был человек простой, добрый, отзывчивый, никому не сделал никакого вреда. Много времени он уделял привитию у народа трезвого образа жизни. Среди жителей города Горшков П.М. пользовался уважением. Мне известно, что когда Псковская область была оккупирована немцами, монастырь занимался благотворительной работой, причем большая заслуга в этом и самого Горшкова П.М. Так, через прихожан, монастырь собирал продовольствие (а деревни вокруг города не были разорены и люди жили достаточно хорошо и могли выделить что-то из продуктов) и передавали его в больницы, лагеря. В частности, около города, где сейчас находится микрорайон «Майский», был лагерь военнопленных, и часть продуктов отвозилась туда. Мне неизвестно о том, чтобы в городе и районе было партизанское движение, еще неизвестны факты оказания работниками монастыря помощи партизанам или, наоборот, выдачи немцам или «Омакайтсе» партизан, сочувствовавших Советской власти. Правда, был разговор о том, что родственника по линии мужа кто-то прятал в монастыре, но никаких подробностей этого я не знаю.

За что его осудили, я не знаю, но могу однозначно сказать, что никаких дел с оккупантами или «Омакайтсе» он не имел и полицейским не являлся. И вообще, никто из местных жителей русской национальности в полиции не работал.

Елена Викторовна Ринусова, жительница Печор

Я хорошо знаю бывшего заместителя Псково-Печерского монастыря игумена Павла (Горшкова П.М.). Дело в том, что я жила до войны и в период оккупации в г. Печоры в семье дяди Ермихова Николая Семеновича, который был близок с о. Павлом, тот часто заходил к дяде домой. Это был очень добрый и отзывчивый человек, по мере возможности стремившийся помогать людям. Я вспоминаю такой случай: дядя во второй половине 1941 г. ездил по личным делам в Боровичи (это где-то за г. Псковом)

(село Боровичи расположено в северной части Порховского уезда, в 70 километрах к востоку от Пскова – *Ред.*), а там был лагерь советских военнопленных. Дядя приехал и рассказал о П. Горшкову, в каких нечеловеческих условиях живут военнопленные, и сказал ему, что пленным надо как-нибудь помочь. О. Павел сразу же поддержал дядю, заявив: «Ты, Николай, действуй, я тебе буду всячески помогать». Через жителей близлежащих деревень, самого города, удалось собрать значительное количество продуктов (сало, хлеб, овощи и др.) и отвезти их в указанный лагерь. Большую помощь в сборе продуктов оказал сам о. Павел Горшков и другие работники монастыря, которые собирали продовольствие через прихожан. Были и другие факты со стороны монастыря оказания помощи пленным, престарелым и больным людям. Я слышала, что пленным, содержащимся в лагере около ж. д. вокзала неоднократно доставлялось собранное с помощью монастыря продовольствие, но это я слышала от других людей. Что же касается оказания помощи военнопленным в лагере около Боровичей, то этот факт я полностью подтверждаю, как достоверно мне известный.

После ареста о. П. Горшкова обвиняли в том, что он оказывал содействие оккупационным властям, занимался антисоветской деятельностью, выдал немцам ценности монастырской ризницы. По этому поводу я могу сказать, что о. П. Горшков был человек аполитичный, а к любой власти относился уважительно. Каких-либо резких высказываний против Советской власти с его стороны я не слышала. В годы войны в своих суждениях он также проявлял сдержанность. С представителями немецкого командования он, естественно, общался как представитель администрации монастыря, несколько раз он встречался с комиссаром города Бомбе, а потом Бенингом, существуют и фотографии, свидетельствующие об этом и на основании которых его потом обвинили в пособничестве оккупантам.

Есть фотография, на которой снят о. Павел (Горшков) в Сретенской церкви за обедом вместе с митрополитом Сергием и представителями немецкого командования. Я сама лично была свидетельницей этого праздничного обеда (он происходил в 1943 г. во время церковного праздника Успения). Эту церемонию фотографировал местный фотограф, меня и художницу Калашникову тоже пригласили запечатлеться на снимке, но мать не разрешила мне это и, как потом оказалось, правильно сделала. Во время обеда провозглашали тосты за гостей, выступил митрополит Сергей, но я не помню, чтобы о. Павел (Горшков) делал речь на этом обеде.

Из разговоров, происходящих в нашем доме, мне известно, что о. Павел (Горшков) сколько мог оттягивал с передачей немцам ценностей ризницы. Но однажды (точную дату я не помню) на город был большой налет советской авиации. Вначале несколько самолетов дымовыми бомбами обозначили район бомбометания, в который вошел и монастырь, а затем сбросил очень много бомб. Несколько штук их упало на территории монастыря, в городе погибло несколько человек мирных жителей. После этого под предлогом сохранения ценностей немцы вывезли их и предотвратить вывоз не было возможности. Потом это монастырю все время ставили в упрек. Наместник Алипий однажды правильно сказал в ответ на такого рода упреки: «Вы отдали немцам половину страны, а нас упрекаете за ризницу»...

Нина Борисовна Рауман, уроженка с. Лавры Печерского района. Рига

Псково-Печерский монастырь. С картины худ. Михаила Шанькова. 1995 г.

НОВОМУЧЕНИК ИЕРЕЙ ФЕОДОР ТОНКОВИД

Светлой памяти иерея Феодора Константиновича Тонковида, мученика села Ловец Невельского уезда (ныне Псковской области)

В XX веке Русская Православная Церковь претерпела жесточайшие гонения со стороны ярых врагов и ненавистников веры Христовой. Эти гонения можно сравнить по своей мощи с гонениями императоров Нерона и Диоклетиана. Если раньше, в старину, говорили о России, что в ней «нет города без святого и села без праведника», то ныне со всей уверенностью можно сказать, что на русской земле нет ни города, ни села, где бы не пролилась христианская кровь.

Немало в свое время было написано о многочисленных новомучениках и исповедниках российских, о тех, кто принял мученическую кончину в первые годы великой смуты или претерпел ссылки, лагеря и тюрьмы 30-х годов. Но были и такие, кто, испытав ужасы гонений, приняли смерть за Христа уже во время, когда отношение власти к церкви немного изменилось в лучшую сторону и наступил период относительного спокойствия. Среди них был и простой сельский священник из русской глубинки иерей о. Феодор Тонковид. Своим подвигом он исполнил слова Христа: «Если кто хочет идти за мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мною» (*Мф. 16; 24*).

Иерей Феодор Константинович Тонковид родился в 1885 году в деревне Забелье Полоцкого уезда Витебской губернии в крестьянской семье. Мать его умерла очень рано, отец отдал отрока Феодора на воспитание в Свято-Троицкий Марков монастырь первого класса, находящийся в трех верстах от города Витебска. В 1910 году Феодор Константинович окончил Духовную семинарию, расположенную при том же монастыре, женился и был рукоположен во диакона. Его супруга Евфросиния Андреевна (1893-1973) была сиротой, как и он сам. Через год (в 1911 г.) диакона Феодора рукополагают в иерейский сан, и с этого времени началось его нелегкое иерейское служение. Где был первый приход о. Феодора – неизвестно, где-то под городом Невелем. Второй приход находился в селе Белохвостово Доминиковской волости Невельского уезда. Там и застал о. Феодора февраль, а потом и октябрь 1917 года.

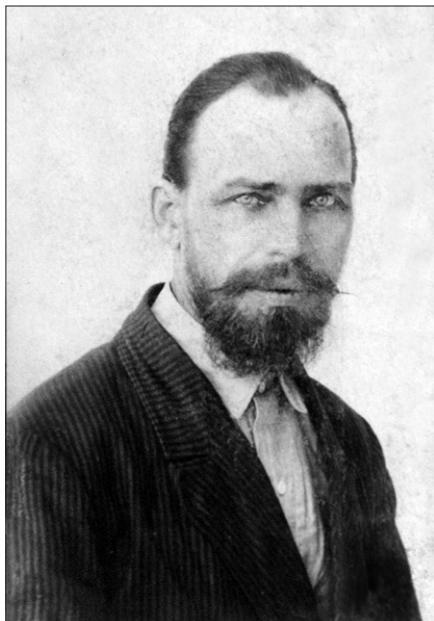

Придя к власти, большевики стали ломать вековые устои русского народа. С первых же дней правления своей антинародной политикой они вызвали огромное негодование в народе, особенно среди обманутого ими крестьянства. В сентябре 1918 года в 18 из 20 волостей (кроме Дольской и Шаховской) Невельского уезда поднялись крестьянские восстания против советской власти. Крестьянами были разгромлены местные советы и убиты многие комиссары. Через несколько месяцев крестьянские восстания были жестоко подавлены. Пострадало немало народа. Милостию Божией о. Феодору удалось избежать расправы.

В том же селе Белохвостово в 1920 году у о. Феодора и его супруги Евфросинии Андреевны родился сын, а через четыре года – дочь Нина. В начале 1929 года о. Феодор своими руками построил дом около церкви на горке, но пожить в нем не довелось. Через полгода власти отняли дом. Батюшку перевели служить в село Стайки, где он со всей семьей поселился в маленькой сторожке возле храма.

В сентябре 1932 года о. Феодор был арестован. Сотрудники НКВД приехали ночью и увезли батюшку в Великие Луки. Его малолетние дети, напуганные арестом отца, бегали по селу и кричали о случившемся. После ареста священника храм закрыли и разграбили. Некоторое время спустя в Великих Луках состоялся суд, на котором разрешили присутствовать его жене. Отцу Феодору откровенно предлагали отречься от Бога и от Церкви или хотя бы стать обновленцем. Он не принял ни того, ни другого, на суде держался стойко и мужественно, а судьям отвечал, что предпочитает пострадать, чем отречься от Христа. По решению тройки ПП ОГПУ Западной области от 22.11.32 на основании ст. 58-10 УК РСФСР ему дали пять лет ссылки в Северный край (г. Каргополь)¹.

В Каргополе о. Феодор работал на клюквенном заводе, где пилил бревна и доски с другим священником. Два раза в месяц они, как и все ссыльные, приходили отмечаться в органы НКВД.

Священник Феодор
Тонковид
в Каргопольской
ссылке.
1932-1937 гг.

Семья о.Феодора из Белохвостова переехала в Витебск. Сначала они жили у сестры Евфросиньи Андреевны, а потом снимали комнату в подвале. Евфросинья Андреевна работала уборщицей в общежитии железнодорожников, иногда за работу ей давали бесплатные билеты, и она могла ездить к мужу в Каргополь. Все пять лет ссылки о.Феодор всячески помогал своей семье, оставшейся после его ареста без средств существования и в великой нужде, так как НКВДшники конфисковали у них все имущество. К тому же в это время на Украине и в Белоруссии начался голод.

Осенью 1937 года о.Феодор вернулся из ссылки. К этому времени в Витебске уже не было ни одного действующего храма. Часть из них была отдана под склады, другие – просто разрушены. Батюшке, чтобы прокормить семью, пришлось идти работать на обувную фабрику. Там у него было сразу три работы: он варил клей, подвозил топливо и готовый клей развозил по цехам.

22 июня 1941 года началась война, а уже 29 июля немцы подошли к Витебску. Опасаясь за жизнь, все жители ушли в лес. Пять дней шли ожесточенные бои, все кругом горело. Когда люди вернулись, город был практически разрушен. От дома, где жила семья о.Феодора, камня на камне не осталось. Но даже в такой разрухе люди не забывали о храмах Божиих. В Витебске и его окрестностях стали открывать уцелевшие церкви. Осенью 1941 года о.Феодор был назначен служить в Троицкий храм бывшего Маркова монастыря, где когда-то прошли его семинарские годы. В 30-х годах там был фабричный склад. В чудом уцелевший храм народ стал приносить иконы и церковную утварь, был освящен престол и вновь возобновилась молитва. В центре Витебска был открыт трехпрестольный собор, куда вскоре был переведен о.Феодор. Вся семья поселилась в доме возле собора, где они занимали одну комнату, в остальных жили другие священнослужители с семьями.

В начале января 1942 года к о.Феодору приехали жители села Ловец Невельского района и просили его переехать к ним, так как храм у них сохранился в прекрасном состоянии с иконами, утварью и облачением, а священника не было. Ловецкие жители очень хорошо знали о.Феодора, помнили, как он служил в селе Стайки, находящемся по соседству с Ловцами. Староста Ловецкого храма все же выпросил батюшку для своей церкви. 14 января о.Феодор отслужил свою последнюю литургию в городе Витебске, и через два дня всю его семью на санях повезли в Ловец. Село Ловец стало последним местом служения о.Феодора.

Хотелось бы сказать несколько слов об этом славном селе. Первое упоминание Ловца восходит к 1509 году. В договорной грамоте польского короля Сигизмунда и русского государя Василия Иоанновича Ловецкая волость упоминается в числе волостей невеличской земли, как принадлежащая России. Глубоки и духовные корни этого села. В 1874 году тогдашним настоятелем Ловецкого храма, по всей вероятности, протоиереем о. Иоанном Богословским, была основана церковно-приходская школа для духовного просветления крестьянских детей. В начале XX века перед самой революцией в селе жил блаженный Алексей. О нем известно, что он был особенным молитвенником, нес подвиг нищества, зимой ходил босиком, а после блаженной кончины был похоронен на ловецком кладбище.

В 1920-е годы внук протоиерея о.Иоанна Богословского, священник Модест Алексеевич Богословский († 3 февраля 1935 г.) своими трудами восстановил сгоревший сельский храм. В свое время и ему пришлось немало потерпеть от безбожных властей.

О. Феодор Тонковид с женой Евфросинией Андреевной, дочерью Ниной и племянником. Село Ловец. Апрель 1942 г. За 4 месяца до убийства († 7 августа 1942 г.)

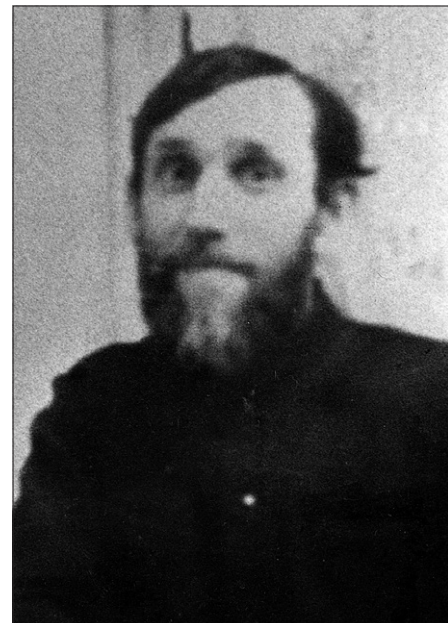
Тогда же в Ловце жил один благочестивый мирянин, Леонид Михайлович Щербов, сын священника. Его старший брат, иерей Петр Щербов, сгинул в сталинский лагерях. В народе Леонида Михайловича называли монахом, хоть монашеский постриг над ним никогда не совершался, но жил он воистину по-монашески. Во многом Леонид Михайлович подражал блаженному Алексию, постоянно постился и всегда пребывал в молитве. После смерти о. Модеста Богословского народ стал за советом приходить к нему. До конца своих дней он неустанно проповедовал людям о Христе, многих предостерегал и удерживал от всяческих грехов, наставлял и успокаивал добрым словом. Как-то раз в одной из бесед Леонид Михайлович сказал своим слушателям: «Вот наступят времена, когда будут открывать и строить новые храмы». Его с недоумением спрашивали: «Да разве это возможно при нынешней-то советской власти?» На это он отвечал: «Власть поменяется». Слушатели с еще большим недоумением спрашивали: «Да как же она поменяется? Неужели будет новая война или революция?» Леонид Михайлович шутливо им отвечал: «Вечером ляжете спать – будет одна власть, а утром проснетесь – уже другая». После блаженной кончины († 12 февраля 1973 г.) он был похоронен рядом с о. Феодором.

Именно по наставлению Леонида Михайловича в январе 1942 года жители Ловца поехали в Витебск за батюшкой. Когда семья о. Феодора поселилась в церковном доме, Леонид Михайлович постоянно поддерживал их: приносил картофель, горох, сушеные грибы. Народ в Ловце тоже оказывал помощь, кто чем мог. Местные старушки давали молоко, по очереди приглашая к себе дочь о. Феодора Нину. Так прожили до самой весны, а весной вспахали и засеяли огород.

С приездом священника жизнь в Ловце сильно изменилась, открылась церковь, стала совершаться литургия, и народ вновь потянулся в дом Божий. По воскресеньям храм был переполнен молящимися, люди приезжали даже из самых отдаленных деревень. Отец Феодор все время ездил по окрестным селениям, крестил детей, освящал дома и причащал больных. Он всегда приходил по первому зову. Иногда о. Феодор возвращался домой лишь поздно вечером. После каждой литургии батюшка совершал панихиды по погибшим воинам, порой их было так много, что панихида длилась 1,5-2 часа. Немало людей венчалось, даже тех, кто уже был в возрасте и имел детей. Война изменила судьбы многих, горе, пришедшее в дом, заставило по-иному взглянуть на жизнь. Душа человеческая стала искать успокоения, обращая свой взор к Богу. Со всей уверенностью можно сказать, что в Ловце началось духовное возрождение.

Однажды к о. Феодору из соседней деревни приехала некая женщина и стала просить батюшку пособоровать и причастить ее умирающего дядю, жившего в деревне

Леонид
Михайлович
Щербов.
(† 12 февраля
1973 г.)

Ступище. Эта деревня находилась в лесу за рекой, в сторону от деревни Турки-Перевоз (Турки-Перевоз в 5 км от Ловца). Жена и дочь о. Феодора всячески отговаривали батюшку. В тех местах был партизанский край: с 1942 года промежуток от деревни Клиновое до деревни Турки-Перевоз был под контролем партизан.

Наверно, особо следовало сказать несколько слов о действии партизан на территории Невельского района в годы Великой Отечественной войны. С первых же дней оккупации немцами города Невеля здесь было организовано сопротивление, которое активно действовало в тылу врага до прихода Красной Армии и наносило серьезный урон иноземным захватчикам, приближая тем самым столь выстраданный русским народом день победы. Но среди партизан встречались и такие, которые по своей сути оказывались настоящими бандитами, а не народными защитниками*. Нельзя забывать, что среди партизан были и бывшие секретари обкомов, и бывшие сотрудники НКВД, которые, потеряв власть, озлобились и злобу свою вымещали не только на немцах, но и на простых мирных жителях. Не раз в Ловце, да и в окрестных деревнях приходилось слышать от старых людей о злодеяниях, ими творимых. Эти бандиты держали в страхе целые деревни, совершая в них грабежи и насилия, порой оставляя ту или иную семью без средств к существованию. Они могли также просто и ни за что убить человека.

Ехать в деревню Ступище было очень опасно, поэтому родные не хотели отпускать батюшку, опасаясь за его жизнь. Но приехавшая женщина настойчиво ждала у дома священника. Дочь батюшки, Нина, даже вышла

* После убийства о. Феодора его дочь Нина узнала сапоги своего отца на одном из комиссаров партизанского отряда.

из дому и стала ругать ее, говоря, что она везет отца на смерть. Но все было бесполезно. Отец Феодор пожурил дочку, сказав ей, что нельзя так обращаться с людьми, что если и суждено пострадать, то он пострадает за Христа. Батюшка зашел в храм, взял Святые Дары, положил в Дароносицу, и они поехали. Жена и дочь, оставшись дома одни, молились и плакали, чувствуя, что уже в последний раз видели о.Феодора. Через три километра, доехав до своей деревни, женщина слезла с повозки и пошла домой. С отцом Феодором поехал мальчик, который был родом из деревни Ступище. Они проехали еще немного, как вдруг из леса вышло семеро вооруженных людей. Это были партизаны, которые заранее их здесь поджидали. С площадной руганью и издевательствами, они согнали батюшку с телеги, привязали его сзади. Сами же, усевшись на телегу, поехали в сторону реки. Бежавшего за ними связанного священника они заставляли служить панихиду по самому себе. В тех деревнях и на хуторах, через которые провозили отца Феодора, люди потом рассказывали, что слышали, как батюшка пел панихидные песнопения. У реки партизан ожидали две лодки. Переплыв на другой берег, бандиты потащили священника в лес. Избивая, они сорвали с него крест и рясу. Отец Феодор прикрывал руками Дароносицу со Святыми Дарами, крепко прижав к себе и не отпуская ее. Тогда одержимые злобой и ненавистью безбожники стали колоть штыками руки, бить по лицу и голове. Штыками они выкололи ему глаза, под конец полуживому священнику выстрелили в голову так, что пуля разорвала ему весь затылок. Наспех выкопав яму, партизаны бросили туда тело о. Феодора в одном нижнем белье и слегка забросали землей. Чтобы никто не пытался искать батюшку, они пригрозили жителям соседних деревень и хуторов, сказав им, что «попа убили, а яму заминировали».

Отец Феодор сподобился мученической кончины 7 августа н.ст. 1942 года, не дожив трех недель до Успения Пресвятой Богородицы, престольного праздника Ловецкой церкви. В тот же день о случившемся стало известно в Ловце. Народ был сильно напуган. Прихожане не пускали в Ступище жену и дочь батюшки, и из них никто не решался туда поехать. Все боялись, тем более, что точного места, где закопали о.Феодора, никто не знал.

Одному благочестивому старику, рабу Божию Тимофею, из деревни Ятлище приснился сон, что он

Могилы о. Феодора Тонковиды (в центре). Справа – могила его матушки Евфросинии Андреевны

стоит в храме со множеством народа. Все плачут. Вдруг явился сам Господь наш Иисус Христос и говорит им: «Что вы стоите и плачете, идите и возьмите своего пастыря», и указал Тимофею место, где лежал о.Феодор. Утром старик проснулся весь в слезах и рассказал про свой сон жене. На следующий день она с еще двумя женщинами, Олимпиадой и Иулией, отправились за телом убитенного батюшки. Они взяли с собой две простыни и пошли. Дойдя до реки, женщины увидели на берегу двух мальчиков, ловивших рыбу, и попросили у них лодку. Переплыв на другой берег, они вышли из лодки, перекрестившись, пошли в лес и пришли прямо к месту захоронения. Рядом со свежей ямой были остатки костра. Что жгли там убийцы, навсегда останется для нас тайной. Сверху над могилой лежала срубленная сосенка. Опасаясь мин, женщины

осторожно руками стали разгребать землю. Они вытащили изуродованное тело священника и, завернув его в простыню, несли до реки три километра. В лодке они плыли еще километров шесть до деревни Перевоз, где их уже ждала подвода. До Ловца они добрались к вечеру. В селе их встречали со скорбным колокольным звоном. Тело о.Феодора было все в песке и запекшейся крови. Он пролежал в земле почти шесть дней. Леонид Михайлович Щербов с другими мужчинами очистили и помыли его, облачили в священнические ризы и положили в гроб, лицо накрыли воздухом. Три дня народ приходил в храм прощаться со своим пастырем. Приходили и молодые, и старые, целовали почерневшие от многочисленных ран его руки. Прикладывались все. Многие плакали, жалея, что лишились такого батюшки. Он ко всем относился с любовью, и народ отвечал ему тем же. 13 августа о.Феодора похоронили за алтарем Успенской церкви села Ловец.

Через год, в августе 1943 года, началось наступление советских войск на город Невель. В сентябре он уже был освобожден. К ноябрю фронт дошел и до Ловца. В тех местах шли ожесточенные бои. Успенский храм сгорел. Погорело еще несколько деревень в округе. Люди рассказывали, что храм подожгли все те же партизаны. Они сожгли его вместе с засевшими там немцами.

После войны из Москвы приехали два следователя, расспрашивали об убийстве священника. Они говорили, что командир партизан был арестован и предан суду. Правда, следователи называли его не командиром, а главарем банды, хотя этот главарь до войны был пред-

седателем исполкома города Невеля. Отряд его был расформирован и отправлен в штрафной батальон. На их совести немало преступлений против мирных людей. Например, в 1942 году они сожгли дотла деревню Сомино.

В 1950 году семья о. Феодора вновь вернулась в Витебск, а когда 11 июня 1973 года умерла его жена Евросиния Андреевна, ее похоронили рядом с батюшкой на Ловецком кладбище.

По прошествии уже многих лет Господь являет нам один из драгоценных камней духовной сокровищницы земли русской. Можно со всей уверенностью сказать, что священномученик Феодор, пресвитер Ловецкий

ныне предстоит в великом сонме святых новомучеников и исповедников Российских перед престолом Божиим, вознося свои молитвы к Царю славы Господу нашему Иисусу Христу за всю землю русскую, за то маленькое село, где упокоил его Господь. Воистину, село Ловец обрело своего небесного заступника и покровителя.

Примечания

¹ ФСБ РФ. Управление по Псковской области. № 10/5-581 (ответ на запрос).

² Невельская старина. Сборник материалов по истории Невеля. XVI – начало XX века. СПб, 1993 г. С. 185.

³ РГИА ф. 1290, оп. 4, д. 103, л. 346, об.

Письмо к Богу

*(Найдено в шинели русского солдата,
погибшего во Вторую Мировую войну)*

*Послушай Бог...Еще ни разу в жизни
с Тобой не говорил я,
но сегодня мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
что нет Тебя. И я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
из кратера, что выбила граната,
на небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любуясь мирозданьем,
каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку,
но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь:
не странно ль, что средь ужасающего ада
мне вдруг открылся свет и я узнал Тебя?
А кроме этого мне нечего сказать,
вот только, что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
но мне не страшно: Ты на нас глядишь...
Сигнал. Ну что ж? Я должен отправляться.
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать,
что, как Ты знаешь, битва будет злая,
и, может, ночью же, к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор Тебе я не был другом,
позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу. Боже мой, и видишь Ты,
со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог, иду. И вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.*

Мой белый храм.

*Прискорбен час прощанья.
В последний раз, перекрестись на крест,
Почту тебя минутою молчанья
И навсегда уйду из этих мест.*

*Блаженный край. Покой и утешенье.
Я выжил в одиночестве твоём,
Где все мои потери и лишенья
Ты заглушил уменьем соловьев.*

*Отшельникам и аистам отрада
Я обойду, забыв скуфью в руке,
Бревенчатую келью за оградой,
Сторожку, что стоит невдалеке.*

*За кладбищем, по доскам обветшалым
Шумящую речушку перейду.
Спустишь правее, постояю устало,
К источнику святому припаду.*

*Журчи, журчи, не знающий печали
С самозабвеньем славящий творца.
Омой скорей, разлуку облегчая,
И голову, и руки чернеца.*

*...Ну вот и все. Я огляжу дубравы,
Луга, поля – забытый всеми край.
И в тон листвы (случайно ли кровавой?)
Скажу одно – прощай, прощай. Прощай.*

Иеромонах Роман

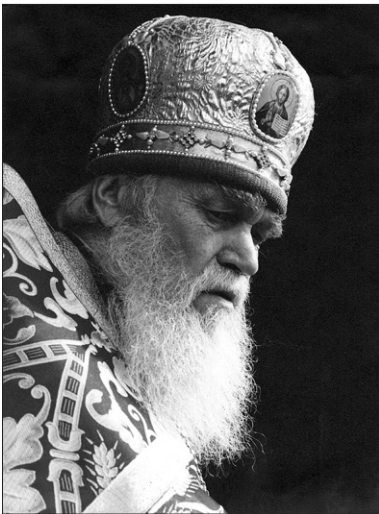

БЫЛОЕ

Архимандрит Кирилл (Начис)

НАРОД ЖАЖДАЛ МОЛИТЬСЯ, ЖАЖДАЛ ПОКАЯНИЯ...

Служение в приходах Северо-Запада в годы войны

Архимандрит Кирилл (в миру – Леонид Владимирович Начис), духовник С.-Петербургской епархии, родился 9 января 1920 г. в Латвии, в г. Грива б. Курляндской губернии, пригороде Двинска (латышск. – Даугавпилс, Латгалия), в семье строителя Владимира Петровича Начиса и супруги его Надежды Даниловны, рожденной Литвинской. Корни семьи Начисов уходят в Литву, где предки о. Кирилла по отцовской линии крестьянствовали в Жмудецкой волости Вилкомирского уезда Ковенской губернии. Предки по материнской линии были родом с хутора Плиекшаны Курляндской губ., родины латышского поэта Яна Райниса.

Семья Начисов была большой (отец, мать и четверо сыновей – Александр (1908), Петр (1910), Иаков (1912) и Леонид (1920) – самый младший) и очень церковной, трое его сыновей: Александр (1908 – 1941), Иаков (1912 – 1991) и Леонид (архим. Кирилл) избрали путь священства. Отец, Владимир Петрович, был членом церковного совета Гривской церкви, которую своими руками восстановил после пожара произошедшего во время польской оккупации края в 1920 г. На это место им был перенесен закрытый к тому времени храм летнего госпиталя, а так же построен церковный дом при храме. Под воздействием церковного уклада жизни

в семье и под влиянием пастырей, служивших в Двинских храмах (архимандрит Кирилл помнит также совершавшееся в его раннем детстве архиерейское богослужение в их Гривском храме, совершавшееся архиепископом Рижским Иоанном (Поммером), будущим священномучеником († 1934)), происходило воцерковление отрока. Когда Леониду исполнилось шесть лет, началось его церковное служение: в праздник св. Георгия Победоносца он был приведен старшим братом в алтарь, подавал за богослужением священнику кадило и выносил свечу.

В годы учебы в Основной русской школе г. Гривы (б. учительской семинарии, позже – с 1933 – Правительственной школе) и Двинской правительственной русской гимназии (1933 – 1938) Леонид помогает своему родственнику свяц. Николаю Жунде и брату, служившему регентом и псаломщиком в военном храме Двинской крепости при совершении богослужений. Они, а также служившие и законоучительствовавшие в Двинске пастыри (прот. Иоанн Крампис, свяц. Августин Петерсон, впоследствии митрополит Рижский, прот. Савва Трубицын – настоятель Гривской церкви) оказали огромное духовное влияние на отрока.

Неоценимую роль в духовном формировании о. Кирилла сыграли также жившие в Двинске и приезжавшие сюда участники Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД) и Русского Студенческого Православного Единения (РСПЕ), – русских эмигрантских христианских организаций, действовавших в Зарубежье, в том числе в Прибалтике, – среди которых было также немало пастырей. (Здесь следует упомянуть имена иеромонаха Иоанна (Шаховского), впоследствии архиеп. Сан-Францисского, рижского протоиерея Кирилла Зайца, Тамару Евгеньевну Дэзен из Печор (†1941), Ивана Аркадьевича Лаговского (†1941), проф. Б.П. Вышеславецца, Ф.Т. Пянова, Бориса В. Плюханова, Константина Романовича Портнова, Антонину Емельяновну Ериову. «Это были выдающиеся люди по своим дарованиям, деятельности, образу жизни. Позже они были расстреляны, такая трагическая участь постигла многих участников РСХД», – вспоминает архим. Кирилл. «Они не занимали высоких постов, были простыми, хорошими, настоящими людьми, каких, к сожалению, в мире бывает не так уж много. Их величие не в звании или должности, а в их высокой нравственной культуре, в богатой эрудиции, в подлинном человеколюбии и в патриотизме, в их духовности, к которой мы с таким опозданием взываем». (из воспоминаний Б. Плюханова). Среди молодежи Двинска в эти годы

под влиянием Движения избрали путь церковного служения, кроме будущего архим. Кирилла (Начиса), Иван Антонович Харун, впоследствии архиеп. Сильвестр (1914-2000), Константин Иосифович Кравченко, Игорь Петрович Булгак, Мария Кравченко и другие двинцы.

Леонид Начис участвовал в собраниях и кружках Двинского отделения движения, действовавшего при Александро-Невском соборе, принимал участие в съезде РСХД в Эстонии (1938), проходившем в мест. Карэпере под Таллинном, где, по воспоминаниям архим. Кирилла, «каждый день совершались богослужения, читались доклады, которые живо обсуждались, мы вовлекались в дискуссии на темы религиозной жизни и современности. Все завершалось исповедью и причастием. Сколько новых знакомств, интересных людей, какое важное общение, через которое мы входили в церковную жизнь...». Широкая деятельность Движения была в Латвии свернута в 1934 г. в связи с изменением государственного строя, поэтому Леонид Начис застал лишь последние годы его существования в Латвии. В соседней Эстонии деятельность Движения продолжалась до 1940 года.

В 1938 г. Леонид Начис поступает в Латвийский университет, на православное отделение Богословского факультета, где учился до 1940 года. Русские студенты Латвийского университета были объединены в Общество Русских Студентов Латвийского университета (ОРСЛУ), православную организацию молодежи, вензель которой, сплетенный из перечисленных русских букв, читался и по-латыни: «Optima patrum cuique servando» – «Сохраним лучшее наших отцов». Учеба в университете была прервана в связи с закрытием факультета, произошедшего в связи с установлением в Латвии советской власти.

В 1940 – 1941 гг. Леонид учительствовал в Салиенской школе Илукстского уезда (б. Курляндской губ.), неподалеку от Двинска, живя дома в Гриве. С началом войны и оккупации, когда школы в Латвии были закрыты, преподавал в течение полугода в одной из школ Белоруссии (с. Леонполь). В это время брат, прот. Иаков Начис, отправился из Латвии миссионером во Псков и служил на приходах Северо-Запада России. После встречи братьев в Латвии во время краткого приезда о. Иакова домой, Леонид отправляется вместе с братом в Россию, где служит при нем псаломщиком. Служение его во Псковской Православной миссии протекало в разных приходах Северо-Запада: в с. Выбор Новоржевского района, Псковском кафедральном Свято-Троицком соборе, Свято-Ольгинской церкви в Луге, с осени 1943 г. – в градском приходе Порхова. В эти годы большое духовное влияние на него оказывает крепкая вера простого русского народа, среди которого доводилось жить и служить, а также подвижническое служение пастырей, бывших его духовными наставниками: протоиерея Николая Жунды, брата – протоиерея Иакова Начиса, протопресвитера Кирилла Зайца, возглавлявшего Миссию, и других миссионеров. Возрождавшая духовную жизнь русского народа на оккупированной территории Псковская миссия, в значительной степени выйдя из-под контроля немецких властей, заняла свою, не подвластную немецкому командованию, позицию, противостоя ему. Самим фактом своего существования она противостояла и безбожию, большевизму, за что после войны многим миссионерам пришлось заплатить своей свободой и жизнью.

В феврале 1944 г. вместе с братом и другими латвийскими миссионерами Леонид был эвакуирован в Ригу, с марта 1944 г. служил псаломщиком в Свято-Троицком соборе в Либаве (Лиенае), где священствовал о. Иаков. В декабре 1944 г. Леонид Начис в числе многих жителей Латвии был вывезен из Курляндии в Германию, где помещен в лагерь в Кенингсберге. После взятия города в апреле 1945 г. советской армией, для него и других жителей Прибалтики и России, находившихся в Кенингсберге, заключение в немецком лагере сменилось лагерем советским. Первоначально помещавшиеся в лагере на окраине города, в мае 1945 г. они были переведены в тюрьму г. Тапиау (Восточная Пруссия). Оттуда в вагонах-телятниках заключенных доставили в Рязанский лагерь на станции Пехлец, где они работали на строительстве газопровода Саратов-Москва. В это время брат, прот. Иаков Начис был арестован, как и большинство миссионеров (протопресв. Кирилл Зайц, прот. Николай Жунда, мирянин Андрей Перминов, прот. Николай Шенрок, Георгий Радецкий и свящ. Ливерий Воронов), проходивших по «Псковскому делу». Трое первых получили по 20 лет и умерли в лагере. К осени 1945 г. заключенных перевели из Рязанского лагеря в Коломну, что под Москвой, в декабре перевезли в Грозненский лагерь. Освобождение произошло в апреле 1946 г., но домой долго не отпускали. В Латвию удалось вернуться только в феврале 1947 г. Здесь Леонид работал в Даугавпилсе на предприятии «Хлебострой», затем на судостроительной верфи в Риге.

10 октября 1950 г. в Риге последовал новый арест. «Задержанных» поместили в подвалах здания МГБ в Риге, долго подыскивая основание для ареста, вспомнили о Псковской миссии. По «делу» арестованных в 1950 г. проходили также диакон Владимир Шириин, псаломщик Игорь Булгак и Сергей Шенрок, отказавшийся по требованию властей следить за митрополитом Вениамином (Федченковым). Осужденные по статье 58-10, 11, 1 мая 1951 г., арестованные в столыпинском вагоне были перевезены в Ленинград, где содержались в помещении б. женской пересыльной тюрьмы, откуда были переведены в Киров (Вятку), и далее – в Инту (Коми АССР). Здесь Леонид Начис пребывал в заключении с 1951 по 1955 гг. Позже (из-за того, что открылся факт пребывания в заключении в одной местности двух братьев, – прот. Иаков Начис также был в это время в лагерях Коми, в Инте), Леонид до окончания срока заключения был переведен на рудник Кажим.

После освобождения 15.10.1955 г. он приехал к брату прот. Иакову, который после своего освобождения свя-

ценствовал в единственной действовавшей на территории Коми церкви в селе Кочпон, в окрестностях Сыктывкара. Пожив здесь, побывав на родине в Латвии, Леонид решает избрать путь священства. В 1956 г. он поступает в С.-Петербургскую Духовную семинарию, после реабилитации (1957) продолжает обучение в Духовных школах. В 1958 г. посвящен во диакона, в 1959 г. рукоположен во священника, в 1960 г. пострижен в рясофор в Виленском Свято-Духовом монастыре. В 1963 г. иеромонах Кирилл оканчивает С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, которой был удостоен за курсовое сочинение по теме: «Русско-сербские церковные отношения в XVIII-XIX вв.» В 1963 – 1965 гг. – преподаватель церковной истории и древнееврейского языка в С.-Петербургских Духовных школах, автор ряда богословских статей. В 1965 г. пострижен в мантию с именем Кирилл.

С 1965 по 1968 гг. служит настоятелем храма Воскресения Христова в с. Петрова Горка Лужского района, где несмотря на сопротивление властей, восстанавливает активную приходскую жизнь, реставрирует обветшавший храм. В последующие годы служит в ряде приходов С.-Петербургской епархии: церкви прав. Иова Многострадального на Волковом кладбище (С.-Петербург), Казанской церкви в пос. Сусанино, Гатчинском Павловском соборе, Спасо-Преображенском соборе Выборга. С 1972 г. – архимандрит. Служение в 1960-1970-х гг. было особенно сложным в связи с тем, что власти не раз чинили пастырю препятствия с пропиской, а также то, что в эти годы по местам служения о. Кириллу пришлось путешествовать со своей матерью, Надеждой Даниловной, к этому времени совершенно потерявшей зрение. Долгое время, более десяти лет, архим. Кирилл прослужил в Мариенбургской церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Гатчине (1976 – 1988).

В 1988 г. «опальному» пастырю, в биографии которого было служение в Псковской миссии в годы войны, вновь было разрешено служить в С.-Петербурге. По благословению митрополита Алексия он назначается духовником епархии, служит в храме св. ап. Иоанна Богослова С.-Петербургских Духовных академии и семинарии. Он принимает исповеди ставленников, являясь духовником многих и многих пастырей и монашествующих С.-Петербургской епархии. В 1994 г. архимандрит Кирилл назначается митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Иоанном наместником Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, первым после закрытия лавры в 1930-х гг. В 1994 – 1996 гг. он занимается возобновлением этой некогда одной из самых знаменитых и многолюдных русских обителей, активно участвует в восстановлении духовной и богослужебной жизни лавры. При духовном окормлении архим. Кирилла в 1990-х гг. и на рубеже века и тысячелетия происходит восстановление монашеской жизни во многих обителях С.-Петербурга и области. Последние четырнадцать лет архимандрит Кирилл бесценно продолжает служить духовником С.-Петербургской епархии. Проживает в С.-Петербурге.

Начало войны. Салиена. Взятие Двинска. Гибель брата. Белорусская школа

Начну говорить о начале войны. В день начала войны, 22 июня 1941 года, я приехал в Ригу, поскольку на следующий день, в понедельник, должен был состояться суд, на котором обвиняли моих друзей, работавших до 1940 г. в Риге в детском приюте, в том, что они не так обращаются с детьми, и мне нужно было присутствовать на этом суде. Власть, новое начальство усмотрело в их действиях нарушение своих прав, и воспитателям грозило наказание. Однако, из-за войны разбирательство было отменено, суд не состоялся. Я в тот же день сел в поезд и поехал домой, в Двинск, а оттуда – в школу, где тогда работал, – в течение года при советской власти я трудился учителем в Салиенской школе под Двинском. Когда я приехал туда, школа не работала, – были каникулы, а деньги для учителей за лето мы еще не получили, и мне необходимо было поехать в уездный городок Иллукст получить эти деньги для школы. Нашли ключи, открыли школу. Замещающей директора у нас была молодая женщина, она подписала ведомость, и я тогда отправился на велосипеде в Иллукст, лежавший в 50 километрах от нас, получать деньги. По дороге, пересекая Двинское шоссе, обратил внимание,

что по нему началось необычайно большое движение, – отступают люди. . . Получив в Иллуксте школьные деньги, я возвращался в Салиену. По дороге проездом заехал к себе домой в Гриву, – наш дом лежал прямо у меня по пути, в 20 километрах от Иллукста, затем проехал еще шесть километров и остановился ночевать на хуторе, где

Грива. Церковь свт. Николая Чудотворца, построенная усердием Владимира Петровича Начиса. Здесь началось церковное служение отрока Леонида

жили близкие нам люди: учительница из нашей школы и ее брат, который писал иконы. Это был четверг, пятый день войны. На хуторе слышим вдруг стрельбу ружейную и пулеметную, – не знаем, в чем дело. Утром рано встал, поехал дальше, – еще двадцать километров, приехал в Салиену. Там стали выдавать деньги, – люди жили не богато, порадовались жалованью – а когда роздали все, узнали, что как раз в это утро немцы взяли город Двинск (Даугавпилс). В этот день в Двинске погиб мой старший брат Александр, священник. Родители наши жили в Гриве, на одном берегу реки, а он – в самом городе Двинске, на другом. В самый разгар военных действий он, направляясь в Гриву, оказался на мосту через Двину, за который шел бой, и был убит. Так мы потеряли нашего брата старшего, но подробности обстоятельств его гибели остались нам неизвестными. После него осталась семья, жившая в Двинске – вдова и двое сыновей: старшему к тому времени было три года, а младшему – один год.

Когда началась оккупация, школы не работали, – было лето. Постепенно, к осени, к сентябрю месяцу, многие наши преподаватели, – те, кто работал в русских школах Латвии, – стали переключаться на работу в школах Белоруссии, – там действовали белорусские школы. С нового учебного года решил так поступить и я. Заведующим районного отдела образования в Браславе, в Белоруссии, стал бывший директор белорусской гимназии в Двинске, трудившийся прежде по линии министерства образования Латвии. Многие двинцы по его приглашению стали преподавать там. И я тоже с начала учебного года, получив приглашение работать, собрался и поехал туда. Так, полгода я проработал (преподавали предметы, Закон Божия в школе не преподавался) в белорусской школе с. Леонполь, – небольшого местечка за Придруйском, лежавшего километрах в ста от Двинска.

Встреча с братом Иаковом. Миссионеры

Дом – далеко, навестить родных долго не удавалось. Потом как-то представилась возможность выбраться, съездить на побывку домой. Здесь, в Гриве, произошла моя встреча с братом Иаковом, от которого я узнал, что он с августа 1941 г. служит миссионером в составе Псковской Духовной миссии, вновь открывающей православные приходы на Северо-Западе России, и сейчас приехал домой тоже лишь на краткое время.

Предыстория того, как он оказался в числе миссионеров, такова. В советское время он продолжал служить священником на приходе, когда верные прихожане предупредили его о готовящемся аресте, и он должен был уехать, жил в Риге. Там до войны он пел в составе церковного хора-квартета, составленного экзархом митрополитом Сергием при кафедральном рижском соборе. Брат, по-существу, пошел туда простым певчим, семья же его продолжала оставаться на родине, как и наши родители. Из дома, из Двинска, в Ригу брату нами еще до войны были посланы вещи, которые могли быть

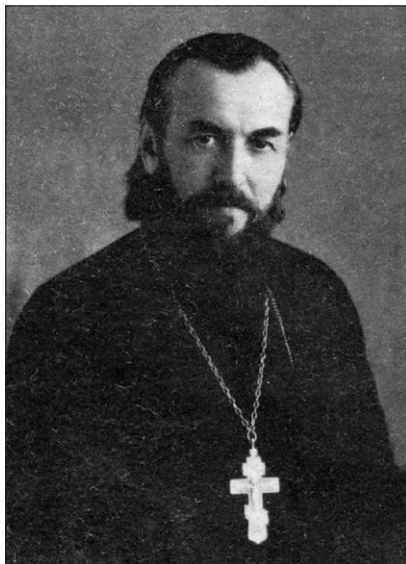
Свадьба старшего брата Александра. После венчания. В центре – священник Николай Жунда. В верхнем ряду второй справа – Леонид Начис. 1937 г.

ему необходимы. Отправленные железной дорогой, в Ригу они пришли уже при немцах, после начала оккупации. Чтобы их потом получить, пришлось долго объяснять ситуацию и предъявлять документы, – к тому времени вновь действительными были прежние латвийские паспорта. Потом уже семья брата переехала в Ригу. Ему же после того, как в августе месяце была образована Миссия, поступило предложение поехать служить во Псков. Как проходили первые полгода его миссионерского служения, – не знаю, но когда я приехал на побывку домой в Гриву зимой, в январе или феврале 1942 года, – тогда стояли крепкие морозы, и мы там встретились, я принял решение ехать с ним. Так, вместе с братом прямо из дома мы поехали на приход села Выбор под Новоржевом, где он тогда служил. Там и началось наше миссионерское служение.

Так, в составе Миссии нам довелось служить во Пскове, Луге, Порхове, Дно. А эта, самая первая поездка наша была в село Выбор, ставшее первым местом моего служения на Псковщине. Добирались туда мы таким образом: сначала ехали на поезде, тогда еще кое-какие вагоны ходили до Острова. К этому времени там как

Во время учебы в Латвийском университете. Слева – Леонид Начис. Во втором ряду стоит Константин Кравченко. Через год им обоим предстоит служение в Псковской Православной миссии

*Протоиерей
Иаков Начис –
брат Леонида
Начиса (будущего
архимандрита
Кирилла)*

раз поселился и служил священник Алексей Ионов, вместе с родственником своим по линии матушки, – шурином, отцом Александром Дрибинцевым, так же молодым священником из Латвии, продолжавшим еще свое обучение в рижской семинарии. Отец Александр с детства рос церковным человеком, – он был сыном известного в Латвии протоиерея Григория Дрибинцева, благочинного Латгальских единоверческих приходов. В Острове они вместе жили и служили в храмах. Здесь у них в Острове, – он лежит в 56 километрах от Выбора, по дороге туда мы и останавливались.

Выбор

В Выборе началось наше священническое служение. Церковь там сохранилась, приход был старым, крепким. Настоятельством там о. Роман Берзиньш, из Риги. Община была активная. В действительности, в селении было (числилось) целых два прихода. У первого прихода храм, – во имя Успения Пресвятой Богородицы, – был огромным и стоял на горе, посреди валов старинной крепости, представляя собой величественное церковное сооружение, большое даже по кубатуре. Вокруг храма возвышались земляные валы – искусственные фортификационные сооружения старой русской крепости, помнившей еще времена осады короля Стефана Батория в XVI веке. В центре стоял кирпичный храм, который полностью сохранился, хотя перед войной в нем некоторое время не служили. При немецком наступлении летом 1941 г., во время боя за село, по колокольне храма выстрелило немецкое орудие, и над окном западного фасада храма снарядом было пробито отверстие. Богослужения начались здесь задолго до нашего приезда. В храме сохранился великолепный иконостас и были даже церковные сосуды. Возможно, первые полгода своего миссионерского служения брат и бывал в Выборе, – не знаю, прежде сюда постоянно приезжал священник из Новоржева, о. Иоанн Троицкий. Активную роль в поддержании храма в хорошем состоянии играла его

сторожиха, Марфа и ее семья. Другой, деревянный, низенький храм, стоявший в том же селе, был в очень запущенном состоянии и имел неприглядный вид. Исторически сложилось так, что часть окрестных деревень относилась к первому, а часть – ко второму приходу.

В церковном плане как все было? Храмы и церковный народ. Народ жаждал молиться, жаждал покаяния. И стали молиться... Верующих, церковных людей не так много оставалось, молодежи тоже не много было – шла война. Но было много человеческой боли, и нужно было ее преодолеть. И храмы были переполнены народом: слезы, молитвы, плач. Так проходили службы. За богослужениями в храме молились истово. Требы все тоже служились в храме.

Также там была своя, особенная, организация немецкой оккупационной администрации. В селе была немецкая комендатура и опорный пункт: стояла небольшая группа, вроде гарнизона – мобильные части, иногда решавшие какие-то текущие вопросы с населением. Все вопросы они решали через переводчика – у немцев был переводчиком русский молодой человек, брат о. Константина Шаховского, из Печор. Брат общался с ним, как с церковным человеком. Русские жители составляли общину, и немцы во внутренние дела не вмешивались. Немецкая политика заключалась в том, чтобы русские сами управлялись, и из местного населения, преимущественно молодежи, были набраны добровольцы, из которых были составлены вооруженные группы с целью оказания помощи немцам по несению охраны. По-немецки эта охрана, – военное объединение, состоявшее из местных жителей, называлась «Einheimischen Kampf Abteilung», сокращенно «ЕКА», что в переводе с немецкого означало «Местная военная часть». Жили они на казарменном положении и на рукавах носили повязки с буквами «ЕКА». Немцы наделили их определенными правами, поддерживалась какая-то дисциплина. У них была своя кухня. Из этой кухни сторожиха храма подкармливала нас, приносила щи, суп, другую еду. В народе эти части по надписи на рукаве стали называть «ЕКА-шниками»... Спрашивали: «Кто же они такие, – эти

Село Выбор. Городище. Вид с юга. Фото 1960-х гг.

ЕКА?» – и сами объясняли, – «Европейский Карательный Атрад». Вот такие были ЕКА-шники. Потом, когда появились партизаны, и между ними и этими частями происходили бои, их стали называть «ЕКИстами»... Но это было уже гораздо позже, сначала (первый год) в крае, где мы служили, никого, никаких партизан не было. Старосты были деревенские, потому что немцы стремились под их управлением объединить население. Так, староста отвечал за деревню, и все управление шло через него. Зимой старосты были обязаны обеспечивать расчистку от снега дорог для прохождения по ним немецкой техники.

**Окрестности Выбора. Новоржев. Вехно.
Маршавицы. Сигорицы. Воронцово**

В отношении церковных дел было так: из Выбора нас стали приглашать в окрестные деревни и села, соседние приходы, мол, там или там надо послужить, и мы стали ездить по окрестностям. Все дальше и дальше налаживалась церковная жизнь. За Выбором – Новоржев, под Новоржевом Турово, – и там мы потом побывали. Неподалеку от Выбора в погосте Владимирец сохранился храм, – там церковь старинная была. Жили там дочь прежнего священника, – она работала акушеркой, и его племянница, – учительница. Когда мы к ним приезжали, они нас всегда принимали, по-доброму опекали, очень внимательно к нам относились. В Новоржеве служил о. Иоанн Троицкий – старый священник, рассказывавший, как до войны складывались его отношения с властями. Вызывают его (или во время ареста), спрашивают: Поминаете ли вы в церкви советскую власть? Нет, – отвечает он, – не поминаю. «Почему? Вы против советской власти?» «Да нет, – это советская власть против нас. Потому, как если мы вас, советскую власть будем помянуть в церкви, – вам противно будет...» Так он говорил. Ходил он всегда в рясе и шляпе, плохо слышал. Много лет ему было...

Службы в Новоржеве проходили в полутемноте, – стекла в храме были выбиты и закрыты чем придется.

Новоржев был основным приходом о. Иоанна, хорошо помню летние службы в этом храме. Народу много собиралось на службу. Кроме того, родственник его, человек очень благочестивый, – диакон, служил в селе Вехно, под Новоржевом. Там было красивое озеро, каменный храм. Люди съезжались и туда. Жила там одна старая монахиня, хорошо помнила церковную службу, пела. Священника в приходе не было, служил диакон. Однажды о. Иоанн, узнав, что этот диакон в Страстную пятницу за богослужением выносил плащаницу, сказал ему: что же это ты плащаницу выносишь, когда есть я. Однако, возможностей часто выезжать из своего прихода у него не было. Мы в Вехно бывали не раз. Хорошо помню, на этом приходе, – это была приходская церковь, были крепкие христиане. Был еще приход в селе Гри-

Село Выбор.
Церковь Успения
Пресвятой
Богородицы.
Фото 1968 г.

вино, – церковь, отдельный храм, – располагалось оно от Новоржева дальше на восток.

Неподалеку от нас, не доезжая Острова, был приход Маршавицы. Через него как раз проходила дорога на Псков. Псаломщиком здесь, а также в соседних приходах Сигорицы и Владимирец, где не было духовенства, служил Василий, фамилии его не помню, он же был и регентом, – управлял хором. В селе был значительный церковный центр, певчие были. Они держались его, вместе ходили по окрестным селам. Экзарх митрополит Сергей предполагал поставить его кандидатом на место священника, благословил ему готовиться к принятию священного сана. Уже была назначена хиротония его, когда пришло известие о том, что он убит партизанами...

В Сигорицах (селе, лежавшем километрах в 14 к северу от Выбора – *Ред.*) был церковный староста Георгий, очень благочестивый человек, – он тоже был убит партизанами. Народ его любил, до войны он был председателем колхоза, народ его сам избрал в председатели при советской власти. В годы войны он был старостой села и церковным старостой. Убили его по принципу: «Раз с немцами работает», – а он с немцами должен был по роду своей должности общаться, – и туда, и сюда поехать, какие-то дела решить. И в церковные старосты его люди выбрали...

Маршавицы, на восток от него – Сигорицы. Дальше, за Маршавицами на юго-запад лежало село Воронцово. Там сохранился деревянный храм, – в целом жизнь на том приходе была не богатой. Староста из Воронцова сам нас принимал: когда приглашал нас, приезжал на лошади за нами в Выбор, привозил на службу в село, и сам потом отвозил обратно.

Шоссейную дорогу возле этого села пересекала

железная дорога, шедшая из Пскова на Пушкинские (Святые) Горы, где служил также один из священников-миссионеров, – о. Владимир Толстоухов. Поезда по ней не ходили: в это время, при немцах ее стали разбирать, и сейчас эта железная дорога не существует.

Погода, зимой в особенности, стояла разная: то мороз, то оттепель, грязь. Вопрос с обувью народ в селах и деревнях решал так: носили валенки, их валяли по деревням всю зиму, – зима была долгая. На валенки делали резиновые колодки из автомобильных камер, – иначе валенки протекут, намочишь ноги, а в грязных мокрых валенках даже в дом не зайдешь... Вот так и ходили...

Немцы и партизаны

Ездили мы летом с братом Иаковом из Выбора по окрестным деревням и приходам на велосипедах. Книжки, сосуды, облачения – на багажнике. Подрясник – с собой. Дорога шла от Острова до Выбора, и дальше – до Новоржева, – еще 18 километров. Эта дорога вся была наезжена нами. Однажды произошел такой случай, он имел место уже в 1942 году, когда стало слышно о появлении партизан. Одновременно с ними в этих краях появились некоторые немецкие соединения, воевавшие с партизанами. Дело было так: едем мы на велосипедах, как видим вдруг – на дороге немцы, – расчет немецкий стоит. Подъезжаем, они останавливают нас, спрашивают документы. Документов у нас нет. Какие документы? Показываем: Вот, видите, – мы с крестом, – миссионеры. Объясняем, куда едем. Расспрашивают подробно, куда именно, что там делаете? Отпускают. Едем дальше... Позже мы узнали, что они стояли там в ожидании партизан.

С партизанами мы нигде не общались, не встречались. Не было их. Вспоминаю единственный случай: мы приехали в один из приходов, какой именно, не помню. Было холодно, стояла суровая зима. После службы там нам сделали угощение, накормили. Хозяин говорит: «Соседи поставили самогон, погрейтесь». – Самогон делали, действительно, очень крепкий, такой, что обязательно согреешься. «А у нас, простите, – угостить нечем. Приходили партизаны, потребовали отдать им наш самогон. Спрашиваю их, батюшка вот должен приехать, чем же мне его угощать? А они отвечают: так посидит. Пришлось отдать, говорю: забирайте». Так что, на счет партизан, – мы с ними не встречались. Хотя где-то, по слухам, между немцами и партизанами даже происходили бои.

Партизаны тоже бывали разные. Бывали партизаны, а были и грабители. Например, в Маршавицах, староста рассказывал, в окрестностях села появились какие-то люди, прятались в лесу, как будто партизаны. Из села отравились крестьяне, стали их искать. Нашли землянку пустую, без людей, а она вся наполнена награбленным по селам: здесь и патефон, и ручные швейные машинки,

и вещи. Так поняли они, что это не партизаны, а разбойники. И такие встречались. Партизаны были где-то в других районах. У нас же с ними встреч не было.

На счет партизан или немцев некоторые люди относили также смерть миссионера игумена о. Андрея Тишко. Он был царский георгиевский кавалер, служил в Латгалии. Помню, он приезжал к нам в гости в Двинск. В книге Сахарова о храмах Латгалии есть его портрет (*Сахаров С.П. Православные церкви в Латгалии. Историко-статистический очерк. Рига, 1939 – Ред.*). В годы войны он был уже стареньким. Митрополит Сергей послал его служить в Миссию, в 1942 г. он был назначен настоятелем Никандровой пустыни под Порховом. Там он умер от болезни. Свидетелей его кончины не было, хоронили его без священников. Это и вызвало слухи о гибели о. Андрея. В Никандрову пустынь приезжали уже после его кончины по просьбе богомольцев другие священники, начальник Миссии о. Кирилл Зайц сам ездил служить.

Еще один случай связан с трагической гибелью миссионера о. Василия Рушанова. Его отец, Евстратий Рушанов, служил в Режице священником на единоверческом приходе. В свое время мы были с ним знакомы еще в Латвии. Есть даже фотография, где мы сняты вместе. Сам он голосистым был. Миссионером он служил в Дно. Однажды, когда нужно было добираться во Псков, ему пришлось ехать в открытом товарном вагоне. Там случайной пулей он был убит. Кто убил его неизвестно, – шальная партизанская пуля, или охрана немецкая. Крест на груди могли не заметить, а по верхней одежде его могли принять за партизана: одет по-крестьянски, волосатый, с бородой. Похоронили его на станции Дно.

Служение во Пскове.

Псковская Православная миссия

После Выбора мы некоторое время служили во Пскове, в Кремле, находясь непосредственно в административном центре Миссии. Служили в Свято-Троицком кафедральном соборе, жили в Кремле, в каменном доме. Большинство миссионеров также жили здесь же, – при соборе были дома, где и помещалось духовенство. Когда мы приехали, здесь уже служили другие миссионеры.

Среди них был отец Сергей Ефимов. Я хорошо знал его еще по Латвии. Когда он строил храм на своем приходе в Пыталово, он объезжал с иконой разные приходы Латвии с целью собрать средства на постройку этого храма. (Выстроенный усердием прот. Сергия Ефимова Никольский храм в Пыталово, – великолепный, деревянный, выдержанный в русском стиле, был освящен в 1931 г., фото см. стр. 250? – Ред.). В бытность его в Двинске мы с ним фотографировались. Потом о. Сергей, как и большинство миссионеров, был арестован, находился в лагере. Уже после лагеря, когда брат, о. Иаков служил

в Риге, он нередко приходил к нему в храм, но сам не служил, а лишь молился. Помню, когда они встречались за богослужениями, о. Сергей всегда предлагал брату свой ладан.

Начальником Православной миссии был протоиерей Кирилл Зайц. Помню его с детских лет. Он был известным в Латвии пастырем, окончившим миссионерскую школу в Петербурге. В Риге в 1920-е-1930-е гг. он издавал журнал «Вера и Жизнь» на русском и латышском языках, журнал-календарь... В 1930-х гг. после того, как его отстранили от богослужений в кафедральном соборе, он жил на своем хуторе под Ригой, где занимался хозяйством, сам возделывал землю. По воскресным дням, в праздники он приходил в собор, но не служил, а стоял среди молящихся. Руки его были поцарапаны и изранены из-за тяжелого физического труда...

Перед войной он снова стал служить. Во Пскове они с матушкой жили при соборе. О. Кирилл возглавлял богослужения, совершавшиеся в нем, перед началом службы выходил встречать архиерея в дни приезда последнего во Псков. Когда в Миссию обращались из дальних мест с просьбой приехать к ним послужить, и никого из миссионеров не оказывалось свободного, чтобы поехать туда, о. Кирилл ехал сам. Помню, незадолго до праздника прп. Никандра Псковского приехали во Псков просить священника для службы в Никандровой пустыни. Место святое, почитаемое народом, – там это большой праздник местный, много должно было собратся почитателей памяти преподобного. А священников нет. О. Кирилл, человек в возрасте, – семьдесят три года уже было ему тогда, садится на подводку, и едет туда, а это на большом расстоянии от Пскова, едет служить. Одет при этом был очень скромно: постоянно в одной рясе и одних сапогах. Другой раз едет на требы в калошах, – единственные сапоги сдал в ремонт. Очень ревностный был

пастырь, чрезвычайно яркая личность. Впоследствии его осудили на двадцать лет лагерей, а поскольку он был преклонного возраста, то там погиб.

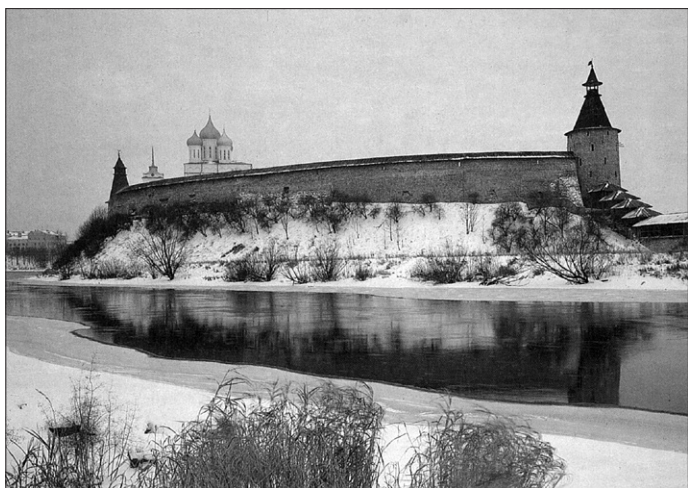
Уже после нас служил во Пскове помощником начальника Миссии протоиерей Николай Шенрок. Он приехал туда со своей семьей: дочерью и двумя сыновьями. После нашего отъезда из Пскова в Лугу они жили в бывшей нашей квартире. Сам о. Николай был из Петербурга, разделил судьбу большинства миссионеров, вернувшись из заключения, служил в Латвии. После своей кончины был похоронен в Сиверской, возле могилы своей матушки. Сын его, Сергей, служил в Миссии, вместе со мной проходил по одному делу, к настоящему времени его уже тоже нет в живых, он умер в 1993 г. Брат же его, Серафим – жив, служит священником в Риге, в Благовещенской церкви, а также восстанавливает храм в Елгаве.

В Миссию во Псков в то время, когда мы там были, также приезжал о. Ливерий Воронов, где был заведующим канцелярией Миссии, однако недолго там пробыл и вскоре переехал во Гдов.

Казначеем Миссии служил Андрей Перминов, вел деловые книги. Он был родственником, – шурином о. Иоанна Лёгкого. Он служил в Латвийской армии. После того как пришла Красная армия, служил в ней. В начале войны попал в плен. В Прибалтике немцы местных жителей долго не держали в плену, вскоре был выпущен на свободу и он. После возвращения домой он встретился с одним своим однокашником, с которым учился в свое время в рижской русской Ломоносовской гимназии. Тот отправлялся миссионером в Россию, и о. Андрей так же, как и он решил поехать служить миссионером во Псков. Потом, уже после войны, его арестовали, дали срок, и он в лагере умер.

Еще один человек, кто попал служить в Миссию, был Костя Кравченок. Мы с ним вместе учились в школе. В Миссии он преподавал Закон Божий. Школа при Троицком соборе была устроена на колокольне. Там проходили и те занятия, которые вел он. Позже мы с ним увиделись уже только после освобождения из лагеря, мы с ним встречались в Латвии. Он к тому времени работал в школе, преподавал физический труд. Окончил институт, женился. Надежда, супруга его, была дочерью старосты Покровской рижской церкви, где потом служил мой брат.

Кроме того, в Миссии служил также мой родственник о. Николай Жунда, он был близко знаком с моим братом и был женат на нашей двоюродной сестре. После того как о. Августин Петерсон, служивший военным священником в Двинской крепости, был хиротонисан в митрополиты, на его месте стал служить о. Николай Жунда, а мой брат там же – регентом и псаломщиком. О. Николай умер в лагере уже после смерти Сталина. Вот такое служение было в Миссии, во Пскове.

Псков. Псковский Кремль – Кром. Слева Свято-Троицкий кафедральный собор. Здесь располагался центр Православной Миссии

Луга. Церковь св. равноап. кн. Ольги. Ее настоятелем в годы войны был прот. Иаков Начис, одновременно являясь лужским благочинным. Разрушена в 1960-х гг. Фото 1909 г.

Луга

В Лугу мы приехали в мае 1943 г., хорошо помню Лугу летом. Сюда брат был назначен благочинным, настоятелем храма св. Ольги и также преподавал в школе. В Луге у нас была квартира, которую мы снимали неподалеку от Ольгинского храма, на шоссе под горой, в пяти минутах ходьбы от храма по направлению к центру города.

Настоятелем лужского Казанского собора служил тогда протоиерей Николай Заблоцкий. Старый священник, окончивший в свое время Духовную академию, в 1930-х гг. он одно время работал в школе. Перед войной оказался в Луге, где и застала его оккупация. Узнав, что он священник, верующие пригласили его служить в открытый поздней осенью 1941 г. лужский Казанский собор, где им и были возобновлены богослужения. Он и другие священники жили в церковном доме при соборе, располагавшемся, как и сам храм, за железной дорогой. Дом потом, после войны, занимали многие священники, служившие здесь. Жили здесь, помню, и о. Михаил Севбо, и о. Михаил Соловьев, – будущий архиепископ Мелитон. Этот дом и сейчас принадлежит церкви. Храм перед войной был приспособлен под библиотеку. К моменту нашего приезда в Лугу там все по возможности было приведено в прежний вид, совершались богослужения.

Ближайшими священниками, служившими в Луге, с которыми нам доводилось часто общаться, были о. Алексей Налимов и служивший с ним протодиакон Андрей Журавлев. Перед войной Луга считалась местом ссылки, «сто первым километром», так здесь к началу войны оказались многие высланные и репрессированные, в том числе и названные отцы. О. Андрей служил в Луге диаконом еще с дореволюционных времен. В

1930-х гг., после того, как все храмы были закрыты, им дали такую работу: оба были ассенизаторами, чистили туалеты в домах. Перед войной оставшихся без приходов священников (храмы, где они служили, были закрыты), брали не на всякую работу. Порой их заставляли исполнять именно такую, нарочито грязную работу, чтобы унижить их сан.

Жена о. Андрея Журавлева, в то время как брат стал благочинным Лужского округа, управляла хором Ольгинской церкви. На соседнем с Лугой приходе, в Городце, служил родственник о. Андрея, о. Анатолий Голубев.

На службы в Ольгинскую церковь приходило много людей. В городе была особенная атмосфера, отличавшаяся от сельской Псковщины. В Луге оставалось немало людей, связанных с Петербургом, те, кто, очевидно, каждое лето приезжал сюда на дачу. Выехав в 1941 г. сюда на отдых, многие так и остались здесь на все годы блокады. Публика здесь была не простая. Многие из горожан, видимо, принадлежали к дореволюционному петербургскому обществу. В разговоре они могли перейти с русского языка на немецкий или французский, хорошо ими владели и свободно на этих языках изъяснялись. Беженцев в городе почти не было, большинство составляли те, кто проживал здесь и до войны.

Воскресенский и Екатерининский соборы в центре города не были переданы Церкви и в годы войны не действовали. Когда брат был благочинным, он организовал концерт церковного хора и диспут-лекцию «Наука и религия» в церкви великомученицы Екатерины, стоявшей непосредственно за собором. До войны в ней был концертный зал, а в соборе затруднюсь сказать что располагалось, – он стоял закрытым.

Во время моего пребывания в Луге у меня была поездка в Гатчину, где мы встречались с о. Михаилом Смирновым. Он приходился родственником прот. Александру Петрову, служившему в годы войны в Гатчине и расстрелянному в 1942 г. немцами. Отец Михаил служил в кладбищенской церкви, той, что сохранилась до нашего времени и сейчас в ней только несколько раз

Интерьер Ольгинской церкви. Фото 1909 г.

в год, в великие праздники, совершается богослужение. Был я у о. Михаила дома. После войны он был арестован, находился в лагере, после освобождения вернулся в Гатчину, но не служил. (В советское время им было получено высшее образование). Матушка его приезжала в Покровский храм в Мариенбурге, когда я там служил, я же ее позже и отпевал. От о. Михаила мне перешел крест, принадлежавший ему, и Евангелие дореволюционного издания, отпечатанное параллельно на четырех языках: славянском, русском, греческом и латинском.

В то время я слышал в канцелярии Миссии также о живших в годы войны неподалеку от нас двух замечательных пастырях: иеросхимонахе о. Серафиме Вырицком и о. Алексии Кибардине, который после войны служил в Вырице. Тогда, в годы войны он служил на приходе Козья Гора. Встречаться с ними мне не приходилось.

Под Лугой действовало несколько храмов, мне довелось посещать некоторые из них. Были мы в приходе Заозерье, лежавшем по дороге из Луги на Медведь, в Смердях (служивший там батюшка умер после войны, находясь под арестом. Он скончался, когда его вели по дороге на высылку. Родом он был из села Югостиц близ Луги, возле Черемнецкого озера. После войны там жили его дочери, певшие в хоре храма в Петровой Горке. Мы общались с ними в те годы, когда я служил на этом приходе).

Помню приход Романщина. Там служил преклонного возраста священник, – ему было около 90 лет. Когда он совершал богослужение, особенность была такая: он всегда стоял не прямо перед престолом, а сбоку. Дело в том, что он всю жизнь прослужил псаломщиком и привык так стоять. Наверное, перед войной он был рукоположен во священника. Внешний вид у него был такой: подрясника на нем одето не было, а вместо него – серый халат, вроде тех, что носят уборщицы, не длинный, чуть ниже колен, как юбочка серенькая. Поверх была одета куртка, короткая, чуть ниже пояса. Скуфеечка, под ней – длинные волосы, и трубка во рту.

Порхов. Спасская церковь. Фото 1964 г.

*Порхов. Крепость.
Церковь свт.
Николая
Чудотворца.
В годы войны
в ней служили.
Позднее закрыта и
обращена в музей.
Фото 1963 г.*

Сам он, несмотря на возраст, был довольно бодрым. Вот такой был священник.

Порхов. Псков. Эвакуация в Латвию

Из Луги осенью 1943 г. нас перевели на другой приход, в Порхов. Переезжали из Луги в Порхов поездом, оформляли для этого документы. Порхов помню мало. Был там, кажется, один действующий храм, в котором мы служили. Служили там кроме нас, еще о. Студентов и о. Иоанн Солдатов. О. Виктор Першин служил в Порхове до нас, мы виделись с ним потом во Пскове. Может быть, в округе действовали еще храмы, не знаю, так как мы были связаны только с одним храмом. Служение наше в Порхове было недолгим, мы там пробыли очень мало времени. Брат вскоре, не знаю по какой причине, уехал оттуда, а я попал оттуда на некоторое время во Псков, в Миссию, и некоторое время преподавал закон Божий в школе, старом здании в центре города; в соседней школе преподавал закон Божий другой псаломщик, Игорь Булгак. В лагере, в Воркуте, мы потом встречались с ним. Со школой он был связан с детских лет, отец его, Петр Александрович Булгак, учительствовал в Двинске, был моим классным руководителем.

В феврале 1944 г. всех миссионеров вывозили из Пскова в Ригу, позже мы оказались в Либаве.

Либава. Епископ Иоанн (Гарклавс). Снова эвакуация

Брат Иаков раньше меня попал в Либаву, получив назначение в местный приход. В Либаве (латышск. - Лиепая), русских было меньше. Раньше здесь стоял гарнизон, располагалась военно-морская база. Выстроенный еще тогда, в царское время, в порту Морской собор был закрыт и не действовал. Богослужения совершались в трех городских храмах: Свято-Троицком соборе, Александро-Невской и Алексеевской церквях. Брат служил в приходе Свято-Троицкого собора, – каменного, вели-

Чудотворная
Тихвинская икона
Божией Матери
(в ризе)

чественного храма, стоявшего в центре города, а также законоучительствовал в местной русской гимназии. Директором ее был Николай Гугович Эльбе, обучение там было совместное. В марте 1944 г. меня назначили псаломщиком на приход, где служил брат.

Отношение к русским здесь было несколько иным, чем в Риге и Латгалии. В городе было много переселенцев (эвакуированных немцами из Северо-Западных областей – *Ред.*). Целые кварталы в центре города, где они помещались, были отгорожены и обнесены колючей проволокой. (См. фото Р.В.Полчанинова на с. – *Ред.*). Так местные власти под предлогом санитарных норм изолировали русских беженцев. Ни в Латгалии, ни в Риге таких мер по отношению к русским беженцам не предпринималось. Это было особенностью Курляндии.

Первоначально у меня была возможность бывать в Риге, однако, вскоре распространились известия, что Рига отрезана, и путь оттуда в Либаву был только по воде. Так, после последнего в то время моего посещения Риги, пришлось возвращаться оттуда морем, – плыть по воде. В конце лета, когда фронт подошел к Риге, в Либаву приехал епископ Рижский Иоанн (Гарклавс) с матерью и приемным сыном Сергеем. Владыка Иоанн был родом из Курляндии, где родился в латышской семье. Прежде он служил священником здесь, на своей родине, в приходах Талси и Дундага. Он не был женат, детей у него не было. Его приемный сын Сергей, мальчик 16-ти лет, приехавший с Владыкой, был в годы войны взят им на воспитание, очевидно из числа беженцев, потерявших своих родителей. В годы войны это было распространенной в Латвии практикой, предпринимавшейся многими семьями и даже организациями с целью спасения русских детей. Так, например, Рижский монастырь брал на воспитание детей беженцев или детей, потерявших родителей. Отец Николай Харитонов, настоятель рижской Благовещенской церкви, взял на воспитание девочку-сироту.

Я давно знал Владыку Иоанна и его семью, поскольку он в семинарии учился с моим братом, еще будучи священником. В годы войны митрополитом Сергием (Воскресенским) он был поставлен во епископы.

Одновременно с прибытием Владыки в Либаву была привезена чудотворная Тихвинская икона Божией Матери. Примечательно, что в город икону доставил не архиерей, а немецкий представитель Герингер, курировавший церковные дела. Икону поместили в Троицком соборе, где все дни ее пребывания в Либаве (один-два дня) и совершались службы при большом стечении молящихся. Среди богомольцев были и местные жители, но особенно много беженцев-переселенцев.

Как позже мне рассказывал диакон Михаил Яковлев, также бывший в это время с Владыкой и сопровождавший позже Тихвинскую икону вместе с ним в Германии и Чехословакии, уезжать с родины Владыка Иоанн не хотел, говоря: «Зачем я поеду туда, где и кем я там буду», высказывая желание остаться в Латвии, каким-нибудь образом избежав эвакуации. Владыка хотел спрятать икону и никуда не ехать, тем более, что Курляндия к тому времени была полностью окружена советскими войсками. Однако обстоятельства, судьба святыни и сопровождавших ее сложились иначе. В августе-сентябре чудотворный образ Божией Матери покинул Латвию. Прекрасно помню, как чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери вывозили из Либавы, – это происходило на моих глазах. Помню старосту Алексеевского храма в Либаве, куда перед эвакуацией икона была перевезена из Троицкого собора. Он имел какое-то отношение к эвакуации. Отъезд их не афишировался. Увозили икону без нас, – духовенство и причт Троицкого собора в этом участия не принимали. Все время пребывания в Либаве и на момент отъезда икона была в ризе. Прибывшая морем в Либаву из Риги чудотворная икона и вывезена была морским путем. Дальнейший путь ее лежал в Германию, позже икона оказалась в Америке.

Осенью 1944 г. продолжать оставаться жить в городе стало беспокойно. Либаву, как и всю окруженную Курляндскую группировку немцев, сильно бомбили. Большинство горожан покинуло город, перебравшись в окрестные селения. Я выехал в сельскую местность. Брат тоже покинул город, проживая на хуторе. В ноябре-декабре немцы дали предписание всему местному населению покинуть Латвию. Началась эвакуация. Остаться дальше на хуторе было нельзя. Во время эвакуации немцы забирали всех подряд, горожан, хуторян, и не спрашивая, вывозили в Германию. В число таких сельских жителей, которые оказались в числе изгнанных с хуторов и попавших в эвакуацию, был и я. Вместе с местными жителями в конце декабря 1944 г., – тогда еще ходили какие-то суда, на немецком пароходе нас вывезли в Германию.

Кёнигсберг. Руины королевского замка (южная часть). 1944 г.

«Стой! Въездной контроль. Крепость Кёнигсберг» – указатель на въезде в город-крепость. Апрель 1945 г.

Кёнигсберг. Штурм города. Тюрьма Тапиау. Лагеря. Освобождение. Новый арест.

Плыли мы до Пиллау, (Восточная Пруссия), откуда нас с вещами перевезли в Кёнигсберг, где разместили в школе на восточной окраине города, в районе Кальтхоф. Жили мы в школе. Рядом с ней располагалось имение, в котором семьи эвакуированных занимались сельским хозяйством, работали на земле. Я занимался с детьми беженцев в школе.

К самому концу января к городу подошли советские войска, они стояли на его окраинах два с половиной месяца. Сначала советская армия окружила Кёнигсберг и город стал фронтовым. С конца февраля пошла стрельба, начались бои за город. Однажды мы спрятались от снарядов и огня, когда были найдены немцами в городском квартале и препровождены в лагерь для беженцев. Неподалеку от нас находился общий польский лагерь, к ним со стороны немцев было крайне плохое и бесчеловечное отношение. К латышам в нашем лагере с их стороны было отношение более снисходительное. Одному латышу удалось договориться о направлении 15 человек из нас на подсобные работы, в связи с чем нас из лагеря выпустили. Немцы разместили нас в поселке, состоявшем из 50-ти железобетонных барачков, незадолго до этого специально выстроенном для эвакуированных с востока беженцев (перемещенных лиц) на одном из пустырей на окраине города, и пока пустовавшем. Мы заняли пустые квартиры, добровольно предложенные немцами, и некоторое время жили там.

Неподалеку располагались форты, в которых содержались военнопленные. Среди них были англичане: они

были на особом положении, их поддерживал Красный Крест, и немцы относились к ним корректно и предупредительно. С остальными военнопленными, – это, преимущественно, были итальянцы, они обращались грубо и сурово.

Когда советские войска 8 апреля 1945 г. взяли Кёнигсберг, нас арестовали и вывезли за город, – на сборный пункт, – в лагерь, располагавшийся на одном из хуторов. Приказали копать ямы, два на два метра. В этих земляных ямах можно было только сидеть в полусогнутом состоянии, сверху они закрывались крышкой. Содержали нас по четыре человека в каждой такой яме. Среди арестованных были и русские солдаты, и немцы, и пленные, и гражданские жители. Ямы охраняли солдаты, дважды в день выпускали проветриваться. Работала с нами контрразведка СМЕРШ 50-й армии... Там пробыли мы месяц. Велось следствие, составлялись документы. Через месяц нас вывезли в центр города, собрали в лагерь, после чего под конвоем повезли на сборный пункт, – в тюрьму Тапиау в Восточной Пруссии, откуда в первых числах июня в телячьих вагонах, предназначенных для перевозки скота, доставили в лагерь на ст. Пехлец Рязанской области. Ты не заключенный и не вольный: проверка проходит. Именовались мы «спецконтингент». Позже был лагерь в Коломне и Грозненский лагерь. Освобождение, а затем возвращение в Латвию произошло почти через два года после ареста, только в феврале 1947 года. Через три с половиной года в Латвии последовал новый арест. На этот раз по «Делу Псковской Православной миссии». Приговор был 10 лет лагерей, из которых в заключении я отбыл пять. Домой из ссылки я смог вернуться только в 1956 г.

Церковь Воскресения Христова в селе Петрова Горка близ Луги, где в 1960-х гг. настоятелем служил архим. Кирилл (Начис). С картины, принадлежащей архим. Кириллу

Р.И. Рацевич

ВОСПОМИНАНИЯ О ПСКОВСКОЙ МИССИИ

Знаете ли вы, что такое тоска по Родине? Русских эмигрантов, тоскующих по родине, влекла маленькая Эстония, потому что в восьми километрах от г. Нарвы проходила граница Советского Союза (России) и Эстонии. Вот она, Родина – рукой подать.

Первого мая большая группа людей едет 8 км к границе. Хоть что-нибудь увидеть, хоть на кого-нибудь взглянуть. Но тихо там, ни людей, ни животных, как будто все вымерло. Перед глазами ровное пустое поле, только травка зеленеет.

Помню, в 1932 г. приехала из Франции в Эстонию мать Мария (Скобцова), для которой меня по линии РСХД* просили быть экскурсоводом и сопровождать по г. Нарве. Выйдя на бульвар, откуда с горы открывался прекрасный вид на реку Нарову, деревянный мост, Ивангородскую крепость и Знаменскую горку, откуда уже тянуло Россией, мать Мария спросила: «Далеко ли до границы?» – «Недалеко, семь километров». – «Может быть, сходим?» – «Конечно». И мы пошагали.

Не могу забыть, как мать Мария (Скобцова), наклонившись, выгребла рукой из-под проволоки пригоршню русской земли, пересыпала ее в платочек, повезла как святыню в Париж, где по крошке раздавала русским людям, тосковавшим по Родине.

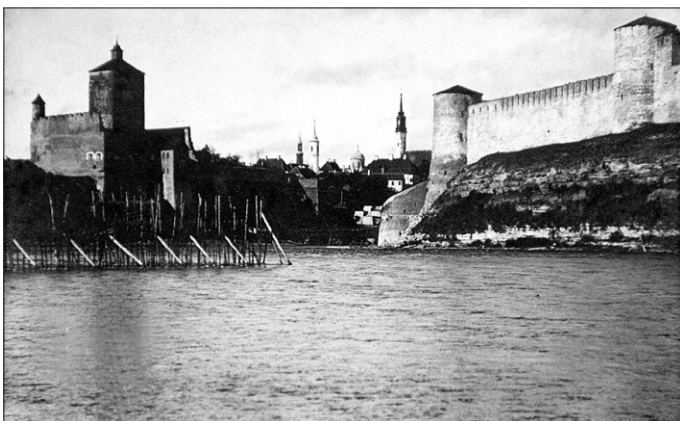
Тоска – откуда она берется? Можно понять существование этого чувства у людей, проживших в России какую-то часть своей жизни, но откуда она у человека, не жившего в России, родившегося вне своей Родины. Удивительно, в более сознательном возрасте, когда ты уже немного знаешь о своей истории, о культуре, созданной твоим народом, вспыхивает гордость за свой народ и ты с гордым чувством говоришь: «Я русская».

В 1930-е годы, живя за границей, где можно было прочесть про все ужасы, которые творились в России: уничтожение храмов и духовенства, голод, коллективизация, уничтожение сильного крестьянства, интеллигенции, создание огромного количества концлагерей, паутиной опутавших Россию, закрывшуюся «железным занавесом» от Запада. Но на Запад все же проникали свидетельства о том, что происходит в России, этого нельзя было скрыть, и люди на Западе, в том числе русские люди, знали если не все, то очень многое. Все это выплескивалось в газеты, и мы, живущие вне России, жадно читая о событиях на Родине, испытывали

нигилизм, выгребла рукой из-под проволоки пригоршню русской земли, пересыпала ее в платочек, повезла как святыню в Париж, где по крошке раздавала русским людям, тосковавшим по Родине.

* РСХД – Русское студенческое христианское движение возникло в среде русской эмиграции и было провозглашено в 1923 г. в г. Пшерове (Чехословакия) на съезде русской эмигрантской молодежи для выработки у русской молодежи христианского мировоззрения, а также для подготовки защитников Веры и Церкви для борьбы с современным материализмом и атеизмом. У истоков его стояли религиозный философ прот. Сергей Булгаков, Н. Бердяев, проф. прот. Василий Зеньковский (Париж). Имело к 1940-м гг. отделения во многих странах Европы, в том числе в Прибалтике.

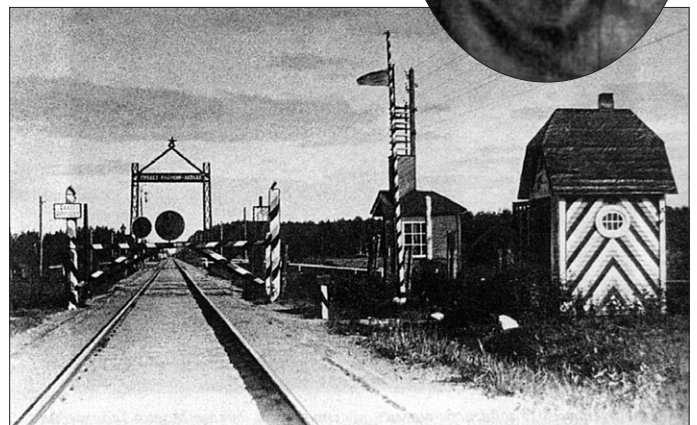
Нарва. Вид с реки Наровы на Германовский замок, Старый город и Ивангородскую крепость

*Мать Мария
(Елизавета Юрьевна Пиленко
21.12.1891– 31.03.1945)*

*Комаровка. Граница Эстонии
и советской России. 1930-е гг.*

Псков.
Свято-Троицкий
собор

чувства жалости и гнева. До нас доходило много патриотической литературы, укреплявшей любовь к Родине. Вот почему мы так мечтали о ней, и когда появилась возможность ступить на русскую землю, кто мог, этим воспользовался.

После оккупации немцами города Пскова многие русские из живущих в Прибалтике устремились туда. В 1941 году направилась туда и Православная миссия, хотя об этом я тогда еще не знала. В 1940 году при занятии Эстонии Советской армией мой муж был арестован*, упоминание об этом давало мне право на въезд в Псков и даже работу – телефонисткой при Arbeitsamte (Служба занятости). Что такое работать телефонисткой, я не знала, но познакомившись, поняла, что дело это простое, коммутатор имел 10-12 выходов – справляться было легко. Комнатой, питанием и небольшой зарплатой я была обеспечена Arbeitsamte – отдел труда находился в самом центре города. Наконец-то я в России. Первая эмиграция жила мечтой вернуться в Россию – для меня эта мечта сбылась.

В свободное от работы время ходила по улицам города и знакомилась с ним. Особенно красивый вид открывался на Троицкий собор, стоявший на берегу реки Великой. Удивляли голые берега – ни одного деревца. Выросшая на берегу реки Наровы, я привыкла видеть приветливые берега, покрытые густой растительностью, хвойных и лиственных пород.

Бродя по улицам Пскова, с возмущением читала на некоторых воротах крупными буквами написанные объявления: «Русским сюда ходить нельзя». Такое объ-

* Первый муж Р.И. Рацевич, известный общественный деятель русского движения в Эстонии в 1930-х гг. Леонид Дмитриевич Матвеев (1912-1941) был расстрелян большевиками в 1941 г.

явление висело и на стене кинотеатра, где толпились немецкие солдаты. Город был какой-то вымерший, людей на улицах встречалось мало, особенно не видно было мужчин. Для русской публики иногда по воскресеньям работал «Летний театр». Тут вначале выступала местная агитбригада, а затем какие-нибудь заезжие гастролеры. Однажды я там встретила певца-куплетиста, которого я не раз видела в Нарве на подмостках кинотеатра «Ске-тинг» – Печерина, который в предвоенные годы жил в Таллинне. Театрик был небольшой, рассчитанный человек на 100-150, но набивался вплотную. Одно время я его часто посещала. Был незабываемый момент, когда какой-то певец пел арию князя Игоря «О дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить». Однажды, прогуливаясь по улице, я неожиданно встретила свою знакомую Зиночку Соловскую – члена РСХД.

Встретились и удивились, увидя друг друга во Пскове. Зина забросала меня вопросами, и один из них был: «где ты работаешь?» Узнав мое место работы, она возмутилась, как можно работать у немцев, когда нам, русским, так нужны люди, и сразу же предложила место преподавателя Закона Божия в школе. Вначале я смутилась – у нас преподавание Закона Божия в школе и в гимназии вели только священники. Но мне объяснили, что священники перегружены своими заботами: восстановлением заброшенных, запущенных храмов, исполнением богослужений и треб, у них совсем нет времени, а я 11 лет изучала Закон Божий и смогу то, что помню, передать детям 7-14 лет. Меня это увлекало и пугало. Знания, хоть и не очень большие, есть, а опыта нет. Хотя, когда ходила на собрания дружинниц при РСХД, являясь отрядовой, приходилось не раз задумываться и подыскивать материал для того, чтобы интересно провести сбор. Зиночка, которая уже работала педагогом и была оформлена при Православной миссии, оформила и меня как работника Православной миссии.

Долго я не раздумывала, и недели через две уже переехала с чемоданчиком в руках в новое помещение. Поселили меня в маленьком домике в Кремле у стен Свято-Троицкого собора. В домике было четыре самостоятельных комнатки, не считая небольшой кухни. Первая комната, самая большая, была использована под художественную мастерскую. Здесь было четверо или пятеро парнишек, которые под руководством Николая Дмитриевича Сабурова – бывшего военнопленного, раскрашивали коробочки, а позже вырезали тарелки. Изделия шли на продажу немцам, охотно покупавшим эти сувениры, а ребятишкам это давало хлеб. Вторая комната, ее даже нельзя назвать комнатой, была настолько мала, что там умещался один письменный стол, за которым постоянно сидел Константин Иосифович Кравченко. Было ли там место для постели, не помню. Он часто бывал в разъездах, видела я его редко.

Следующая комнатка – моя. Одно окно и чуть дальше – пространство, где умещалась кровать, и около окна стол и стул – для одного человека вполне достаточно. Мыться по утрам ходили на кухню, где был кран с холодной водой. Там всегда было холодно – кухня не топились. Следующая комната, чуть больше моей – Николая Дмитриевича Сабурова. Во время войны он попал к немцам в плен, находился в лагере военнопленных в Пскове. В какой-то момент для Православной миссии понадобился художник-реставратор. Получив разрешение, если такой найдется среди пленных, взять его из лагеря, кто-то из Православной миссии пустился на поиски и нашел архитектора-художника. Таким образом, Николай Дмитриевич оказался работником Православной миссии. Работать он мог с утра до вечера, знакомясь с иконописью и, рисуя, делал большие успехи. Сам он говорил, через иконопись он прикасался к вере и, будучи с детства крещеным, но неверующим, начал многое понимать.

В таком окружении начинался мой новый этап жизни.

Итак, я в России (предельная мечта многих эмигрантов), преподаватель Закона Божия. Никакого учебника, но зато есть Евангелие! Помня порядок: Рождество Божией Матери, Рождество Иисуса Христа и т. д., находя все это в Евангелии и опираясь на него, находила слова и памятуя, что сравнительно недавно изучала сама, строила урок. В то время девочки учились отдельно от мальчиков и это облегчало преподавание, т. к. между мной и ученицами очень быстро наладились добрые отношения и уроки проходили легко, особенно со старшеклассницами (14-15 лет). Однажды меня попросили заняться

с детьми первого класса, с которыми постоянно занималась Зинаида Федоровна (Соловская). Придя в класс, я была поражена, все девочки сидели в черных фартучках и у всех на головках были белые бантики. И это в военное время! Сидели они идеально, тишина была – муха не пролетит, все внимательно слушали. Что Зинаида Федоровна была педаго-

гом «милостью Божией», я слышала позже, до войны она работала воспитательницей в детском саду, и вот что мне рассказывала моя знакомая печерянка: «Бывало проходишь летом в хорошую погоду мимо детского сада. Крик, плач, даже драки между мальчиками, часто воспитательницы не видно. А тут же рядом младшая группа ребятшек мирно играет, с ними не отходя находится Зинаида Федоровна, которая тотчас же мирным путем останавливает все конфликты, и нет там криков и плача».

С девочками было легко, но вот меня попросили провести несколько занятий с мальчиками. Первый урок прошел ужасно. В классе был шум, гам, никто ничего не слушал, да и говорить было трудно. Особенно отличались два брата-близнецы, лет девяти-десяти. Вели они себя отвратительно, громко разговаривали, вскакивали, смешили всех, махали руками, а у меня даже и мысли не мелькнуло выставить их за дверь. На следующий урок пришел классный воспитатель, но ничего не изменилось. К счастью, больше двух уроков у меня с ними не было.

Еще два урока провела с мальчиками постарше, лет 13-14, и тоже неудачно. Тут у нас уроки прошли в дебатах, что лучше: колхозы или личное хозяйство. Все это было далеко от Закона Божия, и я почувствовала, что мальчикам нужен опытный учитель-мужчина.

Так я продолжала мирно заниматься с девочками, знакомиться с внутренней жизнью нашего коллектива. К нам часто приходила Зинаида Федоровна, и порой мы, т. е. Зинаида Федоровна, Константин Иосифович,

Николай Дмитриевич и я, ходили к о. Георгию Бенигсену, служившему в Дмитриевской церкви и развернувшему там свою деятельность: помимо большой загруженности по церковной службе, он открыл при храме воскресную школу и приют, в котором находились дети, потерявшие родителей, человек 14-15. С приютом, это было в 1943 году, с его организацией, да еще в военное время было невероятно хло-

Псков. Свято-Троицкий собор. Интерьер. Иконостас. Современный вид

*Псков. Кремль.
Здание Православной Псковской миссии рядом
со Свято-Троицким собором*

потно. Раздобыть помещение, кровати, белье, посуду и т. д., а главное, питание для детей, когда ничего нет. Все это преодолел о. Георгий благодаря своей энергии. Воспитательницами и всеми остальными – кухарками, уборщицами и т. д. – были две сестры Одинокovy из города Печор – Надя и Зина. Интересно, что все мы были членами РСХД – о. Георгий, Одинокovy, Кравченок, Зинаида Федоровна и я. Так, иногда пешком, а это довольно далеко, мы вечером шагали к о. Георгию. Это было единственное место в городе, где можно было собраться и за чашкой чая посидеть, поговорить.

Николаю Дмитриевичу заказали к Пасхе написать запрестольную икону Воскресения Христова. Помню, как это было красиво и торжественно, когда в пасхальную ночь открылись алтарные врата, и сзади над Престолом воссиял воскресший Христос. За иконой была подсветка, что создавало впечатление блистающей, летящей фигуры Христа.

В эту Пасху мы были в церкви и разговлялись у о. Георгия Бенигсена.

* НТСНП – Народно-Трудовой союз нового поколения – политическая организация русской эмиграции. Народно-Трудовой союз был создан во второй половине 1920-х гг. под руководством ген. П.Н. Врангеля среди национально мыслящей молодежи. Юридически оформлен в Белграде в 1930 г. В 1936-1943 гг. именовался Народно-Трудовым союзом нового поколения. Направлен на просвещение молодежи в России в национальном, христианском и антибольшевицком духе. Члены НТС активно занимались самообразованием, принимали участие в культурно-просветительской деятельности в зарубежье, искали пути проникновения в Россию для создания опорных точек движения на родине. В годы войны на оккупированной территории был запрещен немцами. Действовал подпольно, нелегальным образом. Многие члены организации погибли в годы оккупации, будучи расстреляны немцами, иные были арестованы уже после войны советскими спецслужбами.

Не помню, где произошло мое знакомство с Ростиславом Владимировичем Полчаниновым, но он мне сразу же сказал, что является членом НТСНП*, ведет здесь работу с молодежью, что у него есть группа беспризорников, из которых он всеми силами старается изгнать «матерный дух». При следующей встрече он сказал, что поскольку я тоже являюсь членом НТСНП, мне дается задание организовать кружок девочек и вести с ним работу. Этот разговор явился для меня толчком, хотя я сама об этом уже неоднократно думала. Здесь, в России, когда кругом немцы, а история России испоганена и начинается с 1917 года, где в основе интернационал, где и говорить слово «Россия» нельзя – необходимо пробуждать национальное сознание. Надо было найти помещение, где можно было бы собираться. Кто-то подсказал, что пустует большая комната на колокольне.

Организовать кружок девочек было просто, многие девочки старшего класса, где я преподавала Закон Божий, часто бегали ко мне, из них-то я и собрала кружок, к которому примкнули еще некоторые. Вначале собралось человек десять, с ними наводили чистоту и порядок на колокольне, где впоследствии и занимались. Закон Божий преподавался в школе, а здесь – история России. Начали со св. Ольги, тем более, что она родом была псковитянка. Съездив домой в Нарву, привезла учебник истории Платонова, по которому сама стала изучать историю России. Занятия приходилось перемежать играми, маршировкой, надо было уметь ходить строем.* На территории Кремля места было много. От старых времен остались два столба для натягивания волейбольной сетки, мы смогли достать также сетку и мяч. Стали играть в волейбол, благо я сама до этого была большая охотница, как до строя и маршировки.

Иногда к нам на занятия приходил о. Кирилл Зайц и беседовал с девочками. От этих бесед девочки были в восторге. Каждое занятие начиналось и кончалось молитвой. Молитвы мы разучивали, пели песни «Взвейтесь, соколы,

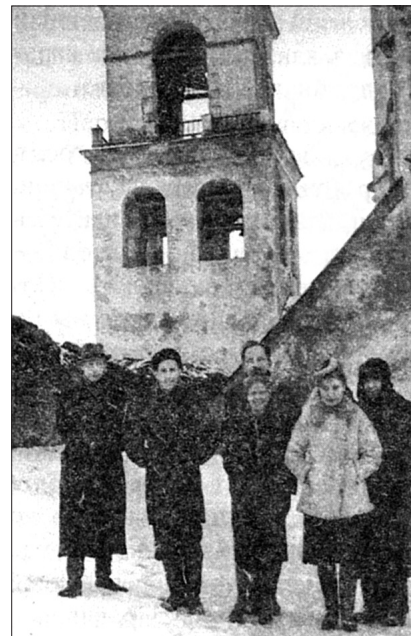
*Здание, в котором помещалась
Православная Псковская миссия. Современный вид.*

орлами», «Как ныне собирается вещей Олег» и другие в таком же духе, под которые хорошо маршировать. Разучили гимн разведчиков «Будь готов, разведчик, к делу честному». Совершили один поход по памятным местам св. Ольги. Собрания проходили раз в неделю, но некоторые девочки целыми днями крутились около нас. Был у нас и праздник, к которому мы готовили небольшую программу: песни и стихотворения. Очень талантлива была Лида – она очень хорошо декламировала. Прошло с тех пор свыше 50 лет и многое стерлось из памяти, в том числе и имена. А Лиду помню еще и по Риге, куда нас эвакуировали из Пскова. Как-то в Риге я встретила с группой девочек, среди которых была Лида. Был жаркий день, и мы оказались на берегу реки. По молодости лет я была несколько легкомысленной и, не зная эту реку, предложила искупаться. Вошли в воду, детей я попросила не отходить от берега, а сама поплыла – плавать я умела. Отплыв некоторое расстояние, оглянулась и, о, ужас, сердце у меня упало. Лида пустилась плыть за мною, но что я вижу: она погружается в воду с головой, видны только руки. «Тонет», – мелькнуло у меня в голове, и я что было силы поплыла к ней, ухватила со стороны спины за талию и стала толкать вперед, дна под ногами не было. «Лидочка, плыви, плыви», – говорила я, подталкивая ее вперед. Слава Богу, ее голова – над водой и руками барахтается. К счастью, берег рядом, еще два толчка – и под ногами у нас песок. Выйдя на берег, я тут только поняла, что могло случиться, и что в этом была бы моя вина. О спасении утопающих у меня представления не было...

Из девочек хорошо помню рыженькую Иру, с которой в начале 1980-х встретила в Нарве, я ее пригласила к себе и целую ночь мы проговорили. Она стала экскурсоводом и возила туристов в Псково-Печерский монастырь. Рассказывала о игумене Алипии, очень твердом независимом человеке. Однажды, когда ему было предложено закрыть монастырь (во времена Хрущева), он сжег его распоряжение и, к счастью, ни закрытия, ни репрессий не последовало. Иногда после экскурсии, вечером, она заходила к игумену, и многое, что узнавала о истории монастыря из его уст, рассказывала туристам. Помню Миру – высокую тоненькую девочку, и еще Леночку Толга. Их я не встречала, но знаю, что Мира сделалась журналисткой, живя во Пскове, она писала мне, от кого-то узнав мой адрес.

Деятельность на колокольне продолжалась. Не знаю, сумела ли я на занятиях передать детям хоть частичку той любви к России, которую носила в своем сердце. Шел 1944 год, после разгрома гитлеровской армии под Сталинградом фронт стал быстро продвигаться на Запад. Чаше над Псковом появлялись самолеты, сбрасывая бомбы. Наконец, Православной Миссии был дан приказ оставить Псков. Для отъезда надо было получить справку, что всеми отъезжающими пройдена

*Группа работников миссии.
Слева направо:
К.И. Кравченко
Р.И. Матвеева
(Рацевич).
Конец зимы 1943 г.*

санобработка. Справка давалась на весь список, с которым я была направлена на вокзал, где должны были только отметить, что все в порядке. Найдя часть, где отмечались, и получив отметку, я отправилась домой, в Кремль. Отойдя шагов двести от вокзала, я увидела над вокзалом и железнодорожной линией в воздухе странные светящиеся шары, остановилась и любовалась ими, ничего не понимая, но наступившая внезапно тишина и бегущие солдаты насторожили меня, и я тоже помчалась по улице, когда услышала над головой приближающийся рев самолетов (позже я узнала, что их было около 250) и грохот разрывающихся бомб. Я бежала и бежала вперед, подальше от бомбежки: бомбили вокзал и железную дорогу с вагонами, наполненными оружием. Прямо надо мной какой-то истребитель стрелял из пулемета по людям, бежавшим вдоль улицы. В это время я увидела раскрытые ворота и, свернув в них, инстинктивно упала на землю и прижалась к ней. Когда на минуту стрельба затихла, я поднялась и бросилась к какому-то дому, где, войдя в коридор, увидела дверь, за которой оказалось маленькое помещение, совершенно темное. Прислонившись к стене, я едва перевела дух. Тут снова начался вой самолетов и послышались разрывы падающих бомб – каждый с воем пролетавший самолет заставлял меня пригибаться, а их было очень много, и я все кланялась, крестясь и творя молитву. Наконец, постепенно все стихло. Выпрямившись и немного придя в себя, я стала оглядывать помещение, в котором находилась – это был маленький коридорчик. Осмелев, я вышла из своего убежища и увидела большой коридор и дверь. Она легко открылась, и передо мной оказалось полуподвальное помещение, по стенам которого стояли мешки, наполненные песком, здесь же находились немецкие солдаты, и я поняла, что это бомбоубежище. На меня никто не обратил внимания и я остановилась,

присев у мешка. Два небольших, почти у самой земли, окна тускло освещали помещение. Временами с воем пролетал бомбовоз, и где-то вдали вновь слышались разрывы, затем снова наступила тишина. Неподалеку кричал раненый человек. Промежутки тишины становились длиннее, и я осмелилась выйти на улицу, чтобы сообразить, где я нахожусь. Вдали виднелись ворота в Кремль – цель моего путешествия. Выждав затишья, я бросилась бежать через площадь и, уже подбегая к воротам, услышала шум приближающегося самолета. Вбежав в Кремль, плотно прижалась к воротам, услышав удаляющийся звук самолета, помчалась к собору. Внизу, в церкви под собором, как в бомбоубежище, сидели члены Православной миссии, не чаявшие уже увидеть меня живой. На следующий день Православная миссия выехала из Пскова. На вокзал шли пешком мимо валявшихся телеграфных столбов, мимо домов с вырванными рамами окон и дверями, валявшимися тут же. У некоторых разрушенных домов горели костры – был февраль 1944 года, вокруг которых стояли и грелись люди. Город являл жуткую картину опустошения и разгрома. Ехали в вагонах с отступающими немецкими солдатами. Вокзал и железная дорога были разбомблены, кругом видны воронки от разрывов, в некоторых местах появились огромные глубокие ямы, указывая на места, где стояли вагоны с оружием отступавших немцев. Поезд готовился к отправке, вот-вот тронется, а у меня еще нет места, где я могла бы приютиться. Передо мной открытая дверь вагона, по стенкам которого пристраивают свое оружие солдаты. Я протягиваю свой чемоданчик и руки, мне помогают подняться в тамбур, так я еду в этом вагоне, стоя, до Печор. Здесь выхожу – выходят все наши. Через несколько часов от Печор подадут поезд с пассажирскими вагонами, в котором мы едем в Ригу. В суматохе я оставила свой чемоданчик с некоторыми вещами и документами в поезде, почему-то больше всего жалела аттестат об окончании гимназии.

В Риге нам предоставили жилье, его было достаточно: это освобожденные квартиры евреев, которых в Риге много и которые находились в гетто. Я видела огромное подвальное помещение, все заполненное мебелью, порой достаточно красивой. Тут все продавалось, и продавцами были евреи. Необходимо было купить кровать, стол, стул. Первый их вопрос был: «далеко ли фронт?». С приближением фронта они чувствовали приближение своей свободы. Что с ними было после, не знаю, но жаль их было очень. В Риге я получила и место работы – машинисткой в Русском Комитете. Началась новая жизнь, появились новые знакомые – коренные жители Риги, в гостях у которых чувствовался устоявшийся годами быт, создавалось впечатление надежности и защищенности.

Фронт был далеко, налетов на Ригу не было. Приближалось лето, и наши знакомые любезно предложили

Девочки с Р.И. Матвеевой (Рацевич) (пятая справа) после уборки помещения на колокольне. Осень 1943 г.

комнату на их даче в Юрмале – на берегу Рижского взморья. Субботние и воскресные дни проводила там. Я настолько успокоилась, что как-то однажды, встретив в Комитете свою нарвскую знакомую и узнав от нее, что все жители Нарвы эвакуированы в Таллинн, а оттуда по разным местам Эстонии, в том числе и моя мама, которая находилась в Mxisakila, я захотела немедленно ее вывезти оттуда и привезти к себе в Ригу. Наступала Пасха и с нею несколько дней отдыха. Воспользовавшись этим, выехала в пограничный город между Латвией и Эстонией и пошла искать местечко Mxisakila. По дороге пела молитвы. Пройдя километров пять, может быть, и больше, я нашла эту мызу, а там и маму. Радость была большая, особенно у мамы, которая никак не ожидала меня увидеть. Здесь она была со своими родственницами. Сборы были недолгими, через пару часов мы шагали на вокзал, а оттуда в Ригу. В Риге она заболела ревматизмом в сильной форме, так, что не могла ходить. Срочно надо было выезжать в Юрмалу на горячий песок. Маму удалось временно поселить в одном маленьком домике, хозяева которого уехали в Германию. Живя там на даче, она даром время не теряла. Часть дня – раскаленный песок на берегу моря, затем лечение муравьями: муравейников было множество в близлежащем лесу. Как проходило лечение, я видела: голыми ногами мама становилась на кучу, муравьи тут же в изобилии бросались на ноги и обливали их муравьиным спиртом. Для здорового человека это была бы пытка, а для больных ног совсем нечувствительно. Она стояла и отряхивала муравьев, чтобы не залезли выше колен. И, о чудо, к осени ее болезнь прошла. Лето 1944 года было чудесное: купались, загорали и как будто забыли про войну, а фронт потихоньку приближался. В конце лета все чаще приходилось слышать об отъезде знакомых в Германию. Поступали предложения уехать за границу, но ни я, ни мама не думали об этом, а в октябре месяце Красная армия заняла Ригу. Арестовали о. Кирилла Зайца, Константина Иосифовича Кравченка,

*Псков.
Свято-Троицкий
собор*

затем Николая Дмитриевича Сабурова, а там и меня. К счастью, мама оставалась на взморье, в маленьком домике. Многие наши друзья и знакомые успели чуть раньше уехать в Германию. С Красной армией пришла контрразведка Смерш, которая здесь все «подчищала», в том числе и Православную миссию.

Первая мысль – за что? Не предавала, на немцев не работала. Какое право имеете вы, такие же люди, как я, сажать меня в тюрьму? Все во мне возмущалось, хотя я давно знала, что сотни тысяч безвинных людей погибли в тюрьмах и лагерях Советского Союза. Трудно передать возмущение, бушевавшее в душе. Меня лишают свободы. На каком основании? На том, что я любила Россию и хотела передать хоть частицу этой любви детям? Вот где приходилось смирять себя. Одно спасение, что никто не может проникнуть в твою душу и увидеть, что там творится.

В 1952 г., когда, арестовав меня второй раз, военный трибунал Красноярского края присудил мне 25 лет, а среди генералов, сидевших за столом, приговор объявлял мне старик, которому было не менее 80 лет, мне это показалось настолько фантастичным, что я подумала: «Эх, старикашка, я-то как-нибудь доживу, ведь мне только 35, а тебе много ли осталось?» Как это замечательно, что никто не может знать, что творится у тебя в душе.

Помню Каргопольлаг, подразделение Осиновка. Высоко на горе, в окружении как море густого леса находится этот лагерь. Туда я прибыла в июле 1945 г. Работы – сельскохозяйственные. Выйдешь из мрачного барака, оглянешься вокруг: красота-то какая! Вот такие места выбирали монахи-отшельники и жили здесь, молясь Богу. Вот и я тихонько про себя помолюсь, и никто не узнает. Помню случай: неожиданная встреча с Юрой Шумаковым, братом Левы Шумакова, члена РСХД, арестованного в 1940 году и вскоре расстрелянного. Однажды вывели нас на уборку картофеля. Погода было чудесная. К концу работы разрешилось есть печеную картошку. Пока другие разводили костер и бросали в него картофель, мы отошли немного в сторону и, делая вид, что подбираем картофель, запели тихонько: «Царице моя Преблагая». У Юры высокий тенорок и музыкальный слух, у меня альт. И так ладно и хорошо поется. В 1946 году ни у кого даже мысли не могло возникнуть, что мы поем молитву. Над нами синее небо, еще довольно высоко солнышко, и кругом лес, лес, лес. Немного в стороне шум у костра, где делят печеный картофель, по штуке получили и мы.

Река Пскова возле Псковского Крама (Детинца)

Архимандрит Алексей (Чернай)*

ПАСТЫРЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Вторая Мировая война и советская оккупация

В начале II мировой войны СССР возвратил Литве ее древнюю столицу Вильну и, вскоре после этого, Литовское правительство пригласило Владыку Елевферия (митрополита с 1938 г.) обратно на свою кафедру, после 17-летнего отсутствия. Встреча его, на которую я поехал, была триумфальной. Собралось все духовенство из Вильны и многих других городов. Многие изменили, ему приняв автокефалию, среди них были близкие и дорогие ему люди. Другие же сделали это просто чтобы избежать притеснений, но оставались верными в душе, и он знал об этом.

После встречи на вокзале, где присутствовали высшие власти и почетный караул, Владыку повезли в Духов монастырь, где он жил раньше. За ним устремились туда все, у кого не чиста была совесть, чтобы испросить себе прощение и не быть в опале, а также все кто мог из оставшихся верными. Вид у Владыки был совершенно изможденный и я только смог приветствовать его и выпить с ним чашку чая, вспоминая бывшее, так как главный зал монастыря был полон людей ожидавших с ним свидеться.

Не долго пришлось Владыке занимать свой исконный и столь ответственный пост... В конце декабря 1940 года мне позвонил Гриша, сын Владыки, чтобы сообщить о кончине своего отца, от простуды, в Вильне.

Я схватил свой велосипед и помчался на вокзал, чтобы не опоздать на скорый поезд. Только успел оставить свой велосипед у начальника станции и вскочить в ужедвигающийся поезд. Когда я прибыл (после пересадки и ожидания в Ковно) в Вильну, и с вокзала в храм, то попал уже на отпевание, которое совершал архиепископ Сергей с сонмом духовенства, в переполненном соборе.

Владыка был погребен в Архиерейской усыпальнице в Духовом монастыре... После погребения Гриша пригласил

* В миру – Александр Николаевич Чернай (1899-1985). Подробнее об архим. Алексии см. «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», вып. 18, с. 53; вып. 23, с. 129-138

Архимандрит Алексей (Чернай)
в бытность его миссионером в
Южной, Восточной и Западной
Африке

сил меня зайти к нему, сказав:

«Папа просил меня передать тебе что-то, после своей смерти».

Когда я открыл сверток – у меня сжалось сердце. Владыка, заменивший мне отца, оставлял мне три вещи: свой иноческий пояс из оленьей кожи, который он носил со дня пострига, свой белый митрополичий клобук и бриллиантовый крест на нем! Какие другие дары мог он оставить мне на память, как доказательство своей привязанности ко мне!..

Кончина Владыки была одной из двух самых тяжелых потерь во всей моей жизни. За одно лишь я несказанно благодарен Господу – Он избавил Владыку от переживания страшных событий после оккупации Литвы Советами, – событий погубивших несметное число невинных людей.

С оккупацией Литвы кончилась наша мирная жизнь. Советы считали попов «дармоедами», запретили всем носить священническую одежду, очень косо смотрели на службы в церкви и

прекратили все платежи духовным лицам. Горько и тяжело было мне одевать светскую одежду и наниматься на работу чинить шоссе. Еще хорошо, что десятником, а не грузчиком тачек. Тем не менее я продолжал ежедневные службы в церкви.

Когда стали притеснять священников, повелевая им снять сан – мой помощник, о. Виктор, не устоял, сделал это и, как в награду, был произведен в комиссары. Его поступок очень сильно огорчил нас и наших верных прихожан.

Работая на починке дорог, я никогда не знал, – что будет со мной самим? Каждую ночь в разных местах города появлялись энкаведисты, делали обыски и арестовывали «неблагонадежных», в особенности весной 1941 года.

Советские воинские части, занимавшие Векшни, не были враждебны и среди них даже было много офицеров и солдат, скорее расположенных к нам. Командир полка, полковник, приходил к нам тайно со своей женой на вечерний чай, проводя время с нами в дружеской беседе, и сам был «тайно верующим». Прежде чем уходить, он

*Митрополит Виленский и
Литовский Елевферий*

я (это был маленький Сережа). – А можно пройти туда? – спросил он? – Пройди, – ответил я и пошел за ним. А он, как вошел – так и остолбенел: матушка, качая, напевала песенку, а в углу, перед большим киотом, теплилась лампада. Григорий постоял и вдруг поспешно вышел из спальни в столовую и разрыдался вслух, закрыв лицо руками.

– Что с тобой, Григорий? – спрашиваю я его.

– Ах, отец, все в душе перевернулось. Вспомнил я мать свою. Она также, как и твоя матушка, качала меньших из нас детей и так же молилась перед иконами. А что теперь! Все вырвано, все растоптано! Вот, отец, смотри, – лезет за пазуху, а слезы текут по его щекам, выворачивает рубаху и показывает зашитый у него крестик.

Григорий вытер слезы, взял винтовку, послал Сандрика посмотреть за воротами – нет ли кого и, сказав: «Прости отец, что заплакал, а полегчало», – пошел шагать, патрулировать...

Вот стали НКВД стучаться и к нам ночью. Заставляя быстро одеться, вели меня на допросы, несмотря на то, что я работал на шоссе. Продерживали до раннего утра с допросами и издевательствами, требовали, чтобы я снял сан перед народом, устрашая, что пропадут четверо детей и жена.

Приведу начало таких допросов, которые повторялись почти слово в слово, каждую ночь, иногда на час, а иногда и до утра. Привожу только суть:

«Каждый советский гражданин, любящий свою родину, должен следовать заветам товарища Ленина – «религия опиум для народа» – если вы любите родину, вы должны это доказать!».

– Чем? – спрашиваю я.

– Тем, что вы, так называемый служитель культа, обманываете народ... Таких у нас называют дармоедами, трутнями, таких сметают, как не нужные элементы! А если хотите быть передовым гражданином – должны отречься от этого опиума, открыто перед всеми! Тогда вы получите доверие советской власти и сможете иметь

посылал моих детей посмотреть – не было ли вблизи патруля, и тогда быстро уходил.

Были случаи, что проходящий мимо нас патруль забежал к нам на кухню и, увидав образ в столовой с горящей лампадой, сам крестился. Звали его Григорий, и он стал частенько заходить к нам и беседовал с моей матушкой.

Однажды он пришел и, не видя матушки, спросил:

– Где она? – Качает в спальне ребенка, – ответил

ответственную работу, как комиссар.

– В Сталинской конституции, – отвечаю я, сказано: «свобода совести». Какую я мог бы иметь ответственную работу, по совести, если б я поступил против моей совести?

– Чем же?

– А тем, что я отрекся бы перед народом от Бога, – народу, которому я проповедовал о Боге. В таком случае, я был бы преступником перед своей паствой и Богом. Я думаю, что такому человеку нельзя было бы доверять. Я не изменю своей вере. Она не мешает мне честно работать сейчас, десятником.

– Вы прикрываетесь этой работой. Служители культа – попы не имеют права ни на какую работу в Советском Союзе.

– Как же понимать свободу совести в конституции и равенство для всех?

– Конституция дана трудящемуся народу, а кто ее нарушает – враг народа, как вы.

– Я не считаю себя врагом народа, потому что я по совести верю в Бога, а не наоборот.

Следователь хохочет при этом. – Ха-ха-ха! А где же ваш бог? Покажите-ка нам его!

– Он в моей душе. Вы не можете Его познать. Он – в добре, в добрых делах, в любви к ближнему. Только чистые сердцем могут видеть Бога. Вы можете делать со мной что хотите, но против своей совести я не пойду.

Снова громкий хохот... Главный допросчик со злорадством впивается в меня глазами, с папироской в зубах. Медленным, раздельным тоном он протягивает: – Можете идти. Узнаете скоро... Кто ваш бог и как он вам поможет.

Вот в каком роде был каждый допрос. Когда я выходил из накуренной комнаты, снаружи уже всходила заря. Голова кружилась от бессонной ночи. Спешил домой, где также не спала в тревоге моя Танюша. Скорее бы ее

*Векшни (Литва).
Приход прп.Сергия
Радонежского.
Здесь
о. А.Чернай служил
в 1931–1944 гг.
Крестный ход,
возглавляемый митрополитом Елевферием
в храмовый паздник
церкви прп.Сергия
Радонежского.
1935 г.*

обнять, успокоить, – а тут надо уже выходить на работу...
Господи, укрепи меня!

Дети еще спали; подходил к кровати сладко спавшего Сережи, проглатывал что-нибудь наскоро и, обняв Танюшу, спешил на работу.

Работа была ответственная – надо сосредоточиться, а ноет голова и мысли вразброс. За малейшее упущение с меня взыщется гораздо больше, чем с кого-либо, да еще припишут саботаж!

В каждую пятницу – прием сделанных и аккордных работ: выемки земли, доставки гравия, в лесу – штабелей, головок камня для мощения. Их вырабатывали из огромных камней в лесу. Сперва их взрывали динамитом, раскалывали на части, и эти части дробились на головки для мощения улиц и дорог. Их складывали в штабели 1-2 кубических метра, которые принимались мною от каждой артели рабочих, большей частью крестьян – специалистов по этой работе. Все вымерялось, подсчитывалось, выводилось в табеле аккордных и сделанных работ.

Обыкновенно приходилось готовить и табель для выплаты, просиживать до поздней ночи (если не забирали на допрос), подсчитывать не один, а несколько раз, чтобы, не дай Бог, не сделать какой-нибудь ошибки, не обидеть кого-либо из рабочих.

По утрам, в субботу, надо было ехать с табелем в Исполком и получить нужную сумму по табелю, для выплаты, которая начиналась с полдня, так как по субботам мы работали до полудня.

Должен подчеркнуть, что рабочие артели относились ко мне дружелюбно, кроме приезжавшего иногда комиссара. Он протягивал руку всем рабочим, здороваясь с ними – мне же не подавал руки, о чем я не жалел, но он всегда старался меня чем-нибудь уязвить и найти какое-нибудь мелочное упущение, вроде того, что тачка стоит не на месте.

Случилось у нас одно происшествие, во время выплаты рабочим, которое мне не забыть никогда... Как обычно, поехал я на велосипеде в Мажейки в Исполком с табелем, приготовленным для выплаты. Предъявив табель, который обычно проверялся заведующим финансовым отделом, получил его обратно с поставленной печатью и соответствующей суммой денег в пачках по 100, 200 и 500 рублей. Не помню точно, сколько было пачек с мелочью по 1 рублю и по 5 и 10 рублей.

Начал я выплату и пригласил помощника, офицера в отставке И.И. Нугайтиса. Он был высокого роста и зычным голосом вызывал рабочих. Выплата шла на дворе нашего церковного дома, так как мы работали вблизи. Он вызывал рабочих по табелю, а я выдавал им деньги. Все шло по порядку в начале; под конец – смотрю – в портфеле из пачек денег осталось только две по 100 рублей. Вынимаю их, кладу на стол, толкаю в бок Ивана Ивановича, говорю ему: «Кажется денег не хватает», а он мне: «Не может быть, вам так кажется, ибо новые пачки», и продолжает вызывать. Я перелистываю табель,

*Матушка Татьяна
(1943 г.) – супруга
священника Александра
Черная*

и о ужас! – еще целый лист на 1.000 рублей, которых не хватает... От волнения кровь прилила к голове и на лбу, чувствую, выступил холодный пот. Говорю Ивану Ивановичу. – Надо приостановить выплату! «Как?» – говорит, а сам побледнел.

– Вот видите, – показываю ему. Он встал и громким своим голосом объявляет: «Товарищи, вышло недоразумение. Мы должны приостановить выплату – нехватает денег». Загудели тут рабочие... Разошлись недовольные, а у меня, так прямо волосы на голове, кажется, дыбом встали!

Начинаю я соображать. Как же это могло случиться? Неужели потерял эту пачку, едуци на велосипеде?.. Докажи-ка теперь! Исполком припишет похищение, саботаж, Бог знает, что еще! Неминуемый арест... Прихожу домой, рассказываю матушке. Она в слезах... Сажусь проверять табель – все мутится в голове.

Были добрые друзья, как начальник полиции, еще не смещенный Советами, и многие другие. Он еще работал, как прежде. Взял он табель с собой, приняв участие, чтобы проверить, видя мое состояние.

Было уже после полуночи, и мы сидели в ожидании, что явятся из коммунистической партии меня арестовать. Начальника же полиции нет как нет, как нет никого и из НКВД, где тоже, наверно, уже знают... Пробыло три уже, утром – служба, воскресенье, а мы сидим, как затравленные.

– Скоро пора служить! – говорю Танюше, а она мне:

– Как ты будешь служить в таком состоянии?

– А может и не придется – арестуют до того.

– Зачем ты взял эту работу? – сквозь слезы говорит Танюша.

– Как зачем? – ведь надо было на что-то жить! Церковь обеднела, все отобрано. По их понятию, я враг народа – так с меня взыщется сторицей, – и продолжаю, – Ведь вот, о. Виктор снял сан, может этим и спас семью. Спокоен теперь, стал комиссаром, а мы с тобой – обреченные. И что будет, если меня не станет?.. Ты, детки?

Тут Танюша встала, подошла ко мне, обняла и сказала: – А я, верю, что Господь не оставит...

Вдруг раздался сильный стук. Я перекрестился, и мурашки пробежали по всему телу. Выхожу в переднюю и спрашиваю: – Кто? – Свои, – отвечает бодрый голос. Открываю – передо мной начальник полиции. Боюсь его спросить, но вижу его улыбку. Поспешно впускаю его и провожу в столовую.

– Ну что? – вопрошаю его.

– Все вы потеряли голову, – говорит. – Вот, батюшка, ваш табель, проверенный мной и еще, для верности, проверял наш бухгалтер. Совершенно ясно – это ошибка Исполкома – пропущен лист или подсчет. Вот вам и ваша пачка в 1.000 рублей! Я бросился к нему и обнял милого нашего начальника полиции.

Теперь, не теряя времени, надо ехать в Исполком – предъявить табель и дополнить недочет...

Просидев с нами еще немного, так как было уже 5 часов утра, начальник ушел довольный и ласково простился с нами.

Подготовив свой велосипед к дороге, приняв работу и проверив рабочих, я заявил им, что еду получить недостающие деньги и что те, кто не получили должное им получают после работы.

Ехал я радостный, словно оправданный. Дорога – 15 верст лесом, птички щебетали. На опушках виднелись зеленые лужайки, поросшие ореховыми кустами. Дорога вилась то вверх, то вниз. Надо было сильно налегать на педали. Катил, вдыхая свежий утренний воздух, полный надежды, вспоминая Танюшины слова.

Вот и Мажейки. Подъезжаю к Исполкому. Вхожу бодро, с полной уверенностью в своей правоте и предъявляю табель с недочетом. Комиссар-бухгалтер недружелюбно взглянул на меня. Говорю – ошибка... недоимка. Он опять взглянул на меня и удалился, сказав – иду проверить. Сижу и жду, как на иголках... Но вот, он появляется – снова молча и, вижу, перелистывая страницы, держит в руках деньги. Затем он выдает их мне и берет с меня расписку. Ни слова больше не проронил... – Прощайте, спасибо, – говорю и покатил обратно в Векшни.

Моя рабочая артель радостно встретила меня, и в их обращении со мной чувствовалась искренность. Они не были еще пропитаны советской пропагандой.

По окончании работ рабочим, не получившим свои деньги во время, было уплачено, и все разошлись с благодарностью и удовлетворением.

Так однообразно проходили дни за днями, но сердце часто сжималось при мысли – что же дальше? Единственным утешением было служение в церкви, но и его, порой, сводило на нет все уменьшающееся число молящихся, особенно молодежи, которую распропагандировали Советы, призывая их войти в ряды комсомольцев и комсомолок. Очень печально было видеть такую быструю перемену в тех, кто еще совсем недавно поддерживал свою церковь.

Опустела наша библиотека-читальня, которую создавал я, с помощью других, годами. Ее реквизировали советские власти для своих надобностей. Не было больше ни спевков, ни репетиций нашего струнного оркестра. Все, все переменялось, и усилия многих лет пропали – как не бывали. С болью смотрел я на молодежь, но сказать ничего не смел. Бывшие помощники, и, казалось, друзья, отстранились, стали чуждыми, но, правда, не все. С невероятной быстротой менялись люди, и все подлинное, что образовывало мировоззрение, давало смысл и цель в жизни – по заветам Христовым – исчезало или пряталось в недостижимую глубину...

Даже я сам, с обстриженными волосами, в куртке и штанах, заправленных в высокие сапоги, шагал с записной книжкой и меркой, был сам на себя не похож. Некоторые из моих бывших прихожан с прицепленными красными ленточками, приветствовали меня словами: «Ну что, батюшка, работать надо – прошло то время!». Такие приветствия резали меня, как ножом... Ни на что нельзя было отвечать, а то донос и тут же – расправа!

Дома, приходя усталый, тоже никогда не знал – пройдет ли ночь спокойно – или потащат к допросу. Спал, как заяц, прислушиваясь к каждому шороху, а как услышишь звук мотора на улице, так поневоле вздрагиваешь; если же проедет мимо – с одной стороны, камень отваливает от сердца, а с другой – стыдно становится, ведь другого ожидает беда!..

В мае 1941 года – новые тревоги и бессонные ночи. Начались вывозы «неблагонадежных» в Сибирь. Их забирала в полночь или позже, чтобы не слишком привлекать внимание других жителей. Так приехали к нашему соседу, доктору с его семьей. Слышим говор, прерываемый плачем и стоном – значит грузят всю семью... Сидели и мы на узлах, в ожидании нашего череда...

Сестра Веры Павловны Зубовой скончалась перед войной. Осиротевшая Вера Павловна продолжала вести все, что оставалось от хозяйства. Она была одной из первых, попавших в списки на выселение, и очутилась в тесно набитом людьми товарном вагоне, где не было места ни сесте, ни лечь, и так – без еды и воды – вывозили «неблагонадежных» в неизвестном направлении, тысячами. Много лет спустя, я узнал от одной женщины, вернувшейся из лагеря в Сибири и переписывавшейся с друзьями за границей, что Вера Павловна приняла яд в самом начале пути. Не мне винить ее. Мир светлой ее душе! Каждый день составлялись новые эшелоны, и по ночам происходили вывозы. Донеслись до нас сведения, что очередь за нами. Куда бежать?.. Ждали и молились. И вот, вдруг тревога в советских учреждениях и спешная погрузка Исполкома. Ничего не понять. В воскресенье служу. Днем вижу, что все работники совучреждений уезжают. Думаю – что же неладно? И вдруг, узнаю, что война! Гитлер объявил войну Советскому Союзу – только что услышали это известие по радио. Немцы уже перешли границы СССР.

Осенью себя крестом. Неужели пришло освобождение от советского ига? В нашем городке больше нет никакой, никакой власти... Местное население организует самозащиту из складов оружия, оставленного советскими властями. Раздаются винтовки и патроны всем могущим носить оружие и пользоваться им. Организуется комитет самообороны из молодых людей. Из бывших военных Литовской армии составляется своя охрана-полиция; назначаются дневные и ночные дежурства – патрулирование по городу. У каждого патруля белая повязка на левой руке.

На душе стало немного спокойнее – хоть какая-то власть и охрана всем жителям. Комитетом возвращаются все радиоприемники, реквизированные советскими властями, все бросавшими в панике. У здания полиции теперь «Комитет самообороны», толпится народ и туда впускают по несколько человек, опознающих свои аппараты. Все спешат получить их, чтобы слушать – что происходит в столице, Ковно и так же на фронте боевых действий.

Проходя по улицам, слышишь, чуть ли не из каждого дома, последние новости, через растворенные настежь окна. Все мы слушали сведения, которые руководили решениями нашего «Комитета». Все были в возбужденном состоянии, многие радовались, но не было никакой уверенности ни в чем. Жили со дня на день в надежде, что, чтобы не случилось – хуже, чем при Советах, быть не могло. Вскоре узнали по радио, что в Каунасе образовано Литовское правительство и вся столица разукрашена национальными флагами, и во всех радиоприемниках звучал литовский национальный гимн. У нас, на площади, состоялась церемония поднятия литовского флага под пение собравшихся литовцев. У многих были слезы на глазах.

Все это очень подняло дух в городе, появились всюду флаги, и настроение большинства стало почти торжествующим. Все поздравляли друг друга с освобождением от ненавистой власти. Мы тоже радовались с моей матушкой, но в душе у меня было предчувствие новых бед...

Тем не менее, можно было лечь спать спокойно, не прислушиваясь к бою часов и шуму моторов. Тревожило меня здоровье Танюши, она плохо выглядела, слишком много пережив, когда меня уводили на допросы, но бодрилась и на мои вопросы отвечала только, что немного переутомилась.

На колокольне нашей и также католической церкви были установлены наблюдательные пункты с дежурствами, так как оттуда было лучше всего видно вдаль и быстрее можно было передать всем в случае появления каких-либо войск. Все было тихо несколько дней, но вот настало утро, когда только начинало рассветать, когда мы слышали ружейную стрельбу. Нельзя было понять, кто стрелял и откуда, как будто у берега Венты (Виндавы). Я направился туда, вижу – бегут патрули, машут руками. Я остановил их, спрашиваю о причине, они отвечают, что отряд – часть разбитой советской армии, был замечен

на другом берегу реки и встречен выстрелами наших патрулей.

Отряд поднял белый флаг и сдался. В нем было 40 человек. Солдаты были голодны, измучены и потому сдались. Их поместили в бараках, построенных литовскими рабочими при оккупации. Комитет быстро сделал сбор продуктов и солдат накормили... Через несколько дней их разместили по хуторам, как работников. Им посчастливилось не попасть в плен к немцам и не числиться в списках.

Прошло еще два, три дня... Было тихое утро. Ни одного облачка на небе. Все предвещало чудный день. Против нашего дома возвышался большой трехэтажный дом настоятеля католического костела, каноника Новицкого, с которым я встретился в то утро и на скамейке перед его домом мирно беседовал о происходящем. Каноник Новицкий был осанистый, красивый старик с приветливым лицом, величавой походкой; высоко образованный, умный и очень интересный и занимательный собеседник. Он совсем не был шовинистом, как большинство ксендзов, и у нас с ним были дружеские отношения за десять с лишним истекших лет.

Танюши с детьми не было в Векшнях в тот день. Я отправил их к знакомым в их усадьбу на всякий непредвиденный случай, зная, что им будет лучше в деревне, чем в городе, пока не выяснится положение.

В полдень наш дозор на колокольнях заметил поднявшуюся на шоссе пыль, а затем – приближающиеся военные грузовики с воинскими частями. Раздались крики: «Немцы! Немцы!». Но, увы, – въезжала в Векшни вооруженная часть войска НКВД. Спрыгнув с грузовиков, они стали срывать флаги, хватать людей и ставить их «к стенке», расстреливая кого попало. Так сразу убили сторожа гимназии, и вместо литовского флага повесили красный над входом в гимназию... Ворвавшись в дом каноника Новицкого, схватили его и, подгоняя штыками, повели к кладбищу, где зверски расправились с ним, заколов его штыками, и бросили в канаву. Было много других жертв. И на все это потребовалось не более двух часов.

Бог спас меня. Совсем случайно я решил после беседы с каноником пойти в наше село за свежим хлебом – три версты от города. Не подозревая ничего, я возвращался, нагруженный буханками. Вдруг, вижу, бежит какая-то женщина навстречу мне. Смотрю – это наша соседка, и машет руками. А она, добежав до меня и задыхаясь, рассказывает, что случилось: «Нашего закололи, вас ищут; все в доме перевернули, искали в амбарах и допытывались у меня... А я, зная, что вы пошли на ферму, побежала вас предупредить... Прячьтесь, батюшка – где угодно, только не возвращайтесь», – и разрыдалась...

– Спасибо, спасибо тебе! – было все, что я мог сказать – так велик был шок. «Бедный мученик!» – подумал я, содрогаясь от мысли, что та же участь чудом миновала меня.

Куда идти? К матушке с детьми – опасно; в город – безумно. И я брел по тропинкам среди полей, удаляясь

Векшни. Культурно-просветительский кружок русской молодежи. В центре – свящ. Александр Чернай, рядом – проф. Иван Петрович Корсаков. 1930-е гг.

от Векшней, и добрел до озера, обросшего высокими камышами. Все было безмолвно здесь, кроме всплесков воды да криков диких уток. Мирно заходило солнце и трудно было поверить, что близко произошли и, быть может, еще происходят такие ужасы...

Пробираясь среди камышей, я нашел подходящее укрытое место, устроил себе постель в самой гуще и вытянулся, глядя на темнеющее небо – слушая кваканье лягушек, треск кузнечиков и ускоренное биение своего сердца. Так я провел ночь, благодаря Бога за избавление.

Утром я все-же решил пойти к Танюше. Дул ветерок. Вокруг, отходя от озера, – ни души, только поля да леса, и вспомнилось мне из Иоанна Дамаскина – «Благословляю вас леса, долины, нивы, горы, воды – благословляю я свободу и голубые небеса...». Все было, кроме свободы. Так шел я долго, задавая себе вопрос: отчего так прекрасен мир Божий и зачем такие жестокие есть в этом мире люди? Ответа я не нашел и положился во всем на волю Божию.

Завидев издали усадьбу, вышел на дорогу и направился прямо к дому, ускоряя шаги, чтобы поскорее узнать – в целости ли все?

И вот, вижу, – бегут навстречу мне детки мои, кричат: «Папа, папа!», а за ними Танюша; видно, все поджидали меня. Но на лице Танюши тревога. Спрашивает – как все было? Рассказываю ей, а она плачет: «Мы, – говорит, – должны сразу уезжать отсюда, так как здесь коммунисты могут предать тебя и нас тем, кто учинили террор в Векшнях».

Пока мы разговаривали, подошла к нам хозяйка дома, чтобы сказать, что позвонили из Векшней и сообщили, что части НКВД уехали в тот же день и больше не возвращались. Она советовала нам остаться у нее и приглашала от всего доброго сердца, но мы не хотели ничем рисковать, чтобы наше присутствие ей не повредило. В тот же день, усадив мою матушку и детей в тележку, повез их обратно домой, в Векшни.

Невдалеке от нашего дома нас встретила наша «полиция» из добровольцев, по охране города. Они очень почтительно приветствовали нас и сопровождали до нашего дома. «Все спокойно теперь», – уверяли они нас. Сразу, по прибытии, я поспешил в храм; войдя в алтарь, припав ко св. Престолу, со слезами молился, благодаря Господа за Его милосердие, чудо избавления нас от насильственной смерти. Это было в июне, когда началось наступление немцев.

Немецкая оккупация

В июне 1941 года немецкие войска заняли Литву. Векшни находились в стороне от главных шоссе и в начале, после оккупации Ковно и других узловых городов, все было тихо у нас. Немцы не появлялись, хотя мы знали из газет, что находимся под их властью.

Реакция на вторжение немцев в Прибалтику, и в частности в Литву, была тройкого рода. Большинство русских хуторян и литовских фермеров, испытав на себе советскую власть, были уверены, что как бы то ни было, под немцами не будет ни коллективизации, ни вывозов и поэтому под ними может быть только лучше, если уж невозможно сохранить независимость Литвы.

Горожане и верующие люди радовались прибытию немцев, веря в их гуманность и образцовую дисциплину, и, главное, потому что немцы не были безбожниками, но поощряли развитие религиозности и не разоряли, а охраняли церкви. Боялось и с тревогой ожидало прихода немцев наше многочисленное еврейское население. Отношение Гитлера и его соратников к евреям и гонения на них в Польше, после ее захвата, не были секретом. Наши евреи, среди которых у нас было много друзей, знали это, но старались убедить себя, что происшедшее в Польше не могло повториться в Литве. Мы были того же мнения, и они жили этой надеждой.

Когда первый эшелон немцев вступил, или вернее, приехал на велосипедах в Векшни, их встретили с цветами, пивом и устроили им почти что овацию. Поведение победителей было безукоризненное – расплачивались и благодарили за все, как «по настоящему воспитанные люди».

Так продолжалось недолго – только до появления гитлеровских «опричников» – СС. Они открыли сеть комендатур по всей стране, имея отделение и у нас, и стало явно, что верховная власть принадлежит им. Началось с гонения на евреев. Всем евреям было велено зарегистрироваться в комендатуре, где им выдали опознавательные знаки, которые они должны были носить на себе, поверх одежды. Им было велено держать ставни домов закрытыми день и ночь и не выезжать с места жительства.

Многие люди стали опасаться дружить с евреями – открыто, по крайней мере. Затем начались вывозы евреев в неизвестном направлении. То было повторение ига энкаведистов. Некоторых вывозили, других просто забирали ночью и расстреливали в лесу, откуда доносилась стрельба из пулеметов. Происходили душераздирающие сцены на

вокзале, где на запасных путях, в переполненных вагонах, ждали жертвы, предназначенные на истребление. Одних ждало истребление медленное – на работах в лагерях, других быстрое – в газовых печах.

Не все боялись показать свое расположение к евреям. Моя матушка и некоторые другие женщины ходили на вокзал, нагруженные хлебом и, главное, водой, так как люди страдали особенно от жажды, находясь в духоте. Они убеждали охранников или давали им вознаграждение, чтобы им разрешили подойти к решеткам и отдать приносимое, как делали это и во время насильственных вывозов при Советах. Одни разрешали, другие прогоняли...

Такие крохи едва ли могли многим помочь таким скоплениям людей, но это, все же, была большая моральная помощь!

Эсэсовцы занимали главные посты, но их не хватало на всю администрацию и им приходилось пользоваться литовскими «шаулистами» (национальной гвардией) для управления и выполнения их приказов.

Советские власти покинули Векшни так спешно, в панике, что оставили многие секретные документы, среди них – списки доносчиков, по информации которых тысячи людей были вывезены как «нежелательный элемент».

Шаулисты имели доступ к таким спискам и не скрывали, кто в них находится. И вот, к нашему великому огорчению, оказалось, что о. Виктор, ставший комиссаром, после того, как он снял сан, стал одним из доносчиков, а также и его матушка. Эсэсовцы, считая всех, кто был за советскую власть своими врагами, не препятствовали шаулистам и родственникам пострадавших мстить этим доносчикам – как им вздумается.

Когда у нас воцарились немцы, мой бывший помощник о. Виктор Мажейка снова одел рясу, и хотя не служил ни в какой церкви, а заведовал большим складом, уверял всех, что снял сан только, чтобы спасти семью и никогда, ни в чем не помогал Советам. Списки доказывали обратное. Группа шаулистов явилась к нему на работу и, тыкая ему в лицо копией списка вывезенных с его собственноручной подписью, тут же прикончила его.

Они не удовлетворились тем, но отправились на дом, где была его жена с двумя детьми. Она не подозревала о цели их прихода и о случившемся с ее мужем всего за полчаса до того и приветствовала их, как ни в чем не бывало, даже предложила им чашку чая или прохладительный напиток. С ней была одна моя прихожанка, которая рассказала нам все. Ее малолетние дети были тут же.

Шаулисты, вместо ответа, сунули ей под нос список, как и ее мужу, сказав, что пришли расправиться с ней. Она страшно побледнела и на коленях стала умолять о пощаде. Когда ей приказали встать – она не двинулась с места. Тогда один из шаулистов подошел к ней, схватив за волосы, поволок ее из комнаты. Она дико кричала, прося пощады ради детей. «Ты не думала о детях тех, на кого доносила!» – закричал на нее кто-то другой. Раздался

сильный удар прикладом, затем выстрел, и все смолкло...

Моя прихожанка схватила обоих детей и побежала к моей матушке. Никаких родных у них, кроме родителей, в Векшнях не было, но нашли адрес родителей жены о. Виктора, в деревне, где-то под Ковно. Моя матушка приютила их на несколько дней. Дети – мальчик и девочка, не понимали, что случилось, и все плакали, призывая свою мать... Мне пришлось везти их одному. Танюша не могла отлучиться в довольно далекое путешествие. Как я ни уговаривал их и ни совал в рот леденцы – малыши были безутешны.

Бабушка и дедушка, едва сводившие концы с концами и с виду хворые, совсем не обрадовались своим внучатам. Мне было очень жаль оставлять их, как бы «умывая руки», но что другое я мог сделать, обремененный все увеличивающейся паствой и своими четырьмя детьми! Как трудно примириться с фактом, что часто в жизни невинные дети должны расплачиваться за грехи породивших их!

Одновременно с вывозами евреев начались ввозы к нам русских – советских граждан из Новгорода и областей, к нему примыкающих. Через некоторое время у нас прибавилось к нашим еще до трех тысяч прихожан, среди них семь священников, которые были назначены приписными – под моим руководством.

Никогда еще я не был так занят и, буквально, завален пастырской работой. Вдохновляло и давало новые силы сознание, что многие из новоприезжих, стосковавшиеся без церкви и возможности исповедовать свою веру, были счастливы обрести потерянное и не пропускали служб; они делали все возможное, чтобы помочь нам, священникам, в нашей пастырской деятельности. Их пламенные молитвы влияли больше, чем всякие убеждения, на тех, кто отошел от своей веры или стал теплохладным, ходя в церковь по привычке.

Я больше не служил на дорогах, а отдался полностью церковному служению. Многие из отошедшей молодежи возвращались в церковь. Я проводил много времени в разъездах, упрасывая прихожан приютить своих сородичей и ходатайствовал за них перед немецкими властями. Надо было организовать медицинскую помощь больным, находить помещения, расширять школы, отъездить на словах, но явить помощь стольким обездоленным из Советского Союза...

Немецкие власти не преследовали вероисповедания, кроме иудейского, и жестоко, бесчеловечно притесняли евреев, но из двух, еще доминирующих вероисповеданий – католичества и православия, скорее оказывали предпочтение первому. Позже евреев и русских военнопленных нацисты не считали за людей...

В скорости ко мне приехал, в страшном волнении, староста нашего приписного храма, св. благоверного князя Александра Невского, построенного в 1905 году в Шкудах, с известием, что ксендз велел своим прихожанам убрать все иконы и иконостас, также всю утварь и превратить наш храм

в католический костел. Никакие увещания не помогли. Я сел на велосипед и гнал его «во всю ивановскую», пока не добрался до Шкуд – около 40 верст от Векшней. Снаружи наш храм выглядел как прежде, но что творилось на площади и внутри!

Снесенный и разрозненный иконостас, иконы, утварь, облачения валялись перед папертью на площади, а остальное на полу в церкви. Стоя на подвижной лестнице, человек снимал иконы, висевшие слишком высоко, и бросал их другому, тот – третьему, который сваливал их в кучу. Около дюжины ярых католиков под предводительством молодого ксендза оскверняли и разоряли наш намоленный храм. Ксендз орудовал в алтаре, сдирая покров со святого престола. Он не заметил, как я подошел – всюду стучали и громко говорили, не стесняясь.

– Как вы смеете входить и кощунствовать в нашем храме! – сказал я, как можно спокойнее, но сердце билось, как молот, и руки чесались, чтобы проучить фанатика, забывшего заповеди Христовы.

– Это больше не ваш, а наш храм, – ответил ксендз, рассматривая меня, как-будто я был какой-нибудь червяк, а не настоятель объединенных приходов, каждый со своим храмом, из которых данный – названный в честь моего небесного покровителя, св. князя Александра Невского, был для меня особенно дорогим.

– Как вы смеете говорить, что это ваш храм! Он – наш с тех пор, как был построен.

– Но его бывший настоятель, о. Виктор Мажейка, снял сан и уже расстрелян. Здесь нет другого священника. Наш храм мал для нас всех, а ваш будет нам как раз. Не мешайте нам работать и убирайтесь, пока мои прихожане вас не выставили! – и он отвернулся и продолжал свой разгром.

Я выбежал на площадь, трясаясь от негодования. Вижу, среди торжествующих католиков, тут и там, стоят наши прихожане. Стоят и смотрят с грустью, но ничего не предпринимают. Один-два подходят ко мне и говорят: «Что ж поделаешь, отец! Они в силе; их много, нас мало. Чуть начнем сопротивляться – так их шаулисты просто пристрелят нас, да и вас тоже».

– А святые наши как же? – сдаетесь, значит?

– Что ж, не впервые, отец!

– А я – это так не оставлю!

И я помчался в немецкую комендатуру. Там сказал, что хочу видеть коменданта и никого другого.

Был я в рясе и так разгневан, что обычный страх как рукой сняло! Привели меня к немцу. Сидит себе человек, лет около 35, белобрысый, голубоглазый – типичный немец, а что у него на душе – один Бог знает! Указал мне на сиденье. Так вот, думаю, с ним надо на его же языке говорить, благо помнил еще кое-что, с тех пор, как жил у тетушек, где говорили только по-немецки.

Объяснил ему все, как случилось, сказал – могу доставить все доказательства. Видно, все же затронул какую-то струнку в нем. Пошел он со мной на площадь, совсем

недалеко – посмотрел, зашел в храм, вышел – процедил сквозь зубы: «Безобразия», и тут же велел вызвать ксендза и приказал водворить все на место.

Ксендз и его соучастники присмирели – видно, испугались начальства. Мне же комендант говорит: «Вот я разрешил вашу проблему мирным способом. Каждому – то, что ему принадлежит. Мы не большевики! Вы удовлетворены?». Я поклонился и он пошел обратно, а я, попросившись со старостой и другими, сел на свой велосипед, радуясь, что спас наш храм, и покатил домой.

Мне и в голову не приходило, что ксендз может ослушаться такого отданного во всеуслышание приказа, и я занялся другими делами, которых была масса... Прошло две-три недели, и вдруг мне звонит староста и передает, что того коменданта перевели в другое место после моего приезда, а наша церковь – уже костел, где служат католики и многие из них – шаулисты. Русские хуторяне боялись протестовать, да и не хотели огорчать меня, а где будут праздновать день храмового праздника 12 сентября (по нов. ст.) – сами не знали.

Тут вскипел я – одурачили, значит! Ехать в Шкуды – нет смысла, а так оставить тоже нельзя. Собрал я все документы (все, что касалось того храма), сделал копии с них и, посоветовавшись с Танюшей, решил поехать в самое главное управление всей страны, в «Гибиц», в Ковно. До отъезда отслужил молебен св. благоверному кн. Александру Невскому, прося его святых молитв, и сказал себе: «Не в силе Бог, а в правде», и уехал, успокоенный.

Не стану пускаться в подробности о том, что Архиепископа вообще в Ковне не было; члены Епархиального Совета были в разных местах (а те, кто были в Ковно, боялись даже давать совет); о том, как я ждал часами в Главном военном штабе и, в конце концов, все же попал к верховному правителю – генералу, благо мой небесный покровитель, наверно вняв молитве меня, грешного, устроил мне аудиенцию с ним.

Генерал был с сединой – лет 50, не меньше. Принял он меня учтиво, и видя, что я волновался, даже предложил сигару. Он попросил меня рассказать все как было, от начала до конца, что я и сделал, не утаив ничего, а когда кончил, положил все документы на его письменный стол и сказал ему: «Мой отец был в течение многих лет судьей и председателем Окружного Суда, до революции, здесь в Ковно. Он был олицетворением гуманности и чести. Он научил нас, своих детей – никогда не лгать. Я полагаюсь на ваше чувство правосудия, генерал, и благодарю вас за то, что вы приняли и выслушали меня, какой бы ни был исход, этого я не забуду».

– Я ничего не могу вам обещать в данный момент, – ответил он, поднимаясь, – но я назначу комиссию из честных людей (он подчеркнул слово «честных», с намеком на улыбку). – Они вынесут свое решение и, как только мне будет доставлен их отчет, я уведомя вас. Пожалуйста, возьмите с собой эту анкету, заполните ее в приемной и передайте с вашими документами моему адъютанту – он перешлет куда надо. – Генерал взял кон-

верт, написал что-то на нем и протянул мне. – Положите все это в конверт. А теперь, извините – занят. Он встал. Аудиенция кончилась.

Приблизительно через две недели я получил копию решения комиссии. Все было по пунктам:

1. Храм, принадлежащий Русской Православной Церкви в Шкудах, должен быть возвращен своим законным владельцам – русским.

2. Все должно быть в полном порядке, как было до нападения.

3. Все предметы должны быть возвращены – как они состоят в церковной описи.

4. Представитель от Комиссии будет присутствовать при сдаче всего церковного имущества и так же официальный представитель от русской и литовской церквей, которые должны подписаться после сдачи – в том случае, что вышеуказанные пункты выполнены.

5. Храм должен быть возвращен не позже 1 сентября.

Заметка: Нарушение вышеуказанных пунктов или пункта будет считаться нарушением закона и будет караться по соответствующей категории.

Подпись.

P.S. Оригинал этого приказа послан католическому священнику в Шкуды.

Как мы все обрадовались, получив этот приказ! Какая пропасть была по отношению ко всем в Литве, между Вермахтом, к которому явно принадлежал главнокомандующий, и эсэсовцами – гитлеровскими комиссарами, не лучше советских, создавшие такую страшную репутацию всем немцам своим садизмом и полнейшим произволом!

12 сентября мы праздновали наш храмовый праздник св. блгв. кн. Александра Невского. Никогда еще не было такого стечения народа. Стояли на паперти и даже на площади. В конце литургии был молебен и все мы, колена преклонно, молились нашему небесному покровителю, многие слезно, благодаря его за возвращение храма. За мое участие в этом Торжестве Православия Епархиальный Совет (узнавший о случившемся) наградил меня золотым крестом.*

Явление святых мощей

Особое внимание в Векших обращал на себя белокаменный храм наш в честь преподобного Сергия Радонежского, Чудотворца, построенный в 1864 году. Он расположен на холме над рекой и стоял в венке многолетних лип на обширном погосте, вокруг которого вилась липовая аллея. Не знаю – как там теперь, после стольких лет!..

Тогда, до вывозов при советской оккупации св. Сергиевский приход насчитывал 2.000 душ, а в 1942 году немцами было эвакуировано к нам свыше 3.000 новгородцев.

*После 1944 г., уже в советское время, католиками была повторно предпринята попытка захватить православный храм в Шкудах, и на этот раз успешная. В настоящее время в Шкудах (Скуодасе) православного храма нет, в бывшем православном Александро-Невском храме, том самом, что отстаивал о. А. Черная – служат католики – *Ред.*

Они были размещены в самом городе и его окрестностях. И вот, в том же 1942 году, осенью, произошло великое событие у нас. Наш приходский храм, Промыслом Божиим, удостоился принять под свои своды великие Новгородские святыни – раки с мощами: Святителя и Чудотворца Никиты Новгородского; благоверных князей Федора (брата св. блгв. кн. Александра Невского), св. блгв. Владимира Новгородского, св. кн. Анны, его матери, и также св. Мстислава, святителя Иоанна Новгородского и св. Антония Римлянина.

Произошло это совсем неожиданно. Утром раздался телефонный звонок – звонил мне начальник станции железной дороги, сообщая, что только что немецкий военный эшелон выгрузил пять «гробов». Начальник недоумевал, что это за гробы. Я немедленно отправился на своей лошадке на станцию. Подойдя ближе к выгруженным «гробам», я увидел кованные серебром раки со святыми мощами, обмотанные старой парчой и рогожей.

Первая рака была Святителя Никиты Новгородского, а за ним, в ряд, стояли все последующие... Глубоко потрясенный этой находкой, я тотчас связался по телефону с Ригой, где была резиденция Высокопреосвященного Сергия, Митрополита Литовского и Виленского (Экзарха Латвии и Эстонии, вскоре убитого неизвестными людьми в немецкой форме на пути из Вильны в Ковно). Я доложил Владыке о происшедшем. Последовало распоряжение от Владыки Митрополита – немедленно перенести мощи крестным ходом в наш св. Сергиевский храм.

Я сразу сделал распоряжение о перевозке св. рак. В каждую подводу было впряжено по четверке лошадей. Все они были убраны и увиты цветами с зеленью и устланы коврами. Весть о прибытии св. мощей быстро разнеслась по городу и всем окрестностям. Гудел большой колокол, созывая верующих и возвещая им о великой благодати, по милости Божией, посетившей наш храм.

Со всех сторон собирались люди, чтобы принять участие в крестном ходе, для встречи великих святынь, со слезами радости передавая друг другу о чудесном выборе места почивания, хотя бы на время, святыми угодуками. Возле церкви царило большое оживление. Выстраивался крестный ход. Народ с истовым благоговением выносил из храма иконы и хоругви. Совершалось нечто великое. На лицах присутствующих было выражение глубокой духовной радости. Приближались святыни. Колокол гудел непрерывно и перешел в трезвон всех колоколов.

Вышел крестный ход, растянувшийся далеко по Ма-жейской дороге. Осень была сухая и золотистая уже. Блестели иконы на солнце, и хоругви развевались над ними, как бы защищая их. Общенародное пение далеко разносилось по полям и лесам, смешиваясь с трезвонном колоколов, который становился все отдаленней, но народное пение крепчало: «Пресвятая Богородица, спаси нас», «Святителю отче Никито, моли Бога о нас», – рвалось из глубин русских душ, измученных бедствиями и страшной войной, опустошившими Новгородский край и забросившими тысячи людей в далекую Литву.

*Векшни. Интерьер церкви
прп. Сергия Радонежского. Фото 1930-х гг.
Здесь в 1940-х гг. пребывали мощи Свв. Новгородских
чудотворцев*

Трудно описать религиозный подъем, с которым совершался этот крестный ход... Вот на седьмом километре, вдали, на опушке леса, показалась, наконец, процессия. Радостный трепет охватил нас всех: «Мощи, святые мощи!» – пронеслось в народе. Крестный ход медленно шел навстречу святыням и, подойдя совсем близко, остановился. Склонились хоругви, а народ пал ниц. Плач, пение тропарей – все слилось в одно. Начался молебен. Люди ползли на коленях, чтобы дотронуться до св. раки, прося у небесных покровителей защиты и молитвенного предстательства перед Богом...

Крестный ход двинулся обратно к церкви. Множество людей по пути присоединялись к шествию. По прибытии крестного хода, на паперти был отслужен молебен, и затем св. мощи были внесены в храм.

Оставалось три часа до начала всенощного бдения, и за это время надо было привести в порядок св. раки и расставить их в храме. С благословением Митрополита Сергия мне было поручено открыть раки со св. мощами, чтобы

*Векшни. Интерьер церкви прп. Сергия Радонежского.
Современный вид (июль 2001 г.). Слева
у окна – икона Божией Матери, подаренная в свое время
о. Александром Чернаем православному Успенскому храму
в Мажейках (Мажейкяй). Ныне пребывает в храме
села Векшни (Векшняй).*

поправить одеяния находящихся в них святых.

Не могу передать чувства, охватившего меня при открытии св. мощей. Первой была открыта рака св. Никиты, со дня кончины которого прошло почти 800 лет. Четыреста лет Святитель Никита почивал под спудом земли и четыреста лет после открытия его св. мощей – в храме св. Софии, в Новгороде.

После долгого путешествия святые в раках сдвинулись с места и их надо было положить надлежащим образом, и поэтому сподобил меня, недостойного, Господь поднять Святителя Никиту, целиком, на моих руках, при помощи иеродиакона Илариона. Святитель был облачен в темно-малиновую бархатную фелю, поверх которой лежал большой омофор кованной золотой парчи. Лик его был закрыт большим воздухом; на главе – потемневшая от времени золотая митра.

Лик Святителя замечателен; всецело сохранившиеся черты его лица выражают строгое спокойствие и, вместе с тем, кротость и смирение. Бороды почти не видно, только заметна редкая растительность на подбородке. Правая рука, благословляющая, сложена двуперстием – на ней ярко выделяется сильно потемневшее место от прикладывания в течение 400 лет. Дивен Бог во святых Своих!

В течение долгого времени мощи находились в музее, подвергаясь исследованиям, о чем свидетельствует найденный под изголовьем в раке у св. Никиты небольшой мешочек с частицами нетленных мощей новгородских угодников. Эти частицы были, видно, взяты безбожными экспертами и, повидому, кем-то из них, имеющих страх Божий, возможно и тайно верующим, бережно собраны и положены в мешочек. Св. мощи подвергались разным атмосферным переменам. В начале войны, как рассказывали мне новгородцы, святыни были возвращены в собор св. Софии, в Новгород, и находились в подвальном помещении собора, который был музеем. С бегством же Советской власти из Новгорода, при наступлении немецкой армии, они были снова внесены во храм и положены в раки верующими.

Во время боев под Новгородом собор св. Софии сильно пострадал: купола были повреждены снарядами, а главный купол совершенно исковеркан. Св. мощи остались целыми и не поврежденными. При каких обстоятельствах и по каким причинам немцами были вывезены святыни из Новгорода, объятых пожаром, в Литву и оставлены, именно в нашем городке осталось неизвестным. Один вывод – Божий промысел!

Мощи св. Анны, княгини Новгородской – матери св. кн. Владимира Новгородского, также хорошо сохранились; она в княжеском одеянии в богато украшенной серебром раке.

Следующие раки с нетленными мощами св. кн. Владимира, св. кн. Феодора и св. кн. Мстислава были в раках, но совсем обнаженные. Эти мощи поражали своей целостью. По-видимому, их княжеские одежды были похищены безбожниками. Вскоре по прибытии мощей на них были сшиты верующими парчовые одежды и срачицы.

Последняя рака с мощами св. Антония Римлянина и

Святителя Иоанна. В ней хранились лишь части их мощей.

Клир нашей церкви состоял тогда из трех священников: меня – настоятеля, второго священника – о. Иоанна Харченко и о. Василия Николаевского при иеродиаконе Иларионе – благочестивом старце с Афона, который, несмотря на свой преклонный возраст, обладал приятным и довольно сильным тенором. Богослужения совершались ежедневно, а молебны перед св. мощами – в течение всего дня, поочередно. Каждый из священников служил свой недельный черед. В воскресенье же и в праздничные дни службы совершались соборно.

Через некоторое время после прибытия св. угодников о. Иларион видел сон, повторившийся дважды. Он видел Святителя Никиту, стоявшего в храме, облаченного в мантию и читающего покаянный канон. Войдя в храм и увидав Святителя, о. Иларион пал ему в ноги, прося у него благословения. Благословив его, Святитель сказал:

«Молитесь все об избавлении от бедствий, грядущих на родину нашу и народ. Враг лукавый ополчается. Должно вам всем, перед службой Божией, принимать благословение».

Поклонился земно о. Иларион и поцеловал стопы Святителя, после чего Святитель Никита стал невидим. С большим духовным трепетом рассказал мне о. Иларион об этом видении. Впоследствии я об этом доложил Владыке Митрополиту. Выслушав меня со вниманием и по прибытии к нам, в Векшни, расспросив благочестивого старца о. Илариона, Владыка сделал распоряжение – установить правилом, чтобы перед началом каждой службы, при открытии раки Святителя Никиты – выходить священнослужителям и прикладываться к деснице Св. Никиты, возвращаться в алтарь и тогда лишь начинать литургию.

По обе стороны раки Святителя, во время службы стояли рипидоносцы. За часами был установлен возглас священника: «Молитвами Святителя Никиты нашего, Господи Иисусе, помилуй нас!».

Свт. Никита,
епископ Новгородский

Благолепные уставные богослужения при стройном пении большого хора, полный благодати храм, мерцающие повсюду лампы, множество ярко горящих свечей, беспрестанно ставимых верующими под раками св. мощей, – все свидетельствовало о горячей вере у народа. Теплота молитв, слезы и вздохи – все захватывало душу и устремляло ее ввысь.

Слова явившегося во сне Святителя Никиты предвещали великие испытания, переживаемые с тех пор, особенно, всем миром, которые все усугублялись... Как часто за эти годы думал я о тайном значении явления нам св. мощей. Где они теперь? Вернулись ли они в собор св. Софии, в Новгород, или же теперь находятся в нашем храме в Вешнях? Все это было так давно, и бывает порой, когда я сижу один, вспоминая былое, что все случившееся в моей жизни кажется мне то прекрасным, то мучительным сном...

Такие мысли – искушение. «Святителю Божий Никито, моли Бога о нас...».

Новые скитания и просвет

Осенью 1944 года... Отступали немцы, наступали теперь повсюду советские войска. Ковно уже было во власти Советов, и со дня на день ожидалась, со страхом, оккупация всей Литвы и Прибалтики.

Что делать? Я знал, что был на смертном списке НКВД. На кого оставить детей и маму, если меня «ликвидируют»?* Все, испытавшие на себе иго Советов, были в панике и не знали, на что решиться. Очень многие бежали в направлении Германии, присоединяясь, как беженцы, к немецким войскам.

Мама и все наши друзья уговаривали меня ехать, но мама наотрез отказалась покидать Литву, где жили еще два мои брата – Коля и Левушка, а также сестра Лиля (Елизавета) с мужем и детьми.

Уже слышалась грозная

Собор Новгородских святых. Икона из храма
во имя апостола Филиппа в Новгороде

* Матушка Татьяна, супруга о. Александра Черная, скончалась 1/14.10.1943. Глава о ней опущена, воспоминания публикуются в сокращении.

канонада, указывающая на приближение советской армии, когда я, отвезя маму в имение к друзьям – как мы еще надеялись тогда, «на время до возвращения» – стал спешно готовиться к отъезду. Я запряг нашу лошадку в тележку, взяв Св. Евангелие, Св. Чашу, Антиминс, Воздухи, облачение и кресты, собрал только самое необходимое из одежды, позвал детей и усадив Сережу поверх багажа, тронулся в путь, попрощавшись с кем мог и поручив дом, со всем находившимся в нем, добрым знакомым.

Куры и индюшки, которых мы надеялись продать к Рождеству, кудахтали во дворе, когда мы выходили за ворота... Я остановился у кладбища, чтобы попрощаться с Танюшей. Кто мог подумать тогда, что это было в последний раз...

Мы двигались к Мемелю (Клайпеде) через Мажейки. Было еще тепло, и мы могли спать где попало – в сараях на сеновалах или на траве под открытым небом. Осень была сухая. Вначале такое путешествие казалось детям интересной авантюрой. Вскоре же от непривычки они стали уставать и кто-нибудь из них присаживался к Сережику, которому только что минуло 6 лет; Сандику было 13, Леночке 16, а Юрику уже 19. Оба старших помогали мне во всем, особенно Леночка, считавшая себя заместительницей своей мамы и заботившаяся о нас, как опытная путешественница и хозяйственная глава семьи.

Хуторяне и литовские фермеры кормили нас и оделяли запасом, зная, что скоро все отберется у них. Так мы добрались до Мемеля, где остановились у знакомых, а затем и Кенигсберга, где нас приняли милые Штюрмеры (друзья родителей еще в былые времена). Они дали нам хорошее помещение, и мы отдохнули у них целую неделю. Никто не проверял никакие документы. Вместо урегулированной нормальной жизни на востоке Германии уже многое было вверх дном.

Из Кенигсберга мы направились в Данциг и тут, по дороге, произошло очень неприятное событие для нас. Немецкие власти, какие не знаю, но вооруженные, реквизи-

ровали нашу лошадку. Спорить с ними было невозможно, и тогда я сам впрягся в тележку и потащил Сережу и все имущество. Такой способ передвижения оказался весьма неудобным и утомительным для меня, особенно в гору. Юрик чередовался со мной, а Леночка с Сандиком и Сережей подталкивали, когда нам становилось невмочь.

В Данциге нас приютили добрые незнакомые немцы – семья доктора. Они предоставили нам домик в своем саду и даром кормили нас. Они жили за городом. Там я узнал из газет, что Мажейки и Векшни все еще были не оккупированы, и меня осенила мысль – вернуться туда за св. мощами, спасая их от безбожников, а также убедить маму выехать к нам из Литвы.

После хлопот, в которых мне помог доктор – наш хозяин, мне удалось получить пропуск от немецких властей – проезд «по чрезвычайно важным делам» – до Векшней и обратно. К этому времени мы провели несколько недель в Данциге, и я спокойно оставил детей на попечение хозяев.

Я выехал поездом на пристань Кранц 6 октября. Там уже ждал готовый отчалить пароход. Утро было серое, качало, и над нами носились чайки. Мы шли вдоль берегов, поросших жидким кустарником на высоких дюнах. Проходили мимо рыбацких лодок. Рыбаки там – не как русские – работают с песней, а молчаливые и хмурые...

Сжималось сердце и радостью, и грустью при мысли скоро вновь увидеть родные места, войти в свой храм, припасть к могилке Танюши. Предо мною всплывали призраки еще недавнего прошлого, кажущегося давно минувшим...

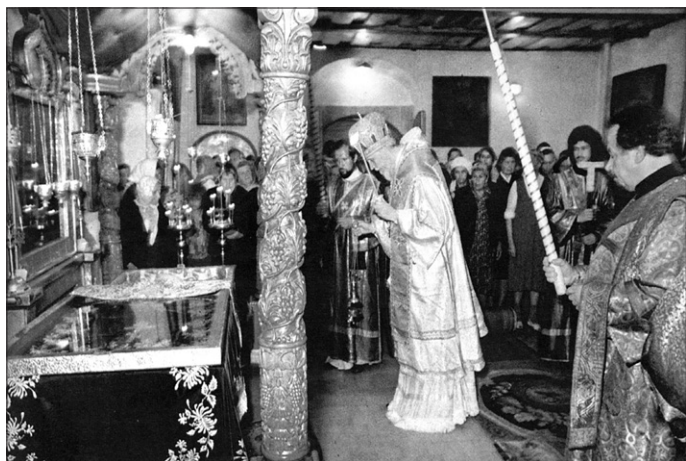
Пробило 4 часа, когда мы подошли к Мемелю. На пристани было много людей с чемоданами и узлами. У всех взволнованные лица. Были тут и военные в форме Гестапо, и люди с тележками, на велосипедах и пешие. Полиция поспешно уезжала на перегруженных грузовиках. Я не мог понять, что случилось, отчего такая паника. Вот проехали летчики, за ними артиллерия, танки. Ехали тут и невозвращенцы из Мажеек. Спрашиваю – почему? Отвечают – всех, кого могут, вывозят, а другие сами убегают.

Зашел я к военному коменданту. Он не советует ехать дальше, а выждать, пока не выяснится положение, так как в Ритово показалась голова советских танковых частей. Всем жителям Мемеля велено выехать из города и потому их перевозят, как можно скорее, в Кранцбург.

Уже стемнело. Надо было искать ночлег – но где его найти теперь? Шел я в неуверенности, готовый просидеть на вокзале до утра, и вдруг слышу, что кто-то окликает меня – «Батюшка, откуда вы? Как попали сюда в такое время и куда вы идете?» Повернулся я – вижу, господин в штатском, представляется. Оказывается, это Маржухин, уполномоченный по делам русской эмиграции на Восточную Пруссию.

– Зайдите, – говорит, – ко мне. Вот здесь мой дом. Могу предложить вам ночлег – квартира большая, места хватит.

– Спасибо, – отвечаю и благодарю Бога за такую

Новгород. Рака с мощами святителя Новгородского Никиты в церкви св. апостола Филиппа. Митрополит Антоний (Мельников) у мощей святителя. 1982 г.

встречу. Он берет мой чемодан, и мы из ночной темноты входим в просторное, освещенное помещение с наглухо закрытыми ставнями и спущенными, не пропускающими света, шторами. Г-н Маржухин оказался моим прихожанином, когда в 1935 году я заведовал и Клайпедской, то есть Мемелевской общиной. Перед сном звонили еще несколько раз в штаб-квартиру, но вести были неутешительные. Ночь прошла тревожно и без сна. Никто не знал – продвинутся ли советские части вперед и придется ли тогда сразу бежать из города? Рано утром узнали, что огнем немецкой артиллерии советские танки пока остановлены.

Встал я с тяжелой головой. Моросил дождь. Зазвонил телефон: комендант предлагал мне ехать до Мажеек с немецким разведывательным отрядом, состоящим из паровоза, платформы и двух вагонов – ехать на свой риск. Он добавил, что не уверен, смогу ли я добраться до Векшней и успеть эвакуировать ценности.

Я колебался, но все же решил, доехав уже так далеко, попробовать. Вагоны представляли собой маленькую крепость на колесах. Из всех окон выглядывали дула пулеметов. Поезд тронулся. Я перекрестился. Солдаты заняли свои места. Радист принимал донесения. Проехали благополучно полпути и вдруг – тревога! Из леса послышались ружейные выстрелы. Наши пулеметы им ответили. Затем по радио последовало какое-то донесение и наш поезд помчался задним ходом так быстро, что думалось, он сойдет с рельс. Оказалось, что красные обошли с тыла и наш отряд был принужден проскочить, дабы не быть отрезанным.

Эти часы казались целой вечностью при таком напряжении, но спокойствие и хладнокровие немецких солдат умалило мою тревогу. Вот подходит ко мне сержант и говорит: «Благодарите Бога, пастырь, – опасность миновала, проскользнули»...

Въехали на Клайпедский вокзал – пустота, ни одного штатского – только солдаты. В городе – также. Останавливает меня полевая жандармерия, требует показать документы, козыряет и советует спешить на последний пароход.

Господи! Как я бежал! Попаду ли? Что, если я останусь здесь и буду отрезан от детей?.. Наконец добежал; пароход, переполненный до отказа людьми, готовился отчалить. Уже начали снимать мостик! И в этот раз Господь не оставил меня.

Дул сильный холодный, смешанный с дождем, ветер. Пришлось устраиваться на палубе, так как и в трюме не было больше места. Там же встретился я с генералом Плеховичем, успевшим, как и я, в последнюю минуту покинуть Мемель. Он ехал в Берлин и был полон надежд на скорое возвращение в Литву, где, как рассказывал генерал, после прихода советских частей были страшные расправы; в числе других, закололи сестру графини Зубовой – Шавельскую и многих других. Все это было проделано энкаведистами.

Векшни (Векшняй) Церковь прп. Сергия Радонежского. Современный вид. Колокольня храма разрушена в ходе боевых действий в 1944 г.

Погода прояснилась. Утих ветер. Море стало зеркальным, но было прохладно. Стало спокойнее – тревоги были уже позади, но на душе было чувство горечи, что мне не удалось достичь своей цели. Но на все – воля Божия!

Снова потянулись лодки рыбаков. На воде отражался закат солнца... «Свете Тихий Святые славы Твоя, видевше свет вечерний, в благодарении сердца, прославляю Господа моего за все милости ко мне грешному...».

Пароход шел быстро и плавно, подходили к Кранцу – тут суживаются берега, и по обе стороны открывается чудный вид на лиственные и хвойные леса с зелеными лугами и разбросанными по ним рыбацкими поселками.

Пароход идет тише, входя в узкий канал – вот уже и пристань Кранцбека. Еще несколько минут, и мы причалили. У пристани ждал поезд, который увез меня в Кранц – симпатичный, красивый город, раскинувшийся по открытому берегу Балтийского моря, с прекрасными виллами, отелями и, несмотря на военное время, ресторанами, из которых доносилась музыка.

Я провел ночь в хорошей гостинице и спал не просыпаясь. Гостиница эта была для высших немецких чинов армии. Я попал туда благодаря ордеру, выданному мне комендантом, согласно командировке «по чрезвычайно важным делам». На следующий день я был уже в Данциге с моими детьми, огорченными тем, что я не привез св. мощи и бабушку, но очень обрадованными, что я вернулся невредимым.

Мы не могли злоупотреблять слишком долго гостеприимством наших милых хозяев и, после Рождества, проведенного с ними, двинулись на Торгау. Там мы нашли подлинно милосердного самарянина – Владыку Митрополита Серафима Берлинского и Германского (Ляде). Он принял меня как сына, поместил нас в гостиницу и взял на себя все расходы во время нашего пребывания в Торгау.

Как-то раз подошел ко мне в приемной незнакомый священник с немецкой газетой под мышкой и любезно приветствовал меня. Он предложил мне сесть и прочитал мне статью о Гитлере, в которой он восхвалялся и был

сравниваем с апокалиптическим ангелом. Затем священник спросил мое мнение об этой статье. Я сразу, довольно резко, высказался о ней отрицательно. Священник попросился и уехал.

Через несколько дней приехала за мной и детьми гестаповская полиция и повезла нас в лагерь, за десять километров от города, за колючую проволоку в «Фобел Гезагт Возак», где было много русских, поляков, французов и прочих. Нам отвели маленький барак с нарами. Нас сторожили громадные псы. Режим был тяжелый и строгий, но можно было ходить по баракам, и я сразу начал служить молебны, панихиды и несколько раз литургию на столе в бараке. Многие приходили молиться.

Начальник лагеря сказал мне, что не было надобности мне служить, так как имелся свой священник для всего лагеря. Начальник этот вошел во время нашей службы (он был чех) и, как собак, выгнал всех присутствовавших. Он стукнул на меня кулаком по столу, запрещая дальнейшие моления. Он пригрозил мне, что посадит меня в одиночку и ликвидирует всю мою церковную утварь.

Однажды раздался гонг, сзывая всех русских на службу. Оказалось, что служит тот самый священник-провокактор, который донес на меня. Так просидели мы январь и февраль 1945 года. В марте мы начали слышать канонаду, которая приближалась, и в один день вся стража покинула лагерь, оставив настежь открытыми ворота! Говорили, что подходят американцы... Мы оказались свободными. В складах стали раздавать даром продукты, сахар и прочее. Стояли длинные очереди. Пошел и я с мешком. Вокруг нас летали снаряды.

Лагерь стоял почти на берегу Эльбы. Оказалось, что подходят советские войска, переправлявшиеся через реку. Я бросил мешок и побежал к детям. Уже вечерело. Приведя в порядок нашу тележку и смазав колеса дегтем, мы немедленно двинулись в путь по дороге вдоль Эльбы. Посвистывали пули. Сережа сидел на тележке со скарбом, и мы уложили его, чтобы охранить от пуль; ему было холодно и он дрожал, а с меня лил пот от волнения и боязни за детей. Только бы уйти подальше от шальных пуль! Шли всю ночь. Под утро встретила нас немецкая часть и офицер спросил: «Не видали ли вы русских?». Я ответил ему, что мы уходили, когда красные переправлялись через Эльбу, недалеко от Торгау. Офицер почтительно козырнул, сказав «данке», и мы поехали дальше, держа курс на Тюрингию, город Эрфурт.

Недалеко от Лейпцига, мы, не подозревая того, очутились в советской зоне. Было уже темно, и мы сбились с пути, и когда часовой окликнул нас – было поздно поворачивать назад. К тому же дороги были запружены другими, часто немецкими беженцами. Я ответил по-русски – «свои». К нам подошел солдат с фонарем и, увидав Сережу, других и мою рясу, сказал примирительным тоном: «Аж намаялся малец, чай голодные вы все?». Дети хором ответили: «Очень!». «Так оставайтесь ночевать тут. Здесь был кирпичный завод; одна стена-то стоит еще, а другие

Кёнигсберг. Общий вид на город и замок

уж прихлопнуло. Я пойду до котла – авось достану еще чего-нибудь для вас».

Скоро он вернулся с ведром, наполовину наполненным борщом. Никогда еще суп не показался нам всем таким вкусным! Дети набросились на него и прикончили в несколько минут, и Сережа тут же заснул.

– Здесь сейчас на биваках наш полк, так нижние чины спят под открытым небом, а офицеры близко – вон в том бараке, – и он указал пальцем в темноту. – Хорошие, ничего не могу сказать; раз вы с детьми, да еще попом будете – не обидят! Мы по эту сторону реки Саля (Заале), значит, называется, а по ту сторону американцы в своей зоне – а мы тут, в нашей.

Вот угодило! – думал я, как бы отсюда выбраться?

– А нельзя-ли будет переправиться к ним, – спросил я, – мы в Эрфурт держим путь: может, лошадку подберем где-нибудь, а то трудно тележку-то тащить, да частенько и в гору.

– Ну, все понятно – не размазывай, – знаем, кого боишься – тех, что над нами, но они еще не пришли... Может, если в барак пойдешь, да пропуск попросишь – так и пустят тебя с семейством отсюда, а то прямо в лапы тем так и попадешь, как придут – завтра, должно быть. А офицеры наши добрые ребята. Попробуй!

Не успел я и слова сказать, как вскочила Леночка и говорит: «Я пойду и ведро отнесу», – и убежала. Солдат отошел, а я сижу, сижу. Дети заснули... Прошло больше часа. Что могло с ней приключиться? Одна среди солдат – даже подумать страшно! Как это я мог так ее отпустить, не остановить! Пошел я сам, нашел барак, двери настежь повсюду. В одной из комнат пируют и подливают несколько молодых офицеров.

Увидав меня, приглашают к столу.

– За дочкой пришел батя, а? Леночка сидит поодаль, и стакан полный перед нею, – молчит. Я подошел, сел рядом с ней, а она шепчет мне: «Уходи, папа, сейчас же уходи!». А тут еще музыка по радио раздается.

А один из офицеров встал, еле стоит на ногах, подошел к нам и говорит. – Тут тебе не место, батя – сам иди, а девицу

с нами оставь. Ночь здесь проведет – все подпишем!

А Леночка мне опять: «Иди, а не то оба погибнем – а как будет с Сержиком и другими? Не бойся – я выкручусь!».

С характером она у меня, не трусливого десятка – в мать свою пошла... Выхожу, молюсь Ангелу Хранителю, а они гогочут мне вслед.

Вернулся к детям – спят, никого вблизи. Встал я на колени и прошу Господа смилостивиться над нами... Вдруг слышу шорох, и Леночка рядом. – Скорее, папа, бежим! Они так пьяны, что даже побежать за мной не могли, но могут послать кого-нибудь. Вставайте! Она растолкала Юрика и Сандика... Я впрягся, и они последовали за мной спросонку. Никто нам не помешал. Светало, когда мы дошли к мосту – там уже ждали сотни беженцев.

Американская зона начиналась посередине моста и их застава была открыта, а с нашей стороны, советской, была закрыта и около нее стояли вооруженные солдаты. Подъехал грузовик и из него вылезли трое тех наших знакомых офицеров. Увидя меня, впряженного в тележку, один из них указал на нас другому. – А вон, смотри – там та девка, что сбежала от нас! – У меня замерло сердце, у Лены тоже.

– А на кой леший она тебе сдалась! Отворите заставу, ребята, гоните их в шею! На кой черт нам всех их кормить! – пусть союзники поднатужатся!

И поползла вперед человеческая лава. Американцы приняли нас совсем равнодушно, и мы поплелись дальше. Все мы были изнурены, особенно Сержик, но Ангел Хранитель не покидал нас. Везде, куда мы заходили, останавливаясь, чтобы передохнуть, крестьяне давали нам хлеба, молока и сала на дорогу. В некоторых местах, когда не было больше сил, останавливались на ночь у немецких фермеров. На полпути остановились в имении друзей, которые очень тепло нас приютили. Мне отвели большую спальню с ванной и белоснежным бельем. Там, в саду, я покрестил младенца одной бедной русской женщины.

Отдохнув несколько дней, мы продолжали наш путь и пришли в Эрфурт в конце апреля. Город был занят американскими войсками. Все казалось мирно здесь, и мы решили тут задержаться. Тут уже было много других русских беженцев и, увидав, что я священник, стали объединяться вокруг меня. Мы жили в домике у одной доброй немецкой четы, которая относилась ко мне с почтением, как к пастырю.

Я служил по воскресеньям в одном католическом костеле, любезно предоставленном мне ксендзом. Чуть наладилась жизнь – прошел слух, что американцы отдают Тюрингию Советам. Снова тревога! Комендант отрицал эти слухи, но они росли и распространялись.

Нам повезло в одном – один из моих новых «прихожан», Василий Григорьев и его жена Ангелина, оба молодые, нашли где-то за городом брошенный советскими войсками грузовик. Видно, не хватило бензина! Василий сообщил мне о своей находке, и я отправился к коменданту с просьбой выдать мне документ на него и запас купонов на бензин. Он оформил все и обещал, что в случае сдачи города советским частям он даст мне знать вперед, чтобы

вывезти тех людей, списки которых я должен представить ему.

Я выполнил его приказ. Время шло, но больше не было известий от коменданта, а слухи увеличивались, и настроение в городе становилось все тревожнее... Я же разъезжал с Василием, навещая больных и духовно обслуживая тех, кого мог, и чей адрес был известен нам.

Я снова отправился к коменданту и, подъезжая, увидел, что комендатура грузится. Комендант очень занятой не мог говорить, но послал свою секретаршу сказать мне, что он распорядился уже, и что сегодня в шесть часов вечера будет проходить польский эшелон, и что мои люди должны быть на вокзале в указанное время, чтобы отбыть с поляками в продвинувшуюся американскую зону.

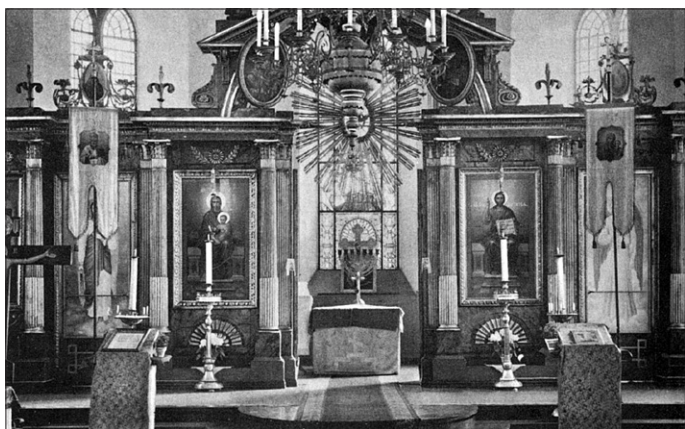
Город огромный! Адресов многих я не знал, а только тех, кто знали других. Я помчался повсюду сразу ко всем, кого мог найти, передавая распоряжение быть на вокзале. Все, кого мы оповестили, явились туда заранее и ждали.

Прибыл польский эшелон – поезд стоит только 15 минут. Комендант ходил вдоль вагонов и хладнокровно посматривал, как мои люди лезли в вагон и как поляки вытаскивали многих на платформу. Поезд тронулся, и случилось так, что некоторые уехали, а другим не удалось. Семьи были разлучены и люди метались, не зная, что делать, многие были в полном отчаянии.

Наш план с Василием был – ехать самим на грузовике, но как быть? Ведь можно было только взять максимум двадцать человек, а их было больше шестидесяти! Оставить же их тоже было нельзя... Решили посадить кого могли и, добравшись до новой границы, оставить их там. Люди плакали, умоляли – не оставлять их на расправу советам. Мы обещали вернуться за ними. И в этом Господь помог нам. И в три поездки нам удалось, до рассвета, перевезти всех, кто явился на вокзал, и самим выехать до вступления советских войск.

Мы ехали по направлению к Франкфурту, так как знали наверняка, что та зона Германии будет американской и надеялись, что благополучно доберемся туда. Тележку пришлось оставить, и нас было 18 человек в грузовике, поэтому долгий проезд был особенно утомителен для маленького Сережи, который все еще не мог привыкнуть к кочевой жизни, да и старшим было не легко, но все мы благодарили Бога, что спаслись и помогли спастись другим, помня о несчастных, оставленных на произвол энкеведистов.

Не доезжая до Франкфурта, мы остановились в Бад-Наугайме – курорте в графстве Гессен Нассау. Городское управление, куда мы заехали, предоставило нам дом – бывшую школу, и там нам сообщили, что в Наугайме много русских беженцев, но пока нет никакой русской организации и что единственная русская церковь (построенная Государем Николаем Вторым и Государыней Александрой Феодоровной, которая была дочерью Гессенского герцога и приезжала навещать свою семью) была закрыта и употребляема как склад. Священника русского тоже не было.

Бад-Наугайм. Храм свт. Иннокентия Иркутского и прп. Серафима Саровского, богослужения в котором по почину о. А. Черная были возобновлены в 1945 г. Интерьер

Город небольшой – в центре, окруженные чудным парком, здания с лечебными ваннами. Парк – место гуляния и встреч. Мы очень скоро познакомились со многими русскими из них, ставшими впоследствии близкими друзьями: с полковником Сергеем Константиновичем Наместником, графом Романом Мусиным-Пушкиным, Виктором Ивановичем Мещаниновым и другими.

После долгих обсуждений решили организовать Русскую Православную миссию для духовного окормления православных в Бад-Наугайме и его округе, под моим руководством. Первым делом, ходатайствовали в городском управлении, чтобы очистили церковь и передали ее нам – на что получили согласие. Написали Владыке, Митрополиту Серафиму, испрашивая его благословение на нашу Миссию. Он одобрил наше начинание.

Затем мы обратились к американским военным властям, объяснив коменданту, как нуждаются Ди-Пи-беженцы, потерявшие все, в духовной и материальной помощи. Для этого нам нужны были средства, чтобы продолжать и расширять нашу деятельность и также официальное разрешение от оккупационной комендатуры. Комендант отнесся очень сочувственно и, в согласии с представителем Объединенных Наций, мне, как главе и председателю Русской Духовной Миссии с церковным советом, сформированным из вышеупомянутых и других лиц, были выданы все соответствующие документы, которые при мне до сих пор.

Нам было дано разрешение ездить в лагерь Ди-Пи, помогать с оборудованием и освящать походные церкви для заключенных, которые творили чудеса изобретательности, употребляя банки для консервов для подсвечников; ящики для налоев и многое другое, необходимое для утвари, из, можно сказать, – почти ничего. В результате, с принесенными нами иконами, появлялись скромные, но такие благолепные и намоленные храмы, что было удивительно совершать богослужения в них, смотря на лица молящихся, обращающихся к Спасителю и Его Пресвятой Матери – не имея другой защиты, кроме небесной...

С детьми моими тоже пришла Божия помощь в лице многих добрых прихожан, как например, Раиса Ильинична Заворотная – казначей нашей Миссии; портниха добрая, заботливая, взяла на свое попечение Сережу. Юрик нашел службу. Леночка работала в Красном Кресте. Сандик стал ходить в немецкую школу. Сережа тоже начал учиться и делал быстрые успехи в языке, перегоня братьев. Жизнь в Бад-Наугайме казалась нам вроде рая после всего пережитого.

Однажды, когда я вернулся домой из одного из лагерей в окрестностях Бад-Наугейма и собирался переодеться, так как весь промок от дождя, хозяйка дома, очень милая и хорошо относящаяся к нам всем и моим детям особенно, сообщила мне, что меня ожидает в приемной американский сержант. Когда я вошел туда, то увидел высокого, статного, красивого блондина с голубыми глазами. Он представился:

– Джон Ковальский.

«Что ему нужно от меня? Надеюсь, не какие-нибудь неприятности с американскими властями», – пронеслось у меня в голове, привыкшей к внезапным переменам.

– Что вам угодно? – спросил я как можно спокойней, по-немецки, так как он заговорил со мной на этом языке, но почему-то у меня забилось быстрее сердце.

– Чем могу вам служить? – добавил я, надеясь, что он пришел урегулировать какую-нибудь формальность по Миссии и оставит меня в покое, чтобы обсушиться. Вид мой, кстати, был весьма плачевный, особенно по сравнению с его щегольской формой.

– Я пришел к вам с визитом, чтобы просить у вас руку вашей дочери.

– Что такое? Простите, я не расслышал. Быть может, вы ошиблись адресом?

Он повторил свои предыдущие слова, поясняя:

– Нисколько. Я говорю об Олене, которая работает в Красном Кресте. Я ее босс и уже несколько месяцев, как я ухаживаю за ней. Мы любим друг друга и не спешили со свадьбой, но моя часть отсылается обратно в Соединенные Штаты через неделю. Я только что получил это известие, потому и поспешил к вам, чтобы получить ваше благословение. Я – католик и польского происхождения. Чтобы оформить все по всем правилам, когда начнут выписывать жен наших военных отсюда, Елена будет в их числе.

Я стоял, как громом пораженный, так как совершенно ничего не подозревал и, хотя Леночке минуло уже 17 лет, смотрел на нее еще как на маленькую, и будучи очень занят все время, не имел представления, что помимо работы и развлечений с подругами, у нее уже тайный жених и они хотят венчаться – когда ко всему еще Великий Пост!

– Благодарю вас за визит – я поговорю с моей дочерью и тогда дам вам мой ответ, – это было все, что я мог сказать ему. Сержант поклонился и вышел.

Вечером, пока я сидел и думал, как бы поступила на моем месте Танюша, ко мне вспорхнула совсем сияющая Леночка и, обняв меня, не давая мне времени придти в

Прихожане Векшайской церкви готовятся к празднику прп. Сергия Радонежского. 2001 г.

себя, заговорила: «Ты, конечно, дашь свое разрешение и благословение, папочка! Джони – чудный человек, лучше всех других. Он – мой босс; другие, что работают со мной, были бы в восторге выйти замуж за такого человека, но он любит только меня и мы выходим уже несколько месяцев вместе и знаем, что мы созданы друг для друга».

– Но он католик!.. Ты ничего не знаешь о его семье, и его ты знаешь всего без году неделя! Сейчас все равно Великий Пост – еще шесть недель. Венчаться нельзя. Подумала ли ты обо всем этом?

Леночка разрыдалась.

– Так значит, ты не хочешь моего счастья и меня не любишь!

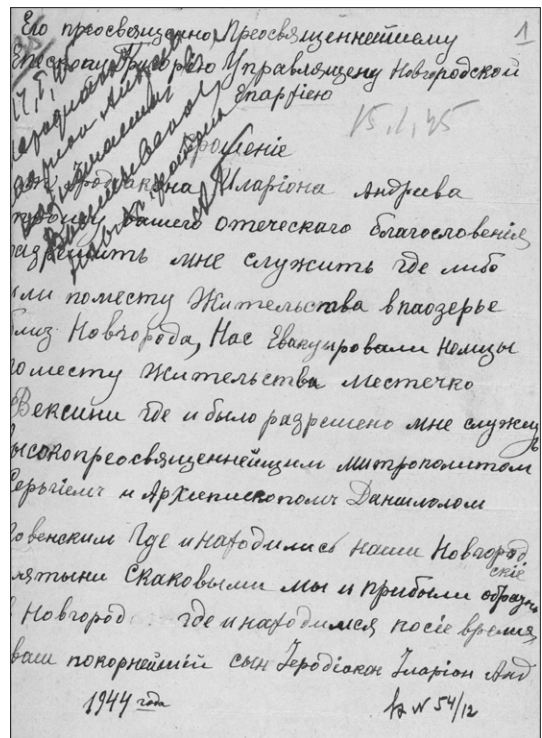
Чисто женские доводы – шантаж своего рода! Но, слава Богу, чутье моей дочурки оказалось верным. Удалось все уладить, получить разрешение на брак от Владыки Серафима – «в виду особых обстоятельств» и все прочее. Через несколько дней, после регистрирования в городской ратуше и католического венчания, я обвенчал мою Леночку с Джоном в нашей православной церкви.

Спустя несколько месяцев моя новая американская гражданка выехала к своему мужу, который оказался всем, чего можно было пожелать в своем зяте. Узнав Джона ближе, я полюбил его, как сына.

С тех пор прошло 35 лет. У них сын, Леонид – талантливый архитектор. Последние 27 лет они живут в своем доме, в Оранже, близ Лос-Анжелоса. Он и она работают на

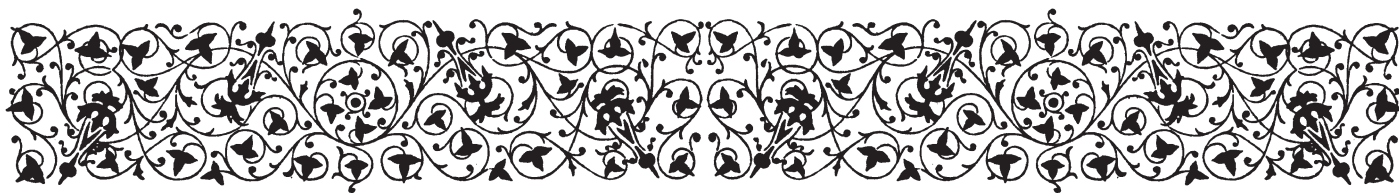
ответственных постах. Дом их – один из самых гостеприимных, в которых мне пришлось побывать и погостить за мою долгую жизнь. У Леночки на редкость любвеобильное сердце! Она пошла в свою маму – дорогую, незабвенную мою матушку Танюшу. Что больше я могу сказать!..

В начале 1948 года, когда все больше православных беженцев были переведены в другие места Германии или переехали в другие страны, так что наша деятельность начинала сужаться, я получил приглашение и аффидавит от Владыки Архиепископа Виталия – занять место второго штатного священника с окладом в 75 долларов в месяц и даровой квартирой при соборе Русской Зарубежной Церкви в Нью-Йорке. Владыка писал о большой нужде в пастырях с опытом служения. Я с радостью согласился принять новое назначение...

Свидетельство иеродиакона Илариона (Андреева), служившего в Векшнях вместе с о. Александром Чернаем, о возвращении мощей свв. Новгородских чудотворцев из Литвы в Новгород. 1944 г. Из архива С.-Петербургской епархии

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Священник Алексей Ионов

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА

1. Рига—Псков

Это были дни августа 1941 года, когда группа православных священников из Риги только что прибыла в Псков для организации церковной жизни в северо-западных областях России, оккупированных германскими дивизиями. Необходимость в Псковской Миссии была осознана митрополитом Сергием, Экзархом Латвии и Эстонии, сразу же, как только стали поступать первые просьбы из Пскова и других городов о присылке священнослужителей в эти места.

Громадный край от ст. Сиверской, что под Петроградом, до Опочки был давно превращен советской властью в церковную пустыню. некогда прекрасные храмы были разрушены, поруганы, превращены в склады, мастерские, танцевальные клубы, кино и архивы. Репрессированное духовенство в основной своей массе погибло в концлагерях Сибири. Два-три уцелевших подсоветских священника, запуганных, душевно-усталых и неподготовленных, никак не могли взять на себя труд организации церковной жизни населения в несколько сот тысяч человек. А духовный голод, жажда церковной молитвы, таинств и проповеди остро ощущались в этих местах.

Немецкие власти долго не соглашались на организацию Псковской Миссии; в конце концов, они дали свое согласие на поездку 15 православных священников из Прибалтики в страну «за чертополохом».*

Я был одним из посланных церковной властью в эту Миссию священников. Все, что я пишу сейчас, может быть, будет небезынтересно в наше время, когда о русском народе пишут кто угодно и что угодно.

Получив согласие соответствующих властей на посылку миссионеров в Псковский и Новгородский край, митрополит Сергей предписал целому ряду священников, тем, кто помоложе, отправиться в Псков, без каких бы то ни было предварительных разговоров с ними. О нашем личном согла-

Псков. Свято-Троицкий собор

сии никто не справлялся. Все делалось в рамках церковной дисциплины, церковного послушания. Это первое, что необходимо отметить. К чести нашего духовенства, никто не отказался от участия в Миссии, от церковной работы в тех местах, где годами не звучало слово Божие, не совершались богослужения, где народ молился лишь «про себя», сокровенно. Всем было ясно, что здесь нечто экстраординарное. И, хотя поездка в Псков неизбежно была связана со всеми трудностями и опасностями военного положения, она, тем не менее, состоялась. Следует указать и на тот факт, что со стороны немецких властей никаких инструкций специального или специфического характера Миссия не получила. Если бы эти инструкции были даны или навязаны, вряд ли наша Миссия состоялась. Я хорошо знал настроение членов Миссии. С немцами мы все считались по принципу — «из двух зол выбирай меньшее». Что немцы — зло, никто из нас не сомневался. Ни у кого из нас не было, конечно, никаких симпатий к завоевателям «жизненного пространства» нашей родины. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по Вере и по крови, — вот что наполняло наши сердца.

Итак, мы тронулись в путь. Направление — Псков-Новгород. Единственная цель — помочь народу, впадшему «в разбойники» (Лк. 10). Некоторые из нас предполагали встретить в России пустое поле в религиозном отношении. Они очень ошиблись. Там мы нашли такую напряженную духовную жизнь, о которой за рубежом и не догадывались. Но все это — при полном отсутствии, конечно, нормальной церковной жизни. Устроить, организовать приходскую жизнь и стало нашей задачей.

В древнем Пскове

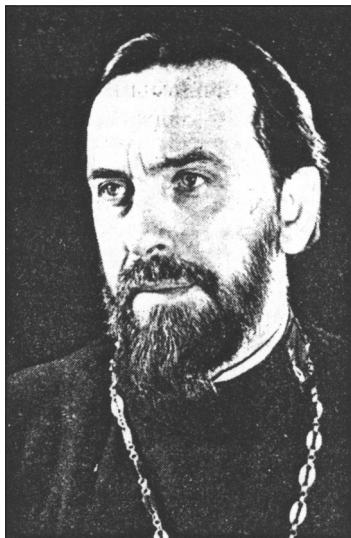
Древний Псков — русский Нюрнберг — стоит на реке Великой. Город незабываемого очарования. Сердце города — Кремль с Троицким собором. Прекрасный кафедральный собор доминирует над всем Псковом.

«За Святую Троицу» — старинный клич псковичей!

Сколько полегло их с этим восклицанием на устах на городских стенах, отражая приступы немецких рыцарей, ляхов и литовцев.

* «За чертополохом» — термин, родившийся в среде русской эмиграции, означавший Россию под Советской властью, огражденную от всех «чертополохом». Более поздний синоним — «железный занавес». Особую популярность словосочетание получило после выхода в 1928 г. в Риге одноименного романа генерала от кавалерии, военного писателя П.Н. Краснова.

Прот. Алексей Ионов

Троицкий собор – самая великая святыня всего Псковского края. Там хранились мощи свв. благоверных князей Псковских Всеволода-Гавриила († 1138), Довмонта-Тимофея († 1299), тут же висел Довмонтов меч. Стояли гробницы месточтимых псковских архипастырей, еще не прославленных Церковью.

Большевики осквернили собор при первой возможности. Чудный храм стал антирелигиозным музеем. В Мирожском монастыре, что стоит на берегу Великой – на Завеличьи – изумительные

фрески XII века. Даже большевики называли этот монастырь – музейный объект № 1. Он давно пустует, конечно, как и другой, Иоанновский женский монастырь. Прелестные церкви особой, неповторимой псковской архитектуры, наполняющие улицы города, разрушены, осквернены. Город Русской Славы, город великого благочестия стоит молчаливым укором новому времени, новым его поработителям.

Мы прибыли в Псков к вечеру 18 августа 1941 года, в канун праздника Преображения. В Троицком соборе только что окончилась служба; ее совершал, на неделю раньше нас приехавший из Латвии же, протоиерей отец С. Е.* Народ, переполнявший громадный храм, молча, уже в полной темноте (все светильники погаснут от порывов ветра в разбитые окна собора) подходит к амвону. Там заканчивается помазание освященным елеем. Нормально это делается, как известно, в середине всеобщего бдения, но сейчас такая масса людей, что этот обряд продолжается и по окончании службы.

Подошли к амвону и мы... Светлый праздник Преображения встречали мы уже на Русской Земле, на родине своих отцов и прадедов, но в темноте... В этом было что-то символическое. Катакомбы все еще оставались катакомбами. Троицкий собор – вчера еще антирелигиозный музей, как бы мог сразу преобразиться, «прийти в себя», просветиться. Такие контрасты! Вчера – насмешки, хула и поругание. Сегодня – чудные церковные песнопения, веками звучавшие в этих стенах. Лики святых – предмет вчерашних иронических замечаний руководителей антирелигиозных экскурсий, а сегодня перед ними же благоговейно [стоит] коленопреклоненная толпа. Кто видел оскверненные храмы, тот знает, как трудно сразу «войти в себя», забыть то, что было, сосредоточиться. Со сложными чувствами легли мы спать в ту ночь в доме городского головы – русского псковича, – кто на кроватях, кто на полу, почти вповалку...

На следующий день все наши миссионеры приняли участие в праздничной Божественной литургии. Опять многотысячная толпа наполняла Свято-Троицкий собор, но сейчас он весь залит солнечным светом. Праздник Преображения – радостный праздник, и все лица молящихся просветленные. Первая встреча с русским народом. И эта

встреча – в храме. Перед Богом, Который все видит, все знает и может многое простить!

Как благодарно переживают псковичи наш приезд. Как они внимательно вслушиваются в слова нашей первой проповеди. Без конца идут они под благословение, подводят к нам своих детей, целуют благословляющую руку. «Благослови, батюшка! Благослови, отец!» – звучит отовсюду. Кто-то после проповеди, подходя к кресту, шепчет на ухо, подсказывает: «Побольше говори о горнем Иерусалиме»... Древняя Русь. Как будто ничего не произошло. Как будто отвоевала Литва и снова ушла к себе, а город, быстро залечивая свои раны, начинает свою обычную нормальную жизнь, в которой Церковь занимает первое почетное место...

Проходим по улицам. Десятки лет некрашенные дома. Большею частью деревянные. Все расползается, все одряхлело. Советское строительство здесь представлено двумя-тремя уродливыми водонапорными башнями. Но все наше внимание обращено на население. Измученные лица, обтрепанное платье, скверная обувь – после нарядной, богатой, «капиталистической» Риги – так все выглядит невыгодно, убого. Но дело не во внешности, а в том, что и на улицах нас останавливают, подходят к нам, просят благословить. На улицах кучки народа. Нас с интересом рассматривают. Удивляются, наверное, нашей молодости, нашей хорошо сшитой, добротной священнической одежде.

Мы идем группой. Своеобразный крестный ход! Псковичи крестятся, вытирают слезы на глазах. Сон – не сон. Боятся поверить, что это наяву. Годами, ведь, не видели так спокойно, с достоинством проходящих «служителей культа», «врагов народа». Но население бедствует. Только что бежали красные. По пути отступления ими сожжены все продовольственные базы. Немцы добирают последнее. Но не привыкать русскому человеку к разорению. Судьба никогда не баловала его. Кое-как перебивается он и сейчас.

Третий день нашего пребывания в Пскове начинается для нас неприятным сюрпризом. Часов в

пять утра нас поднимают на ноги немецкие солдаты с винтовками в руках. Проверяют документы и выводят на улицу

Древний Псков. Звонница церкви Богоявления с Запсковья

наспех одетых. На улице накапливается уже большая толпа таким же образом взятых жителей города. Сразу же замечаю, что это только мужчины. Тут же передают, сообщают, что комендант города, генерал Балангаро-Гравена, в порядке репрессии за расстрелы немецких постов по ночам – решил интернировать все мужское население Пскова в один из лагерей под Псковским монастырем, в 60 км от города. На лицах наших миссионеров – растерянность: неужели вот этим и закончится наша миссия? Скоро, однако, выясняется, что для нас это – недоразумение, но что для остальных – это горькая действительность.

Плач и слезы оставшихся жен, матерей, детей наполняют древний город. Сколько раз оглашался вот такими воплями несчастных русских женщин этот город – в истории? Так наша Миссия практически начинает знакомиться с обстановкой на месте. Большинство депортированных, впрочем, скоро вернулись к своим семьям.

В Пскове мы прожили не больше недели. Быстро возник у нас контакт с местным населением. Нас сразу же стали просить послужить в разных пригородных церквях, наспех отремонтированных самими же верующими. Узнав о пребывании Миссии в Пскове, стали появляться ходоки и из более отдаленных мест: просить священников на приходы. Наступило время разъезда. Миссия должна была рекомендовать себя на местах. Перед нашим разъездом к нам как-то случайно забрел немецкий пастор в военной форме. Пастора с Эльбы давно уже интересовало Православие. Мы с ним долго беседовали на религиозные темы. Он упрямил нас спеть ему несколько православных песнопений. Для нас он спел ряд старинных хоралов. Так состоялась в древнем Пскове «экуменическая» встреча. Другого пастора я видел в Свято-Троицком соборе, с изумлением наблюдавшего общую исповедь двухсот-трехсот человек. Это были единственные встречи с немцами в Пскове, если не считать тех солдат, чуть ли не штыками поднявших нас в то нерадостное утро, о котором я уже упоминал.

Мне выпал жребий ехать в К., небольшой городок в 50 км от Пскова. Наняв какого-то «извозчика» с полумузейным экипажем, я тронулся в путь с отцом С. Е.*, престарелым священником, возвращавшимся домой. Это был почтенный протоиерей, чудом спасшийся с группой других наших священников от расстрела при отступлении большевиков из Латвии в 1941 г. Он мне рассказывал, как были арестованных священников на допросах. Лицом об стол. Особенно они так мучили моего друга юности о. Я. Л.** Но почему же я, переживший год советской оккупации Прибалтики, не был арестован? Не дошла очередь. Фамилия моя, впрочем, уже называлась при допросах... На страницах советских газет меня уже именовали «мракобесом» за мои апологетические лекции, читанные в свое время. Круг суживался. По телефону все чаще спрашивали: «Отец Алексей дома?» – «Да, дома». – «Ну, слава Богу». – «Кто говорит?» – «А это не важно»... Сколько мы ловили на

*Протоиерей Сергей Ефимов (1878–1967), первоначально возглавлявший Псковскую миссию с 17 августа по ноябрь 1941 г.

** Речь, вероятно идет о прот. Иакове Легком (1906–1982)

Псков. Церковь св. Иоанна Богослова на Мишариной горе

себе взглядов сожаления, сочувствия. Мы были обречены. Вспоминается, как однажды подходил я к нашему Рижскому кафедральному собору. Вижу знакомого священника. Он уже в штатском. По приятельски шутит, глядя на мою рясу: «А ты все еще проповедуешь?» В тон отвечаю ему: «На сие бо изыдох». Через несколько дней милый мой отец А. Н. пропал. Его арестовало НКВД. Но я отвлекся...

С отцом С. Е. мы едем в К. Серенький будничный день в конце августа. Едем медленно. Лошадка у нас не ахти какая. Под стать нашему экипажу. Я лично еду в полную неизвестность. На руках пропуск на гильзовой бумаге. Несложный багаж в одном чемодане. Отдельно пакет с медикаментами. Среди них преобладают дезинфицирующие средства. Нам придется жить, спать в разных углах. Кто попал на север, тот отпелал умерших от голода тут же в избе, гда на холодной печи плачут дети. Чем дальше на север, тем условия жизни труднее. Миссионеры голодают неделями. Никаких специальных пайков мы ни от кого не получали. На руках у нас были «хлебные карточки», выдаваемые местному населению.

...Скоро нас останавливает военный патруль. Оказывается, где-то рядом аэродром. Нас направляют в какой-то штаб. Я почему-то больше всего беспокоюсь за нашу лошадку: отберут или оставят? Не так просто продолжать путь *per pedes apostolorum* в незнакомых местах. Все обошлось, к счастью, благополучно. Нас отпускают, и мы продолжаем свой путь. К полудню останавливаемся у какого-то колхоза. Надо подкрепиться. Едем к первой избе. Перед нею колхозник средних лет молотит снопы вручную – какими-то палками. Способ ультрапримитивный, но опытные люди говорят: ни одно зернышко не пропадает... Обычный вопрос: «Ну как? Одолевают немцы?» – «Немцы – ерунда, – твердо отвечает колхозник. – Они же берут только пол-урожая, а половину тебе оставляют» – «Значит, жить можно?» – «Да еще как! – поддегивает он головой. – Наши-то ведь все отбирали! Понимаешь?»

Мы чувствуем, что здесь суть дела сводится к вопросу: грабеж совершенный или полуграбеж, и что колхозник решает означенную проблему, как видно, на основе только арифметических соображений. Никаких патриотических эмоций, увы, за этим решением не угадывалось... На груди у колхозника я вижу самодельный крест из советской серебряной монеты. «Чтобы немцы за коммуниста не считали», – объявляет колхозник. На нас он смотрит без большого интереса. Вероятно, думает, попы, как попы. Выражение

лица: нас ничем не удивишь... Усталость, нужда, забота о куске хлеба. Самодельные крестики мы потом освящали уже сами – сотнями! Народ их раскупал нарасхват. Едем дальше. По дороге почти никого не встречаем. В колхозах по сторонам дороги большого оживления также не наблюдается. На многих крышах нет соломы. Скормили скоту еще до войны! Нищета сквозит отовсюду. Дороги, кое-как насыпанные, местами совсем разбиты. Немцы начнут позже за дорогами строго следить. Русские военнопленные в лютую зиму с 1941-1942 и в следующем году будут все время приводить их в порядок. Черные пятна на снегу – замороженные трупы – жуткие ветлы в снежную метель – и сейчас стоят у меня перед глазами... Не доезжая 10 км до К., встречаем двух женщин, одетых по-деревенски. В черных платочках. Это делает их похожими на монашек. Низко кланяются нам – опять-таки почти по-монашески – спрашивают:

– Куды это, батюшки, вы направляетесь?

– Едем в К.

– Неужто?

Отвечаем: «Да, да»...

– Господи, какая благодать! А мы-то ведь в Псков шли – раздобыть священника к Успенову дню...

Я уверенно говорю им: «Вертайте! Мы же к вам едем»...

– Господи! Радость какая! – шепчут обрадованные женщины. – Сам Господь послал нам батюшек...

Я никогда не забуду этих простых, верующих женщин! Сколько в них было желания, а главное – воли устроить праздник, помолиться, как следует. И вот – котомку с куском хлеба за плечи и, пешком, без документов, без денег – в Псков: «Слышать, там батюшков много навезли!»...

Потом я узнал их ближе. С. – женщина средних лет, одинокая стахановка, золотые руки. Полумонашка. Ради Церкви все сделает. Ночь не поспит, а облачение к празднику будет готово. Для нее как будто и не было большевиков на Руси. Сразу же она вся растворилась в церковных делах, в церковных послушаниях.

2. В Острове

Полусожженный город. Он также стоит на реке Великой. Один из старинных городов-крепостей на западных рубежах Московской Руси. На базарной площади собор екатериненских времен. Он давно закрыт большевиками. Они в нем устроили склад для зерна. Хорошо, что не осквернили еще

до конца. Но внутри, конечно, все уничтожено. Ни одного престола (их было три), ни одной иконы. Только где-то под куполом остались не тронутыми ангелы... Настоятель этого некогда прекрасного храма протоиерей Вл. Ладинский

Остров. Храм свт. Николая, где служил свяц. Алексий Ионов

был убит большевиками сразу же после октября 1917 г. Его тело чекисты проволокли по всем улицам маленького города. Его кровью напитались все камни на дороге. С любовью и благоговением вспоминали жители Острова этого пастыря, дерзнувшего с амвона предать анафеме власть интернациональных преступников. Десять лет тому назад, по крайней мере, – они еще так его вспоминали...

Сохранилась в относительном порядке церковь на кладбище Свв. Жен-Мироносиц, при большевиках – архив райкома. Церковь крохотная. Не больше ста человек могло войти в нее, а все остальные сотни стояли во время богослужения у порога на паперти и вокруг, жадно прислушиваясь к каждому возгласу из алтаря. В этой кладбищенской церкви я служил первые дни своего пребывания в Острове. Третья церковь в городе была превращена в кузницу, четвертая – самая древняя – на островке, между мостами – была полуразрушена.

Запомнилась служба под Покров Божией Матерью (14 октября нов. ст.). Весь народ – «советский» – поет местным прекрасным распевом – «Величит душа моя Господа» – «Честнейшую». Прикладываясь, люди целуют икону праздника, подходят к елеопомазанию и – вот слышу, пение прерывается плачем, рыданием. О чем плачут в этот светлый праздник русские люди? От радости, что вот – дождались праздника? Или им припомнились пастыри, служившие в этом храме задолго до меня и поумиравшие давно уже в тюрьмах? Или припомнились им близкие, которых «фараоны» давно уже сгноили на крайнем севере в концлагерях? Много было причин этим слезам во время «Честнейшей»... Я помню только одно – разделяя скорбь своих новых чад духовных, я плакал вместе с ними...

Никита-политрук

Жить я устроился в полуподвальном помещении у одного простого верующего человека, инвалида финской войны. С ним и его семьей я быстро сдружился. Несмотря на отвратительные условия, я жил у них несколько месяцев. Моего хозяина злые языки называли «политруком». Позже я узнал, что вся его политическая деятельность сводилась к чтению в роте политических статей по приказанию начальства в отсутствие комиссара: Никита оказался, к несчастью, самым грамотным солдатом. «Политрук» этот в первые же дни нашего знакомства познакомил меня с престарелой схимонахиней, которую он очень уважал и без совета и благословения которой он ничего не предпринимал. Вот так и «политрук»!

В семье, с которой проживала эта старенькая монахиня, в свое время послушница одного из женских монастырей под Петроградом, я познакомился с Верой, молодой учительницей, женой советского лейтенанта. Она была одной из представительниц советской интеллигенции, чьей души не коснулся яд безбожия и неверия. Помню ее рассказ, как она прятала в педагогическом институте

* Заведующий общим отделом Восточного министерства Лейббрандт, специально обследовавший район Пскова с медицинской точки зрения, в донесении министру Розенбергу в ноябре 1941 г. писал «о крепости русской семьи и о высокой морали русской женщины, поставившей «в очень трудное положение» немецких солдат и офицеров своей недосутпностью» (Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 2 (14). С. 152-153)

свой крестик, с которым никогда не расставалась. При немцах она работала в офицерском собрании. На вопрос, не обижают ли ее немцы, Вера – стройная, миловидная женщина лет 27 – твердо ответила:

– Как себя, батюшка, поставишь, так к тебе и будут относиться!

Было ясно, что эту русскую женщину не так легко соблазнить дешевыми подачками и что она держала гг. завоевателей на самом приличном расстоянии*.

Припоминаю, как, выходя из уже отремонтированного Св. Троицкого собора, после только что совершенного ряда бракосочетаний – венчание двух, трех, четырех пар одновременно было самым обычным явлением в те времена – я слегка пожурил группу толпившихся у выхода девушек: «Приходите в собор только глазеть, грязи нанесете, а убирать-то все тому же сторожу!»... На это мне одна из них, побойчее, ответила так: «Батюшка, не совсем-то мы уже без дела в церковь ходим. Ведь надо же посмотреть, что да как. Венчаться-то, небось, и нам придется. А мы и повернуться не знаем как в церкви!...» Я должен был признать, что у этих девушек был свой резон. И больше им от меня не попадало.

Был я свидетелем и такой сцены. В одном из колхозов мой доверенный человек восстанавливал церковь, превращенную большевиками в танцевальный зал. Прибывая доску к стене, он, видя проходивших мимо девчат, бросил с горечью в их сторону: «И все это поругание через вас произошло!» Одна из проходивших тихо ответила ему так: «Брось лаяться, дядя Миша. Мы завтра придем с утра и вымоем полы в церкви...» Вероятно, среди них были комсомолки.

Молодой советский инженер Н. Н. Я очень сомневался в его дипломе. Он мне оказывал бесконечные услуги по делу восстановления храмов, а восстановил я их около пятнадцати. Но сомневаться в его вере, в его искренности было нельзя. В прошлом беспризорник, – «На всех базарах, батюшка, крал сметану», – простосердечно признавался он (вероятно, в те времена, когда сметана еще появлялась на советских рынках), – он творил чудеса, когда речь шла о том, как устроить тот или другой ремонт в церкви, как раздобыть торф для отопления и прочее. Его жена и дети были олицетворением самой благочестивой семьи. Контрасты? Да.

Вспоминаются советские молодые педагоги, с которыми я вел самые душевные разговоры. Один из них, воспитанник Ленинградского педагогического института имени Герцена, все время уверял меня:

– Хотя я не верю в Бога, но я от Него не отрекаюсь. Докажите мне, как следует, и я уверую!

Очень он пенял на меня, почему я не зашел к нему на Рождество:

– Мы вас так ждали, и икону повесили!

Жена у него, впрочем, была верующим человеком... Другой учитель – тонкий ценитель поэзии и литературы, рассказывал о чтении в нелегальных литературных кружках запрещенных поэтов. Уже в Америке я встретил такого же эстета, отсидевшего за свое увлечение недозволенными поэтами очень солидный срок на поселениях в Сибири... С этими «кандидатами в партию» у меня возникли самые лучшие отношения, и оба они мне очень помогли по оказанию помощи нуждающимся жителям города, когда я организовал, не больше не меньше, как «русский Красный Крест». Немцы терпели эту организацию до моего отъезда в Псков. Мы расклеили на всех углах свои воззвания

Остров. Свято-Троицкий собор

о сборе продуктов для военнопленных и взяли на себя попечение об одном лагере для военнопленных. Нам, конечно, не по силам было кормить около 200 человек, но мы старались их хотя бы подкормить, давая дважды в неделю человеческие обеды. Смертность прекратилась по прошествии двух-трех недель. В этом деле очень помогли мне жены советских офицеров. Надо было видеть их самоотверженность, настойчивость и подлинное христианское милосердие.

Моими самыми большими друзьями были дети. Их там было великое множество. В лохмотьях, голодные, они, тем не менее, оставались прекрасными русскими детьми. Я скоро стал вести с ними регулярные занятия по Закону Божию. Как радовали они меня своими успехами: молитвы они учили «вперегонки». Внимание ко всему церковному было изумительным. В храме они занимали всегда первые места, терпеливо выстаивая длинные наши, такие недетские, богослужения. Вспоминаю и молодежь – постарше: 17-19 лет. Вот как-то на улице останавливают меня две девушки:

– У нас к Вам, батюшка, дело... – указывая на подругу, одна из них говорит:

– Она долго не верила в Бога. Я ей доказала, что Бог есть. Она теперь уже больше не сомневается. Теперь ее надо только окрестить! Я ее, как могла, подготовила, так что Вам особенно не надо будет беспокоиться.

С интересом смотрел я на этих юных христианок. Впервые я слышал из уст шестнадцатилетней девушки слова: «Я ей доказала, что Бог есть».

Я крестил Светлану. При крещении я предложил ей оставить свое старое имя. На это она мне твердо ответила:

– Нет, я хочу, чтобы у меня теперь было все новое. Все новое...

Эти две девушки положили начало евангельскому кружку, в котором я проводил беседы – «евангелизацию» – дважды в неделю. Число членов этого кружка быстро достигло 40 человек. В него входили люди разного возраста. Среди них были врачи, учительницы, портнихи и просто домашние хозяйки; если бы я сделал хотя бы одно объявление о наших занятиях в кружке, то число членов умножилось бы на много больше. Но я этого не мог сделать. Слишком много было у меня другой работы, а я был один. Край, порученный мне, тянулся на километров 50-70 в радиусе. Вызвали меня как-то по делу этого кружка в военную комендатуру:

– По нашим сведениям, Вы собираете у себя крестьянскую молодежь. Для какой цели? Я отвечаю:

– У меня собирается, прежде всего, не крестьянская молодежь, а христианская. Собираю же я ее для «конфирмации».

Ответ был признан удовлетворительным, и меня отпустили «с миром» – продолжать «конфирмацию» русской молодежи.

3.

В соборе, который мы отремонтировали своими личными средствами – народ последнее давал на восстановление храмов – я приобщал в первые месяцы нашего пребывания в России от 500 до 800 человек сразу же за одной литургией. Их же я, конечно, и исповедывал. На общей исповеди, разумеется. Крестили до 80 младенцев одновременно. Совершали до 10 погребений. Венчали по три-пять пар, как правило, в одно и то же время. Службы в воскресный день начинались у нас в 7 ч. утра и для меня кончались с такими крестинами, погребениями, венчаниями в 4 ч. дня! Невероятно, но это так.

Входишь в храм, переполненный задолго до службы народом. Многие сидят прямо на полу, отдыхая от дальнего пути. По русскому обычаю все тянутся за благословением. В алтарь, поэтому, сразу не войдешь! И то же самое после службы. Как легко проповедывалось на Родине! Как жадно слушали там пастырей. Как благодарили, не утомлялись! Лучшее время моего пастырства – время, проведенное в Псковской Миссии, хотя внешне она протекала в самой суровой обстановке. Кругом партизаны. Встреча с ними – конец. Им не втолкуешь, что мы проповедуем Христа Распятого. Мы на этой стороне – значит, враги... Бог хранил меня, хотя и были самые «злые состояния». Не хочется их и вспоминать. Преждевременная седина – следы этих переживаний. Людей, исколотых штыками партизан, мы хоронили неоднократно. Уезжая за сорок-пятьдесят километров куда-нибудь на освящение храма, прежде всего мы долго молились дома, долго крестились, целовали фотографии своих близких – прощались «в суриоз». Кто его знает – вернемся ли? И так уезжали, безоружные, беззащитные, оградясь только силою животворящего Креста...

Вспоминаю и ряды повешенных уже немцами девушек-комсомолок и пареньков за связь с этими партизанами. Первый раз в жизни я увидел это жуткое зрелище. На базарной площади среди бела дня. В состоянии оцепенения вернулся домой. Жена церковного старосты испуганно спрашивает: «Что с Вами?» Мое лицо обезображено страшной судорогой... Не так просто смотреть на повешенных!

Дома меня ждут немецкие офицеры из отдела пропаганды. Видите ли вы, они хотели бы узнать мое мнение, мнение священника: следует ли продолжать вешать людей на базарной площади или нет? И какое это производит впечатление на местное население? Я чуть не кричу, чтобы они меня оставили в покое, сейчас же оставили мой дом, что я именно, как священник, никому не могу давать советов, как удобнее приводить в исполнение приговоры военно-полевого суда; как они этого не понимают?! Смущенные офицеры покидают меня, заверяя, что они не хотели меня расстроить, они хотели только узнать одно, как лучше?..

В то же время в моей приемной, т. е. на кухне – я уже успел перебраться в один из бывших церковных домов – сидят две молодые женщины, беженки из-под Ленинграда. Их дети голодают в соседнем колхозе. Они все давно уже

Остров.
Церковь
свв. Жен
-Мироносиц.
Современный вид

не ели, как следует... Если им никто сейчас не поможет, они убьют себя и своих детей. Печать отчаяния уже легла на их глаза. Одна из женщин с интеллигентным лицом – она впоследствии оказалась квалифицированной сестрой милосердия – беспомощно наклонила голову, как в ожидании приговора. Ноги закручены в тряпки. Они давно промокли от снега. Я смотрю на правильные черты ее заплаканного лица, и передо мной встает образ всей многострадальной России, образ русского горя... Мне удалось им помочь.

Дети расстрелянного профессора

Летом 1942 г. в мой дом вошло двое детей. Они шли с потоком беженцев из-под Ленинграда. Оборванные, исхудалые девочки. Одной лет 9, другой 13. Пока их кормят, я расспрашиваю детей. Тела их покрыты нарывами от недоедания. Волосы на головах сбились в сплошной комок. На одной из девочек – когда-то хорошенькая матросская блуза. Заношена дочерна. Меня трогает почему-то именно эта детская блуза. Ведь она так подчеркивает, что ребенок – ребенок. Смотрю на измученные лица, и острая жалость охватывает меня. На глаза навертываются слезы. Чтобы скрыть свое волнение, говорю, что они никуда дальше не пойдут – а идут они туда, где больше хлеба, – что они останутся у меня на первое время, а там видно будет. Жена церковного сторожа отмывает их несколько дней. Церковным сторожем у меня сделался «политрук», о котором я уже рассказывал и который стал одним из моих лучших друзей. Из Риги для детей присылали необходимые вещи. Их отец – профессор Военно-химической академии в Москве, расстрелян за троцкизм. Мать их – в ссылке, в одном из лагерей на Волге. Дети под Ленинградом жили у дедушки и бабушки, умерших недавно от голода. «Вот мы и пошли искать хлеба»... Я их крестил. Они жили у меня какое-то время, как мои родные дочери.

Иногда дети вспоминали о своем детстве, о жизни в Москве. – Иду я с папой, – рассказывала старшая, – по главной улице Москвы. Навстречу нам – старенький священник. Я уже была пионеркой и сразу же крикнула: «Поп! Поп!» Мой отец – в свое время он был верующим – резко обрывает меня и требует, чтобы я подошла к священнику и попросила... прощения! Красная от стыда и волнения, я подхожу к нему, а сама ломаю голову, как же к нему обра-

титься: «Товарищ поп»? Можно ли так?.. А когда мы шли уже во время войны по деревням, нам во многих домах не давали хлеба; мы с сестрой решили помолиться, как это часто делала бабушка. И вот, подходя к одной избе, мы с отчаянием первый раз в жизни помолились – сказали:

«Господи, помоги!»...

Встречи с военнопленными

Когда отношение немцев к русским военнопленным стало меняться – увя, это произошло только к концу войны – я постарался вступить в контакт с военнопленными и хоть чем-нибудь помочь им. Я взял под свой протекторат небольшой лагерь под К. Там было не больше 200 человек. Все, что мы могли с помощью населения сделать – это сварить для этих несчастных дважды в неделю мало-мальски приличный обед, состоявший, конечно, из одного блюда... Но и это было уже много: смертность в лагере заметно уменьшилась. Как жаль, что погибли письма этих несчастных людей!

Добился я и разрешения совершить для военнопленных Пасхальное богослужение. Правда, оно, по требованию начальника лагеря, было совершено в храме, откуда предвзвительно все остальные должны были выйти; двери храма охранялись вооруженными солдатами, но, тем не менее, человек 300 военнопленных, по личному желанию, наполнили наш храм, и для них было совершено специальное Пасхальное богослужение. С каким волнением я его совершал. Я произнес слово, в котором убеждал их не падать духом, помнить, что их матери молятся о них... При упоминании о матерях у многих на глазах показались слезы. Со слезами на глазах слушали военнопленные и радостные пасхальные песнопения. Одевая каждого не одним традиционным, а четырьмя-пятью яичками – их принесли накануне верующие люди, как только я объявил им о богослужении для военнопленных, – я приветствовал

всех обычным: «Христос Воскресе!» И все, как один, отвечали: «Воистину Воскресе!» Это были бойцы красной армии, попавшие в плен в 1941-1942 году.

Осведомитель

Как-то иду по улицам К. Какой-то вертлявый подходит и, вкрадчиво, вполголоса, предлагает мне свои услуги в качестве осведомителя. «К вечеру каждого дня Вы будете знать, что делается в городе»... Брезгливо отказываюсь от этих услуг.

Освящение храмов

Всего, как я уже отметил, за время моего миссионерства восстановил и освятил до пятнадцати храмов. Поруганные храмы восстанавливало, конечно, само население. Своими силами, своими средствами. Как быстро ремонтировались эти церкви!.. На первых же богослужениях они омывались слезами молящихся. С каким душевным волнением совершались эти богослужения. Надо было лично наблюдать эту стихийную устремленность русского народа к своему родному Православию, к своим родным святыням. Народ русский по-прежнему взывает Бога и он по-прежнему народ Достоевского, предлагавшего судить его не по тем мерзостям, которые он творит, а по глубине его покаянных порывов... Посторонние наблюдатели могут в этом сомневаться, но мы – пастыри, принимавшие это покаяние, видевшие эту тоску по Правде Божией, – утверждаем, что народ русский в своей массе остался верующим народом, и, может быть, самым верующим народом на земле! То терпение, с которым он переносит свои страдания, поистине удивительно. И терпение это питается верой в Страдавшего Праведника, верой в Распятого Христа. Прав был Шмелев, говоривший: «Про Россию надо писать Евангелие»... Как курьез, припоминаю,

что мне пришлось освятить храм, построенный, вернее достроенный, по указу самого... В. И. Ленина. В первые дни октябрьской революции крестьяне села Н., где строилась новая церковь, получили из местного сельсовета распоряжение постройку храма прекратить. Предприимчивые мужики отправили своих ходоков, не больше не меньше, в Москву, к Ленину, за специальным разрешением. «Ильич» принял ходоков, выслушал их и великодушно дал свое специальное разрешение на окончание храма. С большой гордостью рассказывали мне местные крестьяне

В лагере советских военнопленных (под Смоленском, 1941 г.).

Советские военнопленные (на улицах Могилева, 1941 г.).

о своих успехах в Москве. В этом храме, совершая первую литургию после освящения его, я привлек к чтению поминаний трех юношей лет 16-17. Объяснил им, в чем дело, сказав им, как надо... молиться, как надо креститься, я потом следил за ними: с какой серьезностью они делали свое дело, как хорошо произносили: «Помяни, Господи»... Один я никогда бы не справился с этой важной частью нашего богослужения: чтением записок на проскомидии. Их была такая масса. Помогали комсомольцы!

Молодежь

Вспоминая советскую молодежь, я не могу не вспомнить рассказа одного беженца из Ленинграда, верующего христианина. Я считаю этот рассказ особенно выразительным. Сын этого беженца – юноша 19 лет, иподиакон одного из оставшихся не тронутым епископа в Ленинграде. Епископа, в конце концов, арестовывают и ссылают в Казахстан, за Каспий. Проходит какое-то время. И вот, юноша-иподиакон получает письмо от ссыльного епископа. Тот зовет его к себе: «Иначе я не выживу, я тяжело заболел... За мной некому присмотреть»... Юный иподиакон показывает письмо своему отцу и просит совета: «Как ты думаешь?» Отец смотрит на сына и говорит: «И ты еще советуешься? Ты должен быть там, где умирает твой епископ!» Юноша уезжает в казахстанские степи, ухаживает за своим епископом, устраивает катакомбную церковь; их раскрывают и ссылают на Крайний Север. Оттуда отец уже не получал известий. Этот рассказ – готовый материал для книги по русской агиологии наших дней.

...Вспоминается мне и другой юноша – колхозник, у которого годами болело ухо: в процессе гноения накапливалась дрянь. Из года в год он уезжал лечиться в Л. Но вот пришли немцы и он остался в беспомощном положении... «Когда боли усилились до крайности, я стал, как никогда, молиться. Я дал обет читать ежедневно акафист Спасителю, пока не пройдет моя болезнь. Долго я молился так. В один день рана сама раскрылась, гной вышел, и я исцелился. Но я так привык читать акафист, что продолжаю его читать ежедневно. Ну, конечно, если весь день работаю на поле, тогда я его не читаю»...

Отношение населения к нам

За двадцать восемь месяцев нашей миссионерской работы я не помню, чтобы кто-нибудь из подсоветских людей позволил сказать по нашему адресу нечто оскорбительное. Как правило, отношение большинства к нам было или доброжелательное, или самое корректное.

Не так вежливы были «завоеватели». Немецкие солдаты часто входили в наши храмы в головных уборах. Неоднократно я им предлагал снимать фуражки или уйти. Когда же я был в облачении, я просто приказывал: «Вон!» Между прочим, немецким солдатам запрещалось присутствовать на наших богослужениях. Но немцы, тем не менее, пытались проявить себя и в церковной жизни.

Директивы из штаба Розенберга

Как-то меня вызвали в штаб дивизии. С недоумением я явился туда. Здесь мне предложили перейти, не больше не меньше, на новый стиль, т. е. праздновать наступающее Рождество Христово по Григорианскому календарю, принятому на Западе. Юлианский стиль, принятый в России и по которому в течение тысячелетия русский народ отмечал все церковные праздники, этим самым предложением – по-военному – упразднился. Я категорически отказался исполнить требование немцев. Тогда меня вызвали к генералу, коман-

довавшему дивизией. Джентльмен по внешности и манерам, он мне объяснил, что получил такую директиву из штаба Розенберга и что ее необходимо провести в жизнь, так как новый стиль принят в «Великой Германии». Я ответил, что здесь еще не «Гросс-Дойчланд», что мы находимся в оккупированных областях России, что русские люди имеют свои тысячелетние традиции и что их надо уважать, ибо это дело совести. «Я вас понимаю, – ответил генерал любезно, – но что же делать с директивой из Берлина?» Я дал понять, что лучше всего ее было бы спрятать под сукно. Фактически так и было сделано. Мы праздновали Рождество Христово по старому стилю. Меньше всего я приписываю этот «дипломатический» успех своему личному влиянию. У армии, безусловно, были свои счеты с Остминистерством пресловутого Розенберга.

В ожидании ареста чинами гестапо

Это было уже в Пскове, куда я был переведен своим церковным начальством. Я совершал отпевание заживо сожженной русской семьи. Отец, мать, две девушки-дочери – 20 и 23 лет, мальчик 5 лет. Сожгли их СС, грабившие край и насилующие население. Отец отказался выдать своих дочерей на поругание пьяных соратников Гитлера. В результате – заколоченная дверь в доме и пламя, пожирающее все...

Совершая отпевание в старинном храме пятнадцатого столетия, при стечении множества возмущенных русских людей, я произнес проповедь, в которой изобразил весь ужас преступления, которое становится обычным явлением в так называемой «Второй Европе». «Если мы будем молчать об этих преступлениях, камни будут вопиять к небу! С такой Европой нам не по пути!» – закончил я свое слово среди слез и рыданий людей, наполнявших храм. До вечера я ждал своего ареста чинами гестапо, но меня не арестовали. Вероятно, очередной массированный налет на город советской авиации отвлек внимание от этих страшных похорон. Мое пастырское влияние с этого дня особенно усилилось. Я стал до конца своим!

Закон Божий в школах района

Школ в моем районе было до сорока. Осенью 1942 года начинались занятия в них. Я озабочен, как же будет с преподаванием Закона Божия. На днях должна состояться учительская конференция. Приглашение на конференцию я не получаю. Меня это мало смущает. Я и без немецкого приглашения буду отстаивать интересы верующих людей. И действительно, я являюсь на конференцию «непошленным гостем». С интересом слежу за прениями по поводу новой программы. В зале человек около ста подсоветских педагогов, преподавателей начальных школ. Программа продумана обстоятельно, но в ней ни слова о Законе Божием. И это будет школа, которую будут посещать дети моих благочестивых прихожан. Я беру на себя смелость взять слово по вопросу о программе. Я говорю о том, что русский народ всегда был религиозным, что все, что я здесь видел, подтверждает мой тезис. Кто может его оспаривать? Переполненные храмы, массовые исповеди, соблюдение всех старых благочестивых обрядов, традиций – налицо. От Церкви, утверждаю я, отошел лишь тонкий слой так называемой советской интеллигенции. Обобщать поэтому отношения всего русского народа к Церкви, как отрицательное – явная передержка, неправда, преступление. Внимательно слушают меня представители вчерашней советской интеллигенции. Вероятно, аргументы мои были неотразимы.

Псков.
Церковь
св. Космы
и Дамиана
с Гремячей
горы

Мое категорическое заявление о том, что Закон Божий будет преподаваться в школах нашего района, принимается и «к сведению и к исполнению». Возникает, правда, вопрос об оплате труда законоучителей. Представитель германской комендатуры заявляет, что в «Gross-Deutschland» Церковь отделена от государства и что «Religion ist Privatsache»... Я напоминаю, что в оккупированных областях России закона об отделении Церкви от государства еще нет, что все главные налоги – поборы натурой и живой силой происходят за счет местных крестьян, дети которых посещают народные школы, и что крестьяне, поэтому, имеют право рассчитывать на религиозное воспитание своих детей. Взыскивать с них еще специальный налог – «на религию» – недопустимо. Мое предложение, вернее, требование, было выполнено. Законоучители были введены в список оплачиваемого школьного персонала. Но кто же будет преподавать Закон Божий в сорока школах района?!

* * *

Городские школы и пригородные я взял на себя. Для остальных я лихорадочно разыскивал подходящих лиц из остатков прежней интеллигенции. Постепенно во всех школах появились иконы, молитва перед началом и после уроков и преподавание Закона Божия дважды в неделю. В связи с введением в школах Закона Божия я вспоминаю, как ко мне пришла одна молоденькая учительница из какой-то глухой деревенской школы с просьбой поручить ей преподавание Закона Божия. Зная, что туда мне некого направить, я в принципе согласился, но тут же решил проверить объем ее знаний в таком специальном предмете. Молоденькая учительница откровенно призналась, что она лично ничего еще не знает.

– Но как же вы собираетесь преподавать Закон Божий детям? – удивленный, спросил я.

– Я буду прежде сама учить урок, прорабатывать материал, а потом буду его пересказывать детям...

В условиях фронта, полного разорения, нищеты и голода такая «система преподавания» показалась мне возможной, и я согласился. На прощание я подарил своей «законоучительнице» маленькое Евангелие. Через несколько недель она снова посетила меня. В разговоре со мною она верно и уместно цитировала слова Спасителя. Евангелие, без сомнения, ею было не только прочитано, но и добросовестно продумано. Родители ее, впрочем, были верующими людьми.

Еще о детях

Я уже говорил, что моими лучшими друзьями в России были дети. Работа в школе была самая благодарная. В О. у меня был маленький приятель лет восьми – Коля. В лютую зиму 1942 года я привел его к себе в дом – погреться. Не надо было его ни о чем расспрашивать. На лице его было написано внятно одно: хочу есть! Накормив его, я узнал, что «немцы стали теперь худые. Раньше, когда они вперед

шли, так и денег даст и хлебца... А теперь им – капут, и они только ругаются, когда у них что-нибудь попросишь»... Мы сшили Коле пальто. Первое пальто по его росту. Надо было видеть, как сияло его лицо. С тех пор ко мне он прилепился окончательно, выстаивал все длинные наши богослужения в холодном соборе. Читаю покаянный канон св. Андрея Критского. Мальчишка стоит подле меня на коврике, но замерзает явно. Шепчу ему:

– Иди домой!

– Не, постою маленько...

А канон длинный-предлинный. По-приятельски Коля шепчет мне на ухо:

– Долго еще будешь читать?..

Милый мой мальчик, где ты, мой верный и преданный друг?..

Ираида

Лет десяти. Я нашел ее больной, лежащей целыми днями в нетопленной комнате. Отец коммунист, ушел с красными. Мать работает весь день у немцев – моет полы в немецких казармах. Узнал, что девочку не крестили. Стал ее подготавливать к святому Таинству. Скоро она поправилась и стала выходить на улицу. Как-то встречаю ее на улице, спрашиваю:

– Когда же крестины?

– Еще нельзя...

– Почему?

– Платье не готово... Когда было сшито платье, я ее крестил, рабу Божию – отроковицу Ираиду. Последние молитвы. Приветствую: «Ну, вот ты и христианка!» Быстрым движением она бросается ко мне на шею и крепко благодарно целует меня. Этой благодарности мне не забыть. Здесь я могу только повторить слова одного из наших известных священников: «Какая радость быть священником»!..

* * *

Мне пришлось потом бывать в других местах, и всюду я встречал детей, близких к Богу и к Церкви. Мальчик четырнадцати лет, приносивший мне обед из городской столовой в Пскове, – это была тема для Нестерова. Такой же кроткий, благоговейный отрок Варфоломей, будущий Игумен всея Руси, Чудотворец Радонежский!

Все эти Коли, Миши, Пети, Ильиши наглядно свидетельствуют о том, что душа русского народа не отравлена, не загрязнена до конца ядом неверия, государством насаждаемого, и что цветут еще во славу Божию эти прекрасные «крины сельные» – полевые цветы – кроткие, чистые души на просторах Святой Руси, несмотря ни на что!

И сколько таких душ на Родине! И как они ждут воскресения четырехдневного Лазаря – возрождения несчастного русского народа. И, Бог даст, дождутся. Такая вера подлинно творит чудеса.

* * *

Миссия закончила свою деятельность в Псковском крае в феврале 1944 г. Все оставшиеся в Прибалтике миссионеры большевиками были арестованы и сосланы в Сибирь на верную смерть. Это – мученики Миссии. Своим подвигом они свидетельствуют всему миру, что Миссия творила подлинно церковное дело. Не сомневаюсь, что деятельность Православной Миссии в северо-западных областях России в свое время будет отмечена и на страницах будущей истории Русской Церкви».

Февраль 1952 г.

Протоиерей Георгий Бенигсен

ХРИСТОС ПОБЕДИТЕЛЬ

Протоиерей Георгий Михайлович Бенигсен (1915-1993) родился в 1915 г. в Казани в семье военного инженера. Его детские годы совпали с годами революции и гражданской войны. В 1924 году его семья выехала в Латвию, где важную роль в становлении будущего священника сыграло Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД). В 1930-х гг. – активный член РСХД, 1937 году Георгий был рукоположен во диакона, а в июне 1941 года, за несколько дней до начала войны, в соборе Рижского Троице-Сергиева монастыря – во иерея. В годы войны о. Георгий принимал участие в деятельности Псковской миссии Русской Православной Церкви, открытой на оккупированной немцами территории. Настоятель церкви вмч. Димитрия Солунского во Пскове (1941-1943), при котором организовал детский приют, позже перемещенный в Мирожский монастырь. В 1944 г. эвакуирован в Латвию, позже – в Германию. До конца войны и позднее в послевоенной Германии продолжал он пастырскую работу среди русских беженцев, в лагерях для перемещенных лиц. Пастырь храма прп. Серафима Саровского в Мюнхене, редактор «Вестника РСХ-

Д». В конце 1950 года отец Георгий с семьей переехал в США. Некоторое время был настоятелем храма св. Иоанна Предтечи в Беркли (Калифорния), затем настоятелем старейшего в епархии Свято-Троицкого собора в Сан-Франциско. В 60-е годы он служил в штате Колорадо, Нью-Йорке и Канаде. В 1970-х годах отец Георгий возвратился в Калифорнию и служил в храмах Саратоги и Сан-Франциско. С 1981 по 1993 год, до выхода из штата, служил в Свято-Успенском монастыре в Калистоге. Скончался 6.08.1993 г. в Калистоге (Калифорния). Дар слова и учительства сочетался у отца Георгия с выдающимися организаторскими способностями. Он занимал высокие административные посты в епархиях, где служил, а также в центральном управлении Православной Церкви в Америке. Особое внимание уделял он церковноприходским школам, деятельность которых налаживал во всех приходах, где проходило его служение. В 1980-е годы в течение семи лет отец Георгий выступал по радио «Свобода» с воскресными религиозными беседами. Сборник его радиопроповедей «Не хлебом единым» готовится к изданию Братством во имя Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского.

Предлагаемый очерк написан в 1946 году, когда у оставшихся в живых еще стояли перед глазами лица погибших друзей. Самым острым желанием было рассказать правду, самым горьким разочарованием — нежелание тех, кто не прошел через этот опыт, слушать. Вне зависимости от того, как сложилась судьба движженцев после Второй Мировой войны, их всегда объединяло то, чем они жили, чем руководители Движения зажигали молодежь. Заглавие публикуемого очерка предельно кратко и недвусмысленно выражает ту цель, которой они верно служили в разных концах света.

Начинается война. Наша маленькая цепь «буферных государств» лежит пока между «друзьями» — Германией и СССР. Однако вера в прочность этой дружбы слабеет все больше. Кто же первым наложит на нас лапу — Гитлер или Сталин? Этот вопрос дебатруется повсюду, в том числе, конечно, и в студенческих христианских кругах. Мы знаем много правды о Германии, наши сведения о восточном соседе часто сбивчивы и неточны. Однако мы распропагандированы не хуже многих англичан и американцев, мы хотим и стараемся верить, что Советский Союз уже «не тот», что там почти все эволюционировало к лучшему. К тому же мы, русские в Прибалтике, как меньшинство несколько ущемлены. Наше Русское Студенческое Христианское Движение работает только подпольно, и в большевиках

нам невероятно хочется видеть «своих» — русских.

Наконец, в том же 1939 году СССР получает в Прибалтике военные базы, мы видим первых красных офицеров, разгуливающих по улицам наших городов. Общаться с ними строжайше запрещено. Лица маловыразительны, но чрезвычайно выразительны огромных размеров «маузеры», низко свисающие из-под их не всегда ловко сшитых морских кителей. Наша христианская работа среди русской молодежи еще идет, но мы стараемся предпринимать некоторые маленькие меры предосторожности на случай оккупации. Иностранцы дружка усиленно предлагают нам выехать в Германию под видом германских репатриантов, но мы категорически отказываемся. Остается на местах все руководство христианской студенческой работы.

Середина июня 1940 года.

Комедия народной воли присоединения Прибалтики к Советскому Союзу разыграна, комедия пошлая, с дешевой режиссурой. Маленькие конфликты на границе, и первые советские танки входят в города Прибалтики. Мы еще хотим верить в эволюцию, стараемся видеть в красноармейцах «своих», но от участия в «народных восторгах», очень жидких и очень пьяных, воздерживаемся. Проходит неделя, две, месяц... Даже веселые физиономии становятся более вытянутыми, хотя «народные восторги» принимают все более грандиозные формы. Они становятся обязательными, проходят чинно и организованно. За неучастие в них грозят серьезные неприятности на службе.

Наши ряды начинают понемногу редеть. Многие уходят с тем, чтобы кануть в неизвестность. Ночью их уводят агенты НКВД, оставляя в квартире щемящий душу след многочасового обыска. Так уходят все три моих милых спутника в амстердамской поездке, уходят, чтобы ответить, по-видимому, и за участие в Амстердамской конференции*. Так уходят и многие другие друзья и соратники по христианскому и экуменическому делу. Их жизнь кончается. Начинается житие, исповедничество, мученичество, о котором нам еще не дано знать. Ибо потом мы видели только брошенные трупы других заключенных, безмолвно говорившие нам о тех страданиях, которые должны были понести за Христа наши дорогие друзья. Так шли недели, месяцы, унося друзей, сгущая мрак и тоску, сковывая ум и сердце безвыходностью. Каждую ночь ждешь, не придут ли за тобой. В каждом знакомом начинаешь видеть осведомителя. В глазах всякого говорящего с тобой видишь огонек подозрительности и недоверия. СТРАХ — это самое жуткое рабство из всего сущего, вот краеугольный камень, на котором построена эта нечеловеческая система.

Близится советско-германская война. Чувствуется какая-то тревога в воздухе. Но эта тревога вызывает на лицах знакомых слабый отблеск надежды. И вдруг — страшные Варфоломеевские ночи двенадцатого и тринадцатого июня 41 года. Во всех городах Прибалтики мобилизованы все грузовые автомобили. Двенадцатого июня я иду с моим другом и сотрудником по студенческой христианской работе по улицам нашего города. Все площади запружены

* Перед войной Г. Бенигсен, тогда диакон, с еще несколькими участниками РСХД в Латвии принимал участие в международной конференции в Амстердаме.

*Победа Христа над адом и смертью.
Икона Воскресения Христова (Сошествие во ад).
Новгородское письмо*

грузовиками. Мы рассуждаем, к чему бы это, и не можем найти ответа. Бедняга, для него этот вопрос неожиданно разрешился в ту же ночь, когда его, тихого и спокойного приват-доцента теологии, оторвали от жены и маленького сына и угнали в неизвестность. Две ночи и день носились по улицам грузовики, вырывая из домов отдельных людей и целые семьи, отвозя их на товарные станции, чтобы оттуда, продержав в запечатанных товарных вагонах несколько суток без пищи и медицинской помощи, отправить «на поселение» в необъятные просторы Сибири и Казахстана. Так были увезены сотни тысяч *ни в чем не повинных перед советской властью* людей, главным образом, интеллигенции.

Перед этими страшными днями произошло значительное событие в моей личной жизни: 6 июня я принял сан священника (до того времени я был диаконом), чувствуя, что испытания в любую минуту могут постигнуть и меня, и желая встретить эти

испытания во всеоружии пастыря Церкви Христовой. Господь неисповедимыми путями провел меня через страшный «красный» год Прибалтики целым и невредимым, провел, думаю, для того, чтобы сделать свидетелем дальнейшего. Мой вывоз в СССР, как и большинства оставшегося православного духовенства, предполагался тремя неделями позже. Германско-советская война нарушила эти планы.

Религиозный подъем в народе за год советской оккупации вырос и углубился. Никогда храмы не были так полны, никогда в них не проливалось столько слез, не раздавалось столько вздохов, как в течение этого времени. Власти еще не решались предпринимать слишком явные репрессии против людей, близких Церкви, поэтому храмы оставались единственным прибежищем измученных и затравленных душ. Красноармейцам и офицерам, как и членам их семейств, посещение храмов было запрещено строжайшим образом. Несмотря на это, многие жены красных офицеров пользовались пребыванием в Прибалтике, чтобы тайком окрестить в русских храмах своих детей.

* * *

22 июня 1941 года. Война Советского Союза с Германией. На всех лицах затаенная радость. Никто не думает о том, что принесут нам новые завоеватели. Думают только о том, что конец ненавистнейшего режима становится реальностью.

Большевики в панике. Отступление — самое страшное из бегств, когда-либо виденных. По пути красные стараются еще ликвидировать «шпионов и диверсантов» — расстреливают почти на улицах мирных граждан. Все сердца переполнены ужасом, животным страхом и ненавистью. Все стараются забиться поглубже в подвалы, в погреба или уйти в леса, чтобы там переждать события. Тот, кто не принимает этих мер самосохранения, часто платит за это свободой или жизнью.

И вот, вслед за убегающими в панике, разрозненными, потерявшими командиров и связь частями Красной армии, часто даже обгоняя их, входят немцы, молодые, здоровые, воинственные, снисходительно презрительные. А встречали их так, как, вероятно, никого из победителей давно не встречали и долго еще встречать не будут. В тот момент для сознания «освобождаемых» они несли одно: конец этого дикого, звериного СТРАХА, правящего всеми в Советском Союзе, начиная от последнего маленького рабочего или чиновника и кончая самими диктаторами, вечно боящимися предательств, измены, диверсии. Вот этому страху пришел конец, можно было выйти из подвалов, вернуться из лесов, как же было не встречать «победителей», принесших утраченную радость жаркого июльского солнца.

Начали подсчитывать потери: они были ужасны. За последние дни своего владычества агенты госбезопасности успели оставить множество искалеченных, обезображенных трупов людей, умиравших, как правило, от выстрела в затылок.

Смотрю на рослых, красивых немцев, вспоминаю свои сравнительно недавние впечатления от поездки через Германию и вижу, что ожидать добра от этих «освободителей» не приходится. Однако перед глазами возникают яркие слова амстердамского девиза, укрепляющие на предстоящую борьбу: «Христос — победитель».

* * *

Борьба начинается. Борьба за победу Христову, за душу человеческую. Немцы враждебны к Церкви. В противоположность Советскому Союзу, они стараются не слишком открыто проявлять эту враждебность. Но им страшно не хочется отдавать нам души сотен тысяч военнопленных и пропускать наше влияние к миллионам русских душ на оккупированной ими территории России. Они верят в то, что большевистская политика изгладит все следы христианства из души русского человека, и всячески оберегают эту душу от нового влияния Церкви. Мы делаем все возможное, чтобы проникнуть к военнопленным и в Россию. Наконец удается первое. То, что мы видим, ужасно! Десятки тысяч, сотни тысяч истощенных, замученных, оборванных, босых, голодных — не людей, а комков голых нервов. Эти миллионы красноармейцев добровольно переходили к немцам. Они переходили, горя ненавистью к политическому строю на родине, надеясь повернуть штыки против ненавистной власти. Они видели в немцах спасителей их родины, они шли к немцам с открытой душой. Со стороны немцев они встретили только обман, провокацию, колючую проволоку страшных Stalag'ов, голод, унижения, побои, рабский труд. ... Они терялись, они становились зверьми от гнева и страха,

На дворе Свято-Димитриевской школы и приюта содружество молодежи построено в три шеренги в день своего праздника. О. Г. Бенигсен и Петя (сирота из приюта с хоругвей. Слева направо правофланговые: З.В. Соловская, Н.Г. Одиноква, Р.И. Матвеева. 6 мая (н. ст.) 1943 г. св. великомученика и победоносца Георгия. Фото Р.В. Полчанинова

животными от голода и лишений. Те, кто могли, убежали в леса, образуя партизанские отряды. Те, кто оставался, умирали массами от голода, холода, сыпняка, непосильного труда, истощения. Иные шли в немецкие части и добровольческие формирования, в надежде получить возможность вооруженной борьбы с коммунизмом на родине.

Нам с огромными трудностями удалось организовать богослужения в лагерях военнопленных в Риге. Это были самые страшные литургии в моей жизни. Посередине лагеря, под открытым небом, совершается таинство Евхаристии. Кругом тысячи мужчин, несчастных, измученных, бесконечно усталых, голодных. Лиц не различаешь: вся толпа смотрит на тебя одними огромными глазами, полными бездонной скорби, такими глазами, как пишут на изображениях Христа в терновом венце. И из этих глаз неудержимым потоком льются слезы, текут по неумытым, заскорузлым щекам. Пятидесятилетние мужи и шестнадцатилетние юноши стоят, тесно прижавшись друг к другу, и плачут, не стесняясь никого, плачут, чувствуя сердцем, что здесь Тот, перед Кем можно излить все унижения, всю скорбь, всю боль о себе, о Родине, о близких, оставшихся дома и несущих бремя советского строя...

Кончается литургия. Подходят целовать крест, целуют руку священника, целуют его ризы, стараются, несмотря на строжайшее запрещение, шепнуть несколько слов, передать записку с адресом, с просьбой разыскать близких. А немцы начинают зверствовать в открытую. Страшные расстрелы евреев. Аресты «инакомыслящих». И колоссальных масштабов систематическое, продуманное уничтожение русской живой силы — военнопленных.

* * *

Наша жизнь и работа при немецкой оккупации были непрерывной борьбой с немцами за душу русского человека, за наше право служить этой душе, служить нашему родному народу, из-под ига подпавшему под иго другое. Сегодня нашу борьбу хотят изобразить как сотрудничество с фашистами.

Псков. Мирожский монастырь. Современный вид

Бог судья тем, кто хочет запятнать наше святое и светлое дело, за которое одни из наших работников, в том числе священники и епископы, погибли от пуль большевистских агентов, других арестовывало и убивало гитлеровское Гестапо.

Наконец исполнился предел наших чаяний: нам удалось отправить в оккупированные немцами русские области первую группу священников-миссионеров. Собственно, эта победа была *нашей* только в очень незначительной степени. Ее одержали сотни тысяч русских людей, истосковавшихся по Богу, по Церкви, по благо-вестию, тех, к кому мы отправляли наших священнослужителей. Эти люди вдребезги разбили надежды немцев на успех советской антирелигиозной пропаганды и воспитания. Они требовали церкви, священников, богослужения. Немцам, нехотя, пришлось уступить. С этой миссионерской группой отправился и я.

Для каждого должны быть понятны те чувства глубокой взволнованности, которые охватили все мое существо, когда мы переехали границу родной земли, той земли, вне которой прошла наша юность, по которой всегда тосковало сердце, к которой постоянно неслись все мечты и стремления. Мы въехали в родные пределы, стоя на ногах, с пением пасхальных песнопений. Мы радовались всему родному, что встречали на своем пути: небу, воздуху, чахлым деревьям, пожелтевшей осенней траве. Этот магнит родины знает только тот, кто пережил долгое изгнание.

Но сердце уже начало сжиматься от того убожества, от той нищеты, которая встречалась на каждом шагу. Нищие, полуразоренные деревушки с покосившимися избами, не видавшими давным-давно никакого ремонта. Исхудалые, обтрепанные люди, босоногие, оборванные дети – вот картина советского наследия. Первые города. Улицы вымощены неровным булыжником, на домах обвалилась штукатурка, жители похожи на нищих. И только сохранившиеся местами храмы, как яркие свечи, стоят на страже этих нищенских городов.

Однако почти все без исключения храмы большевиками поруганы. Стоят только здания с внешними архитектурными формами храма (чаще всего со снятыми с куполов крестами), приспособленные под антирелигиозные музеи, кинематографы, клубы, библиотеки, гимнастические манежи, склады, механические мастерские, гаражи. На стенах сплошь и рядом

аршинными буквами намалеваны антирелигиозные лозунги (особенно часто излюбленный марксовский: «религия — опиум для народа»). Это, главным образом, те города, куда иностранные журналисты и рабочие делегации могли заглянуть только в случае крайнего исключения. Поэтому запущенность и обнищанность достигает в них крайних пределов.

Пожилые люди и старики встречают нас со слезами радости на глазах. На сотни километров вокруг все храмы закрыты, священники сосланы или убиты. В тех редчайших местах, где сохранились незакрытыми крошечные, главным образом кладбищенские церкви, посещение богослужений было сопряжено с постоянной опасностью лишиться работы, получить строгий выговор по службе с соответствующим предупреждением на будущее. Прихожане этих последних сохранившихся храмов совершали героические подвиги для их дальнейшего существования. Просматривая отчетность кладбищенской церкви в городе Т., последний настоятель которой был сослан в Сибирь за полгода до германской оккупации, я установил, что прихожане этого храма в 1940 году уплатили налог за священника в размере 245.000 рублей! В тех советских условиях это была колоссальная сумма, и уплата ее свидетельствует, как велика в сердце русского человека любовь, жертвенная любовь к Церкви. Эту любовь и жертвенность мы с полной ясностью увидели в дальнейшей нашей работе. Молодежь и дети поначалу смотрели на нас изумленными глазами. Большинство из них впервые в жизни видели фигуру священника, встречая ее до тех пор только на карикатурах и шаржах антирелигиозных изданий.

Началась работа, полная апостольского подвига, полная трудностей и препятствий, постоянно чинимых немцами. Им очень хотелось использовать нас в своих целях порабощения и эксплуатации русского народа, очень хотелось через нас, как наиболее близко стоящих к народу и пользующихся в народной толще максимальным доверием, проводить все свои преступные мероприятия. Они получили от нас жесткий отпор по всему фронту и поняли, что просчитались. Но мы уже настолько прочно завоевали свои позиции в народе, так вросли в него, что ликвидация нашего миссионерского дела грозила бы для немцев крупными осложнениями. Им пришлось смириться с существующим положением и ограничиться тщательной

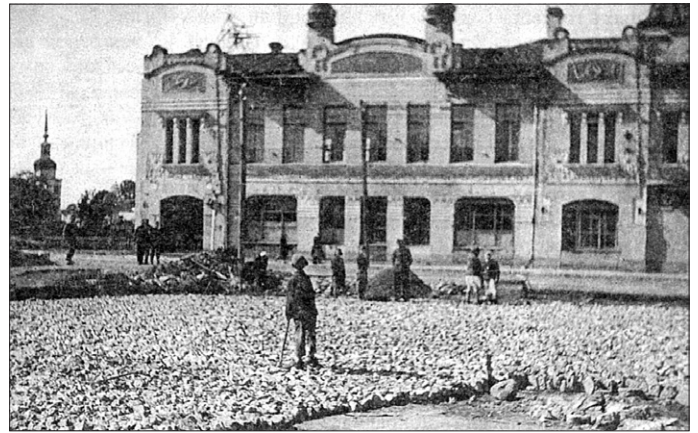
Приют в Мирожском монастыре. Осталось всего 16 человек. Слева о. Г. Бенигсен, справа Н.Г. Одинокова. Конец зимы 1943 г. Фото Р.В. Полчанинова

слежкой за каждым нашим словом и поступком да попытками организации мелких провокационных актов на местах.

А мы росли не по дням, а по часам. Мы шли в народ, несли ему слово Христовой любви и правды, слово утешения и надежды. Мы дружили с молодежью, захватывали церковно-просветительной работой подростков и детей. Мы всей душой переживали великую трагедию нашего несчастного великого народа. Два десятилетия власть отнимала у него то, чем строилась и двигалась государственная, нравственная и культурная жизнь его предков на протяжении тысячелетий. Власть лезла грязными руками в душу всякого, старалась вырвать оттуда все, что могло напомнить о Боге, о вере, о Церкви, о Родине. Власть хваталась за душу каждого ребенка, стараясь наполнить ее материалистическим мировоззрением. Детский сад, школа, вуз, пионерская и комсомольская организации, вот те страшные круги ада, которые проходила неопытная, мягкая детская душа в советском «раю». Слава Богу, славянская душа постояла за себя. Она осталась христианской. Она так и не смогла впитать до конца чуждые ей материалистические доктрины Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Редкие исключения только подтверждают общее правило. А исключения действительно редки, ибо эти юные души оставались попросту пустыми и впитывали то, что несли им мы, с жадностью иссохшей земли, пьющей благотворный летний дождь.

Немцы уступили нам часть храмов. И вот совершилось буквально чудо. Почти во мгновение ока эти храмы были очищены, восстановлены и устроены для богослужений. Из рук этих полунищих людей к нам потекли пожертвования, предложения помощи, материалы для ремонта, богослужебные предметы, утварь, облачения, книги и ноты, хранившиеся долгие годы закопанными в земле, замурованными в стенах. Создались превосходные хоры певчих, уцелевшие колокола были водружены на колокольни, выбитые стекла вновь вставлены, вместо сорванных безбожными руками образов написаны новые. И... полился мягкий, чарующий русский колокольный благовест, затеплились сотни свечей и лампад перед старыми и новыми образами, раскрылись еще недавно заколоченные двери, и потек народ сотнями, тысячами, десятками тысяч, переполняя свои воскресшие храмы до отказа. Раздались возгласы священников, ответили на них стройными аккордами трогательных православных молитвенных напевов хоры, заполняя согласными звуками древние своды храмов. Дрогнули старые своды, дрогнули сердца человеческие, и полились из глаз потоки чистых слез молитвенной скорби и умиления. Старики, старухи, мужчины, юноши, девушки, подростки, дети — все утратили ложный стыд друг перед другом, сердца раскрылись, и в эти истерзанные скорбью сердца полился целебный елей молитвенной благодати.

А скорбь была велика. Ибо не было ни одной семьи, не лишившейся кого-либо из своих родных, если не в первые годы большевизма, то в «славные» времена великой ежовской чистки (1938-1939 гг.). Война с Германией унесла детей в ряды Красной армии, на бесславную гибель в защите нелюбимой власти или в тяжком немецком плену. Да и

Детская трудовая повинность. 12-летние дети мостят улицу (угол Советской (Великолуцкой) и Профсоюзной (Плоской) улиц). Съемка подобных фотографий категорически запрещалась оккупационными властями. Лето 1943 г. Фото Р.В. Полчанинова

немцы мало в чем отставали от своих предшественников, хватая людей без разбора, по первому подозрению, лишая их свободы и жизни, отсылая на рабский труд в Германию. Несчастный страдалец народ!

* * *

Мы делали все, что могли. Открыли сотни приходов, окрестили десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Открывали церковные приюты, детские сады и приходские школы. Вели огромных размеров катехизацию. Несли проповедь Евангелия в каждый доступный нам уголок. Посильно несли труд социальной помощи. Вели подпольную работу с детьми и молодежью, организуя церковные союзы, содружества, сестричества и братства.

Мы уже давно видели надвигавшийся крах Германии, но это нас не касалось. Мы отовсюду уходили последними, делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы.

Уходя, немцы увеличивали масштабы своих безумных зверств. Горели деревни, горели города, и несчастное население, которому и так нечего было выбирать, принудительно гналось перед отступающими в панике немецкими войсками. Мы шли с населением, вновь оставляя родную землю, оставляя жертвы, павших под пулями партизан, агентов Гестапо, или просто решивших не уходить или не успевших уйти. Мы шли на Запад, зная, что от большевиков нам нечего ждать пощады, зная на этот раз советский режим так же хорошо, как немецкий. Сердце часто подсказывало: останься, раздели участь тех, кто взял на себя крест мученичества, кто страдает за Христа в ссылках и концлагерях необъятных просторов Сибири. Но другой голос звал на Запад, говоря о том, что еще не все кончено, что на Западе знают правду и за эту правду сумеют постоять. Перед глазами возникало синее полотнище в огромном концертном зале Амстердама с двумя золотыми словами: CHRISTUS VICTOR. Этот девиз обещал понимающих друзей на Западе, тех, кому победа Христова так же дорога, как нам, христианам Востока. Второй голос победил, я не прервал своего пути на Запад.

*Рига. Девочки-псковитянки в рабочем лагере. Наклоненная
внутри проволока на заборе красноречиво говорит об
отношении нацистов к русским людям.
Весна 1944 г. Фото Р.В. Полчанинова*

* * *

Последние дни Германии, крах, капитуляция, все это известно и никакого интереса не представляет. Единственной мыслью было – подальше бы на Запад, к западным союзникам. Это сбылось. Прогремел фронт, с уличными боями, пожарами, обстрелом. Господь спас и здесь, и вот я у американцев. Первые встречи. Два американских солдата хотят во что бы то ни стало принудительно репатриировать меня на родину. Мои уговоры и доказательства, что я никогда не был советским гражданином, не действуют. «Если вы не хотите ехать в Россию, значит, вы друг немцев, а друзья немцев наши враги». Эту железную логику они не хотят позволить разбить. Только путем длинных и драматических разговоров удается убедить репатриаторов повременить, а тем временем приходится переменить место жительства. И вот начинаются снова бесконечные страхи комиссий, репатриации, полного бесправия. Члены советских репатриационных комиссий, как хищные звери, безнаказанно рыскают по союзным оккупационным зонам в поисках несчастных жертв. Бедные русские люди предпочитают самоубийство возвращению на родину. Затравленные, запуганные до полусмерти, они мечутся с места на место,

не зная, что готовит им завтрашний день, не видя нигде друзей и защитников.

Жизнь человеческая не имеет больше цены, а удельный вес человеческой души, по-видимому, действительно приравнивается девяти граммам свинца.

Стараясь наладить церковную жизнь. Находим друзей среди англичан и американцев. К сожалению, во власти этих друзей, как бы влиятельны они ни были, очень мало возможностей, и все их старания разбиваются о мрачную тень Ялтинского соглашения, этого позорнейшего из документов современности. Старым русским эмигрантам, по-видимому, не грозит особенных опасностей, за исключением неминуемого навязывания им со стороны советов обвинения в коллаборантстве и военных преступлениях. Бывших советских подданных по-прежнему выдают советским властям. Но для нас нет старых эмигрантов и советских подданных. Для нас есть несчастные русские люди, вынужденные покинуть родину, объединенные одной верой, одной кровью, одним языком, одним страхом перед советским террором, равным страху смерти.

* * *

Кончая эти строки, я понял, для чего Господь провел меня через ужасы советского и гитлеровского режимов, через огонь братоубийственной войны и сохранил до сего дня невредимым. Для того, чтобы я мог сказать эти слова правды вам, мои западные друзья и братья, мои соратники великого войска Христова. Для того, чтобы вы слышали еще одну меру правды о несчастном родном моем народе. Для того, чтобы вы не оставались равнодушными, но сделали все, что в ваших силах, для облегчения участи несчастных русских изгнанников.

Чувствую полную ответственность и, сознавая, что может грозить мне за те слова правды, которые сказаны мною прямо и неприкрыто на этих страницах, знаю, что, говоря эти слова, я исполняю мой долг перед Богом, перед Церковью, перед моей Родиной и моим народом, перед вечным девизом.

CHRISTUS VICTOR – ХРИСТОС ПОБЕДИТЕЛЬ.

*«Русское возрождение». Нью-Йорк. 1981 г. № 14.
Вестник РХД № 168. Париж, 1993, с. 128.
Публикуется в сокращении*

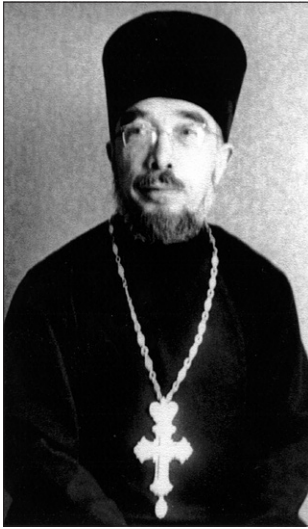
Русская бабка

*Утром фрицу на фронт уезжать,
И носки ему бабка вязала.
Ну совсем как немецкая мать,
И хорошее что-то сказала.
Неужели старуха права,
И его принимает за сына!
Он-то знал, что старуха – вдова...
И сыны погибли до едина.*

*– На, возьми, – ее голос пропел,
Скоро будут большие морозы!
– Взял носки, ей в глаза поглядел
И сдержал непонятные слезы.
Его ужас три года трепал.
Позабыл он большие морозы.
Только бабку порой вспоминал
И свои непонятные слезы.*

Юрий Кузнецов

ВОСПОМИНАНИЯ

Протоиерей Георгий Иванович Тайлов родился 13 ноября 1914 г. в Риге в семье военного чиновника в чине коллежского асессора и учительницы. Настоящая фамилия о. Георгия – Алексеев.

В 1915 г., в годы Первой Мировой войны, мать с сыном Георгием, дочерью и родными уехала в Москву (отец воевал на фронте). После смерти родителей в 1921 г. дети при помощи Латвийского Красного Креста смогли приехать к проживающей в Латвии бабушке, после ее кончины (1922) сестра бабушки усыновила детей, и по латвийским законам того времени, дала им свою фамилию – Тайловы.

По окончании Рижской городской русской (Ломоносовской) гимназии и двух курсов Латвийского университета Георгий Тайлов получает благословение архиепископа Рижского Иоанна (Поммера), будущего священномученика († 11.10.1934) на поступление в Рижскую Духовную семинарию. Работая днем конторщиком на фабрике Кузнецова, вечером Георгий учился в семинарии, располагавшейся в доме Рижского собора на ул. Меркеля, 3. По окончании ее в 1937 г. он был рукоположен епископом Елгавским Иаковом (Карп) во священника и назначен на православный латышский приход церкви свт. Николая Чудотворца в Вентспилсе, где служил также законоучителем основных школ и гимназии. Здесь он, кроме того, был членом комитета городской управы по социальному обеспечению детей безработных родителей, сотрудничал в качестве автора

на страницах журнала «Вера и Жизнь», издававшегося на обоих языках, и обслуживал приход церкви прп. Сергия Радонежского в Угале (Курляндия).

В 1940 г. Латвия была присоединена к СССР (тогда Церковь лишилась юридических прав и церковных земель), а в 1941 г. оккупирована немцами. Узнав о посылке во Псков группы священников для восстановления там храмов и церковной жизни, о. Георгий просил митрополита Сергия (Воскресенского) включить его в число миссионеров, отправлявшихся в Россию.

Осенью 1941 г., к Дмитриевской субботе, с группой миссионеров о. Георгий прибыл во Псков. Отсюда о. Георгий отправляется в Островский уезд, где и служит в ряде храмов (Велье, Печане), а также объезжает и совершает богослужения во многих храмах в окрестностях Святогорского монастыря. Здесь о. Георгий активно участвует в восстановлении богослужебной и церковно-приходской деятельности в пределах Пушкиногорского, Сошихинского и Новоржевского районов. В Святых Горах были открыты курсы учителей Закона Божия, в районе были отремонтированы 12 храмов, в которых регулярно совершались богослужения. В 1943 г. прот. Георгий Тайлов был назначен и.о. благочинного Опочецко-Новоржевского округа, где постоянно служило 10 священников.

В феврале 1944 г. он возвращается с семьей в Латвию в распоряжение епископа Рижского Иоанна (Гарлава), переехав к родным в с. Гаэры Абренского уезда (ныне Пыталовского района Псковской области). О. Георгий временно назначается на приход с. Коровск Резекненского благочиния, на вакансию псаломщика. С приближением фронта он не стал эвакуировываться, оставаясь служить в храме. 30 октября 1944 г. о. Георгий Тайлов, как и большинство миссионеров, был арестован и отправлен в Петербург, сначала во Внутреннюю тюрьму НКВД, где уже содержались многие члены Псковской Миссии, а затем – в «Кресты». Осужденный на 20 лет, он провел в концлагере 11, так как в 1955 г. в связи с амнистией был освобожден и с него снята судимость. В апреле 1945 г. этапирован в Сибирь, в течение первых трех лет был лишен прав переписки. Сперва работал на лесоповале в Тайшетском районе Иркутской области, а потом в Казахстане на руднике Джезказган. Через три года отсюда по состоянию здоровья был отправлен в Спасский инвалидный лагерь, затем – в рабочий лагерь Темир-Тау. В лагерях окончил фельдшерские курсы, на которых преподавали бывшие кремлевские врачи, попавшие в концлагерь по обвинению в убийстве Максима Горького.

После освобождения в декабре 1955 г. вернулся в Латвию (в Карсае в Латгалии проживала семья о. Георгия). Служил на различных приходах в Латвии, в том числе: с 1957 г. – настоятелем Галгауской Иоанно-Предтеченской церкви, затем – в Рижской Благовещенской и Свято-Троицкой Задвинской, Троицком соборе и Александро-Невской церквях (Рига). С 1980 г. – священник Рижского Св. Троице-Сергиева женского монастыря. В 1992 г. возглавил новую православную общину в г. Огре, близ Риги (Латвия), выстроившую в 1990-х гг. там православный храм свт. Николая Чудотворца. В настоящее время – настоятель этого храма. Вместе с матушкой, Ольгой Васильевной, с которой прожил в общей сложности 60 лет, проживает в Огре.

На фоне недостаточности доступных сведений и материалов о деятельности Псковской Миссии воспоминания прот. Георгия Тайлова, который включил в них не только обстановку того времени, но и имена многих работников Миссии и многие названия сел, погостов и городов, где в 1941–1944 гг. велась миссионерская работа, представляют исключительную ценность.

Осенью 1941 г., к Дмитриевской субботе, во Псков прибыла группа миссионеров: о. Владимир Толстоухов, его псаломщик иподиакон Георгий Иванович Радецкий, Константин Grimm, сын проф. Гримма – секретаря Экзархата, и я.

Тогда штаб Миссии располагался в части Пскова, именуемой «У пролома», в квартире протоиерея Николая Колиберского. О. Николай покинул Псков во время гражданской войны и служил в Двинске (латв. – Даугавпилс). В Пскове у него остался сын – учитель русской литературы, но когда о. Н. Колиберский вернулся в Псков с первой группой миссионеров, прибывшей в Псков вечером 18 августа 1941 г., то он сына не застал. Сын эвакуировался, а о. Николай занял его квартиру, в которой осталась и мебель и библиотека, и вступил в должность временно исполняющего обязанности начальника Миссии.

Из местных жителей в Пскове нашлось два священника, которые в советское время где-то служили, но не как священники. Они стали служить в Св.-Троицком соборе, Дмитриевской и Варлаамовской церквях.

О. Владимир Толстоухов, который бывал в Пушкиногорском районе (Пушкинские Горы до революции назывались Святыми Горами), уговорил меня ехать туда с ним, но комендатура не хотела давать пропуск. Наконец пропуск был получен, а в больнице нам дали лошадь чтобы мы смогли добраться до г. Острова (55 км к югу от Пскова). Лошадь везла наш багаж, а мы большую часть пути шли пешком.

В Острове мы нашли о. Алексея Ионова, который тогда проживал в подвале какого-то дома, в ожидании, когда сможет переехать в церковный дом на маленьком острове посреди реки Великой. В XIV в. на этом острове была построена крепость и этот остров дал название возникшему вокруг него городу. Отец А. Ионов помог нам получить транспорт до села Велье, где должен был служить о. Н. Толстоухов, и мы туда прибыли 4 ноября, к празднику Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Мы отслужили утреню и литургию. Пел хор из семи девушек и одного баса под управлением псаломщицы Ольги. Церковь была переполнена народом. На следующий день мне дали подводу и я вместе с моим псаломщиком

Псков. Церковь Воскресения Христова со Стадища. Современный вид

Павлом Павловым уехал в Печане. Это был погост в 20 километрах от Велья, расположенный на горе у берега Великой, получивший свое имя от печей для просушки рыбы. В нем находится трехпрядельный храм, построенный помещиком села Васильевского Корсаковым. По нашем приезде нас поселили в комнате, где когда-то жил настоятель храма о. Леонид Ильменский, приговоренный к 10 годам ИТЛ (исправительно-трудового лагеря) за якобы антисоветскую агитацию. Церковь была еще в беспорядке. В ней уже служил о. В. Толстоухов, но пределы пришлось восстанавливать мне. Строитель храма покоился под его сводами, а вокруг церкви было небольшое кладбище, ниже, у реки, располагалось другое. Дом священника, полутораэтажный, был отдан под амбулаторию, в которой проживал местный фельдшер. Соседний колхоз, «Новый путь», созданный в селе Васильевском как образцово-показательный, собрал в своем числе активистов колхозного движения. Его возглавлял некто Екимов. Колхозники после агрессии немцев выкрали из церкви множество икон, чтобы скрыть свои антирелигиозные убеждения, и у них в каждом красном углу висела икона, взятая из печановской церкви. Пришлось съездить в Васильевское и поговорить с бывшими колхозниками: «Верните церковные иконы в храм!», что они вскоре и исполнили. На следующий день после нашего приезда в Печане, осторожно ступая по льду, на этот берег пришли монахини. Они жили в деревне на противоположном берегу реки Великой в бане, т. к. их никто не прописывал. До 1928 г. они жили в Козьмогорском монастыре Петербургской епархии, но в этом году им было предложено вернуться в мир. Несогласные были сосланы в Среднюю Азию. Эту маленькую группу возглавляла монахиня Олимпиада (в миру Александра Никифорова). Она приняла постриг уже после разгона монастырей. Родилась она в Печанском приходе, хорошо окончила церковно-приходскую школу, но с возрастом покинула мир. Ее и ее спутниц приняла ее сестра Елена, которая могла выделить ей лишь баню в конце огорода. С нею в родную деревню пришли две послушницы, Анна и Акилина. Первая была родом из Вехни (Вехново – Ред.) Новоржевского района, а Акилина происходила из г. Острова. Эти две послушницы составляли основу хора Печанского храма. Обязанности псаломщицы исполняла Акилина – у нее был прекрасный альт.

Псков. Храм свт. Василия Великого на Горке. XV в. При немцах старообрядческий, после войны использовался под архив. Ныне пустует. Осень 1943 г.

Далее последовала наша поездка в Пушкинские Горы, где мы познакомились с начальником района Васильевым и городским головой Шубиным. Оба бывшие учителя местных школ, на которых немцы возложили эти новые обязанности – люди интеллигентные, но зажатые режимом. В проекте было открытие в районе школ и начала преподавания в них. В Пушкинских Горах служил в маленькой кладбищенской церкви о. Иоасаф Димитриев, родом из Островского района – бывший помощник благочинного Киево-Печерской лавры, местный уроженец. Недалеко от него проживал о. Михаил Успенский, академик, разбитый параличем уже 10 лет, и его матушка, тоже преклонного возраста. В этом же поселке жила вдова бывшего священника Савицкого, репрессированного в советскую эпоху.

По дороге мы заехали в поместье А.С. Пушкина – Михайловское. Там хозяйничал Кузьма Васильевич – лесничий, ибо заповедник окружал заповедный бор. Директор же Пушкинского заповедника, еврей, бежал с отступившей армией. В Вороницах около Тригорского находился храм Воскресения Словущего, где когда-то служил друг А.С. Пушкина свящ. И. Раевский, отслуживший по просьбе поэта панихиду по Байрону – болярину Георгию. Могила этого священника находилась рядом с храмом. Церковь сохранилась достаточно хорошо, ибо считалась собственностью заповедника. Был даже один колокол и некоторые архивные документы. Из них узнал, что в Тригорском (Георгиевском) была еще одна церковь, которая сгорела в 1910 г. Некоторые иконы были перенесены в соседний Воскресенский храм. В Тригорском жили друзья Пушкина Осиповы-Вульф, с которыми он общался во время своей ссылки в Михайловское. На музее в Михайловском красовалась доска с обращением на немецком языке:

«Пушкин – известный поэт. Картина на его тему – «Станционный смотритель» – с большим успехом идет в кинотеатрах Германии». Музей стоял на берегу реки Сороть, где раньше находился помещичий дом Ганнибалов-Пушкиных. Здание скорее напоминало речной вокзал. Но внутри обстановка сохранилась времен поэта – мебель и некоторые предметы. Рядом сохранился дом няни Арины Родионовны – маленький, приземистый, свидетель забот и трудов скромной женщины. Сороть огибают оба имени и впадает в Великую. Кузьма Васильевич принял нас радушно, пригласил приехать чаще, обещал давать книги из библиотеки заповедника.

А служить приходилось часто, не в церквях только, а и по деревням. Печанский приход когда-то был двухклирным, в него входило почти 100 деревень. Каждая деревня имела свои праздники, многие отмечали Троицу, другие Николау, и еще были «обыденные» праздники, такие как Анастасия Римлянина, Параскевы-Пятницы, Власия и другие. Перед праздником надо было объехать все деревни, в каждом доме отслужить краткий молебен, а в самый день праздника в церкви совершалась литургия и молебен после нее. Мой помощник рижанин П. Павлов был учеником последнего класса русской гимназии. Немцы сначала не хотели в Риге открывать занятия в русских школах, но позже согласились с просьбой русской общественности. Павлов, как и Радецкий и Гримм, покинул Миссию, вернувшись в Ригу заканчивать курс гимназии. Мы остались совершать свои обязанности с монахинями и певчими. Состоялась поездка в Вехно Новоржевского района. Там при храме жил диакон Иоанн Лавров. Он в свое время окончил духовное училище. У него был хор, но не было священника. Пришлось рекомендовать

Псков. Великолуцкая ул., угол Стенной ул. Старо-Вознесенская монастырская церковь (XV в.). В советское время здесь размещалась политическая тюрьма, ее подожгли большевики при отступлении. Все заключенные сгорели заживо. Фото Р.В. Полчанинова, конец 1943 г.

его в священники. Потом я съездил в Поляны, где освятить заброшенный храм. По соседству в Теревнях служил протоиерей Модест Лавров, которого я просил посещать и церковь в Полянах, что он делал не больно охотно. О. Владимир Толстоухов в Велье нашел умельца, который обещал отремонтировать машину. В результате в машине был установлен тракторный мотор, который на полдороге до Острова отказал. Тогда мы обратились в ближайшую деревню за подводой. Она была предоставлена, но в город мы попали с опозданием, и нас отправили в комендатуру. Там, получив наши объяснения, отпустили с миром к о. А. Ионову. У него уже был новый помощник – его шурин о. Александр Дрябинцев. Он помогал обслуживать церкви в районах – Гривы, Пустое Воскресение, Гнилки и других. Церковь в погосте Гнилки разрушили немцы, так как она служила прицелом для красной артиллерии. В городе служили уже в соборе, на кладбище, на острове и восстанавливали Симанский монастырь, основанный дядей будущего Патриарха Алексия I. Иногда о. А. Ионов просил помочь ему в совершении треб. Кроме Печанского храма приходилось ездить и во Врев. Там восстановили церковь, которая находилась в 12 километрах от Печан. Народу всегда было много, только езда была затруднена, т. к. у самой церкви жили бывшие комсомольцы и останавливаться надо было за 4 километра от церкви. Врев – древний погост, где в старину было семь церквей. Мимо проходила ветка железной дороги Псков – Полоцк. Во время войны она не действовала. Неподалеку от этого городища находились деревня Резицы, где жила ясновидящая Мария. В молодости она увлекалась чтением житий юродивых во Христе. Потом пропала, убежала на мороз и вернулась домой как бы помешанной. К ней ходили женщины, узнать о своих без вести пропавших на войне сыновьях. Она предсказала, что наши придут, но нам ничего не сделают. Она погибла от шальной пули во время прохождения партизан.

В Велье был старик, который ослеп в молодости. Ездил к св. Иоанну Кронштадтскому, сказавшему, что он духовно прозреет. Этот старец ездил в Св. Землю, привез оттуда икону Божией Матери «Скоропослушница» для своего храма. Ее поместили в большой киот перед правым клиросом. Этот слепец наизусть знал псалтирь, а в церкви читал на память апостол, выходя с ним на середину храма. Раньше

Село Велье. Крестовоздвиженская церковь, где в годы войны служил свящ. Георгий Тайлов. Современный вид

в Велье почитанием пользовался один парализованный отрок Никандр, который молился за приходящих к нему. На похороны его собралось духовенство со всей округи. Позже на кладбище показывали могилу отрока, которую посещали знавшие его при жизни.

Зима 1941-1942 гг. наступила быстро. Мне сшили полушубок из восьми овчин, а на ноги валенки. Но в дорогу приходилось надевать еще одну шубу, так как ехали при -40° . В церквях стоял пар, стены «плакали», а народ в шубах упирался в ограду клироса. На следующий день служба совершалась уже в другой церкви, за 40 километров от первой. Исповедь приходилось делать общую. Это не так просто, а потом разрешать всех сразу. Большая чаша была очень кстати.

Оккупанты относились к нам вежливо, но требовательно. Новоржевский комендант собрал всех в Пушкинских Горах. Объявил, что некоторые лагеря военнопленных будут распущены, а их население вернется по домам. Как-то раз, выезжая из Острова, мы догнали группу людей, которые бежали из лагеря. Они спрашивали дорогу в Белоруссию, такую, чтоб немцев там не повстречать. Что мы могли им посоветовать? Между тем на востоке слышались взрывы. Туда на лошадях двигались подводы с аммуницией. Мы тогда еще не знали причины этого. Там шла оборона окруженных немцев у г. Холм. Позже, когда стала выходить газета «Псковский вестник», которая печаталась в Риге, что-то удалось узнать и нам. На страницах этой газеты появилось сообщение, что в Псков будет назначен епископ, назван даже кандидат на эту кафедру. В Сиверской оказался в оккупации проживавший там митрофорный протоиерей Николай Шенрок, вдовец. Он служил в Ленинграде на Волковом кладбище, но фронт закрыл для него въезд в блокированный город. Этот священник был вызван в Ригу, где митрополит Сергей (Воскресенский) (1898-1944), экзарх Прибалтики спросил его: «Мантия готова?» В ответ услышал: «Нет, владыко, еще надо поговорить!» Проблема была в том, что в блокаде находился митрополит Алексей (Симанский), а Псков был тогда городом Ленинградской области. Таким образом, старшим по сану остался в Пскове протоиерей Кирилл Зайц, но его первым заместителем стал о. Николай Шенрок. Он жил с семьей в Пскове и слу-

В 1942 г. накануне Великого Поста в Печанском храме были повенчаны 16 пар одновременно, когда вместо венцов были использованы иконки. Посещаемость церквей была огромная, храмы наполнялись полностью. Исповедь приходилось совершать общую, к чаше подходила большая часть молящихся. Время было тяжелое, военное...

Протоиерей Георгий Тайлов

жил в Троицком кафедральном соборе.

Была еще одна новость. Когда немцы ворвались в Тихвин, то там в монастыре, как музейный экспонат, хранилась чудотворная икона Тихвинской Божией Матери. Как мне рассказывали, во время боя храм загорелся, но один немецкий солдат, заметивший большую старинную икону, схватил ее и вынес из огня. Спасая икону, он был ранен и отправлен в Двинск (Даугавпилс) на лечение.

Немцы отправили икону в Псков и передали ее о. Н. Колиберскому, который в то время возглавлял Миссию. Чудотворная икона хранились у него в отдельной комнате и 1 января 1942 г. была перенесена в кафедральный собор.

Я же хотел новолетие встретить со своей семьей. Получил пропуск для поездки в Пыталово (латв. – Абрене), но в связи с затемнением сел не в тот поезд. Только в дороге заметил, что еду по Эстонии. Таким образом, я новый год встретил на станции Лигатне (Латвия). Наутро поезд на Пыталово привез меня на эту станцию, а там знакомый крестьянин отвез меня на своей лошади до Гавров, где осталась моя семья. Дома все было благополучно... После праздника я вернулся в Печане...

В Печанах свирепствовал тиф. Его занесли беглые военнопленные. Меня возили к больным. Вся изба лежит, соседи боятся зайти. Часть больных умирала, часть выздоравливала. Меня Бог хранил. В Гаврах я получил средство для дезинфекции. Следовало его применять после посещения больных.

По распоряжению руководства был освобожден дом священника. Я перебрался туда. Это был довольно благоустроенный дом. Внизу была кухня, кладовая, комната для прислуги, а наверху чистые комнаты и лежанка. Одну комнату я оборудовал себе под кабинет. Монахини перешли тоже в этот дом, готовили мне пищу и убрали помещение, топили его. Дров было достаточно.

Как известно, церковные правила предписывают священнику совершать таинство брака для каждой пары

Михайловское. Дом-музей А.С. Пушкина

бракосочетающихся отдельно. Но в 1943 г. в условиях Миссии, в Псковской области это было не всегда возможно. Приближалось время Великого поста, и в пятницу перед масленицей в Печаны приехало 17 пар молодоженов. Венцов не хватало, поэтому пришлось использовать иконки, которые шаферы держали над головами брачующихся. Молодые уехали с погоста под звук бубенцов под дугами. Это было необычное время, большинство молодежи было в армии, в плену, а остатки ее образовывали новые семьи на оккупированной территории. Как сложилась судьба этих семей, как долго судьба позволила им сохранять семейный очаг в условиях пожара войны? Но Божие благословение снизошло на них в Троицком храме погоста Печаны.

В Печанах, на первой неделе поста хотелось мне прочитать Великий канон прп. Андрея Критского, но там к этому не привыкли. Пришлось читать в сторожке, где вечерами собиралось только несколько человек.

Из Вороница я привез колокол, а второй отыскался в Гораях. Немцы отдали его как церковную собственность. В Гораях была школа, и этот колокол призывал к урокам. Его тоже повесили на колокольне Печанской церкви. На похоронах он плакал по усопшим.

Весной открылась школа. Я стал заниматься уроками Закона Божия. Ребят собралось немного, но занимались они усердно.

В Пушкинских Горах сгорела бывшая приходская церковь Св. Параскевы. Она была перестроена под клуб, собиралась там молодежь и по неосторожности произошел пожар.

В Пушкинских Горах было собрание учителей, на котором мы с о. В. Толстоуховым поделились своими мыслями насчет методики преподавания. Учителя большей частью молодые, комсомольского возраста.

Учебники по Закону Божию я привез из Риги, купив их у о. Николая Перехвальского, который еще до войны издал целый ряд учебников по Закону Божию для русских начальных школ в Латвии. Я купил у него целый комплект этих учебников.

Ездить в отпуск в Латвию для нас, миссионеров, было очень сложно. Даже с перепиской были большие трудности. Латвия, Эстония и Литва при немцах были объединены под названием Остланд. Там почта, телеграф и телефон работали нормально, как в довоенное время. Из Прибалтики письма можно было посылать в Псков по адресу Миссии, но дальше Пскова почта не шла. Русские люди все годы немецкой оккупации были лишены и телеграфной, и телефонной, и даже почтовой связи. Письма приходили к нам из Пскова с опозданиями и с большими опозданиями. Мы были оторваны от наших семей, и о. В. Толстоухов решил выписать семью из Двинска (Даугавпилса) к себе в село Велье. Я тоже решил последовать его примеру.

Его одноклассник, о. Феодор Ягодкин, священствовал в г. Красном. Он был женат на Ольге Адамовне, дочери епископа Александра (Витола), бывшего викарием Рижской митрополии. Там же в г. Красном жил, и отчасти служил, слепой протоиерей о. Алмазов (имени не помню). Он совершал лишь обедни и крестил людей.

Дорога в Красное лежала тоже через Остров. В Красном некогда было два храма. Уцелел один. О. В. Толстоухов из Велье вызвал еще в Ильинское и в Синюю Николу. В этих погостах люди тоже хотели молиться о мире всего мира. Но шла война, беспощадная и неумолимая...

Чудотворная Святогорская икона Божией Матери, явленная в XVI в. Фото 1910-х гг.

Святогорский Успенский мужской монастырь

Лето 1942 г. вступило в свои права. Мы отметили Пасху, Троицу. По договоренности с о. А. Ионовым съездили в Михайловское поклониться праху поэта, равнодушная природа праздновала свои праздники, сияя вечной красотой. На Троицу состоялось освящение Успенского собора в Святогорском монастыре.

Руководил этим о. В. Толстоухов. Ему сослужили священники из Новоржевского района и местные. Главный придел, где находился корень дерева, на котором блаженный Тимфеев нашел некогда икону Божией Матери «Святогорскую», был, елико возможно, торжественно освящен. В нем в дальнейшем совершались богослужения. Позже была найдена сама Святогорская икона, находившаяся на складе утильсырья. Я вернулся из поездки в Пушкинские горы. Лошадь была отправлена в Васильевское. Тогда мне сообщили: «За рекой партизаны!» В Ошиткове остановился отряд парашютистов, который ночами передвигался к границе с Латвией. Им командовал лудзенский комсомолец В. Самсон, позже награжденный званием Героя Советского Союза, его поставили после войны министром образования советской Латвии и ученым секретарем Академии наук

Святые Горы. Могила А.С. Пушкина. Фото 1899 г.

Опочка. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, где в годы войны служил прот. Георгий Тайлов. Фото 1965 г.

Латвийской ССР (ныне здравствует). Эти партизаны исполняли и функции карателей. Они арестовывали деревенских старост и «полицаев». Ночью на 4 июля они перешли на этот берег и через Печаны пошли дальше на запад. Меня переодели и спрятали в церкви. Из окон алтаря я наблюдал переправу. Партизаны пели «Катюшу». На утро Олимпиада открыла церковь и сказала, что у меня дома не тихо. Партизаны зашли в дом и взяли все продукты, белье и медикаменты, хранившиеся в квартире. Пропал мой серебряный иерейский крест и люстриновая ряса. Монахини, бывшие в это время в доме, наблюдали, как молодые еврейки «национализировали» все это добро. Я ожидал приезда семьи и кое-что для этого случая заготовил. Но судьба решила иначе... На утро прибыли немцы из Пушкинских Гор и по следам отряда проехали несколько километров, но в соприкосновение с «народными мстителями» не вошли, уехали на свою базу в Пушкинских Горах. Позже приехали офицеры и спрашивали, откуда были эти партизаны – местные или чужие, на что точно ответ нельзя было дать.

Через некоторое время, по договоренности с семьей, я собрался перевозить их в Печаны. Взял две подводы и двух грузчиков и выехал с ними в Латвию. Дорога была запутанная, сначала миновали Островский район, затем повернули в соседний Красногородский. Здесь леса уже патрулировали хорваты, вызванные немцами в связи с появлением

Остров. Симанский Казанский женский монастырь. Общий вид. Фото 1977 г.

*Летом 1943 г. я посетил Опочку, где действовал лишь один храм, и съездил для освящения двух храмов в Кудеверском районе, где за три дня крестил 365 детей. В г. Острове были восстановлены четыре церкви, из них одна в б. Симанском монастыре.
Протоиерей Георгий Тайлов*

партизан. Наши пропуска действовали. Когда мы подошли к границе, в деревнях Белоборье и Рудиновка нас ожидал сюрприз – немцы вызвали полицейские части из Германии, которые задержали нас и взяли с собой как переводчиков. Но... границы оказались на замке. Пограничники не пускали нас в Латвию. Нашли компромисс. Добился, чтоб из Латвии вызвали по телефону жену, она приехала на велосипеде. Я объяснил обстановку, и мы договорились, что недели через две она придет через Остров по железной дороге. Возвращались мы через Красное. Там навестили местного священника о. Никандра Горностаева, который недавно стал служить и обслуживал весь район. Через недели две я получил коня, линейку и выехал в Остров, где встретил жену и маленькую дочь. С лошадей не повезло. Пришлось по дороге ее менять – очень была слабая и голодная. Через некоторое время прибыла в Печаны и теща со старшей девочкой. Расположились мы в иерейском доме, благо помещений там было достаточно. С семьей съездили на поклон к А.С. Пушкину, осмотрели тригорский парк, скамью Онегина, дуб уединенный, ель, на которой висела звонкая свирель. Удалось приобрести комлатую корову, с короткими рогами, доить которую стала Нина, дочь слесаря из деревни Ошитково. Ее отец помогал при ремонте храма. Краску для ремонта приходилось покупать в Риге. Железная дорога бралась доставлять этот багаж до Острова. Остров от Печан отстоял на 36 километров. Здесь помогали подводки. Народ не имел вестей от своих сыновей и братьев, которые были мобилизованы. Я, собираясь в Ригу, обещал навеститься в лагеря военнопленных для справок о пропавших без вести. Когда я в Риге обратился в лагерь на улице Пернавас, мне в канцелярии пояснили, что военнопленные скрывают свои настоящие фамилии. Поэтому узнать об их судьбе что-либо было затруднительно, а может быть, совсем невозможно. Люди ждали мира, окончания войны, но оно еще было далеко. В Псковскую область направляли поляков для работы в организации Тодт и литовцев под ружьем для охраны тыла. Последние иногда покидали места расположения вместе со своими повозками и возвращались на свою родину. Поляки тоже не очень усердствовали. Также большого патриотизма не испытывали хорваты, призванные немцами. Они охраняли мосты, строили доты и дзоты (долговременные огневые точки и деревоземляные огневые точки).

Из всех приходивших района не посещенным оставалось Заклинье, расположенное в сторону Новорожева. Пришлось выехать туда. Храм не был восстановлен, но в Родительскую субботу там служил священник из соседнего прихода. У старосты на подоконнике сидела дочь – карлик со дня рождения. Вдали белела церковь в Ладине. Оставалось дать совет собирать средства для восстановления храма. Нормальная церковная жизнь шла в тех приходах, где были постоянные священники. Отец В. Толстухов вывез из Латвии свою семью, где был уже маленький ребенок. Но вскоре он переехал в Воронич, затем в Пушкинские Горы.

Позже область миссии разделилась на благочиния, и о. В. Толстоухов уехал в Дно. Пришлось мне принять его округ, в который входили районы: Пушкиногорский, Новоржевский, Опочецкий, Красногородский и Бежаницкий.

К 1943 году я служил в Печанах, готовясь Великим постом к Пасхе. Уже была построена новая сторожка у церкви, где расположились монахини. Пришлось увеличить и площадь кладбища. К Пасхе был взорван ближайший мост через р. Великую и в окрестностях появились калининские партизаны. С ними была тройка военного трибунала, который судил старост, «полицаев» или их родственников. Были расстреляны старосты Печан, Луферова и других деревень. В связи с невозможностью найти некоторых «полицаев» вместо них расстреляли их матерей. Некто Егоров, глава соседнего сельсовета, потерял свою жену на девятом месяце беременности.

Отслужив Пасху, я выехал в Остров вместе с женой. Дома осталась теща с ребенком. В городе было все спокойно. Помогал о. А. Ионову священник из Литвы о. Николай Миронович. С ним мы приняли участие в освящении Симанского монастыря. Этот батюшка, служа в Вильнюсе, конфликтовал с благочинным. Последний пожаловался на него архиерею и он определил его в Остров. О. Николай был энергичным священником, у него был обычай во время запричастного петь духовные стихи, которые народ исполнял во время крестных ходов. Был гостеприимен и вежлив, он жил на острове. Внешне он выглядел благолепно, но имел «польский гонор». В Литве у него оставалась разведенная жена и дети.

Летом 1943 г. мы перебрались в Пушкинские Горы, в квартиру, где жил о. В. Толстоухов, на Пушкинской улице. Квартира была маленькой, тесной, но иной не было. До этого, съездив в Вентспилс, мы вывезли с собой отсюда часть мебели, книги из нашей библиотеки. Все это прибыло по железной дороге через Остров еще в Печаны. Потом, когда жизнь там стала тревожной, часть мы увезли с собой, часть перевезли в Велье, где позже все погибло, так как

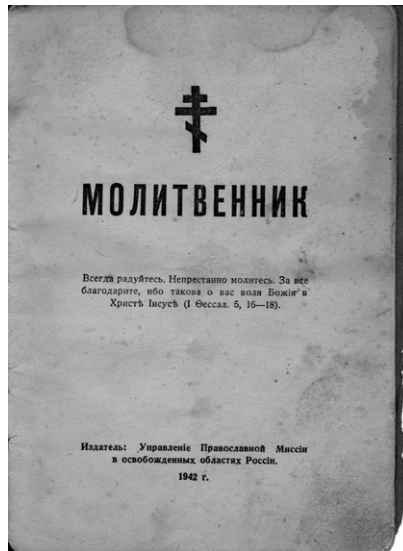
немцы сожгли одну деревню, из которой была обстреляна машина генерала.

К Пасхе 1943 г. в Пскове ожидали митрополита Сергия, отмечая два года работы Миссии. Экзарх Сергей прибыл, служил в соборе, крестный ход шел вокруг храма при звоне чудесных колоколов, была проповедь, а после нее трапеза в Кремле, где располагалось управление Миссии. На обе-

де присутствовали немцы и командир Гвардейского маршевого батальона РОА из Стремутки Сергей Никитич Иванов, радиоинженер, эмигрант из Берлина, и священник РОА архимандрит Гермоген (Кивачук), тоже из Берлина, принадлежавший к юрисдикции РПЦЗ, и потому недопущенный к сослужению в соборе, на котором начальник Миссии о. Кирилл Зайц был награжден званием протопресвитера (о. Кирилл до II Мировой войны был сотрудником «Православной Руси» и издал в типографии прп. Иова в Ладомировой брошюру «Церковь Бога Живаго – столп и утверждение истины» – *Ред.*)

В это время в Острове меня ожидала встреча с о. Борисом Стехновским, которого направили в мой округ. Он в свое время был священником в церкви Новосельского района, где «страха ради иудейска» отказался всенародно от веры и от священства. Его устроили на работу при атеистическом музее,

который в советское время находился во Псковском Троицком соборе. Во время оккупации он выдавал себя за художника, работал в мастерской Миссии. Когда узнали, что он имеет сан, уговорили его подать прошение на имя экзарха. Было назначено следствие. Свидетели показали, что Стехановский после отречения позабыл потребить Св. Дары. Староста, принимая храм и его инвентарь, это обнаружил. Обратились к Б. Стехановскому, но он заявил, что ничего не может сделать, но чтоб они поступили со Св. Дарами так, как это предписывают церковные правила – вшили бы их в чистую материю и потом сожгли, а пепел опустили бы в текущую воду. Это указание было выполнено. Экзарх посчитал, что отказ был внешним, вынужденным, и разрешил Стехановскому служить. Его направляли в Опочку. Но я уговорил владыку направить о. Б. Стехановского в Красное, а о. Никандра – в Велье. В Опочке служил о. Владимир (фамилии не помню), бывший регент архиерейского хора. Это я знал из своей поездки в Кудеверь, когда я заезжал по дороге в Опочку. Летом 1943 г. поступила просьба из Кудевери, где был храм, певчие, регент, монахини, но не было священника. Я выехал туда через Новгородку (Шанино), пересев здесь на немецкую машину, которая собирала танки, брошенные при отступлении в 1941 году. На этой машине я добрался до Опочки. Там в комендантуре я столкнулся с певчими из Теребень, которые хлопотали о пропуске туда, но переводчик – балтийский немец – считая, что у православных нет женщин в причте, а только у староверов, отказывал им. Я переубедил его, и женщины получили просимое. Далее следовал путь в Кудеверь. Там был храм Св. великомученика Георгия, превращенный в автогараж. К моему приезду его вымыли и прибрали. В первый день народу было немного, но в

Молитвенник, изданный в 1943 г. Псковской Духовной миссией

Село Теребени. Церковь Воскресения Христова

Опочка. Спасо-Преображенский собор. Рисунок 1910-х г.

понедельник собралось намного больше, и крестить пришлось на церковном дворе детей от рождения и до 14 лет. Так как на третий день я съездил в соседний приход на р. Алела, где был прекрасный храм, то за три дня я покрестил 365 детей. Приглашали ехать в Локню, к линии фронта, но там были партизаны, и я вернулся домой. Регент был беженец из-под Ленинграда, хор был сборный, но вполне достойный. В Опочке была только одна Покровская кладбищенская церковь, а вторая, в городе, бездействовала. В центре города был красивый Спасо-Преображенский собор, построенный в 1795 г. Его разрушили большевики, так как первомайские парады, устраивавшиеся в центре города, напоминали им церковные ходы вокруг собора.

Возвращаясь с матушкой из Пскова, мы приехали в Остров после начала комендантского часа. Мы решили ночевать на станции, но немецкий солдат, дежуривший на станции, сказал нам: «Идите в город, и если кто окликнет вас, скажите сегодняшний пароль – «Осло». Мы пошли, и около кладбища кто-то нас окликнул: «Пароль». Мы сказали: «Осло», и спокойно пошли дальше. Когда мы в городе достигли моста через Великую, часовой вызвал разводящего, который удивился нашему знанию военной тайны, но провел нас на остров, где мы ночевали у о. Алексея Ионова. В Пушкинских Горах появились новые знакомства. Прибыл туда переводчик, бывший рижанин Москаленно, любивший выпить, а я ему компании не мог составить. Позже приехала немецкая спецчасть – часть во главе с неким Зингером, нарвским немцем-полиглотом, владевшим языками Прибалтики. В комендатуре переводчицей работала одна русская из Нарвы, но потерявшая связь с родиной.

Незадолго до этого в Печаны из Пскова приехал начальник миссии о. Кирилл Зайц (1866-1948 – скончался в концлагере в Караганде). В Пушкинских Горах в церкви Казанской Божией Матери на кладбище на Тимофеевой горе он читал вместе с о. Иоасафом Дмитриевым акафист перед иконой Божией Матери Феодоровской.

О. И. Дмитриев был из местных священников. Советская власть выселила его из дома, и он жил в неотапливаемом сарае, страдая от мороза и сырости. Ему было 78 лет, но он продолжал служить.

Пыталово (Абрене). Храм свт. Николая Чудотворца (выстроен в 1931 г.)

По дороге в соседний приход его однажды задержали партизаны и угрожали ему расправой, если он не прекратит священствовать. Он скончался после войны и был похоронен на кладбище на Тимофеевой горе в Пушкиногорье.

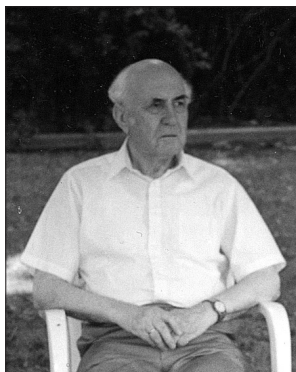
Мне тоже угрожали расправой. Однажды неизвестный человек передал мне записку на латышском языке, что после конца войны я буду судим. Под запиской стояла подпись «Elgavnieks», что значит – «житель города Елгавы». По окончании войны я не покинул родину, не считая себя перед нею виноватым и считая, что как священник, не имел права бросить свое духовное стадо. Меня действительно после конца войны арестовали, судили и осудили на 20 лет ИТЛ.

В Пушкинских Горах нас посетил известный рижский эстрадный квартет Гривского. Члены этого квартета удивлялись посещаемостью советскими людьми богослужений. Это же говорил мне и мобилизованный в Латвии сын нашего священника Носевича, служивший в саперных войсках.

Переехав в Пушкинские Горы, я продолжал посещать Печаны. Там у реки Великой начались фортификационные работы, к которым были привлечены местные жители. Это происходило еще летом и осенью 1943 года. Однажды я остался ночевать в сторожке и вскоре меня разбудил выстрел. Немцы стреляли в кого-то, кто пробирался к сторожке. Они вошли в избушку, но никого не нашли, извинились и ушли. Но работы по укреплению берега продолжались до отступления в 1944 г. Были разрыты могилы священников, погребенных у печанской церкви. Мои протесты не помогли. Дом, где я раньше жил, обратился в казарму. На противоположном берегу были сожжены все деревни, ибо там иногда появлялись партизаны. Дым пожарищ стелился над ним. Жители были выселены. Еще несколько ранее началась тотальная мобилизация. Молодых увозили в Германию на работы. Нину, дочь слесаря из деревни Ошитково, нам удалось задержать для домашней помощи. Уезжающих грузили на ст. Тригорское. Отец Дмитриев ездил к Мари Резицкой, спрашивал ее, ему уезжать? Она ответила: «Оставайся с нами!» Старик ее послушал. Но нас немцы предупредили, что придется уезжать от линии фронта. Я поехал в Псков, где миссионеры сидели на чемоданах. К ним присоединились беженцы из-под Ленинграда. Мне дали пропуск через границу. В феврале 1944 г. мы собрались и выехали на немецких машинах в Остров. Город был пуст. Нам указали пустой дом в городе, где мы переночевали. Деньги, взятые с собой, были забыты женой в машине. Документы возвращены. На следующий день мы выехали в Латвию в Гавры, где тещин дом нас принял. Там был запас дров и керосина. Так закончилось мое служение во Псковской миссии.

«Православная Русь». № 1, январь 2001 г.

ПСКОВСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МОЛОДЕЖИ ПРИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ

Полчанинов Ростислав Владимирович родился 27 января 1919 г. в Новочеркасске в семье полковника Русской Императорской армии, участника Белого движения. Окончил русскую 4-классную начальную школу в Сараево, учился в местной гимназии и на юридическом факультете Белградского университета. В 1931 г. вступил в Национальную организацию русских скаутов (НОРС), в 1934 г. – в общество «Русский сокол», в 1936 г. – в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). Осенью 1937 г. начал преподавать в Сараево в русской воскресной школе. В 1943 г. в Пскове, работая с псковской молодежью при Православной миссии, создал подпольный разведческий отряд НОРС. Был одним из главных руководителей подпольной работы НОРС в Европе в годы оккупации (1941-1945).

После прихода американцев в Нидерзахсверфен (Германия) продолжил легальную скаутскую работу с молодежью. Скаутмастер Организации российских юных разведчиков (скаутов) (ОРЮР). В октябре 1951 г. прибыл с семьей в Нью-Йорк, где работал рабочим на фабрике. В 1967–1983 гг. работал на радио «Свобода», в 1983 г. вышел на пенсию. Преподавал в русских приходских школах до 1979 г. Некоторое время был заместителем школьного инспектора

Синода Русской Православной Церкви (Заграницей). Для школ составил ряд учебников по истории и географии России, истории Русской Америки и русских в Америке и по истории русского искусства. В июне 1965 г. возглавил Историческую комиссию ОРЮР. Издает бюллетени «Страницы истории» и «В помощь руководителю». В июле 1987 г. возобновил издание журнала «Пути русского сокольства». В июне 1992 г. принимал участие в съезде ОРЮР в России. Проживает в Нью-Йорке.

В сочельник 1942 г. при Варлаамовской церкви на Запсковье Василий Васильевич Миротворский (погиб во время бомбардировки в 1944 г.) основал кружок молодежи, сперва только для совместного чтения Евангелия, а затем перешел на беседы на религиозные и национальные темы. В.В. Миротворский был «движенцем» из Печор (по-эстонски Петсери), т. е. членом РСХД – Русского Студенческого Христианского Движения.

Весной 1942 г. в Пскове были открыты три городские начальные школы, несколько платных частных и две церковные школы – Варлаамовская и Дмитриевская. В этих школах кроме отцов настоятелей, в первой о. Константин Шаховской и во второй о. Георгий Бенигсен (1915-1993), преподавали: В.В. Миротворский (до летних каникул 1942 г.), Константин Иосифович Кравченко (1918-1973), Раиса Иоанновна Матвеева, Надежда Гавриловна Одинокова, Зинаида Феодоровна Соловская и с марта 1943 г. автор этих строк – Ростислав Владимирович Полчанинов (р. 1919 г.). Может быть были и другие, но их имен нет в моих записках того времени.

Летом 1942 г. В.В. Миротворский организовал паломничество Варлаамовского кружка в Псково-Печерский монастырь. В кружке было 12 девочек 13-14 лет. Немцы дали пропуск на переход через границу зоны военных действий (Operationsgebiet), где находился Псков, в Печоры, входившие вместе со всей Эстонией в состав Остланда (Эстония, Латвия, Литва и часть Белоруссии), и даже разрешение на пользование железной дорогой, но В.В. Миротворский решил совершить паломничество, как полагается, – пешком, во всяком случае в один конец.

Из Пскова вышли рано утром, чтобы пройти за один день примерно 30 километров пути до Старого Изборска (по-эстонски Vana Irboska). Там переночевали у знакомых В.В. Миротворского. Изборская крепость XIV-XV веков

Псков. Варлаамовская церковь

выглядела очень хорошо, так как была реставрирована в царствование императора Николая I, и произвела на девочек сильное впечатление. Когда-то на Псковщине и до самого Господина Великого Новгорода жило славянское племя ильменских словен, и потому девять ключей, которые недалеко от крепости бьют прямо из плитяной горы, сохранили древнее название – Словенских ключей. Ключевая вода тоже понравилась девочкам, так как у воды, текущей через известняковые породы, особый приятный вкус, а псковский плитняк – разновидность известняка, из которого построены все церкви на Псковщине. Называется он «плитняком», потому что лежит плитами (пластами).

Показал В.В. Миротворский и так называемую могилу Трувора, которая находится на вершине городища. Это огромная каменная плита с двумя загадочными четырехугольниками и вкопанным в землю массивным каменным

Изборск. Крепость

крестом. Конечно, там похоронен не язычник Трувор, а кто-то другой, но такова легенда, сохранившаяся до наших дней. Для девочек, учившихся в советских школах, многое, что им рассказывал Василий Васильевич о первых князьях, о св. вел. княгине Ольге, о Пскове, было откровением.

На следующий день, перевалив горку, паломники увидели знаменитый Псково-Печерский монастырь, окруженный крепостной стеной с башнями, тоже сохранившимися лучше псковских.

Ночевали псковитянки в Печорах в доме, который раньше принадлежал РХСД. Местные русские встретили их как долгожданных гостей, вкусно кормили и одарили, чем могли.

Паломники вернулись в Псков из Печор по железной дороге. В России немцы прицепляли для русских к пассажирским поездам товарные вагоны с надписью на двух языках: «Für Einheimische – для здешних». Подобного унижения для жителей Прибалтики не было, к поездам вагонов «для здешних» не прицепляли, и псковские девочки вернулись домой в удобных пассажирских вагонах.

В.В. Миротворский стал человеком-легендой. О нем мне рассказывали даже те, которые его лично не знали. Паломницы делили свою жизнь как бы на три части – советскую, со своими радостями, но и горестями (почти в каждой семье были репрессированные, и советская власть у девочек симпатиями не пользовалась), на сказочные дни паломничества в Изборск и Печоры и на тяжелые будни в оккупированном немцами Пскове, наступившие после их возвращения.

Василий Васильевич понравился не только девочкам, но и их мамам и бабушкам. По их совету девочки вышли

ему в подарок русскую рубашку. Василий Васильевич был в восторге, поспешил к фотографу чтобы сняться в подаренной ему рубашке, и заказал 12 фотографий, каждой девочке на память.

После отъезда В.В. Миротворского в г. Вильно, в Духовную семинарию и перевода о. Константина Шаховского в другой приход, школа и кружок молодежи при храме Св. Варлаама Хутынского перестали существовать, но девочки принимали участие в жизни Содружества.

Раиса Ионовна Матвеева, вдова известного общественного деятеля и председателя НТС в Нарве (Эстония) – Леонида Дмитриевича Рацевича (1912-1941), расстрелянного большевиками, тоже движенца, а также и бывшая герль-гайда (разведчица) руководила группой молодежи при соборе. Ей очень нравился общий гимн для гайд и скаутов-разведчиков – «Будь готов, разведчик, к делу честному...», и она научила ему свое звено старших, которому он тоже понравился и был принят ими как гимн их звена.

Вскоре после приезда во Псков я посетил сбор этого звена и принес показать небольшой альбом фотографий лагеря варшавской дружины в Свидере в 1942 г. Показывая альбом, я рассказывал о работе с русской молодежью в Варшаве. Рассматривая фотографии, девушки говорили мне, что и у них было так же.

– Где? – спросил я.

– В Артеке.

– А ты там была?

– Нет, не была.

Оказалось, что никто там не был. Сбор кончился. Мы спели «Будь готов».

– А откуда вы знаете эту песню? Ведь это наш гимн! – спросила одна девушка.

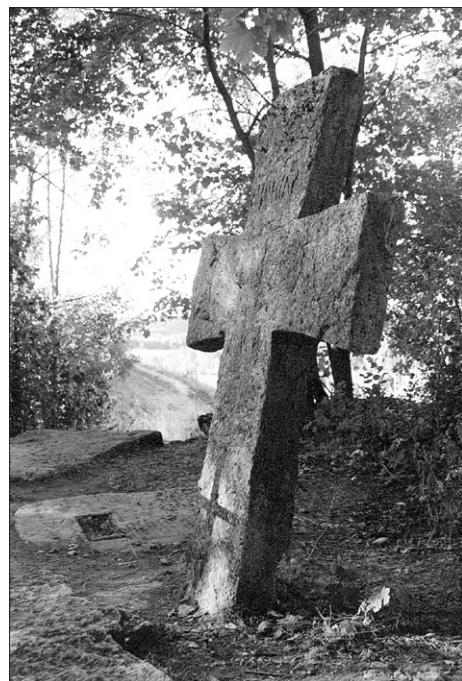
Это ваш и наш гимн. Ведь вы поете: «Будь готов, разведчик...»

– А почему бы нам не быть разведчицами? – спросили сразу несколько девушек.

– Сейчас это еще рано, – уклончиво ответил я.

Но девушки настаивали, расспрашивая, почему «рано», почему «нельзя» и в конце концов обиделись на меня. Потом, когда мы ближе познакомились и я смог с

*Изборск.
Труворов крест*

*Изборск.
Словенские ключи*

ними быть более откровенным, я им объяснил, что организация, которая по традиции с царского времени называется организацией разведчиков, именно как организация запрещена немцами, и поэтому надо быть во всем очень осторожным. Девушки поняли, перестали сердиться, и наши отношения стали еще более близкими. Потом я кое-кого принял в организацию. У меня дома, без свидетелей, перед маленьким русским значком-флажком, девушки давали торжественное обещание разведчиц, и я им давал лилии со св. Георгием, которые я привез для этой цели из Варшавы. В знак того, что они порывают со своим пионерским прошлым, несколько девушек отдали мне свои пионерские зажимы (В 1930-х гг. пионеры не завязывали свои галстуки узом, а соединяли два конца специальным зажимом).

Я приехал во Псков в марте 1943 г. на должность преподавателя Закона Божия в Дмитриевскую школу в помощь настоятелю о. Георгию Бенигсену, который был перенагружен разными делами – приход, приют, школа, беседы с молодежью и выступления по радио.

Кладбищенская церковь Св. Димитрия была последней действующей церковью во Пскове. Ее открыли, и в ней стал служить приехавший на Пасху 1942 г. о. Георгий Бенигсен, организовавший сразу и приют для сирот и школу. В приют первое время было 137 человек, но к моему приезду осталось около 50 человек детей от 6 до 13 лет. Руководство приютом о. Георгий поручил Н.Г. Одиноковой – тете Наде, как ее звали дети. Покровителя приюта о. Георгий нашел в лице начальника WiKado (Wirtschaftskomando) – хозяйственного коменданта-немца по фамилии Бруно. Он был в I Мировую войну офицером русской царской армии, был большим русофилом и чем мог, помогал приюту. Он выделял для приюта дополнительное питание, включая молоко и жиры, которое русскому населению по

карточкам не полагалось. По карточкам русские получали только хлеб, картошку, соль и спички.

Первое время о. Георгию помогал в школе В.В. Миротворский, а после его отъезда З.Ф. Соловская и К.И. Кравченко, который не всегда мог приходить на занятия, так как его часто посылали по хозяйственным делам Миссии в другие города Псковщины.

В первый же день о. Георгий Бенигсен, представив меня старшему классу, оставил меня проводить урок, а сам пошел по другим делам.

По Закону Божию в этом классе мы проходили Божественную литургию по «Церковному календарю на 1943 г.», который составил о. Н.Н. Трубецкой. В этом календаре ему же принадлежал и материал, по которому я вел занятия. Следующий урок оказался свободным и меня попросили остаться с классом. Я спросил ребят, что они делали раньше на пионерских сборах, но ничего интересного от них не услышал. Я попросил их спеть мне какую-нибудь песню, ребята пошушукались и дружно спели какую-то не очень веселую песню, явно дореволюционного времени, начинавшуюся словами: «Наша школа небогата», потом ребята спели советскую детскую песню «Мы едем, едем, едем в далекие края», потом «Веселый ветер». Эту песню я знал и пел с ними вместе, но после этой песни они умолкли. Я их спросил про замечательную пионерскую песню «Крутыми тропинками в горы...», которой, оказалось, они не знали, и спросили меня, откуда она мне известна. Я им рассказал, как «Радио Москва» регулярно разучивало со своими слушателями новые песни. Я сказал, что у меня радио не было, но кто-то имел, разучил и потом меня научил. Оказалось, что и у ребят ни у кого радио не было, и их никто не научил петь эту песню. Потом я разучил с ними эту песню, а они научили меня некоторым песням, которых я не знал, но это все было потом. На этот раз я спросил их, что они пели на пионерских сборах. Ребята меня перестали стесняться и дружно, вместе со мной, спели «Тачанку». Я почувствовал, что между нами завязалась не простая, а особая дружба «заговорщиков». С этого момента я стал для них «свой».

Первые месяцы в церковные школы поступило много детей старше 14 лет, чтобы не идти к немцам на работу, так как учащиеся церковных школ не брались на учет немецкой

Биржей труда и через школы получали свои продовольственные карточки. Но осенью 1942 г. Биржа труда взяла на учет всех учеников церковных школ старше 14 лет, и они уже не могли больше посещать уроки. Число учащихся в церковных школах резко сократилось.

В конце апреля 1943 г. во Псков прибыл митрополит Сергей (Воскресенский). Пасха падала на 25 апреля, и митрополит посещал в

Р.В. Полчанинов. 1942 г.

Псково-Печерский монастырь. Вход в «Богом зданные пещеры»

Митрополит Рижский Сергей выходит из кладбищенской церкви Св. Димитрия Солунского вместе с настоятелем о. Георгием Бенигсенем во время посещения Пскова. Пасха 1943 г. (25 апреля). Фото Р.В. Полчанинова

пасхальные дни псковские приходы. Посетил он и Дмитриевский приход, приют и школу. По этому случаю Варлаамовцы и Соборная группа молодежи устроили в помещении Дмитриевской школы спектакль. Ставилась пьеса «Лгунишки», пелись песни и декламировались стихи. Перед спектаклем в Дмитриевской церкви был молебен, а молодежь встречала и провожала Владыку, устроив шпалеры от входа на кладбище до самого храма. В помещении школы по случаю посещения Владыки был выпущен первый, и, увы, последний, номер стенгазеты Варлаамовского звена – «Возрождение». Владыка остался очень доволен работой с молодежью.

14 мая в местной газете «За родину» была в отделе хроники напечатана небольшая заметка: «На днях в приюте Дмитриевского прихода состоялся детский праздник, в котором приняли участие свыше 200 детей разного возраста. Здесь были дети Дмитриевского и Варлаамовского, а также и Соборного приходов.

Праздник начался в 11 ч. утра. Предварительно был отслужен краткий молебен. После перерыва, в три часа, началась художественная часть.

Струнный квартет исполнил русские национальные песни. Были исполнены также русские танцы, и многие дети декламировали стихи.

В заключение был зажжен костер, вокруг которого детишки с особенным увлечением играли и пели.

К этому надо добавить, что «детский праздник» состоялся 6 мая, в день св. Георгия, небесного покровителя организации российских разведчиков. И еще, о чем умолчала немецкая газета на русском языке, а именно, что на дворе приюта была вкопана мачта и на ней был поднят впервые после ухода белых из Пскова в 1919 г. бело-сине-красный флаг.

Русский флаг не был запрещен немцами, многие псковичи носили на костюмах бело-сине-красные значки, которые делались в Риге и свободно продавались во Пскове, но немцы и не поощряли национальной символики. У флага была своя долгая и интересная история. Его хранил все советское время один прихожанин Дмитриевского прихода, зашитым в матрац, и передал его о. Георгию Бенигсену. Флаг был поднят о. Георгием на его собственный страх и риск, но все обошлось благополучно.

После молебна и поднятия русского флага, к молодежи с коротким словом о св. Георгии обратился гость-офицер РОА.

Официальной причиной «Детского праздника» было празднование дня Ангела всеми любимого и уважаемого о. Георгия, и немцы не могли догадаться, что для кого-то этот день мог иметь еще и другое значение.

Хоть в газете и было написано, что был костер, но его не было. Я должен был сложить и зажечь костер, но меня, из-за какого-то пустяка, задержала полиция, и о. Георгий продолжил намеченную программу без зажигания костра.

Конечно, о. Георгий знал, что его день Ангела служит прикрытием, но не возражал. Движенцы из Латвии и Эстонии тоже знали, что к чему, знал и кое-кто из ребят.

Незадолго до дня св. Георгия я провел в узком кругу КДВ – курс для вожаков. Я надеялся от отрядной системы перейти к звеньевой, но должен признаться, что это мне не вполне удалось. Все девушки были очень милые, исполнительные, но без инициативы, без амбиций и без руководительской жилки в характере.

Когда в мае 1943 г. даже дети старше 12 лет были объявлены трудообязанными и церковные школы были, в связи с этим, закрыты, митрополит Сергей, высоко оценивший работу с молодежью, учредил 15 мая «Стол по распространению христианской культуры среди молодежи». Начальником Стола был назначен о. Георгий Бенигсен, а я был его ближайшим помощником.

В книге С.И. Колотиловой и других «Псков. Очерки истории» (Лениздат, 1971 г.) на стр. 286, говоря об учреждении Стола, было сказано: «Таким образом НТС мог активно использовать влияние Церкви не только в Пскове, но и на всей подведомственной Миссии территории», и далее: «Среди молодежи Пскова активизировала свою деятельность профашистская белоэмигрантская организация Национально-трудовой союз (НТС). Многие члены управления Псковской православной миссии являлись ее активными деятелями».

Здесь что ни слово, то ложь. Из примерно 200 работников Миссии членами НТС было не более десяти. НТС не была не только «профашистской» организацией, но была организацией антифашистской и преследуемой нацистами. Известно, что в 1942 г. в Гатчине было арестовано и расстреляно несколько членов НТС из бывших военнопленных, в 1943 г. был расстрелян руководитель НТС в Литве – Андрей Рисов, и не один, но массовые аресты членов НТС начались в мае 1944 г. в Германии.

Вечером 22 июня 1943 г., по случаю годовщины начала войны, был сильный налет советской авиации. Немецкие зенитки защищали город, особых разрушений не было, но сильно пострадал приют. Не было ни убитых, ни раненых, но приюту пришлось переселиться в Мирожский монастырь. Школьное здание сохранилось и там устраивались сборы кружков, пока о. Георгий Бенигсен не получил разрешение использовать второй этаж колокольни для сборов молодежи. Первый этаж был занят свечным заводом, а второй был в очень запущенном состоянии. Привести его в порядок взялась Раиса Ионовна Матвеева.

Среди школьных и внешкольных работников она выделялась своим умением и энергией, и девушки ее очень любили. В августе 1943 г. Раиса Ионовна со своими девушками привела второй этаж колокольни в человеческий вид. Эта большая комната стала местом нашей внешкольной работы и не только с нашими бывшими школьниками, но и с более старшей молодежью. Для младших на колокольне устраивались сборы, а для старших был создан литературный кружок с чтением докладов.

С варлаамовцами я пытался выпустить второй номер

«Возрождения», но он ко дню открытия, назначенного на 1 сентября, не был готов, и я выпустил стенгазету «Заря». Весь номер, кроме передовицы, состоял из газетных вырезок. Моей целью было расшевелить редакцию, что мне и удалось. Было выпущено то ли еще один, то ли еще два номера. Они у меня не сохранились, но у меня сохранился последний номер «Стенгазеты Литературного кружка» от 25 января 1944 г., с критикой предыдущего номера.

О работе Миссии с молодежью одна из девушек, Мира Яковлева, писала спустя много лет («Псковская правда», 1 января 1994 г.): «Нам нужны были мудрые наставники. Мы обрели их совершенно неожиданно. Все для нас было ново. Мы научились слушать церковную службу, все вместе справляли праздники православного календаря. К нам приходило осознание того, что мы – русские, а значит, православные, какими были наши прадеды. Это было наше маленькое духовное братство. В этом братстве не было старших и младших, были просто люди опытнее, образованнее, мудрее нас. Верили ли мы тогда в Бога, сказать трудно. Но с момента соприкосновения с верой наших духовных учителей, которых мы почитали, у нас возникло и развилось понимание того, что нет истины, чем та, что заключена в Православии и нет ничего красивее Русской Православной Церкви. Это осталось на всю жизнь». Свою небольшую статью о Православной миссии Мира Яковлева закончила словами: «Мы навсегда потеряли своих друзей и наставников. Но счастье, что братство было, что мы встретились с прекрасными людьми, что они показали нам свет».

14 января 1944 г. Красная армия под Ленинградом перешла в наступление. Немцы начали отступать, но от псковичей это скрывалось, пока на улицах Пскова не появились спасающиеся бегством немцы. После этого немцы начали готовиться к эвакуации Пскова. Вывозили они все, что только можно было вывезти. Даже выкапывали зарытые в землю кабели. Православная миссия получила приказ готовиться к эвакуации.

Работа Псковской миссии велась только два с половиной года, и люди сегодня удивляются, каким громадным религиозным подъемом сопровождалась ее деятельность. Даже дети, воспитанные в антирелигиозном духе, почувствовали себя православными, и это у них осталось на всю жизнь.

Приказ об эвакуации был для меня трагедией. Надо было уходить на Запад. Вероятно, такую же трагедию пережили в 1920 г. и мои родители, покидая родину. Получив увольнение с работы в Миссии, я сразу же покинул Псков. Перед отъездом был у нас прощальный сбор. Я дал всем адрес проживавшего в Берлине Дейки (Андрея Николаевича) Доннера (род. 1923 г.), которого я хорошо знал по разведческим лагерям в Югославии, сказав, что через Берлин они смогут связаться со мной, а через меня и друг с другом.

С женой и тещей мы покинули Псков 8 февраля, а на 18 февраля была назначена немцами эвакуация

Псков. Церковь вмч. Димитрия Солунского, при которой в годы войны действовал приют свящ. Георгия Бенигсена

Православной миссии и многих других гражданских учреждений. Павел Васильевич Жадан (1901-1975) в своей книге «Русская судьба» пишет: «18 февраля 1944 года был первый налет советской авиации на Псков. Потом налеты продолжались, но с меньшей силой. Они причинили серьезные разрушения и парализовали жизнь города».

Добавлю от себя, что немцы оставили город совсем без противоздушной обороны, забрав прожектора и зенитки в Германию. Советская же авиация систематически разрушала город, не трогая, правда, Омских казарм, оставленных целыми и невредимыми для зимних квартир Красной армии, и некоторых других зданий, которые отступавшие немцы не успели взорвать, среди них Пушкинский театр и Дом советов, построенный в XIX веке для Псковского кадетского корпуса.

Я возвращался в Псков в мае 1944 г. за книгами, которые я собирал по развалинам города для пополнения беженской библиотеки в Риге. Крепко стояли древние храмы, а деревянные дома, в том числе и домик Пушкина, разваливались,

как карточные домики, от воздушных волн, сопровождавших бомбовые удары.

Каменные здания на Великолуцкой (Советской) улице были превращены в груды кирпичей. Каким-то чудом уцелела только Старая почта (1795 г.) и церковь Архангела Михаила (XVI в.).

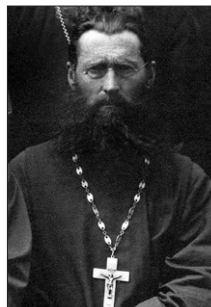
С эвакуацией Пскова и ликвидацией Псковской миссии работа с псковской молодежью не прекращалась все годы войны. Но это уже другая тема.

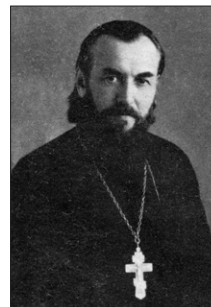
Псков. Церковь великомученика Димитрия Солунского на Мирносицком кладбище. Современный вид

«Православная Русь». № 1, январь 2001 г.

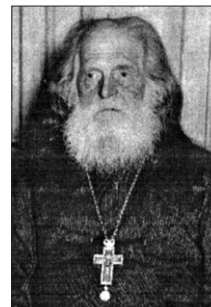
МИССИОНЕРЫ И ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДА, СЛУЖИВШИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

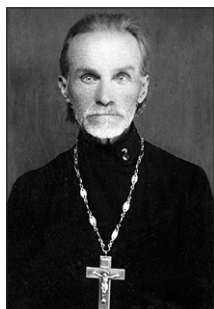
Прот. Кирилл Зайц

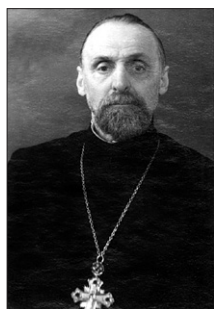
Прот. Иаков Начис

Прот. Николай Шенрок

*Прот. Евгений
Яхнтов*

*Свящ. Владимир
Соколов*

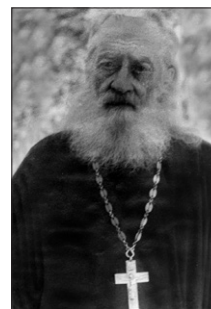
Свящ. Сергей Каргай

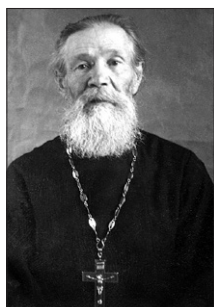
*Свящ. Ростислав
Лозинский*

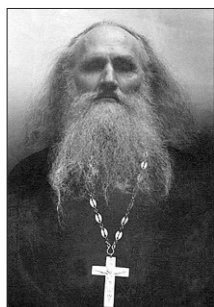
*Диакон Петр
Натаров*

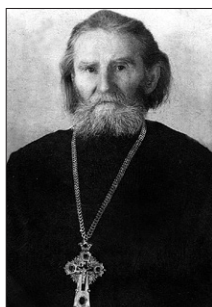
*Прот. Алексий
Азиатский*

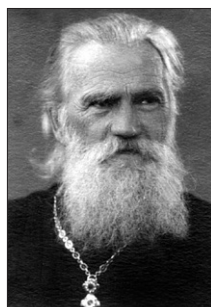
*Прот. Геннадий
Городецкий*

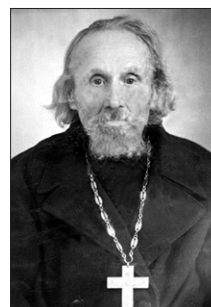
Прот. Петр Жарков

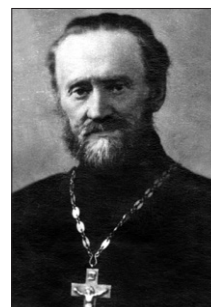
*Прот. Феодор
Забелин*

Прот. Модест Лавров

*Прот. Михаил
Образцов*

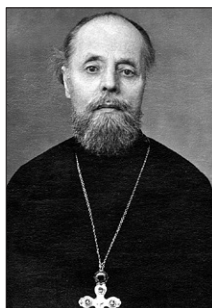
*Прот. Димитрий
Осьминский*

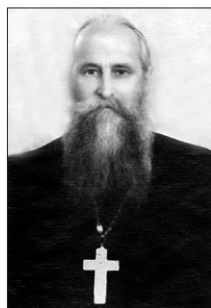
*Иеросхимонах
Серафим Вырицкий*

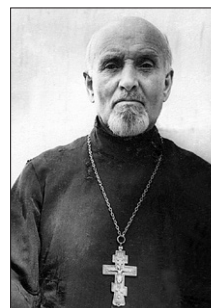
*Иеромонах Афиноген
(Агапов)*

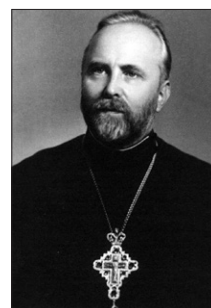
Свящ. Иоанн Андреев

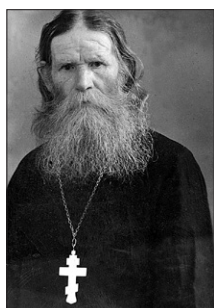
*Свящ. Николай
Аннинский*

*Свящ. Василий
Апраксин*

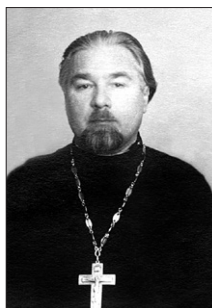
*Свящ. Ливерий
Воронов*

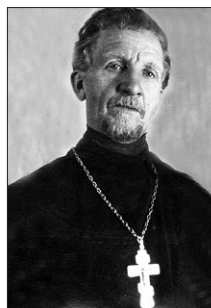
Свящ. Алексий Маслов

*Свящ. Иоанн
Молчанов*

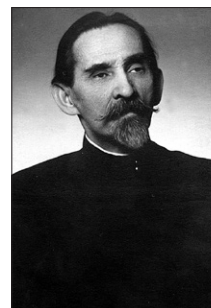
*Свящ. Иоанн
Преображенский*

Свящ. Сергей Сапунов

*Протоиерей Феодор
Юдин*

*Диакон Михаил
Яковлев*

*Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь.
Вид с высоты птичьего полета*

Пещеры монастыря

